

Сутрадхара. Есть в южных краях, в стране Видарбха, город Падмапура. В нем живут брахманы из рода мудреца Кашьяпы, умудренные знанием «Яджурведы» — книги о святых жертвоприношениях, почитающие пять священных огней, освящающие всех, с кем общаются, пьющие сому и твердые в обетах, преданные Брахме и зовущиеся удумбарами.

Истину в ведах священных находят,
Лишь величайшего блага желают,
Жертвуют нажитым честно богатством,
Долго живут, чтобы дольше молиться.

Внук славного Бхатта Гопалы, чья память священна, отпрыск этого славного рода, сын Нилаканты, чья слава безупречна, Бхатта Шрикантиха, более известный под именем Бхавабхути, сын благородной Джатукарни, наделенный поэтическим даром, питает неизменное чувство дружбы к актерам и поэтому жертвует нам свое творение, обладающее почти всеми достоинствами хорошей пракараны. Вот как сильно сказано им:

Если даже слывят знатоками хулители,
Не для них сочиненья мои предназначены,
Потому что ценитель однажды появится
На бескрайней земле в нескончаемом времени.

К тому же:

Не помогут ни веды, ни упанишады, ни санкхья, ни йога,
Никакая наука не в силах помочь, если действо хромает.
Мощь словесная, речь безупречная, смысл бесконечно

глубокий,—

Вот призванье поэта, его дарованье, наука поэта.

Вот поэтому я и намерен всех, кто сюда собрался по случаю шествия Калаприянатха, порадовать представлением сочиненной Бхавабхути пракараны о Малати и Мадхаве, дружески подаренной нам достойнейшим.

Актер (*с удовлетворением*). Ваше повеление будет исполнено. Ведь вы, наверное, уже распределили роли и показали всем сотоварищам, что и как надобно делать. Вам самому роль первая досталась — буддийской странницы, старой Камандаки, а мне — ее ближайшей ученицы Авалокиты.

Сутрадхара. Так! А дальше?

Актер. А дальше я спрашиваю, как быть с ролью Мадхавы, возлюбленного Малати и героя пракараны?

Сутрадхара. А это мы решим, когда появятся на сцене Калахамса и Макаранда.

А к т е р. Так что ж, приступим и покажем собравшимся здесь зрителям наше представление.

С у т р а д х а р а. Отлично. Вот я обращусь в Камандаки.

А к т е р. А я стану Авалокитой.

Оба поворачиваются и уходят.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

В и ш к х' а м б а к а

Затем появляются они в ролях Камандаки и Авалокиты, облаченные в шафранно-красные одежды.

К а м а н д а к и. Доченька Авалокита.

А в а л о к и т а. Да повелит почтенная!

К а м а н д а к и. Должно быть, все-таки состоится давно задуманный союз Малати и Мадхавы, детей блистательных министров Бхуривасу и Девараты.

(Изображая подергивание левой брови, с радостью.)

Левое дрогнуло веко!

Это к добру, несомненно.

Левое веко сегодня

Дрожью сулит ликование.

А в а л о к и т а. Душа почтенной преисполнена тревогой за их союз! И вот что еще удивительно, что сам Бхуривасу обратился за помощью к тебе, носящей эту ветхую рясу, страннице, питающейся лишь тем, что бросят ей в плошку. Удивительно и то, что ты, избавившись от уз земных, препятствующих спасенью, так близко к сердцу приняла это дело.

К а м а н д а к и. Не надо, не надо так говорить, милая.

Это дело мне вверено другом достойнейшим,

И была бы я жизнью готова пожертвовать,

Лишь бы только сбылось наше давнее чаянье

И была бы достигнута цель долгожданная.

Да ведь ты, наверное, не знаешь, что мы, живущие пыне в разных странах, учились вместе. Однажды Бхуривасу и Деварата при мне и Саудамини поклонились: «Непременно мы детей наших свяжем брачными узами!» Хорошо поступил достойный Деварата, министр царя Видарбхи, что послал своего сына Мадхаву из Кундинапура сюда, в Падмавати, учиться логике.

О клятве напомнить он другу решил.
Поэтому сына послал он сюда.
Достойному юноше тоже пора
На мир посмотреть и себя показать.

Авалокита. Но почему же Бхуривасу не выдаст сам Малати за Мадхаву, а вмешивает достойнейшую в затею с тайной свадьбой?

К а м а н д а к и

Ласкатель царёв, государев любимец,
Устами царёвыми Нандана просит красавицу в жены.
Отказом разгневать недолго владыку.
Избрали мы путь безопасный, сулящий нам благо.

Авалокита. Но как же не удивляться! Бхуривасу так невозмутим, как будто ему неведомо и имя Мадхавы!

К а м а н д а л а. А это, милая, одно притворство. Ведь

Малати чувства не скроет,
Мадхава неосторожен,
И не открыл Бхуривасу
Юным свой замысел тайный.

И еще потому, что

Этой любовью взаимной
Вызваны разные слухи.
Это нам на руку тоже:
Перехитрим государя!

Сама посуди:

Себя не уронит разумный, достойно ведет он себя;
Скрывая свои помышленья, таит он стремленья свои;
В своем равнодушьи притворном соперника перехитрит,
И, как полагается, молча достигнет он цели своей.

Авалокита. Как ты и велела, я под всякими предложениями заставляла Мадхаву прогуливаться по той царской дороге, что проходит прямо под окнами дворца Бхуривасу.

К а м а н д а к и. Лавангика, кормилица Малати, уже мне рассказала:

Из окна с высоты посмотрела на улицу Малати,
И увидела дева: гуляет по улице Мадхава.
Так, наверное, Рати глядела на Каму воскресшего.
И, любовь затаив, истомилась прекрасная Малати.

Авалокита. Все это точно так. Она даже нарисовала себе в утешение портрет Мадхавы, а сегодня Лавангика взяла этот портрет и отдала Мандарике.

Камаандаки (*подумав*). Умно поступила Лавангика — ведь слуга Мадхавы Калахамсака влюблен в Мандарику, монастырскую служанку. Лавангика хочет, чтобы портрет дошел до Мадхавы и еще пуще разжег бы огонь любви.

Авалокита. Разжегши любопытство Мадхавы, я побудила юношу пойти в сад Маданы, сладостного бога, — ведь сегодня начинается праздник во славу Маданы. Непременно пойдет туда и Малати — пусть они там встретятся.

Камаандаки. Хорошо, милая, хорошо! Своим усердием к моим пачинаниям ты словно бы моя прежняя ученица Саудамини.

Авалокита. Это та, что обрела дивную волшебную силу и теперь на горе Шрипарвата блюдет обет капалики?

Камаандаки. Откуда такая весть?

Авалокита. Есть в нашем городе обширное кладбище, а там высится капище Чамунды, которой поклоняются здесь под именем Каралы.

Камаандаки. Рассказывают смельчаки, что в жертву ей приносят живых существ — людей, животных и прочих.

Авалокита. Там живет могущественная ученица украшенного черепами Агхорагханты, жаждущего овладеть с помощью заклятий верховной властью. Явился он с горы Шрипарваты и поселился, бодрствующий по ночам, в роще неподалеку от кладбища. Вот откуда эта весть.

Камаандаки. Да, с Саудамини случиться может всякое.

Авалокита. Вот и всё об этом. А если бы еще Макаранда, с младенческих лет друг Мадхавы, женился бы на Мадаантике, сестре Нанданы, то Мадхаве это было бы приятно.

Камаандаки. За этим присмотреть я поручила Буддхаракшита, ее милой подруге.

Авалокита. Прекрасно поступила достойнейшая.

Камаандаки (*подумав*). Теперь пойдем, — узнав о Мадхаве, посмотрим, чем занята Малати.

Обе встают.

(*Как бы размышляя.*) Весьма высокого рождения Малати, и потому, коль я взялась за это дело, надо нам его искусно осуществить.

Да будет он счастлив, да будет красавица счастлива с ним!

Так лотос холодной ночью луна поцелуем целит.

Да будет оно плодоносно, искусство благое творца!

Да сбудется все, что мне сердце всеведущее предрекло!

Обе уходят.

Конец вишкхамбаки

Входит Калахамсака с портретом Мадхавы, посланным Малати в подарок возлюбленному.

К а л а х а м с а к а. Где бы мне разыскать благодетеля Мадхаву, смутившего душу Малати красой, заставившей померкнуть красоту самого бога любви? (*Сделав несколько шагов.*) Отдохну-ка я в этом саду, а уж потом разыщу благодетеля Мадхаву, усладу Макаранды. (*Садится.*)

М а к а р а н д а. Мне Авалокита сказала, будто Мадхава направился в сад Маданы. Ну, что ж, зайду сюда и я. (*Входит, осматривается.*) О, благодарение судьбе — сюда идет мой друг. Но что за вид у него!

(Изображая.)

Медленно шествует он; увядает он, мрачный и скорбный.
Он беспрестанно вздыхает, неведомым горем томимый.
Всюду любовь, и страдает везде беззащитная юность.
Нежный и пылкий пропал: уязвимых казнит Камадева.

Появляется Мадхава как раз в таком виде.

М а д х а в а
(про себя)

Ненаглядной луною навеки прельщенная,
Безвозвратно душа меня, видно, покинула:
Забывая приличия, бредит, бесстыдная:
Предаваясь мечтаньям, вконец обезумела!

И разве не удивительно:

Увидала душа ненаглядную Малати,
И воспрянула, как бы амритой омытая,
А потом разболелась душа моя скорбная,
Сжалась, будто потрогала уголь пылающий.

М а к а р а н д а (*направляясь к нему*). Сюда, сюда, Мадхава!
М а д х а в а (*подходя*). Как оказался здесь мой друг Макаранда?

М а к а р а н д а. Солнце беспощадно палит! Давай зайдем в этот сад и посидим немного.

М а д х а в а. Если хочешь!

К а л а х а м с а к а (*наблюдая встречу Мадхавы и Макаранды*). Вот и сам благодетель Мадхава вместе с Макарандой украсили собою сад, полный юных деревьев бакула. Теперь я покажу Мадхаве его подобие, доставляющее счастье взору Малати, истерзанной страданиями любви. Хотя... пусть пока насладится отдыхом.

Макаранда. Присядем здесь, под канчапарой, напоившей сад свежителным благоуханием своих цветов.

Оба усаживаются.

Друг мой Мадхава, вижу, что ты, благодетель мой, стал каким-то другим с тех пор, как вернулся с прогулки в сад Камы, бога любви, где все еще длится радостный праздник в его честь, собравший красавиц со всего города. Уж не задела ли тебя слегка стрела Разжигающего страсть?

Мадхава смущенно потупляет голову.

(Улыбаясь.) Что ж ты стоишь, склонив сладчайший лотос твоего лица? Ты ведь знаешь, что

Бог, рожденный в душе, поражает безжалостно
Всех, кто мраком и светом объят в мироздании.
Он, творца не помиловав, ранит всевышнего,
И, поверь мне, стыдиться влюбленному нечего.

Мадхава. Почему бы, друг мой, не рассказать тебе об этом? Что ж, слушай, что случилось. Пошел я в храм бога любви после того, как Авалокита разожгла мое любопытство. Вдоволь нагулявшись и насмотревшись, я устал и остановился подле рощицы юных бакула, росших на берегу пруда — прекрасном месте для прогулок — осыпанной, словно драгоценными украшениями, гроздьями бутонов, покрытых роями пчел, привлеченных сладостно-хмельным благоуханием. Собрав с земли опавшие полураскрытые бутоны, начал я сплетать венок с затейливым узором. Вскоре из храма вышла какая-то красавица благородного облика, окруженная множеством слуг. И была она словно стяг, украшенный рыбой, — знамя бога любви, возглашающее победу его над миром, меж тем одежды и наряды ее говорили о девичестве.

Как богиня, царит она в мире чарующем.
Бог любви, создавая такую красавицу,
Перевил волокнами тонкими лотоса
Лунный свет, напоенный амритой живительной.

Когда же преданные ей служапки, страстно желавшие развлечься собиранием цветов, упросили ее позволить им эту забаву, она направилась к подножью дерева бакула. Тогда-то я заметил, что она, как показалось мне, уже изнемогла от причиненных ей Камой и тщетно скрывааемых терзаний любви к какому-то счастливо рожденному юпоше. Ведь

В истоме клопилась она, словно сломанный лотос,
Внимала подругам рассеянню и безучастно.
Ланиты светились прозрачною бледностью лунной,
Как светится бивень слоновый на свежем изломе.

И стоило только мне ее увидеть, как глаз моих будто коснулась кисть, смоченная в амрите, порождающей беспредельную радость, и красота ее неотвратимо-властно увлекла меня, как внутренняя сила пеуклонно влечет кусок железа к магниту. Что мне тебе сказать?

Обреченное, к ней мое сердце привязало.
Впереди вереница скорбей нескончаемых.
Мне страдать госпожою судьбою повелено.
Осчастливить могла бы меня полновластная.

Макаранда. Уж такова любовь, друг Мадхава,— в ней и надежда, в ней и отчаянье. Ты видишь:

Всё в мире сплетенье причин потаенных и явных,
От века на свете одна лишь любовь беспричинна;
В сиянии солнечном лотосу время раскрыться,
А в лунном сиянии лунному камню померкнуть.

А что же было потом?

Мадхава. А потом:

«Вот он!» Быстрые взоры служапок догадливых
На меня показали движеньем стремительным.
С недомолвками дружные, взоры лукавые
Усладительным смехом, казалось, насыщены.

Макаранда (*про себя*). Уж как тут не узнать!

Мадхава. По пути домой они игриво и шумно переговаривались, хлопая лотосоподобными ладонями, заставляли звенеть ряды браслетов на руках. В такт их изящной походке, подобной поступи гусей, охваченных страстью и внезапно вспугнутых, звепели сладкозвучные браслеты на ногах, и им откликались бубенцы на опояске. Девушки, указывая на меня пальцами, подобными побегам нежным лотоса, твердили при этом: «Мы счастливы, дочь Повелителя! Кажется, кто-то здесь нужен кому-то!»

Макаранда (*в сторону*). О, вот и проявление народившейся любви.

Калахамсак (*вслушиваясь*). Да это же и чувствительный и приятный разговор о красавицах.

Макаранда. Но дальше, дальше!

М а д х а в а. И тогда

В ней сказалось веленье Манматхи могучего,
Победившего разум своим обаянием;
И от этой победы смятение душевное,
И в мечтанье податливом речи бессвязные.

А потом:

Лианы бровей не скрывали застенчивых взоров,
Которые льнули ко мне, расцветая, взлетая,
От взоров ответных спасаясь в бутонах укромных:
В глубоких очах, от волнения полужакрытых.

И теми

Призывными взорами в этом восторге пугливом,
Упорными, робкими, нежными в сумраке смутном,
Очами под сенью густою ресниц беспокойных
Похищено, вырвано, выпито скорбное сердце.

Столь щедрое цветение чувств смутило мне душу — оно шепнуло о том, что, может быть, прелестная почувствовала любовь ко мне, и я был покорен. Растерянный, я все же пытался окончить начатый венок из цветов бакула. Тем временем она, окруженная свитой евнухов, вооруженных бамбуковыми палками, поднялась на слоницу и озарила ведущую в город дорогу лунным сиянием своего лица.

И проехала мимо подобная лотосу,
Уязвив мое сердце своими ресницами,
Опалив мое сердце отравой погибельной,
Упоив мое сердце отрадой целительной.

Недуг непостижный постиг меня, смысл потеряли слова,
И я не испытывал, кажется, сроду напастей таких.
Я, ввергнутый в бездну смятенья, рассудком оставлен мопм.
То жар меня жжет нестерпимый, то в холод бросает меня.

И еще к тому же:

Знакомых вещей распознать я не в силах сегодня вблизи.
Как марево, мир повседневный сегодня морочит меня.
Студеного озера мало горячке моей при луне.
Потерянное, заблудилось в отчаянье сердце мое.

К а л а х а м с а к а. Конечно! Он не только душой, но и телом уже похищен. Кем? А, верно, Малати.

Макаранда (*про себя*). Вот сила любовной напасти! Как бы мне избавить друга от нее? Впрочем,

«Бог, рожденный в душе! Не казни беззащитного!»

«Страсть нечистая! Не затуманивай разума!»

Заклинанья подобные вовсе бессмысленны

Там, где бог ненасытный сопутствует юности.

(*Вслух.*) А известно другу моему, какого она рода и как ее имя?

Мадхав. Послушай, друг, что я тебе поведаю. В то время, как она садилась на слониху, красавица из цветника ее подруг, собирая цветы юной бакулы, приблизилась ко мне и заговорила со мной о венке: «Как хорошо, достойнейший, подобраны цветы и как красив рисунок, в котором цвет каждого цветка в лад другому! Нашей госпоже понравился венок. Никогда не видела она столь искусно подобранных цветов. Да увенчается успехом твое искусство! Да будет плодотворна прелесть творения творца! И да украсит этот со вкусом сделанный венок шею нашей повелительницы!»

Макаранда. Речь ее искусна!

Мадхав. Когда же спросил я о роде и имени ее госпожи, то красавица сказала: «Она дочь министра Бхуривасу, а зовут ее Малати. Что ж до меня, то я ее молочная сестра, и имя мне Лавангика».

Калахамсакка (*радостно*). Так ее зовут Малати! Воистину, могуч наш цветолукий бог! Победа нынче — наша!

Макаранда (*в сторону*). Так она дочь высокочтимого министра Бхуривасу! Та, которой восхищается достойная Камандаки. Да, что еще? Болтают всюду, будто сам царь сватает ее за Нандану.

Мадхав. И по ее просьбе покорно снял я с шеи гирлянду из цветов бакулы и отдал ей. Хотя из-за того, что смотрел я на Малати, руки мои со счета сбились, и с одной стороны гирлянда оказалась неровной, Лавангика расхвалила мою работу и, принимая гирлянду, молвила: «Вот истинно великая милость!» Когда же она исчезла среди сумятицы шествия, ушел оттуда и я.

Макаранда. Все хорошо, мой друг. Ведь Малати раскрыла свою любовь к тебе. По многим признакам, таким, как бледность ее щек, и прочим, ясно, что уже давно ее томит недуг любовный, и ты тому виной. Лишь одного я не пойму, где ж она могла тебя прежде увидеть? Да, столь благородные девушки, когда они полюбят, то на других и смотреть не станут. Об этом говорят

Быстрые взгляды смысленных подружек,

Распознающих влюбленного сразу,

И в недомолвках шутливых намеки:

«Кажется, кто-то здесь нужен кому-то!»

Мадхава. А что еще?

Макаранда. Да речь Лаваггики, ее молочной сестры, полная намеков.

Калахамсак (подходит). И вот это. (Показывает портрет.)

Макаранда. Калахамсак, кто нарисовал портрет Мадхавы?

Калахамсак. Та, кто похитила его сердце.

Макаранда. Так это Малати!

Калахамсак. А кто же еще?!

Мадхава. Твоя догадка почти верна, друг Макаранда.

Макаранда. Как он попал к тебе, Калахамсак?

Калахамсак. Ко мне? Из рук Мандарики. А к ней — от Лаваггики.

Макаранда. Скажи-ка нам, не говорила ли Мандарика, зачем Малати нарисовала Мадхаву?

Калахамсак. Затем, наверное, чтобы тоску утишить.

Макаранда. Успокойся, Мадхава.

Та, в которой ты видишь сияние лунное,
Несомненно, счастливец, тобой очарована.
Единение ваше судьбой предначертано,
Счастьем вашему явно способствует Мадана.

Прекрасен ее облик, так поразивший тебя, — возьми и нарисуй ее.

Мадхава. Как пожелает друг. Дай мне дощечку и резец.

Макаранда приносит.

(Рисуя.) Друг Макаранда,

Слезы взор застилают, как только я вспомню прекрасную;

Каменеет злосчастная плоть, весь в поту содрогаюсь я;

Содрогаются пальцы, противятся всякому замыслу.

Что мне делать? Подобный рисунок едва ли под силу мне.

Но все-таки я попытаюсь кончить. (Продолжает рисовать и наконец показывает.)

Макаранда (наслаждаясь рисунком). Сколь совершенно выражена здесь твоя любовь! (Удивленно.) Как! Ты успел и шлоку сочинить и записать ее?!

(Читает.)

Много прекрасного в мире. Прекрасное многообразно.

Праздник, единственный в жизни моей, наступает, великий,

Лишь засияет она, как луна, в благосклонной прохладе,

Взор зачарованно-пристальный светом своим улаждает.

Внезапно появляется Мандарика.

Мандарика. Что это ты так занят разглядыванием своих ног? (*Заметив Мадхаву и Макаранду, смущенно.*) Как, здесь и эти благородные господа? (*Подбегая к ним.*) Склоняюсь перед вами!

Мадхава и Макаранда. Присядь, Мандарика.

Мандарика (*присаживаясь*). Калахамсака, отдай портрет.

Калахамсака. Возьми его.

Мандарика. Послушай, Калахамсака, кто и зачем нарисовал здесь Малати?

Калахамсака. Наверное, тот, кого изобразила Малати, и с той же целью.

Мандарика. Благодарение судьбе! Вот плод премудрости творца, того, кто все это задумал.

Макаранда. Мандарика, скажи, правда ли то, что говорит твой милый?

Мандарика. А что, благородный?

Макаранда. Где Малати могла увидеть Мадхаву?

Мандарика. Когда смотрела на улицу из окна — так болтает Лавангика.

Макаранда. И правда, друг. Ведь мы же часто ходили по дороге, идущей мимо дворца Бхуривасу. Так и должно было случиться.

Мандарика. Да позволят мне благородные — я поспешу все рассказать моей милой подруге Лавангике о добром деле, совершенном благостным богом Маданой!

Макаранда. Для этого самое подходящее время.

Мандарика уходит, унося портрет.

Мой друг, Властитель тысячи лучей, палящих беспощадно, уже достиг вершины дня. Пойдем-ка мы домой. (*Подымается, собравшись уходить.*)

Мадхава. Вот что я думаю:

Жгучая, жаркая влага
Блещет у ней на ланитах.
Утром служанки напрасно
Их расписали шафраном.

А ветер,

Блуждающий всюду, насыщенный духом жасминным,
Настигнув красавицу вдруг, чьи тяжелые груди
Ей стан тяготят и трепещет во взорах разлука,
Настиг меня ветер теперь, не дает мне покоя.

Макаранда
(в сторону)

Камадева жестокий разит беспощадно.
Нежный Мадхава, сам на себя не похожий,
Лихорадкой сражен. Так в лесах изнывает
Юный слон, пораженный смертельным недугом.

Что ж, нам остается уповать на достойнейшую Камандаки.

Мадхава (в сторону). Не удивительно ли?

Впереди, позади, вдалеке и поблизости,
Вне меня и во мне днем и ночью мне видится
Дивный лик, золотое подобие лотоса,
Очи в блеске томительном, в беге стремительном.

(Вслух.)

Не ведаю, друг, что такое со мною творится.
Недугом пронизано тело, душа в лихорадке;
Мешаются мысли, тоска сотрясает мне душу,
Любовь неизбывная заживо сердце сжигает.

Все уходит.

Так кончается первое действие, называющееся
«Дорога, усаженная бакулой».

В короткой правешаке ко второму действию служанки сплетничают о новостях, уже известных зрителю и читателю. Одна из них сообщает, что минувшим утром царь сватал Малати за своего любимца Нандану, а Бхуриवासу ответил царю, что он — хозяин его дочери. Но так сильна любовь Малати к Мадхаве, что она навечно останется копьем, пронзившим ее сердце. «Что ж, — отвечает на это другая, — теперь почтенная Камандаки должна будет явить свои сверхчеловеческие силы!»

А после этого само второе действие открывается тем, что Лавангика отдает Малати плетеницу, сплетенную Мадхавой, рассказывает, как он терзается любовью, и показывает нарисованный им портрет Малати. Малати читает строфу, написанную Мадхавой на портрете, и выражает надежду, что он будет счастлив в жизни. Но ее собственная страсть к нему терзает ее еще больше, и она изливает Лавангике свои страдания. Та советует ей соединиться с Мадхавой в браке по любви. Малати отвергает даже саму мысль об этом и говорит, что ей лучше умереть, чем совершить поступок, недостойный девушки благородного происхождения.

Тем временем приходит Камандаки, сопровождаемая ее ученицей Авалокитой, повидать Малати. Камандаки встревожена, видя девушку в смятении, порожденном любовными страданиями. Малати горестно шепчет: «Как случилось, что отец принес меня в жертву желаниям царя? Утехи властителя моему отцу дороже дочери!»

Камандаки же, беседуя с Авалокитой и Лавангикой в присутствии Малати, рассказывает о том, что у Девараты, министра царя Видарбхи, есть сын, обладающий множеством всяческих достоинств, и что зовут его Мадхава. Рассказ ее наполнен тонкими намеками, рассчитанными на то, чтобы еще пуще разжечь страсть девушки и подготовить встречу влюбленных.

В правешаке к третьему действию другая ученица Камандаки, Буддхаракишта, обменивается с Авалокитой репликами, из которых выясняется, что, по желанию их наставницы, они содействовали предстоящей встрече Малати и Мадхавы у храма Шанкары в четырнадцатую ночь темной половины месяца. Кроме этого, становится ясно, что наставнице не безразличен успех Макаранды, друга Мадхавы, влюбленного в Мадаянтики, подругу Малати. Буддхаракишта делает все, чтобы в сердце Мадаянтики укрепилось чувство любви к Макаранде и жажда встречи с ним.

После этого в саду при дворце Бхуриवासу сама Камандаки открывает третье действие словами о том, как повлияла она на Малати. Приходит в сад и Малати с Лавангикой и начинают собирать цветы. Незаметно для них в сад приходит Мадхава — для его влюбленных очей Малати кажется еще более прекрасной, чем прежде, ее красота разжигает пожар в душе юноши, и она же исцеляет его глаза.

Камандаки просит Малати остановиться и не собирать больше цветов, так как это утомительное занятие может повредить ее здоровью. Когда монахиня и девушки усаживаются, Камандаки в весьма возвышенном стиле рассказывает Малати о любовных терзаниях Мадхавы. Ей возражает Лавангика, не менее возвышенно описывающая бедственное состояние влюбленной Малати. Камандаки выражает тревогу по поводу судьбы Мадхавы.

Беседа прерывается голосом из-за кулис, вещающим о смятении в городе из-за того, что тигр вырвался из клетки, и предупреждающим горожан о том, чтобы каждый позаботился о спасении своей жизни. Вбегает Буддхаракишта с мольбой о спасении Мадаянтики, на которую напал тигр. Все кидаются на помощь, но видят, что их опередил Макаранда. Их радость сменяется печалью — от ран, причиненных когтями тигра, Макаранда падает без памяти. Мадхава, видя это, тоже теряет сознание.

В четвертом же действии оба приходят в себя, и мало-помалу

беседа возобновляется. Появляется скороход и, обращаясь к Мадаянтике, произносит: «Сам Нандана, министр, твой старший брат, тебе шлет весть, что ныне царь пожаловать изволил во дворец к нему и, изъявив доверье к Бхуривасу и к нам благоволение, объявил, что Малати нам в жены отдает. Скорее возвращайся, чтобы разделить восторг и ликование с нами».

Отчаяние охватывает Малати и Мадхаву, а Камандаки пытаются утешить их, поясняя, что, когда Бхуривасу говорил царю, что тот — хозяин его дочери, министр имел в виду, что царь хозяин своей дочери. Монахиня уверяет Мадхаву, что устроит его свадьбу с Малати, даже если ей самой это будет стоить жизни. Камандаки зовут к царице, и она вместе с Малати спешит на зов.

Мадхава, сетуя на судьбу, угрожающую погубить его любовь к Малати, обменивается взорами с Малати, шепчущей про себя: «О благородный, свет моих очей, тебя я вижу в последний раз!» Мадхава в отчаянии решает стать продавцом человеческого мяса на кладбище, то есть тем самым обратиться к самым крайним средствам, к помощи злых духов, чтобы достичь желанной цели.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Влетает по воздуху Капалакундала, одетая в ужасающе сверкающие наряды.

В и ш к х а м б а к а

Ка п а л а к у н д а л а

*Властителю сил в окружении сил вездесущих,
Властителю сильных, которые в нем пребывают,
Властителю сведущих, истинный путь находящих,
Тебе, обитающий в сердце и в жилах, победа!*

Вот теперь,

*В средоточии жизненных сил сокровенный, ты в облике Шивы
Явлен лотосом сердца мне, слитой с тобой, так что я прилетела,
Пять начал подавив, духом верным в шестнадцать*

жизненных силах,

Силой мысли моей безо всяких усилий грозу обгоняя.

И при этом:

*Наслаждение мне доставлял в поднебесье
Этот яростный лягз с неумолчным трезвоном,
Потому что в полете гремит и трезвонит
Ожерелье мое: черепа с бубенцами.*

Входит Мадхава в том виде, в каком он описан в вишкхамбаке.

М а д х а в а

Ах, обнять бы прекрасную мне, испытать бы мне хоть на мгновенье

Страсть в объятиях сладостных этих, которые даже в мечтанье
Несказанно блаженною близостью вдруг зачаровывать могут

На мгновение, так что сказаться нельзя сокровенному чувству.

Да хорошо бы

Целовать ненаглядное сладкое ушко,
Целовать ее грудь, где моя плетеница
И поныне, наверное, благоухает,
Жемчугами ничтожными пренебрегая.

Но пока, увы, до этого далеко. Но вот чего хотел бы я сейчас, так
это увидеть ее лицо.

Бестелесным самым облюбованный, лик ее виден во мраке,
Порожденный сиянием юного месяца, праздник для взора,
Порождающий страсть, порожденный наитием Страсти

И в сердцах ненасытных людских порождающий столько небесной
блаженства!

Но только, по правде говоря, если я ее и увидел бы, ничто б не изменилось. Ведь то и дело на память мне приходят наши прежние встречи: тревожат сердце мысли о совершенстве ее красоты и рожают ее образ. Беспредельность помыслов о любимой словно бы созидает ее присутствие в моей душе.

Видно, в сердце моем воцарилась она и в душе растворилась,
Отраженная, неискаженная, преображенная мыслью,
Возлелеяна, к сердцу приклеена, памятью в сердце зашита,
Словно стрелами — всеми пятью! — дивный образ привил мне
Манматха.

За сценой слышен шум.

(Вслушиваясь.) Как мерзко кладбище и эта толчея нечистых духов! Ведь здесь

Тьма, которую не пересилить печальным кострам погребальным,
Чьи бессильные проблески, правда, заметней во тьме вездесущей.
С визгом, с плачем, со всхлипами, с воем кишат омерзительным
роем

Вурдалаки во мраке: на игрище мчится и мечется нечисть.

Пусть их! Но должен я к ним обратиться. *(Кричит.)* Эй вы, кладбищенские жители! Вы, упыри, ветапы, духи злые!

Эй, налетайте, хватайте!
Кто человечины хочет,
Свежей, нетронутой вовсе
Кровопролитным оружием?

Снова шум за сценой.

Каково! Лишь только я крикнул, и все кладбище, черное от углей, загудело ужасающе громовым и неясным ревом злых духов и встал, то там, то сям меняющих мгновенно свое обличье! Вот диво —

Даже в небе великое множество духов: отвратные рожи
Разевают зубастые рты, изрыгают зловонное пламя;
Извиваются в корчах тела, увиваются друг подле дружки.
Мельтешат брови, бороды, зенки, волосья пучками сполохов.

Да что!

Налетают, как волки голодные, в воздухе жалобно воют,
Человечину, чавкая, жрут, полусгнившие клочья сдирают
С костяков, сухожилиями только скрепленных под кожей черной.
Эти кости берцовые, кажется, пальм длинностволых длиннее.

(Осмотревшись вокруг, смеется.) Но что за дикие у них повадки!

Вот эти

Долговязые духи с пещерами ртов,
Где трепещут, во тьме затаясь, языки.
Так в деревьях пожарами выжжены дупла,
Где гнездятся громадные хищные змеи.

(Делает несколько шагов, присматривается.)

О, ужас! Невозможно без омерзения смотреть!

Как целую тушу, взвалив на колени себе полусгнившее тело,
Пирует упырь; потроха раздирает он, ягодицы пожирает;
Он бедра грызет, он кусает лопатки, как будто, зловонные, сладки.
И снедь ему нравится, жрет он и давится, лязгая жадно клыками!

А там

Они волокут из костров погребальных, не брезгуя смрадною
смертью,
Одетые дымом, омытые пламенем трупы, с которых свисает
Паленое мясо клоками, суставы безжизненные обнажая.
Тут, кажется, каждая гадина жаждет кипящего костного мозга.

(Усмехнувшись.)

Что за гнусно-мерзкие забавы у их подруг!

Глаз дурной отвращая, красотки по-своему принарядились;
Из кишок ожерелья, сердца вместо лотосов для плетеницы,
Пальцы женские — серьги в ушах, кровь засохшая — для
притираний,
Костный мозг в черепах, как вино, для таких вот счастливых
влюбленных.

(Делает несколько шагов, крича при этом.)

Эй, налетайте, хватайте!
Кто человечины хочет,
Свежей, нетронутой вовсе
Кровопролитным оружием?

(Делает еще несколько шагов, приходя в отчаяние.)

Что это вокруг случилось? Почему внезапно все эти злые духи
смокли, прекратив чудовищный шабаш? О, как гнусно их безумье!

(Осматриваясь, безнадежно.) Все кладбище я осмотрел, и вот все-
го лишь предо мной

Иступленная бьется река и, не зная покоя, бушует,
Потому — что поток многоводный навек запружён черепами;
Вечно бьется река в берега, где голодные воют шакалы
И, в заклитой чащобе гнездясь, полуночницы-совы хохочут.

*За сценой раздается крик: «Безжалостный отец! Ты мной
пожертвовал царю в угоду, и вот я гибну!»*

(Внимательно вслушиваясь.)

Что со мной? Как знаком этот голос мне, звонкий и сладостный,
Нежный, жалобный, словно рыдание птицы подстреленной,
Так что сердце мое вострепелось в груди, пробужденное,
И неверен мой шаг, будто ноги мои отнимаются.

Стон этот жалобный слышен,
Кажется, в храме Каралы,
Где надлежит совершиться
Жуткому богослужению.

Пойду и посмотрю. *(Уходит. Затем появляются занятые поклоне-
нием божеству Капалакундала и Агхорагганта вместе с Малати,
вид которой показывает, что ее обрекли на принесение в жертву.)*

Малати. Безжалостный отец! Ты мной пожертвовал царю
в угоду, и вот я гибну! Ах, матушка, тебя, чье сердце исполнено
любви, убьет злая насмешка судьбы! О почтеннейшая, отбросив-

шая все прочие заботы лишь ради блага Малати,— теперь ты из-за этого будешь долго горевать! Увы, подруга моя, милая Лавангика, теперь только во сне ты можешь меня увидеть!

Ма д х а в а (*быстро возвращаясь*). Конечно же, это она, та самая газелеокая! Сомнения нет, это она! Теперь, пока она еще жива, на помощь к ней, на помощь!

А г х о р а г х а н т а и Ка п а л а к у н д а л а (*вместе*). Слава тебе, Чамунда, слава тебе!

Слава пляскам твоим, от которых колеблется все
мироздапье,

Так что чудом Вселенная держится на черепахе.

Слава пляскам твоим, восхищающим свиту великого

Шивы

И тебе в преисподнюю рта низвергающим семь океанов.

Слава тебе, Чамунда!

Нам на благо, богиня, на радость нам пляски твои

громовые,

При которых тебя на земле превозносят, напуганы

смехом

Черепов, пробужденных в твоём ожерелье амритой

целебной,

Потому что исходит амриткою месяц, пронзенный ногтями.

Заплясав, ты расшвыриваешь высочайшие горы,

Если только взмахнешь ты руками, весь мир поразив

языками

Ядовитого пламени, так как, свирепо раздув капюшоны,

Кобры черные вместо браслетов запястья тебе обвиняют.

Все круги мировые сливаешь ты пляской своей воедино,

И заискрится вдруг, загорится единственный круг,

воцарится,

Как твоя голова, пламенея лучами, сверкает очами,

И созвездия в ужасе мечутся, стяг твой победный завидев.

Иступленную пляской твоей наслаждается Шива

могучий,

Упоенный в объятиях Гаури, чьи содрогаются серьги

В лад, как только начнут вурдалаки неистово хлопать в

ладоши,

Одержимые, неудержимые в яростно-радостном буйстве.

(*Самозабвенно пляшут.*)

Мадхава (*всматриваясь*). Какое гнусное безумье!

Да ведь это она! Неужели? В руках нечестивцев
преступных

Обреченная днесь, облеченная тканями в пятнах шафрана,
Это дочь самого Бхуривасу, подобная лани прекрасной,
Над которою волки глумятся по воле судьбы беспощадной.

Капалакундала. Подумай, милая девушка, о том, кого
ты любила в этом мире. К тебе спешит безжалостная смерть!

Малати. О Мадхава! Любимый! Пусть не сотрется в твоей
памяти душа, ушедшая на тот свет. Ведь тот, кого помнит любя-
щий, не умер!

Капалакундала. Бедняжка! Да она в Мадхаву влюб-
лена!

Агхорагханта (*занеся меч*). Что быть должно, пусть то
случится! Сейчас я лишу ее жизни!

Славься, царица Чамунда!
Жертву прими благосклонно!
Жертвою мы подкрепляем
Нынче заклания наши.

Мадхава (*бросается к Малати и защищает ее рукой*).
Прочь, прочь, злодей! Твой умысел, презренный капалика, разру-
шен!

Малати (*при виде Мадхавы кричит с надеждой*). Спаси,
спаси меня, благородный!

Мадхава. Не страшись, любимая, не бойся!

Превозмогла ты любовью отчаянье смертного часа.
Друг твой с тобою теперь, ты поверь мне, страшиться не
надо!

За красоту твою друг твой заступится, друг твой не
дрогнет.

Яростный недруг пожнет урожай своего злодеянья.

Агхорагханта. Кто этот грешник, дерзнувший стать пре-
поной на моем пути?

Капалакундала. Да это, почтенный, Мадхава, предмет
ее любви, торговец человеческой плотью, отпрыск приятеля Камап-
даки.

Мадхава (*горестно*). Как ты здесь очутилась, прекрасная
моя?

Малати (*после долгого молчания*). Я ничего не знаю. Толь-
ко помню, благородный, что спала на крыше, а проснулась здесь!
Но как случилось, что ты тоже оказался тут?

Мадхава
(смущенно)

Не увенчанный в жизни тобою, желанная,
Я в отчаянье бросился было на кладбище.
Упырей накормить я хотел человечинной
И услышал поблизости голос твой жалобный.

Малати (в сторону). Из-за меня, пренебрегая своей жизнью, он очутился здесь?

Мадхава. Как это странно! Все равно как если бы ворона свалила пальму!

Что мне делать? Мой дух опален пламенеющим негодованьем,
Уязвлен состраданьем глубоким, в слезах ослеплен
изумленьем,
Упоен ликованием теперь, когда мерзостный меч не
достигнет
Ненаглядной моей, не получит луны свирепеющий Раху.

Агхорагханта. А, ублюдок брахманский!

Мне, которому сладко заковать человека, теперь ты попался,
В лапы тигру попался, как пылкий олень из-за нежной
подруги.
На алтарь возолью кровь твою перед грозною матерью
нашей;
С плеч до бедер в бою раскрою тебя сразу, мечом
размахнувшись.

Мадхава. Ничтожество, подлец из подлых, изувер,

Как смеешь вселенную грабить, как смеешь прекрасное
красть,
Как смеешь ты небо и землю всемирного света липать,
Как смеешь ты, смерть накликаая, глумиться над богом любви,
Весь мир превращая в пустыню для наших бесплодных
очей?

Так берегись, греховный,

Ударю тебя, нечестивец, как смерть беспощадная бьет,
За то, что дерзнул замахнуться ты, бешеный, на красоту,
Чье нежное тело болело, когда за игрою, шутя,
Цветами, легчайшими в мире, подруги бросали в нее.

Агхорагханта. Посмей ударить, нечестивец! Ударь! И вот тебя и нету!

Малати. Сдержись, мой доблестный защитник! Ужасен проклятый негодяй. Спаси меня от него. Избавь от этого безумного наваждения!

Капалакундала. Спокоен будь, мой повелитель. Покончи с этим трусом!

Мадхава и Агхорагханта

(вместе, обращаясь соответственно к Малати и Капалакундале)

Не страшись! Не спасись твоему ненавистнику!
Разве на водопое олепя пугается
Лев, чьи грозные когти, бывало, как молнии,
Лбы могучим слонам сокрушали без промаха?

Шум за сценой — все прислушиваются.

Голоса за сценой. Почтенная Камапдаки, чей духовный взор никогда не затемняется, подбадривающая Бхуривасу, присоединилась к вам, воины, ищущие Малати, — чтобы окружить храм Каралы.

Агхорагханта жестокий
Это злодейство затеял:
Вновь человеческой жертвой
Жаждет почтить он Каралу.

Капалакундала. Нас окружили!

Агхорагханта. Тем больше пужно теперь и мужества и силы!

Малати. О отец мой! О благословенная Камапдаки!

Мадхава. Теперь, отдав любимую под защиту ей дорогих, сражу немедля этого злодея.

Мадхава и Агхорагханта

(свирепо глядя друг на друга)

Пусть меч мой тяжелый разрубит со скрежетом кости

твои

И, в мышцах упругих помешкав, пронзает пускай потроха,
Как в мягкую липкую глину, пускай погружается в них,
И в прах, перемешанный с грязью, развалится тело твое!

*Так кончается пятое действие, называемое
«Описание кладбища».*

ДЕЙСТВИЕ ШЕСТОЕ

Вишкхамбака

Появляется Капалакундала.

Капалакундала. А, гнусный Мадхава, убивший из-за Малати моего наставника! Хотя яростно я на тебя набрасывалась, по ты меня презрел лишь потому, что я женщина! *(Злобно.)* Теперь берегись! Ты непременно отведаешь от плодов гнева Капалакундалы!

Знай: человеку, сразившему змея,
Лучше забыть, что такое беспечность:
Подстерегает змея, настигает;
Скорбь ядовитая в сердце змеином.

Голоса за сценой

Повелители мира, внимлите велению мудрости!
Уладите нас, боги земные, на празднике мантрами!
Пусть на сотни ладов прозвучат песнопенья заздравные!
Достославные! Мешкать не время: жених приближается!

Почтеннейшая Камандаки повелела, чтобы юная Малати отправилась, дабы не погублено было ее счастье, в храм божества, охраняющего город, и оставалась там, пока не придут родные, и ожидает, пока провожающие не принесут ей свадебные украшения и наряды.

Капалакундала. Пускай! пускай! Уйду отсюда — здесь нынче соберется множество людей, все будут суетиться, готовясь к свадьбе Малати. Меня ждет отмыщенье Мадхаве! *(Уходит.)*

Конец чистой вишкхамбаки

Входит Калахамсака.

Калахамсака. Мой хозяин Мадхава, укрывшийся вместе с его другом Макарацдой в храме божества — покровителя города, велел мне — узнай, дескать, не вышла ли процессия Малати. Сейчас я его порадную.

Появляются Мадхава и Макаранда.

Мадхава

С той поры, как узрели глаза мои деву с глазами газели,
От озноба и зноя не знала покоя душа, изнывая.
Так неожиданно-негаданно ранит нас Мадаана! Хоть бы сегодня
Счастье выпало мне! На моей стороне прозорливая мудрость.

Макаранда. Как может не увенчаться успехом замысел почтенной, наделенной таким умом?!

Калахамсака (*приближаясь*). Тебя, мой повелитель, ожидает счастье. Уже отправилась Малати со своей свитой.

Мадхава. Да правда ли это?

Макаранда. Зачем ты сомневаешься? Она не только двинулась в путь, но уже совсем близко. Но

На земле потрясенной мы слуха лишаемся,
Если радостней многоголосого вестника
Приближается гром на конях ослепительных,
Грозный, в тучах стремительных, ветром разорванных.

Подойди сюда. Посмотри на процессию из этого решетчатого окна.

Калахамсака. Смотри, смотри, мой повелитель. Вот несут множество белых зонтов, подобных лотосам с мощными стеблями, что колышутся посреди синего озера бескрайнего неба, по которому волнами ходят ряды знамен, вздымаемых порывами ветра, а опахала в воздухе красиво парят, словно белые лебеди. А вот теперь, бренча бесчисленными золотыми бубенцами, усыпавшими их сбрую, идут слониhi. На их спинах полным-полно красавиц — они украшают само небо многорадужным сверканием украшений с драгоценными камнями, осколками лука Индры! Они поют и умножают веселый шум нестройным пеньем благовестных песен — их рты набиты бетелем!

Мадхава и Макаранда с интересом смотрят.

Макаранда. Воистину завидны богатства Бхуривасу! Ведь

Оперенье камней драгоценных, лучи в светозарном паренье,
Золотое горенье сокровищ несметных в лучах разноцветных,
Словно райская птица крыла напругла, золотая, взлетая,
Словно радуга рада играть в переливах китайского шелка.

Калахамсака. Что там случилось? Поспешно расступились слуги и служанки и стали в круг, отмеченный бамбуковыми палками в золотых и серебряных листьях! А, появилась Малати! Она сидит на спине черной, как ночь, слониhi. Словно тонкий серп луны, прекрасна девушка; лицо ее и бледно и исхудало. Могучая слониha покрыта попоной с украшениями, подобными созвездьям.

Ее морда густо умащена шафраном и напоминает цветом небо на закате.

Макаранда. Вглядись, мой друг, получше!

Бледностью блеск дорогих украшений украсила дева,
Словно в цветах изобильных лиана, зачахшая томно.
Праздником близким чело несказанно прекрасной чарует,
Только незримо тревогою сердце прекрасной томимо.

Но что это? Слониха преклонила колени.

Мадхав (радостно). Что это? Лишь только она склонилась, как почтенная Камандаки и Лавангика поспешили к Малати.

Появляются Камандаки, Малати и Лавангика.

Камандаки
(в сторону, радостно)

Достойным на благо пускай завершится прекрасный обряд!
Достигнуть возвышенной цели пусть боги сподобят меня!
Пускай повенчаются дети моих благородных друзей!
Пускай увенчаются благом заветные мысли мои!

Малати (про себя). Как мне достичь блаженства, которое может принести лишь смерть?! Но даже она бежит от несчастных, молящих о ней!

Лавангика (в сторону). Как огорчена моя любимая подружка всем этим, не зная, что это препятствие поможет достичь цели!

Входит служанка, держа в руках ларец с драгоценностями.

Служанка. Почтеннейшая, министр велит, чтобы Малати была наряжена перед очами божества в эти свадебные драгоценные наряды и украшения, посланные царем.

Камандаки. Ко времени пришло веление министра, и место вполне благоприятно. Покажи-ка нам, что это за наряды.

Служанка. Вот чоли из белого шелка. А здесь красно-шафранная шелковая ткань, которая должна служить покрывалом. Вот разные украшения. Тут и жемчужное ожерелье, и сандаловое притиранье, венок из белого жасмина...

Камандаки (в сторону). Вот уж полюбуется Мадааянтика Макарандой, когда он нарядится во все это! (Принимая вещи, громко.) Да будет так, как повелел министр!

Служанка. Как повелит почтеннейшая! (Уходит.)

Камандаки. А ты, Лавангика, ступай вместе с Малати в храм.

Лавангика. Где изволит быть почтеннейшая?

Камаандаки. А я тем временем посмотрю, все ли драгоценности в нарядах положены по правилам.

Малати (*про себя*). Вот и осталась я одна с моей Лавангикой.

Лавангика. Здесь вход в храм. Войдем в него.

Входят.

Макаранда (*Мадхаве*). Давай укроемся за этою колонной и подождем, что будет.

Лавангика. Подруженька моя, вот притирания для тела, а вот цветочные гирлянды.

Малати. Ах, что мне в них?

Лавангика. Подруженька, матушка послала тебя сюда, чтобы ты поклонилась божеству ради благополучного пачала свадебного обряда и чтобы счастье твое было совершенным.

Малати. Что же ты снова и снова меня, злосчастная, терзаешь? Ведь душу мне и так нестерпимо жжет все то, что случилось по злобной прихоти судьбы. Кто знает, что еще ужасное она готовит мне?

Лавангика. Что хочешь ты сказать?

Малати. А то, что скажет человек, чей удел в раздоре с желанием сердечным, которому не суждено сбыться.

Макаранда. Ты слышал, друг?

Мадхава. Я слышал, но сердце все еще в сомненьях!

Малати (*обнимая Лавангику*). Истинная сестра моя, подруга милая, Лавангика, вот беззащитная твоя подруга, уже приготовившаяся к смерти, тебя обнимает, исполненная доверия,—ведь ты неустанно заботилась обо мне с самого дня моего рождения,—и молит тебя вот о чем. Если ты можешь мне помочь, то помни обо мне, когда смотреть ты будешь на радость приносящий лотос лица достойного Мадхавы, единственно достойное обиталище богини счастья и красоты. (*Плачет.*)

Мадхава. Друг Макаранда,

Как я счастлив! Услышал я слово целебное,
И цветок увядающий вновь распускается.
Эликсира волшебного сердце отведало,
Упивается жизнь моя новою радостью.

Малати. И сделай так, чтобы мечта всей моей жизни не мучалась из-за моей кончины ни телесной, ни душевной болью. И чтобы, когда меня не будет среди живых, он, помня обо мне и обо мне беседуя с друзьями, не прерывал бы долго свой земной путь. Когда ты мне окажешь такую милость, Малати будет навечно благодарна.

Макаранда. Увы, как горестно все это слышать!

Мадхава

Ах, как жалостно плачет газель безутешная!
И, такую тоскою в слезах очарованный,
Заблуждением тем же сраженный и нежностью,
Торжествуя, скорблю и в отчаянье радуюсь.

Лавангика. О госпожа, но ведь беды твои окончились! Ах, ты ничего не хочешь слушать!

Малати. Вижу я, что ты любишь не Малати, а только жизнь ее.

Лавангика. Вот глупости!

Малати (*показывая на себя*). Ты говоришь мне все это, чтоб поддержать во мне надежду и жизнь, и — вновь и вновь проводишь меня сквозь вереницу мучений. А я хочу лишь одного — раз совершила я преступление против властителя моей души, позволив отдать себя другому, — я не должна, более жить! Прощу тебя — не мешай мне умереть. (*Падает к ее ногам.*)

Макаранда. Что может быть выше такой любви!

Лавангика делает Мадхаве знак приблизиться.

Макаранда. Спешите туда и встаньте вместо Лавангики.

Мадхава. Я так взволнован, что лишился сил.

Макаранда. Сама природа подает тебе знак приближения доброй удачи.

Мадхава осторожно становится вместо Лавангики.

Малати. О, согласись, подруга! Будь милостива ко мне!

Мадхава

Забудь, простодушная, замысел страшный,
Впущенный отчаяньем, к нашему счастью, пока не
свершенный!

Помедли, прекрасная, грех торопиться!

Разлука страшит, сокрушит она сердце мне вскоре.

Малати. Подружка, ты не отвергай мои моления.

Мадхава
(*радостно*)

Что мне сказать, я не знаю.

Муки разлуки грозят мне.

Так поступай же как знаешь!

Только обнимемся прежде!

Малати (*с облегчением*). Как благодарна я тебе! (*Подымаясь.*) Вот я обнимаю тебя, а увидеть твоё лицо мешают слезы. (*Об-*

нимает, радостно.) Прикосновение тела твоего, упругого, словно маковка созревшего лотоса, доставляет мне прохладу. *(Со слезами.)* Но вот что ты еще скажи ему, как будто я сама, молитвенно сложив ладони и подняв их к своему лицу: «Не мне, злосчастной, наслаждаться вдоволь твоим лицом луноподобным, похищающим радость Лакшми — красоту расцветшего лотоса. Сердце мое, осаждаемое тщетными надеждами, было в постоянном страхе, что они так никогда и не сбудутся. Снова и снова испытывала я телесные страдания, ввергавшие моих подруг в безмерную тревогу. Едва переносила я бессмысленную цепь мучений от палящих лучей луны и губительного ветра с гор Малая. А ныне я полна отчаянья и горя!» Ты же, подруга моя, всегда должна обо мне вспоминать. А вот эту, сплетенную руками самого Мадхавы, гирлянду считай не отличимой от самой Малати и носи ее всегда на сердце. *(Снимает гирлянду с шеи и одевает ее на Мадхаву, внезапно вздрагивает и стоит, дрожа от возбуждения.)*

Мадхава *(отвернувшись)*. Хвала богам!

Услаждают меня эти груди упругие
Камфарою, сандалом, цветами целебными,
Жемчугами, снегами, волокнами лотоса,
Излучением лунного камня прохладного.

Малати *(про себя)*. Ой! Меня обманула Лавангика!

Мадхава. Ты знаешь лишь муку своего сердца и знать не хочешь терзаний другого!

Разве я не томился в недуге мучительном,
Не сгорал днем и ночью в губительном пламени,
Лишь в мечтах услаждаемый нашею близостью,
Лишь надеждами робкими вознаграждаемый?

Лавангика. Что ж, подружка, что заслужила, то и получила!

Калахамсака. Как все сошлось прекрасно в этом месте!
Макаранда. Все так, как рассказал мой друг.

День-деньской повторял он с тоской: «Незабвенная!»
Сокровенная боль — провозвестница радости.
Нитью свадебной руку повяжут влюбленному.
Исцеленному благо: надежды сбываются!

Лавангика. Великодушная, вот перед тобой человек, который в душе своей не против, чтобы ты сама его избрала. Что же ты медлишь и не повязываешь ему свадебную нить?

Малати. Ай, мне кажется, она советует сделать что-то, недостойное честных девушек!

Камандаки (*входя*). Что, робкая, с тобой?

Малати, дрожа от волнения, обнимает Камандаки.

(*Подняв ее за подбородок.*) Милая,

Однажды тебя увидел он, и ты увидала его.

Потом, как цветок, увядал он, и ты увядала в слезах.

Теперь не стыдись! Наконец, во взаимном влеченье сердец

Нам явлен творец: торжествующий Мадана вознагражден.

Лавангика. Почтеннейшая, а ведь он и есть тот отчаянный, что бродил по кладбищу в четырнадцатую ночь темной половины месяца, тот самый, что предотвратил гнусное и ужасное злодейство свирепого нечестивца и сразил его в схватке. Поэтому, верно, моя подруга трепещет от страха!

Макаранда (*про себя*). Отлично, Лавангика, прекрасно! Воистину, вот случай, связавший воедино и великую любовь, и великий долг!

Малати. О мой отец! О матушка моя!

Камандаки. Любезный Мадхава!

Мадхава. Повелевай!

Камандаки. Вот Малати, единственная дочь министра Бхуривасу, у которого ногти больших пальцев ног отполированы до блеска цветочной пылью из плетениц, украшающих горделивые головы подвластных правителей. Творец, любящий соединять достойное с достойным, Манматха, и я тебе вручаю ее, любимое сокровище Бхуривасу. (*Плачет.*)

Макаранда. Так нас вознаградила милость почтеннейшей!

Мадхава. Но по какой причине святая плачет?

Камандаки (*вытирая глаза ладонью*). Хотела я достойному почтительно сказать...

Мадхава. Скорее — повелеть.

Камандаки

Природа твоя такова, что нежней год от года
Ты будешь любить, потому что душа не забыла
Ни прежнего пыла, ни страсти: когда считаешь
Меня, как тебе подобает, над пением ты сжался!

(*Хочет склониться перед ним.*)

Мадхава (*удерживая ее*). О, привязанность ее к Малати столь сильна, что заставляет переступить пределы!

Макаранда. Почтеннейшая,

И прекрасна она и знатна, благонравная!
Так она привлекательна, так добродетельна,
Что, питомицей милой своей очарована,
Умолять за нее не преминет наставница.

Камандаки. Дорогой Мадхава!

Мадхава. Повелевай!

Камандаки. Возьми ее!

Мадхава. Она моя!

Камандаки. Милый Мадхава, дорогая доченька Малати!

Мадхава. Повелевай!

Малати. Повели, почтеннейшая!

Камандаки

Нет на свете богатства желаннее,
Нет на свете родства неразрывнее,
Нет на свете союза надежнее,
Нет содружества крепче супружества.

Макаранда. Истинно так.

Лавангика. Все так, как повелит почтеннейшая.

Камандаки. Сынок Макаранда, надень-ка ты венчальные наряды, присланные для Малати, и отправляйся замуж. *(Передаст ему ларец с украшениями.)*

Макаранда. Как повелит почтеннейшая! Пойду за этот цветастый занавес и облачусь в венчальные наряды. *(Уходит, как сказал.)*

Мадхава. Почтеннейшая, ведь легко случится, что мой друг попадет в ненужную беду!

Камандаки. А ты кто такой, что вмешиваешься в это дело?

Мадхава. Но ведь почтеннейшая меня знает!

Макаранда *(входит, улыбаясь)*. Мой друг, я — Малати.

(Все смотрят на него с изумлением и любопытством.)

Мадхава *(обняв Макаранду, со смехом)*. Воистину, Нандана благословен, что хоть на мгновение полюбит всей душой такую прелестную подругу.

Камандаки. Малати и Мадхава, дорогие дети мои, оставьте это место, ступайте вдоль аллеи. Там, за длинным прудом, есть сад — в нем все Авалокита приготовила для свершения свадебного обряда.

И пускай защитит вас живая ограда укромного сада,
Где земные дары, так что птицы небесные словно хмельные,
Где в таком изобилии плоды, что деревьям нельзя не сгибаться,
Потому что в придачу к лианам на пальмах арековых бетель.

А как туда придете, то подождите, пока не появятся Макаранда с Мадаянтикой.

Мадхава (*радостно*). Один успех увенчает другой.

Калахамсака. Ну, коль судьба захочет, то все так с нами и приключится.

Камандаки. Да разве можно в этом сомневаться?

Лавангика. Слушаюсь и повинуюсь.

Камандаки. Мой сын Макаранда, доченька Лавангика, теперь мы отсюда уходим.

Малати. Подружка, ты меня покидаешь?

Лавангика (*смеясь*). Теперь не следует нам здесь оставаться.

Уходят Камандаки, Лавангика и Макаранда.

Мадхава. А теперь,

Словно слон изнуренный, срывающий в озере
Красный лотос, до корня покрытый ворсинками,
Взял я руку желанную, благоуханную,
Словно пальцы — тычинки сладчайшего лотоса.

Уходят все.

*Так кончается шестое действие, называющееся
«Тайная свадьба».*

Буддхаракишта в правешаке к седьмому действию с восторгом рассказывает, как ловко Макаранда изобразил во время свадебного обряда Малати и как домогательства Нанданы, распаленного страстью и спешившего осуществить права супруга, были решительно отвергнуты Макарандой. Тогда Нандана, заикаясь от ярости, с глазами, готовыми вылезти от досады, поклялся, что больше ничего не пожелает от свдевольной девчонки, и ушел на свою половину дворца. Сама же Буддхаракишта спешит привести к Макаранде Мадаянтику.

Макаранда в наряде Малати и Лавангика обсуждают, как развивается замысел Камандаки. Слышны шаги — это идут Буддхаракишта и Мадаянтика, которой пока не известно, что под нарядами Малати скрыт Макаранда, Мадаянтика собирается отру-

затянуть подружку за ее грубое обращение с Нанданой. Лавангика и Буддхаракишта в беседе искусно возлагают вину на него, но Мадаянтика с горячностью защищает брата, говоря, что даже если он и был обидчиком, то виновата в этом сама Малати, чрезмерно много говорившая о своей любви к Мадхаве.

Лавангика и Буддхаракишта ловко переводят разговор на Макаранду, вынуждают Мадаянтику признаться в том, что она влюблена в Макаранду, и подготавливают ее к тому, чтобы она согласилась на брак с ним по обычаю гандхарвов. Когда Макаранда слышит из ее уст слова, подтверждающие, что она готова ради него на все, он сбрасывает наряды Малати, появляется перед Мадаянтикой в своем настоящем виде и, взяв ее за руку, ласково говорит с ней. Лавангика предлагает им поспешить под покровом ночи туда, где скрываются Малати и Мадхава. Все покидают дворец Нанданы потайным ходом и спешат в обитель Камандаки.

Восьмое действие происходит в роще около обители. Оно открывается правешакой всего лишь из одной краткой реплики Авалокиты: «Я поклонилась почтеннейшей, которая вернулась из дворца Нанданы. Теперь пойду-ка я к Малати и Мадхаве — вот они сидят на камне на берегу пруда, после того как совершили омовенье после столь жаркого дня. Поспешу к ним». И тогда после слов Мадхавы, обращенных к Малати, при свете луны начинается само действие. Авалокита шуточно упрекает Малати за ее нерешительность в отсутствие Мадхавы. Но разговор обращается к судьбе Макаранды и Мадаянтики, и Мадхава выражает сомнение в успехе предприятия Буддхаракишты. Авалокита рассеивает его сомнения и спрашивает, какую награду он дал бы за известие о том, что Мадаянтика выиграла.

Тем временем слышатся шаги, и появляются Буддхаракишта, Лавангика и Мадаянтика, сопровождаемые Калахамсакой. Они в смятении — во время бегства своего они столкнулись с городской стражей, и безоружный Макаранда вступил в схватку со стражниками. Мадхава бросается вместе с Калахамсакой на помощь другу. Малати посылает Авалокиту и Буддхаракишту к Камандаки уведомить о схватке Макаранды со стражниками, а Лавангику — вслед Мадхаве с наказом, чтоб был он в схватке осторожней.

Когда же Малати остается одна с Мадаянтикой, влетает Капалакундала, хватая Малати и улетает с ней на гору Шрипарвата с тем, чтобы предать ее жестокой смерти и тем самым отомстить за Агхорагханту. Является Калахамсака, полный восторга от успешного исхода схватки и от разумности царя, вознаградившего Макаранду и Мадхаву за доблесть. Вслед за слугой приходят и оба героя, собирающиеся сами рассказать возлюбленным о случившемся. Они находят Авалокиту и Лавангику в тщетных поис-

как Малати, а те ничего не могут ответить. Макаранда предполагает, что Малати могла пойти в храм Камы, и все, полные недобрых предчувствий, отправляются туда.

Пространный монолог Саудамини, прилетевшей, чтобы успокоить Мадхаву относительно судьбы Малати, составляет вишкхамбаку, предваряющую девятое действие. Она, ученица Камандаки, прилетела в Падмавати с горы Срипарвата для того, чтобы все поставить на свое место. Но монолог ее посвящен лишь описанию красот окрестностей Падмавати.

Она уходит, и на сцене снова Мадхава и Макаранда. Мадхава скорбит по исчезнувшей Малати, а Макаранда пытается отвлечь его. Но печальная красота природы во время сезона дождей столь безмерно усиливает скорбь Мадхавы, что он от горя теряет сознание. Макаранда раздражается над ним горестными рыданиями, а тем временем его друг приходит в себя. Но, кажется, у него помутился разум — в отчаянии он обращается к облаку с мольбой, что если тому придется встретиться с Малати, то пусть оно ее успокоит и расскажет, в каком горестном состоянии он, Мадхава, находится. Ему чудится облик ее, мелькающий в чаще леса, он молит павлинов, кукушек, обезьян, слонов и всех, кого только видит, рассказать что-нибудь о ней, наконец, молит Макаранду, приняв его за Малати, об объятиях и снова теряет сознание.

Горестно оплакивает Макаранда судьбу друга и сам готов броситься в воды Паталавати. Внезапно перед ними является Саудамини и удерживает его, сообщая, что Малати невредима и что у нее есть дар для Мадхавы. Саудамини и Макаранда спешат спасти Мадхаву; он приходит в себя и снова начинает спрашивать ветер о вестях о Малати, а Саудамини бросает ему в руки гирлянду, сплетенную из цветов бакулы. После этого Саудамини улетает, взяв с собой Мадхаву, а Макаранда спешит найти Камандаки, чтобы сообщить ей счастливые вести.

ДЕЙСТВИЕ ДЕСЯТОЕ

Входят Камандаки, Мадаянтика и Лавангика.

Камандаки (рыдая). Где ты, где ты, дитя мое Малати? О, молви мне, украшавшая мои колени,

Где же, где же теперь твои детские шалости,
Каждой малости сладостный смысл даровавшие?
Где же, где же, разумница, голос твой слышится?
Тяжко дышится мне; как в огне, убиваюсь я.

Ах, доченька,

Помню лик твой младенческий, нежный бутон,
Помню первые зубки твои, лепестки,
Расцветавшие радостно в первых улыбках;
Помню слезы твои, помню лепет невнятный.

Мадаянтика и Лавангика (*горестно*). Подружка, красавица, с лицом, подобным радостной луне, куда ты скрылась? Какая прихоть злой судьбы похитила тебя, чье тело нежно, точно цветок шириши? Какое, достойный Мадхава, тебя постигло горе! Весь мир так радовался твоему торжеству, а ныне он погрузился в безысходную печаль!

К а м а н д а к и (*с еще большим горем*). Ах, дорогие дети!

Союз ваш блаженный, такой совершенный,
Любовь заключила; однако счастливых судьба
разлучила
Незримым своим, нестерпимым ударом,
Как ветер лиану и дерево вмиг разлучает.

Лавангика (*в отчаянии*). Как ты жестоко, проклятое сердце! Ты, видно, из железа! (*Бьет себя в грудь и падает навзничь.*)

Мадаянтика. Лавангика, подруга дорогая, молю тебя, успокойся хоть на мгновенье.

Лавангика. Что мне поделать, подруженька? Не оставляет меня жизнь, словно приклеена ко мне каким-то железным клеем!

К а м а н д а к и. О нежная Малати, от самого рождения Лавангика была тебе милой подругой. Что же не сжалишься ты над ней, несчастной, готовой расстаться с жизнью?

Брошена в мире тобою,
Меркнет подруга, мрачнеет,
Словно бессильный светильник,
Брошенный собственным светом.

Зачем, счастливица, ты меня покинула? Ведь в тепле моих объятий, укрытая полою моей рясы, ты росла и хорошела!

Отпимали от груди тебя; ты была словно куколка;
Я с тобою играла, тебя воспитала, взлелеяла,
Обучила тебя, обручила тебя я с достойнейшим.
Больше матери было бы должно любить меня

Малати.

(В отчаянии.) О луполика, судьба отвернулась от меня, и я совсем утратила надежду

Увидать у тебя на руках твоего первородного
Непаглядного сына, сосущего грудь материнскую;
Видеть, как он смеется, когда на младенческом

темени

Зерна белой горчицы, отборные, чтобы не сглазили.

Лавангика. Прости, почтеннейшая. Невыносимо бремя жизни, единственное мне утешенье — броситься со скалы. Благослови меня, святая, чтобы в другом рождении мне было суждено встретиться с милой подругой!

Камандаки. Нет, нет, Лавангика. И я не стану жить в разлуке с Малати. Одна и та же боль терзает нас. И, знаешь,

Если в грядущих рожденьях
Карма друзей разлучает,
Все же копчина — причина
Нашего освобождения.

Лавангика. Как изволишь повелеть!

Камандаки (глядя с сожалением). Милая Мадаянтика.

Мадаянтика. Что повелишь своей служанке? Я слушаю.

Лавангика. Смилуйся, подруга, не убивай себя. Помни о своем любимом.

Мадаянтика (гневно). Не хочу тебя слушать!

Камандаки. Увы, она решилась тоже.

Мадаянтика (про себя). Властитель мой Макаранда! Слава, слава тебе!

Лавангика. Почтеннейшая, вон видна вершина горы, обвитой священным течением вод Мадхумати.

Камандаки. Все решено. Не будем медлить.

Все жаждут броситься с горы.

Голоса за сценой. Чудо! Чудо!

Мгновенная молния мрак пронизала мгновенный.
В таком озаренье утратили зрители зренье.
Воистину так! Это воля великой ведуньи,
Искусно владеющей вечными тайнами йоги.

Камандаки (всматриваясь, с удивлением и восторгом). Что это?! Мой милый сын здесь!

Макаранда (входя). Может ли быть иначе? Ведь здесь во всем величии великая мастерица йоги!

Голос за сценой

Услыхав, что пропала прекрасная Малати,
Сокрушенный, отчаяньем обуреваемый,
Бхуриवासу в огонь вознамерился броситься
И, взыскав погибели, в храм направляется.

Мадаянтика и Лавангика. Едва открылось нам, что
мы сможем встретиться с Малати и Мадхавой, и вот новая беда!
Камандаки и Макаранда. О, радость! О, горе! Как
странно!

Несчастью сегодня сопутствует счастье.
Дождь маслом сандаловым раны кропит и слепит нас
мечами.

Из ясного неба невиданный ливень:
Амрита целебная смешана с ядом смертельным.

Сварила судьба небывалое зелье,
В котором веселье и горькая скорбь: не без яда
отрада;

И солнечный свет с темнотою густою,
И вместе с луною гроза, предваренная громом.

Голос за сценой. Остановись, отец, остановись! О! Я так
жажду узреть твое лицо! Смилуйся! Верни меня к жизни! Как?! Из-
за меня ты бросаешься в огонь, ты, единственный благодатный
светоч рода, ты, чья слава безупречна во всем подлунном мире?!
Опять, без жалости и без стыда, покидаешь меня?!

Камандаки. Ах, Малати, милая,

Судьба спохватилась: ты здесь очутилась,
Однако другая беда налетела, грозя и пугая.
Неистовый, так появляется Раху
И в гневе глотает луну беззащитную в небе.

Другие. О милая подруга!

*Появляется Мадхава, неся на руках Малати, потерявшую
сознание.*

Мадхава. Вот горестный удел!

Горе сменяется горем;
Вновь угрожает ей горе,
И неужели удара
Предотвратить невозможно?

Макаранда. А где же, друг, та йогини?

Мадхава

С высот Шрипарваты я быстро спускался.
Нес Малати я на руках, окрыленный, в стране
отдаленной.

Отшельник меня дружелюбно приветил,
И я не заметил, как йогини мудрая скрылась.

Камандаки и Макаранда (*просительно, в пространство*). О достойная, спаси нас еще раз! Зачем ты исчезла?

Лавангика и Мадаянтика. О милая подружка Малати, к тебе взываю, тебя молю! (*С мольбой.*) Спаси, почтеннейшая! Давно уже она не дышит, и сердце перестало биться. О достойный Бхуривасу! О прекрасная Малати! Вы стали причиной смерти друг друга.

Камандаки. О дитя мое, Малати!

Мадхава. Увы, любовь моя!

Все впадают в печальное молчанье, затем приходят в себя.

Камандаки (*взглянув вверх*). Что случилось? Словно поток воды пролился на нас с небес, чистых от дождевых туч, и освежил нас!

Мадхава (*со вздохом облегчения*). Малати приходит в себя —

Грудь колыхнулась, дыхание вернулось, и сердце забилось;
Пусть не очнулась, очнется; безжизненный сумрак покинул
Дивное это лицо, так что скоро сиянье вернется:
Вновь на заре вострепнется, сияя, воскреснувший лотос.

Голос за сценой

Не внимая смиренной царевой мольбе,
Бхуривасу в огне пожелал умереть;
К счастью, вял напоследок он все-таки мне
И теперь в изумлении возликовал.

Мадхава и Макаранда (*глядя вверх, радостно*). Возрадуйся, почтеннейшая!

Ведунья спускается к нам с небосвода,
Летит, облака рассекая, откуда целительным ливнем
На нас низвергаются дивные речи
Целительней, благостней, сладостней влаги небесной.

Ка м а н д а к и (*радостно*). Нас осенило счастье!
Ма л а т и. Как хорошо, что снова я живу!
Ка м а н д а к и (*плача от радости*). Приди ко мне, родная!
Ма л а т и. Как? Почтеннейшая здесь?! (*С этими словами па-
дает в ноги Камандаки.*)

Ка м а н д а к и
(*подымает и обнимает Малаги, затем целует в голову*)

Долгий век проживи, в детях жизнь продли!
Осчастливь ты своих, детям жизнь даруй!
Жизнь даруешь ты мне за мою любовь,
Снегом плоти твоей усладив меня.

Ма д х а в а. Макаранда, друг, теперь и Мадхаве стоит жить!
Ма к а р а н д а (*радостно*). Воистину так!
Ма д а я н т и к а и Ла в а н г и к а (*друг другу*). Подруга
дорогая, та, чей облик превзошел то, что в сердце живет, может
быть, и нас почитит объятьем?

Ма л а т и. Подружки милые! (*Обнимает обеих.*)

Ка м а н д а к и. Но объясните мне, сыновья мои, что же слу-
чилось?

Ма д х а в а и Ма к а р а н д а. Почтеннейшая,

Капалакунда в гневе
Гибелью нам угрожала.
Лишь Саудамини мудрой
Мы спасены, без сомненья.

Ка м а н д а к и. Как все это таилось, словно колос в зерне, в
убиении Агхорагханты!

Ма д а я н т и к а и Ла в а н г и к а. О, чудо! Судьба, прежде
чрезмерно жестокая, ныне стала благосклонной.

Входит Саудамини.

Са у д а м и н и (*приближаясь*). Достойная Камандаки, прими
поклон от твоей давней подруги.

Ка м а н д а к и. О добрая Саудамини!

Ма д х а в а и Ма к а р а н д а (*удивленно*). Так, значит, Сау-
дамини училась вместе с почтеннейшей! Теперь все становится
ясным!

Ка м а н д а к и

Подойди, подойди ты ко мне, благодатная!
Сколько жизней спасла ты своей добродетелью!
Нет, не кланяйся, милая! Лучше обнимемся!
Услади меня ласковым прикосновением!

К тому же:

Это ты поклоненья достойна, премудрая!
Разве ты не возвысилась над бодхисаттвами?
Совершенная, разве в себе не взрастила ты
Плодоносное дерево, дерево дивное?

Мадаянтика и Лавангика. Вот благородная Саудамини!

Малати. Конечно же! Такова Саудамини — ведь она, достойная подруга почтеннейшей, сумела одолеть Капалакундалу и, укрыв меня в своем жилище, утешила меня так, как сама почтеннейшая! А как она вовремя бросила гирлянду из цветов бакулы, вас всех уберегла от смерти!

Мадаянтика и Лавангика. Мы очень благодарны нашей младшей наставнице!

Мадхава и Макаранда. Как не дивиться!

Камень волшебный причудлив:
Требует он заклинаний.
Йогини чудом спасала
Нас безо всяких молений.

Саудамини (*про себя*). От этих неумеренных похвал мне стыдно! (*Громко.*) Почтеннейшая, вот здесь послание от повелителя Падмавати, подкрепленное согласием переполненного радостью Нанданы, написанное в присутствии Бхуривасу и посланное царем Мадхаве, да живет он вечно! (*Вручает послание.*)

Камаандаки (*берет послание и читает*). «Да будет вам всем благо! Верховный повелитель уведомляет, что,

Благосклонствуя ныне тебе, благородный наш,
благословенный,
Добродетельный, доблестный, великодушный и верный
избранник,

Твоему дорогому, достойному другу навек мы даруем
Мадаянтику, чье драгоценное сердце давно покори́л он».

(*Обращаясь к Мадхаве.*) Слушай, слушай, сынок!

Мадхава. Я выслушал, и всем доволен я и за все благодарен.

Малати. Вот наконец и из моей души вырван дротик недовольства!

Лавангика. Теперь уж без остатка все желанья достойных Мадхавы и Малати исполнились.

Макаранда (*всматриваясь*). Там, кажется, показались Авалокита и Буддхаракшита, а вместе с ними Калахамсака. Увидев нас, они исполнились восторга и, приплясывая от радости, идут сюда.

Затем появляются Авалокита, Буддхаракишита и Калахамсака.

Все трое (*приплясывая, приближаются к Камандаки и делают поклон*). Победа почтеннейшей, сокровищнице деяний! (*То же перед Мадхавой.*) Победа тебе, Мадхава, благодетелю Макаранды, светлый месяц! Да сопутствует тебе удача!

Лавапгика. Верно, верно! Разве была когда-нибудь и по какому-нибудь еще поводу представлена столь занимательная, столь преисполненная чудесами и увлекательная пракарана?

Саудамини. Она еще более увлекательна потому, что в ней исполнилось давно задуманное желание министров Бхуривасу и Девараты соединить своих детей узами брака.

Малати (*про себя*). Как же это?

Мадхава и Макаранда (*с любопытством*). Как же, почтеннейшая, слова благородной противоречат тому, что случилось с нами.

Лавапгика (*в сторону*). Что же она ответит?

Камандаки (*про себя*). Теперь уж благодаря тому, что с помощью Мадаянттики мы уговорили Нандану, все препятствия устранены. (*Вслух.*) Дети мои, события шли положенным путем, и нету здесь противоречий. Еще когда учились мы, то в присутствии моем и Саудамини они решили: «Мы клянемся, что станем родными в наших детях». Главная же причина всех осложнений — гнев царя — теперь устранена.

Малати. О, вот в чем причина!

Макаранда и Мадхава (*удивленно*). Побеждают великие, те, кто замысел скрывают и приводят его к успеху!

Камандаки. Дети!

Ваш союз, ожидаемый мною давно, столь желаемый мною, Накопец-то теперь заключен; мне судьба воздает по

заслугам.

С Мадаянтикой друг обручен, преуспели мои ученицы.

Счастлив Нандана, рад государь. Не сбываются разве

желанья?

Мадхава (*радостно, с поклоном*). Воистину, почтеннейшая, я вполне счастлив. А все же по милости твоей

Пусть вовеки не ведают бедствий и горестей добрые люди!

И пускай государи царят на земле, соблюдая законы!

И пускай проливается дождь плодородным полям на потребу!

И пускай, окруженный своими навек, человек торжествует!

Так кончена пракарана «Малати и Мадхава».

ВЛЮБЛЕННЫЕ

Б х а н а

В пьесе действуют сутрадхара и вита, которого зовут Вайши-качала, а он упоминает о героях — Куберадатте, сыне купца Сага-радатты, о Сахакарике, слуге Куберадатты, о сыне чиновника На-гадатте, о купце Самудрадатте, сыне Дханадатты, о царском зяте Рамасене, о купце Дханамитре, сыне Партхаки, и еще об одном Рамасене, об учителе игры на вине Вишваवासудатте и еще об од-ном купце, которого зовут Дханика, а также о героинях — самой главной из них Нараянадатте, о служанке ее Канакалате, о Ма-данасене, о дочери Чаранадаси — Анангадатте, Мадхавасене, до-чери Вишнудатты, о мнимой подвижнице Виласакаундини, о Ра-масене, матери Чаранадаси и бабушке Анангадатты, о гермафродите Сукумарике, о Ратисене, дочери еще одной Рамасены, о танцов-щице Приангусене и ее сопернице Девадатте и о Ратилатике, а также о том, что случилось с ними в славном городе Кусумануре.

После чтения нанди входит сутрадхара.

С у т р а д х а р а .

«Кто я тебе? Мы — чужие! Не вцепляйся, негодный
в одежду мою!

Ишь глаза растарачил!

Знаться с тобой не желаю! Вот, вот, на бесстыжем обличье —
зубов соперницы след!

К той самой красоте, что сердце пленила твое,
за ласками бегай, распутник!» —

Пусть женщина, лучшая в мире,
любовью и гневом пылая, нам говорят.

Вот о чем я хочу рассказать почтенным... Досада, только я собрался начать уведомление, как слышится какой-то шум. Пойду взгляну.

Голос за сценой

С весны приходом древо лóдхра
Не обрело одежд зеленых
И выглядит, как бедный вита,
Ходатай по делам влюбленных.

Сутрадхара уходит. Затем входит вита.

Вита

Время весны упоительно! Кóкиля стопы,
Манго с ашокой в цвету, и вино, и качели
Каму свели бы с ума красотой и негой,
Если б он мастером не был на это и сам!

Влюбленные терпят друг от друга взаимные упреки, посланницы любви спешат с велениями, перед которыми не устоишь! Ах, как прекрасно это время! Ведь все становится милее — кораллы и жемчуга, пояса и шелка, тончайшие наряды и ожерелья, сандаловые умашения и узоры на руках! Вот как раз в это-то время, сводящее весь мир и всех людей с ума, и случилась непонятная ссора между Куберадаттой, сыном купца Сагарадатты, и красавицей Нараянадаттой. Из-за этой ссоры Куберадатта послал ко мне своего слугу Сахакараку с такой просьбой: «В храме благодатного Нараяны Маданасена устроила полное различных раса представление для умиловлиения Маданы, и она танцевала. Когда и я пришел туда, то милая Нараянадатта, заподозрив меня в том, что поражен я из-за нее, то есть Маданасены, страстью Маданы, разгневалась и, крикнув мне: «Так ты ее славил?!» — и даже не взглянув на меня, павшего к ее стопам, ушла к себе. Так чтобы для меня, чье сердце измучено страстью Маданы, не обратилась эта ночь в тысячу тоскливых ночей, молю я достойнейшего Вайшикачалу, кто для нашего города во все времена года служит истинным Маданой, чтобы он примирил меня с любимой!»

Послание я выслушал и поразмыслил над ним, но лишь только начал действовать, понимая, как нестерпимы мучения любви, меня задержала жена: она не верила моим доводам. Ведь обо всем она все еще думает так, как юная девица, и всегда готова заподозрить меня в чем-то злом.

Ну, что ж, пообещав утихомирить гнев прелестной Нараянадатты, примусь за дело. А впрочем, что мне здесь обещать?! Ведь

Сладострастные кокиля стоны,
Опьяненного манговым соком,
В ход пускает весна, как средство
К примиренью влюбленной четы.

Да к тому же:

Лучше весны не дано примирить никому
Деву с возлюбленным, если он статен, прекрасен,
Если он людям приятен своим обхождением,
Юностью, щедростью и красноречьем своим.

(Проходящаяся.) До чего хороша главная улица Кусумапура! Смотрите-ка, она выметена и полита, всячески украшена цветами и выглядит словно любовно убранная спальня среди других покоев. Ворота главного базара восхищают взор обилием разных богатых товаров и множеством людей, продающих и покупающих. Ряды домов и дворцов гудят пением вед и спорами мудрецов, звуками музыки и трепетом тетивы, — словно беседуют друг с другом подобные ликам Десятиглавого Раваны, искусного во всех таких делах. Куда ни глянь, в открытых окнах дворцов виднеются лица прелестниц, блистающих своей красотой, как молнии среди облаков, точь-в-точь апсары на горе Кайласе. А вот главнейшие из чиновников, потрясая великолеплем, кто на конях, кто на слонах, а кто на колесницах, спешат туда и сюда. Торопятся посланницы любви, способные посрамить красотой лучших красавиц небесных обдуманно небрежно брошенным украшением, кокетливостью своей и особенно тем, что могут похищать сердца и взоры молодых людей. Красавицы, чьи лотосы-лица своей красотой влекут пчел взоров всех мужчин упиться их соком, прогуливаются по главной улице, словно желая покорить ее.

На челе земли — Кусумапура благосветлым тилаком сияет, Как небесная столица Индры. Высшими достоинствами блещут Жители ее, не зная страха, дивными камнями, венками Украшаясь, радостям любви предаваясь. Их занятие — праздник!

(Поворачиваясь.) Э, да вот идет сюда дочь Чаранадаси. Зовут ее Анангадаттой. Сладка она для мужских глаз, словно амрита. Вы только посмотрите, как она изящно и осторожно ставит ножки! Мне кажется, что утомленной выглядит она — разбита от трудов игры любовной! Верно, этой ночью любовник любил ее безжалостно. Ведь

Нé дали очам сомкнуться ласки!
След зубов на нижней губке виден.
В беспорядке, на прекрасных бедрах,
Опоясок спутанный остался.

Ну, уже сам вид ее — предвестие успеха! Эге, да она прошла, меня и не заметив. Заговорю с ней сам. Обернулась! (*Подходя.*) Что ж это ты со мной не здороваешься? Что ты говоришь? «Не сразу вас узнала. Почтенному привет и уважение». Ну, ладно, коли так — тогда послушай-ка мое благословенье:

Чтоб возлюбленный тебе достался
Щедрый, ласковый, в любви искусный!
Пусть он будет молод, независим,
Обходителен, красив, богат!

Пусть исполнятся твои желания, прелестная.

Богиня Лакшми средь наложниц!
Да будет Кама благосклонен
К тому, с кем нынешнею ночью
Делила наслажденье ты!

Что говоришь? «Иду из дома Нагадатты, сына великого советника».

Голубушка, да ведь его богатство — дело прошлое. Твоей матери это, конечно, не по вкусу. Как же это, милая, то прячешь от стыда лицо, то улыбаешься через силу? Что, правильно я догадался? Ну, не стыдись, не стыдись же, красавица! Ведь,

Алчность матери презрев и закон любви продажной
Позабыв, хоть он завидный урожай тебе сулит,
В дом возлюбленного вступишь ты для таинств нежной
страсти

И гетер корыстолюбье посрамишь красотой души.

А, вижу я, что стыд уместен твой. Что пользы в проклятиях? Зайду к себе домой, а потом загляну к твоей матери. Конечно же, ты нарушила правила своего ремесла. Ступай, почтенная. Что ты сказала? «До свидания!» Так вот тебе, счастливица, напутствие:

Слов не найду,
Восхваляя твои добродетели!
Юности этой чарующей —
Длиться века!

Ушла она. Пойдем теперь и мы. (*Собираясь уходить.*) А, это, конечно, спешит дочь Вишнудатты — зовут ее Мадхавасеной. Бежит она сторонкой, чтобы не заметили ее, словно юная козуля, испугавшаяся крадущегося за нею по пятам тигра, торопливо, осторожно ставит ножки и направляется сюда. Нынче из-за материнской алчности пришлось, видно, сойтись с немилым ей. Как может быть иначе, когда

Ее лица усталость не коснулась.
Затейливая красота прически
Нетронута, и свежи в ней цветы.
С грудей объятьями не стерта пудра.
А если бы любовник упивался
нектаром, был бы след на нижней губке.
Целехонек и опоясок чудный:
не пострадал он от усилий страсти!

Ну, вот, удрученная соитием с нежеланным, она прошла, меня не замечая. Да пусть ее! Все ж последую за ней. Любопытно знать, в чем причина невнимания ко мне! Ого, да она сама возвращается. Что ты говоришь? «Почтенного я не заметила». Это не беда, красавица! Чьи ум и сердце озабочены бедою, нередко бывают забывчивы. Что ты молчишь? «Кланяюсь почтенному». Прими мое благословенье:

Любой, кто мил тебе,— богатым будь!
Пусть нищим будет каждый ненавистный,
Чтоб матери не вздумалось корыстной
Тебя в постель к немилому толкнуть!

Откуда ты, прелестная, идешь? Что говоришь? «Иду от Самудрадотты, сына богатого купца Дханадатты». Ого, вот это удача! Вот кто воистину Вайшравана от века и до века! Но что это? Бутои ее нижней губы трепещет от долгих и горячих вздохов, глаза сощурились, и брови надломились, лотос лица исказился! Ага! Я, видно, недалеко от истины. Ведь

Ты сердце скрепя
подставляла румяные губы.
Шепча с придыханьем притворным любовные речи,
смеялась безрадостно и обнимала бесстрастно.
На ложе легла с отвращеньем,
искусственный выказав пыл.
Прическу заботливо ночь напролет берегла
и жаждала Сурьи восхода!

Ну, ну, красавица, не падо убиваться. Ведь даже урод годится, говоря, коль он богат!

Твой долг — и с милым, и с немилым тоже
Делить, как повелит вам шастра, ложе!
Тем более что не приятства ради
Так поступают, но богатства ради!

Что ты сказала? «Почтенный то же самое говорит, что мне велит и моя матушка». Есть тому причина. Ступай, милая. Я приду к тебе домой и научу как следует паштре. Вот, вот, из-за недостатка в наставниках даже ушла, не попрощавшись! Воистину, подвижница! А пока и мы пойдем потрудимся! (*Собирается уходить.*)

Эге, да вот и странница Виласакаундии! Величаво, плавно выстукая и разливая в глаза встречным амриту красоты, приближается она сюда. От запаха ее изодранного одеяния обезумевшие пчелы покидают побеги манго и обращаются в подобных ей странниц. Дай-ка я заговорю с ней, утолю любопытство моих ушей и глаз. Почтенная, тебя приветствую я, Вайшикачала. Что говоришь ты? «Нам нужен не Вайшикачала, а Вайшешикачала». О, вот в чем причина твоего невнимания!

Рассеянно скользят прелестный взор.

Отмечено лицо трудами страсти.

Усталое, с припухшей нижней губкой,

оно сдается очень миловидным!

В походке разлита истома — память

о празднике любви, прошедшем бурно.

Во всех тебе подробностях, богиня,

счастливы излагали страсти смысл!

Что ты говоришь? «А, раб по-рабски рассуждает».

К стопам, как лотос, нежным, припадают

Рабы твои, счастливы! Разве счастье

Такое может привалить бедняге,

Чьих добродетелей запас иссяк?

Что ты изволила сказать?

«Наставники нам запрещают споры с теми, кто не понимает шести категорий». Что ж, почтенная, это только справедливо, ибо:

О бесподобная, чье тело — *сущность*,

красоты — *качества*, а молодость —
всеобщность!

Красавцы юные хвалу тебе поют,

превознося твой *деянья* хором.

Они с тобой *соединенья* жаждут,

прельщенные *спецификой* твоей.

Соединенье с милыми твоя,

ты от немилых *ищешь избавленья*.

Да она лишь смеется в ответ на мои доводы! Значит, они справедливы. Что еще? «Знакома я и с санкхьей — ведь человек алепака, пиргуна и кшетраджия».

Да, что уж тут говорить! Но пока мы беседуем, мне кажется, почтенная, что ты кого-то высматриваешь! Не следует мне быть препеной для страсти молодых людей. Да преуспее почтенная! Вот и ушла. Пойдем и мы покуда! (*Собирается уходить.*) О! Никак, пожаловать сюда изволит сама матушка Чаранадаси, зовут-то ее Рамасена, обилые наслажденья. В годах преклонных, а все еще и изяществом, и взором, и походкой, и смешками изображает юную егровость. Ну, как не подивиться ей!

Изведавшая множество усад,
любовника не одного в плену
Державшая у прелестей своих,
дабы прибрать к рукам его казну,—
Она предметом распрей для юнцов
была, а нынче — что греха таить? —
По городу вечернему спешит —
возлюбленного дочери доить!

Прекрасно! Насладимся же неистребимым кокетством этой прелестницы, воплощенной пагубы волокит. Слава тебе, Великая Дыба любовников! Прелестная Рамасена, счастливо превзошедшая юностью дочь, почтеннейшая, ты, верно, идешь извлекать родовое богатство какого-нибудь простофили? Сам вид твой и твои проклятья для нас уже ответ.

Что ты говоришь? «Твоя природа сама оплевывает тебя». Да стоит ли об этом много говорить? Скажи-ка лучше мне, куда спешишь? Что говоришь? «Вчера еще Чаранадаси, моя дочурка, ушла в дом к Дханике, а я туда иду, чтобы ее на представление пригласить».

Какова, однако, беззаботность Чаранадаси! А?! Даже приходясь тебе дочерью, тебе, столь умелой в извлечении имущества у любовников и не менее искусной в забвении их, когда из них все уже выкачано, как это пренебрегает она, подвижница, поучениями шастр? Как это,

Заполучив красавца, обобрав его до нитки, убедаясь вполне,
Что впал он в нищету и взяты гладки с него,—

Никак она не сбудет с рук любовника, пылающего страстью!
Иль шастра для нее лишь звук пустой?

Что ты сказала? «Я приведу ее домой под предлогом представления. И ты пожаловал бы к нам, чтобы наставить в законе мою дочь».

Пусть так и будет. Но только есть просьба друга, которую я должен выполнить немедленно, а после улажу я и твое дело. Ступай себе, почтенная, и я пойду. Ох, не доверяйтесь сердцам гетер — ведь

Пылкость ласк, объятий сладость
расточая всем без меры,
Обирают их,— на радость,
не себе, другим,— гетеры.
Тело отчуждать — их дело;
но у них и тело злата
Отнято — продажей тела
завоеванная плата!

Истинно, матери гетер — непоправимое несчастье для влюбленных! Пускай повсюду будут счастливы влюбленные! Пусть сгинут матери гетер, искусные в разорении любовников и изощренные в обращении своих дочерей в оружие, без промаха сражающее! (*Собираясь уходить.*)

Ох, вот идет сюда Зло главной улицы, существо, которое ни мужем, ни женой не назовешь, а зовут его Сукумарика. Недобрый глаз у нее. Пронеси господи! Попробую пройти, не заговорив, и ускользнуть, укрывшись полой одежды. (*Делая так.*) Ох, да она за мной бежит! Куда же мне деться? Да, всемогуща Смерть, но я попробую, польстив ей, выбраться из тигриной пасти. Что ты произнесла? «Приветствую тебя». Милая, да будешь ты многодетна, и да минует тебя беда вдовства! Ведь

Игривостью бровей, блистаньем взора,
прельстительной походкой, гибким
телом,
Улыбками и негой пылких ласк
и ягодиц роскошных широтой,
В истерзанном, измятом опояске,
соперниц посрамившая, ответь,
Откуда вышла ты с тяжелым сердцем,
неупоенная трудами страсти?

Что говоришь ты? «Иду я из дворца царского шурина Рамасены». О, сколь плодотворна жизнь его! Но, счастливица, из-за чего настала разлука, горестная, как разлука чакравак?

Что ты произнесла? «Когда мы были в покоях царских, то Ратитилака, прислужница гетер, искусными и сладостными улыбками и жестами, исполненными страсти, игривыми, исполненными любви взорами и слезами усиленно орошала душу Рамасены, и он воспылал к ней страстью Маданы, о чем мне рассказали волосы на его теле, вздыбившиеся от вожделения, и он наклоню голову дал согласие на то, чтобы разделить с нею страсть Маданы.

Не в силах снести столь явную измену, я прогнала его. Он пал мне в ноги, но я, исполненная гнева, не сжалилась. Тогда си-

лой он затащил меня в свой дом, бросил на тахту и немало потрудился, а потом, ночью, одолеваемый страстью Маданы, меня, истомленную порывами бурной любви покинул, а сам ушел к ней и не возвращается вот уж сколько дней домой. Поэтому-то не поверила я его раскаяниям и, томимая отвращением, пришла к почтенному, чтобы ты меня как-нибудь утешил. Ты, почтенный, должен восстановить мой союз с ним, дорогим мне, как сама жизнь!»

Милочка, да Рамасена ужасно просчитался! Ведь

В чреве твоём невозможно свершиться зачатью,
свежести и миловидности юной во вред.

Плоские груди твои — не помеха объятью.

Страсти препон у тебя ежемесячных нет.

Если он деву покинул

с такой восхитительной статью —

Праздник любви он отринул,

разумному чуждый понятию!

Но пусть так! Подожди меня, гневная, в его доме, а я тем временем поспешу покончить с делом, о котором просил друг. После того как с ним, делом то есть, покончу, заставлю я болвана, чванящегося удачей, выпавшей на долю сестры, смеющего пренебрегать чувствами, переполняющими нежные сердца красавиц, подобных тебе, вернуться домой и пасть к твоим ногам. Ступай же, печальная! Ушла она. Пойду и я! Ох, и трудно же было избавиться от этого существа. Теперь смогу я наконец заняться делом. (*Собирается уйти.*)

Вот досада. Снова меня кто-то приветствует. Да сопутствует вам благоденствие! Давно не встречал я тебя. Почтенный, верно, Дханамитра, сын купца Партхаки? Как это случилось, что на тебя, на полную луну, взошедшую на небо Кусумапуры и заставляющую раскрываться лилии сердец юных жен, разгоняющую мрак нищеты друзей, всех, кто в нужде, и слуг, обрушилась такая беда? Уж не напали ли на тебя разбойники по пути в другую страну, когда ты, в погоне за прибылью, шел с караваном, груженным товарами, стоявшими состояния всей семьи? Или, быть может, царь отобрал все твое добро за злые умыслы? А может, проиграл все в кости, способные за один бросок погубить богатства самого Подателя богатств? Да,

Волосы не стрижены твои,

ногти отрасли и тело грязно,

Исхудалый, побледневший лик

омрачен тревогой неотвязной,

И одежда ветхая твоя

нищеты отмечена печатью.

Иль обязан злополучьем ты

старца богомудрого проклятью?

«Когда дочь Рамасены Ратисена ко мне воспылала страстью Маданы, то и я ответил ей тем же. Да все это почтенному известно. Увы, не ведал я о злобной алчности ее матери и думал, что не покинет меня красавица, и, не поверив советам друзей, предостерегавших меня, я все богатство моего рода поверг к ее ногам. Прошло всего немного дней, и однажды под предлогом купанья велела она мне раздеться и, войдя со мною в засаженный деревьями ашюка сад, закрыла дверь, а стражники в саду, которым был известен ее подлый умысел, выпихнули меня оттуда через какую-то дыру. «Как мне влачить в нищете бессчетные дни в том самом городе, где жил я прежде богато?!» — вот так подумав, я отправился в лес, да по пути тебя увидел. Сохрани, почтенный, в тайне все, что я тебе рассказал. Все ведомо почтенному, а я теперь навеки опозорен!»

Ох уж, безмерна алчность гетер! Как гнусна их порода! Дай обойму тебя, любезный. Счастье, что ты еще жив! И то:

При встрече с бешеным слоном — беги!

Ужаленный змеей — противоядьё

Из трав целебных пей. Спасайся вплавь,

когда исчадьё океанской бездны

Чудовищную разевает пасть.

Но если изрыгает рот гетеры

Подводный пламень светопреставленья —

мир обречен! Спасенья не ищи!

Так ведомо ли тебе, любезный, кто причина твоей беды? Сама Ратисена? Да нет, наверное, ее родительница! Что говоришь ты? «Зачем мне лгать? Ведь Ратисена воистину меня любит. Все это случилось по вине ее матери. Когда б почтенный попытался устроить мне хоть на мгновенье встречу с милой без ведома ее родительницы, то снова жизнь возвратилась бы ко мне». Знаю я о твоей любви к ней, да и от других об этом слышал. Смотрите, он рыдает. Ну, ну, не надо так убиваться! Есть у меня поручение друга, которое немедленно выполнить следует. Как только я с ним покончу, вернусь и распутую твою беду. Ступай, почтенный. Ох, уж эти хитрости гетер!

Среди сановников злодействам своим виновников искать —
Уловка гнусная царей.

Своих любовников умеют гетеры по миру пускать,
Вину свалив на матерей.

Наконец-то он ушел, бедняга — нынче, а прежде — глава всех шапоаев! Пойдем и мы! (*Собираясь уходить.*)

Ой, кто-то произнес мое имя ласковым и сладким голоском, подобным зову кукушки из весеннего леса?! (*Приглядываясь.*) О, да это Приянгусена. Спешу, спешу к тебе, Приянгусена! Что ты изволишь молвить? «Тебе я кланяюсь приветно». Соблаговоли, прелестная, принять мое благословение:

Нежными ногами, кулачками
Отбиваясь от чрезмерной страсти,
Бедра сжав, любимому противясь,
Да вкусишь блаженство ты на ложе!

Какую ты честь, несравненная, оказываешь притиранью, благоухающему всеми благовониями, умащая им свои бедра, утомленные любовными забавами! Милолика, напрасно тот живет, кто не видит сверкающего совершенства твоего прекрасного тела, когда сняты с него все украшения, как не узрит великолепия выезда царя на слоне, когда с него убирают колокольцы, нашейные украшения и налобник. Ибо:

Дивное тело твое увидав без украшений, сандалом натертое, со
следами безудержных ласк,
Улыбку, слегка покрасневшие очи, округлые груди, что юного
пыла полны,
Тонкую ткань одежд, соскользнувших к лодыжкам, и плавную
бедер окружность, от пояса свободных,
Божественный Кама — и тот не в силах с собой совладать.

Что говоришь ты? «Приятны мне ваши слова». Ну, а что же за дело у тебя? Не смущайся. Раз уж окликнула, так говори. Что ты говоришь? «Соблаговолите слушать». Милая, да я весь внимание. Что говоришь? «Во дворце Пурандары, могучего царя, правящего Кусумапурой, чьи веления не терпят возражений, будет устроено представление с музыкой и танцами «Победа Пурандары», исполненное соответствующих рас, а я побилась с Девадатой об заклад, что танцевать я буду лучше. Ты станешь средством, которое доставит мне успех».

Нет, нет, уволь! Что за нужда в светильнике в ночь, озаренную сияющей луной? И нет нужды в толпе помощников тому, кто и так силен! Ты сама себе средство. Меня просил о помощи тебе сам Рамасена, чье сердце переполнено любовью к тебе.

Вот улыбается она, обернувши к слугам лотос своего лица, с трепещущими губами, с чуть-чуть прищуренными глазами, бро-

виями, взметнувшимися вверх, щеками рдеющими,— все это выдает вспыхнувшую в ее душе радость. Что ж, Рамасена за усердие вознагражден наверняка! А Девадатта просто глупа, если хочет соперничать с тобой! С тобой, обладающей красотой, богатством, юностью, сверкающей прелестью, совершенством в четырех видах представлений, тридцати двух разновидностях движений рук, восемнадцати разновидностях взоров, шести позах, трех походках, восьмью расах, трех музыкальных темпах,— все они украшены тобою изобильно! И вижу я, что ты способна и в этом простом наряде превзойти сонмы небесных дев, способных очаровывать сердца и очи богов, асуров и великих мудрецов. Да ведь

Телодвижений прелестью и негой
Плясать заставишь ты сердца и взоры!
Да что о танце говорить? С избытком
Хватило б одного очарованья!

Э, она смутилась! Раз она надела украшение смущения, я свободен. Ну, что ж, пойду себе! *(Собирается уйти.)*

А вот спешит красоточка с упругими грудями, присыпанными пудрой, с затейливой прической, убранный цветами, и от чего-то радостно ее лицо, а торопливая походка полна сладострастия,— зовут ее Канакалата, она — служанка Нараянадатты. Я поболтаю с ней. О, да она ко мне подходит и приветствует меня. Что ты щебечешь, милочка? «Почтительно тебя приветствую».

Будь всегда мила для милого. Чего ради, почтенная, ослептила улыбку шагами своих лотосоподобных ножек? Что ты лепечешь? «Наверно, господин мне льстит». Нет, милая, это совсем не лесть! Что говоришь? «Я вас благодарю». Пусть так, пусть так! Но почему же разлучилась ныне чета чакравак?

Что ты говоришь? «С сердцем, исполненным ревностью, забыв об омовениях, о постели, о еде и украшениях, пошла она в рощу из деревьев ашока и на прохладный камень села, осененный юными побегами. Но ее мученья стали горше от южного ветра, наполненного звенящим пеньем надоедливых пчел и благоуханьем весенних цветов, казавшимся зловонием, от лунного круга с его мертвящим светом. А пока подруги нежными словами утешали ее, в ту рощицу пришел некий человек и словно бы по повеленью Маданы заставил вину рокотать и напевать стихи в размерах вактра и апаравактра,— такой:

Богатство, юность, красота
Не принесут плодов тому,
Кто, вместе с милой, не сумел
Отпраздновать весны приход.

И вот такой:

Останется бесплодной жизнь мужчины,
Того, что, кокиля внимая пенью
И видя в небе лик луны невинный,
С возлюбленной не склонен к примиренью.

Потом, как видно, услышав это пенье, свой гнев наша госпожа смирила и, даже не дождавшись прихода того, по ком страдает, позвала меня и направила свои стопы в дом к нашему красавцу. Вот точно так же и наш красавец, чье упрямство оказалось смягчено приходом весны, с кем-то вместе пошел за моей госпожой, и они столкнулись как раз у дверей дома учителя игры на вине Вишваवासудатты. Тогда тот как бы случайно вышел и, видя, что растерялись они и смутились, увел к себе домой. А нынче утром она мне велела: «Сыщи почтенного Вайшикачалу и приведи сюда». Так соблаговолите пожаловать!»

Ах, милочка, ты наполнила счастьем мне уши! Как мне тебя отблагодарить за такую весть? Прими хотя бы благословенье.

Будь юности твоей цветенье — вечным!
Будь ваше упоенье — обоюдным!
Возлюбленному будь милее всех,
Да не пребудет жизнь его бесплодной!

Ступай вперед, веди меня. (*Собираясь идти.*) Что ты сказала, Ка-накалата? «Войди в этот дом». Что ж, давай войдем. (*Войдя.*) Не тревожьтесь, не тревожьтесь. А вы, влюбленные, сидите.

Сегодня влюбленных чету примирил благодетель,
Прекрасный Васанта,— безмерна его добродетель!
Пускай время года любое таким же радетелем
Им будет, коль скоро окажется ссоры свидетелем.

А как обманут я Васантой, богом весны, возгордившимся своей добродетелью! И встреча-то ваша обошлась без меня! Ну, что мне теперь сказать?! Хотя — ведь в этом и весна не виновата! И правда:

Лунные ночи, благоуханье садов, звуки волшебные вины,
приятность бесед,
Щебет веселый девушек-вестниц и прелесть годичного
круговращения природы,—
В этом, быть может, источник тяги взаимной влюбленных? Нет!
Восхищение друг другом
Двух добродетельных душ, пылкой любовью объятых,— вот
коренная причина!

Потому-то уж если и был я кем-нибудь обманут, то лишь любовью, — и вас обоих друг к другу, и каждого из вас, — любовью, порожденной добродетелью, столь редкой у других и составляющей подлинную суть Маданатантры и истинную славу Кусумапура.

Что говоришь? «Благодарю тебя, почтенный, мы соединились! Как можем мы, с нашими бедными словами, превзойти того, чьей высокоизящной речью восторгается весь Кусумапур?!» Однако влюбленным, истомленным страстью, следует избегать всякой затяжки в любовных делах из-за долгих разговоров. Так что хочу я, с вашего позволения, уйти.

Бхаратавакья

Вам довелось глядеть на юный лик,
 раскрывшегося лотоса двойник,
 Чей блеск усугублен отрадой страсти.
 Всеобщую любовь да обретет
 Наш государь, лаская эту землю,
 чьи груди — горы Виндхья и Сумеру,
 Чьи житницы полны зерном обильным,
 чье лоно омывает океан.

Вита уходит.

На этом кончается бхана под названием «Влюбленные», написанная достойнейшим мудрецом Вараручи.

КИТАЙСКАЯ КЛАССИЧЕСКАЯ ДРАМА

Драматургия как полноправный жанр литературы возникла в Китае сравнительно поздно — на целые тысячелетия позже поэзии и прозы и позже эпохи расцвета театрально-драматического искусства в других древних центрах цивилизации — Греции и Индии. Первые сохранившиеся китайские пьесы датируются XIII веком.

Известно, однако, что уже в VII веке возникла простейшая форма театральных представлений — фарс «игра о цаньцзюне», не имевший еще фиксированной драматургии. Фарс разыгрывался двумя исполнителями, один из которых, «цаньцзюнь» (название чиновничьей должности), неизменно оказывался в смешном положении и терпел побои. Еще несколько столетий спустя, при династии Сун (X—XIII вв.), получают распространение более сложные, но тоже комические, «смешанные представления» («пзацизюй»), в которых участвовало по пяти актеров, не считая танцоров и музыкантов. «Смешанными» эти представления именовались потому, что состояли из трех различных по характеру исполнения и не обязательно связанных общим сюжетом частей. По-видимому, для них уже составлялись специальные либретто. Записи их, однако, не сохранились; известны лишь названия около тысячи «смешанных представлений», бытовавших преимущественно на юге страны, и их северных аналогов «юаньбэнь». Судя по этим названиям, героями сценок были обычные для средневековых фарсов персонажи — лекари, монахи, нищие школяры, незадачливые чиновники. Но встречаются и исторические личности, полководцы и даже государи, — разумеется, прежних эпох.

Одновременно все более популярными становились различные виды сказов, песенной лирики и танцевальных сюит с пением. Во всех этих жанрах большую роль играло музыкальное сопровождение, во многих сочетались проза и стихи — черты, свойственные китайскому традиционному театру в любой его разновидности. Сказы, песни и танцы зачастую исполнялись в тех же балаганах, где и «смешанные представления», что не могло

не способствовать взаимному обогащению этих видов искусства: сказители и певцы порой «входили в роль», перевоплощались на время в героев исполняемых произведений, комические же сценки все чаще сопровождались музыкой и пением. Так создавался зрелый, синтетический вид театральных представлений, включавших в себя прозаические диалоги, поэтические арии и пантомимы.

В южной части Китая, оставшейся под властью династии Сун, этот процесс завершился в XII веке созданием театра «наньси», что означает просто «южный театр». В северной части страны, с 1126 года попавшей под власть чжурчженей, а к 1234 году завоеванной монгольскими армиями Чингисхана и его преемников, несколько позже — в первой половине XIII века — возникла другая театральная форма. Как это нередко случалось в истории китайской культуры, новаторство облеклось в одежды традиции — новая форма стала обозначаться привычным названием «смешанные представления», «цзацзюй». Этот жанр, господствовавший на протяжении всего времени правления монгольской династии Юань (1260—1368), и приобрел у потомков славу под названием «юаньская драма». Когда к 1278 году монголы завершили покорение Южной Сунской империи, «смешанные представления» стали на какое-то время доминировать и в культурной жизни городов южной части страны настолько, что ранние формы драматургии «наньси» были забыты. Лишь в нынешнем столетии случайно были найдены тексты трех «южных» пьес XIII — начала XIV века («Чжан Се, победитель на экзамене», «Сунь-мясник», и «Ошибка знатного юноши»). Несмотря на недостаточную местами литературную отделанность, в них подкупают правдоподобие и драматизм ситуаций, свобода композиции, живость языка, неизменное сочувствие безымянных авторов слабым и обиженным. Вне сомнений, они представляют полнокровный простонародный театр, и нельзя не пожалеть, что судьба оказалась к нему столь неблагоприятной.

Впрочем, удивляться скорее следует не пропаже многих произведений, а самому факту расцвета драматургического творчества в тот период и тому, что значительное число образцов все же дошло до нас, пусть не всегда в полном или первоначальном виде. Ибо нечасто в истории Китая внешние условия для развития и самого существования литературы и искусства складывались столь неблагоприятно, как в эпоху монгольского завоевания, особенно в ее начальные десятилетия. Захватчики в значительной степени разрушили традиционную политическую и экономическую структуру китайского общества, они массами угоняли в плен или обращали в рабство жителей, разоряли города, обращали пахотные земли в пастбища. Широко практиковалась национальная и социальная дискриминация, больно ударившая и по китайскому образованному сословию. Юаньские правители поначалу не последовали примеру предыдущих иноплеменных династий и не стали широко привлекать китайскую служилую аристократию: в течение нескольких десятилетий не функционировала система экзаменов — главный способ пополнения ее рядов. Китайскому интеллигенту, который

раньше занимал, как правило, более или менее видный служебный пост, теперь доставались лишь малозначительные и плохо оплачиваемые должности.

К концу правления Юаней прежние порядки были восстановлены, но длившееся многие десятилетия падение престижа служилой интеллигенции и ухудшение ее статуса имели одним из последствий явный упадок «высоких» жанров — пяти- и семисложного стиха *ши*, песенной лирики *цы*, ритмизованной прозы и новеллы на литературном языке. Их место на авансцене культурной жизни заняли демократические, использовавшие живой разговорный язык жанры, прежде всего драматургические и повествовательные. Они начали набирать силу уже при Сунах, но тогда еще считались низменными, недостойными внимания людей просвещенных. Теперь же многие выходцы из ранее привилегированных сословий — в поисках заработка или возможностей самовыражения — обратились к этим жанрам, привнеся в них свою начитанность в классической литературе и более совершенное мастерство.

Одновременно росла и аудитория: трудолюбивый народ отстраивал разрушенное, изделия искусных ремесленников расходились по необъятным просторам монгольской державы, снова богатели города, люди тянулись к зрелищам и увеселениям. К их услугам были сказители и певцы, танцоры и музыканты. Знавшие начатки грамоты могли купить дешевые, с упрощенными начертаниями иероглифов, издания прозы и стихов, материалы для которых поставляли «книжные общества» — объединения литераторов-профессионалов типа ремесленных цехов. Наряду с народными повестями, крупными по объему сказками и сборниками песен эти общества производили если не всю, то значительную часть драматургической продукции. Количественно эта продукция была огромна: известны названия около семисот пятидесяти пьес в жанре цзацзюй, созданных на протяжении XIII—XIV веков, из которых сохранилось примерно сто шестьдесят. Исключительно широк и выбор тем и сюжетов. Острые коллизии окружающей действительности, события далекого и близкого прошлого, даосские и буддийские легенды, народные предания оживали в ярких образах на многочисленных театральных подмостках в городах и на сценических площадках при сельских храмах. Исторические сочинения, сборники литературных новелл и простонародных повестей, философские притчи, поэмы знаменитых стихотворцев — все служило исходным материалом для творческого воображения драматургов, сплошь и рядом становясь затем источником новых произведений в других жанрах.

О драматургах того времени известно до обидного мало. Никто из них не продвинулся по службе настолько, чтобы заслужить право на официальную биографию, а сведения о них в «частных» публикациях отрывочны и порой противоречивы. Далеко не всегда можно установить хотя бы приблизительные даты их жизни; более или менее достоверно лишь деление их на «ранних» и «поздних», считая рубежом начало XIV столетия (при этом

к «ранним» относятся почти все крупнейшие имена). Во многих случаях спорна атрибуция пьес, примерно четвертую часть которых приходится считать «анонимными». Не исключено, что среди них немало плодов коллективного творчества участников «книжных обществ».

Слава первого драматурга юаньского театра — первого по времени, по плодovitости и многосторонности — искони закрепилась за Гуань Хань-цином (краткие сведения о нем и других представленных в настоящем томе автора содержатся в примечаниях). Среди его творений есть и инсценировки эпизодов из истории Троецарствия, в которых можно ощутить горечь сожаления о том, что прошли времена славных богатырей; есть лирические комедии и бытовые сцены. Но особым вниманием всегда пользовались те его пьесы, которые можно с полным основанием отнести к числу социальных драм, и среди них — «Обида Доу Э», в которой сфокусировались две более всего волновавшие драматурга темы — обличение произвола власти имущих и сочувствие женской доле.

Здесь необходимо сделать уточнение: в большинстве своих пьес Гуань Хань-цин, конечно же, говорил о своем времени, о порядках, свидетелем которых был он сам. Но, как и у других драматургов, писавших на злобу дня, конкретных, специфических только для монгольской эпохи примет в его произведениях очень немного. В частности, ни в одной из сохранившихся пьес мы не встретим монгола хотя бы в качестве эпизодического персонажа. Отдельные китайские исследователи, стремясь обосновать тезис о патриотизме юаньских драматургов, в том числе Гуань Хань-цина, утверждали, что в некоторых из их отрицательных персонажей следует, — несмотря на их китайские имена, — видеть монголов, но это не выглядит убедительным. Во-первых, существовали строгие законы против «клеветнических» и «непотребных» пьес (которые можно было, разумеется, толковать весьма широко). Затем следует учитывать, что Северный Китай и до монголов управлялся чужеземными династиями, простой же народ в повседневной жизни чаще сталкивался с чиновниками-китайцами. И главное, те пороки, которые обличали драматурги, не были свойственны лишь монгольскому, довольно короткому, периоду в истории Китая, а вытекали из совокупности феодальных общественных отношений, складывавшихся тысячелетиями.

Так и в «Обиде Доу Э»: судя по упоминанию об экзаменах, действие пьесы происходит при Сунах, но уже в завязке читатель сталкивается со злом, особенно свирепствовавшим именно при Юанях, — ростовщичеством. Бедняк-ученый, чтобы расплатиться с долгами, вынужден отдать процентщице свою дочь. Пусть не в рабыни, а в невесты ее малолетнему сыну — все равно процентщица оставалась в барыше: не придется тратить на дорогостоящие свадебные подарки, а пока что девочка будет прислуживать в доме. Безрадостно начатая жизнь Доу Э рано приходит к трагическому исходу — ее казнят за чужое преступление. Достоин внимания, с каким искусством, нигде не «пережидая», ведет сюжетную линию драматург. Его персонажи вовсе не патологические злодеи, их поступки объясняются са-

мыми что ни на есть прозаическими мотивами. Лекарь не мог вернуть долг старухе и решил ее задушить; отец и сын Чжань, спасшие ее, позарились на богатство свекрови и молодость вдовой невестки; старуха побоялась пойти им наперекор; случайно отравив отца, Ослевок ради собственного спасения должен свалить вину на кого-то другого; жадного и подлого судью меньше всего интересует истина — ему бы лишь выколотить из обвиняемого признание... И некому пожаловаться на несправедливость — разве только всеведущему Небу. Но Доу Э не только жалуется, она обвиняет верховные божества — Небо и Землю — в забвении своего прямого долга, в потакании злодеям и притеснении слабых. И, как бы устыдившись, Небо ниспосылает чудеса, подтверждающие невинность Доу Э, а ее отыскавшийся наконец отец воздаст по заслугам правым и виноватым.

Казалось бы, справедливость восстановлена, — но уже после гибели героини. Так можно ли эту и подобные пьесы называть трагедиями? Думается, что да: ведь и у Шекспира злодеи караются по делам их. Но нужно сказать, что по трагическому накалу страстей, по глубине философского осмысления противоречий человеческого бытия китайская классическая драма заметно уступает европейскому театру, рожденному эпохой Возрождения: ее творцы не пережили ни такого бурного расцвета гуманистических идеалов, ни такого быстрого их краха. Они творили в эпоху, когда феодальный строй был еще жизнеспособен, на их творчество влияло и оптимистическое мироощущение жителей процветающих городов, и буддийская вера в будущие перевоплощения и воздаяние за грехи. Кроме того, в Китае литература издревле рассматривалась как своего рода моральный кодекс и учебник жизни, в котором каждый «пример» должен сопровождаться недвусмысленным приговором.

Применительно ко многим пьесам слово «приговор» имеет не только фигуральный, но и юридический смысл — их финалы завершаются чтением судебного вердикта или решения государя. В роли вершителя правосудия чаще других выступает Бао Чжэн — реально существовавший, но идеализированный позднейшей молвой сановник XI века. Иногда он наделен сверхъестественными чертами — может вызвать по ночам души умерших и с их помощью выяснить подлинные обстоятельства дела. Но чаще он изображается вполне реальным персонажем, только более проницательным и бесстрашным, чем окружающие. В остро реалистической пьесе анонимного автора «Поставки риса в Чоньжоу» он разоблачает обирающих население области чиновных грабителей и карает их, несмотря на высочайшее покровительство двора. Порой, однако, и обширных полномочий Бао Чжэн оказывается недостаточно для того, чтобы добиться правды. В пьесе «Лу Чжайлан» (не исключено, что она написана Гуань Хань-цином) он без труда узнает, что местный сатрап, по имени которого названа драма, в действительности убийца, насильник и клеветник. Но чтобы добиться разрешения на казнь негодяя, Бао Чжэну приходится записать его имя другими, по начертанию похожими, иероглифами — такую силу тот имеет при дворе.

В мире, изображенном юаньскими драматургами, царит полнейшее бесправие, и честным людям приходится лишь терпеть да уповать на рыцарей правды вроде Бао Чжэна. Но бывает, что терпеть уже неумоготу,— тогда те, что похрабрее, берутся за оружие, чтобы в меру собственных сил и разумения отстаивать справедливость. Таковы герои большой группы пьес о повстанцах из Ляншаньбо, тех самых, предания о которых составили основу знаменитого романа «Речные заводы», появившегося тоже в конце юаньской эпохи. Сюжеты пьес не всегда находят соответствие в эпизодах романа, однако общего много — разлитый в повествовании дух благородной вольницы, бесшабашная удаля одних героев и сочетающаяся с чувством справедливости осмотнительность других. Было бы ненужной модернизацией рассматривать эти пьесы как апологию крестьянских восстаний, тем более, что крестьян среди их героев почти нет (их вообще очень мало в юаньском театре, этом дегиче средневекового города). Конечно, эти удалыцы борются не против существующих порядков, а «лишь» за устранение личных обид. Они не восстают и против традиционной идеологии, тем более что конфуцианство оправдывало выступление против недостойных правителей. Но когда личных обид становится слишком много,— значит, что-то не в порядке в государстве. Герои, жившие в начале XII века, спустя два столетия как бы сошли с подмостков и повели против ослабевавших монгольских государей все более многочисленные армии повстанцев. И они победили, но фактически дело свелось лишь к замене иноземной жестокой власти своей, отечественной, не менее жестокой.

В пьесах о храбрецах Ляншаньбо подлинное историческое событие еле различимо за окутавшим его флером народных преданий и писательского воображения. Во многих других драмах интерес сосредоточен именно на реальных исторических событиях и их действующих лицах. Некоторые из этих пьес выглядят простыми иллюстрациями к хроникам, ограничиваются воспроизведением внешней канвы событий, перегружены дипломатическими интригами или батальными эпизодами. Зато в центре других — судьбы людей далекого прошлого, их мысли и чувства, находившие несомненный и живой отклик у современных драматургам зрителей. Именно такова «Осень в Ханьском дворце» Ма Чжи-юаня — недаром эта трагедия открывает собой ставший каноническим «Изборник юаньских пьес».

Ставшие седой древностью времена Ханьской империи. Государство ослабло, перестало наводить страх на окрестные народы. Кочевники сюнну усилились настолько, что китайский император вынужден отдать в жепы их предводителю свою любимую наложницу Ван Цян. Столько лет она в результате интриг придворного художника находилась в пренебрежении, только недавно заметил и полюбил ее государь — и вот грозит разлука. В бессильной ярости обрушивает император горькие упреки на трусливых полководцев, неспособных защитить страну от угроз, на дармоедов-министров, умеющих лишь истощать казну... Но разве драматург разит негодованием только пезадачливых сацовников давпо прошедших времеп, разве

перед его мысленным взором не вставали вельможи Сунского государства, больше всего радевшие о собственном благополучии и без настоящей борьбы отдававшие область за областью сначала чжурчжэням, а потом монголам? И когда после томительной сцены прощания Ван Цян увозили в далекую холодную степь, трудно представить себе, чтобы зрители не вспоминали о соотечественниках, которых так недавно толпами угоняли во все концы Чингисхановой державы...

История утверждает, что Ван Цян стала женой предводителя сюнну, паньюя, а после его смерти, согласно местному обычаю, супругой его наследника. Но драматург следует другой, народной версии: героиня бросается в реку, отделяющую владения дома Хань от кочевников. Шаньюй, — надо воздать должное поэтической беспристрастности Ма Чжи-юаня, обрисованный довольно привлекательными красками, — посылает на казнь живописца, непосредственного виновника случившегося. А безутешный император, такой человечный в своем бессильном горе, изливает его в стихах, относящихся к числу шедевров драматической поэзии юаньской эпохи. Так трагедия переводится в эмоциональный план, приобретая элегическое звучание. Это соответствует общему характеру творчества Ма Чжи-юаня, в драмах и песенной лирике которого преобладают грустные мотивы, ощущение несовершенства и быстротечности жизни и стремление укрыться от ее бед среди природы или в мире даосских фаттазий.

По-иному звучит другая знаменитая историческая драма — «Сирота из дома Чжао» Цзи Цзюнь-сяна — первая китайская драма, переведенная в XVIII веке в Европе и переделанная Вольтером в классическую трагедию под названием «Китайский сирота». Тема пьесы — воспевание самоотверженной верности долгу и благородного стремления отомстить тирану — должна была импонировать европейской публике. Вельможный злодей Ту Аньгу в древнем царстве Цзинь истребил весь род честного сановника Чжао Дуня. Остался лишь младенец, его внук. И вот сначала мать, потом двое придворных жертвуют собой, чтобы спасти дитя, будущего мстителя, а дворцовый лекарь обрекает на смерть своего сына, выдав его за «сироту Чжао». Настоящий же сирота растет в доме обидчика, пользуясь его доверием и расположением. Но приходит должный час, сирота узнает о своем происхождении, и справедливое возмездие свершается. Зло, каким бы всемогущим оно ни казалось, не может остаться безнаказанным — таков нравственный лейтмотив пьесы, своим суровым колоритом напоминающей японские сказания о верных долгу самураях.

Но перенесемся из мира возвышенных страстей и дворцовых интриг в мир обыкновенных чувств, повседневных радостей и горестей, обратимся к тем произведениям, героями которых выступают рядовые жители средневекового города — купцы и певички, мастеровые и праздные гуляки. Такие пьесы должны были развлекать — поэтому в них всегда должна быть занимательная интрига, недоразумения, случайные совпадения. Они должны были и поучать — отсюда проповеди добродетельной жизни, умерен-

ности, доброты в отношениях между родственниками, верности друзьям и супружескому долгу. В этих бытовых пьесах преобладают светлые тона. Зрителя как будто приглашают забыть на время о тяжелых временах и пользоваться доступными радостями. Порок — скопидомство, разгул, обман — осуждается, но весело, с шуткой. В отличие от европейских моралите, в них нет и следа аллегоричности, герои остаются живыми людьми, ситуации — вполне жизненными.

Пьеса неизвестного автора «Убить собаку, чтобы образумить мужа» дает хорошее представление об этой разновидности юаньской драматургии. Положенная в ее основу ситуация несложна, близка к бытовому анекдоту и не очень оригинальна; добродетельная жена, использующая хитрость, чтобы припугнуть мужа-гуляку и наставить его на путь истинный, известна фольклору и простонародной литературе многих стран. Впрочем, есть и чисто китайские черты, — например, готовность младшего брата терпеть любые поношения, поскольку этого требовал кодекс уважения к старшему в роду. Сюжет изложен живо, с той долей серьезности, которую требуют законы нравоучительной комедии, а в условно-обобщенных фигурах персонажей проглядывают индивидуальные штрихи. Юаньская драма, наряду с городской повестью хуабэнь, впервые обратила пристальное внимание на «частную» жизнь простых людей, и это было заметным шагом китайской литературы по пути к реализму.

Несомненно также новаторское звучание тех лирических и нравоопределяющих комедий, в центре которых находится любовная интрига. Новаторство здесь — в более смелом, нежели в предшествующей литературе, проведении мысли о праве человека на любовь независимо от социальных различий и воли родителей. Существенно и то, что особенно активно это право отстаивают — не речами, а поступками — молодые женщины, которым домострой предписывал путь смирения и послушания. Наиболее прославленный образец таких пьес — «Западный флигель» Ван Ши-фу (она известна у нас в русском переводе)¹. Сюжет ее восходит к новелле танского поэта Юань Чжэня «Повесть об Ин-ин», но в ходе неоднократных переработок он претерпел радикальные изменения. Рассказ о недолгой любовной связи, заканчивающийся сентенциями в духе традиционной «антифеминистской» морали, превратился в славословие любви, преодолевающей все препоны. Ван Ши-фу придал сюжету окончательный вид, сделал характеры героев более одухотворенными и — благодаря большим размерам пьесы — более многогранными. Особого упоминания заслуживает стилистическое совершенство пьесы Ван Ши-фу. Он недаром считается крупнейшим мастером школы «изукрашенного стиля» в юаньской драме. Для этого стиля характерна ориентация на «высокую» лексику, частое использование литературных намеков, изысканных сравнений и эпитетов. Представители школы «натурального стиля», у истоков которой стоит Гуань Хань-цзин, более ши-

¹ Ван Ши-фу. Западный флигель. М., 1960.

роко черпали выражения из разговорной речи, не избегая вульгаризмов, и нередко естественность и экспрессию они предпочитали филигранной отделке стиха. Первая школа чаще ассоциируется с тенденцией романтической, книжной, вторая — с реалистической, бытовой. Но делать из этого прямолинейные выводы об идейной направленности произведений, принадлежащих к различным стилистическим школам, было бы неверно. Иные «натуральные» пьесы проповедуют обветшалые феодальные догмы, тогда как в некоторых «изукрашенных» звучит их явное неприятие.

В их числе и «Западный флигель». Бедный студент Чжан Гун и дочь первого министра любят друг друга, и когда мать героини хочет помешать их счастью, они при содействии разбитной и умной служанки Хун-нян (этот образ, родственный персонажам европейской комедии XVII в., — еще одна новация Ван Ши-фу) вступают в тайную связь. Сочувствие драматурга знатной барышне, решившейся преступить заветы девичьей скромности, и содержащееся в пьесе описание эротической сцены (весьма целомудренное, если вспомнить иные более поздние произведения китайской литературы) шокировали ортодоксальных ханжей, зачисливших пьесу в число «развратных». Но она широко распространялась, трогая и воодушевляя «всех влюбленных Поднебесной», к которым и обращался Ван Ши-фу. Однако не следует преувеличивать глубины разрыва автора «Западного флигеля» с традиционной моралью. Дерзость Ин-ин в какой-то мере оправдана тем, что мать первоначально соглашалась на ее брак, а Чжан Гун «реабilitирует» себя блестящей сдачей государственного экзамена. Характерным является и разрешение конфликта в «Гармонии ветра и луны» Гуань Хань-цина: служанка Янь-янь посмела вступить в любовное соперничество со знатной девицей и добилась успеха — став второй, после соперницы, женой возлюбленного. Здесь явственно проступает и гуманистическая тенденция, утверждающая равенство людей в области чувства, и молчаливое признание патриархальной полигамной формы брака как вполне естественной. Но при всей ограниченности сферы свободного проявления чувств в юаньской драме ее возникновение говорило о начале долгого, к началу нашего столетия так и не завершившегося процесса формирования в китайском обществе новых, более человеческих этических норм.

Многообразием тем и персонажей китайской драмы первых веков ее существования соответствует и разнообразие компонентов, составляющих ее идейную основу. Среди них — конфуцианство, даосизм и буддизм, главным образом в их вульгаризованных версиях, народный религиозный синкретизм, легенды и суеверия, ортодоксальный домострой и отмечавшиеся выше ростки гуманистического мировоззрения. В этой пестроте отразилась свойственная юаньской эпохе сравнительная терпимость к вероучениям разного толка. Господствовавшее при Сунах конфуцианство (точнее, неоконфуцианство, далеко отошедшее от первоначального учения древнего философа и ставшее, по существу, государственной религией) утратило свое главенствующее положение; двор покровительствовал, или, во всяком слу-

чае, не чинил препон, не только последователям таких традиционных для Китая религий, как буддизм и даосизм, но и мусульманам, несторианам и даже католикам. И все-таки идеи конфуцианства в его позднейшей интерпретации занимают в драме самое видное место. Это прежде всего представление о том, что единственно достойное благородного человека занятие — изучение конфуцианского канона с тем, чтобы сдать экзамены и затем верой и правдой служить стране и государю. Сюда же относятся и тезисы о безусловном почитании старших, о главенствующей роли мужчины в семье. Несправедливо было бы отмечать лишь отрицательную, консервативную функцию конфуцианства. В конфуцианские тона были окрашены главным образом фигуры честных слуг государства, борющихся против лихоимства и интриганов или защищающих страну от захватчиков. Кроме того, превознесение ученого сословия — основного носителя конфуцианских идеалов — в первые десятилетия юаньского правления носило оттенок социального протеста. Позднее, когда конфуцианцы вновь были приближены ко двору, роль выразителя нонконформистских идеалов опять вернулась к даосизму и буддизму с их отказом от служения власти предрежащим и особенно проповедью ухода от «пыльного мира». Наиболее широкое распространение получили такие настроения в последний период монгольского правления, когда восстания, войны и социальная анархия охватили значительную часть Китая, когда жизнь опять стала казаться неустойчивой и полной опасностей.

Большинство пьес, основанных на даосских и буддийских (они не всегда четко разграничены) легендах и концепциях, имеют сходные сюжетные построения. Некий человек живет в «миру», живет «как все» — копит деньги, предается страстям, притесняет — порою сам того не осознавая — ближних. Он не подозревает, что на самом деле он не простой смертный, а воплощение какого-либо небожителя, сосланного на землю, чтобы искупить свои прегрешения. Ему предстоит вновь обрести свою «истинную природу», но сделать это можно лишь в озарении веры, с помощью божественного наставника, предварительно отречьшись от всех мирских соблазнов. А поскольку человеку трудно решиться на это, наставнику приходится прибегать к помощи чудес, дабы устроить и вразумить его.

Именно так развивается действие и в пьесе Чжэн Тин-юя «Знак «терпение». Лю Цзюнь-цзо — «самый большой богач в Бяньляне», но он скуп настолько, что не хочет потратиться на лишнюю чарку вина в собственный день рождения. К тому же он легко впадает в гнев, — а это, согласно буддийскому учению, первая из четырех дурных страстей, свойственных людям. И вот будда Милэ является в образе популярного в китайских народных сказаниях «Монаха с мешком», чтобы пробудить его отказаться от своего богатства, укротить свой нрав и порвать все цепи, связывающие его с этим миром. Ведь Лю Цзюнь-цзо является перерождением некогда согрешившего святого архата, и ему вскоре, по окончании срока искуса, предстоит вернуться в свое первоначальное обличье. Достичь просветления Лю Цзюнь-цзо монах хочет через проповедь терпения, подкрепляя ее чудесами. После

каждого чуда Лю соглашается последовать за монахом, но вновь и вновь не выдерживает искушений. И в монастыре он не в силах забыть об оставленном дома богатстве, о жене и детях. «Огонь желаний» по-прежнему жжет его. И лишь когда Лю, получив разрешение посетить родные места, узнает, что за время его иночества, показавшегося ему очень коротким, в «пыльном мире» прошел целый век и все его родные давно умерли, он приходит к убеждению во всемогуществе Будды.

Пьеса, вроде бы проповедующая религиозную мораль, фактически говорит о несовместимости ее с «нормальными» потребностями и чувствами людей, преодолеть которые можно лишь со сверхъестественной помощью. В других драмах — в таких, как «Бешеный Жэнь» Ма Чжи-юаня или анонимная «Лань Цай-хэ» — герой, ради его индивидуального «спасения» попускается к жестоким поступкам — убийству собственных детей, оставлению семьи без средств к жизни. Как это нередко бывает в европейских мифах, достижение освященного церковью идеала здесь ставится выше повседневной, общепринятой морали. Чисто средневековые черты, в той или иной мере свойственные всей юаньской драматургии, в этих пьесах выступают особенно отчетливо, и это сказывается на их художественных достоинствах. Но без знакомства с одной из таких драм представление о жанре в целом было бы явно односторонним. В то же время есть пьесы с участием божеств и святых, почти свободные от религиозного морализирования. Так, «Путешествие на Запад» Ян Цзин-сяня — самая крупная по объему из пьес цзацзюй — рассказывает о путешествии оберегаемого небесными силами монаха Сюань-цзана за буддийскими каноническими книгами. Но за фасадом религиозной легенды таится сказочно-авантюрное повествование о борьбе с чудищами, оборотнями и всякой нечистью.

До сих пор речь шла о содержании юаньских драм, но необходимо рассказать и об их весьма своеобразной форме. Дело в том, что структуру цзацзюй в значительной мере определяет музыкальная основа пьесы. Каждый из четырех, в редчайших случаях пяти, актов (кроме них, в начале или середине пьесы могла добавляться более короткая сценка) включает в себя, наряду с прозаическими диалогами, цикл арий, написанных на довольно строго определенный состав мелодий в определенной же ладотональности. Мелодический рисунок определял размеры арий и отдельных строк. Все арии в цикле были связаны единой рифмой и исполнялись одним персонажем. Чаще всего этот персонаж цел на протяжении всех четырех актов. Амплуа актеров, исполнявших эти ведущие роли, именовались чжэнмо (для мужчин) и чжэндапэ (для женщин). На долю остальных амплуа — их количество и функции жестко фиксировались — оставалось вести диалоги и декламировать нараспев стихи иных, отличных от арий, форм. Только шугчоу иногда поет комические песенки, не входящие в циклы арий.

Соотношение между прозаическими и поэтическими частями в китайской драме существенно отлично от того, к которому мы привыкли, скажем, у Шекспира. В его творениях чередуются сцены, написанные прозой и сти-

хами; те и другие одинаково необходимы для уяснения сюжета, в равной степени движут действие, хотя эстетическое их воздействие, конечно, различно. В цзацзюй стихх (арии) сюжетослагающей роли фактически не имеют, обо всем, что происходит, мы узнаем из диалога. Но это суховатая, почти что деловая информация; эмоциональная же сторона свершающегося, мысли и чувства героев раскрываются в ариях. Их нельзя уподоблять и песням, которые поют персонажи некоторых шекспировских пьес. Песни можно изъять, пьеса потеряет какие-то дополнительные краски, но будет продолжать существовать. В ариях же главная прелесть юаньских драм, без арий они просто немислимы. Роль декламируемых стихов гораздо более скромная.

Вокально-лирический жанр цзюй, к которому принадлежат как драматические арии, так и песни (самостоятельные или объединенные в циклы) для сольного исполнения вне рамок спектаклей, возник на фольклорной основе, но был обогащен за счет элементов классической поэзии и различных видов сказа. Он ближе к разговорной речи и в некоторых отношениях менее скован правилами, чем классический стих, но более «литературен» и формализован, нежели народная песня. Прозаический же текст пьес — насколько можно судить сейчас — был весьма близок к разговорному языку, хотя и включал отдельные книжные образы. Оговорка объясняется тем, что мы не располагаем оригинальными записями диалогов — большинство юаньских пьес сохранилось в редакциях XVI—XVII веков. В тех тридцати произведениях, которые вошли в единственный уцелевший донный сборник начала XIV века, диалогов почти нет — напечатаны только арии. Это породило даже версию о том, что диалоги вообще не записывались, а импровизировались. Импровизация, несомненно, имела место, особенно в комических ролях. Но из арий нельзя узнать ни состав действующих лиц, ни их взаимоотношения, ни перипетии действия. Все это раскрывалось лишь в диалогах, которые должны были фиксироваться хотя бы в сокращенном виде.

Сложность формы цзацзюй, необходимость укладывать действие в строго ограниченные рамки и концентрировать его вокруг одного поющего персонажа, требовали от авторов незаурядного мастерства. В то же время это накладывало известные ограничения на выбор сюжетов и степень детализации их разработки. Поэтому некоторые драматурги пошли на объединение в одно целое нескольких цзацзюй обычного размера; так, «Западный флигель» состоит фактически из пяти формально законченных пьес, объединенных общим сюжетом. Но, большинство избрало другой путь — они обратились к отошедшей на второй план, но отнюдь не исчезнувшей «южной драме». Там не ограничивались ни размеры пьес, ни число поющих персонажей, более свободным был выбор мелодий (и южного происхождения и северного, тогда как в цзацзюй использовались только последние). В итоге с середины XIV века южная драма начинает брать реванш. Цзацзюй еще оставался живым жанром довольно долго (одним из видных его мастеров был в начале XV в. внук основателя Минской династии, принц Чжу Ю-дунь), но выдающихся образцов уже не появлялось.

Однако сюжеты, темы и образы, созданные замечательными юаньскими драматургами, не стали просто достоянием истории литературы и театра. Многие из них, изменяясь в соответствии с запросами времени, вновь и вновь оживали в творениях драматургов последующих эпох. Уже все известные произведения «южной драмы» середины XIV века представляют собой обработку сюжетов более ранних пьес. Так, в пьесе Гао Миша «Пипа» (название музыкального инструмента) фабула в основном та же, что и в ранней «южной драме» «Чжан Се, победитель на экзамене»: о том, как молодой человек, оставив в деревне жену, уехал в столицу, сдал экзамен и, женившись на дочери министра, забыл о бывшей подруге жизни. Но между пьесами есть и характерное различие: в более ранней — вероломный герой явно осуждается, тогда как Гао Мин всячески старается обелить его, представить жертвой обстоятельств, и подводит действие к благополучному финалу (дочь министра соглашается уступить деревенской жене первое место в семье). Дело в том, что к этому времени драматурги все чаще стали ориентироваться на вкусы и представления образованной публики, на те труппы, которые приглашались для выступлений во дворцах вельмож и самого императора. Приобретая композиционную стройность и стилистический лоск, их пьесы теряли жизненность и непосредственность, столь характерные для «золотого века» юаньского театра.

При Минях — национальной династии, сменявшей монгольских правителей в 1368 году, — эта тенденция усилилась. Наведя порядок в стране, улучшив на время положение народа, первые минские государи жестоко преследовали свободомыслие. Одно время действовал, в частности, закон, запрещавший представлять на сцене императоров, сановников, святых и мудрецов древности. Но отнюдь не запрещалось славословить правителей или разыгрывать безобидные сказочные сюжеты. Так, драматургия становится «респектабельным» жанром, ею не пренебрегают самые высокородные литераторы, — мы уже упоминали принца Чжу Ю-дуня, назовем и его дядю Чжу Цюаня, автора одного из первых сочинений о пьесах и их авторах. Несколько десятков драм удостоились чести быть включенными в составленный по высочайшему повелению в самом начале XV века энциклопедический свод «Юилэ дадянь». Но внимание верхов оказалось губительным для театра — подлинная творческая жизнь замерла на целых полтора столетия.

Новый подъем ощущается лишь с середины XVI века. Он связан с усилением борьбы сторонников реформ против деспотического режима и с выступлениями передовых мыслителей против неоконфуцианской ортодоксии. Ли Кай-сянь в пьесе «Меч» вновь обратился к повстанцам из Ляпшань-бо, и когда его герой Линь Чун обличал камарилью, «грабящую страну и топчущую народ», его слова звучали вполне современно. А в «Поющем фениксе» (пьесе, созданной или отредактированной одним из виднейших литераторов эпохи Ван Ши-чжэнем) впервые была отброшена завеса «историчности» драмы и воссозданы актуальные политические события — история борьбы нескольких честных чиновников против придворной клики, при-

несшей бедствие стране. Оба эти произведения написаны в жанре «повествование об удивительном» («чуаньци»), фактически являющемся продолжением «южной драмы» в ее более позднем, «олитературенном» варианте. Это, как правило, крупные по объему вещи, насыщенные по несколько десятков картин, с большим числом действующих лиц и более или менее сложной фабулой. Талантливым драматургам это позволяло насытить пьесу острыми коллизиями, детальнее обрисовать фон, углубить характеры героев; заурядные — шли по пути механического увеличения размеров пьесы за счет общих мест и трафаретных ситуаций. Благодаря стараниям последних широко распространились шаблонные сюжеты, получившие название «рассказы о талантливых юношах и юных красавицах», — сентиментальные повествования о том, как бедный студент и знатная барышня полюбили друг друга и как после разных злоключений они обрели супружеское счастье. Чуаньци предназначались больше для чтения, нежели для постановки — из-за непомерного объема многих из них для сцены отбирались лишь наиболее яркие, кульминационные сцены. В настоящем издании придется последовать этому обычаю, чтобы дать читателю представление о трех наиболее прославленных «повествованиях об удивительном».

Первое из них — «Пионовая беседка» — создано Тан Сянь-цзу в 1598 году. «От чувства живой может умереть, а мертвый воскреснуть», утверждает драматург в предисловии к пьесе, противопоставляя эмоциональное субъективное начало реалистическому моральному императиву неоконфуцианцев. Соединяя действительность и фантастику, прославляя любовь, побеждающую смерть, Тан Сянь-цзу недвусмысленно выступает против защитников домостроевского уклада, губящего любовь. Героиня пьесы, дочь видного сановника Ду Ли-нян, рвется из дома, от наставлений и запретов, от схоластических толкований учителя-начетчика. Она мечтает о счастье с юношей, пригрезившимся ей во сне. Достичь желаемого невозможно, она тоскует и умирает, но и став бесплотным духом, не отказывается от мечты. Она находит героя своего сновидения и соединяется с ним. Затем она убеждает возлюбленного раскопать ее могилу и вновь обретает земное обличье — уже как обладательница вполне реального, земного счастья. Казалось бы, перед нами вновь традиционный счастливый конец. Но это уже не следствие случайной удачи или успеха на экзаменах, а итог бескомпромиссной борьбы героев, их веры во всемогущество человеческого сердца.

Мотив сна, играющий такую важную роль в «Пионовой беседке», присутствует и в нескольких других пьесах Тан Сянь-цзу, но уже в ином осмыслении. В пьесе «Рассказ о Нанькэ», основанной на сходной по названию повелю IX века, сон является метафорой человеческого бытия с его быстротечностью, суетными желаниями и тщетностью надежд на постоянство успеха и благополучия. Идея этой пьесы представляется резко контрастной по отношению к предыдущей. Но между ними есть и внутреннее родство. Оно состоит в глубокой неудовлетворенности драматурга окружавшей его жизнью и стремлении возвыситься над ней либо в мечтах, либо во сне.

Иначе как романтической, такую тенденцию не назовешь, хотя философская основа европейского романтизма, разумеется, имеет мало общего с мировоззрением китайского драматурга рубежа XVI—XVII веков.

Тан Сянь-цзю творил в период, когда страна переживала застой и была изолирована от других центров цивилизации, когда стремление к радикальным переменам беспощадно подавлялось, так что пессимистический налет на некоторых творениях драматурга легко объясним. Но он утверждал, что стремление к счастью и свободе, пусть не без помощи чуда, но все же осуществимо, и утверждал это в исполненных высокого поэтического мастерства строках, которые не одно столетие восхищали ценителей изящного.

Прославление чувства, тожествующего над смертью, составляет лейтмотив и написанной почти на столетие позже (в 1688 г.) исторической трагедии Хун Шэна «Дворец вечной жизни». В основе ее сюжета лежит история любви танского императора Мин-хуана (VIII в.) к его наложнице (гуйфэй) Ян, уже использованная до Хун Шэна в ряде известных литературных произведений, включая поэму Бо Цзюй-и «Песнь о бесконечной скорби» и пьесу юаньского драматурга Бо Пу «Дождь в платанах». Хун Шэн заимствует некоторые мотивы у предшественников и даже переносит из пьесы Бо Пу в почти нетронутом виде отдельные арии. Но в его трактовке сюжета есть и своеобразие — явная тенденция к идеализации Ян. Бо Пу изображает ее женщиной легкомысленной, преданной удовольствиям, в значительной степени повинной в возникновении мятежа Ань Лу-шаня, принесшего неисчислимые беды стране. Ее гибель от рук возмущенных солдат выглядит справедливым возмездием, причем император ничего не пытается предпринять для ее спасения. Хун Шэн, правда, сохранил эпизод о том, как ради удовлетворения прихоти наложницы с далекого юга везут плоды личжи, умножая этим тяготы простого народа. Но в целом она обрисована как женщина благородная, преданная и глубоко чувствующая. Император готов пожертвовать жизнью ради нее, но она для блага страны решает покончить с собой. У Бо Пу в финале трагедии престарелый император предается скорби и воспоминаниям о былом счастье. Хун Шэн же, возвращаясь к старинной легенде, приводит действие к благополучному исходу: сила любви и горя Мин-хуана настолько трогает божества, что они позволяют ему вновь соединиться со ставшей бессмертной феей Ян.

Исполненная величавой гармонии и изящества, насыщенная яркими, хотя и не всегда оригинальными поэтическими образами, пьеса Хун Шэна приобрела широкую популярность. Однако уже через год ее представление было запрещено. Существует предположение, что в образе главари мятежа иноплеменника Ань Лу-шаня власти усмотрели намек на маньчжуров, захвативших в середине XVII века Китай.

Это событие нашло прямое отражение в последней из знаменитых драм в жанре чуаньци — «Веере с персиковыми цветами» Кун Шан-жэня (1698). Однако эта пьеса со стороны правителей возражений не вызвала, ибо положение Минской империи в последние ее годы изображено в ней (в со-

ответствии с исторической истиной) в самом неприглядном свете, и это при желании можно было расценить как косвенное оправдание маньчжурского вторжения. Почти все действующие лица пьесы — реально существовавшие лица. Развертывая весьма сложный сюжет вокруг истории любящей пары — певички Ли Сян-цзюнь и молодого ученого Хоу Фан-юя, драматург воссоздает широкую панораму бурных лет крушения Минского государства. Поставив перед собой цель — показать «из-за чего потерпела поражение просуществовавшая триста лет династия», Кун Шан-жэнь обличает алчных и сластолюбивых сановников, заботящихся лишь о собственном благе, трусливых царедворцев и бездарных военачальников. Он находит слова осуждения и для главных героев, хотя и относится к ним в целом с несомненной симпатией. Перед тем как Хоу и Ли уходят в монастырь, даосский священнослужитель восклицает, обращаясь к ним: «Бедные глупцы! Оглянитесь кругом: где ваша страна, где ваш государь, где ваши родители? А вы никак не можете отказаться от своего чувства!» Этим драматург вновь привлекает внимание к своей главной мысли об ответственности каждого за судьбы страны, без благополучия которой невозможно и личное счастье.

В XVIII и особенно в XIX веках развитие драматургии в Китае идет по нисходящей линии. Между тем театр в это время переживает пору расцвета: возникают все новые его локальные разновидности, совершенствуется техника исполнения. Но репертуар его составляют главным образом переложения ранее созданных драм и отрывков из популярных романов и повестей. Переложения эти делались известными ремесленниками или самими актерами и в литературном отношении, как правило, заметно уступали первоначальным версиям. Из оригинальной же продукции этого периода заслуживает быть выделенным лишь созданный в 60—70-х годах XVIII века «Павильон поющего ветра» Ян Чао-гуаня — яркий образец жанра «коротких пьес». Это сборник, состоящий из тридцати двух одноактных миниатюр (автор по традиции именовал их «цзацзюй», но формального сходства с юаньскими пьесами в них нет). Сюжеты их Ян Чао-гуань черпал из старинных книг, народных легенд и преданий прошлых веков, героями же выступают чаще всего представители хорошо знакомого ему чиновного мира. Каждая пьеса имеет дидактическую «сверхзадачу», которую автор излагает в кратких предисловиях, — осуждение того или иного порока, проповедь честности, бескорыстия и прочих добродетелей, которыми должен обладать достойный слуга государства. В лучших своих творениях Ян Чао-гуаню на ограниченном пространстве удается создать волнующую драматическую ситуацию и придать хотя бы некоторым персонажам «лица необщее выражение». Не случайно «Отмененный пир» вплоть до недавних лет шел на подмостках театров. Пьесами Ян Чао-гуаня фактически завершается история китайской классической драмы.

В. СОРОКИН

ОБИДА ДОУ Э

*Сочинил при Юанях
Гуань Хань-цин из Дадун.*

ПРОЛОГ

«Буэр» в роли тетушки Цай входит и говорит нараспев:

Дважды цвести
 порою цветам дано,
Юность одна,
 у людей не бывает двух.
Почести бренны,
 богатство — к чему оно?
Радость, покой —
 и ты небожитель, дух.

Зовут меня тетушка Цай, родом я из округа Чучжоу. В семье нас было трое, да, на беду мою, муж мой умер, и теперь у меня только сын семи годков от роду. Вот мы с ним и коротаем дни и месяцы, благо денег в доме хватает. Один здешний сюцай по фамилии Доу в прошлом году занял у меня двадцать лянов серебра и теперь вместе с процентами должен мне сорок. Я уж не один раз напоминала ему про долг, да он никак не может отдать, все ссылается на бедность и невезение. А у него есть дочь — ей только что исполнилось шесть — девочка милая и на вид приятная. Я и подумала — что, если я возьму ее в невестки, а отцу прошу долг? Ведь

так обоим будет лучше. Он сказал, что сегодня по всем приметам благоприятный день и что он сам приведет дочь в мою семью. Так что я не пойду собирать долги и подожду дома — скупай Доу должен вот-вот прийти.

«Чунмо» в роли Доу Тянь-чжана входит, ведя за собой «чжэндань» в роли Дуань-юнь, и говорит нараспев:

Десять тысяч книг в обложках

синих и желтых шелков

Сыма Сян-жу прочел и остался

беднее всех бедняков.

Но, принятый ханьским двором, умолчал,

как в лавке вином торговал,

Говорил о поэме «Цзысуй», о смысле

своих искусных стихов.

Моя фамилия Доу, зовут меня Тянь-чжан, а родина моих предков — округ Цзинчжао близ Чанъани. С детских лет упражняюсь я в конфуцианском учении, одолел множество книг, да только не повезло мне с судьбой: ни чинов, ни славы еще не добился. Другая беда — умерла у меня жена, и я остался с этой девочкой. Дуань-юнь шел третий годик, когда не стало ее матери, а теперь ей уже седьмой. Я вконец обнищал, пока добрался до этого Чучжоу. А здесь есть тетушка Цай, женщина весьма богатая. Жить мне было не на что, пришлось занять у нее двадцать лянов серебра. Теперь, вместе с процентами, нужно отдавать ей сорок. Она уже не раз спрашивала про долг, но чем я с ней расплачусь? Вдруг — кто бы мог подумать: тетушка Цай стала подсылать ко мне людей и предлагать, чтобы я отдал свою дочь ей в невестки! А ведь уже объявлено, что нынешней весной состоятся экзамены, и мне пора бы отправляться в столицу, да где взять столько денег... Ничего не поделаешь, придется мне отдать мою Дуань-юнь в невестки тетушке Цай. *(Вздыхает.)* Эх! Разве это называется «отдать в невестки»? Ведь я просто-напросто продаю свою дочь. Тетушка Цай простит мне одолженные у нее сорок лянов серебра и даст еще немного для поездки на экзамены — это все, на что я могу рассчитывать. Но я заговорился — вот уже ее ворота. Дома ли тетушка Цай?

Цай *(входит)*. Заходите, пожалуйста, скупай, я давно вас жду.

Приветствуют друг друга.

Доу Тянь-чжан. Тетушка, вот я привел вам свою девочку. Не смею полагать ее вашей невесткой — пусть она просто прислу-

живает вам с утра до вечера. Мне теперь пора отправляться в столицу добывать славу. Оставляя вам свою дочь, я надеюсь, тетушка, что вы присмотрите за ней.

Ц а й. Вот мы с вами и породнились. Вы были должны мне, вместе с процентами, сорок ляннов серебра. Я возвращаю вашу долговую расписку и даю еще десять ляннов на дорожные расходы. Уж ны, сват, не посетуйте на скромность этого подношения.

Доу Тянь-чжан *(выказывает знаки благодарности)*. Премного благодарен, тетушка! Мало того что вы простили мне такой большой долг, вы еще даете мне денег на дорогу. Такая доброта не останется вознагражденной. Тетушка, девочка моя — еще несмышлениш; очень прошу вас присматривать за ней!

Ц а й. Ну зачем говорить об этом, сват! Раз уж ваша девочка пришла в мой дом, она будет для меня как родная дочь, можете быть спокойны.

Доу Тянь-чжан. И еще об одном одолжении прошу вас, тетушка: если Дуань-юнь будет заслуживать битья — отругайте ее как следует, будет заслуживать ругани — сделайте ей внушение. Доченька, твой отец многое спускал тебе, здесь же будет по-другому: если станешь озорничать, тебя могут и отшлепать и отругать. Но у меня, детка, нет другого выхода. *(Выказывает печаль, поет.)*

На мотив «Любуюсь цветами» в тональности «сяньлюй»

Я жалкий бедняк и, увы, никак
денег на жизнь добыть не могу,
в доме царит нужда.
Я должен расстаться с дочкой родной,
ей суждена разлука со мной, —
о, злая беда!
Я вскоре отправлюсь
пыльной дорогой
в столицу Лоян.
Бесконечно далек возвращения срок;
когда же его череда?!
На устах печать, остается молчать,
словно душа из тела ушла навсегда.

(Уходит.)

Ц а й. Студент Доу оставил свою дочь мне в невестки, а сам поехал прямо в столицу на экзамены.

Дуань-юнь *(выказывая печаль)*. Папа, и тебе не жалко бросить здесь свою дочь!

Ц а й. Теперь ты будешь жить в нашей семье. Я — твоя родная свекровь, ты — моя родная невестка, ты будешь для меня как собственная дочь. Не нужно плакать, пойдем лучше займемся домашними делами.

Уходят.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

«Цзин» в роли лекаря Сай-лу входит и говорит нараспев:

«Книга о травах»
до тонкостей ведома мне:
С чувством и с толком
лечу по сходной цене.
Своим лекарством
покойника не воскрешу,
Зато живого
угробить могу вполне.

Моя фамилия — Лу. Люди говорят, что я силен в искусстве врачевания, и поэтому прозвали меня «лекарем Сай-лу». Я держу аптеку за Южными воротами уездного города Шаньян. В нашем городе живет тетушка Цай, у которой я занял десять лянов серебра, а теперь с процентами должен ей двадцать. Она уже не раз приходила за деньгами, да мне нечем расплатиться. Если она больше не придет, то и говорить не о чем. Но если придет — я знаю, как мне быть. Посижу-ка я в аптеке, посмотрю, не явится ли кто-нибудь.

Ц а й (*входит.*) Я — старая Цай. Я давно уже переселилась сюда, в Шаньян, и живу себе потихоньку. Тринадцать лет назад сючай Доу Тянь-чжан оставил мне в невестки свою дочь Дуань-юнь. Мы сменили ей это детское имя на Доу Э. Не прошло и двух лет после свадьбы, как мой сын вдруг заболел чахоткой и умер. Моя невестка уже три года вдова и скоро снимет траур. Я сказала ей, что пойду за город получать долг с лекаря Сай-лу. (*Идет.*) Я миновала городские стены, завернула за угол и подошла к его дверям. Дома ли лекарь Сай-лу?

Л е к а р ь. Заходите, тетушка!

Ц а й. Что-то мое серебро у вас залежалось, пора бы и возвратить!

Л е к а р ь. Тетушка, я не держу денег в аптеке. Пойдемте со мной в деревню, там я с вами и рассчитаюсь.

Ц а й. Что ж, пойдемте.

Идут.

Лекарь. Вот мы и дошли до удобного местечка — ни на востоке, ни на западе ни души. Где же и приступить к делу, коль не здесь? У меня тут припасена веревка... Эй, тетушка, кто это вас кличет?

Цай. Где?

Лекарь начинает душить старуху. Вдруг появляются старый Чжан и «фуцзин» в роли Чжана Осленка. Лекарь Сай-лу в испуге убегает. Старый Чжан приводит тетушку в чувство.

Осленок. Смотри-ка, отец, эту старуху едва не задушили.

Чжан. Эй, тетушка! Откуда ты, как тебя зовут? За что хотел задушить тебя этот человек?

Цай. Меня зовут Цай, живу я в этом городе со своей невесткой-вдовой. А этот лекарь Сай-лу задолжал мне двадцать лянов серебра, вот я и пришла к нему сегодня требовать долг. Кто же мог знать, что он решил заманить меня в безлюдное место и задушить, лишь бы не платить долга! Не окажись здесь вы, почтенный, и этот молодой человек, не быть бы мне, старухе, в живых!

Осленок. Слыхал, отец? Она говорит, что живет с невесткой. Коли я спас ей жизнь, она должна меня отблагодарить. Ты, если хочешь, бери эту тетку, а я возьму ее невестку — нам обоим будет хорошо. Поговори-ка с ней!

Чжан. Слушай-ка, тетушка! У тебя нет мужа, у меня нет в доме хозяйки. Может, пойдешь ко мне в жены, а?

Цай. Как вы можете говорить такое? Пойдемте ко мне, я хорошо отблагодарю вас деньгами.

Осленок. Значит, ты не согласна, хочешь откупиться от нас деньгами? Тут валяется веревка лекаря Сай-лу, задушуй-ка я тебя, доведу до конца его дело! *(Подбирает веревку.)*

Цай. Братец, позволь мне немного поразмыслить!

Осленок. Да чего тут размышлять? Ты пойдешь к моему папаше, а я возьму твою невестку.

Цай. Если я буду противиться, он меня придушит. Ну хорошо, хорошо! Пойдемте ко мне домой.

Все уходят.

Доу Э *(входит.)* Моя фамилия — Доу, детское имя — Дуань-юнь, предки мои родом из Чучжоу. На третьем году жизни я лишилась матери, на седьмом рассталась с отцом. Отец отдал меня в невестки тетушке Цай. На семнадцатом году я стала женой ее сына. На беду мою, муж умер вот уже три года тому назад. Сейчас мне идет двадцатый год. За Южными воротами живет лекарь Сай-лу, — задолжал моей свекрови, считая с процентами, двадцать

лянов серебра и, сколько ни напоминали, не возвращает долга.
Сегодня моя свекровь сама отправилась к нему за деньгами. Эх,
Доу Э! До чего же горька твоя судьба!

(Поет.)

На мотив «Алые губы»

Нутро изболело, томится тело
 который год.
Ныне и впредь суждено терпеть
 бремя невзгод.
Знает ли Небо, как тяжек
 подобный гнет?
Оно исхудало бы, услышав мои жалобы,
 и со мною рыдало бы
 ночь напролет.

И никто не знает, когда придет конец этой скорби!

(Поет.)

На мотив «Замутивший реку дракон»

В желтые сумерки, в белые дни,
 безмерно грустна и сна лишена,
Забыв о еде, вопрошаю: где окончанье беде,
 ужель мне без меры она суждена!
На вдовьем ложе одно и то же
 я вижу в мареве сна,
Весь день-депской той же тоской
 томлюсь допоздна.
Если ветка в цвету, блестя, как парча,
 коснется расшитого полога
 исторгнет слезы она.
Сердце рвется, когда гляжу из окна,
 и вижу, как, совершенно кругла,
 над женским покоем повисла луна.
Душу жжет непонятный пламень палящий,
 неуемные мысли все чаще и чаще
 бегут за волною волна.
Грузно гнетет тоска, складка на лбу глубока,
 с бровью бровь сведена.
Хочу с собой совладать, но вдвойне нарастает
 смятенье во мне,
и горшим горем душа полна.

На мотив «Полевой сверчок»

Неужто гласили «восемь примет» и сочетанье планет,
что мне горевать до конца моих лет?
Кто несчастней меня?
Дайте ответ!
Не могут сердца, как воду, точить без конца
боль безысходную.
Я трехлетней была, когда мать умерла,
покинула свет.
На седьмом году с отцом в разлуке,
он ушел, и я потеряла след.
Выдали замуж,
супругом стал наш сосед,
Но краток был его жребий,
быстро поблек его цвет.
Со свекровью вдвоем
сторожим мы пустынный дом,
Кто проявит заботу о нас,—
никому дела нет!

На мотив «Радость Поднебесной»

В прежнем рожденье, быть может, мало
благовонья во храме я воскуряла:
не потому ль на себя навлекла
В жизни нынешней столько горя и зла?
О бытии предстоящем заботясь, спешите
сегодня творить благие дела!
Стану свекрови служить —
жизнедатна ее похвала.
Буду траур носить —
сколько бы я ни прожила!

Свекровь ушла получать долг — что же ее до сих пор нет?

Тетушка Цай входит вместе со стариком и Чжаном Осленком.

Ц а й. Вы оба подождите тут, у дверей, я войду первой.
О с л е н о к. Что ж, иди и скажи, что твой зять стоит у дверей.

Цай встречается с Доу Э.

Д о у Э. Вы вернулись, матушка? Будете обедать?

Ц а й. Доченька, уж и не знаю, как я буду с тобой говорить...

Доу Э.
(поет)

На мотив «Наполовину»

Почему она слезы льет без конца?
Это странно весьма!
Побранилась, что ли, взямая долги,
обозлясь: мол, пуста сума?
Лучше к ней поспешу да быстрее расспрошу:
что же с ней приключилось?
Сдается, она мне хочет поведать сама.

Ца й. Как я начну разговор? Стыдно ведь!

Доу Э.
(поет).

Она, вполовину колеблясь, вполовину смутясь,
от стеснения нема.

Матушка, чем вы так расстроены, отчего плачете?

Ца й. Когда я пошла за деньгами к лекарю Сай-лу, он заманил меня в безлюдное место и хотел задушить. Спасибо, старый Чжан и его сын по прозвищу Осленок спасли мне жизнь. А потом старый Чжан захотел, чтобы я взяла его в мужья. Вот из-за этого я и расстраиваюсь.

Доу Э. Матушка, ну как же так можно! Подумайте сами как следует! Разве у нас в доме нечего есть или не во что одеться? Или у нас нет денег и мы кругом в долгах? Опять же и возраст у вас преклонный, седьмой десяток идет. Зачем же вам брать мужа?

Ца й. Доченька, ты говоришь сущую правду. Но ведь они, отец с сыном, спасли мне жизнь. Я уж им говорила: мол, вернемся домой, я отблагодарю вас за то, что спасли меня, деньгами и подарками. А Осленок откуда-то узнал, что в доме есть еще невестка, и говорит: «У тебя с невесткой нет мужья, у меня с отцом нет жен. Знать, само Небо хочет породнить нас!» И тут он пригрозил удушить меня, если я не соглашусь. Тогда я перепугалась и не только сама дала согласие отцу, но и тебя пообещала отдать сыну. А что мне еще оставалось делать?

Доу Э. Матушка, послушайте меня!

(Поет.)

На мотив «Цветы на заднем дворе»

Чтобы не вышло зла и мимо напасть прошла,
выбрав счастливый день,
совершите должный обряд:

Идите в семейный храм, усердно молитесь там,
да заботьтесь о том, хорошо ли
благовонья горят.

На иней и снег ваших волос
достойно ли невпопад

Сходный с облаком и зарей
парчовый накидывать плат?

Вовсе нет греха, когда невесте ищут жениха,
выдать ее хотят,—

Но вам-то сейчас, простите, на глаз
едва ли не шестьдесят.

Говорится не зря ведь, что нужно оставить
мирские дела, если старость пришла,
иначе это разврат.

Разумно ли напропалую верность отринуть былую
и ждать от нового мужа, что он
вашей жизни украсит остаток:

Будет людям потеха — они от смеха
разинут рты, надорвут животы —
истинно вам говорят.

Ц а й. Опи, отец с сыном, спасли мне жизнь. И уж коль так
случилось, пусть люди смеются — мне все равно.

До у Э
(поет)

На мотив «Зеленый братец»

Разумеется, вас он от смерти спас —
велика его доброта.

Но зачем вам супруг — стан ваш боле не юный
бамбук,
поблекли уста.

Как вам не стыдно: вы лелеете бабочки-брови,
выйти замуж хотите внове,
но какая из вас чета?!

Припомните хоть на миг, что прежний ваш
господин —
велика его щедрота! —

Вам оставил зѣмли — и не затем ли,
чтоб не знала вас нищета.
На утро и вечер он вас обеспечил
рисом и супом.
На зной и холод
платьем и теплым тулупом.
Как мечтал ваш господин, чтоб его жена и сын —
вдовица и сирота —
Без печали, без слез до седых волос
Прожили вместе честь по чести,—
не сбудется, видно, его мечта!

Ц а й. Доченька, опи сейчас думают только о том, как бы вой-
ти в нашу семью и поскорее справить свадьбу. Разве я смогу от-
делаться от них?

Доу Э
(поет)

На мотив «Худая трава»

Ты молвишь, вот-вот день свадьбы придет...
Бахвальный зарок!
Но весьма печалюсь я о тебе,
невзгоду сулит тебе рок.
Я печалюсь, мой друг, ослабеешь ты вдруг,
и едва ли от чарки взаимного счастья
отопьешь хоть глоток.
Я грущу и скорблю: ты не вденешь застужку в
петлю —
потемнеет в глазах у тебя,
и вся свадьба будет не впрок.
Я печалюсь о том, что в смятенье ума
не уснешь ты на шитой цветами постели
ни на часок.
Хочешь ты непременно, чтоб под звуки шэна
тебя позвал в узорчатый зал
твой будущий муженек.
Но мне кажется, что не стоит тревожиться,
ибо свадьба твоя отложится
на долгий срок.

Ц а й. Доченька, довольно укорять меня. Отец и сын ждут у
наших дверей. Раз уж вышло такое дело, будет лучше, если и ты
возьмешь себе мужа.

Доу Э. Если вам, матушка, хочется, вы и берите, а мне никакого мужа не надо.

Ц а й. С чего ты взяла, будто я хочу мужа? Но что я могу поделать, когда они сами в дверь вломились!

Осленок. Вот и мы! Давайте сегодня же сыграем свадьбу. «Если шапка радуется взгляды — значит, это жених что надо! Раз узки у него рукава — будет в доме он голова!» Хороши женихи, хороши! Ручаюсь, не прогадаете! *(Входит вместе со старым Чжаном и отвечает поклон.)*

Доу Э *(не отвечая на приветствие)*. Осади назад, парень!

(Поет.)

Заключительная ария

Не должно женщине верить тому,
что твердит мужича.

Беда с моею свекровью.—

Что может быть хуже — о покойном муже
нет и помин!

Собирается в дом ввести
невежду простолюдина,

А заодно и достойного казни злодея —
мужичьего сына.

Осленок *(корча рожи)*. Да ты взгляни только, какого мы с отцом изящного сложения! Разве мы не годимся в мужья? Чем даром терять время, давай-ка поскорее исполним обряд!

Доу Э

(не обращая на него внимания)

Ведь подобный брак что подземный мрак!
Гибель, кончина!

Ты, свекровь, совсем лишена стыда,
поступаешь бесчинно!

Мой свекор честный по всей Поднебесной
колесил, выбивался из сил, но добра накопил:
денег — корзина!

Разве не святотатство, коли все богатства
добродетельного семьянина

Осчастливят нежданно Осленка Чжана,
обогатится наглый детина.

Осленок хочет заставить Доу Э опуститься на колени, Доу Э отталкивает и опрокидывает его.

Нет, не так должна пребывать жена,
лишившаяся господина.

(Доча Э уходит.)

Ц а й. Уж вы, почтенный, не сердитесь. Ведь вы спасли мне жизнь, — я ли не постараюсь вознаградить вас! Да только у моей невестки такой нрав, что ее лучше не задевать. А раз она не соглашается выходить за вашего сына, мне тоже неудобно выходить за вас, почтенный. Я сейчас подам доброго вина и вкусной еды, вы с сыном поживете у нас в доме, а я буду исподволь уговаривать свою невестку. Вот когда она передумает, тогда и завершим дело.

О с л е н о к. Ишь потаскушка! Да будь она непорочной девицей, которую первый раз тискают, и то нечего было так толкаться! Все равно я с пустыми руками не уйду. Так вот мое слово: если я вскорости не сделаю ее своей женой, можете не считать меня мужчиной.

(Говорит нараспев.)

Десять тысяч и даже больше
женщин зналось со мной,
Но такой занозистой, как эта,
не видывал я ни одной, —
Ты, старуха, была бы мертва без меня,
давно бы не видела света —
Так что же не хочет невестка твоя
любить со мной хоть за это?

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Л е к а р ь
(входит, говорит нараспев)

Науку о врачеванье
я до тонкостей изучил.
Понятия не имею,
скольких до смерти залечил.
Вечно боюсь допоса,
дела ото всех таю,
Но запертою — ни дня
не держал аптеку свою.

Есть тут в городе старуха Цай. Я ей задолжал двадцать лянов узорчатого серебра, так она столько раз за ним приходила, едва хребет не сломала. А я не сумел придумать ничего умного, взял да и заманил ее в заброшенную деревню. Откуда ни возьмись — два неведомых мужика. Кричат: кто это, мол, творит тут злодейство, нарушает законы вселенной, хочет задушить невинного человека? Я с перепугу бросил веревку и побежал, только ноги замелькали. Хотя ночью со мной ничего не случилось, я все равно мучился так, словно душа ушла из моего тела. Тут-то я понял, что человеческая жизнь — это не пыль на стене, ею вправе распоряжаться лишь Небо и Земля. Я решил отныне сменить ремесло, замолишь свои грехи и изменить судьбу. Я хочу, чтобы каждому, кого я залечил до смерти, достался свиток со священным текстом, избавляющим его душу от мучений.

Я — лекарь Сай-лу. Чтобы не платить тетушке Цай долга, я заманил ее в глухое место и хотел задушить, да двое мужиков спасли ее. Как же мне быть, если она снова придет требовать долг? Как говорится в одном присловье, «есть тридцать шесть разных хитростей, но самая лучшая — бегство». К тому же я бобыль, семья мне руки не связывает. Соберу-ка я свои вещи, сложу их в узел и потихоньку отправлюсь в другое место. Займусь там каким-нибудь другим делом, буду жить, ничем не запятанный, — как хорошо!

Осленок (*входит*). Я — Чжан, по прозванию Осленок. Ничего у меня не выходит — эта Доу Э никак мне не покоряется. Сейчас ее старая свекровь заболела. Добуду-ка я яду и подсыплю ей. А уж когда отравлю старуху, эта девка волей-неволей станет моей женой. (*Идет.*) Нет, надо подумать! В городе люди горазды пялить глаза да болтать языками. Стоит кому-нибудь увидеть, как я покупаю яд, — пойдут всякие толки. Третьего дня за Южными воротами я видел одну аптеку. Там тихо и безлюдно, самое место покупать отраву. (*Показывает, что дошел до аптеки, кричит.*) Господин доктор, мне нужно лекарство!

Лекарь. Какое тебе нужно лекарство?

Осленок. Мне нужна отрава!

Лекарь. Ишь какой наглец! Да кто же тебе рискнет продать яд?

Осленок. Ты что, и вправду не хочешь продать мне лекарства?

Лекарь. Вправду не хочу, а что?

Осленок (*тащит лекаря*). Ладно же! А это не ты ли третьего дня хотел убить тетушку Цай? Думаешь, я тебя не узнал! А ну, пошли к судье!

Лекарь (*выказывая испуг*). Братец, отпусти меня! Вот твоё лекарство, вот! (*Передаёт яд.*)

Осленок. Теперь лекарство у меня, и я, так и быть, прощу тебя. Недаром говорится: «Где можно не применять силы — не применяй; когда можно простить человека — прощай». (*Уходит.*)

Лекарь. Вот уж не везет, так не везет! Оказывается, за снабдьём приходил тот самый парень, что спас старуху. Пришлось дать ему отраву. Но если это дело откроется, мне придется совсем худо. Закрою-ка я поскорее эту аптеку и поеду в Чжочжоу торговать крысиным ядом. (*Уходит.*)

Входит Цай, показывая, что болеет, держится за стол. Затем входят старый Чжан и Осленок.

Чжан. Стоило мне попасть к тетушке Цай, как сразу же захотелось взять эту старую вдовушку в жены. Но ее невестка ни в какую не соглашалась. Тетушка оставила нас с сыном в своем доме. Она все твердит, что хорошего дела второпях не сделаешь и что надо подождать, пока она не переубедит свою невестку. Да и кто же мог подумать, что тетушка заболит? Сынок, ты бы погадал на наших «восьми знаках» — когда придет день «красных фениксов и небесной радости»?

Осленок. Чего там ждать какой-то «небесной радости»? На себя надо полагаться. Коли смелости хватает, делай все сам.

Чжан. Сынок, тетушка Цай болеет уже который день. Пойдем узнаем, каково ей сегодня. (*Встречается с Цай.*) Как вам сегодня, тетушка, не полегчало?

Цай. Худо мне, совсем худо.

Чжан. Может, поели бы чего-нибудь?

Цай. Я, пожалуй, съела бы супу из бараньих кишок.

Чжан. Сынок, ступай, скажи Доу Э, что тетушка хочет поесть супу из бараньих кишок.

Осленок (*направляясь к выходу*). Доу Э! Тетушке захотелось супу из бараньих кишок, приготовь-ка поскорее!

Доу Э (*входит, неся суп*). Я Доу Э. Моей свекрови нездоровится. Ей захотелось поесть супу из бараньих кишок, я сама его приготовила и принесла свекрови. Тетушка! Нам, вдовам, всякий раз надо стараться не вызвать пересудов. Вот мы приняли в дом Осленка с отцом, а гоже ли это? Не родственники, не свойственники, а живут в нашей семье — как тут избежишь людских толков? Лишь бы вы, тетушка, тайком не согласились на свадьбу и не втянули меня в это дело. Видно, ненадежная это вещь — женское сердце!

(*Поет.*)

На мотив «Цветущая ветка» в тональности «наньлюй»

Под вышитым пологом хочет свекровь
 почивать и ночи и дни,
Но не хочет она почивать одна
 ни за что, ни-ни!
Была господину Чжану женой, а нынче, к примеру, Ли —
 и поди, упрекни!
Много женщин, что делом не занимаются,
 друг за дружкой слоняются,
 сплетни плетут они,
Ни хозяйства не ведают, ни стряпни.
Только и слышишь: как бы убить им феникса,
 как изловить дракона:
 не спастись от их болтовни!

На мотив «Седьмая песня из Лянчжоу»

Одна, словно Чжо Вэнь-цзюнь, хлопочет,
 продает вино, моет посуду
 и мужа уверить хочет,
 что она, домашнего рвенья полна,
 никогда не вступает в спор.
Другая, как Мэн Гуан, угощая супруга,
 покорно столик до лба поднимет,
 потупит взор.
Скупы они на слова, опущена голова,
 закрыты ноги;
 так ведут разговор.
И, покуда не сделано дело,
 в их речах не поймешь, где правда, где ложь,
 их речи — вздор!
Вот повой любви черед, — ей честь и почет,
 а старой — урон да разор.
На мужней могиле комья земли
 не просохли до этих пор,
 а на вешалке — новое платье,
 новый убор.
Где же ныне жена, чьи слезы
Великую стену подмыли, когда рыдала она на могиле
 и плач оглашал простор?!
Где же ныне жена, что шелк промывала
 и, спасая героя, почил на дне, в речной
 глубине, —
многим женам пример и укор.

Где же пыне жена,
что мужа ждала, взойдя на скалу,
и стала одной из гор?!
Горе, горе, стыд и позор,
если нынче жена совсем лишена
всех достоинств супруги,
и кругом цветут распущенность, блуд,
долгу наперекор.
Все они опозорены, посрамлены
перед доблестью жен древних времен.
Не природа виновна, что вдова греховна,
вы сами — ваш приговор!

Тетушка, суп готов. Может, отведаете немного?

О с л е н о к. Давай я отнесу. (*Берет суп, пробует.*) Тут не хватает соли и уксусу, пойдй принеси.

Доу Э выходит. Он кладет яд в суп.

Д о у Э (*входит*). Вот соль и уксус.

О с л е н о к. Добавь немного в суп.

Д о у Э
(*поет*)

На мотив «Предварительная кода»

Что ж, поневоле перцу и соли
добавить надо, видать.
Если кушанье пресно, то вам известно,
как тончайший запах ему придать.
Одного желаю — лишь бы матушка стала
здорова опять.
Лучше выпить бульону, чем в «сладкой росе»
тело свое испускать.
Здоровье телесное — счастье небесное,
подлинная благодать.

Ч ж а н. Сынок, готов ли суп?

О с л е н о к. Готов, можешь его отнести.

Ч ж а н (*подавая суп*). Тетушка, отдайте супу!

Ц а й. Да вы не беспокойтесь! (*Изображает рвоту.*) Что-то меня нынче тошнит, не надо мне супу. Вы уж, почтенный, возьмите его себе!

Чжан. Это же для вас готовили, съешьте хоть чуток.
Цай. Нет, не могу, возьмите себе.

Чжан ест.

Доу Э
(поет)

На мотив «Поздравляем жениха»

Говорит она:
«Господин, извольте поесть».
Он в ответ:
«Прежде вы окажите честь»,—
Их разговоры — хуже ссоры,
тошнотворная лезть.
Известно мне, что к нашей родно
их даже нельзя причесть.
Как тяжело, что столь быстро могло
былое чувство отцвести.
Вам стало желанно ложе мужлана —
этого не перенести.
Матушка! Не бесчесть
наше семейство. Это злодейство!
Неужто затем,
чтоб мирские блага обрести,
Ты, зная, что мало кому удастся
до белых волос добрести,
Забыла о старой любви
и посмела новую предпочесть?

Чжан. Съел я суп, и вдруг голова стала тяжелой. (*Изображает падение.*)

Цай (*выказывая смятение*). Крепитесь, крепитесь, почтенный! Не поддавайтесь! (*Плачет.*) Смотрите, ведь он умер!

Доу Э
(поет)

На мотив «Дерущиеся лягушки»

Ваша печаль минует вскоре,
не плачьте от пустяка.
Ведь жизнь и смерть — это круговерть,
длящаяся века.

То горькое горе, то долгие хвори;
и вот уже смерть близка.
Трудные годы, скорби, невзгоды —
разница невелика, —
От ветра, от холода, от боли, от голода,
даже от сквозняка,
От вечной заботы, от трудной работы,
от хозяйского тумака —
Только в час кончины ее причины
узнаешь наверняка.
Человечий жребий ведом на земле и на небе,
он изменчив, словно река,
Свою ли, чужую судьбу изменить
попробуйте-ка!
И в своей судьбе ни мне, ни тебе
не изменить ни вершка.
Ваша совместная жизнь
слишком была коротка.
Говорить о супружестве странно — вы еще
не кололи барана,
не отведали ни куска,
И даже вина не выпили вы
ни глотка,
Не были вам подарены
свадебные шелка.
Просто: стали жить вместе —
в руке рука,
А разымите руки — в знак разлуки,
беда невелика!
Ведь дело не в том, что я дерзкая дочь,
непочтительна, некротка,
Но я больше всего пересудов боюсь,
сплетен исподтишка.
Взгляните на дело здраво — ведь, право,
это горе не на века.
Денек подождите и гроб купите
для бедного старика,
Ткани дорогой кусок-другой
достаньте из сундука
И отправьте на родовое кладбище
несостоявшегося муженька.
Да разве он вам настоящий супруг?
Ваша доля не столь уж горька.

А по мне и вовсе плакать не надо
из-за этого чужака.
У меня не нашлось для него бы слез,
ни малого ручейка.
Не ходите, молю, словно вы во хмелю,
выйдите из столбняка!
В толк никак не возьму — скажите, к чему
ваши слезы и ваша тоска?

Осленок. Хорошенькое дельце! Ты отравила моего отца и думаешь легко отделаться?

Цай. Что же теперь будет, доченька?

Доу Э. Да откуда у меня взяться яду? Это он сам подложил отраву, когда посылал меня за солью и уксусом!

(Поет.)

На мотив «Предварительная кода»

Этот парень втерся к свекрови в дом,
чтоб ее разорить дотла,—
Отравил отца и меня порочит,
запугать меня хочет,
ну и дела!

Осленок. Чтобы я, сын, отравил своего родного отца,— да кто же этому поверит? (*Кричит.*) Эй, соседи, слушайте меня! Доу Э отравила моего родителя!

Цай. Подожди же! Чего ты так раскричался, испугал меня до смерти!

Осленок. Ага, перепугались?

Цай. Еще бы не перепугаться.

Осленок. Хочешь, чтобы вас не трогали?

Цай. Еще бы не хотеть.

Осленок. Тогда скажи Доу Э, чтобы она покорилась и три раза назвала меня своим любимым муженьком. Тогда я ее прощу.

Цай. Доченька, ты бы покорилась ему...

Доу Э. Тетушка, как ты можешь говорить такое!

(Поет.)

Посчитайтесь со мной — у кобылы одной
не может быть два седла.
Со своим господином — с вашим сыном! —
два года я прожила,

И нынче опять хотите,
чтобы я за другого пошла?
Никогда!
Ответ я дала.

Осленок. Доу Э, ты отравила моего отца. Хочешь иметь дело с властями, или поладим между собой?

Доу Э. Как это — с властями или между собой?

Осленок. Если захочешь иметь дело с властями, я отведу тебя в суд и тебя будут допрашивать, как полагается. Наперед можно сказать: ты битья не выдержишь и сознаешься, что отравила моего отца. Ведь ты такая слабенькая! А если захочешь, чтобы мы поладили между собой, то выходи поскорее за меня и считай, что тебе повезло.

Доу Э. Я не убивала твоего отца. Могу пойти с тобой в суд.

Осленок уходит, ведя за собой Доу Э и старуху. Входит «цзин» в роли чиновника, сопровождаемый прислужником, говорит нараспев.

Я верный чиновник, я твердо стою
на страже чужого добра.
Если с просьбою кто приходит ко мне —
пусть принесет серебра.
Если ж начальство нагрянет внезапно,
проверить ведение дел —
Больным скажусь, дома запрусь,
и — ни на шаг со двора.

Я — Тао У, правитель области Чучжоу. Нынче утром я разбираю дела в присутствии. Эй, люди, впустите просителей!

Прислужник возвещает начало аудиенции.

Осленок (*входит, ведя за собой Доу Э и старуху*). Приношу жалобу! Приношу жалобу!

П р и с л у ж н и к. Давай сюда!

Осленок опускается на колени, чиновник делает то же самое.

Ч и н о в н и к. Прошу встать!

П р и с л у ж н и к. Ваша милость, чего это вы кланяетесь?
Это же просто жалобщик!

Чиновник. Экий непонятливый! Для меня жалобщики — что родные отец с матерью, кормят меня и одевают!

Прислужник возвещает начало разбирательства.

Кто здесь истец, кто ответчик? Рассказывайте все по порядку.

Осленок. Ваша милость, истец — это я, Чжан по прозвищу Осленок. Вот эту женщину по имени Доу Э я обвиняю в том, что она приготовила яд, положила его в суп из бараньих кишок и отравила моего родителя. А это моя приемная мать, ее зовут те-тушка Цай. Явите вашу милость, большой господин, рассудите нас!

Чиновник. Так кто из вас подложил отраву?

Доу Э. Не я!

Цай. Не я!

Осленок. И не я!

Чиновник. Значит, не вы? Наверно, это я подложил яд?

Доу Э. Моя свекровь вовсе не приходится ему приемной матерью. Его фамилия — Чжан, а фамилия моей семьи — Цай. Моя свекровь пошла к лекарю Сай-лу требовать долг, тот заманил ее за город и начал душить, а он с отцом спасли ей жизнь. Чтобы отплатить им за это благодеяние, свекровь пообещала содержать их в своем доме до конца дней. Кто мог знать, что у них вдруг такие нехорошие мысли заведутся! Один стал величать себя мужем моей свекрови, другой стал принуждать меня выйти за него. А я была мужняя жена, еще траур не кончила носить. Ясно, что я наотрез отказалась. Тут, как на грех, моя свекровь захворала и попросила меня приготовить суп из бараньих кишок. А Чжан Осленок где-то раздобыл яд и держал при себе. Он взял суп и сказал, чтобы я пошла принесла соли и укусу, а сам потихоньку подсыпал яду. Только Небо не попустило — свекровь вдруг стало тошнить. Не дотронулась она до супа, отдала его отцу Осленка. Он проглотил чуточек и тут же умер. Я, ваша милость, тут совсем ни при чем. Явите же вашу прозорливость, исполните правосудие!

(Поет.)

На мотив «Застава пастуха»

Большой господин, лишь ты один
ясен, как зеркало, чист, как вода.
Ты все поймешь, ты правду и ложь
различишь без труда.

Повторю опять: в супе были все пять
вкусов, поскольку без них
несовершенна еда!
Одни приправы — никакой отравы
не было и следа.
Но «свекор» мой новый бульон готовый
попробовал, как всегда,
Сделал едва глоток или два,
и тут же случилась беда.
Я вовсе не лгу и отнюдь не бегу
от праведного суда.
Никого не кляню, но чужую вину
не приму на себя никогда.

О с л е н о к. Дозвольте, большой господин, рассказать все, как было. Конечно, ее фамилия Цай, моя фамилия — Чжан. Только если ее свекровь не взяла в мужья моего отца, зачем ей было содержать нас обоих в доме? А эта невестка хоть и молоденькая, да прожженная, видать, побоев не боится.

Ч и н о в н и к. Человек — подлая тварь, не побьешь — не признается. Эй, люди, возьмите палку потолка да всыпьте ей!

Прислужник показывает, что бьет Доу Э и трижды обливает ее водой.

Доу Э
(поет)

На мотив «Браню милого»

Больно мне, больно, палач, пощади,
о Небо, как больно мне!
Не гневайся, матушка, на других,
по твоей страдаю вине!
Пусть по всей Поднебесной об этом известно.
станет каждой жене;
Пусть и помыслить вдовам о муже новом
неповадно будет вдвойне!

На мотив «Тронут монаршей милостью»

Кричу! Свой голос узнать не могу!
Прислужник, повремени!
Рвется из тела моя душа!
Гнев на милость смени!

Вот бить перестанут — очнусь едва
и вновь сознание теряю.
Десять тысяч казней и тысячу мук
для меня измышляют они.
Голова в огне — кровь на спине —
содранной кожи ремни.

На мотив «Песнь сборщиц чая»

Льется крови струя, клочья плоти моей
наземь летят, —
Кому расскажу все, что молча сношу,
дрожа с головы до пят,
Где, простая женщина, я
достала бы яд?
О праведный суд, что же в темный сосуд
прошпикнуть лучи не хотят?

Чиновник. Ну как, сознаешься или нет?

Доу Э. Я вправду не подсыпала яд.

Чиновник. Раз ты не подсыпала, бейте эту старуху.

Доу Э (*поспешно*). Стойте, стойте! Не бейте мою свекровь!
Лучше уж я возьму на себя вину. Это я отравила свекра!

Чиновник. Раз она созналась, пусть сделает отметку на протоколе допроса. Наденьте на нее кангу и отведите в темницу для смертников. Завтра она будет приговорена к обезглавливанию, доставлена на рыночную площадь и казнена.

Цай (*плача*). Доу Э, доченька, это из-за меня ты лишаешься жизни. Ох, я умру от горя!

Доу Э
(*поет*)

Заключительная ария

Осуждена судом неправым, стану духом безглавым
по дорогам мрака брести,
Но как от тебя, от убийцы отца, от распутника, подлеца,
обиду перенести?
Ведь нельзя без конца людские сердца
по ложному следу вести.
Земля и Небо знают о моей обиде напрасной!
Не поддамся кривде вовеки, живая ли, мертвая!
Но где же, где в этой страшной беде
мне справедливость найти?

Я готова признаться в чужой вине,
чтоб от вас приговор отвести!
Но если я умереть не решусь,
как же мне вас спасти?

(Уходит вслед за прислужником.)

Осленок *(отбивает земной поклон)*. Спасибо, государь спсее небо, что постоял за меня! Завтра, когда казнят Доу Э, смерть моего отца будет отомщена.

Цай *(плача)*. Завтра на базарной площади казнят Доу Э. Я умру с горя!

Чиновник. Чжан Осленок и тетушка Цай, возьмите охранные грамоты. Если понадобится, вас вызовут в ямынь. Эй, люди! Ударьте в барабан — аудиенция окончена. И подайте мне коня, я отправлюсь домой.

Все уходит.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Входит «вай» в роли распорядителя казни:

Я — распорядитель казни. Сегодня будет предана смерти преступница. Пусть стражники преградят все переулки, чтобы прохожие не шлялись здесь без дела!

«Цзин» в роли служителя трижды ударяет в барабан и трижды в гонг. Входит палач, держа в руке меч и размахивая флагом; за ним следует Доу Э с кангой на шее.

Палач. Пошевеливайся, пошевеливайся, распорядитель давно уже ждет на площади.

Доу Э
(поет)

На могил «Осмотрительность» в тональности «чжэнгун»

Говорят, что мной нарушен закон:
как наказана я тяжело!
Не ждала никогда, что по слову суда
склоню на плаху чело.

Вот я о своей обиде кричу,
чтоб Земля содрогнулась
и Небо заплакать могло.
Скоро душа моя оставит земные края.
и войдет во дворец Сэньло.
А Земля и Небо взирают
на подобное зло?

На мотив «Катится вышитый мячик»

В утренний час, в вечерний час светят для нас
солнце и луна.
Добрые духи, злые духи владеют людьми,
власть их равна.
О Небо! О Земля!
В чем моя вина?
Вам известно всегда, где чиста вода,
где мутна.
Но дай, о Небо, ответ: отчего же мало лет
прожил праведник Янь Юань,—
А разбойнику Чжи за какую заслугу, скажи,
долгая жизнь была суждена?
Светоч доброты умер от нищеты —
был короток век его.
Делатель зла жил посреди тепла,
жизнь его оказалась длинна.
О Небо! О Земля!
В чем моя вина?
Ведь это великий грех — возвеличивать тех,
чья власть сильна,
и принижать живущих кротко.
Попустительством вашим правосудная лодка
по течению унесена.
О Земля! Разве ты мудра, если не отличаешь
зла от добра,—
разве ты Земля?!
О Небо! Велика твоя слепота, тобою поправа
чистота,—
разве ты Небо?!
Горька судьбина моя, по щекам струятся два
слезных ручья —
я остаюсь одна!

П а л а ч. Двигайся поживее, мы и так опаздываем.

П а л а ч. Тогда с какой стати ты просила меня идти кружным путем?

Д о у Э
(поет)

Если пойду у всех на виду,
опасаюсь я, что свекровь моя
увидит меня тогда.

П а л а ч. Так ведь тебе все одно умирать, чего же ее-то бояться?

Д о у Э. Если свекровь увидит, как меня в канге с замком ведут на казнь,

(поет)

И она умрет от волнения,
какая в том нужда?
Умрет она от волнения —
какая в том нужда?
Послушай, стражник почтенный — будь
подобрей, — и без того беда!

Ц а й (входит, плача). Небо! Да ведь это моя невестка!

П а л а ч. Посторонись, старуха!

Д о у Э. Раз уж моя свекровь пришла, попроси ее подойти поближе, я хочу сказать ей кое-что.

П а л а ч. Эй, старуха, подойди поближе, невестка хочет с тобой говорить!

Ц а й. Доченька, я умру с горя.

Д о у Э. Матушка, когда Ослепок клал в суп яд, он хотел отравить тебя и заставить меня стать его женой. Вы же вдруг отдали суп старому Чжану, и вышло, что он погубил своего отца. Я же побоялась, что вас, матушка, будут мучить, и повинилась в том, будто это я отравила свекра. И вот теперь я иду на место казни, чтобы встретить смерть. Матушка, прошу вас: зимой, в праздник Нового года, в первый и пятнадцатый день каждого месяца ставьте для меня лишних полчашки каши и сжигайте, если найдутся, немного бумажных денег! Делайте это хотя бы в память о своем сыне!

(Поет.)

На мотив «Трое веселых»

Поминай обезглавленную Доу Э,
неприкаянного мертвеца.

Поминай Доу Э — женщину эту казнили по навету
пизкого подлеца.

Поминай Доу Э, что вела все домашние дела,
не говоря ни слова.
Пожалей, свекровь, Доу Э, что не знала
ни матери, ни отца!

На мотив «Старый Бао»

Поминай Доу Э, сделай милость, она для тебя трудилась
верней любого слуги.
Не жалея погребального дара — чашку рисового отвара
подноси богам в надлежащие дни, — себя не вини,
упокоиться мне помоги.
Забудь все страхи, связку денег бумажных у плахи
сожги, —
Как если бы ты поминала сына,
могилу мою береги!

Ц ай. Доченька, успокойся, старая свекровь все запомнит.
О Небо, я же умру с горя!

Доу Э
(поет)

Не плачь, не стони, свекровь, отдохни,
не пришлось мне увидеть удачу,
я на казнь иду и не плачу,
у судьи справедливости нет, ибо навет
на меня возвели враги.

П а л а ч (кричит). Эй, старуха, отойди в сторону, пора начи-
нать.

Доу Э опускается на колени, палач отпирает замок на канге.

Доу Э. Ваша милость, господин распорядитель, у меня есть
к вам просьба! Согласитесь — и я умру спокойно.

Р а с п о р я д и т е л ь. Говори, в чем твоя просьба!

Доу Э. Прошу положить мне под ноги чистую циновку, а к
древку флага привязать длинную ленту из белого шелка. Пусть,
когда упадет моя голова, ни капли горячей крови не прольется на
землю, пусть вся она устремится вверх, на белый шелк; и будет
видно, что я умерла безвинно!

Р а с п о р я д и т е л ь. Ладно, сделаем, как ты хочешь.

*Палач достает циновку и кладет ее под ноги Доу Э, затем берет
белую ленту и привязывает к древку флага.*

Доу Э
(поет)

На мотив «Шаловливое дитя»

Я к Небу мольбу возношу, не из прихоти я прошу
о столь необычном ныне;
Ведь обиды страшной такой
не стерпеть и рабыне!
Людам было бы худо, если бы чуда
не являли порою святыни,
Мы, земные люди, не знали бы мощи
правосудной Небесной Сини.
Воля моя тверда: пусть от крови моей ни следа
не будет на красной глине,
Но пускай будет так: по древку на белый флаг
кровь вверх моя потечет, — и узнает народ
о моей безвинной кончине,
Ужаснется тот, кто на площадь придет,
на ту, что с плахою посредине, —
Вспомнят люди о древнем чуде,
о том, как кровь Чан Хуна яшмою стала,
а крови — нет и в помине.
Пусть припомнят Ван Ди, чья душа из груди
упорхнула и стала кукушкой в долине.

Палач. Если еще хочешь что сказать, говори его милости
сейчас, потом будет поздно!

Доу Э (*вновь опускаясь на колени*). Ваша милость, сейчас
самые жаркие дни лета! Так вот, я терплю напрасную обиду, пусть
же Небо ниспослет после казни густой-густой снег и укроет им
мой труп!

Распорядитель. Что ты там городишь? Да если даже твоя
обида достигнет Неба, все равно в такую жару ни снежипки не
упадет.

Доу Э
(поет)

На мотив «Третья ария от конца»

Твоя правда: с утра немилосердна жара
и не время для снегопада,
Но запомни слова, что скажет вдова —
будто ты заучил их измлада —
Цзоу Янь казнен, но истребовал он
у Неба — снега и хлада,

Ведь обида моя горячей огненных ключей,
в душе у меня — злая досада,
Небеса услышат ее, и падет на тело мое
снежинок прохлада,
Укроют они пеленою белой мое бездыханное
тело
от постороннего взгляда.

Не надо ни дрозд, ни коня, чтоб отвезти меня,
ни траурного наряда,
Чтоб меня погребли средь пустынной земли,—
никакого не нужно обряда!

(Третий раз опускается на колени.) Раз я действительно страдаю
понапрасну, то пусть здесь, в области Чучжоу, три года подряд
будет засуха!

Распорядитель. Заткнуть ей рот, что она мелет!

Доу Э
(поет)

На мотив «Вторая ария от конца»

Говоришь ты, бесчестный, что Государь Небесный
знает — что прямо, что криво.
Мол, оставь в покое сердце людское —
мол, ему неведома жалость.
Но тайну открою — Небо порою
поступает человеколюбиво.
Доказательств немало — бездожде стояло
три года без перерыва;
Ибо судьба лихая почтительной вдовы из Дунхая
была несправедлива.
Грядет беда: дошла черед
до уезда Шаньян, и не диво,
Ибо чиновники тут закон не блюдают,
важна им своя нажива,
А простой народ и открыл бы рот,
но стоит молчаливо.

Палач *(размахивая флагом)*. Откуда вдруг взялись эти
тучи?

За сценой изображают вой ветра.

И ветрище какой холодный!

Доу Э
(поет)

На мотив «Заключительная ария»

Воля Неба высока — ради меня облака
вдоль окоема летят.
Судьба ко мне добра — ради меня ветра
готовят снег и град.
Я верю, что Небо исполнит
три желанья моих подряд.

Матушка, вот увидишь — в середине лета повалит снег, три года
будет стоять засуха.

(Поет.)

Срок пролетит — Доу Э отомстит
свою обиду стократ!

Палач взмахивает мечом, Доу Э падает.

Распорядитель. Вот чудо! И вправду снег повалил!

Палач. А я вам скажу — когда рубишь голову, вся земля
кругом в крови, а у этой Доу Э кровь до последней капельки под-
нялась на белую ленту. Чудеса, да и только!

Распорядитель. Видимо, казненная была действительно
невиновна. Два ее предсказания уже исполнились. Осталось
узнать, будет ли три года стоять засуха. Что ж, проживем — уви-
дим. Эй, люди! Нечего ждать, пока кончится снегопад. Заберите
тело и отнесите его старухе Цай.

Служители выражают повиновение и уносят труп.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

*Входит Доу Тянь-чжан в чиновничьем облачении, за ним «чоу» в
роли слуги Чжан Цяня и свита.*

Доу Тянь-чжан
(говорит нараспев)

В зале пустой одиноко стою,
мысли мои мрачны.
Дымка окутала лес, над горой
светится серп луны.

Нет, не дела сегодня гнетут
усталую душу мою:
Тревога в душе не дает уснуть
и видеть спокойные сны.

Я — Доу Тянь-чжан; лет шестнадцать назад я расстался со своей дочкой Дуань-юнь. Добравшись тогда до столицы, я сразу же выдержал экзамен и был пожалован титулом советника по государственным делам. Обласканный императором за скромность и честность, за непоколебимую твердость в отстаивании правды, я удостоился назначения на пост правительственного инспектора в Лянхуай. Обязанности мои — разъезжать по провинции, опрашивать узников, проверять судебные дела, выискивать казнокрадов и взяточников. При этом мне дано право наказывать их без предварительного доклада властям. На душе у меня и радость и печаль. Радуюсь я оттого, что приближен ко двору, облечен полномочиями карать преступников, имею почетный меч и золотую пластину, слава моя распространилась на десять тысяч ли.

Горюю же я о дочери, о моей Дуань-юнь. Шести лет отдал я ее тетушке Цай, чтобы, когда вырастет, стала женой ее сына. Получив назначение, я посылал в Чужжоу человека посмотреть, как живется тетушке Цай и ее домашним. Только соседи ему сказали, что тетушка в первый же год переехала куда-то и не подает вестей. Я так тосковал по своей дочурке, все глаза выплакал, поседел от горя. Вот сегодня прибыл я сюда, в Хуайнань; хотел бы я знать, отчего это в Чужжоу третий год подряд не выпадает дождей? Сегодня вечером буду отдыхать в здании окружной управы. Чжан Цянь, объяви чиновникам: сегодня аудиенции не будет, пусть являются завтра пораньше.

Чжан Цянь (*подходит к двери*). Господам чиновникам велено передать: сегодня аудиенции не будет, просьба явиться завтра пораньше.

Доу Тянь-чжан. Чжан Цянь, передай писарям всех шести палат управы: пусть принесут дела, подлежащие ревизии. Я хочу вечером прочесть часть из них.

Чжан Цянь приносит документы.

Зажги лампу, Чжан Цянь! А теперь можете все пойти отдохнуть, вы тоже намучились. Если понадобится, я вас позову.

Чжан Цянь зажигает лампу, затем уходит вместе со свитой.

Что ж, пора приняться за дела. Так. «Дело преступницы Доу Э, отравившей свекра». Любопытно, в первом же документе речь

идет об однофамилице! Значит, и среди моих однофамильцев есть люди, способные на такое преступление. Убийство близкого родственника — одно из десяти видов злодеяний, не подлежащих амнистии. К тому же дело это давно решенное: пожалуй, нет нужды с ним знакомиться. Положу-ка я его в самый низ да возьму другое. (*Позевывает.*) Ох, и устал же я! Да и то — постарел я, утомляюсь от верховой езды. Подремлю прямо здесь, за столом. (*Засыпает.*)

Появляется дух Доу Э.

Дух Доу Э
(поет)

На мотив «Свежая вода» в тональности «шуандяо»

Я на «Башне духов» стою и слезы лью,
стенаю безгласно и ежечасно
встречи жду
С теми, кто злою властью обрек меня несчастьем,
кто свергнули меня в беду.
Скитаюсь, брожу, неспешно кружу
во мраке, на холоду,
Тенью летучей скольжу над тучей;
в небесах, на земле, в тумане, во мгле,
ставшая духом, бреду.

(*Осматривается вокруг.*) На дверях наклеены изображения божества, они не дают мне войти в дом! Пропустите меня, я дочь инспектора Доу Тянь-чжана, хочу явиться ему во сне, чтобы рассказать ему о своей безвинной смерти.

(Поет.)

На мотив «Опьянен восточным ветром»

Я не злодей из мира людей,
дайте дорогу мне,
Я дочь судьи, — пока он в забытии,
с ним побуду наедине.
Хоть на краткий срок пустите на порог,
я предстану ему во сне,
Так мала поблажка — ведь мне столь тяжело
глядеть на него извне!

(*Кричит.*) Батюшка!

Ты верховный судья, но власть твоя
в невысокой нынче цене!
Не может бесчестья пресечь
твоя золотая пластина, твой меч,
Три года прошло
от несправедливой казни,
так помоги же мне
Вызволить истлевшие кости мои,
что потонули в море скорбей,
в бездонной его глубине!

(Входит в зал, узнает отца и плачет.)

Доу Тянь-чжан тоже плачет.

Доу Тянь-чжан. Дочь моя, Дуань-юнь, где ты?

Дух Доу Э исчезает.

Как странно! Едва сомкнул глаза, как приснилась мне моя Дуань-юнь, да так отчетливо, словно наяву! И вот вновь исчезла... Что ж, займусь опять делами.

Появляется дух Доу Э и убавляет фитиль лампы.

Что такое? Только хотел приняться за дела, лампа начала мигать, вот-вот погаснет! Чжан Цянь спит, придется мне самому снять нагар. *(Снимает нагар с фитиля, тем временем дух Доу Э перекладывает документы.)* Ну, лампа разгорелась, можно почитать документы. «Дело преступницы Доу Э, отравившей свекра». *(Изумленно.)* Ведь я с самого начала смотрел это дело и положил вниз, как же оно опять оказалось первым? Все равно, дело это давно решенное, положу его вниз и возьму другое.

Дух Доу Э вновь убавляет фитиль.

Что ты будешь делать — опять лампа замигала. Придется еще раз снять нагар. *(Снимает нагар, дух снова перекладывает документы.)* Так, лампа горит, возьму новый свиток. «Дело преступницы Доу Э, отравившей свекра». Что за наваждение! Только что собственными руками спрятал свиток, и вот он снова наверху! Уж не завелись ли в окружной управе злые духи? Если же это не их проделки, значит, в деле Доу Э допущена несправедливость. Попробую еще раз спрятать — что-то будет дальше?

Дух Доу Э вновь убавляет фитиль.

Опять лампа гаснет! Не иначе, злой дух с ней забавляется. Пойду еще раз поправлю. (*Поправляет фитиль.*)

Перед ним появляется дух Доу Э, они видят друг друга. Доу Тянь-чжан выхватывает меч и ударяет по столу.

Ага, я говорил, что здесь водятся духи! Слушай меня, дух! Я правительственный инспектор, прислан сюда самим государем, при мне императорский ярлык. Только попробуй подойти — разрублю пополам вот этим мечом! Чжан Цянь, довольно спать. Подымайся живей, а то как бы эта чертовщина не перепутала меня до смерти.

Дух Доу Э

(поет)

На мотив «Подделка»

Он не в силах меня понять —
догадками он смущен.
Я всплакнула — и вдруг сковал его испуг,
страшно взволнован он, —
Верховный судья, взгляни, это я,
бедный дух, что плоти лишен, —
Доу Тянь-чжан, в эту ночь твоя несчастная дочь
Доу Э тебе бьет поклон!

Доу Тянь-чжан. Ты ошибаешься, дух! Ты говоришь, тебя зовут Доу Э, а я — твой отец? Так знай, мою дочь зовут Дуань-юнь, шести лет я отдал ее в семью тетушки Цай. У тебя совсем другое имя, как же ты можешь быть моей дочерью?

Дух Доу Э. Батюшка, в семье Цай мне дали другое имя, стали звать Доу Э.

Доу Тянь-чжан. Так ты и есть моя дочь Дуань-юнь? Но, молю, скажи мне одно: ты ли обвинялась в отравлении свекра?

Дух Доу Э. Да, я.

Доу Тянь-чжан. Тогда молчи, подлая девчонка! Твой отец выплакал по тебе глаза, поседел с горя, а у тебя поднялась рука совершить такое страшное преступление! Заслужена тобой казнь! Я приближен ко двору, я приехал в Лянхуай, чтобы карать преступников, проверить судебные дела, выискивать казнокрадов и взяточников. Как же я буду судить других, если не проявлю строгости к собственной дочери? Вспомни: отдавая тебя в семью

Цай, наказывал я тебе блюсти три завета: в родной семье слушаться отца, выйдя замуж — слушаться мужа, овдовев — слушаться сына. И еще наказывал я вести себя, как подобает достойной жене, — ухаживать за свекром и свекровью, почитать супруга, дружить со снохами, жить в мире с соседями. И что же? Ты презрела заветы, ты совершила тягчайший грех! У нас в роду уже много поколений подряд не было ни одного преступника, ни одна вдова не выходила замуж во второй раз! А теперь ты наложила пятно на весь наш древний благородный род, на мое непорочное имя! Расскажи же мне все, как было, по правде, не смей лгать и хитрить! Попробуешь сказать хоть полслова неправды — прикажу заточить тебя в храм бога-хранителя города, будешь до скончания века мучиться в аду, никогда не возродишься в облике человеческого!

Дух Доу Э. Отец, смири свой гнев, утишь грозную ярость! Прислушайся к словам дочери. Третий год мне шел, когда умерла матушка, седьмой — когда ты уехал, отдав меня в семью Цай. На семнадцатом вышла замуж, а еще через два года нас постигло несчастье — умер сын тетушки Цай, мой муж, и остались мы две вдовы. А за Южными воротами Шаньяна жил лекарь по фамилии Лу, и он задолжал моей свекрови двадцать лянов серебра. Свекровь пошла получать с него долг, а он заманил ее на пустырь и хотел задушить. Мимо проходили Чжан Осленок с отцом и спасли ее. Этот Чжан Осленок как узнал, что в доме Цай есть еще молодая вдова, так сразу и говорит: «Раз у тебя с невесткой нет мужчин, забирай нас с отцом в свой дом». Тетушка сначала не соглашалась, тогда тот пригрозил: «Не согласишься — задушусь». Свекровь испугалась и не смогла отказать им, привела в наш дом, стала кормить-одевать. Младший Чжан много раз приставал ко мне, но получал по рукам. И вот однажды тетушке нездоровилось, и захотелось ей супа из бараньих кишков. Я сварила, хотела было подавать, да тут пришли отец с сыном справиться о здоровье тетушки. Младший попросил супа попробовать и говорит: «Суп хорош, только соли и уксусу маловато». Я, ничего не подозревая, пошла за солью и уксусом, а он потихоньку подсыпал в суп яду. Хотел он отравить тетушку и заставить меня выйти за него замуж, только вышло по-иному. Тетушку вдруг затошнило, не стала она есть супа, отдала старому Чжану. Тот не успел сделать и одного глотка, как изо рта хлынула кровь, и старик умер. Осленок сразу же говорит: «Доу Э, ты отравила моего отца! Как хочешь кончить дело — через властей или полюбовно?» Я спрашиваю: «Что значит через властей или полюбовно?» — «Через властей, говорит, значит, я подам в суд, и тебя со старухой казнят. А полюбовно — станешь моей женой, и дело с концом». Ваша дочь ответила ему так:

«Добрый конь не ходит под разными седлами, порядочная женщина не выходит вторично замуж. Умру, но не буду твоей женой! Можешь вести меня в суд!» Привел он меня в суд, стали меня допрашивать да пытаться, подвешивали, били, скручивали веревками, а я не сознавалась, хоть убей. Правитель округа видит, что из меня ничего не выжмешь, велел пытать свежесваренной кровью. Я испугалась за нее — старая, не выдержит побоев, и приняла вину на себя. Отвели меня на площадь и казнили. Перед смертью я умолила Небо совершить три чуда. Раз я невинна, просила я, пусть моя кровь не прольется на землю, а вся до капли попадет на белую шелковую ленту, привязанную высоко на древке флага. Пусть в разгар лета выпадет глубокий снег и укроет мой труп. Пусть в Чучжоу три года стоит засуха. И все это ради твоей дочери, отец!

(Говорит нараспев.)

Я Небу обиду свою вознесла,
и не стала тревожить суд.
Но горечь, тайную в сердце моем,
слова не передадут.
Я не стала доказывать правоту
и взяла вину на себя, —
Надеясь на то, что признания мои
свежесваренной кровью спасут.
Снег тело мое слою в три чи
прикрыл, белей полотна,
Была моя всем и каждому кровь
на белом флаге видна.
Так же, как некогда Цзоу Янь,
я доказала всем,
Какая страшная Доу Э
обида причинена.

На мотив «Дикий гусь»

Изучи непотребное дело судебное,
отец мой, сперва.
Я стерпела бы всё, и наветы и ложь,
но я же была права!
Рассуди сурово: прогнала я мужлана чужого,
а ценой — моя голова.
Защищала свою честную семью —
и вот я за это мертва.

На мотив «Одержана победа»

Мой дух одинокий томится печалью,
я этого часа ждала,—
Отец! Тебе ведомы все виновные, ты впрямь
вершить дела уголовные
и равно гражданские дела,—
Рассуди, как тебе государь повелел,
и за это тебе хвала.
Склони свой взор, оцени приговор,
сколь задача ни тяжела,—
Это ничтожество пустое рушит нравственные устои,
мужлан, рассадник зла!
Если даже за подлый ков на десять тысяч кусков
расчленил злодея пила —
И этого мало, чтоб терзаться я перестала
и покой обрела.

Доу Тянь-чжан (*плача.*) Дочь моя, невинно погибшая!
Твой рассказ разрывает мне сердце. Хочу спросить только: это
правда, что из-за тебя в Чучжоу три года нет дождей?

Дух Доу Э. Из-за меня, отец.

Доу Тянь-чжан. Значит, случается и такое! Подожди
немного, настанет утро, и я помогу тебе.

(*Говорит нараспев*)

Печалью сражен безысходной
твой седовласый отец.
Сколь мерзки твои палачи —
в мире нет жесточе сердец.
Близок рассвет, дочь моя,
в свою обитель вернись —
Наутро возмездье настигнет
преступников наконец.

Дух Доу Э исчезает.

О, уже рассвело! Чжан Цянь, вчера я читал судебные дела, как
вдруг появился дух и стал жаловаться на свою обиду. Я несколько
раз звал тебя, а ты не откликнулся. Крепко же ты спал!

Чжан Цянь. Ваша милость! Я всю ночь лежал, не смыкая
ни глаз, ни даже поздрей, но не видел никаких духов, не слышал
ни их жалоб, ни ваших криков.

Доу Тянь-чжан (*сердито*). Хватит! Пора начинать аудиенцию.
Объявляй, Чжан Цянь!

Чжан Цянь (*кричит*). Слушайте все! Господин инспектор начинает аудиенцию! (*Докладывает.*) Явился правитель округа!

Входит с поклоном правитель округа.

Явился секретарь управы.

Кланяясь, входит секретарь.

Доу Тянь-чжан (*обращаясь к вошедшим*). Почему у вас в Чучжоу третий год нет дождей?

Правитель округа. Знать, такова воля Неба — ниспослать бедствие на жителей Чучжоу, но нашей вины в том нет.

Доу Тянь-чжан (*гневно*). Ах, так вы не знаете за собой вины? А вот в уезде Шаньян некую Доу Э обвинили в отравлении свекра. Она перед казнью просила у Неба: «Если я погибаю напрасно, пусть у вас в Чучжоу три года не будет дождей, пусть ни травинки не вырастет! Было такое?

Правитель. Этот случай расследовался предыдущим правителем округа, господином Тао, пыле получившим повышение. Документы хранятся в управе.

Доу Тянь-чжан. Такой олух еще получает повышение! Вы сменили его три года назад; приносили ли вы хоть однажды жертву духу оклеветанной женщины?

Правитель. Преступление, совершенное ею, относится к числу десяти тягчайших: молебни в ее честь никто не воздвигал и, естественно, жертв не приносилось.

Доу Тянь-чжан. Некогда при династии Хань жила одна добродетельная вдова; ее свекровь удавилась, а золовка обвинила в убийстве вдову. Правитель Дунхая казнил вдову, и из-за этой несправедливости в округе три года не выпадало дождей. Однажды Юй-гун разбирал судебные дела в Дунхает; вдруг ему почудилось, что казненная женщина плачет перед зданием суда, держа в руках прошение. Юй-гун пересмотрел приговор, самолично принес жертвы на могиле вдовы, и тогда Небо послало обильный дождь. Разве не ясно, что засуха у вас в Чучжоу происходит по такой же причине? Чжан Цянь, прикажи служителям управы отправиться в уезд Шаньян, схватить Чжана Осленка, лекаря Сай-лу и старуху Цай и доставить их сюда без малейшего промедления.

Чжан Цянь. Будет исполнено. (*Уходит.*)

Входит стражник, ведя за собой Чжана Осленка и тетушку Цай. За ними идет Чжан Цянь.

Стражник. По вашему повелению доставлены обвиняемые из уезда Шаньян.

Доу Тянь-чжан. Чжан Осленок!

Осленок. Здесь, ваша милость!

Доу Тянь-чжан. Тетушка Цай!

Цай. Здесь, ваша милость!

Доу Тянь-чжан. Почему нет столь важного обвиняемого, как лекарь Сай-лу?

Стражник. Лекарь Сай-лу скрылся три года назад; повсюду уже разослан приказ поймать его и сразу доставить сюда.

Доу Тянь-чжан. Чжан Осленок, приходится ли эта старая женщина тебе мачехой?

Осленок. Ясно, приходится, а то стал бы я звать ее матерью!

Доу Тянь-чжан. Из документов не ясно, кто приготовил яд, которым был отравлен твой отец. Можешь ты ответить?

Осленок. Доу Э сама и приготовила.

Доу Тянь-чжан. В таком деле без аптекаря не обойтись. Сомнительно, чтобы молодая женщина могла сама все устроить. Уж не ты ли, Осленок, готовил яд?

Осленок. Да если бы даже и я, стал бы я поить родного отца?

Доу Тянь-чжан. Мое загубленное дитя! Это очень важно выяснить, и никто, кроме тебя, не поможет нам узнать правду; где сейчас твоя оскорбленная душа?

Дух Доу Э (*появляясь*). Чжан Осленок, чей это яд, если не твой?

Осленок (*испуганно*). Злой дух, злой дух! Растворись, рассыпсья, именем Великого старца заклинаю тебя!

Дух Доу Э. Ты подсыпал в суп яду, чтобы убить мою свекровь и заставить меня быть твоей женой. Но свекровь есть не захотела и отдала суп твоему отцу, тот и отравился. Попробуй-ка отпереться!

(Поет.)

На мотив «Река колышет весла»

Негодяй, злодей, достойный плетей,
у тебя на уме разврат.

Лишь одно нам скажи:
откуда взялся яд?

Задумавши лихо, все обстригал тихо,
был своей выдумке рад,

Твоя западня ловила меня,
да старался ты невпопад.
И хотя отравил родного отца,
оказался не виноват —
По какой же причине безвинную ныне
терзает ад?

(Бьет Чжана, тот старается уклониться.)

Осленок. Помоги мне, Великий старец! Ваша милость говорит, что яд делался в аптеке; так вот, ежели разыщут и приведут сюда того аптекаря, что продал яд, пусть мне рубят голову!

Странник вводит лекаря Сай-лу.

Стражник. Из уезда Шаньян доставлен обвиняемый лекарь Сай-лу!

Чжан Цянь *(громко)*. Подойди сюда.

Доу Тянь-чжан. Рассказывай, как три года назад ты пытался убить тетушку Цай, чтобы не платить ей долга.

Лекарь *(бросается ему в ноги)*. Ваш раб на самом деле не хотел платить долг тетушке Цай; только она не умерла, ее спасли двое прохожих.

Доу Тянь-чжан. А ты знаешь имена тех прохожих?

Лекарь. В лицо я их узнаю, а вот имени не назову — до того ли мне тогда было?

Доу Тянь-чжан. Узнаешь ли тех, что стоят внизу, перед возвышением?

Лекарь *(спускается и всматривается в лица)*. Это тетушка Цай. *(Глядя на Осленка.)* Не иначе, опять всплыло дело об отравлении! *(Вновь поднимается.)* Осмелюсь доложить, это он. Тот самый, что вместе с отцом спас старуху Цай, когда я пытался ее задушить. Через несколько дней он явился в мою аптеку и потребовал яду. Я же верую в Будду, соблюдаю посты и не посмел пойти против совести. Говорю ему: «В моей аптеке есть лишь разрешенные законом лекарства, яд не держу». А он как вытаращил глаза: «Хочешь, отправлю в суд за то, что собирался удушить на пустыре старуху Цай?» Я же всю жизнь ничего так не боялся, как попасть в суд, вот и пришлось дать ему яд. Вижу — физиономия у него злодейская; значит, непременно отравит кого-нибудь, а потом преступление раскроется, и я окажусь замешан. Подался я в Чжочжоу, стал торговать крысиным ядом. Крыс переморил немало, но в душегубстве, ей-ей, не повинен.

Дух Доу Э
(поет)

На мотив «Семь братьев»

Жалок твой удел, ибо ты не хотел
платить долги.

А с ядом все выяснилось.

(Вновь поет.)

Оказался яд по карману Осленку Чжапу,
недолгими были торги.
Чужая вина мне была вменена;
умоляю, отец, помоги!
Судью сменили, но, как прежде, в силе
мои враги.

Доу Тянь-чжан. Подведите ближе старуху Цай. Тетушка, ведь вам на вид уже седьмой десяток, и деньги в доме водятся; как же случилось, что вы вышли вторично за старого Чжана?

Цай. Он с сыном спас меня от смерти, и я взяла их к себе в дом и стала кормить, одевать. Младший Чжан часто уговаривал меня выйти замуж за отца, но я так и не согласилась.

Доу Тянь-чжан. В таком случае твою невестку нельзя считать убийцей свекра.

Дух Доу Э. Я возвела на себя поклеп и созналась в отравлении свекра лишь потому, что судья хотел бить свекровь, а я боялась, что она, старая, не выдержит пыток.

(Поет.)

На мотив «Вино из цветов сливы»

Не стоило мне сознаваться в чужой вине —
так утверждаете вы,
Мое терпение, мое почтение,
приличные для вдовы,
Стали ненароком бед моих истоком
и худой обо мне молвы.
А поверила суду и попала в беду —
увы!
Не прошло и дня — на площади меня
лишили головы.

И я захотела, чтобы кровь моего тела
не лилась просто так, но поднялась на флаг,
что плескался среди синевы,
Желанье второе — я хотела,
чтобы снежный слой лег надо мной
вместо зеленой травы,
И желанье третье — чтоб от засухи на трехлетье
стали посевы мертвы.
Судья, смотри,— были все три
желанья мои таковы!

На мотив «Возвращенная Цзяннань»

Всюду вокруг только на юг
смотрят ямыней врата,
Судилищ земных,— и творятся в них
подлость и неправота.
Скорблю я жестоко у Желтых источников,
куда заточила меня клевета.
Уже три года, как нет исхода,
и горечь до дна испита,—
Моя скорбь бесконечна, как Янцзы и Хуай,
и плачу я, сирота.

Доу Тянь-чжан. Дуань-юнь, дочка, твоя обида мне известна, возвращайся спокойно. Я определю наказания этим преступникам и судье, кто замучил тебя, а затем закажу молебен, чтобы твоя душа отправилась на Небо.

Дух Доу Э
(кланяется и поет)

На мотив «Утки-неразлучницы»

Да будет славен твой гордый меч
и твоя золотая пластина.
Чиновников здравствующих, самоуправствующих,
Истреби за коварство — в них бед государства
главнейшая причина.
Пусть каждый час с Сыном Неба у вас
будет одна кручина:
Пусть лиходеи не тронет людей,
что не имут ни звания, ни чина.

Забыла попросить тебя еще об одном, отец. Свекровь уже стара, ухаживать за ней некому; возьми ее в свой дом, ради меня корми ее при жизни и похорони после смерти, я же в загробном мире спокойно сомкну глаза.

Доу Тянь-чжан. Как почтительна ты к старшим, дитя мое!

Дух Доу Э
(поет)

Еще, наконец, любезный отец,
прошу, поступи, как мужчина.
Свекровь к себе возьми пока, пусть ей будет
легка
ее недальняя кончина.
На целый свет у бедняжки нет
ни невестки, ни сына.
Кто ее пригреет, в старости взлелеет?
Печальна ее судьбина.
Свиток вновь разверни, на него взгляни
и все сведи воедино,

(Говорит.) И исправь, отец, то, что говорится о Доу Э.
(Поет.)

Напиши, что она была казнена
безжалостно и безвинно.

Доу Тянь-чжан. Подзовите сюда старуху Цай! Тетушка, вы узнаете меня?

Цай. Стара я стала, плохо вижу. Нет, не признаю!

Доу Тянь-чжан. Я Доу Тянь-чжан. Дух же, которого мы только что слышали,— моя дочь Дуань-юнь, несправедливо казненная. Эй, люди! Слушайте мой приговор. Чжана Осленка, отравившего родного отца и покушавшегося на честь вдовы, подвергнуть мучительной казни: отвести на рынок, прибить к «деревянному ослу», а потом разрубить на сто двадцать кусков.

Правителю округа Тао У, ныне повышенному в должности, и секретарю управы за злоупотребление властью дать по сто палок и навсегда закрыть для них доступ к государственной службе. Лекаря Сай-лу за неуплату долга, попытку убийства и незаконную торговлю ядом сослать на вечное поселение в пограничные местности с нездоровым климатом. Тетушка Цай будет жить у меня. Доу Э признать невиновной.

(Говорит нараспев.)

Пусть не скажут, что ради дочери я
преуменьшил ее вину —
Я Чучжоу хочу от засухи спасти,
я жалею нашу страну.
Некогда Юй-гун оправдал
женщину из Дунхая,
И тотчас была орошена
земля, три года сухая.
Разве можно богов и природу винить
в отсутствии дождей,
Забыв, что Небо внемлет порой
моленьям добрых людей.
Я свиток судебный сейчас разверну,
чтобы правильной запись была —
Чтобы всем было ясно: царский закон
не причиняет зла!

*Главная сцена пьесы: «С зеркалом и мерилom в руках инспектор
творит справедливый суд».*

Полное название пьесы: «Тронувшая небо и землю обида Доу Э».

ОСЕНЬ В ХАНЬСКОМ ДВОРЦЕ

ПРОЛОГ

Входит «чунмо» в роли шаньюя, сопровождаемый своими соплеменниками. Говорит нараспев:

По войлочным юртам ветер несет
запах осенних лугов.
На ущербе луна. Тростниковая флейта
слышна в предрассветную рань.
Сто тысяч лучников у меня,
я стою во главе полков.
Бью челом на границе:
примите меня в данники дома Хань.

Я — шаньюй Хухань. Мое племя издавна живет в пустыне Гоби, безраздельно владеет всем северным краем. Охотой мы добываем себе пропитание, война для нас — привычное дело. Правитель Вэнь-ван, спасаясь от наших набегов, увел свой народ на восток. Сановник Вэй Цзян, устранившись нас, уговорил своего правителя заключить с нами мир. Сменялись века, и наше племя называли то сюньюями, то сяньюнями, а предводителей величали чаньюями и каганами. Когда шла война между империями Цинь и Хань, земли Центральной равнины были разорены, а наше государство расцвело и окрепло — войско его насчитывало много сотен тысяч воинов. Мой предок, шаньюй Маодунь, семь дней не вы-

пускал ханьского государя Гао-ди из окружения в горах Бодэн. По совету сановника Лоу Цзина между нашими странами был установлен мир, и китайская принцесса стала женой нашего шаньюя. Начиная со времен государя Хуэй-ди и государыни Люй-хоу китайские правители следовали установленному обычаю и выдавали своих дочерей замуж за наших предводителей. При государе Сюань-ди мои братья враждовали между собой из-за власти, и военная мощь нашей державы ослабла. Ныне племя провозгласило шаньюем меня, Хуханье. А я ведь по матери племянник Ханьского дома. Сейчас я привел на юг к Великой стене сотни тысяч воинов, чтобы назвать себя данником Хань. Вчера был отправлен к государю посол — он должен поднести дары и просить мне в жены принцессу. Не знаю, согласится ли ханьский государь на подобный союз. Сегодня небо чистое и ясное, все мои предводители отрядов ускакали в степь на охоту. Что может доставить больше удовольствия! Вот уж верно говорится:

Мирных, сельских занятий
нет у племен кочевых:
Только лук да верные стрелы —
в жизни опора для них.

Входит «цзин» в роли Мао Янь-шоу. Говорит нараспев:

Я — человек с когтями ястреба,
с сердцем орла.
Сильным — лгу, слабым — крушу,
устраивая дела.
Всегда исправно служили мне
коварство и лесть.
Чрезмерных благ, что добыты мной,—
не перечать.

Я — Мао Янь-шоу, сановник среднего ранга в Ханьском дворце. Я хитер и коварен, умею угождать лестью, а до нее так падок наш постаревший государь. Поэтому он верит моим словам и всегда следует моим советам. Во дворце, во всей столице нет человека, который не уважал бы меня или не испытывал страха передо мной. Я твердо усвоил следующее правило: не давать государю часто встречаться с учеными людьми, пусть побольше развлекается с красавицами. Только так можно сохранить его расположение и чувствовать себя неуязвимым. Я не успел еще вам обо всем рассказать, а его величество уже следует сюда.

Входит «чжэнмо» в роли ханьского государя Юань-ди, его сопровождают телохранители и придворные красавицы. Говорит нараспев:

Я наследую власть десяти поколений,
я сын династии Хань.
На четыреста округов Поднебесной
простер могучую длань.
На границах союзы я заключил,
настали мирные дни,
И я отныне спокойно могу
возлежать в прохладной тени.

Я — ханьский государь Юань-ди. Мой предок, — государь Гао-цзу, поднялся из простолюдинов. Из родной округи Фынъя, что в уезде Пэйсянь, он повел за собой войска, уничтожил империю Цинь, убил Сян Юя и основал нынешнюю династию. С тех пор сменилось десять поколений. После моего вступления на престол среди четырех морей установились мир и благополучие. Отнюдь не мои достоинства тому причиной, успеха я достиг благодаря своим мудрым сановникам и искусным полководцам. После смерти моего предшественника все придворные наложницы покинули покои. Сейчас во дворце, где некогда жили прекрасные девушки, унылая тишина. Неужели так и будет?

Мао Янь-шоу. Ваше величество, простой земледелец едва получит урожай в десяток ху пшеницы и уже норовит завести новую жену, а вы ведь Сын Неба и владеете всеми землями среди четырех морей. Так почему бы вам не приказать чиновнику объехать Поднебесную и выбрать лучших девушек, невзирая на то, кто их отец: удельный правитель или крестьянин, важный сановник или солдат. Лишь бы девушки были не моложе пятнадцати лет и не старше двадцати да отличались красотой. Их нужно всех привезти в столицу, чтобы не пустовали предназначенные для красавиц дворцы. Разве что-нибудь мешает так поступить?

Император. Твои слова справедливы. Я поручаю тебе выполнить мою волю. Возьми с собой мой указ и отправляйся в дорогу. С каждой отобранной красавицы напиши портрет и передай мне, чтобы я знал, кого из них осчастливить раньше. Когда, успешно выполнив долг, ты возвратишься обратно, будешь вознагражден по заслугам.

Но Чжао-цзюнь отвечала, что, во-первых, ее семья бедна, а во-вторых, она и так добьется успеха только благодаря своей красоте. Красавица, решительно отвергла мое предложение. Ну что ж, тогда пусть остается здесь, в деревенской глуши. (*Задумывается, говорит.*) Нет, поступим лучше с нею по-иному. Нахмурил брови — и в голове уже готов план: просто я на портрете нарисую один глаз кривым. Когда она придет в столицу, ее непременно отправят в самые отдаленные дворцовые покои, пусть-ка она протрадает всю жизнь. Недаром говорят:

Ненависть — высокое чувство,
достойного мужа удел.
Настоящий мужчина без яду
не свершает великих дел.

(*Уходит.*)

*«Дань» в роли Ван Чжао-цзюнь входит в сопровождении
двух служанок, говорит нараспев:*

Мне оказана честь: во дворец Шанъян
была я привезена.
Государя увидеть не довелось
мне за целые десять лет.
Кто в эту ночь навестит меня?
Кругом царит тишина.
Чтоб излить печаль свою, никого
со мной, кроме лютни, нет.

Меня зовут Ван Цян, второе имя — Чжао-цзюнь, родом я из уезда Цзыгуй области Чэнду. Мой отец — староста Ван — всю жизнь занимается крестьянским трудом. Перед моим рождением матушка увидела во сне, будто свет луны проник в ее утробу и упал на землю. И родилась у нее я. Когда мне исполнилось восемнадцать лет, я удостоилась чести стать одной из красавиц, выбранных для императора. Но кто ожидал, что чиновник Мао Янь-шоу потребует в уплату золото. Я отказалась дать ему денег, и тогда он испортил мой портрет. Так и не довелось мне увидеть своего владыки: ныне живу во дворце, далеко от его покоев. Дома я обучалась музыке и умею играть на лютне. В эту ночь мне так одиноко и тоскливо, попробую песней развеять печаль. (*Играет на лютне.*)

Государь входит. Его сопровождают телохранители с фонарями в руках:

Я — ханьский государь Юань-ди — еще многих из привезенных во дворец красавиц не удостоил своего внимания, и они в тоске ждут меня. Сегодня наплась минута для отдыха от тысячи важных дел. Хочу обойти дворец, поглядеть, которой из них предопределено судьбой повстречаться со мной.

(Поет.)

На мотив «Алые губы» в тональности «сяньлюй»

Проезжают колеса повозки
по весенней цвели.
Прелестная дева при свете луны
наигрывает на свирели.
Государя увидеть ей не пришлось,
оттого так печальны трели.
От скорби давней у девы прекрасной
волосы поседели.

На мотив «Замутивший воду дракон»

Знаю, дева глядит на дворец Чжаоян,—
он так безмерно далек!
Жемчужную занавесь
ей опустить невдомек
Не государь ли? Нет, шелохнулся в безветренной
тьме
бамбуковый росток.
Сквозь тонкую занавесь луч луны
проникает наискосок.
Заслышите музыку — мнится вам:
государь ступил на порог.
Вы подобны Ткачихе — далекой звезде,
что милости ждет от сорок.

Ван Чжао-цзюнь играет на лютне. Государь продолжает петь:

Кто там играет на лютне,
чьи это руки
Столько чувства влагают
в печальные звуки?

Телохранитель. Я поспешу сказать ей, чтобы она вышла встречать вас, ваше величество.

Государь. Не надо.

(Продолжает петь.)

Вовсе не нужно о воле монаршей
сообщать впопыхах,
Возвещать избраннице мой приход
в торопливых словах.
Боюсь, что внезапная милость монарха
вызовет только страх
И повредит прекрасный росток,
что в глуши едва не зачах.
Боюсь, что воронов вы вспугнете,
спящих на деревьях,
Спугнете дремлющих меж ветвей
нежных и робких птиц.

(Говорит телехранителю.) Пойди к этой девушке, играющей на лютне, и передай, пусть она выйдет встретить меня. Только не испугай ее.

Телохранитель. Вы и есть та девушка, которая только что играла на лютне? Его величество здесь, поспешите встретить его!

Ван Чжао-цзюнь спешит навстречу государю,

Государь
(поет)

На мотив «Полевой сверчок»

Не пугайтесь меня — за вами
нет ни малейшей вины.
Просто хочу побеседовать с вами
среди тишины.
Я не ведал, что ждут меня в этих покоях
от весны до весны.
Впервые сюда пришел и вижу:
вы удивлены.
Но я пришел вас согреть — ваши нежные поги
от росы совсем холодны...
Платок ваш влажен от слез — отныне
будете вознаграждены...
Небо сотворило ее,
прекрасней всех в Поднебесной,

Чтобы я осчастливил ее любовью,
воистину, для этого!
Пусть в серебряной башне — приюте бессмертных —
будут свечи возожжены,
И благовестные воска наплывы нам даруют удачу,
пусть радостью дни наши будут полны.

Эй, телохранитель! Последи, чтоб свеча в фонаре горела поярче.
Дай мне получше рассмотреть девушку.

(Поет.)

На мотив «Радость Поднебесной»

Пусть ярче сияет праздничный свет
сквозь алый шелк фонаря!
Погибнешь от счастья, взглянув на нее,
но погибнешь не зря!

В а н Ч ж а о - ц з ю н ь. Если бы я, недостойная, знала, что вы,
ваше величество, придете сюда, я бы вовремя вышла вам навстречу.
Но я опоздала и за мою вину достойна смерти.

Г о с у д а р ь
(продолжает петь)

Она назвалась недостойной,
встречая меня.
Величает меня «ваше величество»,
при этом скромность храня.
Столь благородная девушка среди грубых людей
не прожила бы и дня.

Как совершенна ее красота! Эта девушка поистине прекрасна.

(Поет.)

На мотив «Пьяному небо...»

Подобные брови в моем дворце
встречаю я в первый раз.
Прекрасен тончайший шелк волос
и щек пурпурный атлас.
У висков изумруды, словно цветы,
блестят и радуют глаз.
От улыбки ее падёт —
крепость в одно мгновение.
Если б на башне Гоу-цзянь
не Си Ши увидел, а вас,

Даже от мысли о ней
отрекся б он наотказ,
И много быстрее для державы его
настал бы гибели час.

Кто же вы, с чьей красотой никто не может сравниться?

Ван Чжао-цзюнь. Моя фамилия Ван, имя Цян, второе имя — Чжао-цзюнь. Родом я из уезда Цзыгуй области Чэнду. И мой дед, и мой отец — староста Ван — занимались земледелием. Мы, деревенские жители, не знакомы с правилами поведения при императорском дворе.

Государь
(поет)

На мотив «Золотая чаша»

Я вижу, что вы подвели свои брови
столь искусно и столь красиво.
Ваши волосы на висках — как вороново
крыло

смоляного отлива.
Стан ваш изящен и гибок,
как молодая ива,
Алый румянец на ваших ланитах
играет счастливо, —
Во дворце Чжаоян не найдется достойных
покоев для этого дива.
Вы крестьянского рода — но оттого
не стоит краснеть стыдливо.
Разделите брачное ложе со мной,
милость моя справедлива,
Словно небо, дарящее дождь конопле,
чтоб зеленела нива.
Если б в голосе лютни сегодня я
не услышал призыва,
Ради вас я многие тысячи ли
прошел бы терпеливо,
Отыскал бы вас среди рек и гор,
и вас берег бы ревниво.

Почему же до сих пор вы, такая прекрасная, не смогли удостоиться моей любви?

Ван Чжао-цзюнь. Когда ваш чиновник Мао Янь-шоу впервые увидел меня, то потребовал уплаты золотом. Наша семья бедна, и денег он не получил. Тогда он испортил мой портрет, поэтому я и была отправлена в самый отдаленный дворец.

Государь (*говорит телохранителю*). Дай-ка мне посмотреть
этот портрет.

Телохранитель подает портрет.

(Поет.)

На мотив «Пьяный, возвращаясь домой»

Посланец мой лживый ни слова о ней не сказал,
и портретом обманным
Красавицу скрыл он,
прекрасную ликом и станом.
Глаза ее, чистые, словно осенние воды,
стали как яшма с изъяном,
Но пусть даже глаза
была бы она лишена,
Пусть даже была бы слепа — хоть ужасно
помыслить
о горе столь песказанном,
Все восемьсот
красавиц дворца,
Красотой превзойти не смогли бы
ту, чей портрет осквернили изъяном.

(*Говорит телохранителю.*) Передай начальнику дворцовой стражи
мой приказ: схватить Мао Янь-шоу и отрубить ему голову.

Ван Чжо-цзюнь. Ваше величество, мои родители оста-
лись в Чэнду и обязаны, как и другие крестьяне, платить подати.
Прошу вас, ваше величество, явите милость и избавьте их от на-
логов. Я уповаю на ваше великодушие.

Государь. О, это нетрудно сделать.

(Поет.)

На мотив «Золотая чаша»

Трудом в огороде капустном бывали
натружены ваши персты.
На тыквенных грядках трудились вы
до темноты.
Сажали рис, коноплю поливали
и ткали холсты.
С любовью беру я вас ныне к себе,
ибо равной не знал красоты.

Я нынче указом родителей ваших
возвышу из бедноты,
Налоги сниму и повинности с них,
пусть исполнятся их мечты.
Во дворец Чжаоян вы войдете,
достигнете высоты,
Прославится ваш отец
мудростью и добродетелью,
Станет дом его — словно управа,
никогда кладовые не будут пусты.
О Небо! Сжался над теми,
чьи зятья — бедны и просты,
Но горе тому, кто в тесте моем не узрит
светоча доброты!

Подойдите ко мне поближе и выслушайте мою волю: я жалую
вам имя Мин-фэй — любимой наложницы.

Ван Чжао-цзюнь. Могу ли я, ничтожная, быть достойной
любви и милостей вашего величества! (*Благодарит государя за
оказанную честь.*)

Государь
(поет)

Заключительная ария

О чувствах, что мною владеют,
не в силах сказать я словами.
Молю вас, молчите! Все завтра скажу я,
когда встречу с вами!

Ван Чжао-цзюнь. Завтра приходите пораньше, ваше ве-
личество, я буду вас ожидать с нетерпением.

Государь
(продолжает петь)

Завтрашний день придет,
наступит счастливый час,
И на ложе мое во дворце Чжаоян
вы возляжете в первый раз.

Ван Чжао-цзюнь. Хотя я, ничтожная и презренная, и
удостоилась вашего милостивого внимания, смею ли я надеяться
разделить с вами, ваше величество, брачное ложе?

Г о с у д а р ь
(продолжает петь)

Пусть не будет в сердце у вас
даже тени испуга.
В час, когда я войду в ваш покой
и мы познаем радость в объятьях друг
друга,

Вы поверите в то, что сбылись мечты
и кончились годы недуга.
Я случайно нашел к вам дорогу сегодня,
бесценна судьбы услуга!
Но отныне тропинке в ваш дворец
не страшны ни ветер, ни вьюга.
Завтра ночью у Западного дворца,
когда затихнет округа,
Встречайте меня, своего
государя и супруга.
Я боюсь, что красавицам в прочих дворцах
останется струны на лютнях порвать
в час вынужденного досуга.

(Уходит.)

Ван Чжао-цзюнь. Государь возвратился в свои покои.
Слуги уже запирают ворота дворца. Пойду и я, усну ненадолго.
(Уходит.)

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Шаньюй входит, сопровождаемый соплеменниками:

Я — шаньюй Хуханье. Вчера отправил посла ко двору Хань передать мою просьбу: пожаловать мне в жены принцессу. Ханьский государь под предлогом, что принцесса еще слишком юна, ответил отказом, и в сердце моем родилась обида. Можно ли смириться с тем, что в Ханьском дворце, где красавиц не счесть, для меня не нашлось ни одной?! Посла моего отправили ни с чем. Я хотел тут же повести своих воинов на юг в набег, но все-таки жаль нарушать мир и дружбу, столько лет царившие между нами. Посмотрим, как пойдут дела, и решим, что нам следует предпринять.

Мао Янь-шоу (входит). Я — Мао Янь-шоу. Отбирая для государя лучших девушек, я вымогал у них золото. Портрет кра-

савицы Ван Чжао-цзюнь я нарочно испортил, и ее отправили в самый отдаленный дворец. Кто мог подумать, что государь сам увидит девушку и, узнав, почему она до сих пор оставалась в неизвестности, прикажет предать меня смерти. Мне удалось бежать, но где я найду спасение? Правда, я решил захватить с собой портрет красавицы, чтобы поднести его шаньюю. Подговорю его потребовать в жены Ван Чжао-цзюнь, и пусть попробует Ханьский двор отказать ему! Прошло уже несколько дней, как я в пути. Вот вижу вдалеке множество людей, скакунов. Пожалуй, это стан сюнну. *(Подходит.)* Сотник, доложи шаньюю, что прибыл сановник Ханьского двора и просит его принять.

Воин идет с докладом.

Шаньюй. Вели ему войти. *(Видит Мао Янь-шоу.)* Ты кто такой?

Мао Янь-шоу. Я — сановник Ханьского двора Мао Янь-шоу. В Западном дворце нашего государя живет красавица Ван Чжао-цзюнь, равной которой не сыщешь. Когда недавно посол великого шаньюя приезжал просить вам в жены принцессу, эта Чжао-цзюнь хотела отправиться к вам, но правитель Хань не в силах был с ней расстаться и не позволил ей уехать. Я несколько раз обращался к нему с укором, говоря: «Неужели можно из-за любви к женщине утратить дружбу между двумя государствами?» Мои слова привели лишь к тому, что правитель Хань решил меня казнить. Поэтому я захватил с собой портрет этой красавицы, чтобы поднести его вам, великий шаньюй. Можно вновь отправить посла, который, предъявив портрет, потребует девушку, и вы непременно ее получите. Вот портрет. *(Приближается к шаньюю и показывает ему портрет.)*

Шаньюй. Могут ли на свете быть такие красавицы! Если бы она стала моей женой, я больше ничего не желал бы. Сегодня же отправлю в сопровождении отряда своего посла. В письме к Сыну Неба потребую: пусть отдаст мне в жены Ван Чжао-цзюнь. Если же не согласится — не теряя и дня, ринусь на юг, и трудно будет ему защитить свои земли. Нужно еще послать воинов, которые, как бы охотясь, проникнут за Великую стену и хорошенько разузнают, что там происходит. Так будет неплохо! *(Уходит.)*

Ван Чжао-цзюнь *(входит в сопровождении слуганок)*. Я — Ван Цян. Незаметно прошел месяц с тех пор, как я была удостоена милости и познала счастье. Мой повелитель очень полюбил меня и совсем перестал встречаться со своими сановниками. А сегодня мне сказали, что он отправился во дворец. Я же тем временем перед туалетным столиком причешусь и подрумянюсь. Хочу быть как можно красивой, чтобы достойно встретить государя.

Пантомима: Ван Чжао-цзюнь перед зеркалом.

Государь (*входит*). Повстречал у Западного дворца Ван Чжао-цзюнь, и будто разум у меня отняло, словно все время пьян. Давно уже не занимался делами двора. Сегодня наконец во дворце выслушал доклады своих сановников и никак не мог дожидаться, когда все разойдутся. Думал только о том, как поскорее увидеть свою возлюбленную в Западном дворце.

(Поет.)

На мотив «Цветущая ветка» в тональности «наньлюй».

Дождь и росу равномерно дарит
 земле небесная вышина.
На десять тысяч ли вокруг
 красотой природа полна.
Чиновники служат усердно мне,
 и полнится казна.
Я мог бы уснуть без тревог и волнений,
 но все же не знаю сна.
Даже дня не могу прожить без той,
 что мне Небом дана,
В день подобный мне кажется — плоть моя
 недугом поражена.
То тревожусь о доле простого люда,
 о том, как живет страна,
То грущу о прекрасных цветах
 и мечтаю о чаше вина.

На мотив «Седьмая песня из Лянчжоу»

Я встречаюсь с первым министром
 длинный выслушиваю доклад,
Я словно Вэнь-ван, насаждаю добро,
 не страшусь никаких преград,
Но лишь уйду от Мин-фэй, тотчас
 хочу вернуться назад,
Мне близок ныне Сун Юй,
 воспевший горечь утрат.
Одежды ее, где вышиты шелком драконы,
 небесный струят аромат,
Она пленительно хороша,
 вся, с головы до пят.

Подхожу к вам, встаю за вашей спиной
наподобие истукана.
Вы словно Чан-э, лунная дева,
что к людям спустилась неожиданно.

*Ван Чжао-цзюнь увидела государя и почтительно его приветствует.
Входят «вай» в роли министра и «чоу» в роли его помощника.*

Министр
(говорит нараспев)

Долгие годы стою во главе
политики всей страны.
Прочный мир — в моих руках,
нелегко подобный труд.
К сожалению, я живу на одно
жалованье от казны.
И, увы, правителем нашей страны
меня люди не назовут!

Я — министр Улу Чун-цзун, а это мой помощник Ши Сянь. Сегодня, едва государь успел покончить с государственными делами и покинул дворец, как прибыл посол от сюнну. Он требует отдать Ван Цян в жены панью. Делать нечего, придется доложить государю. Вот мы и у Западного дворца, осталось только войти. *(Видит государя.)* Позвольте, мой властелин, известить вас: сегодня паньей Хухань прислал посла сказать, что Мао Янь-шоу преподнес ему портрет красавицы, и он требует Чжао-цзюнь себе в жены. Тогда прекратятся всякие раздоры. В случае отказа все его огромное войско двинется на юг, и невозможно будет защитить наши земли.

Государь. Я тысячу дней содержу армию, чтобы использовать в нужный час. Оказывается, напрасно у меня при дворе столько чиновников и военных — ни один не может отогнать кочевников! Все боятся мечей и бегут от стрел, никто не смеет выказать свою силу. Почему же вы хотите, чтобы женщина добыла мир?

(Поет.)

На мотив «Застава пастуха»

Вечно царства и падали и возникали
для бытия,
Длились войны, и не ржавело
никогда острие копыя.

Всегда кормила вас казна
и милость моя.
Небесами выше людей
поставлен я.
Высоким постом и заслугами,
трусость свою тая,
Кичились вы во времена
мирного житья,
А свалилась беда — от вас ничего
не слышно, кроме нытья.
Клянча награды, пели вы
слаще соловья,
А теперь изгоняете Мин-фэй,
как злодейку, в чужие края.
Кто поможет несчастному государю,
где же его друзья?
Не осмелитесь вы прыгнуть от государя
через перила дворца.
Вы к дереву не прикуете себя,
и Небо вам не судья.

Министр. Чужеземец упрекает, что вы, ваше величество, ослеплены любовью к Ван Цян, подорвали устои своей власти и нанесли урон государству. Он грозит, что если ему не отдадут красавицу, его войска двинутся на нас. Я вспоминаю князя Чжоу-вана, который, увлекшись красавицей Дань-цзи, погубил государство и сам лишился жизни. Его судьба — всем урок.

Государь
(поет)

На мотив «Поздравляем жениха»

Не пытался я башню такую воздвигнуть,
чтобы небес достигала,
Так не нужно мне об И Ине твердить,
что Чэн Тану помог немало,
Или о том, как рука У-вана
Чжоу-вана покарала.
Когда к источникам Желтым
направитесь вы устало,
Вы встретите там Лю-хоу,
чье имя в веках звучало,—

Не охватит ли стыд такого, как вы,
предателя и бахвала?
Всегда простиралось на вашем ложе
роскошное покрывало,
Вы вкушали тончайшие яства, вы пили
из дорогого фиала,
Вы носили одежды, спитые
из драгоценных тканей.
Сытые кони возили вас,
и стража вас охраняла,
Вы любили танцы девушек юных,
звуки лютни и звон кимвала —
А теперь хотите, чтоб в Зеленом Кургане
Мин-фэй во веки веков лежала,
Чтобы в глубинах Черной реки
лютня ее замолчала.

Министр (*говорит*). Ваше величество, наши солдаты обучены плохо, и нет храбрых генералов, готовых вступить в бой с врагами. Что нам делать, если случится война? Надеюсь, что вы, ваше величество, отдадите свою возлюбленную шаньюю, чтоб спасти страну.

Г о с у д а р ь
(*поет*)

На мотив «Дерущиеся лягушки»

Известны мужеством были герои
в минувшие века.
Один из них сумел погубить
Сян Юя, грозу большака,
И подчинить Лю Бану сумел
горы, леса, облака.
Хань Синь победил у гор Цзюлишань,
как не вспомнить про смельчака, —
За подвиги он удостоен отличий,
слава его велика.
Во всем государстве теперь не найти
толще, чем ваш, кошелька,
И не одна золотая печать
свисает у вас со шнурка.
Красновратные ваши дворцы
смотрят на все свысока,

Каждая девушка ваша танцует
легче мотылька,
Но вы боитесь, что враг придет
и крепко даст вам пинка,
И ваши пятки сверкнут перед ним
вместо клинка.
Вы безмолвны как гусь, что стрелой сражен
посреди тростника,
Молчите, кашляют боясь,
и кутаются в шелка.
А я в бесконечных раздумьях о той,
что столь нежна и кротка,
Прекрасна, молода и чиста,
словно струя родника.
Спасителя нет для нее среди вас,
бессильна моя тоска.
Вы Чжао-цзюнь ненавидите, словно она
убила родителей ваших!
Вы все во дворце — словно Мао Янь-шоу,
недостойный даже плевка!
Полководцы, чиновники у меня
не служат, а греют бока,
Все четырехста округов для них
не стоят и медяка,
Меж нами и сюнну придется ров
выкопать наверняка.
Мне не трудно в самый короткий срок
собрать большие войска,
Но нет, увы, у меня для них
достойного вожака.

Помощник министра. Посол сюнну ждет у ворот дворца вашего решения.

Государь. Вот как! Пусть посол сюнну предстанет предо мной.

Посол сюнну (*входит*). Шаньюй Хуханье прислал меня послом к императору Великой Хань. Издавна наше северное государство и ваше южное живут в мире и связаны родственными узами. Недавно мы дважды просили выдать замуж принцессу, но получили отказ. А ныне Мао Янь-шоу преподнес нашему шаньюю портрет красавицы. Шаньюй отправил меня требовать ему в жены Чжао-цзюнь, тогда прекратятся распри между нашими государствами. Если же вы, ваше величество, не согласитесь, то сотни тысяч храбрых воинов без промедления вторгнутся на ваши земли,

чтобы победить или погибнуть. Полагаюсь на ваше милостивое решение.

Государь. Отведите посла в покои для гостей, пусть отдохнет.

Посол уходит.

Сейчас я хочу от вас, военные и гражданские чиновники, услышать добрый совет. У кого есть план, как заставить отступить войско сюнну и не выдать шаньюю Чжао-цзюнь, пусть доложит. Вы хотите воспользоваться добротой и слабостью этой девушки. Случись это при императрице Люй-хоу, никто и словом не осмелился бы проявить свою непокорность. Ну что же! Отныне мне больше не нужны чиновники и военные, буду лишь с помощью красивых женщин поддерживать мир и порядок в Поднебесной!

(Поет.)

На мотив «Жалуюсь священному Небу»

Когда вы с докладом шли во дворец,
вам никто не чинил препон,
Не грозили кипящим котлом, и бывал
возвеститель беды прощен.
Думал я, что чиновники мне верны,
что крепок мой трон,
Что полководцами ратный строй
вокруг меня сплочен,
А они в это время ждали чинов
и считали ворон,
«Тысяча лет государю», — неслось
с разных сторон,
Летела пыль оттого, что вы
за поклоном били поклон.
Расшибали лбы, величали меня
тысячью пышных имен,
Теперь к заставе Янгуань,
в руки чуждых племен
Отправляете вы мою Чжао-цзюнь,
едва расцветший бутон!
Если б сейчас во дворце Вэйяньгун,
что башням окружен,
Предстала государыня Люй-хоу
из глубины времен,

Чиновники и полководцы, всем вам,
кто вооружен,
Было бы худо, каждый из вас
стал бы весьма смущен,
Не посмели бы вы отправить ее
под чужой небосклон.
Ныне настал ужасный час,
чреват опасностью он,
В схватке сошлись не на жизнь, а на смерть
тигр и дракон,—
И о том, чтоб наложницы шли воевать,
нужен, как видно, закон.

В а н Ч ж а о - ц ю н ь. Я, ничтожная, была удостоена вашего милостивого внимания и готова ценой жизни отблагодарить вас, ваше величество. Я поеду к сюнну, чтобы предотвратить войну. Пусть мое имя сохранится в записях историков. Только где найти силы, чтобы отказаться от нежной любви вашего величества!

Г о с у д а р ь. Я не хочу расставаться с вами!

М и н и с т р. Ваше величество, пренебрегите любовью, подумайте о своей стране, отправьте госпожу поскорей к сюнну.

Г о с у д а р ь
(поет)

На мотив «Ворон кричит по ночам»

В жены шаньюю Мин-фэй отдаю,
о, горе, о, тяжкий позор!
Первый министр, дармоед, не смог
варварам дать отпор.
Выходит, одна Мин-фэй способна
предотвратить раздор,
Уехать в край, где желтые облака
не спускаются с синих гор.
Настало время, чтобы меж нами
бескрайний лег простор.
Одинокого гуся, вестника осени,
видит мой грустный взор.
Много горя придется мне пережить,
о, безмерна тоска моя!
Бедной Ван Цян злая судьба
вынесла приговор.

Из перьев зимородка был
ее головной убор.
Благоуханные шелка
носила она до сих пор,
А теперь облачится в соболий халат,
на котором жемчужный узор.
И наденут высокий тюрбан на нее,
душе моей наперекор!

Сегодня сначала отправьте Мин-фэй к послу сюнну в покой для гостей, а завтра я сам провожу ее до моста Балинцяо, чтобы выпить там с ней перед расставанием последнюю чашу вина.

Министр. Боюсь, что этого вам делать не стоит: варвары станут смеяться.

Государь. Я послушался ваших слов, почему же вы не хотите подчиниться моей воле? Хорошо это или плохо — я поеду ее провожать. Какая ненависть к Мао Янь-шоу владеет мною сейчас!

(Поет.)

Третья ария от конца

Ненавижу пса, что кусает хозяина,
нет,
Не будет висеть во дворце Линъяньгэ
погашенный его портрет!
Сановников властью я наделил,
в государстве настал расцвет.
Разве, решая дела державы,
не звал я вас на совет?
Разве не слушал ваших докладов,
не соблюдал этикет?
Встречи мои с Ван Цян отпылала,
как летнего солнца свет.
Едва мы увидели первый сон,
уже начался рассвет.
Ей придется смотреть на Северный ковш
на сонмы звезд и планет,
Свиданья ждать, как Пастух и Ткачиха,
будем мы много лет.

Министр. Не нам взбрело в голову принуждать госпожу ехать к чужеземцам. Это посол сюнну назвал ее имя и требует именно ее. К тому же сколько правителей древности из-за красавиц довело свои государства до гибели!

Государь
(поет)

Вторая ария от конца

Никто из минувших красавиц
 не стоит с Мин-фэй наравне.
Неужели же я, Сын Неба,
 оставлю ее в западне?
Как сможет хрупкая Мин-фэй
 скакать на копе?
Здесь, во дворце, носилки ее
 слуги несли на спине,
Ей не хватало сил самой
 занавеску поднять на окне,
Служанки сажали ее в паланкин,
 внимательные вдвойне.
Снова, как прежде, в хрустальную реку,
 сладко смотреть луне.
Но гневные и печальные мысли
 беспредельны во мне.

Ван Чжао-цзюнь. Я, недостойная, уеду и сделаю это для
родной страны, но как мне пережить разлуку с вами, ваше вели-
чество!

Государь
(поет)

Заключительная ария

Вы есть захотите, но соли не будет
 в ястве мясном.
И жажду вы утолите,
 слезы теряя в нем.
Печален обычай — ветку ивы сломить
 перед горестным днем.
На прощальном обеде вам подадут
 последнюю чашу с вином.
У вас перед глазами — дорога,
 вы думаете об одном —
Как будет печально вам без меня
 возлежать во мраке ночном.
Будет боль ваше сердце жечь
 неумолимым огнем,

В тоске оглянетесь вы на пыль,
взметенную скакуном,
Исчезнут башни дракона вдали,
расплывшись туманным пятном.
У моста Балинцяо этой ночью
вы забудетесь сном.

Уходят.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

*Посол сюнну, ведя за собой Ван Чжао-цзюнь, входит,
наигрывает мелодию песни сюнну.*

Ван Чжао-цзюнь. Я — Ван Чжао-цзюнь, жила в отдаленных покоях после того, как, выбирая лучших девушек, Мао Янь-шоу испортил мой портрет. Совсем недавно я все-таки была замечена императором и удостоилась его любви. Но Мао Янь-шоу преподнес мой портрет Шаньюю. Сегодня прибыли его воины и потребовали выдать меня. Если я не поеду, наши реки и горы попадут в руки врагов. Остается одно — мне, ничтожной, отправиться за Великую стену к сюнну. Поеду, но смогу ли привыкнуть к ветрам и иному варварского края! Еще в древности говорили:

Несчастнее всех обычно та,
что всех прекрасней собой.
Ветру весеннему жалоб не нужно
слать и спорить с судьбой.

Государь (*входит в сопровождении гражданских и военных чиновников*). Сегодня прибыл к мосту Балинцяо, чтобы здесь после прощального угощения расстаться с Мин-фэй.

(Поет.)

На мотив «Свежая вода» в тональности «шуандяо»

Нынче вы — в шубе собольей, а не в платье
Ханьского двора.
Что мне осталось? Пред вашим портретом
коротать вечера.
Такая любовь — золотая уздечка
до смертного одра.

А свежая боль, словно плетъ из яшмы,
горяча и остра.
Мы словно дикий селезнь с уткой,
что вместе были вчера,
Но нынче нам безо всякой надежды
разлучиться пора.

Сотни моих чиновников так и не придумали, как отогнать от границ вражеские полчища и не отдавать Мин-фэн сюнну.

(Поет.)

На мотив «Внимаю, оставив седло»

Говорят сановники: «Чжао-цзюнь
скорее отправить надо,
Ведь посла шаньюя на родине ждет
заслуженная награда.
Прощанье для мужа и для жены —
последняя отрада.
Прощаются даже бедняки,
прощаются малые чада.
От плакучей ивы возле Вэйчэна —
еще сильнее досада.
У моста Балинця — горечь множит
речной воды прохлада.
Дела нет вам до Чжао-цзюнь,
до ее прекрасного взгляда.
А мне вспоминаются — лютя, ночь,
печальной песни рулада.

*Сходит с коня. Государь и Ван Чжао-цзюнь со скорбью
глядят друг на друга.*

Пойте помедленнее, пока мы будем пить прощальную чашу вины.

(Поет.)

На мотив «Изящен каждый шаг»

Пойте прощальную песню —
разлука недалека,
Вот-вот наступит она и будет длиться
месяцы, годы, века.

Пусть медленной чашу к устам
 подносит ваша рука.
Я хочу, чтобы длилось прощанье наше,
 как длится эта река.
Не бойтесь мелодию песни последней
 растянуть, нарушить слегка —
Молю, не спешите, медленной пойте —
 доля ваша горька.

Посол сюнну (*обращаясь к Ван Чжао-цзюнь*). Прошу вас,
госпожа, побыстрей отправиться в путь. Время уже позднее.

Государь
(*поет*)

На мотив «Опавшие цветы сливы»

И без того предстоит
 сегодня разлука нам.
А вы все торопите нас и уже
 тоскуете по стремянам.
Раньше вас долечу я сегодня душой
 до башни Ли Лина, к чужим
 племенам.
Образ Мин-фэй останется лишь
 моим одиноким сном —
Не ждите, что я, благородный муж,
 забвению счастье предам.

Ван Чжао-цзюнь (*говорит*). Я уезжаю — когда-то мне
удастся снова вас увидеть, ваше величество? Свой китайский наряд
я здесь оставлю.

Сегодня — счастливая девушка
 из Ханьского дворца.
Завтра — стану несчастной женщиной
 варварской земли.
Я оставлю здесь мой прекрасный наряд
 и сотру румяна с лица,
Чтобы о красоте моей
 сюнну узнать не могли.

(*Оставляет свои наряды.*)

Государь
(поет)

На мотив «Веселье перед дворцом»

Зачем вы хотите оставить здесь
ваш прекрасный паряд?
Ведь западный ветер скоро
развеет былой аромат.
Мою колесницу к вашим покоям
кони, как прежде, примчат.
В комнаты ваши я поспешу,
что память о вас хранят.
Вас перед зеркалом в ранний час
с болью припомню я.
О, как прелестен ваш облик был,
как пленителен робкий взгляд.
Горько мне, горько — ведь я до сих пор
не знал подобных утрат.
Мысли о дальнем пути Чжао-цзюнь
душу мою томят.
Когда же вы, подобно Су У,
возвратитесь назад?

Посол сиюну (обращаясь к Ван Чжао-цзюнь). Пора нам отправляться в путь. Мы и так уже намного опоздали.

Государь. Вот, Мин-фэй, сейчас вы и уедете. Не сердитесь на меня.

Государь и Ван Чжао-цзюнь прощаются.

Ну, какой я государь Великой Хань!

(Поет.)

На мотив «Дикий гусь»

Я князь из Чу, что расстался с Юй-цзи,
и горя мне не снести.
Нет у нас полководца который мог бы
войско мое повести.
Нет Ли Цзо-чэ, чтоб любви моей
мог бы на помощь прийти.
Нет министра Сяо Хэ,
чтоб ее поддержать в пути.

Министр. Не стоит так убиваться, ваше величество.

Государь
(поет)

На мотив «Одержана победа»

Мин-фэй уезжает ныне,
я помочь не в силах беде.
Напрасно держал на границах
смелых воинов я.
Вы рады, когда о вас
заботится ваша семья.
Легко ли расстаться мне с той, что дороже
всех радостей бытия?
Стоит вам только увидеть меч
и острие копья —
Сразу же сердцем становитесь вы
не храбрей воробья.
Сегодня вы плете на смерть Мин-фэй,
трусости не тая,
А мужчина должен быть силен и смел
и не должен шипеть, как змея.

Министр. Ваше величество, нам следует возвращаться во дворец.

Государь
(поет)

На мотив «Река колышет весла»

Неужто должны мы от места прощанья
бежать, будто от чумы?
Раньше них от заставы уехать
можем ли мы?
Вы умеете гармонию установить
меж силами света и тьмы,
Все тонкости ведомы вам
дворцовых хитросплетений.
Державой правя, берете дань,
никогда не берете взаймы,
Расширяете наши границы —
всюду наших застав дымы.
Если б я, правитель, что платит вам
жалованье из казны,
Отправил наложницу,
любимую вами,

Прочь от родимых мест, на север,
 за снежные холмы,
В страну, где сугробы да иней, в край
 долгой зимы,
И если б она не заплакала там,
 среди этой снежной тюрьмы,
Я бы чином поставил вас выше, чем все
 государственные умы.

Министр. Ваше величество, не нужно так сокрушаться и задерживать ее. Позвольте ей уехать.

Г о с у д а р ь
(поет)

На мотив «Семь братьев»

Вы все твердите, что государь
 не должен любить Ван Цян.
Но как запретить ей глядеть назад,
 уезжая в варварский стан!
Горестен вид уходящих знамен;
 ветер, снег и туман.
Слышно только, как вдалеке, у заставы,
 скорбно звучит барабан.

На мотив «Вино из цветов сливы»

Я смотрю на равнину — она
 безбрежна и холодна.
Блекнет осенней травы
 тусклая желтизна.
Заяц бежит. В полях —
 иней, как седина.
Вылиняли у собаки
 и бока и спина.
Копья грозно колышутся
 над тобою — чужая страпа.
Надежно вьюки приторочены
 к седлу скакуна.
Телеги скрипят — под тяжким грузом
 рисового зерна.
Всадники мчат на охоту,
 грозно звенят стремена.

Ван Цян! Ван Цян! Ван Цян!
 Безмерна моя вина!
Меня покидаешь ты,
 болью поражена!
Юань-ди! Юань-ди! Юань-ди!
 Горечь испей до дна!
Руки сжав, стою на мосту,
 и душа от боли черна.
С отрядом в бескрайней степи
 исчезает она.
Моя колесница в Сянъян.
 вернется еще дотемна.
Она возвратится в Сянъян
 еще дотемна.
Вот промелькнет
 дворцовая стена.
В краткий миг промелькнет
 дворцовая стена.
Вот уже галерея
 невдалеке видна.
Вот уже галерея
 невдалеке видна.
К жепским покоям ведет она,
 а там царит тишина.
В жепских покоях сегодня
 грустная тишина.
Только в высоком окне
 тускло светит луна.
Только в высоком окне
 тускло светит луна.
Ночь темна, и безбрежна,
 и прохладой полна.
Безбрежна ночь, и темна,
 и прохладой полна.
Только в темном саду цикады
 плачут, не зная сна.
В саду одни цикады
 плачут, не зная сна.
Прозрачна и зелена
 тонкая ткань у окна.
Тонкая ткань у окна
 прозрачна и зелена.
Разлуки тоска беспредельна,
 печальна душа и мрачна.

На мотив «Возвращенная Цзяннань»

Беспредельна тоска разлуки,
 не забрезжит рассвет.
Не каменное сердце
 в груди человека, нет.
Заплакал бы даже каменносердый,
 не плакавший много лет,
Ибо камень в груди его горем подобным
 был бы отогрет.
Нынешней ночью во дворце Чжаоян
 повешу любимой портрет.
Там, в покоях, пустых отныне,
 свечей сияющий свет
Осветит только наряд, что был
 на плечи ее одет.

Министр. Ваше величество, пужно возвращаться. Ван
Чжао-цзюнь уже далеко.

Государь
(поет)

Заключительная ария на мотив «Утки-неразлучницы»

Вельможи меня торопили проститься,
 пусть услышат мой горький упрек.
Летописцы, верно, о нашем прощанье
 напишут немало строк.
Вот и не вижу я больше вас,
 похожую на цветок.
Кто сумеет догнать в степи
 несущийся ветерок?
Долго стою и на север смотрю,
 безмерно горек мой рок.
Никак не могу решиться уйти,
 еще обернусь хоть разок.
Слышу — с севера дикий гусь летит,
 печален и одинок.
Грустно, пронзительно он кричит,
 и путь его далек.
Кажется, вижу отары овец,
 коровьи стада вдоль дорог.
Слышу стук колесницы, везущей ту,
 чей жребий так жесток.

Шаньюй (*входит, сопровождаемый Ван Чжао-цзюнь и своими соплеменниками*). Сегодня Ханьский двор не пренебрег нашим союзом и отдал мне в жены Ван Чжао-цзюнь. Ее имя будет Нинху яньчжи, и я поселю ее в своем главном дворце. Как хорошо, что между нашими странами не началась война. Эй, воины, призываю всем отправляться в дорогу, держа путь на север.

Все едут.

Ван Чжао-цзюнь. Что это за местность?

Шаньюй. Это Черная река, граница между землями сюнну и Хань. К югу — владения Ханьского двора, к северу — край сюнну.

Ван Чжао-цзюнь. Великий шаньюй, позвольте мне взглянуть на южные дали и выпить чашу вина. Я хочу перед дальней дорогой проститься с землями Хань. (*Пьет вино.*) Государь Хань, сейчас моя жизнь на земле оборвется, я перейду в загробный мир. (*Бросается в реку.*)

Шаньюй (*замирает в страхе и не успевает прийти на помощь. Вздыхает*). Ай, как жаль! Как жаль! Чжао-цзюнь не захотела ехать к сюнну и утопилась в реке. Похороните ее на этом берегу, и пусть место называется Зеленым курганом. Я думаю, что и в ее смерти, и в бессмысленной вражде между нами и Хань повинен негодяй Мао Янь-шоу. Батыри, схватите Мао Янь-шоу и отвезите ханьскому государю на справедливый суд. Я же по-прежнему буду жить в мире с Ханьским двором и навсегда останусь им близким родственником. Это будет всего разумнее.

(Говорит нараспев.)

Негодяй искажил портрет Чжао-цзюнь
и бежал из земли родной,
Государя предал, нашел приют
в нашей стране степной.
Чтоб задобрить меня, привез мне портрет красавицы,
что жила за Великой стеной.
Я потребовал, чтобы Чжао-цзюнь
стала моей женой.
Разве думал я, что гибель она
обретет в глубине речной?
На воду речную смотрю — напрасны
думы о ней одной.
Нельзя потерпеть, чтоб остался в живых
такой человек дурной,

На мотив «Опьянен весенним ветром»

Благовонные свечи
 догорели дотла.
Добавьте новых свечей —
 нестерпима ночная мгла.
О вас, красавице, мысль
 в душу мою сошла,
Словно о Чжулиньсы, —
 завершились земные заботы.
Только тень, только портрет
 мне судьба в утешенье дала.
Покуда смерть не коснулась
 моего чела,
Покуда я живу,
 и доля моя тяжела,
Только перед портретом Мин-фэй
 душа моя светла.

Я очень устал и немного посплю.

(Поет.)

На мотив «Зовущий голос»

Вблизи Гаотана,
 на большой вышине,
Не увидеть красавицу
 мне во сне.
Только любовь
 оставлена мне.
О, побудь со мною
 наедине!
Так, как некогда Сян-ван со своею тучкой
 соединился во сне.

(Засыпает.)

Ван Чжо-цзюнь *(входит)*. Я — Ван Цян, была отдана сюнну в северные края, а сейчас тайком убежала обратно. Не своего ли повелителя я вижу?! Ваше величество, я, ничтожная, возвратилась.

Воин сюнну *(входит)*. Я притомился и задремал, а Ван Чжао-цзюнь тут же сбежала. Я немедленно бросился в погоню и

очутился в Ханьском дворце. А вот и Чжао-цзюнь! (*Хватает Ван Чжао-цзюнь и уводит ее.*)

Государь (*просыпается*). Только что мне показалось, что Мин-фэй возвратилась, почему же я не вижу ее?

(*Поет.*)

На мотив «Поправляю серебряный светильник»

Наверное, возвратить Чжао-цзюнь
отдал Шаньюй приказ.
Словно по имени ее
кто-то окликнул сейчас.
Но она не хочет явиться ко мне,
хоть зову я за разом раз,
Лишь портрет ее на стене висит —
не свожу с него глаз.
Слышу звуки бессмертной лютни,
слышу волшебный глас,
Будто музыки Яо и Шуня напев
не до конца угас.

На мотив «Ползучие травы»

Жду вестей от любимой
целые дни напролет.
Но безрадостно день за днем
рассвет настает.
Только ночью, во сне,
настает свиданья черед.

Кричит дикий гусь.

Слышу, как дикий гусь
исходит жалобным криком.
Дикий гусь — в небесах, а я во дворце,
мы — словно двое сирот!

Кричит дикий гусь.

На мотив «Белый журавль»

О гусь, видно, лета твои
немолоды.
Ты ослаб, но это еще
полбеды —

Воды не хватает тебе
и еды.
Ты легок и тощ, и крылья твои
худы.
Ты на юг, в Цзяннань воротился, на родные
озера
и пруды,—
Опасаешься сети ты в тростнике
у воды.
Когда же на север летишь, туда, где снега
и льды,—
За Великой стеною боишься
стрелы великой вражды.

На тот же мотив

Печалеп твой крик — словно Чжао-цзюнь
зовет правителя Хань.
Словно скорбная песня над трупом Тянь Хэна
доносится в глухомань.
Мне тоскливо, как будто песни Чу
я услышал в раннюю рань.
Горько мне, словно слышу прощальную песню
о заставе Янгуань.

Кричит дикий гусь.

От этого крика дикого гуся стала сильнее моя жалость к красавице
из Чу.

(Поэт.)

На мотив «Поднимаюсь на башенку»

Давно не зная покоя,
дух мой от горя поник.
О жертве невинной напоминают
тысячи улик.
Вот опять одинокого гуся
крик
То смолк, то опять
возник.
Ночь на исходе,
близок рассвета миг.
Зачем же ты кружишься в небе,
крича, озирая тростник?

Никто не ответит тебе,
горемыка из горемык.
Не сыщешь подруги в осеннюю пору,
когда увял цветник.

На тот же мотив

Может, ты хочешь Су У отыскать
или найти Ли Лина?
Свечи ярко горят. Темна
небесная пучина.
Ты звал подругу, но разбудил меня,
несчастливого властелина.
Долго гляжу на портрет Мин-фэй —
безмерна моя кручина!
Мин-фэй на севере, далеко,
горька для нее чужбина.
Ни пернатого вестника ей не увидеть,
ни своего господина.

Кричит дикий гусь.

Крик дикого гуся бессилен — пред ним
заснеженная равнина.

На мотив «Ароматом полон двор»

Дикий гусь, дикий гусь, от криков твоих
я изнемог.
Словно пенье иволги, крик твой
тосклив и глубок.
Леденит этот крик,
словно горный поток.
Вижу горные выси, и воды
лежат у ног.
Боюсь, что ты собьешься с пути
иль попадешь в силос,
Меж реками Сяошуй и Сяншуй
опустившись на песок.
Больно мне — за Великую стену
любимую бросил рок.
Всегда говорят: «Дикий гусь улетел,
но крик его камнем лег».

Красавица ночью грустила, но мой
жребий — безмерно жесток.
Сижу, освещенный светом луны,
печален и одинок.

Телохранитель. Не надо так горевать, ваше величество,
пожалейте себя.

Государь. Не будь причины — не стал бы горевать.

(Поет.)

На мотив «Двенадцатая луна»

Не говорите мне,
чтоб я о печали забыл.
На месте моем вы бы тоже
от боли были без сил.
Крик дикого гуся — не ласточек посвист,
что выются возле стропил,
Не пенье иволги, что расточает
в роще любовный пыл.
Чжао-цзюнь, ты покинула край родной
и того, кто был тебе мил,—
Каково тебе слышать крик дикого гуся,
что так безмерно уныл?

Кричит дикий гусь.

На мотив «Песнь времен Яо»

Дикий гусь, ты кричишь над островком,
что травами оплетен.
Гусь не хочет расстаться с городом, где
двум фениксам спился сон.
Колокольчики-кони звезят
под самой крышей: динь-дон.
Холод почной на ложе меня
объемлет со всех сторон.
Холод окружает меня,
и все сильнее он.
Листья уныло шуршат,
опадая на склон.
Пламя свечей догорело,
дворец тишиной окружен.

Заключительная ария

Крик дикого гуся над Ханьским дворцом
звучит неизменно.

Крик дикого гуся
скоро достигнет Вэйчэна.

Все больше седых волос у меня,
все ближе дыханье тлена.

Но плакать буду о Мин-фэй
и ночью и днем.

Министр (*входит*). Сегодня утром из государства сюнну прибыл посол, который привез связанного Мао Янь-шоу и сказал, что именно из-за него был нарушен союз и возникли распри между нашими государствами. Ныне Чжао-цзюнь уже нет в живых, и сюнну хотят восстановить дружбу наших двух государств. С глубоким почтением ожидаем высочайшего повеления.

Государь. В таком случае отрубите Мао Янь-шоу голову, а в честь Мин-фэй устройте жертвоприношение. В храме Гуанлусы приготовьте все для пира, и мы, наградив посла, проводим его обратно.

(Говорит нараспев.)

Пора, когда дикий гусь кричит,—
листопада пора.

О возлюбленной думаю всю ночь,
не могу заснуть до утра.

Пришлось в Зеленый курган
моей возлюбленной лечь —

За это художнику
голову снимем с плеч.

Главная сцена пьесы: «Как Мин-фэй утонула в Черной реке и сокрыл ее горе Зеленый курган».

Полное название пьесы: «Крик одинокого гуся отгоняет сны осенней порою в Ханьском дворце».

ЗНАК «ТЕРПЕНИЕ»

ПРОЛОГ

«Чунмо» в роли Ананды входит и говорит нараспев:

Не пужпо цветком вразумлять того,
 кто смотрит на мир просветленно,
 Не нужно на пальмовом листе
 начертапного капона.
 Восходит солнце, тает лед —
 оказывается, это вода.
 Отспяет луна и за горы зайдет —
 по не сойдет с небосклона.

Я, бедный монах, — блаженный Анапда. Однажды наш Будда собрал на горе Липшап всех архатов и возвещал им истинный Закон. Но дух созвездия Алчпый Волк, он же тринадцатый архат, не стал впитывать словам Будды, а предался суетным мечтаниям. За это его полагалось бы отправить мучиться в ад. Но Будда проявил великое милосердие и наказал его лишь тем, что послал на землю, в Бяпьяп, дабы он возродился в человеческом облике в доме Лю. Его теперь зовут Лю Цзюпъ-цзо. Он может отклониться от праведного пути, поэтому решено отправить будду Милэ в образе Мопха с мешком, чтобы наставлять его. И еще: вероучитель «Усмиривший тигра» в образе Лю Девятого будет послан с тем, чтобы побудить этого Лю раскаяться и уйти в обитель Юэлинь, где поч-

тенный Дин-хуэй посвятит его в учение Большой колесницы. Когда же Лю отрешится от вина, похоти, жадности и гнева, перестанет отделять себя от других людей, правду от лжи, тогда исполнится срок его искуса, а что будет дальше — ведомо лишь мне. Воистину:

Стоило грешным мыслям предаться —
и вот ты в мирской пыли.
Знатности ищешь, копишь монеты,
шелка и мучные кули.
Будда Жулай просветит тебя —
мудрым словам внемли.
Срок искуса пройдет — и прямо в рай
ты попадешь с земли.

(Уходит.)

«Чжэнмо» в роли Лю Цзюнь-цзо входит в сопровождении жены, детей и слуг.

Лю. Я — житель Бяньляна Лю Цзюнь-цзо. Мне идет сороковой год, в семье у меня еще трое — жена из рода Ван, сын и дочь. Мальчонку зовут Фо-лю, «Предназначенный Будде», а девочку — Сэн-ну, «Служанка монахов». В Бяньляне я самый большой богач. Но при всех моих богатствах я всегда стараюсь не истратить ни одной лишней монетки. Отдать же связку монет для меня все равно, что отрезать кусок собственного мяса. Только благодаря своей прижимистости и бережливости я накопил столько добра. Сейчас у нас зима, хлопьями падает снег — залог благополучия страны. Иные богачи теперь сидят в теплых хоромах у раскаленных печек, пьют вино, любят снегом и предаются радости. Но такое роскошество не по мне. А почему? Да потому, что я боюсь разорить свой дом.

Жена. Юаньвай! Недаром люди говорят, что снегопад — радость для кабатчика. Выпил бы и ты чарку-другую!

Лю. Не послушаться тебя, хозяйюшка, вроде бы нехорошо, а послушаться тебя — придется тратиться. Ну, так и быть, выпью немного.

Жена. Вот и хорошо, юаньвай, выпей.

Лю. Эй, меньшие слуги, принесите вина, мы с хозяйкой выпьем по чарочке. Но сначала подойдите поближе, я вам что-то скажу: принесите не слишком много, хватит и двух наперстков.

Слуги. Слушаемся. *(Приносят вино.)*

Жена. Юаньвай, выпей первым.

Лю *(пьет)*. Дайте еще вина! Хозяйка, выпей и ты.

Жена (*пьет*). Налейте еще!

Слуги. Больше нет.

Жена. Как это нет? Ведь налили всего две чарки. Давайте еще!

Лю. Хватит! Старые люди говорят: меньше пей вина, лучше пойдут дела. Посижу-ка я в своей закладной лавке, посмотрю, не придет ли кто-нибудь.

«Вай» в роли Лю Цзюнь-ю входит и говорит нараспев:

Нутром своим до конца я постиг
Весь мир, который столь велик.
Но по воле судьбы я — в Поднебесной
Несчастнейший из горемык.

Я родом из Лояна, зовут меня Лю Цзюнь-ю. Немного приобщившись к книжной премудрости, я в поисках знаний забрел в эти места. Кошелек мой совсем опустел. Тут как раз зима, повалил снег, а мне нечем прикрыть тело, и в животе пусто. Вот передо мной дом богача, попрошу-ка я чаю и рису. Ворота закрыты — придется запеть песню нищих «Опадают цветы лотоса»: «В этом году весна прошла — вновь придет через год...» Ох, небо и земля закружились — сейчас упаду! (*Падает на землю.*)

Лю. Хозяйка, мы тут пьянствуем, а у наших ворот лежит замерзающий человек. Ребята! Принесите в дом этого господина, нагрейте на углях вина и дайте ему выпить горяченького! Странное дело, скажу я про себя. Ведь я обычно не жалостливый. Что там один — десятеро будут замерзать, а я не замечу. Но этот человек чем-то влечет меня к себе. Расспрошу-ка его. Господин! Ну как, вам полегчало?

Лю Цзюнь-ю. Кажется, прихожу в себя.

Лю. Откуда вы, господин? Как вас зовут и отчего вы упали у моих ворот?

Лю Цзюнь-ю. Уважаемый! Я — Лю Цзюнь-ю из Лояна, забрел сюда в поисках знаний. Кошелек мой опустел, нет ни одежды, ни еды. Увидев, что вы, уважаемый, пьете вино, я хотел попросить подаяния, но вдруг свалился от холода у ваших ворот. Если бы не вы, не быть мне живым.

Лю. Еще одно странное дело. Спросил я, кто он и откуда, — а он говорит, что из Лояна и зовут его Лю Цзюнь-ю. Но ведь говорят, что на одном дереве не растут разные цветы. Значит, лет пятьсот назад наши предки составляли одну семью, и он мне не безразличен. Лю Цзюнь-ю! Как ты помотришь, если мы сделаемся побратимами?

Л ю Ц з ю н ь - ю. Юаньвай, не шутите над бедным студентом.

Л ю. Я не шучу.

Л ю Ц з ю н ь - ю. Коли так, я готов быть не только младшим братом, но и прислуживать в вашем доме на конюшне.

Л ю. Я буду тебе вместо старшего брата, а она — вместо родной невестки.

Л ю Ц з ю н ь - ю (*кланяется*). Невестка, примите мои низкие поклоны!

Ж е н а. Братец, не утруждайте себя.

Л ю. Дети, подойдите сюда. Поклонитесь вашему дяде!

Дети кланяются.

Л ю Ц з ю н ь - ю. Не заслужил такой чести!

Ж е н а. Юаньвай, ты поговори здесь с братом, а я пойду в задние покои, распоряжусь насчет чаю и рису. (*Уходит.*)

Л ю. Коль скоро мы породнились, я хочу кое-что сказать тебе, брат.

Л ю Ц з ю н ь - ю. Говорите, брат.

Л ю. Вот я спас тебя от неминуемой смерти, да еще предложил побрататься, и ты наверняка подумал, что этот юаньвай всегда такой благородный, готов последним поделиться. Так нет же! Твой брат с большим трудом накопил свое добро — рано вставал, поздно ложился, сколько горечи испытал! Вот послушай!

Л ю Ц з ю н ь - ю. Расскажите мне, брат!

Л ю
(*поет*)

На мотив «Любуюсь цветами»

Нынче ценят одежды на человеке,
а его не ценят никак.

Что поделаешь, с каждым днем все дорожэ
становится каждый медяк.

Холодный ветер, колючий снег,
мучителен каждый шаг.

Прямо на главной улице ты
замерзнешь среди зевак.

Брат, подумай сам, я, такой богач, побратался с таким бедняком, как ты.

Ведь я так богат и знатен,
а ты бедняк.

Лю Цзюнь-ю. Брат, на мне одни лохмотья — не будут ли над вами смеяться?

Лю
(поет)

Ты всеми оставлен, беден,
ты хуже бездомных бродяг.
У меня — серебро, и золото, и жемчуг,
и не счесть житейских благ.

Брат, много добра — много забот!
Лю Цзюнь-ю. Я пошимаю.

Лю
(поет)

Вот закладная лавка —
отныне твой дом и очаг.

Вот я по доброте души побратался с тобой, а другие богачи станут говорить: смотрите, Лю Цзюнь-цзо, всегда такой прижимистый, лишней монетки не потратит, и вдруг побратался с каким-то бездельником.

(Поет.)

Пусть говорят обо мне,
что попал я впросак.
Пускай смеются!
Итак,
Сегодня я — против правила — дам
тебе приют, чужак.

Оба уходят.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Лю Цзюнь-ю (*входит в сопровождении слуг*). С тех пор как Лю Цзюнь-цзо побратался со мной, прошло уже полгода. Мой пазванный брат — человек скупой, прижимистый, лишней монетки не потратит. Давать деньги в рост, собирать долги — все это лежит на мне. Сегодня у брата день рождения. Обычно он его не справляет, а на этот раз я велел нарезать барана, приготовить вина и фруктов. Но придется сказать, что все это принесли родные, друзья и соседи. Ведь если он узнает, что все это приготовлено мною, он, чего доброго, с горя помрет. Меньшие слуги! Готово угощение?

С л у г и. Все готово.

Л ю Ц з ю н ь - ю. Тогда просите брата и невестку пожаловать сюда.

Входит Лю с женой и детьми.

Л ю. С тех пор как я побратался с Лю Цзюнь-ю, прошло полгода. Брат мой оказался работящим, заботливым — рано встает, поздно засыпает, отдает в рост деньги, собирает долги... Я на него не нарадуюсь! Хозяюшка! Сегодня мой день рождения, но ты же знаешь — мы его сроду не праздновали. Так что не говори ничего брату, а то он узнает и закатит такой пир, что вконец нас разорит.

Ж е н а. Твой братец зачем-то зовет нас сегодня. Ты бы сходил, узнал.

Л ю (*встречается с братом*). Ты звал меня с женой? Что случилось?

Л ю Ц з ю н ь - ю. Садитесь, брат. Сегодня ваш день рождения, и я приготовил кое-какое угощение, чтобы выразить свое почтение к старшему брату.

Л ю. Ну, что я говорил хозяйке? Стоило ему узнать, как началось сущее разорение! Ох, умру с расстройства!

Л ю Ц з ю н ь - ю. Братец, вы еще не знаете: это все не куплено за деньги, а подарено родными, друзьями да соседями. Я их поблагодарил и проводил из дому, а приношения разложил на столах. Братец и невестка, выпейте чарочку-другую!

Л ю. Что же ты сразу не сказал! Ну, коли так получилось, давайте выпьем по чарке.

Ж е н а. До чего же ты скуп, юаньвай! На самого себя боишься потратиться.

Л ю Ц з ю н ь - ю. Вина сюда! Примите чарку, брат! Желая, чтобы ваше долголетие и счастье были подобны вечнозеленым соснам и кипарису!

Л ю. Благодарствую, братец!

(Поет.)

На мотив «Алые губы» в тональности «сяньлюй»

Спасибо друзьям,
что затратили столько труда
И рано, в пятую стражу,
пришли сюда.
Ты говоришь, что отмечена счастьем
дней моих череда,
Что возраста сосен и кипарисов
достигли мои года?

На мотив «Замутивший реку дракон»

Перепутались кубки и фишки,
а я все пью до дна.
От ветра восточного пляшут завесы
из тонкого полотна.
Музыка барабанов
даже Небу слышна,
Свирель и флейта звучат в ушах
от доброй чаши вина.

Л ю Ц з ю н ь - ю. Осушите чарку, брат!
Л ю. Хорошее вино.

(Продолжает петь.)

Нефритовая чаша
весенним вином полна.
Над курильницами с «ароматом жизни»
дыма тонкая пелена.

Л ю Ц з ю н ь - ю. Эй, слуги, отгоните «отпускающего на волю
живых тварей», чтобы не досаждал нам!

Л ю
(поет)

Пусть он спокойно себя ведет,
уймите же крикуна!
Пускай не смеет он шуметь
у моего окна!

Братец, знаешь, почему я сумел накопить столько добра?

Я деньги берег, экономил на всем,
оттого и толста мошна.
Я богатства достиг, и жизнь моя
роскошью окружена.

«Вай» в роли Монаха с мешком входит, сопровождаемый ребятами.

М о н а х. Будда, Будда, Намо Эмитофо! *(Смеется, произносит гатху.)*

Я хожу — мешок со мной.
Я сижу — мешок со мной.
Вот сниму с себя мешок
И возрадуюсь душой!

Люди, следуйте за мной, бегите мирской суеты! Я каждого из вас сделаю Буддой, любому помогу стать патриархом. Я, бедный пнок — глава обители Юэлинь в области Фэнсян. Сюда я пришел потому, что здесь обитает некий Лю Цзюнь-цзо, первейший богач. К несчастью, сей человек корыстолюбив и скуп, дрожит над каждой монеткой. Мне предстоит обратиться к нему в истинную веру. Вот и ворота его дома. Эй, Лю Цзюнь-цзо, раб своего богатства! (*Хочет.*)

Лю Цзюнь-ю. Брат, кто это шумит у наших ворот? Пойду взгляну. (*Видит монаха.*) Ну и толст же этот монах!

Монах (*хохоча*). Нищий мерзляк, где раб своего богатства?

Лю Цзюнь-ю (*в сторону*). Откуда монах знает, что я замерзал у ворот названного брата? Пойду скажу ему. (*Видит брата, хохочет.*) Ох, брат, уму со смеха!

Лю. Отчего ты так хохочешь?

Лю Цзюнь-ю. Отчего хохочу? А вот выйдите за ворота, сами смеяться будете.

Лю. Пойду посмотрю. (*Видит монаха.*)

Монах. Лю Цзюнь-цзо, раб своего богатства!

Лю (*хохоча*). Ого, какой толстый монах! Можно со смеху умереть!

Монах. Ты над кем смеешься?

Лю. Над тобой!

Монах. Лю Цзюнь-цзо!

(*Произносит гатху.*)

Ты смеешься над бедняками,
Я смеюсь над твоими шелками,
Ибо смертный час мы оба
С пустыми встретим руками.

Лю. Братец, умираю со смеху! Чем кормили этого монаха, что он так разжирел?

(*Поет.*)

На мотив «Полевой сверчок»

Я посмотрел на него
и решил, что это сон.
Чуть не свалился под стол от смеха,
столь этот монах смешон!

Монах. Мальчишки и девчонки, не отходите от меня!

Лю
(поет)

За ним, смеясь, детвора бежит,
он насмешками окружен.

М о н а х. Накорми меня!

Лю
(поет)

Не тонкостями ль монастырской кухни
бедный монах огорчен?

(Говорит.) Я думаю,

Он сыт подношениями добрых людей,
подаянем откормлен он.
Поясница его на бочку похожа —
как, несчастный, он истощен!
Его живот толщиной в три чи
воистину непревзойден!
Появись тут верблюд, лев, или барс,
или даже огромный слон —
Даже им под тяжестью туши подобной
был бы смертный час предreshен!

М о п а х. Он издевается над бедным иноком!

Лю
(поет)

На мотив «Радость Поднебесной»

Тысяча фунтов мяса растет
на этом изящном стане.

Любопытно бы знать, что он ест?

Любопытно бы знать, сколько еды
помещается в этом болвапе?
С кем бы тебя сравнить, толстяк,
при твоём монашеском сани?
Ты напомнил мне о Трижды Веселом
бритолюбом Мин-хуане.

Эй, монах! Своей толщиной ты напоминаешь двух древних мужей.
М о н а х. Это кого же?

Лю
(поет)

Жи́ра в тебе не меньше, чем было
в танском Ань Лу-шане.

Как не вспомнить еще и о Дун Чжо,
о коварном ханьском пузانه?

Вот ты стоишь перед моей закладной лавкой. Если кто не знает,
что ты просто-напросто — толстый монах, то может подумать —

(продолжает петь)

Что бог богатства пришел ко мне,
подумают поселяне.

Монах. Лю Цзюнь-цзо, глупые твои глаза! Не видишь, кто
перед тобой, — ведь я будда Сакьямуни!

Лю. Это ты — будда Сакьямуни?

Монах. Да, я!

Лю. Ну, до Сакьямуни тебе далековато!

(Поет.)

На мотив «Песнь Ночжи»

Так толст и огромен
твой живот,
Как же избавишь птицу ты
от голода и невзгод?
Чтоб увидеть твою поясницу, нужно
долго идти в обход —
Как же пройдешь по тростинке ты
над пучинами вод?
Ты лыс, монах, на твоей голове
ни волоска не растет,
Как же в твоих волосах воробей
себе гнездо совет?

Монах. Огорчает меня, что ты, погрязший в мирской суете,
не хочешь внимать учению будды Жулай.

Лю
(продолжает петь)

Говоришь, мы не слушаем будды Жулай
среди наших мирских забот,
Мы едим, но сало у нас не растет —
скорее наоборот.

М о н а х. Лю Цзюнь-цзо, я не простой монах, я монах школы
Чань. Я могу от восхода до заката пройти триста ли.

Лю
(поет)

На мотив «Сорока на ветке»

Трудно поверить, что можешь ты,
обойти даже малый храм.
Разве можешь ты поклоняться святым
и молиться по утрум?

Наверняка

Из монастырских дверей
твоим необъятным жирам
Тяжко небось на Небо
восходить по синим горам?

М о н а х. Лю Цзюнь-цзо, накорми меня!

Лю
(поет)

Сколько же нужно, чтоб насытить тебя,
копиться людским дарам?

Но в твоей толщине есть кое-что хорошее.

(Поет.)

Ведь ты наверняка легкосерд,
благодушен и неупрям.

М о н а х. Лю Цзюнь-цзо, я творю чудеса, власть моя велика.
Я — живой Будда!

Лю
(поет)

На мотив «Худая трава»

Вот как?
Что за слова?
Ты говоришь — велика
мощь твоего волшебства?

Жаль, что живот у тебя маловат,
подрастил бы его сперва.

Слушай, монах!

(Продолжает петь.)

Я не думал, что ты — больной Вэймо,
ушедший в суть естества,
И о том, что ты — худой Ананда,
тоже молчит молва.
Выходит, что ты — Шэнь Дун-ян,
императрица-вдова?

Монах, ты причиняешь мне страдания и беспокойство!

Я боюсь, что за Южным морем ты
не сдвинешь сосуда с ветками ивы, —
ведь плоть твоя чуть жива.
Я боюсь, что за Западным небом ты
бутоны лотоса повредишь,
к ним прикоснувшись едва.

Монах. Лю Цзюнь-цзо, если ты накормишь меня, я передам тебе учение Большой колесницы.

Лю. А что это за учение?

Монах. Дай мне бумагу, тушь и кисть, и я научу тебя.

Лю. У меня нет бумаги.

Лю. Цзюнь-ю. Брат, у нас есть бумага, могу принести.

Лю. Братец, каждый лист бумаги стоит денег. Ты меня разорить хочешь?

Монах. Коли нет бумаги — давай кисть и тушечницу, я объясню учение Большой колесницы на твоей ладони.

Лю Цзюнь-ю растирает тушь.

Лю
(поет)

На мотив «Пьяному небо...»

«Рог черного дракона» — тушь он растер
в тушечнице резной,
Кисть «Багряный иней» в нее омакнул,
не постоял за ценой.

Монах. Дай мне руку, я научу тебя.

Лю. Вот моя рука.

Монах пишет на его ладони.

М о н а х. Вот это и есть учение Большой колесницы.
Л ю (*рассматривая написанное*). Ну, не смешно ли!

(*Продолжает петь.*)

Под «лезвием» «сердце» рисует он,
получается знак двойной.

М о н а х. Этот знак «терпение» будет твоим талисманом.

Л ю
(*продолжает петь*)

И болтает: мол, этот знак — драгоценность,
что пребудет вечно со мной!

Испачкал мне руку, теперь опять придется тратиться.

М о н а х. А теперь на что?

Л ю
(*продолжает петь*)

Чтоб смыть его — мыло потребно, вода,
придется тряхнуть мошной.
Чем плести словеса — лучше прямо сказать
и не ходить стороной:
Спасибо, Дамо, за посвященье
пред лавкою закладной!

М о н а х. Лю Цзюнь-цзо, покорми бедного ипока!

Л ю Цзюнь-ю. Брат, у нас столько добра! Что нам стоит
покормить его разок?

Л ю. Братец, взгляни на его брюхо. Его же двумя данями
риса не ублажишь.

Л ю Цзюнь-ю. У нас нет постной пищи.

М о н а х. А я не разбираюсь — скоромная или постная. Я и
от мяса с вином не откажусь.

Л ю. Как же так — ушел от мира, а пробавляется мясом и
вином? Брат, поднеси ему чашу!

Лю Цзюнь-ю наливает вино.

Да не так полно, лей поменьше.

М о н а х. Давай сюда вино! (*Совершает возлияние.*) Намо
Эмитофо.

Л ю. Какая жалость — лить такое вино! Ведь на каждую кап-
лю уходит больше ста зерен риса.

М о н а х. Лю Цзюнь-цзо, угости еще чаркой!

Л ю. Вина больше нет.
Л ю Ц з ю н ь - ю. Брат, дадим ему еще!
Л ю. Вот как ты меня разоряешь.

Л ю Ц з ю н ь - ю наливает.

Ну вот, пей, пей, пей!

М о н а х. Я не буду пить, это для послушника.

Л ю (*оглядываясь*). Какого послушника?

М о н а х. Вон того! (*Исчезает.*)

Л ю. Так ведь там никого нет! Монах, где ты?

Л ю Ц з ю н ь - ю. Монах куда-то исчез!

Л ю. Странно, очень странно!

(Поет.)

На мотив «Цветы на заднем двореке»

Он отвернуться меня
заставил обманом,
Сам же ни шагу не сделал,
стоял истуканом.
Я щедро полнил ямшовый кубок,
чтоб напоить его пьяным,
Он превратился в солнечный луч,
исчез за туманом!

Как это удивительно!

(Поет.)

Сдается мне, прикрываясь
монашеским саном,
Посетил нас волшебник из южных краев,
что привык скитаться по разным
странам,
Чтобы людей смущать
своим поведением странным!

Ну вот, только я хотел попить вина, пришел толстый монах и испортил пирушку.

Л ю Ц з ю н ь - ю. Брат, стоит ли вспоминать про безумного монаха! Пойдемте в дом, выпьем вина!

Л ю. Раз толстый монах исчез, зачем мне этот знак «терпение»? Надо смыть его.

Л ю Ц з ю н ь - ю. Слуги, принесите брату воды для мытья рук.

Лю (*моет руки*). Никак не смывается. Дайте мыла!

Лю Цзюнь-ю. Вот мыло.

Лю (*трет руки*). Что такое? Чем больше тру, тем отчетливее виден знак. Дайте полотенце! Брат, смотри: теперь и на полотенце знак «терпение»!

Лю Цзюнь-ю. Тут что-то не так!

Лю. Удивительно!

(Поет.)

На мотив «Золотая чаша»

Не замешана эта тушь на клею
из рыбьего пузыря,
Эти знаки не выколоты иглой.
Короче говоря,
Почему не смываются они,
на старание несмотря?
Нарочно этот толстый прохвост
из монастыря
Ставит подобные метки на нас,
издеваясь и дура.
Если вдруг на главной улице с ним
столкнусь я у фонаря
Или в глухом переулке даже,
у брошенного пустыря,
Я велю молодцам отвести к судье
этого богатыря,
Пусть палками спину сломают ему,
чтоб людей не дурил зазря!

Лю Цзюнь-ю. Стоит ли об этом думать, брат?

Лю. Нет, все-таки это удивительно. Ладно, пойдем посидим в закладной лавке.

«Цзин» в роли Лю Девятого входит.

Лю Девятый. Приятели, подождите меня здесь; я получу с этого шлюхиного сына Лю Цзюнь-цзо связку денег и вернусь. Эй, Лю Цзюнь-цзо, скупердяй! Задолжал мне связку монет и никак не отдаешь!

Лю Цзюнь-ю. Кто там расшумелся? Пойду, посмотрю.
(*Выходит к Лю Девятому.*)

Лю Девятый. А, Лю Цзюнь-ю, попрошайка! Твой братец, скупердяй, задолжал мне связку монет и не отдает.

Лю Цзюнь-ю. Нищий ублюдок! Просишь денег, так проси, нечего всех подряд ругать. Брат услышит, разгневается. Пойду скажу ему. (*Приходит к Лю Цзюнь-цзо.*) Брат, там у ворот стоит попрошайка Лю Девятый и говорит, будто вы должны ему связку монет.

Лю. Хорошо, братец. Я выйду к нему. (*Выходит к Лю Девятому.*) Почему ты так шумишь у моих ворот?

Лю Девятый. Скупердяй, отдавай мои деньги!

Лю. Вот не везет мне сегодня! Сначала толстый монах не давал покоя, а теперь явился этот сын нищей шлюхи. Эй, Лю Девятый! Ты что хочешь сказать: я, миллионный богач, занял у тебя, шлюхиного сына, связку монет?

Лю Девятый. Деньги-то у тебя есть, а вот жить в свое удовольствие, как я, не умеешь. А ну, посмей выйти из своей лавки!

Лю. А ну, посмей войти в мой дом!

Лю Девятый. Вот и посмею! Что ты сделаешь?

Лю. Думаешь, побоюсь ударить? (*Бьет Лю Девятого, тот падает.*) Сын нищей шлюхи уверяет, будто я ему задолжал, а теперь притворяется, чтобы выманить денежки! Можно лопнуть от злости!

Лю Цзюнь-ю. Брат, не нужно пререкаться с этим попрошайкой. Пойдите отдохните. А ты подымайся, нечего на людей лаяться, коли деньги нужны. (*Выказывает испуг.*) Брат, а ведь он дух испустил!

Лю. Что-то не верится! Стоило раз толкнуть этого грубияна, и он уже умер? Пойду взгляну. Наверняка он притворяется. (*Кричит.*) Эй, Лю Девятый! Деньги нужны, так попроси, а ты меня ругаешь. Даже если я тебе что-то должен, надо об этом сказать по-хорошему. Поднимайся, поднимайся! (*Подносит руку ко рту Лю Девятого.*) Братец, он и вправду умер!

(Поет.)

На мотив «Цветы на заднем дворе»

Стоило только его
толкнуть чуть-чуть —
Он повалился на мостовую,
не успев и моргнуть.
Неужели же в самом деле
кончен твой путь?
Ни охнуть, увы,
ни вздохнуть!

Чуть не до смерти душу мою
пробрала жуть.
Видно, как в пене хрипит он, глаза
застилает муть.
Хлынула кровь из семи отверстий,
жизни ему не вернуть,
Оледенели руки и ноги,
застыла грудь.

Братец, из-за связки монет я убил человека. Теперь мне придется расплачиваться за отнятую жизнь. Братец, пожалей, спаси меня!

Лю Цзюнь-ю. Успокойтесь, братец. Я возьму это дело на себя. Смотрите, у него еще около сердца тепло, он не умер! (*Вглядывается.*) Брат, у него на груди отпечатан знак «терпение»!

Лю. Не может быть! (*Смотрит.*) Да на нем и вправду знак «терпение»!

(Поет.)

На мотив «Вспоминая знатных юношей»

Линии знака «терпение»
правильны и чисты.
Как же знак на груди у него оказался,
не знаешь ли ты?
К тому же тут совпадают
все до единой черты.
Тот же размер, и линии все
так же просты.

Когда придем к судье и начнется допрос,

(поет)

Мне придется сознаться в убийстве,
мне, грозе бедноты!

Лю Цзюнь-ю. Брат, успокойтесь, я возьму вину на себя.
Лю. Ты не должен страдать из-за меня.

(Поет.)

Видишь,— рука свидетель моей
неправоты!

Братец, я передаю тебе свой дом и имущество, нежную жену и детей. Хорошенько смотри за ними. А мне надо убежать.

Монах (*врываясь*). Лю Цзюнь-цзо, ты убил человека и хочешь убежать?

Лю. Наставник, спаси своего ученика!

(*Поет.*)

На мотив «Золотая чаша»

Очи мои отличать начнут
от черноты белизну.
Сердце узнает — что низко, что славно,
и обретет тишину.
Ничего мне отныне не нужно, я
Три Сокровища чтить начну.

Монах. Я велел тебе терпеть, почему же ты убил человека?

Лю
(*поет*)

Стоило знак начертать тебе,
доброму колдуну,
Как я уже вижу плоды поступков
и сознаю вину.

Монах. Лю Цзюнь-цзо, я велел тебе терпеть, а ты не стерпел и убил человека.

(*Произносит гатху.*)

Терпение — плата за все труды,
Терпение принесет плоды.
А если тебе не хватит терпенья,
Горшей себе дождешься беды.

Если я оживлю убитого, ты пойдешь за мной в монастырь?

Лю. Если оживишь, пойду за тобой, наставник.

(*Продолжает петь.*)

Больше не буду я тратить сил
на то, чтоб набить мощну,
Страсти мирские угаснут во мне,
тебя я не обману.
Прятать в рукав только ветер чистый
учиться начну,
Как ты, наставник, на кончике посоха
буду носить луну.

Монах. Но ты должен решить твердо, чтобы после не раскаиваться! (*Произносит заклинание над Лю Девятым.*)

Тот поднимается, оглядывает присутствующих.

Лю Девятый. Хорошо же я поспал!

Монах читает буддийскую молитву.

Лю Цзюнь-цзо, отдай мои деньги!

Лю. Братец, отдай поскорее ему связку монет.

Лю Цзюнь-ю дает Лю Девятому деньги.

Лю Девятый. Он и вправду отдал мне связку монет! Эй, друзья, у меня завелись деньги, пошли выпьем! (*Уходит.*)

Лю. Братец, он ушел. Сколько ты ему дал?

Лю Цзюнь-ю. Связку монет.

Лю. Эх, братец. Коли он ожил, дал бы ему половину связки — пятьсот медяков.

Монах. Лю Цзюнь-цзо, иди за мной в монастырь!

Лю. Смилуйся надо мной, наставник! Как же я расстанусь с домом и имуществом, нежной женой и малыми детьми? Лучше твой ученик поставит себе хижину в саду за домом и будет там жить, как монах, — трижды в день есть постное и читать молитвы.

Монах. Значит, ты еще не готов уйти от мира. Но что бы ни случилось, ты должен проявлять терпение и повторять имя Будды.

Лю. Я понял, наставник! Братец, я передаю тебе все домашние дела и все имущество. Как следует смотри за моими детьми!

Лю Цзюнь-ю. Не сомневайтесь, брат, я все беру на себя!

Лю
(поет)

Заключительная ария

Сто и десять еще семей
мне задолжали.

Тридцать других заложили мне вещи,
предо мной от страха дрожали.

Эти деньги

(поет)

Ночью и днем
душу мою истязали.
Отныне террасы и павильоны
мне понадобятся едва ли.

Чтобы сутры читать и постичь добродетель,
я шалаш поставлю подале,
Не буду бояться воров, что всегда
на богачей нападали,
По поводу паводков и пожаров
я знать не буду печали.

Подума́й сам, Лю Цзюнь-ю!

(Поет.)

До старости — сгинет богатство, иссохнет,
словно вино в бокале.

(Смотрит на знак «терпение».)

Смотрю я на знак «терпение»,
что вы мне нарисовали,
И благодарю вас за наставление
в благочестивой морали!

Монах. Но ты должен терпеть!

Лю. Я буду терпеть, наставник, буду терпеть!

(Поет.)

Нож убийцы был спрятан в сердце того,
кто погряз в житейском начале!

Монах. Вот видите — стояло показать Лю Цзюнь-цзо это маленькое чудо, и он уже согласился жить в своей семье по-монашески. Когда он отринет от себя все суетные помыслы, я вповь приду просветить его.

(Произносит гатху.)

Добродетель постичь — с коромыслом на гору
взойти, как путь ни далек,
Не размышляя о том, как вернешься,
и о том, как ты одинок.
Но в конце концов с коромысла груз
чуждой ношею упадет,
И ты станешь свободен меж Землею и Небом,
когда исполнится срок.

(Уходит.)

Лю Цзюнь-ю. Наставник ушел. Мой брат стал жить в своей семье по-монашески, а все имущество и домашние дела передал мне. Поеду за город собирать долги. *(Уходит.)*

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Лю (*входит*). Восприняв благие поучения наставника, я, Лю Цзюнь-цзо, поставил за домом в саду хижину для себя, трижды в день ем постное, читаю молитвы. Как быстро летят дни и месяцы!

(Поет.)

На мотив «Цветущая ветка» в тональности «наньлюй»

Ласточка с иволгой защебетали
над цветами возле ручья —
И вот уже лебеди, утки кричат,
по глади пруда снуя.
Над хризантемами дикий гусь
пролетел в родные края —
Ворона закаркала в диких сливах,
закрылась в реке полынья.
За сменой времен в раздумье слежу,
нежность в груди затая,
Щелкнешь пальцами — черную пашню сменяет
желтое море жнивья.
Кажется, сердцу не нужно ни славы,
ни шелкового шитья,
Я с усилием рву нефритовую цепь,
золотую цепь бытия.
Скакуна желаний, обезьяну страстей
навек стреножил я.

На мотив «Седьмая песня из Лянчжоу»

Каждый день я Будде молюсь и вдыхаю
благовонные струи дымка,
Это лучше, чем рис и дрова покупать
и семью одевать в шелка.

Если бы не наставник, что стало бы со мною, с Лю Цзюнь-цзо!

(Поет.)

Бодхисаттвы и махасаттвы,
вам, чей приют — облака,
Спасибо вам и, наставник, тебе,
кто избавил меня от мешка,

Кто приблизил меня к себе,
недостойного ученика,
Теперь надо мною не властна
строгих законов рука,
Не подвержен я наказанью,
не завишу от пустяка.
Пустые надежды терзали меня,
снедала меня тоска,
Но от участи горькой, ждавшей меня,
ушел я наверняка.
Бесконечно учителю я благодарен,
чья мудрость столь высока.
Это он поведал мне слово Будды,
изреченное на века,
Чтобы стал я монахом, лишенным тревог,
в тиши своего уголка,
Если ж огонь страстей во мне
затлеет исподтишка,
Успокою себя, станет мысль моя
от желаний земных далека.
Буду четки перебирать
и слушать шум родника,
Буду молча сидеть, не шевеля
даже кончиком языка.
Буду вздыхать я над опавшими
лепестками цветка,
Буду в вечернем тумане бродить
под легкий шум ветра.

Намо Эмитофо! Пора мне предаться созерцанию.

Сын (*входит*). Я — сын Лю Цзюнь-цзо. С тех пор как отец стал жить по-монашески, мой дядя каждый день пьет вино и милуется с матерью. Надо сказать об этом отцу. Откройте, откройте!

Лю. Кто это там просит открыть ворота?

(*Поет.*)

На мотив «Браню милого»

Вот и завесы я опустил
из легкого бамбука,
У меня спокойно — ни суеты,
ни шума, ни малого стука.

Даже скрип одностворчатой двери здесь —
невыносимая мука.
Ничто не смущает меня,
с миром у нас разлука.
Смотреть ни на что не хочу,
пред собой гляжу близоруко,
Не хочу ничего больше слышать
и не слышу ни звука.

Сын. Откройте!

Лю
(поет)

На мотив «Тронут монаршей милостью»

Это, наверно, моя жена
сетует в миру,
Что под полог к ней я не вхожу,
забравшись в свою нору.
В курильнице жгу
благовонную палочку.
Одежду оправаю — кто там стучится,
к злу или к добру?
В руки четки
поспешно беру.
Может быть, свежей воды
принесли ко мне в конуру?
Может быть, свежий чай
мне принесли поутру?
Быстро иду по ступеням,
но, прежде чем отопру,
Гляну в окно через занавес,
что колышется на ветру.

Сын. Откройте!
Лю. Да кто там?

(Поет.)

На мотив «Песнь сборщиц чая»

От солнца в глазах зарябило —
кто это там?
Уж не будда ль, не бодхисаттва ли
явился к моим вратам?

Сын. Откройте мне!

Лю
(открывает ворота, видит сына, продолжает петь)

Ах, это мой мальчишка,
избалованный не по летам?
Должно быть, в доме опять
нашлась работа кнутам?
И жаловаться ко мне
ныне явился сам.

Зачем ты пришел, сынок?

Сын. Без дела ваш сын не пришел бы! Отец, с тех пор как вы начали благочестивую жизнь, моя мать каждый день пьет вино и милуется с дядей. Об этом я и хотел сказать вам.

Лю. Это правда? Пьет вино и милуется с дядей?

Сын. Сущая правда, я не лгу!

Лю (гневаясь). Хорош же этот мерзляк, сын нищей плюхи! Полумертвым валялся на снегу, я его спас, сделал своим названным братом. Вижу, что он человек рачительный, доверяю ему все свое миллионное состояние, а он... Вот доберутся до него мои руки! (Видит знак «терпение».) Ладно, сынок, иди поиграй.

Сын. Папа, ты бы вернулся домой.

Лю
(поет)

На мотив «Застава пастуха»

Ты огорчил меня,
в сердце моем досада.
Не подвела ли тебя
юная зоркость взгляда?

Сын. Не подвела, я ясно видел!

Лю
(поет)

А может, наша соседка —
сердцу его отрада?

Сын. Да нет же, дядя пил вино с моей мамой.

Лю
(поет)

Правдивы ли слова твои,
мое чадо?
Не обманны ли речи твои,
нет ли в них яда?

Сын. Как я посмел бы обмануть?

Лю. Ну, коли не обманываешь, я так этого не потерплю!

(Поет.)

Не нужны мне ивовые канги,
и железной цепи не надо,
И к судье не пойду я по поводу этого
семейного разлада.
Знай — ты умрешь от моей руки,
и минует тебя пощада!

Оба уходят.

Лю Цзюнь-ю *(входит вместе со своей невесткой)*. С той поры, как мой брат ушел в сад за домом и зажил, как монах, мне доверено все его добро и домочадцы. Теперь можно пожить в свое удовольствие!

Жена. Верно говоришь, деверь! Вино и кушанья давно на столе, пойдем выпьем чарку-другую, повеселимся!

Лю Цзюнь-ю. Я и сам собирался выпить. Дай только затворю дверь спальни. *(Пьют.)*

Лю *(входит)*. У меня с собой не было ничего острого, пришлось взять нож на кухне. Подойду к дверям, прислушаюсь.

Жена. Деверь, все заботы о доме теперь лежат на тебе, с утра до вечера ты в хлопотах. Пей до дна!

Лю Цзюнь-ю. Твое расположение, невестушка, я до самой смерти не забуду. Пригубь и ты!

Лю. Значит, они и в самом деле завели пашни. Как я могу вынести такое!

(Поет.)

На мотив «Жалуюсь священному Небу»

Окна закрыты,
в сердце возникла дрожь.
Вышибу дверь ногою,
если ты, братец, не отопрешь!
Гнев из груди поднимается,
ничем его не уймешь.
Я сжимаю в руке
наточенный нож.

(Заглядывает в дом.)

Они безмятежно сидят на постели
с видом святош...

Откройте!

Лю Цзюнь-ю. Кто-то пришел! *(Удаляется.)*

Незаметно входит монах. Жена открывает дверь.

Жена. Юаньвай, ты вернулся домой?

Лю
(поет)

О блудодей, от этих дверей
не уйдешь,
Я расправлюсь с тем, кто с чужой женой
устроил кутеж!

Жена. Ты хочешь уличить меня в блуде? А где же любов-
ник? Соседи! Лю Цзюнь-цзо хочет убить меня!

Лю
(поет)

Что это ты
орешь,
Будто вот-вот
умрешь?

(Хватает жену, та вновь кричит.)

А ну, иди сюда, потаскушка,
мерзкая вошь,
С глазу на глаз мне расскажешь
про подлость свою и ложь!

(Видит на ноже знак «терпение».)

Эх, не вовремя знак «терпение» вижу —
душе моей невтерпеж!

На мотив «Ворон кричит по ночам»

Черный оттиск на ручке ножа
отпечатался кое-как.
О Небо! Руки мне связал
этот противный знак!

Ж е н а. Хорош аскет — истинный разбойник! Помогите, Лю Цзюнь-цзо хочет меня убить!

Лю
(поет)

Перестань вопить и метаться,
раз уж попала впросак!
Не станем спорить о законах страны,
о смысле имперских бумаг,
Поговорим о законах,
что диктует домашний очаг!

Ж е н а. Лю Цзюнь-цзо, ты же ушел от мира, тебе полагается читать сутры и славить Будду, а ты убивать задумал!

Лю
(поет)

Разве цветная ряса на мне
и подрясник черный, как мрак?
Разве стрижен я золотым ножом,
разве расторгнут наш брак?
Оставь свои увертки,
не думай, что я дурак.
Перестань молоть чепуху
и не тверди лжеприсяг.
Я твой супруг, ты моя жена,—
разве не так?!

Я не буду убивать тебя. Скажи, где любовник?

Ж е н а. Сам ищи! (*Уходит.*)

Монах за пологом чихает.

Лю. Вот он, оказывается, где прячется! Ну, держись!

(Поет.)

На мотив «Красная гортензия»

Ухвачу-ка его за пояс,
осилю одной рукой!
Не думай прятаться и соседей
воплями не беспокой!

М о н а х. Лю Цзюнь-цзо, терпи!

Лю
(видит монаха, продолжает петь)

Предо мною монах, отлучивший меня
от суеты мирской!
В испуге руки мои дрожат,
душу пронзило тоской.
Все же надо бы лезвие в сердце вонзить
жене за грех такой!

Монах. Лю Цзюнь-цзо, какой получится знак, если над
«сердцем» поместить «лезвие»?

Лю (задумывается). Над «сердцем» поместить «лезвие»?

(Продолжает петь.)

Опять заладил, снова бубнит
про символ свой колдовской!
Я едва не схватил сластолюбца,
смутившего мой покой,
Но исчез он за краем неба,
пропал за далью морской!

Вот чудеса! Я думал схватить прелюбодея, а там оказался настав-
ник.

(Поет.)

На мотив «Лянчжоуская песнь о бодхисаттве»

Два носа на одном лице,
совсем различную стать
В одном и том же человеке
мне довелось увидеть.
Спешу, поклон отбив перед ним,
почтенье ему воздать.
Бодхисаттва-спаситель, ты вновь явил
мне свою благодать,
Ибо мне до совершенья убийства
оставалась едва ли пядь!
Мне пужно подумать, как сбросить с плеч
свою мирскую кладь,
Решить, как узы чувства и долга
навсегда разорвать,
Связующие ныне меня с женой,
будто с лезвием — рукоять.
Дозволь, учитель, все это мне
подробно обмозговать!

Монах. Лю Цзюнь-цзо, оставь жену, брось детей, иди за мной в монахи!

Лю. Он велит мне оставить жену и детей...

(Продолжает петь.)

Все равно отговорку какую-нибудь
выдумую опять!

Монах. Лю Цзюнь-цзо, я велел тебе терпеть, а ты не захотел терпеть, на человека с ножом набросился. Жить монахом в своем доме ты не сумел, иди же, не медля, со мной в монастырь!

Лю. Наставник! Я всей душой рад бы пойти в монастырь, да некому смотреть за моим добром, нежной женой и малыми детьми. Когда такой человек отыщется, я пойду за вами, учитель.

Монах. Значит, мы договорились: как только отыщется человек, чтобы смотреть за твоим имуществом, ты уйдешь со мной в монастырь.

Лю Цзюнь-ю *(входит)*. Брат, я ездил собирать долги и только что вернулся.

Лю. Лучше бы ты вернулся позднее!

Монах. Лю Цзюнь-цзо, вот и человек, который может смотреть за твоим добром. Пойдем в монастырь!

Лю. Братец, как дела с долгами?

Лю Цзюнь-ю. Я собрал все сполна.

Лю. Молодец, недаром тебя зовут рачительным работником. А можно мне, братец, спросить тебя кое о чем?

Монах. Лю Цзюнь-цзо, терпи и повторяй имя Будды.

Лю. Конечно, конечно. Намо Эмитофо!..

(Поет.)

На мотив «Застава пастуха»

Сколько денег сумел ты собрать,
полноценен ли вес монет?

Лю Цзюнь-ю. Разный: кто отдал десять лянов, кто пол-ляна.

Лю
(продолжает петь)

Ну, а золото и серебро —
настоящие или нет?

Лю Цзюнь-ю. Сплошь червонное золото и белое серебро.

Лю
(продолжает петь)

Все ли долг возвращали по доброй воле,
дай ответ!

Лю Цзюнь-ю. Все отдали по доброй воле. А кто не хотел отдавать, у тех я забирал все добро, даже котел для риса.

Лю. Верно говорят, что добряк не бывает ростовщиком. Намо Эмитофо! Братец, дай-ка мне взглянуть!

Лю Цзюнь-ю (передавая слитки). Братец, вы только посмотрите, как блестит серебро — будто снег!

Лю (берет серебро и с испугом замечает на нем знак «терпение»).

(Продолжает петь.)

Только монет коснулся я,
белых, как солнечный свет,
Немедля на них появился знак,
словно немой запрет.
Не было здесь печатной доски:
и ни от кого не секрет,
Что тушью никто на монетах этих
не ставил подобных мет!

Монах. Этот знак призывает к терпению!

Лю
(продолжает петь)

Снова и снова терпеть —
паставник дает совет!

Лю Цзюнь-ю. Вот еще хорошая монета.

Лю
(продолжает петь)

Убери ее! Я и взял бы, конечно,
да не смею нарушить обет!

Монах. Лю Цзюнь-цзо, управляющий твоим имуществом нашелся, иди за мной в монастырь! Слушай гатху:

Не стоит любить полновесное
 золото и серебро,
Ни к чему ублажать и холить
 собственное нутро,
Даже если Северный ковш
 деньгами наполнишь ты,
Заявится смерть — и другим отдашь
 накопленное добро.

Лучше оставь свое добро, следуй за бедным инокком по стезе аскетов! Ты был жаден и корыстолюбив, Лю Цзюнь-цзо, а в монашеской келье ты станешь выше правды и лжи.

Лю. Довольно, довольно! Когда я побратался с Лю Цзюнь-ю, на сердце стало так радостно! А потом я из-за связки монет убил человека, другого чуть не убил, заподозрив в блуде. А ведь это было всего лишь видение... Брат, я вручаю тебе свой дом и все свое добро, нежную жену и малых детей... Хорошенько приглядывай за сыном и дочерью! Я же вслед за наставником пойду в монастырь. Довольно, довольно!

(Поет.)

Заключительная ария

О прошлых рожденьях, о будущих
 буду я говорить,
 о жизни, подобной сну.
Семь чашек чая выпив, «под мышками
 почувствую весну».
Я полагаю, что вовсе
 не прихвастну,
Если скажу — я богач, какие
 были лишь в старину.
И вот с бедняком я пить готов
 и хвалу возносить вину,
Выпить с бездельником чашку чая
 тоже не премину.
Смеюсь над скупцом я — у собственных прибылей
 он в плену,
Он склонен нарушить закон, но не склонен
 свою осознать вину.
Спасибо, учитель, ты мне открыл
 учения глубину.
Свое имущество я раздам
 и спокойно вздохну.
Поручаю брату своих детей,
 а равно — и жену.

Спасибо брату, спасибо ему,
доброму опекуну.
Отныне не буду я без конца
перетряхивать мощну,
В дальних горах успокою сердце,
стану вкушать тишину
И сквозь окошко монашеской кельи
чистую зреть луну.

М о н а х. Повторяй имя Будды!

Л ю. Повинуюсь, наставник! Каждый день буду повторять:
Намо Эмитофо!

(Продолжает петь.)

Я стану выше истин и лжи,
я радоваться начну!

(Уходит.)

М о н а х. Итак, Лю Цзюнь-цзо было явлено новое чудо, и вот он решился бросить все свое имущество и пойти за мной в обитель Юэлинь. Там я открою ему учение Большой колесницы. *(Уходит.)*

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

«Вай» в роли настоятеля входит, декламирует:

Счастье, даримое Небом,
множат мои слова.
Светоч Будды в себе пошу,
благой закон божества,
С тех пор как ряса — одежда моя,
как смиренным монахом стал,
Но связь между мной и миром земным
и поныне жива.

Я — бедный инок Дин-хуай, настоятель бьяньлянской обители Юэлинь. Как говорит нам учение Будды, некогда единая субстанция разделилась и дала начало трем мирам. Затем возникли четыре вида живых тварей, а в них — источник всего великого множества превращений. Бесконечной чередой шли годы, но, не умея

познать свою истинную природу, все существа жили и умирали бессмысленно — будто муравьи, крутящиеся на жернове, будто попавшие в клетку птицы. Женщины превращались после смерти в мужчин, мужчины опять в женщин, люди в овец, овцы снова в людей — меняли обличье, как одежду. Умные создания должны стараться вырваться из этой сети. Но не просто снова переродиться в человека, трудно обрести учение Будды... Скорее же вставайте на стезю благочестия, остерегайтесь путей зла. Двадцать восемь патриархов несли с Запада слово Будды. Первым после них стал патриархом учитель До-мо, вторым — Хуай-кэ, третьим — Сэп-цань, четвертым — Дао-синь, пятым — Хун-жэнь, шестым — Хуай-нэн. Всего у нас тридцать шесть патриархов, пять сект и пять школ... Какие это пять сект? Линьцзи, Юньмэнь, Цаоси, Фаянь, Вэйшань. Какие пять школ? Наньшань, Цыэнь, Тяньтай, Сюаньшоу и Бими. Таковы правильные названия пяти сект и пяти школ.

(Произносит гатху.)

Подвизаться в учении —
все равно, что крепость стеречь.
Днем — «шесть разбойников» нас гнетут,
да и ночью — не вздумай лечь.
Но вот полководец
отдает разумный приказ —
И нерушимого мира годы наступят,
отдохнет и копьё и меч.

Наш Будда явил мне свою волю. Здесь обретается некий Лю Цзюнь-цзо, человек, от природы корыстолюбивый, любивший богатство и знатность и не хотевший идти по стезе благочестия. Но Будда просветил его, научил читать сутры и молитвы, погружаться в созерцание. Что-то его все не видно. Лю Цзюнь-цзо, ты забывал о своем уроке!

Лю *(входит)*. Намо Эмитофо! Я, Лю Цзюнь-цзо, последовав за наставником в монастырь, каждый день читаю сутры и молитвы. Наставник велел старшему из своих учеников следить за моим благочестием. Как только он видит, что меня посетили суетные мысли, он бьет меня. Пора мне идти к нему. *(Является к настоятелю.)*

Настоятель. Лю Цзюнь-цзо, по велению наставника я помогаю тебе очистить сердце и избавиться от желаний, соблюдать заповеди и поститься, не подпускать к себе суетные мысли. Если же они придут, ты получишь пятьдесят ударов бамбуком. Ты должен все стерпеть. Слышишь — терпение превыше всего.

(Произносит гатху.)

Знак «терпение» у тебя на руке —
ты постиг ли, что он такое?
Если будешь терпеть весь век —
пребудешь в чистоте и покое.
Почаще о знаке «терпение»,
говорю тебе, вспоминай —
Бессмертье и молодость обретешь,
отвергнувши все мирское.

Повторяй имя Будды! Терпи! *(Засыпает.)*

Лю. Да, я терплю. Намо Эмитофо! Он заснул. Эх, Лю Цзюнь-цзо, ты загорелся, последовал за наставником в эту обитель, твердишь имя Будды. Да только рот твердит имя Будды, а сердце думает о миллионном богатстве, тобой оставленном, — как-то оно там?

Н а с т о я т е л ь *(гневно)*. Тьфу, какие миллионные богатства могут быть в месте благочестивых размышлений? Верно говорят: ничего нельзя постоянно носить с собой, кроме своей кармы. Наставник велел тебе сидеть, погрузившись в созерцание, взбодрить свой дух, разобраться во всем до конца, отгоняя вздорные мечтания. Нужно собрать свои мысли воедино, стать похожим на больного, не замечающего вкуса пищи, которую ест, и чая, который пьет. Нужно уподобиться безумному и пьяному, не различать, где восток и запад, не знать, где север и юг. Сумеешь достичь этого — расцветет цветок твоего сердца, откроется твоя истинная природа и ты незаметно достигнешь скрещения путей жизни и смерти. Жизнь и смерть для каждого — самое важное, а конец быстро приближается. Пусть десятеро взбираются на гору, все равно каждый должен сам напрягать силы.

(Произносит гатху.)

Все люди видят сны,
монахи ли, миряне.
Изменчивых тысячи обликов
возникают, тонут в тумане.
А проснешься и поразмыслишь
над тем, что приснилось тебе, —
Поймешь — это сердце твое блуждает
в неведение, в незнание.
Погрузись в созерцанье, забудь о своей
сердечной ране,
И покоем проникнешься ты
у нас в глухомани.

Прими обет благочестия,
и, поверь мне, тогда
Истинною стезей
придешь ты прямо к нирване.

Читай молитвы, будь терпелив! (*Засыпает.*)

Лю. Намо Эмитофо! Он опять заснул. Что я оставил богатство, это полбеды, но моя жена, подобная цветку...

Н а с т о я т е л ь. Тьфу, Лю Цзюнь-цзо! Какая может быть жена в обители благих помыслов? Наставник велел тебе совершенствоваться в добродетели, посадить на цепь обезьяну желаний, спутать поги лошади страстей. Глупец!

(*Произносит гатху.*)

Заботься сам о себе, заботься,
забывши свой дом и двор.
Если не сам ты, то кто же сумеет
держать над тобой надзор?
Денно и ночью неси
ношу свою, но бойся
Споткнуться и демонам в руки попасть,
обету наперекор.
В любомудрии скрыт зародыш несчастья,
предсказующего позор.
Совершишь недоброе — будешь вовеки
совести чужь укор.
Я смеюсь над мирянами — все они
предаются пустым заботам
И о том, что мое, что твое, никак
не могут окончить спор.
Ищут сотни путей, чтобы выгод достичь,
чтоб в соседях посеять раздор.
И железное сердце от этого может
разбиться, словно фарфор.
Если в землю ты смотришь — злое начало
все глубже врастает в тебя,
Все труднее адских печей избежать,
все тяжелее взор.
Старик Яньло не знает жалости,
суров его приговор,
У него поймешь, что заботы мирские —
суета и бесплодный вздор.

Лю Цзюнь-цзо, молись, будь терпелив! (*Засыпает.*)

Лю. Намо Эмитофо! Он опять уснул. Без похожей на цветок жены можно обойтись, но мои дети, подобные игрушечным статуэткам, где они?

Настоятель. Тыфу, Лю Цзюнь-цзо, какие дети могут быть в обители благих помыслов? Наставник ждет от тебя сосредоточенности и мудрости, неотделимых друг от друга; они подобны свету и лампе. Лампа — основа света, свет — порождение лампы. Так же и сосредоточенность — основа мудрости, мудрость же — порождение сосредоточенности. Молись и терпи!

Лю (*бросая четки*). Учитель, я не могу терпеть!

(Поет.)

На мотив «Свежая вода» в тональности «шуандяо»

Я бежал из краев, где правда и ложь
не живут наравне.

Учитель, я думаю, что моя жена

(*продолжает петь*)

С тех пор, как мы расстались,
жива и здорова вполне.
Я постиг этот мир — красную пыль,
приют муравьиной возне,
Прошлое пронеслось,
промчалось, будто во сне.
Но все бывшие волненья
и желанья ныне вдвойне,
Учитель мой, ударили
в голову мне.

Настоятель. Слушай, Лю Цзюнь-цзо: когда твоя истинная природа станет подобна великой пустоте и многокрасочное тело исчезнет, как сон, — ты увидишь, что в пустоте не бывает цветов, и уйдешь навсегда за границы жизни и смерти. Легко поддаться житейским страстям, трудно завершить дело благочестия. Не давай внешним соблазнам свести на нет духовные приобретения, не давай огню желаний погубить семя просветления. Когда твои собственные стремления будут совпадать с требованиями учения Будды, оно всегда будет пребывать в тебе. Делай для других то же самое, что и для себя, и ты освободишься от забот и страданий.

(Произносит гатху.)

«Намо Эмитофо» тверди —
и станешь сильней силачей,
Исчезнут «гора ножей»
и «дерево мечей».
За то, что содеешь, — не минет
расплата тебя!
И ничего не поправишь ни мощью деяний,
ни многословьем речей.

Молись и терпи!

Лю. Намо Эмитофо! *(Засыпает.)*

Н а с т о я т е л ь. Лю Цзюнь-цзо заснул. Сейчас ему будет чудесное явление. Сюда, демон-искуситель этого человека!

Ж е н а *(входит вместе с детьми)*. Я, жена Лю Цзюнь-цзо, пришла проведать юаньвая. *(Видит его.)* Юаньвай!

Лю. Хозяйка, как ты здесь очутилась?

Ж е н а. Я с детьми пришла навестить тебя.

Лю. Как я тоскую по тебе, хозяйка!

(Поет.)

На мотив «Дикий гусь»

Я не могу не страдать
и не плакать в силах едва ли,
Не в силах я укротить
растущей в сердце печали.
Ведь мы же были такой
прекрасной парой вначале,
Откуда же взялся монах-мужлан,
погрязший в собственном сале?

Ж е н а. А почему ты его боишься?

Лю. Как объяснить это тебе...

(Поет.)

На мотив «Одержана победа»

Он хочет, чтоб от палки его
неразлучницы-утки взлетели.
Разве, чтоб фениксов соединить,
он станет играть на свирели?

Ж е н а. Как мне больно слушать тебя, юаньвай!

Л ю
(продолжает петь)

Ты говоришь о тоске своей,
что боль твоя бесконечна,
А я что ни день
нежность твою вспоминаю!

(Берет руку жены, на ней отпечатывается знак «терпение».)

Ж е н а. Смотри, у меня на ладони знак «терпение»!

Л ю
(продолжает петь)

Когда подумаю о том,
что случилось со мной доселе,
Словно лезвие входит в сердце мое,
и на сердце все тяжеле.
Как ни стараюсь придумать,
хоть что-нибудь, в самом деле,
Остается лишь нашу любовь оборвать,
не мечтать об ином уделе.

Ж е н а. Наши дети пришли посмотреть на тебя!

Л ю. Дети, как часто я думаю о вас! (Касается лиц детей, и на них появляются знаки «терпение».)

(Поет.)

На мотив «Нарцисс»

Я едва коснулся бровей,
едва лишь коснулся глаз —
Вот он, знак, в моем горю — больше,
чем радости, в тысячи раз!
Сумей я даже в пустую тыкву
спрятать луну и солнце,
На твою ладонь, хозяйка, смотреть
отказался б я наотказ!

(Видит на ладони жены знак «терпение».)

На Л ю Чэня, разлученного с феей Тяньтай,
стал я похож сейчас.

У мальчика — этот знак на бровях
выставлен напоказ.
У девочки — светится тот же знак
в уголках прищуренных глаз.
Терпенье, ты рвешь нить отцовской любви,
ты разлучаешь нас!

Настоятель. Исчезните!

Жена и дети уходят.

*Монах проходит в сопровождении двух женщин и двух детей
и удаляется.*

Л ю. Наставник, кто это проходил? Наш почтенный учитель?

Н а с т о я т е л ь. Да, наш учитель.

Л ю. А что за женщины были с ним?

Н а с т о я т е л ь. Это его первая и вторая жены.

Л ю. А те двое ребятишек?

Н а с т о я т е л ь. Это сын и дочь нашего учителя.

Л ю (*гневно*). Хорош монах! А еще заставлял меня бросить жену, покинуть детей, расстаться с несметным богатством и идти за ним в монастырь! Можно лопнуть от злости. Не обижайся на меня, учитель. Я больше не буду монахом, я возвращаюсь домой.

(*Поет.*)

На мотив «Река колышет весла»

Выходит, монах еще сумасброднее,
чем показался сначала!

Как он ловко меня заманил в западню!
В чем же сила его, нахала?

Были рисовые поля у меня,
было прудов немало,
Озера с рыбой и камышом,
ясные, как зерцало.

Маслобойни, харчевни — не одного
моего квартала.

В винных лавках — вина, в чайных лавках — чая
всегда хватало.

Как парча, изукрашены были в дому
галерея любая и зала,

В местах моих богаче меня
богача не живало!

Когда я, недостойный, день рождения свой
справлял, бывало,
О великих удачах моих
все застолье болтало!

Мы пили вино, вдруг брат говорит: смотри, какой толстый монах
стоит у ворот.

(Поет.)

На мотив «Семь братьев»

Я вышел из лавки закладной,
трусами утомлен,
Тут-то мне, увы,
и повстречался он,
Монах, дожравшийся до того,
что толстым стал, как слон!
На край огненной ямы меня заманил
сей пустозвон!

Настоятель. Лю Цзюнь-цзо, надо терпеть!
Лю. Тут не то, что я...

(Продолжает петь.)

Сам Сакьямуни покинул бы в гневе
свой лотосовый трон!

На мотив «Вино из цветов сливы»

Он дом заставил меня покинуть,
уйти из моих палат,
Отречься от любимой жены,
отрады, из отрад.
Бросить моих неразумных
малых чад,
У самого же — две жены
и куча ребят.
Вот какой печальный итог,
ему я и сам не рад.
И вам, наставник, я причинил
столько душевных затрат!

Настоятель. Лю Цзюнь-цзо, потерпи, не сердись!

Лю

(продолжает петь)

Вы можете не сердиться,
но я сердит стократ!

Настоятель. Лю Цзюнь-цзо, потерпи, не спеши!

Лю

(продолжает петь)

Вы можете не спешить,
но я спешу стократ!
Когда это я возжигал куренья
и вдыхал дорогой аромат?
А он велел мне средь бела дня
совершать за обрядом обряд.
Всю свою жизнь я любил торговлю,
ценил только звон денегжат,
Но в келью монашью меня он загнал
на много дней подряд.
Я изменил свое сердце,
стал добродетелен, свят,
А он оказался таким негодием,
что место ему — ад!
Вы, учитель, должны понять меня,
я хочу вернуться назад!

Учитель, как же это: монах, а имеет жен и детей?

(Продолжает петь.)

На мотив «Радуюсь Цзяннани»

О Небо! Я лишился родных и богатства!
С чем я вернусь домой?
Кто поверит, что Сакьямуни жене
подводит брови сурьмой?
Жена, с которой мы некогда бедность делили,
ждет у врат, окутана тьмой.
Сегодня же путь к ней
направлю мой,
Пока шпильку златую не стерла она,
считая зиму за зимой.

Н а с т о я т е л ь. Лю Цзюнь-цзо, ты оставляешь путь благочестия? Куда же ты пойдешь?

Л ю. Не обижайтесь, наставник, я больше не буду монахом и сегодня же возвращаюсь в свой Бяньлян.

Н а с т о я т е л ь. Ну, если ты хочешь вернуться в родные края, лучше сегодня же трогаться в путь.

Л ю
(поет)

На мотив «Утки-неразлучницы»

Если бы знал я, что за пологом скрыты
его жена, сыновья,—
Разве бросил бы я свой корабль,
полный золота и серебра?
Его окружала здесь
счастливая семья,
В то время как там в нищете и горе
пребывает семья моя.
И вот покидаю я монастырь,
стыд в душе затая,
И в Бяньлян возвращаюсь после стольких
дней
монашеского житья.
Закатным солнцем озарена
тропинка в траве пожухлой.
Вдаль в бесплодной тоске
ныне взираю я.
С полной смущенья душой
возвращаюсь в родные края.
Созерцанье и проповеди для меня
отныне — галиматья.

Н а с т о я т е л ь. Вот видите, Лю Цзюнь-цзо были явлены чудеса, и он решил вернуться в свой Бяньлян — туда, где есть пьянство и похоть, корыстолюбие и гнев, различие между собой и другими, между правдой и ложью, жадность и злоба, глупость и порок. Когда наш учитель просветит его, он окончательно приобретется к учению.

(Произносит гатху.)

Всемогущий Будда выделил
пять священных школ.
Созерцая, следует разобраться,
как он их возвел.

Когда завершится срок
твоего земного искуса,
Ты предстанешь пред буддой Жулай,
свободен от мук и зол.

(Уходит.)

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

«Цзин» в роли старика входит в сопровождении ребятишек.

Старик. Я — житель Бяньляна по имени Лю Жун-цзу, мне идет восьмидесятый год. У меня много детей и внуков, обширны мои поля, велики мои достатки. В Бяньляне я первый богач. Мой отец рассказывал, что моего деда Лю Цзюнь-цзо какой-то толстый монах увел за собой в монастырь. У дедушки была особая примета — знак «терпение» на ладони. В нашей семье по сей день хранится полотенце со знаками «терпение», и мы все от мала до велика почитаем его, как самого дедушку. Сегодня как раз праздник великого равноденствия, вот я и иду с этим полотенцем на могилы предков, чтобы сжечь там поминальные деньги. *(Уходит.)*

Лю *(входит)*. Я — Лю Цзюнь-цзо, обманутый одним лысым пегодьяем. Теперь я решил вернуться в свою семью.

(Поет.)

На мотив «Белая бабочка» в тональности «чжунлюй»

Что мне сказать? Для злости моей
нет подходящих мерил.
Мошепник-монах меня обманул,
исчадие адских сил.
Понапрасну я бросил все,
что так долго копил.
Жена и дети решили, что мне
домашний очаг не мил,
Что я — на лotosовом престоле,
среди цветов и светил.
Испытанье послано мне за то,
что многих я погубил,
Что слишком жадность во мне велика
и корыстолюбивый пыл.

На мотив «Опьянен весенним ветром»

Я пенавижу монаха
из обители, скрытой в горах,
В сердце моем огонь сильнее,
чем в пограничных кострах.
Этот толстяк, этот безумец
и вертопрах
Сумел надуть меня,
до смерти напугать!
Не пример мне — Пань Юнь, что корабль
с богатством
обратил во прах,
Ни цзиньский Сунь Дэн, что на кряже Сумэнь
пел о высших мпрах,
Разве я Се Ань-ши, что спокойно
возлежал в Восточных горах?

Вот уже несколько дней, как я расстался с обителью, где-то здесь должны быть могилы моих предков. Но почему все выглядит как-то необычно? Поищу получше. Ага, вот они, могилы предков. Чуть было не прошел мимо. Подойду к ним поближе.

(Поет.)

На мотив «Встречая бессмертных»

Вплотную к кладбищу я подошел
с благочестивым приветом.

Почему здесь такое запустение? И таких высоких деревьев, когда я уходил, не было!

(Продолжает петь.)

Повсюду зеленые иглы
над моей головой.
Были сосны и кедры ростом с меня,
когда я уходил отсюда.
И вот они уже так густы
и так высоки!
Должно быть, выпало много дождей,
это ясно по всем приметам.
Иначе зачем бы им так тянуться
ввысь, за солпечным светом?
Ведь всего три месяца, как я ушел,
связан монашьим обетом.

Что ж, я осмотрел могильник, теперь можно и посидеть — ведь я шагал почти весь день.

Старик (*входит*). Вот я, Лю Жун-цзу, пришел на кладбище. Там сидит какой-то молодой парень. Придется окликнуть его. Эй, парень, зачем ты пришел на наше кладбище?

Лю. Это мое родовое кладбище, почему я не могу сидеть здесь?

Старик. Шлюхин сын, расселся на нашем кладбище, да еще говорит, что оно принадлежит его роду!

Лю. Старый невежа! Мешает мне посидеть на моем кладбище!

Старик. Да откуда оно твое? Ну, говори!

Лю

(*поет*)

На мотив «Поднимаюсь на башенку»

Давай, деревенщина, разберемся,
ссориться нам ни к чему,
Не то я в суд на тебя подам
и быстро тебя уйму!
Кто позволил тебе на кладбище нашем,
словно в своем дому,
Располагаться и сеять хлеба —
кто и почему?

Старик. Если это твое кладбище, скажи, сколько земли оно занимает?

Лю

(*продолжает петь*)

Порядочный кусок земли —
целых пять му.
Не то ты смельчак, не то дурак —
никак не пойму,
Раз ты посмел вспахать тут землю,
не боясь угодить в тюрьму.

Старик. Это могилы нашей семьи!

Лю. Нет, вашей.

Старик. Ну, если вашей, расскажи, как они расположены.

Лю

(*поет на прежний мотив*)

Могилы дедов моих — там,
могилы прадедов — тут.

Почему я должен их отдавать,
во имя каких причуд?
Можешь идти, если хочешь
в суд,
Можешь кричать и вопить,
плут,
Ничего у тебя не выйдет,
все на тебя наплюют!

Старик. Шлюхн сын, ты собираешься бить меня?

Лю. Вот и побью, подумаешь, какая важность! (*Продолжает петь.*)

Я больше не в силах терпеть
и буду с тобою крут.
Ах, отлупить его не сочту
за великий труд!
Но нельзя! «Терпения» знак на нем
увидит почтенный люд.

Раз ты говоришь, что это твое родовое кладбище, назови свое имя.

Старик. Я из семьи Лю.

Лю. Из какой семьи Лю?

Старик. Из семьи Лю Цзюнь-цзо, того самого, которого толстый монах увел с собой в монастырь.

Лю (*в сторону*). Это обо мне! (*К старику.*) А кем тебе придется тот Лю Цзюнь-цзо?

Старик. Он мне дедушка.

Лю. Как располагаются твои могилы?

Старик. Вот здесь пустая могила дедушки Лю Цзюнь-цзо.

Лю. А это чья?

Старик. А это — дедушкина брата Лю Цзюнь-ю.

Лю. Того самого, что чуть не замерз в большой снегопад?

Старик. Не смей говорить о нем так непочтительно!

Лю. А это чья?

Старик. Это — моего отца.

Лю. Значит, это могила Фо-лю?

Старик. Откуда он знает детское имя моего отца?

Лю. А это чья?

Старик. Это могила моей тетки.

Лю. Неужели этой девчонки Сэн-ну?

Старик. Ты, видно, хранишь волосы новорожденных всей нашей семьи!

Лю. Ты видел своего дедушку Лю Цзюнь-цзо?

Старик. Нет, не видел.

Л ю. Так раскрой глаза: я и есть твой дедушка.

Ст а р и к. Да ведь я тебе в прадеды гожусь! Как ты можешь быть моим дедушкой?

Л ю. Если я сейчас скажу правду, признай меня своим дедушкой. Скажу неправду, можешь не признавать.

Ст а р и к. Говори, я слушаю.

Л ю. Когда я праздновал свой день рождения, толстый монах написал на моей ладони знак «терпение», который нельзя было ни смыть, ни стереть. Я ушел за монахом в монастырь, а дома оставил полотенце, на котором отпечатался знак «терпение». Есть оно у вас?

Ст а р и к. Полотенце-то есть, да то ли самое?

Л ю. Давай его сюда. Смотри, коли не веришь: знак «терпение» на моей ладони точно такой же, как на полотенце.

Ст а р и к. Это и вправду мой дедушка! Дети, бегите сюда, поклонитесь дедушке!

Д е т и (*падают ниц*). Дедушка, откуда вы пришли?

Л ю. Поднимитесь, дети!

(Поет.)

На мотив «Ароматом полон двор»

Вот вы пришли поклониться мне,
и вот я не одинок.
Между нами, родичи, веселье и радость,
нет ни забот, ни тревог.
Но кто из вас почтенней всех,
признаться, мне невдомек.

Ст а р и к. Я самый старый.

Л ю
(*продолжает петь*)

Да, его волосы белее,
чем белого шелка клубок!

Ст а р и к. Вот это — моя племянница.

Л ю
(*продолжает петь*)

Она же годится мне в матери,
я перед ней — сосунок!

Ст а р и к. А это — ваш правнук.

Лю
(продолжает петь)

Это скорей мой старший брат,
а не правнук и не внучок!
Теперь открыта мне истина,
что прежде учитель изрек.
Сколько же длится
человеческой жизни срок?
Столько же, сколько сон о Нанькэ,
что на сердце печаль навлек.

Старик. Дедушка, как случилось, что ты не постарел?

Лю. И ты не будешь больше стареть, если вслед за мной станешь молиться Будде.

Старик. А как нужно молиться Будде?

Лю. Просто повторяй за мной: Намо Эмитофо! Эх, Лю Цзюп-цзо, а ведь твой учитель — вовсе не обманщик! Я пробыл с ним три месяца, а в суетном мире прошло сто с лишним лет! Как же мне теперь быть? Учитель, почему ты не приходишь просветить своего послушника?

(Поет.)

На мотив «Двенадцатая луна»

Учитель, приди и спаси меня,
я понял, все в мире — тщета!
Не оставь меня, пусть вовеки
не иссякнет твоя доброта!
Когда я помыслию, что время — вода,
убегающая из-под моста,
Что светила небесные снуют,
как челнок на основе холста,
Мне целыми днями тогда
открывать не хочется рта,
Только во славу Будды
я отверзаю уста.

На мотив «Песнь времен Яо»

Нет, он не Будда-пустослов,
чья поступки смешны,
Это я — как Чжуан-цзы, что по горшку
лупил после смерти жемы.

Учитель, неужто ты на Небо ушел?
Глаза мои слез полны.

Довольно, довольно! Зачем мне эта жизнь?

(Продолжает петь.)

Только мне и осталось, что голову
разбить о ствол сосны.

Монах *(входит)*. Лю Цзюнь-цзо, теперь ты все понял?

Лю. Учитель, ваш послушник все понял.

Монах. Послушник, сегодня истинное просветления достигнуто, ты действительно уверовал.

Лю
(продолжает петь)

Неужели все это правда
и нет на мне вины?
Виной всему знаки «терпенье»,
что были мне всюду видны!

Если бы вы, учитель, дольше не приходили,

(продолжает петь)

Еще бы десятка три
отпечаталось тут, у стены.

Монах. Внимай же, Лю Цзюнь-цзо! Ты не простой человек, а святой Пиндола, Тринадцатый архат с вышних небес. Твоя жена тоже не простая женщина, а воплощение богини горы Лишань. Ваши дети — это Золотой отрок и Яшмовая дева. За грешные помыслы ты был низвергнут на землю, чтобы самому видеть, к чему ведут вино, похоть, корыстолюбие, гнев, различение между собой и другими, правдой и ложью. Теперь срок твоего искуса исполнился, ты можешь обрести свой первоначальный облик, вернуться на путь Будды и навсегда стать архатом. А ты знаешь, кто перед тобой?

Лю. Нет, не знаю. Кто вы, учитель?

Монах
(произносит гатху)

Не вероучитель Дамо
тебя примирил с судьбой,
Не танский Сань-цзан тебя отучил
соваться в ссору и в бой —

Я не просто Монах с мешком,
 которого ты угощал,—
Узнай же: будда Милэ
 ныне перед тобой!

Л ю (*падает ниц*). Намо Эмптофо!

(*Поет.*)

На мотив «Заключительная ария»

Хотел вернуться я к жизни мирской,
 но дано было сбыться чуду,
Ничего подобного не ожидая,
 вдруг обратился в Будду.
Я ушел в монастырь, от страданий бежав,
 что царят повсюду,—
Но высшего просветленья достиг
 и прославлен отныне буду!

Главная сцена пьесы: «Просящий милостыню обращает в веру скупца».

Полное название пьесы: «Монах с мешком пишет знак «терпение»».

К о н е ц

УБИТЬ СОБАКУ, ЧТОБЫ ОБРАЗУМИТЬ МУЖА

ПРОЛОГ

Входит «чунмо» в роли Суня и «дань» в роли его жены Ян Мэй-сян.

Сунь. Моя фамилия Сунь, а имени два: Жун и Сяо-сянь. Род мой из Нанкина. Наш дом стоит как раз за Земляной улицей. Жена из семейства Ян. Есть еще младший брат, подросток. Его зовут Сунь Чун-эр. Но, скажу вам, хоть он мне и родной,—плоть от плоти, кровь от крови,—глаза бы мои на него не глядели! Сегодня у меня день рождения. Ты, супруга моя, приготовила добрый праздничный стол, и барана зарезали и поросенка. Да вот беда: гостей нет как нет! Зато Лю Лун-цин и Ху Цзы-чжуань, два моих задушевных друга,—уже, наверно, пришли. Жена, встретить их да пригласи в дом выпить по чарке вина долголетия. Поди, поди к воротам: они уж наверняка здесь и ждут приглашения...

Ян Мэй-сян. Эх, юаньвай! Младшего братца своего Сунь Чун-эра ты презираешь, а к этим прохвостам так и льнешь душою... Прогнал из дома мальчишку, родного, из твоей же семьи!

Появляются два «цзина» в ролях Лю Лун-цина и Ху Цзы-чжуаня.

Л ю Л у н - ц и н
(говорит нараспев)

Хозяйствовать я вовсе не привык,
Зато в трудах вседневных мой язык:
То здесь, то там болтает без умолку,
Доверчивых людей сбивает с толку.

Право же, нет для меня другого такого золотого человека, как этот пьяница Сунь. Меня-то самого зовут Л ю Л у н - ц и н о м , а вот его, названного моего братца, — Х у Ц з ы - ч ж у а н е м . Сегодня день рождения юаньвая, а денег у нас, у горемычных, ну ни гроша. Идем мы в винную лавку, пьем полбутылки в долг — мало! Как быть?! Налили в бутылку воды. Сейчас придем отдавать поклон юаньваю и как бы нечаянно уроним бутылку. Тут он, конечно, вытащит деньги и попросит нас сходить за вином. Мы, само собой, исполним его просьбу, а в итоге юаньвай расплатится за прошлую выпивку и даст денег на предстоящую!

Х у Ц з ы - ч ж у а н ь . Ваша правда, братец. Могу только следовать вашим намерениям.

Л ю Л у н - ц и н (заметив появившуюся Я н М а й - с я н) . Почетная хозяйка! Дома ли наш старший брат, юаньвай? Два его младшие братца принесли бутылочку вина, дабы пожелать ему сегодня долголетия...

Я н М а й - с я н . Ну вот и дождались! Принимай, юаньвай, подношения — мясо и вино!

С у н ь . Что ты говоришь, жена? Оба мои братца люди бедные, безденежные. Где им взять мяса и вина?! Почтительно позови их в дом, да пусть присаживаются к столу.

Л ю и Х у . Смирненно поздравляем старшего брата с днем рождения! Сожалеем, что нет у нас достойного подарка. Можем лишь преподнести вам ничтожную бутылку слабого, молодого вина и пожелать долголетия! Уж вы не посетуйте на нас, старший брат!

С у н ь . Братцы мои! Даже капля воды, подаренная вами от чистого сердца, для меня драгоценна. Вот вы преподнесли мне вино, но ведь если бы вы пришли и без него, а лишь с выражением своих братских чувств, — и то было бы довольно! А теперь прошу со мной к столу!

Л ю Л у н - ц и н , отдавая низкий поклон, роняет бутылку.

Л ю Л у н - ц и н . Ай-ай-ай! Единственная несчастная бутылка — и ты опрокинула! Ах, горе, ах, несчастье!

Х у Ц з ы - ч ж у а н ь . Придется нам, видно, снова пройти в винную лавку...

Сунь. Нет, пет. Ни в коем случае. Или у меня в доме не найдется доброго вина? Жена! Принеси нам вина!

Лю Лун-цин. О добрый Сунь! А вот мы, жалкие, такого скромного подношения не сумели донести в целости.

Ян Мэй-сян приносит вино.

Ян Мэй-сян. Эти двое заявили, а младшего брата мужа моего Суня все еще нет...

Входит «чжэнмо» в роли Сунь Чун-эра.

Сунь Чун-эр. Меня зовут Сунь Хуа, а дома называли Чун-эром. Отец и мать умерли, когда я был малолетком, и жил я у своего старшего брата и у сестрицы, его жены... Сестрица моя добродетельна и мудра, а вот брат Сунь Старший поверил наветам двух сплетников и лишил меня своего крова, и теперь я поселился в южном предместье, в заброшенной гончарной... Боюсь брату на глаза показаться — тут же начинает меня бранить, а то и при-бьет. Сегодня у него день рождения. Мне, бедняку, нечего прине-сти ему в подарок. Все, что я могу, — это не забыть о своем род-ственном долге отдать низкие поклоны брату и сестрице... Поэто-му я и пришел к воротам дома. *(Замечает Ян Мэй-сян.)* Это я, поч-тепная сестрица!

Ян Мэй-сян. Наконец-то пожаловал, младший брат! Изве-стные тебе проходимцы уже давным-давно пожаловали, а тебя все нет!

Сунь Чун-эр входит в дом.

Лю и Ху. А! Сунь Младший тоже пришел! Принимайте его приношения!

Сунь. Ну, Сунь Младший, коли уж ты пришел ко мне в день моего рождения, значит, принес подарки? Где твои мясо и вино?

Сунь Чун-эр. Ты же знаешь, что твой младший брат в бедности и холоде влачит свои дни. Где я достану мясо и вино?! Могу лишь низко поклониться старшему брату да старшей моей сестрице...

Сунь. А мне-то что с того, что ты низко поклопишься нам? Разве от твоих поклонов я буду сыт? Разве я от них буду пьян? Ах, как я поражен твоим благородством! А дело-то простое! Ты явился сюда для того только, чтобы вывести меня из терпенья! *(Бьет Сунь Чун-эра.)*

Сунь Чун-эр. Я никогда не говорил тебе дерзостей... За что же ты меня бьешь?

Сунь. А за то, что ты приبلудный! За то, что ты шалопад,
забывший о своем жизненном долге!

Сунь Чун-эр. Старший брат! Ты бьешь своего младшего
брата! Но знай, Небо все видит!

(Поет.)

На мотив «Любуюсь цветами» в тональности «сяньлюй»

Бесчестного ль, бездельника ль,
Спесивца иль упрямца,
Кто воду баламутит,
Кто ветер поднимает —
Всех Небо различает...
Их не одни соседи,
Их вся округа знает!

Сунь. Ты чванишься своими высокими мыслями и прези-
раешь родню, хоть и называешь себя младшим моим братом. Да
ты, баламут, только того и стоишь, чтобы я тебя колотил.

Сунь Чун-эр
(поет)

На тот же мотив

Опомнись, старший брат!
В ком видишь баламута?
И поступать со мной
Зачем тебе столь круто?

На мотив «Одинокий»

От посторонних тут и там
не трудно услышать,
Как домом нашим и добром
ты завладел один.
Но звал ты матерью, отцом
моих отца и мать.
И пусть ты первенец у них,
я, младший, — тоже сын!

Однажды я слышал, как люди на улице толковали, что Старший
Сунь и я так похожи, словно были оттиснуты одной и той же пе-
чатью.

Лю и Ху. Вот еще! Как можно равнять одной печатью тебя,
ничтожного, и нашего старшего брата, юаньвая!

Сунь Чун-эр
(поет)

На тот же мотив

Равняться с братом не могу.
Он так со мной жесток.
Нет, защититься от него
Ничем бы я не мог!

(Уходит.)

Сунь. Не обижайтесь, братцы мои...

Лю и Ху пьют вино.

Лю и Ху. Мы, наверно, уже прискучили нашему старшему брату. Мы уходим. Всенепременно и вскоре отблагодарим вас за все!

(Уходят.)

Ян Мэй-сян. Юаньвай! Завтра день поминовения предков. Я соберу жертвенную утварь, приглашу младшего братца, и мы все вместе отправимся к могилам...

Ян Мэй-сян и Сунь уходят.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

На сцене Лю Лун-цин и Ху Цзы-чжуань.

Лю и Ху
(говорят нараспев)

Вчера мы день рожденья отмечали,
К могилам предков нынче нас позвали.
Как тени, мы, два названные братца,
Не будем с юаньваем расставаться.

Сегодня Сунь пригласил нас на могилы своих предков. Надо бы пойти и встретить его.

Лю и Ху встречаются с Сунем.

Сунь. Наконец-то пришли мои братцы! *(Расставляет жертвенную утварь.)*

Лю и Ху. Пусть отныне ваши предки будут и нашими предками. Давайте же все вместе и отдадим им поклоны! (*Кланяются.*)

Сунь. А теперь, когда мы совершили обряд поминовения предков, прошу вас, братцы, осушить чарки...

Пьют вино.

Ян Мэй-сян. У моего юньвая словно помутился разум! Он вынудил родного младшего брата жить отдельно от семьи, терпеть голод и холод. А сегодня, когда собрались на могилы предков, не захотел подождать его подольше. Думаю, усопшие родители под землей обеспокоены, видя, руками каких двух пройдох был совершен ритуал их поминовения. А ведь этим прощелыгам только и нужно, что напиться!.. Все глаза проглядела: что же не приходит Сунь Младший?

На сцене появляется Сунь Чун-эр.

Сунь Чун-эр. Я — Сунь Чун-эр. Пришел сюда, к могилам, с жертвенными деньгами и бутылочкой вина. Сегодня сто пятидесятый день поминовения предков — Праздник Чистоты и Света... Остановлюсь здесь, около могилы родителей... (*Ставит вино на землю.*) А теперь в дар усопшим сожгу эти жертвенные бумажные деньги. Чтобы они жили там у себя спокойно и беззаботно! Древние люди говорили: совершай обряд при жизни родителей, совершай обряд при погребении их в могилу и впредь совершай обряд, поминая их... Я, Сунь Чун-эр, беден и несчастен, поэтому не в силах был подготовить достойных приношений. Со мной всего лишь вот эта бутылка вина. О, не корите, не упрекайте вашего сына, Сунь Чун-эра!

(Поет.)

На мотив «Алые губы» в тональности «сяньлюй»

С тех пор как лишился матери
и не стало отца,
Заботы о пропитании
гнетут меня без конца.
Не о богатстве думаю,
мне займешь бы грош...
Шаришь вокруг да около
и — ничего не найдешь.

На мотив «Замутивший реку дракон»

Нельзя назвать семейство Сунь
безденежным иль бедным,

Но серебро течет в кармап
двум жуликам зловредным.
Я жил в родительском дому,
но злою волей брата
Ищу ночлег на стороне
и все бегу куда-то.
В гончарню старую прогнал
меня мой брат суровый.
Там голод, холод я познал
и пицеты оковы.
А люди говорят: провел
старшой меньшого ловко,
Сам крышу прочную обрел,
а младший брат — циновку...
Однако, братством дорожа,
родства не забывая,
Из-за такого дележа
вражду не раздуваю.
В единокровье рождены,
как день и ночь мы вроде:
Сияет солнце — нет луны
в тот час на небосводе.

Я н Мэй-сян. Младший братец, наконец-то и ты пришел к
могпле!

Сунь Чун-эр. Не гневайтесь, сестрица,— винюсь, что при-
шел позже вас...

Я н Мэй-сян. Старший брат ждал тебя и, не дождавшись,
совершил обряд. Ну, что же ты задержался?

Сунь Чун-эр. Сестрица! Старший брат ни за что ни про
что побил меня в день своего рождения, и теперь я боюсь встре-
чаться с ним. Как бы снова не поколотил.

Я н Мэй-сян. Не обижайся и не бойся, братец мой! Подой-
ди ко мне да выпей вина. Ты же совсем продрог в своей бедной
одежке.

Сунь. А! Этот деревенщина тоже явился! Вот бродяга не-
способный!

Сунь Чун-эр
(поет)

На мотив «Полевой сверчок»

Бранится старший брат,
зовет меня бродягой.
Я сам бродить не рад:
в скитаниях ли благо!

Искать бы я не стал
на стороне приюта,
Когда б не поступал
со мною брат столь круто.
Я сам теперь истец,
сам пред собой в ответе.
О, если б жил отец
и мать жила на свете!
Почтенная Мэй-сян,
к чему мне жить изгоем
И вечно слушать брань
да счет вести побоям!

С у н ь. Ты пришел сюда, чтобы встретиться со мной. Но какое родство может быть между нами?

С у н ь Ч у н - э р
(продолжает петь)

На тот же мотив

Коли ты брата посчитал
всего лишь за бродягу,
Зачем же у могилы ждал
Ты все-таки беднягу?

С у н ь. Только затем и ждал, чтобы наподдать тебе как следует!

С у н ь Ч у н - э р
(поет)

На мотив «Радость Поднебесной»

Зачем человеком,
который по крови всех ближе,
Я так бессердечно
обруган, отвергнут, унижен?

Сестрица! Я не могу приблизиться к вам,— боюсь, старший брат опять с кулаками на меня полезет...

(Продолжает петь.)

На тот же мотив

Повинны во всем
 безобразные два выпивохи —
У брата всегда
 под рукою шакалы-пройдохи.
Не нужно мне золота,
 и серебра мне не надо,
А брата порадовать —
 лучшая сердцу награда.

С у н ь. Зачем ты пришел на могилу?

С у н ь Ч у н - э р. Я пришел сюда, потому что я — твой млад-
ший брат.

С у н ь. Надо же! У могилы моей семьи появляется какой-то
простолюдин-деревенщина! Да какое же родство может быть ме-
жду мною и этим дрянным человечком! Как он посмел прийти к
могилам?

С у н ь Ч у н - э р
(поет)

На мотив «Песнь Ночжи»

За брата меня не желая признать,
Твердит он, что мы — не родные.
Но оба мы — Суни! Не хочет он внять,
Заладил одно: не родные.
А предки, которых мы чтили сейчас,
В конце-то концов не одни ли у нас?
Опять он свое: не родные!..
Где доводы взять мне иные?
Я — Сунь по рождению — ему не родня,
Так кто я? Зачем же он гонит меня?!
Как жить мне, бедняге, на свете,
И кто ему пьяницы эти?

С у н ь. Как ты смеешь равняться с мопми дорогими братцам!
До самой смерти наши узы не перервутся!

С у н ь Ч у н - э р
(продолжает петь)

На тот же мотив

Ты важной персоной себя считаешь,
И вот не себя ты — других осуждаешь.
Богатым — любовь и почтение,
А к бедным ты полон презрения.

Сунь. А ты и за десять тысяч лет не продвинешься вперед ни на шаг!

Лю и Ху. Вы совершенно правы, наш старший брат. Этому низкому человеку никогда не продвинуться вперед. Что ему нужно? Найти местечко потеплее да посытнее и бездельничать — вот и все. Эх, гоните-ка вы его прочь!

Сунь. О, проклятие! Убирайся отсюда, проходимец несчастный! А вы, братцы мои названные, поднимите чарки да выпейте еще вина.

Сунь Чун-эр. Поглядите только! Эти разбойники пьют вино с моим старшим братом! Ну и веселье у них!

(Поет.)

На мотив «Сорока на ветке»

Льется в глотки двух молодчиков вино,
Уж пьяным-пьяны, а хлещут все равно!

Сунь. Хорошее вино, братцы!

Лю и Ху. Мы уже опьянели совсем...

Сунь Чун-эр

(поет)

На тот же мотив

Покоился с пьяных глаз у них восток,
Да и запад с места сдвинулся чуток.
Перепутали, где лбы, а где затылки —
Вот уж, право, генералы от бутылки.

Лю и Ху *(пьяными голосами)*. Эй, Сунь Чун-эр! Ах ты, бесовестный, ах ты, шлюхино отродье! Мы что — твое пьем? Не-ет! Мы ныне пришли к могиле предков по приглашению нашего дорогого юаньвая. И, не успели мы расположиться, ты тут как тут и мешаешься не в свое дело!

Сунь Чун-эр. Но ведь вы и вправду здесь, будто у себя дома, распоряжаетесь...

(Поет.)

На тот же мотив

Оскверняют здесь священные могилы
Безобразные пропойцы и кутилы!
Так-растак вас... Не родней ли уж какой
Вы приходитесь нашедшим здесь покой?

Лю и Ху. Небывалое оскорбление! Старший брат! Вы только послушайте! Этот ничтожный маленький Сунь позавидовал, что мы вкушаем здесь вместе с вами вино! Он гнусно бранит нас! Мало того, он последними словами поносит ваших предков и родичей!

Сунь. Кто посмел так опорочить меня?

Лю и Ху. Кто ж иной, как не Сунь Младший!

Сунь (*в порыве ярости*). Хорошо, нечего сказать! Посмел назвать моих предков своими, мерзавец!

Сунь бьет Суня Чун-эра.

Сунь Чун-эр. Не верь этой лжи! Как же мог я, твой младший брат, порочить тебя, старшего?

(Поет.)

На мотив «Худая трава»

Я уповаю, старший брат, на твой рассудок.
Законнорожденный ведь я, а не ублюдок.
Одна утроба нас двоих на свет явила,
Одним и тем же молоком нас мать вскормила.
Немного схожи мы с тобой лицом и статью,
И люди говорят про нас: родные братья.
Вот ты выходишь из ворот, степенный, сытый,
И гости следом за тобой толпятся свитой.
А после пьянки, где вино текло рекою,
Вернешься в дом — жена ведет тебя в покои.
Но младший брат твой не имел подобной чести:
В гончарне старой он живет, в глухом предместье.
Его и холод леденит, и голод гложет,
И одиночества тоска в ночи тревожит...
Земля, и слуги у тебя, и дом богатый,
Очаг остывший, нищета — в лачуге брата.

Сунь. Ох! Я совсем опьянел. Проводите меня, братцы, до дому... А ты, нищий побродяжка, запомни: коли снова осмелишься оскорблять меня, да еще здесь, у могилы моих предков, — ребра тебе переломаяю. А придешь ко мне домой — получишь двести палок!

Лю и Ху. Так тебе и надо! Не станешь в другой раз являться туда, где тебе не место.

Сунь Чун-эр
(поет)

На мотив «Золотая чаша»

К могилам предков я пришел —
злонравье у могил царит,
А возвращенье в отчий дом
побои братние сулит.
Ведь никогда еще мой брат
свой грубый нрав не укрощал:
Коль на глаза ему явлюсь,
мне двести палок обещал.
Грущу поодаль от могил —
мне избиение грозит,
А в дом родительский войду —
так непременно буду бит.
Куда деваться? Всюду зло!
О, дайте, небеса, ответ.
Ни у могил и ни в дому —
ни тут, ни там мне места нет!

Старший брат не признает меня, а верит двум проходимцам и опять меня бьет. Я не смею подняться на могильный холм, чтобы добавить к нему земли, и могу лишь в стороне от могилы поклониться усопшим родителям. Не гневайтесь на меня, предки: ваш Сунь Чун-эр не виноват. Вот бумажные жертвенные деньги, вот бутылочка поминального вина — все мое приношение!

(Отдавая поклоны, поет.)

На мотив «Цветы во внутреннем дворе»

Держу в руках всего полчаши
простого кислого вина,
Есть для сожжения немного
рисованных бумажных денег.
Не раздражит усопших предков
моя сыновняя вина,
Они поймут, что очень беден
их сын, почтительный смиренник.

Сунь. Пейте, пейте, братцы мои, — пейте чарку за чаркой!
Да ешьте, ешьте... закусывайте вино седлом барашка...

Лю и Ху. Ну-ка хватай баранину, разрывай ее на куски —
печего мешкаты!..

Сунь Чун-эр
(продолжает петь)

На тот же мотив

А рядом пьют за чашей чашу,
уже и речь у них мутна.
Я в стороне сжимаю зубы,
печали одинокий пленник.
Там раздается хохот пьяный,
брань непристойная слышна,
А здесь вздыхаю я и плачу,
не нужный никому смиренник.

На мотив «Зеленый братец»

Отчего это, Небо, к иным
снисходительно ты, благосклонно?
И за что я тобой не любим,
обойденный судьбой, обделенный?
Брату шляпу послало ты
с красной кистью, коня и платье,
Но в глазах его доброты
никогда не могу прочесть я.
Почему-то случилось так,
что он счел меня чужеродным,
Бить готов за каждый пустяк,
а бранится как только угодно.
Младший Сунь, я всех прав лишен,
я брожу, не имея крова;
Прихожу — выгоняют вон.
Плачу... Участь моя сурова.

На мотив «Листья ивы»

Ужели вправду брату старшему
так я противен, так далек?!
Траву колышет над могилами
внезапный свежий ветерок.
Он то ленивый, то порывистый,
то вдруг подует, то замрет.
Зачем судьба богатство — старшему,
а младшему — беду несет?

Когда могли бы вы, родители,
восстать живыми из могил,
Всю б добродетель суд ваш поровну
меж мной и братом поделил.

Сунь. Посмотрите-ка, что там, за могилой, делает Сунь Младший?

Лю и Ху. Хорошо, старший брат. Мы пойдем и посмотрим. (*Смотрят вниз.*) Старший брат! Он сделал из бумаги семь человечков и теперь закапывает их в землю. Видно, мечтает о том, чтобы вы поскорее умерли, а он завладеет всем вашим богатством.

Сунь (*разражаясь гневом*). Ах ты, бесстыжий наглец! (*Бьет брата.*) О! Я, кажется, до того напился, что от вина рукава рубашки мокры и от цветов края шляпы обвисли. Ладно, делай что хочешь, только к дому моему ни ногой!

Ян Мэй-сян. Юаньвай совсем пьян!

Лю и Ху уводят Суня.

Сунь Чун-эр. Брата увели, пойду на могилу, попрощаюсь с родителями, а затем поплечусь к себе в старую гончарню. По злобному навету двух проходимцев брат избил меня, но я не питаю к нему злобы.

Заключительная ария

Обруган я тобой тысячекратно,
Тобой побит раз тридцать, вероятно;
Пусть лязгают клыки у горла волчьи,
Терплю беду с достоинством и молча.
При матери с отцом все было б честно:
Владели б мы имуществом совместно.
Пусть старшему в семье дается право
Являть и щедрость и причуды права,
Иметь друзей, бесчисленных знакомых
И приглашать и днем и ночью в дом их.
Но рассуди, на что это похоже,
Коль брат родной не ближе, чем прохожий?
Ты золотом владеешь, серебром,
Я — обделен родительским добром...
В гончарне я средь битой черепицы
Вновь буду при луне всю ночь томиться.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Входят Сунь, Лю Лун-цин и Ху Цзы-чжуань.

Сунь. Вчера на могиле осушил я невесть сколько чарок, так что до сих пор в себя не приду. Однако вместе с моими верными братьями направляюсь в заведение дома Се, чтобы снова устроить выпивку.

Входят в кабак.

Лю и Ху. Старший брат! Давайте мы заключим братский союз, как в свое время Лю, Гуань и Чжан. Станем жить вместе, пока живется, а коль умирать, так и умирать вместе. У младших братьев несчастье — старший спасет; у старшего горе — младшие помогут; так и запишем в нашей клятве: стоять друг за друга не на жизнь, а на смерть!

Сунь. Совершенно согласен с вами, милые братцы!

Пьют вино и, захмелевшие, выходят из кабака; Лю и Ху волокут пьяного Суня, но тот падает и засыпает.

Лю и Ху. Послушайте, брат! Это же вам не постель, а улица! Нашли место, где спать! Разве не слышите, что уже ударили в колокол, возвещающий ночь и запрет ходить по улицам? Пора возвращаться домой!

Сунь не просыпается.

Экий увалень! Крепко заснул. Буди не буди — не проснется. А погода внезапно испортилась, поднимается пурга, мы оба промерзли... Тащить его домой слишком долго, к тому же в эту пору нас могут застать стражи. Ему-то ничего, он богатый, откупится, а мы? Мы ведь бедняки, и если нас схватят — так уж не попадут: прощай жизни! Лучше всего махнуть на него рукой, — пусть валется, а самим поспешить по домам... *(Ощупывают Суня.)* Ого! Да у брата в голенище пять серебряных слитков! Как говорится, увидел да не взял — хуже, чем потерял! Видно, само Небо дарит нам такое богатство: мы не возьмем — другие возьмут!.. *(Забирают деньги.)* Если же он замерзнет, — мы ни при чем! *(Удаляются.)*

Появляется Сунь Чун-эр.

Сунь Чун-эр. Какая пурга! Я, Сунь Чун-эр, ходил по улицам, чтобы заработать хоть несколько грошей перепиской бумаг. Теперь стемпело, и я возвращаюсь к себе в старую гончарню.

(Поет.)

На мотив «Осмотрительность» в тональности «чжэнгун»

В черном-черном, крошечном небе
тучи стылые все мрачнее;
В пустоте, в безлюдье пустынном
резкий ветер все холоднее;
Вихрь снежинок шестиконечных
все плотней, все чаще и гуще,
С ног сбивает жестокий ветер,
ледепящий и вездесущий.
От колючего ветра и снега
мне, бедняге, некуда деться,
От промозглого холода-стужи
мне, бродяге, негде согреться.

На мотив «Катится вышитый мяч»

О снегопаде у богатых мнепье —
дурные, мол, уносит испаренья;
Мол, снег — благое предзнаменованье,
мол, будет урожай и процветанье.
А вот бедняк, что наг и обездолен,
и рассуждал бы так, да нет, не волен!

Я вижу, обложили небо тучи,
И представляю каждое мгновенье,
Что с высоты летят, летят каменья,
Как ядра смертоносные, гремучи.

И голову я низко опускаю,
И, зябко ежась, поднимаю плечи,
Замерзшими ногами, как увечный,
Едва-едва в снегу переступаю...

Услышу ли я о весне известье?
Чтобы сугроб не стал моей постелью,
Брести придется мне, борясь с метелью,
Опять в гончарню старую, в предместье.

Увы! Это удел богатых — веселиться, когда идет большой снег.
А такому бедняку, как я, большой снег лишь усугубляет горькую
участь...

(Поет.)

На мотив «Бестолковый сючай»

Я слышал от господ немалых,
От людей высокого звания,
Что приятно в такую пору,
Снег собрать с дорожек, натаять,
Заварить душистого чаю
И в хранилище сесть за книгу.
Говорят еще, что недурно,
За расшитым пологом сидя,
Коротать ненастное время.
Предаваясь вину хмельному.
Но ведь все это, впрочем, доступно
Либо книжникам многоученым,
Подражателям древнего Тао,
Либо самым сановным лицам,
Составляющим цвет государства.
Ну а старый рыбак, который
Знает только мороз и голод
И, в плаще дрожа тростниковом,
По замерзшей реке стремится
Очутиться скорей под крышей,—
Что рыбак нам на это скажет?

О! Какой густой снег, какая пурга! Невольно вспоминается, что
издревле бедные ученики и последователи Конфуция испытывали
многожество тягот...

(Поэт.)

На мотив «Катится вышитый мяч»

За хворостом ходить во время вьюги,—
как ни гони, а не желают слуги.
В такой вот снег при всем своем желанье
Хань Синь не собирал бы подаянье.
Судейский — арестанта не повел бы,
Сунь Кан — строки единой не прочел бы.

Во время вот такого снегопада
Конь Хань Туй-чжи вперед бы не стремился;
Мэн Хао-жань с ослом бы не решился
Моста Балин преодолеть преграду.

Во время вот такого снегопада
Не знал Су Цинь, куда ему податься.
Не стал бы в гости к Даю собираться
И Вап Цзы-ю, как ни брала досада!..

Спал Юань Ань во время снегопада,
Иных забот себе не представляя;
И люди знали: дверь его сарая,
Покуда спит он, отворять не надо.

Встарь Люй Мэн-чжен во время бури снежной
С жаровнею остывшей ночь возился...
А мне, что крова отчего лишился,
Мне погибать придется неизбежно.

...А вьюга-то все сильнее и сильнее! Иду-бреду по улице один-одпешенек! Ветер такой злоющий, а снег бьет в лицо, так больно!.. А какая на мне одежда? Одно название! Легко ли мне, бедному, передвигать поги! Зайду-ка за угол, в переулок, отдохну немного от ветра и снега... *(Повертывается и спотыкается.)* Однако что это тут такое?.. Обо что я споткнулся? Мешок — не мешок? Ах! Да это пьяный человек! Ай-ай-ай! Бедняга! Поменьше надо выпивать! Не буду бояться, помогу ему... Это я, видно, об его погу споткнулся. Да кто же он такой? Наклонюсь да посмотрю как следует. *(Наклоняется и в ужасе отшатывается.)* Ай-я! Да ведь этот пьяница — мой старший брат! Понятно! Ты валяешься здесь потому, что напился с теми двумя мерзавцами! Они, конечно, удрали, а тебя бросили. Вот так закадычные друзья!

(Декламирует.)

Совершенный человек
Не корысти ради дружит;

Низкий просится в друзья
Неспроста: ищи подвох.

Брат мой, бросили тебя
Замерзать в метель и стужу...

Ныне ль подлость не поймешь
Двух приятелей-пройдох?!

(Поет.)

На мотив «Тупое оружие»

Мой братец с дружками напился вина,
В глухом переулке свалился спьяна.
Где бросили, там и обрел он ночлег,
Не чуёт, что сильный посыпался снег.
Боюсь только, колокол скоро пробьёт
И двинутся стражи ночные в обход.
Сюда, в переулок-то, вряд ли сверпнут,
Надеюсь, что мы в безопасности тут.
Прохожих не видно, шагов не слышать...
Ты что же, собрался в снегу подышать?
Не чуешь, что весь обморожен, хмельной,
Что грязь на повязке твоей головной?

Совсем потеряли совесть эти негодяи! Ведь и одеты и накормлены они братом моим. И вот — удрали! Бросили его на произвол судьбы... Лежи тут по воле своих замечательных дружков! А не твои ли это слова.

(Продолжает петь.)

На тот же мотив.

«...Цветы потоптал я... Такое стряслось,
Что шляпа сползает с затылка на нос...»
А ныне, промерзший, лежишь ты в снегу.
И чем же теперь я тебе помогу?

Брат мой! Старший брат! Сказал бы хоть что-нибудь!..

(Продолжает петь.)

На тот же мотив

Скажи, не вчера ль признавался ты днем:
«Рубаха насквозь пропиталась вином»?

Вот ведь как: он их одел, напоил, накормил, а они напакостили ему! Пусть мой брат напился сегодня; гораздо хуже то, что вы, два негодяя, — бросили человека! Эх, вы! Тоже мне, младшие братья!..

(Поет.)

На мотив «Бестолковый сючай»

С давних пор образцом являлась
Дружба крепкая Ляя и Чэна,
Не похожа она на сговор,

Что с прохвостами заключил ты.
Братской дружбы Фаня и Чжана
Неразрывными были узы —
Болтовню ли твою напомним
с Лю Лун-цином и Ху Цзы-чжуапем!

Если б не было, проходимцы,
Рядом с вами старшего брата,
Почернели бы с голодухи
Непотребные ваши лица.
Вы, поклонники винопийства,
Все вы высосали из брата.
И не стыдно вам было ночью
Пьяным бросить его на дороге!

Бессовестные люди! Разве достойно человека совращать на
пьянство моего старшего брата! И притом каждый день!..

(Поет.)

На мотив «Катится вышитый мяч»

Вы выглядите очень благородно,
по вам чужое только и угодно.
Винище пили, пищу пожирали,
где угощали вас, там вы и крали.
Узнай мой брат обычай ваш и норов,
не заключал бы братских договоров...

Не разглядел он ваше лицемерье,
Не оценил разбойничьей сноровки:
Вы применили хитрые уловки,
Он оказал вам полное доверье.

Для вас пускался на любые траты...
Те, что вчера могилы посетили,
Свидетелями этим тратам были.
А как же вы благодарите брата?

Он замерзал в снегу вдали от дома...
Вот так и в старой песне распевают:
Высоко в небо лебеди взмывают,
Когда вода ушла из водоема.

Если я на спине дотащу брата до дому, все равно он потом па-
ней же и отыграется. Но гораздо хуже будет, если он замерзнет,
брошенный... Была не была! Понесу! (*Подходит к дому Суня.*)
Вот и добрались наконец до дому... (*Стучит в дверь.*)

Появляется Ян Мэй-сян.

Ян Мэй-сян. Братец! Да вы, я вижу, помирились со стар-
шим братом! (*Замечает, что Сунь спит, свесив голову через пле-
чо Сунь Чун-эра.*) Что случилось? Почему это ты несешь его на
спине?

Сунь Чун-эр. Дело было так, сестра Мэй-сян. Я возвра-
щался к себе в старую гончарню, проходил переулок за Земляной
улицей, остановился передохнуть... И вдруг вижу, на дороге
кто-то валяется. Оказалось, что это старший брат. Он спал, зане-
сенный снегом. Два негодяя бросили его. Я же, Сунь Младший,
подумал: ведь мы единокровные братья, и мой братский долг — не
допустить, чтобы он замерз на улице. Вот я поднатужился и до-
нес его до дому. Он спит, сестрица, — вы его уложите, а я пойду...

Ян Мэй-сян. погоди, братец. Одежка на тебе ветхая, ты
же совсем замерз... Выпей немного вина, поешь, — потом и пой-
дешь.

Сунь Чун-эр. А вдруг брат проснется? Тогда мне несдоб-
ровать!

Ян Мэй-сян. Не беспокойся. Уж коль проснется — тебя за-
щищу.

Сунь Чун-эр. У брата крутой нрав. Что вы можете поде-
лать, когда он начнет меня бить?

Ян Мэй-сян. Что-нибудь придумаю. Бояться нечего. (*Слу-
ге.*) Принеси-ка моему брату лапши.

Сунь Чун-эр ест лапшу.

Сунь Чун-эр
(поет)

На мотив «Разносчик товаров»

Покуда, пьяный, спит он крепким сном,
Лапши поем я и согреюсь чаем...
Опомнится, пожалуй, завтра днем,
Но вдруг сейчас проснется невзначай он?

Сунь просыпается.

С у н ь. Хорошо поспал!

С у н ь Ч у н - э р
(продолжает петь)

На тот же мотив

Никак, мой братец вертит головой?
Вот с боку на бок он перевернулся...
Ведь только что лежал, как неживой,
Но, кажется, совсем теперь очнулся.

Сестрица! Он уже не спит!

Я н М э й - с я н. А ты не бойся, не бойся...

С у н ь Ч у н - э р
(поет)

На мотив «Снимаю рубашку»

Сижу, напуган,
Сижу, изруган,
Забпт совсем...

С у н ь (приподнимается с постели). Кто это там ест мою лапшу?

С у н ь Ч у н - э р
(продолжает петь)

На тот же мотив

В погах дрожанье,
Таю дыханье,
От страха нем.
Он смотрит злобно,
Звероподобно,
И трезв и пьян:
И трезвый крут он,
И пьяный лют он,
Глаза — капкан.

На мотив «Великое спокойствие»

Еду и питье принимаю спокойно
От щедрой и добросердечной сестрицы.
Ее угощение и вправду достойно
Самой Люй-тайхоу, императрицы.

Сестра Мэй-сян, брат проснулся! Заступитесь же за меня!

Я н Мэй-сян. Постой, посмотри, что он будет делать...

Сунь Чун-эр
(продолжает петь)

На тот же мотив

Смотрите, мой старший брат пробудился,
Теперь умоляю вас о защите;
Я сам бы перечить ему не решился,
Уж вы за робость с меня не взыщите.
Руки дрожат, целовки движенья,
Словно дожил я до смертного часа;
И не поддастся изображенью
Лица испуганного гримаса.
Застрыла в горле шепотка риса,
От страха ее проглотить не смею...
Хоть тысячеустым пред ним явись я,
И то от боязни тотчас онемею.

Сунь. Однако это кто же ест мою лапшу?

Я н Мэй-сян. Да это наш братец. — Сунь Младший. На улице мороз, а ты свалился посреди дороги. Два негодяя бросили тебя и сбежали. Не случись тут проходить нашему брату, — не жить бы тебе, юапвай!

Сунь. Помнится, в голенище у меня оставалось пять слитков серебра. Ну-ка, посмотрю... Гм... Где же они? Все ясно! Ты, Сунь Младший, нес меня и, видя, что я пьян, стащил деньги!

Сунь Чун-эр. Ты спал, старший брат. Я испугался, что ты можешь замерзнуть на морозе, дотащил тебя до дому. Ни о каких деньгах я и ведать не ведаю. И мог ли я своровать?

Я н Мэй-сян. А я так не сомневаюсь, что их у тебя вытащили два проходимца!

Сунь. Жена! Ты говоришь глупости! Мои названные братцы знают, что такое добродетель и справедливость. Не могли они забрать чужое и уйти. Лишь этот побродяжка Сунь Младший способен на такую низость!

Сунь Чун-эр
(поет)

На мотив «За чтением книг»

Запорошивший весь белый свет,
Снег смел с дорог человеческий след.

Белым-бело и темным-темно.
Земля и небо слились в одно.

Продрогший, холодный, как этот снег,
К себе в гончарню я брел на почлег,

И слезы капали мне на грудь,
И так хотелось чуть-чуть отдохнуть!

Но кто это, вижу сквозь снежный туман,
Лежит на дороге, мертвецки пьян?

Присел и — такое увидел вдруг,
Что до сих пор не унять испуг.

На мотив «Смеющийся монах»

Я, как приговоренный к плахе,
Глядел и трясся молча в страхе.

И в мыслях не было такого,
Что встречу брата там родного.

В снегу его я не оставил,
А на спине домой доставил.

Уж он и не дышал как будто,
А пробудился — смотрит люто.

Не видит правых, виноватых,
Забыл он, что грешно, что свято...

Сунь. Пусть этот бродяга сдохнет на моих глазах! (*Бьет Сунь Чун-эра.*) Эй, гоните Суня Младшего за дверь, пусть стоит там на коленях в снегу.

Ян Мэй-сян тщетно пытается удержать Сунь Чун-эра в доме.

Сунь Чун-эр. Я тебя от мороза спас, а ты меня на мороз?!
(*Поет.*)

На мотив «Докучливая песенка»

Пронизывающий насквозь,
холодный дует ветер,
Мне нет спасенья от него
нигде, нигде на свете.

И этот колющийся снег,
что все быстрее кружится:
Во мрак он погрузил меня,
и от него не скрыться.
Рубашка тонкая моя —
увы, одни лохмотья.
А как хватил по ней мороз —
и тех не соберете.
Какие же разведал брат
за мною прегрешенья,
Что выгоняет на мороз
и ставит на колени?
Чем я покорней, чем смирней,
тем больше слышу брани,
Но до жестокости такой
Не доходил он ране!

Ян Мэй-сян. Эх, братец, братец! Слишком уж ты поспе-
шил! Юаньвай только пригрозил тебе, а ты тут же встал на ко-
лени! Разве могу я допустить, чтобы ты замерз на морозе?

Сунь Чун-эр. Спасите меня, сестрица...

Ян Мэй-сян (*слуге*). Принеси скорее чарку горячего вина!
Братец совсем продрог!

Сунь Чун-эр (*выпивает вино*). Ох! Когда б не это горячее
вино, — паверное, ооченел бы навек.

(Поет.)

На мотив «Шаловливое дитя»

Есть закон, не дающий нам совершать
«Десять зол» и «Пять преступлений».
Не осмелюсь, сестрица, я нарушать
Брата старшего строгих велений.

Отношенья в семье и дела семьи
Предоставлены вашим заботам.
Устанавливать правила — каждый свои —
Никуда не годится... Да что там!

Не позволю себе болтать языком,
Брат и старше меня и сильнее —
Утверждает он право свое кулаком,
И перечить ему я не смею.

Говорят же, однако: обидчик людей
Небеса-то обидеть не сможет,
День придет — и познает всю боль лиходей,
Боль, что так меня бедного гложет.

Я унижен, отвержен — поистине так!
К Небесам обращаюсь я с дрожью.
А для брата слова мои — сущий пустяк,
Называет их блажью и ложью.

Шестая ария от конца

Я скорблю о превратностях тяжких судьбы,
по дойдут ли до Неба мольбы?
Бедняков ли ему свысока замечать
и на просьбы ли их отвечать?!
Вот, бня себя в грудь, на коленях стою,
слезы лью, по напрасно их лью!
День за днем я все клянчу гроши на еду,
а иначе совсем пропаду!
Две монетки иль три — в день доход невелик,
вечный голод терпеть я привык,
Но ни разу на просьбу решиться не мог,
чтобы братец мне старший помог.
Оп, как встретит меня, засучит рукава, —
пропадай ты, моя голова!

Пятая ария от конца

Оскорбленья твои и гоненья твои —
мой удел.
Но прохвостов зато, пьяниц злостных зато
ты согрел!
Были б в дружбе верны... Но с тобой не дружны, —
сплошь обман!
Нужно клад обрести — могут и потрясти
твой карман.
Чтобы кашу сварить, где мне рису добыть? —
Не найдешь!
Чем наполню суму, где сегодня займу
жалкий грош?
Зол мой жребий и лих, об обидах моих
я кричу

От утра дотемна, даже ночью без сна
прихвачу.
Лишь притворство во мне, непокорство во мне
ты узрел,
А в страданиях помочь да не гнать меня прочь —
не хотел.

Четвертая ария от конца

Ты — не я, мы с тобой совсем непохожи.
Ты врага отличить не способен от друга.
Ты — не я... И меня постоянно тревожит
То, что старший мой братец — завзятый пьянчуга.

Разум свой пропивать — никуда не годится,
А прохвосты с тебя и рубаху-то стащат.
Ты обрек на печаль дорогую сестрицу,
Огорчаешь ты всех, человек ты пропащий!

Коченел ты под снегом, почти бездыханный.
Если б стража почная на тело наткнулась,
Увидав, что лежишь ты бездомный и пьяный, —
Как не петлей бы дело твое обернулось!

Почему ж негодяев, что пили с тобою
И тебя подвели, не призвал ты к ответу?
Отчего же ты брата встречаешь хулою,
Не воздашь за добро мне добром и приветом?

Третья ария от конца

Невинного меня ты выгнал воп,
А сам несчастной ночью был спасен.
Тебя тащил я к дому на спине
И думал: благодарен будешь мне!
Не разглядев, где запад, где восток,
Ты добротой моею пренебрег,
Услугу, как проспунлся, позабыл
И даже в краже брата обвинил.
Да ты всего меня перетряхнешь,
А больше цзю не пайдешь на грош,
Прощупай платье десять раз подряд —
А что в нем, кроме дырок и заплат!

Вторая ария от конца

Ты снял с меня последнюю рубаху,
Лишил куска, из дома выгнал вон,
Бранить сплеча и бить готов с размаху...
За что же я любви твоей лишен?
Я вашего вина отпил полчаши,—
Не пьяным быть — согреться я хотел;
А если съел лапши немного вашей —
Поверь, я от нее не разжирел.

Ян Мэй-сян. Сунь Чун-эр! Не кори так своего старшего брата. Ведь он сам не ведает, что творит. Бери пример с меня! Я спокойна.

Сунь Чун-эр
(продолжает петь)

На мотив второй арии от конца

Дает совет сестрица — не сердиться.
Нет, я не раб, меня не сторговать!
Но если младшим выпало родиться,
Свою обиду должен я сдержать.

Сестрица! Прошу прощения. Ваш Сунь Чун-эр уходит...

Заключительная ария

Он обижал меня и мучил,
рвал без стеснения узы братства,
И брань его я молча слушал,
Терпел без слов рукоприкладство.
В мороз у собственного дома
меня поставил на колени.
А я-то нес его средь ночи,
покинутого в опьяненье.

(Уходит.)

Появляются Лю Лун-цин и Ху Цзы-чжуань.

Лю и Ху. Вчера мы бросили на улице юаньвая Суня. Стащили у него пять серебряных слитков. Сейчас идем навестить его.

Будем начеку: станет он говорить то-то, ответим так-то, а скажет так-то, ответим то-то. Вот и его дом. *(Стучатся.)*

Дверь открывает Ян Мэй-сян.

Госпожа, дома ли наш брат?

Ян Мэй-сян. Вчера вы все напились и двое бросили одного в снег. Если бы Сунь Младший не принес его, наверняка замерз бы!

Лю и Ху. Ах, госпожа, да разве могли мы бросить нашего старшего брата? Мы благородные, порядочные люди. Мы собаку в беде — и ту не оставим. Старший брат наш и вправду много выпил. Но мы, на собственных спинах, доставили его к дому. Тут нам и встретился Младший Сунь. Все это истинная правда, госпожа! Вот мы и поручили брата Суню Младшему, чтобы тот бережно донес его до постели. Мы ведь тоже были пьяны и совсем выбились из сил, — путь-то был длинный. Впрочем, что это мы?! Вы все сами знаете от Суня Младшего. Он ведь шел от вас сейчас по улице?

Сунь. А я что говорю?! Мои братцы — люди достойнейшие! Пойдем сегодня в кабачок «Семейство Ли» и снова выпьем.

Лю и Ху. Вот увидите, тетушка: если наш брат снова напьется, мы его обязательно принесем, сил своих не пожалеем! *(Уходят.)*

Ян Мэй-сян. Мой юаньвай слепо верит двум мерзким прохвостам. А младшего брата то и знай бьет или бранит. И никак его не образумить — слушать не хочет! Но сегодня я, кажется, нашла выход и образумлю юаньвай во что бы то ни стало!

(Декламирует.)

Только единым живительным соком напившись,
Могут две ветки на дереве жить без печали.

Мудрость нужна и смекалка, чтоб тяготы жизни
Люди, стремясь к благоденствию, одолевали.

Жены издревле, являя в супружестве верность,
В доме делами семейными так управляли,

Чтоб посторонние сплетней досужей и глупой
Да пересудами дом и семью не пятнали.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

На сцене появляется Ян Мэй-сян.

Ян Мэй-сян. Сегодня мой юаньвай опять пошел пьянствовать. Соседка, бабушка Ван, обещала мне продать собаку. *(У двери соседки.)* Бабушка Ван дома?

Бабушка Ван *(за дверью)*. Кто там стучится? *(Открывает.)* А! Это госпожа Сунь! Столь драгоценная гостья — и в моем пичтожном жилище! Какое дело привело вас ко мне?

Ян Мэй-сян. Бабушка, я не потревожила бы тебя без дела. Ты обещала продать мне собаку. Я как раз пришла за ней.

Бабушка Ван. Это можно, госпожа. Бери на здоровье!

Ян Мэй-сян
(говорит нараспев)

Проделка хитрая
В моем уме созрела.
Возьмусь решительно
Сегодня же за дело.

Бабушка Ван
(говорит нараспев)

Богатым соседям
Собака во двор — благодать.
Когда бы не бедность,
Не стали бы мы продавать.

(Отдает собаку Ян Мэй-сян.)

Ян Мэй-сян возвращается домой.

Ян Мэй-сян. Отрублю собаке голову и хвост, натяпу на нее одежду, нахлобучу шляпу и брошу около задних ворот. Передние же закрою на замок. Юаньвай наверняка пойдет через задние ворота. Посмотрим, что он будет говорить, когда увидит это чучело! Не поздоровится в этот вечер юаньваю от моего замысла!

Сунь в сопровождении Лю Лун-цина и Ху Цзы-чжуаня возвращается домой.

Лю и Ху. Сегодня наш брат слова напился. Мы, два его верных спутника, проводили юаньвая до дому.

Сунь. Дальше меня не провожайте, дорогие братцы. Я не так уж сильно пьян. Сам войду в дом. Спасибо вам за все, а завтра приходите пораньше.

Лю и Ху. В таком случае, брат, уж мы дальше не пойдем. *(Уходят.)*

Сунь. Ушли мои братцы. Жена закрыла сегодня передние ворота. Придется войти в дом через задние. *(Спотыкается и падает.)* Обо что это я споткнулся? Ну-ка, погляжу... *(Вглядывается.)* Ай-ай-ай! Человек! Это, вероятно, наш приемыш. Видать, выпил не в меру и завалился тут спать. *(Толкает.)* Эй, вставай! А он и не двигается! *(Ощупывает тело.)* Его, наверно, вырвало, и я обе руки измарал. Пойду-ка на свет и при луне посмотрю, в чем я измался... *(Смотрит и вскрикивает от испуга.)* Что такое? На руках — кровь! Убийство! А кто убил? *(Стучит в дверь.)* Жена, отвори скорее!

Ян Мэй-сян открывает, в дом входит перепуганный Сунь.

Ян Мэй-сян. Почему так встревожен коаньвай?

Сунь. Жена! Я выпил вина и возвратился домой. Подошел к задним воротам. И — кто бы мог подумать? У ворот убитый лежит! Жена! Я — сын хороших родителей, а завтра соседи поволокут меня в суд. Разве я выдержу пытки? Уж лучше сразу удавлюсь!

Ян Мэй-сян. Не надо так волноваться, коаньвай! Мы с тобой знаем, что у тебя есть два верных братца. Ты их и кормил и одевал. Они же перед Небом клялись, что будут тебе друзьями до смертного мига. Ты еще повторял их слова: братцам будет худо — старший брат выручит; старший брат попадет в беду — братцы выручат. Так ведь? Сейчас ты в беде. Значит, им нужно доказать верность клятве. Сходи-ка к ним потихоньку да попроси унести труп подальше от ворот нашего дома. Пусть они закопают его где-нибудь. Разве не правильно я говорю?

Сунь. Все правильно, жена. Пойду к ним. *(Подходит к дому Лю Лун-цина.)* Вот и дом Лю Лун-цина. *(Стучится в ворота.)* Братец дома?

Лю Лун-цин. Кто это в неурочный час стучится ко мне?

Сунь. Твой старший брат Сунь.

Лю Лун-цин. Ах, это вы, старший брат! Сейчас открою ворота. *(Открывает.)* Проходите, пожалуйста, в дом, старший брат! Жена приготовила бобы с чесноком, может быть, отведаете вместе со мной?

Сунь. Ничего, не беспокойся. У меня срочное дело. Один человек жестоко обидел меня.

Лю Лун-цин. Я, ваш младший брат, своей горячей кровью поклялся быть верным другом! Кто посмел обидеть моего старшего брата?

Сунь. В том-то и беда, что не ведаю. А пришел я попросить тебя об одной услуге. Только не перебивай меня. Я знаю, что ты меня не выдашь.

Лю Лун-цин. Конечно же, я ваш младший брат, человек надежный!

Сунь. Сегодня, когда мы разошлись после выпивки, вы с братцем Ху Цзы-чжуанем пошли по домам, а я направился к задним воротам своего дома. Подошел — и наткнулся на труп. Кто-то у моих ворот убил человека! Вот я и хочу попросить тебя отнести труп подальше и закопать его.

Лю Лун-цин *(в сторону)*. Этого еще не хватало! Сам убил человека, а я тащи его куда-то? Подумают, что я и убийца! *(Обращается к Суню.)* Будьте спокойны, старший брат! Услышав ваш взволнованный голос, я выскочил в одном исподнем. Вы подождите меня здесь, у ворот, а я пойду и оденусь.

Сунь. И потом вернешься?

Лю Лун-цин. Тотчас вернусь! *(Скрывается за воротами.)* Закрою-ка я ворота на засов, а вы, мой старший брат, послушайте стихи, которые я прочту нарочно для вас:

Не скрою, старший брат хитер,
Но ведь и я же не дурак;

Пусть душегуб ты, пусть ты вор —
Не попаду с тобой впросак.

Кому-то ты вспорол живот
И думаешь, что братец глуп:

Оттащит от твоих ворот
И сам зароет ночью труп.

Сунь. Лю Лун-цин отказался помочь мне. Пойду к Ху Цзы-чжуаню. *(Стучит в дверь.)*

Появляется Ху Цзы-чжуань.

Ху Цзы-чжуань. Это кто стучится?

Сунь. Это твой старший брат Сунь.

Ху Цзы-чжуань. О, старший брат! А я могу прочитать вам одно стихотворение, а потом открою дверь. Или сначала открыть, а потом прочитать?

Сунь. У меня к тебе срочное дело. Нет времени слушать стихи. Открывай дверь.

Ху Цзы-чжуань. Раз такое дело, буду открывать дверь и одновременно читать. Слушайте!

На ночь глядя что за срочные дела,
Что за спешка гостя в дом мой привела?

Для визитов время позднее теперь,
Но стучится юаньвай упрямо в дверь.

Я давно у братца старшего в долгу,
В чем могу, ему, конечно, помогу,

Все исполню — я сговорчив и не скуп,
Разве только не возьмусь припрятать труп!..

(Открывает дверь.) Старший брат, проходите и присаживайтесь. Вы знаете, что я беден, а сейчас глубокая ночь. И не только виша — даже чаю сейчас не достанешь!

Сунь. Не до угощений мне сейчас, братец! Я пришел попросить тебя об одной услуге. Только не бери примера со своего брата Лю Лун-цина.

Ху Цзы-чжуань. А мы с ним вовсе не от одного отца и матери: он сам по себе, я — сам по себе. Что же за дело? Я всегда к вашим услугам — могу в воду, могу в огонь.

Сунь. Вот видишь ли, около задних ворот моего дома кто-то убил человека. Прошу тебя, братец, отнеси труп куда-нибудь подальше и закопай.

Ху Цзы-чжуань (в сторону). Он говорит, что убил одного, — вполне возможно, что и десятерых: теперь ему не хватает серебра, чтобы откупиться! Хочет, чтобы всю вину я взял на себя. (Суню.) А что в ответ на вашу просьбу сказал Лю Лун-цин?

Сунь. Он отказался. Поэтому я и обратился к тебе.

Ху Цзы-чжуань. Ах, так? Будьте спокойны, старший брат! Я — не Лю Лун-цин! Тот пройдоха нарушил слово верности! Сегодня старший брат в беде. Если младший брат не выручит, значит, он вовсе и не брат!

Сунь. Ты прав, братец. Только давай поторопимся.

Ху Цзы-чжуань. Не тревожьтесь! Подумаешь, всего один труп. Было бы десять — я бы и десять унес! У меня в доме есть холстяной мешок. Пойду его возьму, а если спросят, зачем беру, скажу, что надо отнести сено юаньвай Суню, хорошо?

Сунь. Согласен! Выноси скорее мешок! (Выходит.)

Ху Цзы-чжуань (*закрывает за ним дверь на запор*). Ты убил человека, а меня подговариваешь относить да закапывать!

(Декламирует.)

Как же Старший Сунь свершить такое мог?
Да ведь это преступление, браток!

То-то в доме у него теперь хлопот:
Труп неприбранный откуда у ворот?!

Хлопочи — не хлопочи, а все равно
Правосудия избежать мудрено.

Ночь пройдет, и не твоя уж будет власть,
Оставаться ли в живых или пропасть.

Сунь. Оба мои братца отказались помочь мне! Ой-ой-ой!
Остается только умереть!

Появляется Ян Мэй-сян.

Ян Мэй-сян. Не убивайся, юапвай! Не хотят эти два пегоя убрать труп — без них обойдемся! У тебя же есть родной брат — Сунь Младший! Обратись к нему за помощью.

Сунь. Между мною и братом — пропасть, мы — как солнце и луна. И бил я его и ругал. И никогда не сказал ему сердечного слова! Теперь я попал в беду, и если попрошу его помочь, он, конечно, не захочет оказать мне услугу... Да мне и стыдно обращаться-то к нему...

Ян Мэй-сян. Не убивайся так, юапвай! Мы вместе попросим его о помощи. (*Уходят.*)

На сцене — Сунь Чун-эр.

Сунь Чун-эр. Недавно я, Сунь Чун-эр, движимый самым добрым чувством, принес пьяного брата домой. А брат ни за что ни про что ударил меня. Брат мой! Ну, как ты не поймешь, что мы с тобой — одной плоти, одной крови!

(Декламирует.)

Видано ль где, чтобы кровные братья
Размежевались, как небо с землей?

Братские узы порушить — нарушить
Матери нашей могильный покой.

Ты не отказывал двум проходимцам
В ласке, в одежде, в еде и в вине,

Только о брате ты вовсе не думал,
Ты не заботился лишь обо мне.

(Поет.)

На мотив «Цветущая ветка» в тональности «пьянью»

Солома в окнах и дверях —
вот какова моя лачуга!..
Здесь не нарушит тишины
ни смех, ни даже голос друга.
Хруст глины жженой под ногой
да треск обломков черепицы...
Нет, вешним солнечным лучом
жилье мое не озарится.
Пусть хор свирелей зазвучит —
увы, им отклика не будет.
Но ветерок донес в почи
звук, что меня внезапно будит;
Соломой старой зашуршал,
и в то же самое мгновенье
Дрожит в светильнике огонь,
колеблется от дуновенья.

(Прислушивается.)

Нет!.. Я все так же одинок.
Луна сияет ночью звездной.
А востер западный жесток —
промоглый, ледяной, морозный.

На мотив «Седьмая песня из Лянчжоу»

Я — новоявленный Фань Дапэ:
без денег жить куда как скверно!
Сравниться с Чэнь-Туанем мне —
и то бы нелегко, наверно...

Все безысходнее печаль,
я болен от забот и горя.
Вокруг меня совсем темно,
и рябь какая-то во взоре...
А в животе моем гремят
от голода раскаты грома —
Мне, Сунь Чун-эру, с давних пор
жизнь впроголодь, увы, знакома.
Пусть славен будет старший брат
на десять тысяч поколений,
Но младшему зачем терпеть
поток обид и оскорблений?!
Отец и мать — одни у нас,
я человек, а не букашка,
Однако каждый день и час
то плачу, то вздыхаю тяжко.

Входят Ян Мэй-сян и Сунь.

Сунь. Жена, уж постучи в дверь ты, а то мне стыдно перед младшим братом.

Ян Мэй-сян. Хорошо. Коли ты не решаешься, постучу сама. *(Стучит.)* Сунь Младший, открой дверь!

Сунь Чун-эр
(продолжает петь)

На тот же мотив

Чей голос слышится в ночи,
кто в поздний час ко мне стучится?

Ян Мэй-сян. Скорее же!

Сунь Чун-эр
(продолжает петь)

На тот же мотив

И не мужчина... Как могла
под дверью женщина явиться?

Ян Мэй-сян. Сунь Младший, открой дверь! Это я, твоя сестра...

Сунь Чун-эр
(продолжает петь)

На тот же мотив

Никак, сестрица там стоит?
Замужняя! Одна!! Средь ночи!!!
Что привело ее сюда?
Она ж сама себя порочит!

Сестрица, время за полночь! Годится ли мужней жене приходить в чужой дом об эту пору?

Ян Мэй-сян. Открой, Сунь Младший. Ведь я же твоя родственница, твоя сестрица Мэй-сян. Не бойся!

Сунь Чун-эр. Я, Сунь Чун-эр...

(Поет.)

На мотив «Гэ вэй»

Я ощущаю сил прилив подчас,
а то вдруг вялость в теле, расслабленье.
Казалось мне, что свет в душе погас,
внезапно наступило просветленье.

Надо бы открыть дверь и впустить ее, да ведь это нарушение приличий, и когда брат узнает, что я впустил в дом женщину, он наверняка меня изобьет.

Ян Мэй-сян. Открывай, Сунь Младший, да поскорее! Я пришла по просьбе твоего старшего брата, у меня важное дело.

Сунь Чун-эр
(поет)

На тот же мотив

Сегодня брат прислал вас по делам,
а завтра придирается станет шибко...
Сестрица! Ночью вы к моим дверям
пришли, быть может, просто по ошибке?

Ян Мэй-сян. Нет, не по ошибке!

Сунь Чун-эр
(продолжает петь)

На тот же мотив

Согреться я не мог — я мерз всегда,
с тех пор, как был поставлен на колени.

Знакомы мне и горе и беда,
Судьба плачевна, бесконечны пени.

Ян Мэй-сян. Я же пришла не одна. Твой старший брат тоже здесь.

Сунь Чун-эр. Почему же вы сразу не сказали? (*Открывает дверь, падает на колени.*) Не бей меня, брат!

Сунь. Встань, встань, младший брат!

Сунь Чун-эр. Что за дело привело вас ко мне поздною ночью?

Ян Мэй-сян. Чун-эр, около наших задних ворот убитый человек. Мы просим тебя отнести его куда-нибудь подальше от дома и зарыть.

Сунь Чун-эр. Ох, что вы говорите, сестрица. Виданое ли это дело! Почему же старший брат молчит?!

Ян Мэй-сян (*к Суню*). Юаньвай, скажи младшему брату. Видишь, бояться нечего.

Сунь. Скажи я ему хоть слово, он, пожалуй, тотчас от меня отвернется.

Ян Мэй-сян. Не таков твой младший брат, чтобы отвернуться от братниной беды.

Сунь. Послушай, братец... Твой старший брат с вечера опять пил вино, вернулся поздно, пришлось входить в дом через задние ворота. Вдруг — вижу, убитый лежит. Просил я этих двух пегодяев, Лю Лун-цина и Ху Цзы-чжуаня, отнести труп, так они не пожелали. Нас же с тобой роднят братские чувства — мы вскормлены молоком одной матери... Ты меня не выручишь — кто же тогда выручит?

Сунь Чун-эр. Да, такая уж у тебя судьба. Но ведь ты же из порядочной семьи. Как можно допустить, чтобы тебя подвергли допросу в суде по уголовным делам! А твои приятели-предатели хороши, печего сказать, но ты сам виноват! Ты их кормил и одевал, а они не захотели выручить тебя в трудный час. И вот ты просишь, чтобы труп убитого отнес я. Что ж, мы вместе пойдем в присутствие...

Ян Мэй-сян. Пожалей хоть меня Чун-эр! Не сердись.

Сунь. Да, Чун-эр, виноват во всем я. Не гневись на меня, братец!

Сунь Чун-эр
(поет)

На мотив «Браню милого»

К власти, к богатству ты, брат мой, привык,
Ох, как нелегок твой нрав!
Ты человека, должно быть, убил,
Гнева, увы, не сдержав.
Если к ответу тебя привлекут,
Казни жестокой потребует суд.

Сунь. Да разве могу я загубить человека! Какая жестокая обман!

Сунь Чун-эр
(поет)

На мотив «Тронут монаршей милостью»

Ты возмущен, ты громко сетуешь:
ах, невиновен, ах, обижен!
Иголкой в сердце, ячменем в глазу
считал меня — и сам унижен!
Как временами слезы жгучие
всю душу мне огнем сжигали!
Но, пьянствуя с двумя прохвостами,
об этом думал ты едва ли.
Ты посетил мое убежище,
чтоб я, несчастный и гонимый,
Помог тебе теперь избавиться
от пагубы неотвратимой.
Тебе скрутить бы руки за спину,
без церемоний взять за ворот
Да отвести тебя, преступника,
в судебную палату, в город!..

Яп Мэй-сян. Братец, прости юаньвая, не будь таким сердитым...

Сунь Чун-эр
(поет)

На мотив «Песнь сборища чая»

Как не испытывать родственных чувств
К вам, дорогая сестрица!
Но наказания не избежать,
Видимо, старшему брату.
Брат и сестрица! Ну, чего вы бонтесь?

Сунь. Как же тут не бояться?

Сунь Чун-эр. Ты хочешь, чтобы я простил тебя?

Сунь. Да! да!

Сунь Чун-эр. Тогда не волнуйся более и ничего не бойся!
Я все возьму на себя!

(Продолжает петь.)

На тот же мотив

Из Бяньлячэна я вынесу труп,
Вас же прошу не страшиться,
Даже когда поведут меня в суд,
В страшную эту палату.
Пусть хоть пытаются — я, брата любя,
Дело всецело приму на себя!

Все подходят к дому Суня Старшего.

Ян Мэй-сян. Вот здесь он лежит.

Сунь Чун-эр
(поет)

На мотив «Застава пастуха»

Кто мне скажет, что случилось у ворот?
Может, пьяная затеялась тут драка?
Кто их знает... А итог, однако, тот,
Что лежит мертвец, какдохлая собака.

Уже светает, сестрица. Давайте я понесу.

(Продолжает петь.)

На прежний мотив

Что за пса несу в мешке я на спине?
Руки это или лапы — думай всяко...
Тут вот рот иль чья-то пасть — неясно мне.
То ли это человек, то ли собака?

Почему собачьей шерстью труп оброс?
Человек — а пахнет псиною, однако.
Псовьи мухи налетели... Вот вопрос:
Что он делал тут, негодная собака?

А удар смертельный этот кто нанес?
Топором или ножом? Решай двояко...
Фу, зловоние какое!.. Вот вопрос:
А за что пропал он все же, как собака?

Совсем посветлело. Надо скорее отнести эту падаль.

На прежний мотив

Люди, псы ли были братья у него?
Дети блуда, от законного ли брака?
Молод, стар ли он — не знаю ничего.
Человек он иль паршивая собака?

Как он вел себя, собачо-человек?
Был тихоня он? А может забияка?
На хозяина ль трудился целый век?
Был он подлым или верным, как собака?

Но кого же скроет мерзлая земля —
Догадаешься ль под пеленою мрака?
Мир лишился суки или кобеля?
И достоин ли он памяти, собака?

Был он, видимо, разбойником лихим,
Хоть и нет к тому особенного знака.
Мерзкий пес! Доколе мне возиться с ним?
Нет сомненья, что разбойник он, собака.

Вот я и добрался до дамбы на реке Бяньхэ. Зарою труп в безлюдном месте. И запомню это место. Когда нужно будет доказать невиновность, припомню его. А теперь пойду домой...

В доме Суня.

Я н Мэй-сян. Устал, братец, утомился... Надень-ка эту куртку.

Сунь (*сердито*). Какую ты ему даешь куртку?

Я н Мэй-сян. Как какую? Старую, конечно...

Сунь. Дай моему младшему брату новую куртку!

Сунь Чун-эр. Боюсь, стоит опять заявиться этим двум пегоям, и брат снова проникнется к ним верой.

(Поет.)

Заключительная ария

Мерзавцы! Словно в два гнилых колодца,
В пих то вино, то чай без меры льется.
Их уподоблю я бездонной яме:
Что в ней пропало — все мы знаем сами.
Ты братьями считал их? — Заблужденье!
Затмение по причине самомнения.
Рассеялось, однако, наважденье,
Пришло к тебе иное озаренье:
Ты тратился — прохвостам на потребу;
Одаривал — поклоны били Небу;
Имея власть, добро б творить кому-то,
Но ловко ею пользовался плуты;
Ты пировал — и видел только лица,
За счет чужой готовых поживиться;
Ты пьян бывал, а проходимцы рады.
От пьяного щедрей идут награды;
Шатался ты, бывало, по притонам —
И тут была пожива пустозвонам.

Сунь. Отныне я никогда больше не стану якшаться с этими прохвостами!

Ян Мэй-сян. А я вспомнила вот какие стихи.

(Декламирует.)

Запахнувший было среди плевел — о, чудо! —
раскрылся прекрасный цветок наконец.
Напев безмятежный я слышу откуда?
О, это созвучие братских сердец!

Сунь Чун-эр

Окончание заключительной арии

Когда б все было так, как говорится
В стихах, что прочитали вы, сестрица,
О госпоже, что дерево вырастила,
Которое детей ее стыдило!..
Семь поколений предков встань из гроба,
Но ты, мой брат, не слушал никого бы!

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Сунь Чун-эр. Сегодня старший брат поручил мне при-
смотреть за закладной лавкой. Посижу-ка.

Появляются Лю Лун-цин и Ху Цзы-чжуань.

Лю и Ху. Вот уже два дня юаньвай Сунь не выходит из дома. Не уважает нас. Наверно, потому, что той ночью мы не согласились унести труп от его ворот. Он убил человека, а хотел свалить вину на нас. Надо его отыскать сегодня. *(Стучатся в дверь.)* Юаньвай Сунь! Вы почему не выходите за ворота?

Сунь. Я боюсь вас. Не решаюсь выходить из дома.

Лю и Ху. Вы убили человека. Куда вы спрятали труп? Мы должны вместе с вами отправиться к судье.

Сунь. Не надо шуметь, власти могут услышать. И вообще, что это на вас нашло?

Сунь Чун-эр. Вы, бездельники и негодяи, потеряли стыд и совесть! Да если бы я не выручил брата, кто бы его тогда выручил?

Лю и Ху тянут Суня в суд.

Сунь. Я вам вынесу денег, только пощадите меня...

Сунь Чун-эр. Ни в коем случае не делай этого, брат! Будем считать, что человека убил я, и судиться с этими двумя разбойниками буду тоже я!

Лю и Ху. Все понятно! Убийство — это дело рук их обоих!

Сунь Чун-эр
(поет)

На мотив «Белая бабочка» в тональности «чжунлюй»

Вымогатели,
В грехах нас уличая,
Обвиненья предъявляют
Очень грозно.
Ты ж за это время,
Что идет на чашку чая,
Дважды, трижды
Попросил пощады слезно.

Не мужчина ты, скажу тебе,
А просто...
Презирай
Все эти подлые уловки,

Пусть потешатся немного
Два прохвоста,
Пусть звучат в суде
Нелепые издевки.

Пусть подумают:
«Сунь Старший побоится!»
Преступление небывалое
Навяжут...
Ложь ли даст
Неправой силе укрепиться?
Нет, лжецов она
Как следует накажет!

На мотив «Опьянен весенним ветром»

Не обращай вниманья никакого
На посторонних, брат. Гони их прочь!
Твой младший брат, тебе даю я слово
Во всем, коли доверишься, помочь.

Ответчик — я, и мужества мне хватит
Пойти прямой дорогою в Юньян.
За брата брат и животом заплатит,
Навет разоблачая и обман.

За доброту, что ты являешь брату,
В ответ одну лишь преданность найдешь.
Бегом, «истцы», в судебную палату!
Покажет суд, где правда, а где ложь.

Лю Лун-цин. Человеческая судьба зависит от воли Неба,
от него зависит и то, чьей голове лететь. Пойдем с тобой в присутствии по уголовным делам. Представим суду обвинение.

Ху Цзы-чжань. Брат Лун-цин! А ведь если бы юаньвай вынес три тысячи лянов серебра, мы бы его, пожалуй, простили...

Уходят.

Входит «вай» в роли Ван Ю-жаня.

Ван Ю-жань
(говорит нараспев)

Муж, и правдивый и прямой,
не ищущий казны богатой,—
Лишь он и должен управлять
судебной, цензорской палатой.

Чист, как вода, я, и мои
решения неоспоримы.
Я всех виновных осужу
и накажу неотвратно.

Моя фамилия Ван, имя Ю-жань. Я — начальник судебной палаты южного ямыня при управе города Кайфэна. Ныне на троне утвердился государь великой Сунской династии Жэнь-цзун. Я недавно возвратился из пограничных войск и вот сегодня буду разбирать судебные дела. Служители, объявите о начале присутствия.

Входят истцы и ответчики, становятся на колени.

Истцы, встаньте по правую сторону, ответчики — по левую. Какие распри возникли между вами? Не поделили вы тутовые деревья или спорите насчет земельных участков? Может быть, допущена несправедливость при разделе имущества? Говорите медленно, не торопясь, — я слушаю вас.

Лю Лун-цин. Ваша милость, я — истец, а вот он — ответчик. Это юаньвай Сунь, очень богатый господин. С нами, двоими бедняками, он заключил союз о братстве. Однажды, после крупной попойки, он возвращался домой и в винном угаре убил человека. Он просил, чтобы я вместо него отнес от ворот его дома труп. Но как же, как же я мог нарушить закон и увести труп?! Таково дело.

Ван Ю-жань. Беззаконное дело! Мыслимо ли совершать убийства в нашем совершенном и спокойном мире!

Сунь. Я не виноват в убийстве! И действительно, я возвращался домой пьяный. И увидел около задних ворот своего дома убитого человека.

Ван Ю-жань. Вот ты сам и признался в преступлении! Если ты не убивал, как же труп убитого оказался около задних ворот твоего дома?

Сунь Чун-эр. Ваша милость! Не верьте этому негодяю Лю Лун-цину.

(Поет.)

На мотив «Туфли с красным узором»

Так дело повернул истец
и факты так он изложил,
Что ясно: все его слова
основаны на явной лжи.
Сужденья древних мудрецов
истцу, конечно, не пример;

К тому же этот человек —
 бездельник, вор и лицемер!
Наносит в спину он удар
 невинному из-за угла.
Необходимо, чтобы ложь
 судом развенчана была!

Лю и Ху. Это говорит младший брат юаньвая Супя. Они оба и совершили убийство.

Ван Ю-жань. Почему ты вместе со старшим братом пошел на убийство? Лучше признай свою вину!

Сунь Чун-эр. Ваша милость, выслушайте меня, ничтожного!

(Поет.)

На мотив «Цветы граната»

Присягну, в Бяньлячэне они проживают,
Тупеядствуют оба. Их жизнь такова,
Что в друзья не годятся они юаньваю,
Не имеют они с юаньваем родства.
Но, прикинувшись «братьями» и «добряками»,
Залезали они к юаньваю в карман,
В кабаках и веселых кварталах с друзьями
Юаньвай сплошь да рядом не в меру был пьян.
Струны циня звенели, им вторила флейта...
Так семью разорял, веселился мой брат;
Приходили и пили с ним плуты с рассвета,
А теперь — в преступлении тяжком винят.

Лю Лун-цин. Оба мы ученые сюаки. Нелепо утверждать, что мы зарились на его имущество. Можете спросить о нас у кого угодно в Бяньлячэне и в округе!

Ху Цзы-чжуань. У меня тоже не было причины ссориться с юаньваем. До тех пор, пока я не узнал, какое преступление он совершил, подняв руку на человека и сделавшись убийцей.

Ван Ю-жань. Так, значит, твой брат действительно совершил убийство?

Сунь Чун-эр. Нет, брат не виноват в этом преступлении. Все это преднамеренная клевета двух прохвостов. А цель у них одна — вымапить деньги.

(Поет.)

На мотив «Дерутся перепелки»

Плуты, любители легкой поживы,
Вы прихлебательством только и живы.
Можете влезть человеку в доверье,
Что вы ни скажете — сплошь лицемерье.
Книги ли Песен прочтете вы строки?
Вам ли усваивать Мэн-цзы уроки?
Если глядите вы — злобно и косо.
Если вы пишете — только доносы!
Уши стыдятся речей сумасбродных.
Изображаете вы благородных.
Тщетно! Ведь суд все равно разберет,
Вы просвещенные люди иль сброд.

Оба они обманом вытягивали у старшего брата деньги. Когда же настал этому предел, они озлились и составили ложный донос!

(Поет.)

На мотив «Поднимаюсь на башенку»

Слово Правды — его не продашь,
Слово Чести — его не убьешь,
А у вас что ни слово — то блажь,
А у вас что ни слово — то ложь!
Сколько б вы ни болтали зазря,
Что вступаетесь, мол, за мораль,
К добронравью стремленьем горя,—
Вам притворство поможет едва ль...
Кулаками стучите вы в грудь,
Всем морочите головы... Но
Вам поспрашиван Правды отнюдь
Свой навет доказать не дано!
Доведется отведать вам палок —
Будет вид ваш плачевен и жалок.

Теперь вам остается только одно:

(Продолжает петь.)

На прежний мотив

Вечно служит вам бойкий язык
Утверждению сплетни и лжи.
Не скрывайте ж ваш истинный лик:
Мы ученые, дескать, мужи!

Вань Ю-жань. Значит, Сунь не сознается! Слуги, принесите большую палку и задайте ему как следует.

Суня бьет палкой, Сунь Чун-эр загораживает брата.

Сунь Чун-эр. Брат не виновен! Я желаю держать ответ за него.

(Поет.)

На мотив «Одинокий»

Родные братья, вместе мы
Ответ держать должны.
Как нити шелковые, с ним
Мы вместе сплетены.
Из корня одного выросли,
Как волосы в хвосте.
Пусть судит справедливый суд
О нашей правоте.

Ван Ю-жань. В таком деле без палок признания не добьешься. Слуга! Продолжай бить большой палкой, да как следует!

Сунь. Я уважаю закон. Мог ли я быть убийцей?

Сунь Чун-эр. Старший брат невиновен, судите меня!

Ван Ю-жань. Если и младший брат в том же деле замешан, припеси, слуга, малую палку.

Ян Мэй-сян *(вбегает в помещение суда)*. Ваша милость! Умерьте пыл, погасите гнев! Позабудьте злобу, порожденную шакалом и тигром. В этом деле не повинны ни Сунь, ни его брат Сунь Чун-эр. Все это сделала я, низкая женщина.

Ван Ю-жань. Так! Выходит, что жена замешана в преступлении мужа. Это усугубляет его вину. Если б он один все совершил, еще могла бы идти речь о смягчении наказания. Теперь смертный приговор неминуем.

Ян Мэй-сян. Ваша милость! Издревле человеческие судьбы подвластны воле Неба и Земли! А я спрашиваю, почему же нет родственников убитого человека, а вместо них выступают здесь два отъявленных прощелыги? Вот что я хочу сказать суду. Семья Суней живет в городе Бяньцзине. Глава семьи Сунь Старший. Зовут его также Сунь Жун. У него есть брат Сунь Младший, которого зовут также Сунь Хуа. Они кровные братья. Родители у них давно умерли. Из-за наветов двух мерзких сплетников Сунь очерствел сердцем и изгнал брата из дому, и тот ютится теперь в за-

брошенной гончарне, что в южном предместье. Эти прохвосты отрывали Суня Старшего от дела, тянули его к беспутной жизни. Хозяйство зашаталось. Когда юаньвай встречался с младшим братом, он то и знай бранил его безвинно, а нередко и избивал. Я пыталась увещевать — напрасно. Тогда я решила во что бы то ни стало помирить братьев. Десять лет кряду ежевечерне зажигала я благовонные свечи, и вот однажды, когда я их зажгла, мимо курильницы прошла собака. Я узнала ее — собака принадлежала соседке, бабушке Ван. Я пошла к бабушке Ван и за пятьсот монет купила у нее собаку. Дома я отрубила ей голову и хвост, обрядила в платье, нахлобучила шляпу и бросила около задних ворот. В этот вечер юаньвай возвращался домой с очередной попойки и увидел там, как ему показалось, труп убитого человека. Он очень испугался, и я посоветовала ему попросить Лю Лун-цина и Ху Цзычуаня унести от дома труп. Оба наотрез отказались. Тогда мы пошли к Суню. Младшему и уговорили его унести этот труп. Он выполнил нашу просьбу и закопал его подле дамбы на берегу Бяньхэ. Если ваша милость сомневается в правдивости этих слов, то подтвердить мои показания может старуха Ван.

(Говорит нараспев.)

Да!
С юаньваем сущая беда!
Жаль, повернулся он спиной к родным,
Лицом к чужим.
Брат брата ни за что из дома гнал,
Бранил, ругал,
Порою избивая.
И слушать не желал он никого.
В доверье были у него
Два прихвостня — два негодяя.
И то дружки к нему,
То он к дружкам,
И днем и ночью — все по кабакам!..
...Дом разорял,
На ветер шли достатки,
Хозяйство наше уж давно в упадке.
И мне,
Его жене,
В конце концов
С концами не свести концов.
Будь дальше так —
И жить-то станет нечем...

Молилась я
И зажигала свечи...
Потом пришла на ум одна затея.
Худого ничего не разумея,
Хотелось мне
Вернуть супругу разом
И сердце доброе,
И разум,
Ну, а семье бывшее положенье.
Коль ваше есть на то соизволеньс,
Для целей
Справедливого дознанья
Соседка Ван
Дала бы показанья.
И стало б ясно всем к тому же:
На суд явилась верная жена.
А в чем ее вина?
Она,
Убив собаку, укротила мужа!

В а н Ю - ж а н ь. Но этого доказательства еще мало, чтобы судить...

Я н М э й - с я н. Раз ваша милость все еще сомневаетесь, пошлите кого-нибудь на берег Бяньхэ.

С у н ь Ч у н - э р. Когда я относил труп, мне показалось странным, почему от него так и разит псиной...

(Поэт.)

На мотив «Двенадцать месяцев»

Был труден дела этого разбор:
Здесь правда выставлялась на позор.
Задумался судья... Однако зло
Торжествовать над правдой не смогло.
Сестрица, брата старшего жена!
Прекрасна, словно ветвь в цвету, она:
Взяла на плечи хрупкие свои
И честь и благоденствие семьи.
И здесь конец истории о том,
Как в наше время борются со злом,
Что на семью обрушится порой,—
И кто наказан здесь, и кто — герой!

Ван Ю-жань. Однако, хотя дело обстоит и так, пусть слуга отправится к дамбе реки Бяньхэ и принесет в суд зарытый там труп убитой собаки.

Сунь Чун-эр
(поет)

На мотив «Песни времен Яо»

В зал, где ныне свершается суд,
Труп собаки сейчас принесут,
И пускай наконец прояснится
Тайный умысел умной сестрицы.
Не вздыхай же, о старший мой брат,
Повинись там, где ты виноват;
Ну, а где не вина, а обман —
Есть свидетельство бабушки Ван.
О почтенный судья! Ваша честь!
Милость вашу спешу превознести,
Но с решением, прошу, не спешите,
Не узнав подоплеку событий!

Слуга (*входит в помещение суда*). Докладываю господину судье. Вот собака, которую вы приказали принести.

Ван Ю-жань. Итак, два негодяя преступили закон. Каждый приговаривается к девяноста ударам палкой. После чего предписываю принудить их к полезному для народа труду. Сунь Жуи был нерадивым хозяином дома, вынудил родного брата жить отдельно, и его следовало бы приговорить к сорока ударам. Но жена его, урожденная Ян, добродетельная женщина, и потому он наказания не подлежит. На воротах города сделать надпись, прославляющую ее имя. Сунь Хуа утвердить в должности уездного чиновника степени сянь-лип.

(*Декламирует.*)

Наш закон — для праведников благо,
Наш закон — о мудрецах забота;

В Баньянчэне отыскались двое,
Что достойны славы и почета!

Всем воздал по истинным заслугам
Ван Ю-жань, рассматривая дело.

Обратите очи к государю,
Милость чья не ведает предела!

Сунь Чун-эр
(поет)

Заключительная ария

Выну я из собаки
Все кости и жилы,

Отделю ее шкуру
От мяса и жира,

И на улице
Чучело это повешу,

Чтоб всем низким оно
Устрашением было.

Главная сцена пьесы: «Сунь Чун-эр смело берет на себя вину».

*Полное название пьесы: «Госпожа Ян убивает собаку, чтобы
образумить мужа».*

ПИОНОВАЯ БЕСЕДКА

Фрагменты

ВСТУПЛЕНИЕ

Есть ли в Поднебесной среди влюбленных девушек равная Ду Ли-нян? Она как-то увидела во сне юношу — и заболела. Когда же недуг ее усилился до крайности, она собственной рукой нарисовала свой портрет, добавила надпись — и умерла. На ее счастье, через три года после смерти отыскался в безбрежном мире тот, кто ей снился, — и она воскресла.

Только таких, как Ли-нян, и можно назвать истинно любящими: у таких, как она, чувство возникает неведомо откуда и становится все глубже. Живой от него умирает, мертвый — воскресает. Если же живой не может от любви умереть, а мертвый — воскреснуть, то все это еще недостойно называться любовью.

Любовь, возникающая во сне, — разве она не может быть настоящей? Неужели для Поднебесной такая редкость впервые увидеть человека во сне? А когда говорят, что свадьбы совершаются только на циновке и подушке, что близкими становятся, лишь «повесив шапку» в доме невесты, — все это рассуждения только о внешней форме.

Поведавший мне повесть о наместнике Ду сравнивал ее с историей дочери Ли Чжун-вэня, правителя Уду, и сына Фэн Сюнцзяна, правителя Гуанчжоу, во времена династии Цзинь. Я же, слегка видоизменив этот рассказ, изложил его здесь. А испытание, которому правитель уезда Ду подвергает здесь студента Лю, в свою

очередь, похоже на проверку, которую хуэйянский ван учинил студенту Таню при династии Хапь.

Увы! Все, что происходит с человеком в течение его жизни, не может быть постигнуто за жизнь человека. И человек, не постигший даже себя, тщится разобраться в законах жизни! А потом еще берется толковать о том, для чего законов быть не может. Так откуда же ему знать, на что бывает способна любовь!

В год Вань-ли под циклическими знаками моу-суй осенью даос Цин-юань написал.

У наместника в области Наньян Ду Бао есть единственная дочь по имени Ли-нян. А в отдаленной части страны живет молодой студент Лю Мэн-мэй, который собирается ехать в столицу сдавать экзамены. Успешная их сдача сулит ему почетную должность на императорской службе.

Ду Бао, по традициям благородных семей, решает дать своей дочери классическое образование. Для этого он приглашает престарелого начетчика Чэнь Цзуй-ляна. Вместе с Ли-нян должна обучаться ее служанка Чунь-сян. Для начала отец и учитель договариваются взять древнюю «Книгу песен», каждое слово которой давно уже нуждается в пояснениях.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

ШКОЛА ДЛЯ ДЕВИЦЫ

Учитель Чэнь
(входит)

Прочту до конца и подправлю чуть-чуть
стихи о весне промелькнувшей.
Покончив с обедом, мечтаю испить
полднего чаю глоток.
На письменный столик заполз муравей,
бежит возле лужицы туши.
Сквозь дырку в окне залетела пчела
и к вазе спешит на цветок.

Перед вами Чэнь Цзуй-лян. Я, как говорится, раскинул свой шатер у начальника уездного управления Ду и обучаю барышню Ду «Книге песен». Старая госпожа удостоила меня приглашением, и сегодня я уже позавтракал. Дай-ка повторю хоть разок комментарии Мао.

(Читает.)

Гуань-гуань цзюй-цзю,
Цзай хэ чжи чжоу.
Яо-тяо шу нюй,
Цзюнь-цзы хао цю.

«Хао» значит «хороший», «славный». «Цю» — «пара», «жена». (Смотрит.) Времени уже немало, но не видно, чтобы моя ученица вышла в классную комнату. Верно, избалована донельзя. Дай-ка ударю три раза в юньбань. (Бьет в юньбань.) Чунь-сян! Пригласи барышню на занятия!

Ли-нян
(входит вместе с Чунь-сян, поет.)

На мотив «Объезжаю всю землю»

Наспех я кончила свой туалет,
Медленным шагом
лениво схожу в кабинет.
Очи мои ослепляет
в окна ворвавшийся солнечный свет.

Чунь-сян

Книга «Премудрое древнее слово»
Так надоела, что хоть помирай.
Только и думаешь: скоро ль
«Чай принесли», — закричит попугай.

Видят учителя.

Ли-нян. Долгое счастье вам, господин учитель.

Чунь-сян. Поменьше злитесь, господин учитель.

Чэнь. Что должна делать девушка? Едва пропоют петухи, она должна помыться, прополоскать рот, причесаться, заколоть шпильки, пожелать доброго утра родителям, а когда взойдет солнце, приниматься за свои дела. Поскольку ныне дело моей ученицы — ученье, она должна вставать пораньше.

Ли-нян. Я больше не буду...

Чунь-сян. Все понятно! В следующую ночь мы спать не будем и просим господина учителя прийти к нам в третью стражу.

Чэнь. Вы выучили то, что вам было задано вчера из «Книги песен»?

Ли-нян. Выучили. Теперь просим ваших разъяснений.

Чэнь. Читай!

Л и - н я н
(читает по книге)

Гуань-гуань цзюй цзю,
Цзай хэ чжи чжоу.
Яо-тяо шу нью,
Цзюнь-цзы хао цю.

Чэнь. Слушайте разъяснение. «Гуань-гуань цзюй-цзю». — «Цзюй-цзю» — это название птицы. «Гуань-гуань» — это ее крик.

Чунь-сян. А как она кричит?

Чэнь изображает крякающую утку. Чунь-сян передразнивает его.

Чэнь. Птица эта по натуре своей любит уединенные места. «Цзай хэ чжи чжоу». — «Цзай» значит «где-нибудь, у кого-нибудь». «Хэ чжи чжоу...»

Чунь-сян. А, все понятно. Не помню когда: то ли вчера, то ли позавчера, то ли в этом году, то ли в прошлом наши чиновники завели утку, а барышня ее выпустила, и она залетела прямо в дом Хэ Чжи-чжоу, начальника уезда.

Чэнь. Что за чепуха! Ведь это зачин!

Чунь-сян. Чего же они тут зачинают?

Чэнь. Зачин значит начало. После начала сказано: «Яо-тяо шу пуй», — это значит «одиноко живущая девушка». И вот один князь ее все время ищет...

Чунь-сян. А зачем он ее все время ищет?

Чэнь. Много болтаешь!

Л и - н я н. Господин наставник, ваша учепица сама может понять, что написано в комментарии. Я бы хотела, чтобы вы объяснили мне общий смысл «Книги песен».

Чэнь
(поет)

На мотив «Качаются рога»

Классических книг ровно шесть,
Но всех прихотливей узор «Книги песен».
О женских покоях она
содержит немало рассказов прелестных.
В одном Цзян Юань, например,
Рождает ребенка, зачав непорочно.
Жена не ревнует в другом,
И мудрость ее — назидание прочим.

Еще там поют петухи
И ласточки перья роняют,
Грустят, что река широка,
У берега Цзяна рыдают.
О нравах есть мудрые там поученья,
Полезные женам замужним реченья.

Ли-нян. Много ли в этой книге песен?

Чэнь. Там триста песен, и в каждом слове сокровенный смысл.

Любая из песен ее
Скрывает два слова: «Отвергни порок».
Дает она детям полезный урок.

Вот в чем содержание этой книги. Чунь-сян, подай «четыре сокровища дома литератора», будем учиться писать.

Чунь-сян (*подает*). Вот, все здесь: бумага, тушь, кисть и тушечница.

Чэнь. Это разве тушь?

Ли-пянь. Глупая девчонка все перепутала, принесла краску из сока улитки, брови подводить.

Чэнь. А это что за кисть?

Ли-нян (*смеется*). Это же тонкая кисточка для бровей.

Чэнь. В жизни такой не видел! Прочь ее, прочь! Что за странная бумага?

Ли-нян. Это «бумага для писем Сюэ Тао».

Чэнь. Уберите ее, уберите! Приносите только «бумагу Цай Луня». А это — тушечница? Здесь одна или две?

Ли-нян. Эта тушечница изображает уток-неразлучниц.

Чэнь. Почему на ней так много глазков?

Ли-нян. Это глазки-слезки.

Чэнь. О чем вам плакать? Немедленно замените ее.

Чунь-сян (*в сторону*). Вот старый болван! — Сейчас заменяю. (*Заменяет тушечницу*). Эта хороша?

Чэнь. Эта сойдет.

Ли-нян. Ваша учепица давно уже научилась писать. А вот Чунь-сян с трудом держит кисть.

Чэнь. Покажи, что ты умеешь.

(*Ли-нян пишет*).

Чэнь (*смотрит, пораженно*). Никогда в жизни не видал такого великолепного почерка! Что это за стиль?

Ли-нян. Это каллиграфический стиль. За тонкий узор линий его называют «Красавица, приколовшая цветок», родоначальница его — госпожа Вэй.

Ч у н ь - с я н. А я напишу в стиле «Рабыня подражает госпоже».

Л и - н я н. Еще рановато для тебя.

Ч у н ь - с я н. Господин учитель, разрешите выйти. Мне надо... — хи-хи! — поклониться табличкам предков. (*Уходит.*)

Л и - н я н. Разрешите спросить, сколько лет вашей почтенной супруге?

Ч э н ь. Вот-вот исполнится шестьдесят.

Л и - н я н. Ко дню достижения долголетия я выпью ей в подарок туфли. Дайте мне, пожалуйста, ее мерку.

Ч э н ь. Могу ли я так тебя затруднить! У Мэн-цзы сказано: «Если кто-нибудь делает туфли, не видел ноги...»

Л и - н я н. Что же Чунь-сян не идет так долго?

Ч э н ь. Позвать ее? (*Трижды зовет.*)

Ч у н ь - с я н (*входит*). Лихорадка тебе в бок!

Л и - н я н (*рассердилась*). Ты где была, негодная девчонка?

Ч у н ь - с я н (*хихикает*). Писать ходила. А ведь тут, за дверью присутствия, большой цветущий сад. Цветы яркие, ивы зеленые — просто удовольствие!

Ч э н ь. Ай-я-яй! Книжки забросила, отправилась в сад! Вот я возьму прут!

Ч у н ь - с я н. Зачем же вам прут?

(*Поет.*)

На тот же мотив

Да разве же девичье дело
Сидеть по ямыням, дела разбирая?
Достаточно будет, когда
кой-как иероглифы я намараю.

(*Встает.*)

Ч э н ь. В древности люди, когда учились, то, чтобы видеть ночью, собирали в мешок светляков, читали при отраженном свете луны...

Ч у н ь - с я н

Луны отраженного света
Для глаз только жабы одной и хватало,
В мешок светляков собирая,
Козявок несчастных раздавишь немало.

Ч э н ь. ...чтобы не спать, привязывали себе волосы к балке, кололи иглой колено...

Ч у н ь - с я н

Что? Волосы к балке? А кто же
Мне после прическу уложит?
Как это — колени колоть?
Ведь ноги короста покроет! —
Чем только прославились эти герои!

За сценой слышен голос продавца цветов.

Послушай, сестрица!

«Цветы покупайте!» — слышался крик,
А мы все бубним изречения из книг!

Ч э н ь. Так ты еще и барышню отвлекать! Я тебя и вправду
вздую! (*Бьет ее.*)

Ч у н ь - с я н
(*увертывается*)

Не бей!
Меня пожалей!
Ай! Ай! Ну на что эта школа похожа!
От страха скончаться преступница может!

(Вырывает у Чэня прут и бросает его на пол.)

Л и - н я н. Скверная девчонка! Как ты смеешь грубить учителю? На колени!

Чунь-сян становится на колени.

Господин наставник, снизойдите к ее первой провинности, освободите ее на этот раз от наказания.

(Поет.)

На тот же мотив

Пусть руки твои позабудут,
что можно лететь на качелях, как птица.
Пусть ноги твои позабудут,
что можно в саду по дорожкам носиться.

Ч у н ь - с я н. Да ты взгляни, что он со мной сделал!

Ли - ня н. Придержи язык!

Я эти болтливые губы
Печатью велю залепить восковою.
Я эти бесстыжие очи
За дерзости выколю острой иглою.

Чунь - ся н. Ну, я ослепну, а какой кому от этого будет толк?
Ли - ня н. Я требую:

Достань-ка бумагу и тушь,
Садись-ка за письменный столик.
Слова затверди «Книги песен»,
Учи, что Учитель ответил,
В ответах не смей ошибаться нисколько.

Чунь - ся н. А вдруг чуточку ошибусь?
Ли - ня н. Тогда я спрошу (*хватает ее за волосы*):

Не много ли выдрать придется волос?
Не много ли розга оставит полос?

Посмей только ошибиться!

Побойся хотя бы чуть-чуть
Хозяйку, за домом следящую строго,
О правилах наших подумай немного.

Чунь - ся н. Я больше не буду!

Ли - ня н. Да можно ли тебе верить?

Чэнь. Ну ладно, прощаю тебе на этот раз, вставай.

Чунь-сян встает с колен.

Заключительная ария

Конечно, не будет вовеки
на службе искать себе славы девица,
Но в школе с мальчишками ровень
обязана книги учить ученица.

На сегодня урок окончен. Теперь можете вернуться к себе, а я пойду побеседую с хозяином дома.

Все вместе. До чего же обидно здесь сидеть!

Светло за окошком, и солнечный свет
на шелк темно-красный струится.

(Чэнь уходит.)

Чунь-сян *(тычет пальцем в сторону Чэня, бранит его)*. Деревенский бык! Полоумный пес! Надоел до смерти!

Ли-нян *(останавливает ее)*. Скверная девочка! Ты же знаешь: «Кто один день был твоим наставником, до конца дней будет тебе отцом». Разве не стоило тебя наказать? — Я хочу спросить, где этот сад, о котором ты говорила?

(Чунь-сян не отвечает. Ли-нян, улыбаясь, повторяет вопрос.)

Чунь-сян. Вон он, вон там.

Ли-нян. А есть там красивые уголки?

Чунь-сян. Красивые уголки? Ну, несколько беседок, павильонов, есть и качели. Вьется речка, по которой можно пустить кубок с вином; на ней причудливые камни. Дивные цветы и необыкновенные травы воистину полны прелести.

Ли-нян. Так, значит, тут и вправду есть такой сад! Ну, пойдем домой.

За домом семейства Се во дворе
летают пушинки весной.

(Стих Ли Шань-фу)

Чунь-сян

Вот-вот расцветет на западе сад,
но бабочки нет ни одной.

(Стих Чжан Би)

Ли-нян

Весенняя грусть не знает границ,
кого спросить — почему?

(Стих Чжао Гу)

Вместе

Найдем же минутку, пойдем побродить
в зеленой прохладе лесной.

(Стих Чжан Ху)

Стихи из «Книги песен», неосторожно растолкованные учителем Чэнь Цзуй-ляном, пробуждают в душе девушки неясную ей самой тоску. Воспользовавшись отъездом Ду Бао, — он уезжает для того, чтобы «подбодрить земледельцев», начавших весенние полевые работы, — Ли-нян и Чунь-сян отправляются гулять по саду.

СЦЕНА ДЕСЯТАЯ

УДИВИТЕЛЬНЫЙ СОН

Ли-нян
(входит, поет)

На мотив «Объезжаю всю землю»

Иволга свищет — лишилась я сна.
В ярком сиянии
разбушевалась весна.
В дворике тихом
я в глубине притаилась одна.

Чунь-сян

Вот и курения все догорели.
Вовсе оставили мы рукоделье —
Мило нам в этом году
так же, как прошлой весной, безделье.

Ли-нян

Стихи на размер «Ворон кричит по ночам»

Я вдаль на заставу смотрю Мэйгуань,
приходит рассвет,
Сменяю ночной туалет.

Чунь-сян

А лучше бы ты из бумаги
подвески к весне для себя смастерила
И стала, склонясь на перила.

Ли-нян

Мне ножницы не разомкнуть,
Смятеньем наполнена грудь,
Печаль не могу одолеть.

Чунь-сян

Велела я иволгам — возле цветов
за нас на весну поглядеть.

Ли-нян. Скажи мне, Чунь-сян, а велела ли ты подмести дорожки среди цветов?

Ч у н ь - с я н. Да, я приказала.
Л и - с я н. Поддай мне зеркало и платье.

Ч у н ь - с я н
(приносит зеркало и одежду)

Хотя уложена туча-прическа,
от зеркала не отойти;
Хочу я тонкое платье смепить,
одежду свою надушить.

Ну вот, зеркало и одежда уже здесь.

Л и - н я н
(поет)

На мотив «Изящен каждый шаг»

Во дворик безлюдный занес ветерок
под солнцем блестящие нити —
Весны этой трепет
могу с паутиной сравнить я.
Я долго стою неподвижно,
Подвески — как будто в порядке...
И в раме зеркальной меж лилий резных
Ловлю я свое отражение украдкой.
Из тучи-прически
нечаянно выбилась прядь.

(Идет.)

Нет, бродя по своим душистым покоем,
едва ли смогу я
свою красоту показать.

Ч у н ь - с я н. Как хорошо ты сегодня нарядилась!

Л и - н я н
(поет)

На мотив «Пьяный возвращаюсь домой»

Пусть бы ты даже мне сказала:

«Тонкая алая кофта и юбка
прелести тела не скроют,
Шпильки в прическе украшены щедро
ярких камнейв игрою», —

И даже если бы было так:

Очарование это навек
мне небесами дано,—
Но любоваться расцветом весны
некому здесь все равно.

Что же остается? Чтобы, пораженные моей красотой,

Рыбы уплыли, гусь с неба упал,
птицы в саду закричали?

И бояться могу я только одного:

Месяц померкнет, цветы устыдятся,
дрогнут в ревливой печали.

Ч у н ь - с я н. Так пойдем же, а то уже время чай пить.

Идут.

Стихи

Ты взгляни!

Половина одна галереи резной
золотою мерцает пылью.
Весь окутался мхом павильон над прудом,
словно темно-зеленой фатой.
Проходи по траве — не запачкает грязь
твоих новых чулок кружевных.
Для любимых цветов раздается в саду
бубенцов перезвон золотой.

Л и - п я н. Не выйди мы в сад, разве мы увидали бы, как прелестьна весна!

(Поет.)

На мотив «Пестрый шелковый халат»

Пурпурная свежесть и алая юность
раскрылись весною.
А как хороши они рядом
со старым колодцем и ветхой стеною.
Столь дивного утра пленительный вид
когда еще видела я?
Отрадные мысли и радостный труд
семья обретет ли моя?

Какой чудесный вид! А ведь батюшка и матушка о таких вещах даже и не заговаривают!

Вместе

Рассвет разгорелся, багрянец бледнеет,
Окно зеленеет, а тучки алеют.
Дождя шелковишки и ветра лобзанье,
Узорная лодка на волнах в тумане.
Росли мы за ширмой — и вот пленены
весенней красы увяданьем.

Чунь-сян. Все цветы уже распустились, только для пиона
пора еще не пришла.

Ли-нян
(поет)

На мотив «Милая сестрица»

По горам темно-синим кукушкины слезки
зацвели алым цветом.
Эти чайные розы клубами тумана
словно пряжей одеты.

Ах, Чунь-сян!

Пусть пионы прекрасней цветов остальных,
До ухода весны
красота не раскроется их.

Чунь-сян. Иволги и ласточки все летают попарно.

Вместе

Вдаль глядит зачарованный взгляд.
Щебетание ласточек слышится там,
четко ножницы-крылья звенят.
Свою песенку иволги громко свистят,
облетая кругом этот сад.

Ли-нян. Идем же!

Чунь-сян. От этого сада невозможно отвести взгляд.

Ли-нян. Зачем об этом говорить.

(Идут.)

На мотив «Предварительная кода»

Нельзя отвести зачарованных глаз,
пленных цветением сада,

Но, может быть, видом террас и беседок
совсем любоваться не надо,
А лучше скорей возвратиться домой
и дни проводить без отрады.

Возвращаются домой.

Ч у н ь - с я н

Стихи

Отвори для меня
в павильоне на западе двери,
Приготовь для меня
в павильоне восточном постель.
В мою вазу поставь
с горных склонов кукушкины слезки
И в курильню добавь
благоговий из дальних земель.

Ты, барышня, отдохни здесь немного, а я пойду взгляну, как там хозяйка. *(Уходит.)*

Л и - п я н
(вздыхает)

В глубоком молчанье
гуляю весной без конца.
Хочу обрести я
весеннюю свежесть лица.

Ах, весна!

Зачем я навеки
с тобой расстаться не в силах:
Весна пробегает —
и все мне на свете не мило.

Увы! Такая дивная погода, а мне все равно тяжело. Куда же девалась Чунь-сян? *(Смотрит вокруг, потом, опустив голову, тяжело вздыхает.)* О, Небо! Могла ли я поверить, что красота весны лишает людей покоя? В стихах и песнях мы много читаем о том, как девушки в древние времена весной не находили себе места, а осенью тосковали, — теперь я тоже поняла, что так оно и есть. В этом году мне исполнилось дважды по восемь, но я еще не встретила того, кто, как говорится, «сломил бы для меня ветку». И вот я завидую тем, кто обрел весенние чувства, — не пора ли мне стать гостьей в Лунном дворце? В старые дни госпожа Хань встретилась

с юношей Юем, а студент Чжан нашел барышню Цуй. Про них написаны две повести: «Записи на красных листьях» и «История Цуй Хуэй». Герои книг — прекрасные девушки и талантливые юноши — сначала тайно уговаривались о встречах наедине, а потом заключали союз, как Цинь и Цзинь. (*Продолжительно вздыхает.*) Я родилась в доме сановника, росла в прославленной семье. По годам мне пора уже заказывать шпильки в прическу, но я доныне не вступила в брак. Вот уж правда, что зеленая весна проходит понапрасну и что ее свет и тени убегают, словно вода сквозь трещину. (*Плачет.*) Как жаль! Неужто суждено, чтобы мое лицо, подобное цветку, увяло без пользы, как осенний лист.

(Поет.)

На мотив «Коза на горном склоне»

Исполнено сердце смятением,
весенние чувства развеять не в силах,—
И вот я без всякой причины,
других вспоминая, сама загрустила.
Я в доле завидной была рождена,
прелестною и благонаправной,
Росла я в одном из домов знаменитых,
Святым в добродетели равных.
Но лучше бы было судьбою
Дано мне вовек
встречаться с зеленой весною.—
Кому еще вещи подобные снятся?
Не знаю, куда от стыда мне деваться!
К кому я всегда попадаю во сне?
Лечу я вослед этой яркой весне.
И боязно мне,
Но в душу навеки запали
те речи, что были во сне.
Горю, как в бреду,
Мне более жизни не надо,
Ответа от Неба не жду.

Что-то я очень устала, подремлю-ка за этим столиком. (*Засыпает, ей во сне является Лю Мэн-мэй.*)

Лю Мэн-мэй
(*входит с ивовой веткой в руке*)

Иволги теплое солнце встречают —
песня чудесная льется.

Люди на встречу с любимой приходят —
радостный смех раздается.
Цепь лепестков от опавших цветов
вдоль по реке уплывает,
Нынешним утром пришел Жуань Чжао
к роще заветной Тяньтая.

Я пришел сюда по той дорожке, где оставила следы барышня Ду.
Почему же я не вижу ее? (*Смотрит вокруг.*) Эй, барышня, барышня!

Ли-нян испуганно поднимается, они видят друг друга.

Л ю. Я искал вон там, куда ушла барышня, — а она, оказывается, вот где!

Ли-нян искоса посматривает на него и молчит.

Здесь, в саду, я очень кстати сломил ветку плакучей ивы. И если ты хорошо знаешь древние книги, не напишешь ли ты стихи в ее честь?

Л и - н я н (*испугалась и обрадовалась, хочет что-то сказать, но не решается, говорит в сторону*). Этого студента я даже не встречала никогда, что ему здесь надо?

Л ю (*смеется*). Я тебя до смерти люблю, барышня!

(*Поет.*)

На мотив «Краснеет горный персик»

Годы, бегущие вслед за водою,
Я за цветущей твоей красотой,
Сил не жалея,
рыскал по белому свету.
Чистая девица, жду я ответа!

Давай вон там поговорим с тобою, барышня.

Ли-нян, сдерживая улыбку, не двигается с места. Лю тянет ее за одежду.

Л и - н я н (*тихим голосом*). Куда же мы пойдем?

Л ю

Мимо перил, где пионы растут.
Там, за камнями, отыщем приют.

Ли-нян (*тихим голосом*). Что же мы будем делать, сюцай?

Лю
(*тихим голосом*)

Пояс распустим пошире,
Платье твое расстегнем.
Стиснешь рукав ты зубами,
не совладав со стыдом.
Я приласкаю тебя — и задремлем,
сладким объятые сном.

Ли-нян застыдилась. Лю обнимает ее, она не дается.

Вместе

Где-то и раньше
наши встречались пути,
Так же очей не могли отвести,—
Можем ли мы в этом дивном саду
нужных речей не найти.

Лю обнимает Ли-нян и насильно уводит.

Дух — покровитель цветов
(*входит; волосы связаны в пучок; в шапке, в красной одежде,
украшенной цветами*)

Стихи

Я, как чиновник — цветов покровитель,
рад, когда сад расцветет.
Список весенних работ проверяю,
нужных на будущий год.
Гости в душе загрустили, облиты
алым дождем лепестков,—
Пусть же на них опускаются грезы
возле цветных облаков.

Я не кто иной, как дух цветов, ведающий внутренним садом при управлении области Наньань. Ду Ли-нян, дочери правителя области, суждено в будущем сочетаться браком с сюцаем Лю Мэп-мэем. Поэтому я велел сюцаю Лю явиться во сне к барышне Ду, когда она потеряла покой, гуляя весной по саду. Я, дух цветов, дал

ему, как говорится, насладиться яшмой и вдохнуть благоухание, а теперь пришел охранять его, чтобы он испытал все радости «тучки и дождя».

(Поет.)

На мотив «Песня о старике»

Затмевающий свет, поднимается пар.
Словно черви в листве, копошатся они,
раздувая любовный пожар.
Вся застыла красавица, брови сошлись,
только трепет душевный не тише.
Это ей предназначено свыше:
В том, что ею владеют мечты,
Вижу я повеление рока,
Но нельзя осквернять мой цветочный чертог
похотливою грязью порока.

Сейчас я подберу лепестки опавших цветов и разбужу ее. *(Бросает лепестки за кулисы.)*

Сам собой от нее в пору буйной весны
не уйдет этот сладостный сон,
Но мгновенно рассеет его
лепестки уронивший пион.

Этот сон, сюдаёй, дошел только до середины. Так проводи же барышню Ду в ее душистые покои, пока сон не кончился. А я, дух цветов, удаляюсь. *(Уходит.)*

Лю Мэн-мэй
(входит, ведя за руку Ду Ли-нян, поет)

На мотив «Краснеет горный персик»

Небо сегодня сочувствует нам,
Ложе трава постелила цветам.

Хорошо ли тебе, барышня?

Ли-нян наклоняет голову.

Тучу-прическу
ты наклонила согласно,
Черные пряди осыпаны красным.

Не забывай же, барышня, что едва я увидел тебя,

Крепко тебя полюбил,
Сразу обнять захотел.
Жалко, что сделать нельзя
вечным слияние тел,
Чтобы под солнцем, дождем орошенный,
ярче румянец алел.

Ли - ня н. О сюдай! Ты хочешь меня покинуть!

В месте

Где-то и раньше
наши встречались пути,
Так же очей не могли отвести,—
Можем ли мы в этом дивном саду
пужных речей не найти?

Лю. Ты утомилась, сестрица. Отдохни же немного. (*Прово-
жает Ли-нян на то место, где она уснула, легонько баюкает ее.*)
Теперь, сестрица, я ухожу. (*Уходя, оглядывается.*) Так ты от-
дохни хорошенько, сестрица, а я потом еще приду взглянуть на
тебя.

Во время прогулки весенней порой
ее оросило дождем;
Во сне улетела к Ушаньским горам,
как легкая тучка, она.

(*Уходит.*)

Ли - ня н (*просыпается, негромко зовет*). Сюдай! Сюдай! Куда
же ты ушел? (*Снова засыпает беспокойным сном.*)

Госпожа Чжэнь
(*входит*)

Стихи

Почтенный отец
в покои свои удалится,
А дочка его
стоит у окна и дивится,
Что вышиты кем-то
на платье и юбке ее
Попарно — цветы,
попарно — летящие птицы.

Дочка! Дочка! Ты зачем здесь спишь?

Ли-нян (*спросонок зовет сюцаю*). Иди сюда!

Госпожа Чжэнь. Что с тобой, доченька?

Ли-нян (*встает*). Ой, здесь мама!

Госпожа Чжэнь. Дитя мое, почему ты не вышиваешь? И не читаешь книг? Что это ты себе такую волю дала? И почему ты здесь спишь, да еще днем?

Ли-нян. Ваша дочь хотела поиграть в саду. Весна так взбудоражила ее, что она направилась обратно в дом. Но рассеяться никак не могла и так устала, что решила отдохнуть. Я, конечно, провинилась, но падеюсь, что матушка простит мне мой проступок.

Госпожа Чжэнь. Дочь моя, в саду прохладно, ты здесь поменьше гуляй.

Ли-нян. Я последую вашему приказу, матушка.

Госпожа Чжэнь. Иди в кабинет, читай там книги.

Ли-нян. Но ведь учителя нет, он давно уже отдыхает.

Госпожа Чжэнь (*вздыхает*). Стала дочка взрослой — и столько с ней теперь хлопот, что просто рукой махнешь. Вспити:

И эдак и так

подладиться хочется к дочке;

Все бремя хлопот

ложится на старую мать.

(*Уходит.*)

Ли-нян (*продолжительно вздыхает, глядя вслед уходящей матери*). О, Небо! Сегодня Ду Ли-нян немножко посчастливилось. Попала я в цветущий сад, когда раскрылись все цветы. Это ранило мне душу. Я никуда не ушла, а заснула днем в душистой беседке. И вот предо мною предстал студент в тех летах, когда надевают шапку, красивый и изящный. В саду он сломил ветку ивы и с улыбкой сказал мне: «Если ты, сестрица, хорошо знаешь древние книги, почему бы тебе не воспеть в стихах веточку ивы?» Я хотела было ему ответить, но вдруг вспомнила, что я совсем с ним не знакома, даже имени его не знаю, — можно ли так просто вступить с ним в разговор. А пока я так раздумывала, студент этот успел подойти ко мне и сказал несколько слов, отозвавшихся в моей душе, потом обнял меня, увлек к пионовой беседке, к ограде, где растут пионы, и мы узнали радости «дождя и тучки». Чувства наши отвечали друг другу, и была у нас любовь на тысячу ладов, десятки тысяч ласк. А когда кончились наши радости, он проводил меня туда, где я спала, и все приговаривал: «Отдохни!» Едва этот студент вышел из ворот, как появилась матушка. Я вся покрылась холодным потом — а ведь это был, как говорится, «Сон о Южной ветке». Я поспешно поклонилась матушке, а та стала приста-

вать ко мне со всякими ненужными словами. Мои уста ни слова не произнесли ей в ответ. В уме у меня были думы о том, что случилось во сне, — тут уж я дала себе волю! И теперь не могу ни ходить, ни сидеть спокойно — словно бы что-то потеряла. Ах, мама, ты велела мне идти в классы, книги читать, — знать бы, какой книгой он разгоняет свою тоску! (*Вытирает слезы.*)

(Поет.)

На мотив «Повисли пушинки на хлопке»

Про легкую тучку, про дождь благовонный
Как только увидела сон я,
Мгновенно ту «встречу в горах Гаотана»
Прогнал от меня неожиданный зов
за шелком узорным оконным.
Проснулась в холодном поту я,
потом меня вяжущим жаром обдало,
В смятенье душа, заплетаются ноги,
Запутались мысли, прическа упала.
Едва сохраняю последние силы,
Хожу ли, сижу ли — не знаю покоя,
И сон раздружился со мною...

Ч у н ь - с я н
(*входит*)

Готовясь ко сну,
последнюю пудру стираю;
Встречая весну,
остатков духов не жалею.

Барышня! Одеяло твое я надушила, иди спать!

Л и - н я н
(*поет*)

Заключительная ария

Печальной весною
усталое сердце узнало веселье,
И так ли уж нужно для этого спать
в душистой узорной постели!

О, Небо!

Хотелось бы, чтобы чудесные сны
не так далеко улетели.
Весной выхожу из покоев узорных —
глаза устремляются в дали. (*Стих Чжан Юэ*)

Стеною стоящие ивы и сливы
цветов аромат не прогнали. (Стих Ло Иня)
Откуда мне знать, где любимых своих
увидели Лю и Жуань? (Стих Сюй Хуня)
Назад обернусь я, к восточному ветру,—
исполнено сердце печали. (Стих Вэй Чжуана)

Ли-нян не может забыть чудесный сон и мечтает вновь увидеть прекрасного юношу, явившегося ей в ее грезам. От тоски она заболевает и чахнет. Непонятную хворь не могут излечить ни заклинания даосской монахини Ши, ни рецепты, извлеченные учителем Чэнь Цзуй-ляном из медицинских книг. Ли-нян пишет свой портрет и умирает.

Ду Бао, отец девушки, получает назначение на новую должность в северный пограничный город Хуайян. Перед отъездом он воздвигает возле могилы дочери даосскую молельню и велит даоске Ши и учителю Чэню следить за погребением. Через три года в молельне появляется студент Лю Мэн-мэй, являвшийся Ли-нян во сне, которому не хватало средств добраться до столицы. Учитель Чэнь дает ему приют. Лю Мэн-мэй обнаруживает портрет, написанный девушкой перед кончиной, и не может оторвать от него глаз. Ночью ему является душа Ду Ли-нян, которая сообщает студенту свою историю. Лю Мэн-мэй вместе с даоской Ши вскрывает могилу. Ли-нян оживает, и все трое отправляются на север, в столицу. Чэнь Цзуй-лян, обнаружив вскрытую могилу, спешит в Хуайян, чтобы доложить Ду Бао о случившемся.

С севера в пределы страны вторгаются войска чжурчжэней во главе с Ли Цюанем. Ду Бао осажден в стенах Хуайяна. Однако ему удается договориться с противником.

Тем временем Лю Мэн-мэй с женой и даоской добирается до столицы, где добивается первого места на государственных экзаменах. Ли-нян, узнав, что ее отец осажден в Хуайяне, посылает к нему мужа. Но война кончена, и Ду Бао, выслушавший доклад Чэнь Цзуй-ляна о вскрытии могилы дочери — преступлении, каравшемся смертью, — заключает самозванного, по его мнению, зятя в тюрьму и отправляется испросить правосудия у императора. Между тем уже объявлено, что Лю Мэн-мэй прошел первым на экзамене, его ожидает пир в императорских садах, но первого кандидата нигде не могут найти. Неожиданно посланцы государя узнают его в привезенном в столицу и изрядно побитом преступнике. Хотя Лю Мэн-мэй предъявляет Ду Бао его дочь, отец сначала принимает ее за оборотня. Но потом все разъясняется, тесть примиряется с зятем, и все кончается благополучно.

ДВОРЕЦ ВЕЧНОЙ ЖИЗНИ

Фрагменты

Действие драмы Хун Шэна «Дворец вечной жизни» происходит во времена династии Тан, в VIII веке. Император Сюань-цзун среди обитательниц своего гарема выбрал красавицу Ян Юй-хуань и пожаловал ей титул гуйфэй — первой императорской наложницы. Вскоре она стала фавориткой Сюань-цзуна. Стареющий император забыл о делах правления, проводя все время в прогулках и развлечениях с Ян-гуйфэй. Власть в стране забрал в свои руки Ян Го-чжун, брат фаворитки. Император возвысил родственников гуйфэй, окружил их роскошью и богатством. Средства на это добывались за счет непомерных налогов, которыми облагалось население. О тяготах простого люда рассказывается в сцене «Доставляют плоды в столицу».

Во второй из приведенных сцен герои драмы скрепляют глубокое чувство любви клятвой не разлучаться никогда ни при жизни, ни после смерти.

В последующих сценах пьесы (всего их 55) рассказывается о том, как во время мятежа Ань Лу-шаня Ян-гуйфэй приносит себя в жертву, чтобы спасти жизнь императору. Сюань-цзун тоскует в разлуке с гуйфэй, которая, оказавшись среди бессмертных, также не может забыть любимого. Бессмертные, тронутые такой силой чувства Сюань-цзуна и Ян Юй-хуань, позволяют им вновь соединиться на Небе. Таким образом, герои остаются верны своей клятве, которую дали во Дворце вечной жизни.

СЦЕНА ПЯТНАДЦАТАЯ

ДОСТАВЛЯЮТ ПЛОДЫ В СТОЛИЦУ

Первый гонец

(с корзиной личжи на бамбуковом шесте мчится, нахлестывает коня плеткой, поет)

На мотив «Лячуаньюй»

Тысячи ли ты в походном седле,
скачи, гонец, не тужи,
Перенеси все мученья дороги,
но в столицу доставь личжи.
Не своею волей, но государя
мчись вдоль дорожной межи.
Хоть и думаешь ты — чем гнаться за славой,
лучше в праздности пребывать.
Но все же плоды доведи в Чанъань,
одолей рубежи,
Их хотя бы на миг
коснется взор госпожи.

Я — посланец из Сичжоу. Госпожа Ян-гуйфэй любит свежие личжи. По императорскому приказу их каждый год из Фучжоу везут в столицу. Путь далекий, жара страшная, вот и приходится, не жалея сил, мчаться на быстром коне. *(Погоняет коня и, повторяя арию со слов: «Но все же плоды доведи...» — удаляется.)*

Второй гонец

(с корзиной личжи мчится, нахлестывает коня плеткой, поет)

На мотив «Пошатнул гору»

Плод личжи с острова Хайнань
сладок и благоухан.
Такие особенно любит
госпожа Ян.
В листья лотоса их заворачивают,
словно в плотный сафьян,

Кладут в бамбуковые корзинки,
чтоб спасти от ушибов и ран.
Доставляя их, нужно скакать весь день,
мимо гор, лесов и полян,
Боюсь замешкаться в пути,—
строгий приказ мне дан.
От одной почтовой станции до другой
мчусь я, рвением обуян.

Я — посланец с острова Хайнань. Госпожа Ян-гуйфэй любит свежпе личжи. По императорскому приказу их каждый год из Фучжоу и Хайнаня поставляют двору. У нас плоды лучше, чем фучжоуские, только путь до столицы еще дальше, а через семь дней личжи теряют свой вкус и аромат. Вот и приходится мчаться во весь опор. *(Погоняет коня и, повторяя арию со слов: «Боюсь замешкаться...» — удаляется.)*

Старый крестьянин
(входит и поет)

На мотив «Десять палочек и барабан»

В трудах великих крестьяне,
тяжела их судьба.
То бездожде, то ливень не вовремя дарят
небесные желоба.
Целый год мы живем на то, что дает
жалкая молотба.
Да еще половину отдать изволь
в дворцовые погреба.
На прокорм нам, увy остается
зерен малая горсточка.
Каждый день с надеждою мы следим,
как зреют наши хлеба.
К богам и духам ежечасно
возносится наша моляба.

Я — крестьянин из восточного округа уезда Цзиньчэн. Семья у меня большая, а живем лишь на то, что дают нам эти несколько му тощей землицы. Сегодня утром услышал, что гонцы везут в столицу личжи. Чтобы сократить путь, мчатся, не разбирая дорог. Сколько истоптали они крестьянских посевов! Вот я и пришел постеречь свое поле. *(Оглядывается вокруг.)* Никак, там два прощателя.

Слепой прорицатель (с бамбуковой трещоткой в руках) и
его слепая жена (с саньсянем)
(входят и поют)

На мотив «Красивый юноша»

Мы живем в Баочэне,
а идем в столицу.
Предсказываем любому судьбу
по его звезде:
Когда счастьем случиться,
когда случиться беде.
Этим прославились мы,
хоть живем в немалой нужде.
Слепые очень искусны
в прорицанье и предсказанье
И со святыми посостязаться
могли бы всегда и везде.
Подходите — мы все вам предскажем,
что ждет вас, когда и где.

Прорицательница. Батюшка, мы так много прошли, что
поги заболели. Сил нет идти дальше. Где уж тут предсказывать
судьбу другим, как бы самим не упасть замертво.

Прорицатель. Матушка, тут кто-то есть. Подожди, я спро-
шу. *(Кричит.)* Позвольте узнать, где это мы?

Крестьянин. В восточном округе уезда Цзиньчэн, как раз
на границе с западным округом Вэйчэн.

Прорицатель *(кланяется)*. Очень вам, господин, благо-
дарен.

За сценой слышится звон колокольчиков.

Крестьянин *(всматривается в даль)*. Показались всадники.
(Кричит.) Господин начальник, поезжайте по большой дороге, не
топчите наши посевы!

Прорицатель *(обращается к жене)*. Ну, матушка, радуй-
ся — столица недалеко. Нечего нам здесь задерживаться — пойдем
осла и на нем доберемся.

Повторяя арию со слов: «Слепые очень искусны...» — идут.
*Первый гонец, размахивает плеткой, поет арию со слов: «На-
деюсь, что, когда привезу плоды в Чанъань...» — мчится на коне,
сбивает с ног прорицателя и его жену, удаляется. Второй гонец,
размахивает плеткой, поет арию со слов: «Боюсь замешкаться в
пути...» — мчится на коне, который топчет прорицателя, уда-
ляется.*

Крестьянин *(спотыкаясь, бежит к краю сцены, плачет)*. О, Небо! Все посеvy загублены этими негодьями! Как мы проживем с семьей? А ведь еще надо платить налоги, сборщики все равно потребуют их. Что же делать? О, горе!

Прорицательница *(ползает по земле)*. Затоптали! Батюшка, где ты? *(Натыкается на прорицателя.)* Ах, вот ты! Что ты молчишь? Тебе худо? *(Дотрагивается до головы лежащего.)* Голова разбита! Его убили! *(Плачет.)* О, Небо! Господин сельский староста, защитите!

Крестьянин *(поворачивается к ней)*. Вот оно что! Прорицателя затоптали насмерть!

Прорицательница *(встает, почтительно кланяется)*. Господин начальник! Об одном прошу: пусть местные власти заставят этих всадников заплатить мне деньги в возмещение убитого мужа.

Крестьянин. Те всадники доставляют личжи для госпожи Ян. Сколько они на своем пути затопчут людей! И никто никогда не смеет потребовать возмещения. А ты, слепая, чего ты можешь добиться!

Прорицательница. Но что же мне делать? *(Плачет.)* Оказывается, я правильно предсказала тебе судьбу — упасть здесь мертво. Но как же мне похоронить его?

Крестьянин. Нечего уж тебе обращаться к местным властям, давай вместе отнесем его и похороним.

Прорицательница. О, очень вам благодарна! Если бы я могла остаться у вас! Как бы это было хорошо!

Крестьянин и прорицательница уносят труп.

Конюх с почтовой станции
(входит и поет)

На мотив «Маленькое введение»

Удрал смотритель почтовой станции,
как на грех!

Удрал смотритель почтовой станции,
как на грех!

Передохли лошади — только кляча
осталась, тощее всех!

Я один тут — ни тебе денег,
ни еды, ни вина, ни утех,

Бьют меня и ругают
за любой огрех.

Один отдуваюсь я
за всех,
Отдуваюсь один
за всех.

Я служу на Вэйчэнской почтовой станции. Госпожа Ян любит свежие личжи, а первого числа шестого месяца день ее рождения. К этому дню из Фучжоу и с острова Хайнань везут в столицу плоды. Гонцы мчатся во весь опор. Не миновать им и нашу станцию, а у нас нет ни корма, нет ни денег, ни коней, осталась одна тощая кляча. Смотритель станции, боясь, что побьют, удрап неизвестно куда, и я теперь тут за главного. Однако что мне делать, когда появятся гонцы? Ну, будь что будет!

Первый гонец
(мчится на коне, поет)

На мотив «Поспешность»

Закатное солнце закрыла
дорожная пыль.
Спеши, мой конь,
копытами землю чекань.
Скорее, скорее, скорее —
близко Чанъань.
(Слезает с коня.)

Конюх, скорее дай коня!

Конюх берет его коня за уздечку; гонец ставит корзину с личжи на землю, приводит в порядок одежду.

Второй гонец
(мчится на коне, поет)

Пот с меня градом льет —
не вижу дороги.
Деревенеют
руки и ноги.
Скорее, скорее туда —
в императорские чертоги,
(Слезает с коня.)

Конюх, скорее дай коня!

Конюх берет его коня за уздечку.

(Ставит на землю корзину с личжи, видит первого гонца.) Приветствую вас! Вы тоже, начальник, везете личжи?

Первый гонец. Да.

Второй гонец *(обращается к конюху)*. Эй, а где наши вино и еда?

Конюх. Ничего нет.

Второй гонец. Ладно, есть все равно некогда. Давай скорей коня!

Конюх. Вас, господа, двое, а конь на станции остался один, так что вы сами, господа, решайте, кто из вас поедет на нем.

Второй гонец. Как! На такой большой станции, как Вэйчэнская, и один только конь? Сейчас же позови своего начальника, пусть он, собака, даст ответ, куда девались станционные кони.

Конюх. Коней-то всех загнали гонцы. Ведь из года в год везут они в столицу личжи. Начальнику ничего не оставалось, как убежать.

Второй гонец. Раз смотритель удрал, с тебя потребуем.

Конюх. Но ведь в стойле есть конь.

Первый гонец. Конюх, я первым приехал, первым и уеду.

Второй гонец. А мне пришлось ехать дальше, и первым поеду я.

Первый гонец
(направляется к стойлу, поет)

На мотив «Думы о рябом парне»

Спорить с тобой не стану,
Сам возьму рысака.

Второй гонец
(удерживает его, поет)

А ну-ка не самовольничай,
не расходись пока.
Не то узнаешь силу
моего кулака.

Первый гонец
(поднимает корзину с плодами, поет)

Только посмей уронить корзину —
она хрупка!

Второй гонец
(тоже берет свою корзину и, обращаясь к первому гонцу, поет)

Только посмей уронить корзину —
она ломка!

Конюх
(уговаривая их, поет)

Прошу вас, перестаньте
ссориться из-за пустяка.
Лучше все же один кусок,
чем ни одного куска.
Лучше садитесь вдвоем
на этого конька,
Он до столицы домчит вас
в два скачка!

Второй гонец (*ставит на землю корзину и набрасывается
с кулаками на конюха*). Глупости болтаешь!

(Поет на тот же мотив.)

Остается только избить тебя,
поганого мужика!

Первый гонец
(*ставит корзину и тоже бьет конюха, поет*)

Я тоже побью тебя,
разбойника и дурака!

Второй гонец
(поет)

Слишком уж речь твоя
долга и сладка,
Попросту ты не хочешь
дать мне рысака!

Первый гонец
(поет)

Задерживаешь тех,
кто мчится издалека,
Против воли государевой прешь,
разыгрываешь простака!

Оба гонца
(*бьют конюха и поют*)

Отстегаем плетью тебя,
дадим хорошего тумака,
За синяком не будет
видно синяка,

Тогда и конь у тебя
появится наверняка!

Конюх
(низко кланяется, поет)
На тот же мотив

Низко гнется пред вами
спина бедняка.
Господа начальники, смилуйтесь,
пожалейте мой бока —
Поймите, что доля моя
и без того горька!

Оба гонца. Если хочешь, чтобы мы пощадили тебя, сейчас
же давай нам копей!

Конюх
(поет)

На станции один конь,
да и тот без чепрака.

Гонцы. Найди еще одного!

Конюх
(поет)

Нету второго, хоть все общите
от пола до потолка!

Гонцы. Нету, так опять будем тебя колотить!

Конюх
(поет)

Подождите драться! У вас
от битья устанет рука!
Послушайте! Нет у меня
ни единого медяка,
Но куртку мою заберите — купите вина
у хозяина кабака!

(Снимает куртку.)

Первый гонец. Кому нужна твоя куртка?

Второй гонец (смотрит на куртку, накидывает ее на плечи). Ладно, надо торопиться. Поеду пока на своем коне, а на следующей станции поменяю. (Берет корзину, садится на коня, поет арию со слов: «Боюсь замешкаться в пути...» — удаляется.)

Первый гонец. Скорей давай мне коня!
Конюх. Вот, пожалуйста.

*Первый гонец берет корзину, садится на коня, поет арию
со слов: «Но все же плоды доведи...» — удаляется.*

О госпожа Ян, госпожа Ян! И все это из-за ваших личжи!

Заключительные стихи

Засовы золотые, щеколды железные
пали, хоть и были тверды. (Цуй И)
Мчатся гонцы императора,
и награды ждут за труды. (Юань Чжэнь)
От станции, вихрь быстрей, до станции
летят удары плетей, (Ли Ин)
И не знает никто, что уже в столице
желанные плоды (Ду Му)

СЦЕНА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

ТАЙНАЯ КЛЯТВА

Ткачиха

(в сопровождении двух фей входит и поет)

На мотив «Волны на отмели»

Снует в облаках высоко
мой яшмовый челнок.
Нити шелка сплетаю — нитку вдоль,
нить поперек.
Здесь, во Дворце небесном,
не тревожат мысли меня
о том, что любимый далек.
Но нынче седьмая ночь седьмой луны —
встречи нашей срок.
И вспомнилось мне о том,
что разлучил нас рок.

(Читает нараспев стихи.)

Быстро снует мой челнок
на облачном полотне.

Падающие звезды
 возвещают мне,
Что к Небесной реке
 осень пришла в тишине.
При яшмовой росе и ветре золотом
 раз в год мы наедине.
Но это лучше, чем множество встреч
 у смертных, в земной стране.
Пронесются мысли о любимом,
 как песок в речной быстрине.
Время встречи кажется мне
 грезой во сне.
Мне мерещится мост, наведенный
 сороками в вышине.
Если вечна любовь,
 то для чего жене
Встречаться с супругом каждый день,
 при солнце и при луне?

Я, Ткачиха, удостоилась яшмового приказа Небесного владыки соединить свою судьбу с судьбою Пастуха и стала его женой. Каждый год в седьмую ночь седьмой луны мы переходим через Небесную реку и встречаемся. Ныне на земле десятый год под девизом Тяньбао, седьмое число седьмой луны. Посмотрите, река спокойна, и сороки собираются наводить мост. Оставляю свою работу, отложу свою пряжу и приготовлюсь к встрече.

*За сценой тихо звучит музыка. Появляются сороки.
Они облетают сцену вокруг. Впереди на сцене возводится мост.
Сороки собираются на обоих его концах.*

Две феи. Мост уже наведен, просим госпожу перейти Небесную реку.

Ткачиха
(делает несколько шагов, поет)

На мотив «Тигр спускается с горы»

Оставила я узоры,
 сотканые витиевато,
Сажусь в колесницу,
 полную аромата.

(Поет вместе с феями.)

В небесах синева густеет,
ни облачка нет.
Легким ветром наполнена ночь
и прохладой объята.

(Вступают на мост, поют.)

Вступили на мост — его тепь
неровна и угловата.
Спят Звездная река
ясно и холодновато.

На мотив «Алеет горный персик»

Отраден месяц трехдневный,
сверкающий, словно злато,
Роса под его лучом
блистает богато.
Сороки летают впризу,
по краешку небоската.

На мотив «Тигр спускается с горы»

Почуяло ныне сердце,
пришла счастливая дата.
Прекрасна Река Небес
осенней порой заката.

Две феи. Госпожа, мы уже перешли Млечный Путь.

Ткачиха. Внизу под Звездной рекой в неясной дали, впью,
курятся ароматические свечи; дымок вьется и тянется ввысь. Что
там происходит?

Две феи. Это любимая наложница танского императора
Ян Юй-хуань во дворце «просит уменья».

Ткачиха. Видно, что делает она это от всего сердца, надо
нам с Пастухом побывать там и посмотреть.

(Поет вместе с феями.)

Берега Небесной
реки
Единожды в год
близки.
А все же забавно смотреть
отсюда, свысока,
Что в мире людей любовь
так коротка!

(Удается.)

Государь Сюань-цзун

(в сопровождении евнухов, несущих фонари, входит и поет)

На мотив «Дух Эрлан»

Безмолвие кругом,
осенняя тишина.
Темно-синее небо
сгустило мрак дочерна.
Кончился дождь, и холодом веет
высоких платанов стена.
Небесная река возвращается,
медленна и длинна.
Две звезды осеняет легкая
облачная пелена.

За сценой слышен смех.

(Прислушивается, поет.)

Там, где древесная тепь
темна,
Вместе с ветром доносится смех,
в нем радость слышна.

Слуги, а где это так смеются и разговаривают?

Евнухи (*обращаясь за сценой*). Его величество спрашивает,
где это так смеются и разговаривают?

За сценой отвечают: «Это госпожа Ян идет во Дворец вечной
жизни «просить уменья».

(*Обращаясь к государю.*) Госпожа Ян идет во Дворец вечной жизни
«просить уменья», поэтому там смех и разговоры.

Государь. Не надо докладывать о моем приходе, я один
незаметно пройду туда.

(Поет.)

Уберите пунцовые
фонари.
Сердце шепнуло: подойди потихоньку к ступеням
и посмотри,
Что там творится
внутри.

Все удаляются.

Ян-гуйфэй

(в сопровождении прислужниц Юн-синь и Нянь-ну, вместе с двумя служанками, которые несут коробки с ароматическими палочками, шелковые веера, вазы с цветами, золотой таз, входит и поет на тот же мотив)

Дворик дворцовый,
кругом темно.
Над курильницами дымки,
все кругом аромата полно,
Одинокий светильник мерцает
со звездами заодно.
В коробке паучок величиною
с рисовое зерно.
Бобы на блюде златом проросли —
как ярко сверкает оно!
Цветы колышутся в вазах серебряных, —
я здесь не была давно.

Юн-синь и Нянь-ну. Мы уже пришли во Дворец вечной жизни, для исполнения праздничного обряда все готово; госпожа, возьмите ароматические палочки. *(Расставляют на столе вазы с цветами, чашу с ростками и подносят Ян-гуйфэй коробку с ароматическими палочками.)*

Ян-гуйфэй *(берет палочки)*. Я, Ян Юй-хуань, с великим почтением возжигаю ароматы и с мольбою обращаюсь к двум звездам; будьте милостивы к моей просьбе и помогите.

(Поет.)

Драгоценная шпилька
и ларчик резной
Навеки связуют нашу любовь,
наши счастливые взгляды.
Пусть веера участь минет меня,
позабывтого в пору осенней прохлады.

Государь
(незаметно входит, смотрит и поет)

На красавицу я гляжу,
затаясь незаметно.
На ступенях дворцовых колени она
преклонила
возле ограды,
Тихо-тихо мольбу шепча,
покуда горят лампы.

Юн-синь и Нянь-ну (*замечают государя*). О, его величество здесь!

Ян-гуйфэй стремительно поворачивается, кланяется.

Государь (*помогает ей встать*). Фэйцзы, чем это вы тут занимаетесь?

Ян-гуйфэй. Ведь сегодня праздник седьмого дня седьмой луны, вот и приготовилась «просить умения» у Ткачихи.

Государь (*смеется*). Фэйцзы, вы и так прекрасно владеете этим небесным искусством, зачем вам просить умения?

Ян-гуйфэй. Вы смущаете меня, государь!

Государь и Ян-гуйфэй садятся; Юн-синь и Нянь-ну со служанками незаметно удаляются.

Государь. Фэйцзы, я подумал об этих двух звездах: Ткачихе и Пастухе, которые разделены Небесной рекой и встречаются лишь один раз в год. Наверно, пелегло им приходится в разлуке друг с другом!

(Поет.)

На мотив «Собрались мудрые гости»

На синем небе яркие звезды,
ночь безмерно тиха.
Только что встретились колесницы
Ткачихи и Пастуха.
Но до чего же их доля
и тяжела и плоха:
Небо дарует им
краткую встречу,
И скоро уже доносится
крик петуха.
В облаках холодных,
в росе ледяной
Им предстоит разлучиться и ждать,
как невеста ждет жениха.

Ян-гуйфэй. Ваше величество, вы очень огорчили меня, сказав, что этим двум звездам предстоит горькое прощание. Как жаль, что мы, люди, не знаем о делах небесных.

(Поет.)

Если разузнать хорошенько,
то, конечно, печальны их дни.
Как тоскуют в разлуке
друг с другом они!

(Плачет.)

Государь. Ну, фэйцзы, зачем же плакать?

Ян-гуйфэй. Я думаю, что хотя Пастух и Ткачиха встречаются лишь раз в год, но эти встречи вечны, как Небо и Земля. И боюсь, что вы, государь, в своих чувствах ко мне не будете так постоянны.

Государь. О фэйцзы, что вы говорите!

(Поет.)

На мотив «Желтая иволга»

Пусть бессмертные вечно живут,
пусть годы их не страшат,
Но разве сравнится его судьба
с нашей, полной усад?
За нашу жизнь любовных утех
мы познаем больше стократ,
Ведь прекрасно, что наши встречи
никаких не знают преград,
Умножает нашу любовь
каждая встреча и взгляд.
Я удивлен оттого,
что в вашей душе разлад.
Спросите Ткачиху и Пастуха,
что с неба на нас глядят,
Не завидуют ли они,
тем, кто вместе все дни подряд?

Ян-гуйфэй. Я удостоилась такой вашей любви и сегодня хочу сказать вам... *(Замолкает.)*

Государь. Фэйцзы, что же вы? Говорите.

Ян-гуйфэй *(всхлипывает)*. Я удостоилась такой вашей любви, как никто из обитательниц всех ваших шести дворцов. Но боюсь, что пройдет время, и любовь ваша угаснет, и не избежать мне тогда «тоски седой женщины».

(Поет.)

На мотив «Иволги в золотом силке»

Сказала об этом, и сердце заныло,
и в горле стоит комок.
Мне кажется — я всего лишь служанка,
попавшая в царский чертог,
Удостоилась чести сопровождать вас
в колеснице средь ваших дорог,
В нарядных одеяниях переступить
ваших покоев порог.

На мотив «Дворцовая роца»

Но я боюсь, что настанет осень
и увянет цветок.
Ничего не останется от весеннего дня,
что в сердце огонь зажег.

На мотив «Письмо»

Вам стану нужна не только я —
кто в обратном мне даст зарок?

(Тянет императора за халат, плачет, поет.)

На мотив «Золотая заколка в виде феникса»

Если знать бы,
что в свой черед
Любовь
никогда не умрет,
Она облегчила бы мне страданья,
когда смерти наступит срок.
Если бы не скудела любовь,
словно глубокий поток,
То с радостью умер бы каждый,
зная, что не одинок.

На мотив «Халат из черного шелка»

Я плачу о судьбе красавиц,
чей жребий был жесток,
О той, что, в Пинъяне танцуя, порхала,
как мотылек,
О той, что во дворце Чанмэнь рыдала,
оплакивая рок.

Государь (*рукавом халата вытирает ей слезы*). Не печаль-
тесь, фэйцзы. Разве была у кого-нибудь еще такая любовь, как
у нас!

(Поет.)

На мотив «Дворцовая роща»

Успокойтесь, не надо плакать,
к чему этот горький упрек?
Даже если бы много столетий прошло,
я бы вас разлюбить не смог.

(Берет Ян-гуйфэй за руку.)

Мы будем вместе слиты всегда,
словно мед и творог,
Мы не расстанемся с вами
ни на единый денек.

(Поет вместе с Ян-гуйфэй.)

Говорим, не переставая, о том,
что па сердце каждый берег,
Цветы заснули, и месяц потух,
посветлеет скоро восток.
Мы вместе, как тень и тело,
как зерно и росток.

Ян-гуйфэй. Если уж вы, государь, почтили меня такой
глубокой любовью, то прошу вас, под этими звездами дадим друг
другу клятву и будем ей всегда верны.

Государь. Пойдемте, фэйцзы, зажжем ароматические свечи
и клятву дадим.

Император и Ян-гуйфэй
(идут, держась за руки, и поют)

На мотив «Янтарная подвеска в виде котенка»

К плечу ароматному прижавшись,
в руке рука,
Вниз по ступеням дорога
приятна нам и легка,
Над дворцом нависает
Небесная река.

Ян-гуйфэй
(поет)

Совсем не греют меня
легкие шелка,
Проницает меня прохлада
осеннего ветерка.

Император
(поет)

Настало время нам с вами тихо,
от людей взаперти,
Твердую клятву в любви
друг другу принести.

(Зажигает ароматические свечи и вместе с Ян-гуйфэй, обращаясь с поклоном к Ткачихе и Пастуху.) О звезды небесные! Мы — Ли Лун-цзи и Ян Юй-хуапъ *(говорит вместе с Ян-гуйфэй)*, глубоко любя друг друга, хотим во всех перевоплощениях оставаться мужем и женой и никогда не разлучаться. И если один из нас нарушит клятву, звезды, вы будете свидетелями.

Император
(снова кланяется и поет)

В небе хотим быть птицами, что вместе парят,
каждая об одном крыле.

Ян-гуйфэй
(кланяется и поет)

Раздвоенной ветвью ствола одного
быть мы хотим на земле.

Вместе
(поют)

Земля и Небо
существуют очень давно,
Но всему наступает конец,
все будет погребено,—
Одно лишь нашей клятве
веки пребыть суждено!

Ян-гуйфэй *(кланяется государю)*. Очень признательна вам, государь, за вашу глубокую любовь. А я, жива ли, умру ли — всегда буду верна клятве, которую дали сегодня ночью.

Государь
(берет Ян-гуйфэй за руку, поет заключительную арию)

Во Дворце вечной жизни дали мы клятву,
вернейшую на земле.

Ян-гуйфэй
(поет)

Смотрел ли кто-нибудь на нас
с улыбкою на челе?

Государь
(указывая на небо, поет)

Две звезды, Пастух и Ткачиха,
видели нас во мгле.

Удаляются.

Пастух (в головной повязке в виде облака и в одеянии
бессмертного) и Ткачиха (в сопровождении фей)

(входят и поют)

На мотив «Алеет горный персик»

Только что поклялись они
тайно у цветника,
В завереньях своих они были
искренни наверняка.
Оба — в чувствах едины,
и клятва их высока.
Слова их — словно один у них,
а не два языка.

Пастух. Дорогая Ткачиха! Посмотри, разве танский император не любит Ян Юй-хуань?

(Поет.)

Молча друг к другу прильнули они,
шелестят шелка.
Плечо прижато к плечу,
в руке лежит рука.

Мы связаны с тобою союзом любви на Небе, мы бессмертные духи, ведающие любовью людей. К тому же именно нас призвали они в свидетели клятвы, и мы должны быть им поручителями.

(Поет.)

Мы — свидетельствуем, что их
любовь велика.
Знаем, что в разлуке
их убьет тоска.
Хотят быть птицами, парящими рядом,
расти из одного ростка.
Хотят, чтобы любовь
веки была крепка.
Так будем же править «любовным
ведомством»,
во все века!

Ткачиха. Только скоро ждет их беда, смерть разлучит их. Если при этом не изменят они сегодняшней клятве, то мы соединим их вновь.

Пастух. Дорогая Ткачиха, так мы и сделаем! Но смотри — ночь уже на исходе, пора возвращаться в наши чертоги. *(Берет Ткачиху за руку.)*

Ткачиха и Пастух
(идут вместе, поют)

Берега Небесной
реки
Единожды в год
близки.
А все же забавно смотреть
отсюда, свысока,
Что в мире людей любовь
столь коротка!

Заключительные стихи

Зачем же в мире смертных
так тороятся сроки! *(Ло Е)*
Над Небесной рекой перекинув мост,
улетели сороки. *(Ли Шан-инь)*
Не говори, что на Небе
столь редки и кратки встречи *(Ли Ин)*
Оказывается, и там
чувства нежны и глубоки. *(Ло Инь)*

СЦЕНА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

НЕОЖИДАННОЕ ИЗВЕСТИЕ О МЯТЕЖЕ

Гао Ли-ши
(*входит и говорит нараспев*)

В чертогах Яшмовых песни звучат,
играют на шэнах актеры,
С ветром доносится женский смех,
веселые разговоры.
Роняют по капле часы водяные,
лунным светом полны коридоры.
Едва поднимаешь прозрачные,
легкие шторы —
Увидишь Небесную реку, увидишь
ночного неба просторы.

Я, Гао Ли-ши, получил приказ его величества приготовить в императорском саду все необходимое для маленького пира. Государь должен прийти сюда вместе с госпожой гуйфэй — погулять и развлечься, вот я и жду их здесь.

Государь вместе с Ян-гуйфэй едут в экипаже, за ними следуют Юн-синь, Нянь-ну и два внука.

Император
(*идет и поет*)

По блеклому небу
вдоль облачной гряды
Дикие гуси вытянулись
в длинные ряды.
Осенними красками пестрят
императорские сады.
Все заметней на ивах
окраски желтой следы.
Уже не так блистают
изумрудной ряской пруды,
Красные лotosовые лепестки летят
в голубизну воды.
Коричное дерево цветет у ограды, где птицы
поют на все лады.
Все приближаются к Гао Ли-ши.

Гао Ли-ши. Прошу вас, ваше величество, и вас, госпожа, выйти из экипажа.

Государь и Ян-гуйфэй выходят из экипажа. Гао Ли-ши и евнухи незаметно удаляются.

Государь. Прогуляемся по саду.
Ян-гуйфэй. С великой радостью, государь.

Государь берет ее за руку.

Ян-гуйфэй
(поет)

На мотив «Оборачиваюсь в слезах»

Мы за руки взялись среди цветов
императорского сада.
Снова о сокровенных чувствах
нам друг другу поведать надо.
Беседку нашу
овекает прохлада.
В пруду отражаются листья лотосов,
мерцание звездopaда.
Тихо платаны шелестят,
стоя, словно ограда,
Галереей стоят они в блеске
темно-лазурного наряда.
Ласточки, не в силах с людьми расстаться,
лепятся у фасада,
Неразлучницы-утки в пруду —
очарованье для взгляда.

Император. Гао Ли-ши, подай вина, мы пемпожко выпьем с госпожой.

Гао Ли-ши. Все уже приготовлено, прошу вас, ваше величество, и вас, госпожа, пожаловать в беседку.

Ян-гуйфэй собирается взять кубок.

Государь (удерживает ее). Сядьте, дорогая.

(Поет.)

На мотив «Цветы граната»

Пусть ваши тонкие пальчики
оставят подобный труд.
Не поднимайте до самых бровей
с вином драгоценный сосуд.
Мне хочется выпить вина,
ваши очи меня влекут.
Нальем немного, тихо споем,
поглядим на небо, на пруд.
Несколько кубков вина
радость нам принесут.
Так время мы проведем, не спеша,
не следя за бегом минут.

Дорогая, хотя пир у нас маленький, но все очень изысканное.

(Поет.)

Мы не будем сидеть за столом,
где высятся горы блюд,
Пусть актеры вам не мешают,
не играют и не поют,
Мы с вами свежих плодов вкусим,
в беседке найдя приют.
В трапезе скромной мы найдем
изысканность и уют,
Простота вам идет, хоть вы, не скрою,
созданы для причуд.

Дорогая, мне уже надоело слушать во время наших прогулок и пиров все эти старые мелодии Грушевого сада. Но вот, помните, как-то в Беседке густых ароматов мы любовались пионами и попросили ханьлиня Ли Бо написать три строчки «Чистой ровной мелодии», а потом приказали Ли Гуй-няню написать к ним ноты, и получилось прекрасно. Не знаю, дорогая, помните ли вы еще эту мелодику?

Я н - г у й ф э й. Я помню, государь.

Г о с у д а р ь. Дорогая, хорошо бы, вы для меня спели эти строфы, а я буду аккомпанировать вам на своей флейте.

Я н - г у й ф э й. Слушаюсь, ваше величество.

Юн-синь подает государю флейту, государь начинает играть.

Я н - г у й ф э й
(берет пайбань, отбивает такт и поет)

На мотив «Оборачиваясь в слезах»

Изобилье цветов,
в молчании сад застыл.
Вспомню ваше лицо,
едва на цветы взгляну,
Взгляну на облака — и тотчас
ваш наряд вспомяну.
Кто равен красавице, которой
император любовь подарил?
Только тапец Летящей Ласточки
был столь же легкокрыл,—
Цветок знаменитый, чьей улыбки
чистый любовный пыл
Приковывал государя
прочнее небесных сил.
Обратясь к весеннему ветру,
что над нею парил,
Едва не взлетела она из беседки,
прочь от резных перил.

Государь. Ум цветистый Ли Бо и ваши узорчатые уста совершенно превосходны в своем сочетании, ничто с ними не сравнится. Юн-синь, Нянь-ну, подайте большой кубок, мы выпьем с госпожой.

Юн-синь и Нянь-ну подают вино.

(Поет.)

На мотив «Дерущиеся перепелки»

Как весело ей свое пенье прервать
и присесть на узоры ковра.
Как радостно кубок мне передать ей
нынче,— как и вчера.

Дорогая, выпейте еще. *(Смотрит, как она пьет.)*

Нам не нужны «слова и вещи»,
томит нас эта игра,
Музыка нам не нужна и претит
суета дворца и двора.

(Опять заставляя ее пить.) Дорогая, еще кубок!

Я п-гуйфэй. Я уже больше не могу пить!
Государь. Юн-синь, Нянь-ну, встаньте на колени и умо-
ляйте госпожу!

Юн-синь и Нянь-ну. Слушаемся, ваше величество!
(*Становятся перед Ян-гуйфэй на колени.*) Госпожа, просим вас
выпить этот кубок вина.

Ян-гуйфэй пьет через силу, Юн-синь и Нянь-ну подбадривают ее.

Государь
(поет)

Молча, с кубком в руках, любуюсь,
 слышу милого голоса трели,
Давно уже на ее щеках
 два нежных цветка заалели.

Я п-гуйфэй (*опьянев*). Я и в самом деле совсем пьяна!

Государь
(поет)

Вмиг склопилась она, как плакучая ива,
 как цветок среди горных ущелий,
Усталая ласточка, слабая иволга,
 шепчет она еле-еле.

Госпожа опьянела. (*Обращаясь к прислужницам.*) Юн-синь,
Нянь-ну, усадите ее в экипаж и отвезите во дворец.

Юн-синь, Нянь-ну. Слушаемся, ваше величество!
Я п-гуйфэй (*опьянев, кричит*). Ваше величество!

Юн-синь и Нянь-ну ведут ее.

(*Опьяневшая, поет.*)

На мотив «Мотылек бьется о лампу»

Как будто на облачке легком парю,
 над зеленью полян.
Руки и ноги совсем ослабели,
 перед глазами туман.
Как будто груди лепестков,
 блестящий, словно сафьян,
Вместо воды источает
 дворцовый фонтан.

Как трудно выпрямить мне
 мой тонкий стан.
Руки мои — как ветви,
 что изломал буря,
Как будто мои «золотые лотосы»
 угодили в нежный капкан,
В беспорядке свисает прическа на плечи,
 над розами румян,
Со сладостью жажду войти в чертог,
 что чист и благоухан,
За полог скрыться, который из шелка
 и из золота ткан.

Юн-синь и Нянь-ну уводят Ян-гуйфэй. Незаметно в сопровождении евнухов появляется Гао Ли-ши; издали доносится барабанный бой.

Государь (в изумлении). Откуда вдруг эти звуки барабанов.

Ян Го-чжун
(быстро входит, говорит нараспев)

Удары барабанов из Юйяна
 нам разомкнули вежды,
Оборвали мелодию «Платье из перьев,
 радужные одежды».

(Обращаясь к Гао Ли-ши.) Где его величество?

Гао Ли-ши. Его величество в саду.

Ян Го-чжун. Положение весьма серьезное, я пройду без доклада. (Входит, видит императора.) Ваше величество, беда! Ань Лу-шань поднял мятеж, прямо без задержки прошел со своими солдатами через Тунгуань и не сегодня-завтра будет в столице.

Государь (в большом изумлении). А где же генерал Гэ Шу-хань, которому поручена охрана крепости?

Ян Го-чжун. Гэ Шу-хань потерпел поражение и сдался мятежникам.

Император
(поет)
На мотив «Восхожу на башенку»

Гэ Шу-хань потерпел поражение,
 говоришь ты мне, скороход!
Ань Лу-шань за оружие взялся
 и войною на нас идет.

Оп внезапно покинул Юйян
и, в свой черед,
Покорил Лоян и восточной столице
навязал свой жестокий гнет!
Сквозь Тунгуань прорвался он,
сквозь горный проход!
Ты испугал меня так,
что я весь трепещу, и вот —
Ты испугал меня так, что я весь трепещу,
и вот —
Я в страшной тревоге, душа не на месте,
на лбу выступает пот,
Ни свежесть цветов, ни лунный свет
отрады мне не несет.

Какой же у вас план действий? Можем ли мы дать отпор мятежникам, заставить их отступить?

Ян Го-чжун. Я уже не раз предостерегал ваше величество, что Ань Лу-шань непременно поднимет мятеж, но вы и слушать меня не хотели. А теперь случилось так, как я и предсказывал. Однако произошло это все-таки неожиданно быстро, и не знаю, как мы можем противостоять разбойникам. Лучше вам, ваше величество, пока отправиться в Шу, а мы соберем войско для защиты вашего трона.

Государь. Ну, хорошо. Сейчас же передайте припцам и сановникам, чтобы они были готовы следовать за мной в Шу.

Ян Го-чжун. Будет исполнено, ваше величество. *(Быстро удаляется.)*

Государь. Гао Ли-ши, приготовь коней, прикажи начальнику моей охраны Чэнь Юань-ли отрядить три тысячи солдат, взять их под свою команду и сопровождать нас в пути.

Гао Ли-ши. Будет исполнено, государь.

Евнухи. Ваше величество, просим вас вернуться во дворец.

Государь *(поворачивается и идет, говорит со вздохом)*. О, как было радостно и хорошо, и вдруг этот мятеж! Как же это так!

(Поет.)

На мотив «Мотылек бьется о лампу»

Спокойно мы во дворце пировали,
и не знали утрат.
Тревога! Тревога! Нынче мой край
мятежом объят.

Дуп-дун-дун! — боевые
барабаны гремят.
Ввысь от сигнальных костров
поднимается душный чад.
Разбежались подданные врассыпную,
паугад,
Все черным-черно, поменялись местами
земля и небоскат.
Печаль, о, печаль, в моем государстве
ныне разор и разлад.
Если западный ветер нам тьму принес —
в этом кто виноват?
Холод окутал Чанъань, и солнце
навек ушло на закат.

(Обращаясь за сцену.) Сегодня не тревожьте ее. А завтра на рассвете с пятой стражей отправимся в путь. *(Плачет.)* О, Небо, как я несчастлив! Приходится бежать от войск мятежников! Как утомительно будет для красавицы бесподобной, с яшмовым обликом и с лицом цветка, перенести трудности долгой дороги. Разве не горько думать об этом?

(Поет.)

Заключительная ария

В покоях дворцовых она привыкла
жить среди вечных усад,
Как вынесет горные тропы она,
как вынесет зимний хлад,
О дорогая моя,
любимая мною стократ!
Жаль мне тебя, нежнейший цветок,
источающий аромат!
В тяжкий путь суждено пуститься тебе
из дворцовых палат.

Заключительные стихи

Очертания смутные дворца
еще различить могу. *(Лу Лунь)*
Огни сигнальных костров
освещают заставу Ханьгу. *(У Юн)*
Оборвалась музыка, под облаками
ветер скорби летит — *(Ху Цэн)*
За тучей пыли осталась Чанъань, подобно
покинутому очагу. *(У Юань-хэн)*

БЕЕР С ПЕРСИКОВЫМИ ЦВЕТАМИ

Фрагменты

Действие пьесы происходит в последние годы правления Минов (XVII в.).

Молодой ученый Хоу Фан-юй, плененный красотой и голосом юной Ли Сян-цзюнь, «приемной дочери» хозяйки дома веселья Ли Чжэнь-ли, решает связать с ней свою судьбу. Но он беден, и у него нет денег ни на свадебные подарки, ни на угощение. Художник Ян Вэнь-цун предлагает взять на себя, все свадебные расходы, умалчивая о том, что делает это по поручению Жуань Дачэна, который дает Ян Вэнь-цуну деньги. Жуань преследует при этом определенную цель: в свое время он примыкал к ныне разгромленной клике придворных евнухов и оказался не у дел. Теперь он ищет возможности с помощью Хоу Фан-юя установить связи с членами патриотического общества «Возрождение» и тем самым повысить свой престиж. Сцена «Отказ от подарка» следует за описанием свадебного пира.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

ОТКАЗ ОТ ПОДАРКА

*Утро 16-го дня 3-го месяца 16-го года
правления Чунчжэня (1643)*

*Слуга в доме веселья входит, держа в руках урыльник,
говорит нараспев.*

С л у г а

Черепашья моча,
черепашья моча,

Из нее черепашки выходят,
 по земле коготками стуча.
 Черепашня кровь,
 словно моча, горяча,
 Из нее черепашки выходят,
 бесчисленные, как саранча.
 Где кровь черепашня, где моча
 для бедняка, для богача
 Различить невозможно: схожи они,
 как два плеча.
 Где черепашня кровь,
 где черепашня моча —
 Вовеки к этой загадке
 не подберешь ключа.
 Друг на друга похожи они,
 как два плеча,
 Родного батюшки не отличишь
 от чужого хрыча.
 К этой загадке вовек
 не подберешь ключа.
 Где племянник, где дядюшка — не поймешь
 ни с толмачом, ни без толмача.

(Смеется.) Безобразие! Безобразие! Вчера барышня Сян в первый раз припала гостя, шумели до глубокой ночи. Пришлось сегодня встать рано — опять надо чистить урыльник, выносить горшки. Со всеми делами не справиться. А эти девицы и их постоянные гости неизвестно еще до какого часа проваляются в объятиях.
(Чистит урыльник.)

Я п Вэнь-цун

(входит, поет)

На мотив «Ночью плыву в лодке»

Квартал Пинкан на улице Ив
 в утренний сон погружен.
 Но тревожит его молодой человек,
 в ворота стучится он.
 Закрыты двери юных красавиц,
 что смотрят последний сон.
 Крючки зазвенели, и занавески
 приподнялись с разных сторон.
 Лишь несколько тонких пологов —
 преграда тому, кто влюблен.

Я, Ян Вэнь-цун, пришел пораньше, чтобы принести свои поздравления господину Хоу. Посмотрите: ворота наглухо закрыты, не слышно голосов служанок; наверно, спят себе безмятежно и еще не вставали. (*Кричит.*) Бао-эр, подойди-ка к окнам молодой парочки и скажи, что я поспешил пораньше прийти поздравить их.

Слуга. Вчера они поздно легли, может быть, сегодня и не встанут. Прошу вас, господин, возвращайтесь домой, а завтра приходите.

Ян Вэнь-цун (*смеется*). Чепуха! Скорей иди да справься. Ли Чжэнь-ли (*за сценой*). Бао-эр, кто там пришел?

Слуга. Это господин Ян пришел с поздравлениями.

Ли Чжэнь-ли
(*поспешно входит, говорит нараспев*)

Только голову склонишь к подушке —
весенняя ночь пролетела.
Утром в ворота услышишь стук —
жди хорошего дела.

(*Видит Ян Вэнь-цуна.*) Очень благодарна вам, господин, вы устроили счастье моей девочки на всю жизнь.

Ян Вэнь-цун. Не стоит, не стоит. А что, молодые уже встали?

Ли Чжэнь-ли. Вчера поздно легли, еще не встали. (*Приглашает Ян Вэнь-цуна сестрь.*) Прошу вас, господин, садитесь, а я пойду потороплю их.

Ян Вэнь-цун. Не беспокойтесь, не беспокойтесь.

Ли Чжэнь-ли уходит.

(*Поет.*)

На мотив «Изящен каждый шаг»

Любовь между юношей и девушкой
во многом подобна вину,
Настоянному на цветах
и слитому в чашу одну.
Мыслей иных не зная, они
встречают свою весну,
Оба в сладостном мире грез
отдаются блаженному сну.

А ведь это я помог им.

Блестит нефрит, драгоценный жемчуг
излучает голубизну,
Узорное платье шелестит,
нарушая тишину.
Драгоценности делают женщину краше,
что приятно опекуну.
Образец изящества, она
красотой затмевает луну.

Ли Чжэнь-ли (*входит*). Смешно! Смешно! Возьмется там со своими застегками, посмотрят в зеркало. Только что причесались и умылись, еще не кончили одеваться. Прошу вас, господин, пойдемте во внутренние покои, позовем их. Сейчас, в это утреннее время, самое подходящее выпить бодрящего вина.

Ян Вэнь-дун. Прервал их прекрасный сон. Виноват, виноват!

Вместе уходят.

Хоу Фан-юй, Ли Сян-цзюнь входят в роскошных нарядах.

Хоу Фан-юй
(поет)

На мотив «Опьянен весенним ветром»

О миг, когда встретится туча с дождем,
память о нем жива!
Мы только что встретили его,
миг сладостного торжества.
Кто тревожит уток-неразлучниц,
задремавших едва-едва?
По красному одеялу
словно бы волны прошли!
Душа полна ликования, в устах
радостные слова.

Хоу Фан-юй, Ли Сян-цзюнь
(поют)

Подушки хранят аромат
полночного волшебства,
И тот же аромат хранят
повязка и рукава.

Только что мы познали вкус
любовного колдовства —
От которого растворяется душа
и кружится голова!

Ян Вэнь-цун и Ли Чжэнь-ли входят.

Ян Вэнь-цун. В самом деле уже встали. Поздравляю, поздравляю! (*Кланяется, садится.*) Ну как — пришли ли вам по душе стихи, которые я вчера подарил невесте?

Хоу Фан-юй (*кланяется*). Мы очень благодарны вам. (*Смеется.*) Хороши, очень хороши! Только вот одно...

Ян Вэнь-цун. Что же?

Хоу Фан-юй. Сян-цзюнь хоть и мала, но все равно спрятать-то ее надо в золотые хоромы. (*Смотрит на свои рукава.*) А сюда разве поместится?

Все смеются.

Ян Вэнь-цун. Вчера вы, конечно, в «залог любви» пода-рили невесте настоящий шедевр.

Хоу Фан-юй. Кое-как наспех набросал, даже не смею показать вам.

Ян Вэнь-цун. Где стихи?

Ли Сян-цзюнь. Стихи на веере. (*Из рукава достает веер.*)

Ян Вэнь-цун (*берет у нее веер, рассматривает*). Белый шелковый веер. (*Нюхает.*) И аромат удивительный. (*Читает стихи.*) Прекрасно! Прекрасно! Только Сян-цзюнь достойна таких стихов. (*Отдает ей веер.*) Спрячь-ка лучше его.

Сян-цзюнь прячет веер в рукав.

(Поет.)

На мотив «Хорошо в садах и лесах»

Воистину — здесь и персика запах,
и сливы, и вешних трав

Запечатлели вы, эти стихи,
на веере записав.

Но боюсь, они так легки, что ветер,
дующий с дальних застав,

Развеет их — и потому скорее
спрячьте веер в рукав.

Советую — поскорее
спрячьте веер в рукав!

(Смотрит на Ли Сян-цзюнь.) Взгляните, после сегодняшней почти Сян-цзюнь еще похорошела. (Обращаясь к Хоу Фан-юю.) Вам, господин, посчастливилось, завладели такой необыкновенной красавицей.

Хоу Фан-юй. Сян-цзюнь очаровательна своей естественной красотой. Сегодня воткнула в прическу несколько украшений, надела платье из узорного шелка, и к ее совершенной красе еще добавилось немного прелести. В самом деле, очень мила.

Ли Чжэнь-ли. И это все благодаря господину Яну.

(Поет.)

На мотив «Речная вода»

Оп подарил парчу
для повязки головной.
Полный драгоценностей
ларец резной,
Полог с висячими украшениями
и бахромой цветной.
Горели шелковые фонарики
в темноте ночной,
Из чарок золотых друг друга
угощали влагой хмельной,
Вместе пировали
и пели под луной.

И сегодня пораньше поспешил навестить.

Совсем, как собственной дочери —
отец родной,
Приданое дал,
не постоял за ценой,
И опять рано утром пришел,
чтобы порадовать мужа с женой.

Сян-цзюнь. Я вот думаю: господин Ян хоть и очень близкий родственник губернатора Ма, но живет на чужбине и сам испытывает нужду, с чего это он так легко бросается деньгами, чтобы облагодетельствовать бедную невичку? С моей стороны, принять это от вас — стыдно, а вам дары эти славы не прибавят. Я хотела бы выяснить, в чем тут дело, чтобы знать, как поступить.

Хоу Фан-юй. Сян-цзюнь права. Познакомились мы с вами, господин Ян, совсем недавно, а вы вчера проявили к нам такую щедрость и доброту, что мне тоже как-то не по себе.

Я н Вэнь-цун. Раз вы спрашиваете, то мне остается лишь сказать вам правду. Приданое и угощение обошлись в двести с лишним золотых, и дал их хуайнинец.

Хоу Фан-юй. Какой хуайнинец?

Я н Вэнь-цун. Жуань Юань-хай, который был ведающим императорской трапезой.

Хоу Фан-юй. Это тот самый Жуань Да-чэн, что из провинции Аньхуэй?

Я н Вэнь-цун. Да.

Хоу Фан-юй. А чем объяснить такое его внимание к нам?

Я н Вэнь-цун. Только желанием завязать с вами дружбу.

(Поет.)

На мотив «Пятикратное подношение»

Его восхищает ваш облик, имя
и знание этикета,
Талант ваш, сравнимый с талантом Цзо Сы,
исполненный силы,
Ваш, достойный Западной Хань,
дар прозаика и поэта
И то, что вас повсюду встречают
слова приветия,
Как Пань Юэ, на которого все стремились
взглянуть
в годы его расцвета,
В этом месте прекрасном, у реки Циньхуай,
что влюбленными воспета,
Вы взяли в подруги себе красавицу,
самый нежный цветок из букета.
Вам понадобилось одеяло
с уточками-неразлучницами
И наряд для невесты — чтоб подчеркнуть
изящество сплута.
Старший Жуань, сделав из этого
что-то вроде секрета,
Взял на себя заботы о свадьбе,
и ждет ответа.

Хоу Фан-юй. Оказывается, это Жуань, который держал государственные экзамены вместе с моим отцом! Я презираю его и давно порвал с ним всякие отношения. Мне совсем не понятно, почему он теперь, без всякого на то основания, проявляет к нам такие чувства.

Ян Вэнь-цун. У почтенного Жуаня большое горе, он хотел бы повидаться с вами и все объяснить.

Хоу Фан-юй. А в чем же дело, позвольте спросить?

Ян Вэнь-цун. Почтенный Жуань в свое время, так же как и я, был учеником Чжао Мэн-бая. Потом сблизился с кликой Вэя, правда, только ради того, чтобы оказать помощь дунлиньцам. Он никак не предполагал, что дунлиньцы, когда клика евнухов потерпит поражение, отнесутся к нему непримиримо. В последнее же время участники «Возрождения» начали настоящую кампанию — всю ругают и позорят его. Разве это не значит, что «братья идут против брата»? И хотя у почтенного Жуаня немало старых друзей, но из-за его сомнительного поведения никто не желает вступиться за него. Каждый день, обратясь к Небу, он рыдает и говорит: «Свои нападают на своего же, как это прискорбно, и некому поддержать меня, кроме господина Хоу из Хэпани». Поэтому он сейчас, так настоятельно ищет с вами дружбы.

Хоу Фан-юй. Вот как, оказывается. По-моему, у Жуань-хая причина для печали весьма веская, мне и то стало жалко его! Пусть даже он действительно входил в клику Вэя, а потом, раскаявшись, пришел к нам, и то не следует так решительно отвергать его, а уж тем более у него есть оправдание. Дин-шэн и Цы-вэй — самые мои близкие друзья, завтра я их увижу, и мы все обсудим.

Ян Вэнь-цун. Если так, то все мы будем счастливы.

Сян-цзюнь (*сердится, обращается к Хоу Фан-юю*). Что вы такое говорите? Жуань Да-чэн изо всех сил выслуживался перед негодяем временщиком, потерял всякий стыд и совесть. Даже жепцины и девичьи оплевывают, поносят его. Все его ругают, а вы берете под свою защиту, сами-то вы с кем?

(Поет.)

На мотив «На реке плеснуло весло»

У легкомыслия
на поводу,
Вы словами бросаетесь и готовы
заплатить любую мзду.
Желаете вы отвести
от него беду,
Но берегитесь подвергнуться сами
людскому суду.

Или вы считаете, что из-за дорогих подарков, им поднесенных, надо закрыть глаза на все остальное, думая лишь о своей выгоде? Так знайте же, что эти браслеты, булавки, юбки да платья не смогут ослепить мои, Сян-цзюнь, глаза! (*Вытаскивает из волос булавки, снимает платье, поет.*)

Сниму наряды, булавки,
все прочее тоже сниму,
Ничего, что бедна я,
я стерплю нужду.
У человека холщовое платье
и денег нет на еду,
Но главное — доброе имя, с которым
я по жизни иду.

Ян Вэнь-цун. Ай-ай-ай! Очень уж горячий характер у Сян-цзюнь.

Ли Чжэнь-ли. Такие прекрасные вещи — и бросить на пол! Жалко, жалко! (*Подбирает.*)

Хоу Фан-юй. Я, конечно, далеко не так хорошо во всем разбираюсь, как ты; поистине, ты — настоящий, прямой друг. (*Обращаясь к Ян Вэнь-цуну.*) Господин, не сердитесь. Я очень признателен вам за то, что вы мне сказали, но боюсь, что эта девица поднимет меня на смех.

(*Поет.*)

На тот же мотив

В переулках Пинкана,
этого грязного квартала,
Она о порядочности и чистоте
рассуждала,
А мы, которых пестовали
школа и дворцовая зала, —
Это мы-то, которых воспитывали
школа и дворцовая зала! —
Оказывается, не отличаем
благородного от нахала,
Перепутали черное с белым
и о чести не знаем нисколько.

Мои друзья-единомышленники ценят меня именно за готовность вступить за обиженного, но если я буду доверяться бесчестным

и вероломным, то восстановлю друзей против себя, тогда и самому некогда будет спастись, где уж думать о другом.

Никогда еще так
 не бывало,
Чтобы порядочность
 на виду лежала.
Достоин человек
 почета или скапдала —
Надобно хорошенько
 подумать сначала.

Яп Вэнь-цун. У почтенного Жуаня намерения были самые хорошие, нельзя все-таки так жестоко относиться к нему.

Хоу Фан-юй. Будь я последний глупец, и то не соглашусь лезть за другим в колодезь.

Яп Вэнь-цун. В таком случае мне остается лишь попрощаться и уйти.

Хоу Фан-юй. Все эти ларцы и коробки, как оказалось, принадлежат господину Жуаню. Сян-цзюнь они не нужны, так что нет смысла оставлять их здесь. Пожалуйста, заберите это с собой.

Яп Вэнь-цун
(поет)

Добрые чувства хотел проявить,
 завязал разговор,
Неожиданно натолкнулся
 на жестокий отпор.
С хорошим настроением
 входил я в этот двор —
Теперь возвращаясь домой, ничему
 не радуется взор.

(Уходит.)

Сян-цзюнь в гневе.

Хоу Фан-юй (смотрит на нее). Сян-цзюнь очаровательна своей естественной красотой, — сорвала с себя украшения, сняла платье из узорного шелка, и к ее совершенной красоте добавилось столько же, еще милее стала.

Ли Чжэнь-ли. Так-то так, а все-таки жаль, что отказалась от такого множества подарков.

(Поет.)

Заключительная ария

И жемчуг и золото, что украшают
женскую статью,
Выпустила из рук,
отказалась принять.
Не надо было девчонку глупую
так баловать!
Нет никакой благодарности в ней,
впдать,
К той, что ей заменить старалась
родную мать.

Хоу Фан-юй. Эти вещи совсем не стоят того, чтобы о них
печалиться. А все расходы я, как и полагается, возьму на себя.
Ли Чжэнь-ли. Ну, тогда ладно.

Заключительные стихи

Ли Чжэнь-ли

Придется вести разговор о расходах,
спорить по пустякам.

Ли Сян-цзюнь

Та, что в юбке холщовой, не хуже тех,
что привыкли к шелкам.

Хоу Фан-юй

Только Сян-цзюнь способна была бы
отказаться от этих подвесок.

Ли Сян-цзюнь

Подражать я не стану красоткам нынешним,
накрашенным их щекам.

В 1643 году крестьянское войско под руководством Ли Цзы-чэна захватило столицу Минской династии — Пекин; император покончил с собой, а придворная знать бежала на юг. В 1644 году один из минских принцев — Фу-ван — в Нанкине провозгласил себя императором. Однако неспособность Фу-вана к управлению, нежелание организовать отпор наступающим с севера маньчжурским завоевателям, а также разложение и предательство сановников послужили причиной быстрого падения (в 1645 г.) его правительства.

Зловещую роль при дворе Фу-вана играли Ма Ши-ин и Жуань Да-чэн. Занимая высокие посты, они преследовали только личные цели и с помощью интриг расправлялись со своими противниками. Оклеветанный ими Хоу Фан-юй был вынужден бежать из Нанкина, а после возвращения вместе со своими единомышленниками из общества «Возрождение» оказался в тюрьме. Ли Сян-цзюнь, отвергнув подарки Жуань Да-чэна, принуждают выйти замуж за сановника Тянь Яна. Когда за ней являются, чтобы вести в его дом, Ли Сян-цзюнь отчаянно сопротивляется. Она падает, а кровь с ее разбитого лица попадает на белый веер — подарок Хоу Фан-юя. Художник Ян Вэнь-цун дорисовывает на веере ветки и листья персикового дерева (отсюда и название драмы). Позже в числе других певичек Ли Сян-цзюнь попадает во дворец Фу-вана, где остается до того момента, как император тайно покидает столицу. Вместе с учителем пения Су Кунь-шэном и художником Лань Тянь-шу уходит из Нанкина и сама Ли Сян-цзюнь. Су Кунь-шэн только что вернулся из далекого путешествия в лагерь полководца Цзо Лян-юя, который мог подтвердить невиновность оклеветанного Хоу Фан-юя. Однако Су Кунь-шэн опоздал: полководец, сам оказавшийся жертвой интриг Ма Ши-ина и Жуань Да-чэна, покончил с собой. Вернувшись, Су Кунь-шэн узнает, что двери тюрем открыты, все узники, в том числе и Хоу Фан-юй, бежали. Ли Сян-цзюнь не теряет надежды найти своего любимого. Через три года после разлуки в горах Цися происходит встреча героев. Они по-прежнему любят друг друга, но обстоятельства вынуждают их расстаться.

СЦЕНА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

БЕГСТВО

10-й день 5-го месяца 18-го года
правления Чунчжэня (1645).

Император Хунгуан
(в простом одеянии, верхом на коне появляется в сопровождении
двух евнухов и двух фрейлин с фонариками, поет)

На мотив «Девушка, что ароматная ива»

Услышали — третью стражу бьют —
и загремели засовами.

Услышали — третью стражу бьют —
и загремели засовами.

Кони, быстры и легки,
 стучат подковами.
Дует ветер за воротами
 дворцовыми.
Свечи в фонарях
 плачут слезами пунцовыми.

Я — император Хунгуан. Когда Цзо Лян-юй со своими солдатами неожиданно двинулся на восток, я перебросил свои войска, чтобы преградить им все пути для наступления. Кто бы мог подумать, что солдаты с севера воспользуются этим и переправятся через Хуайхэ. В настоящее время они держат в осаде Янчжоу, и Ши Кэ-фа какую уж ночь подряд просит срочной помощи. Все в смятении, ни у кого нет желания обороняться. А эти Ма Ши-пин и Жуань Да-чэн скрылись неизвестно куда. По всему видно, что не усидеть мне на возрожденном минском престоле. Перебрал множество планов и решил, что наилучший выход из создавшегося положения — бежать. Только что сел на коня и покинул дворец. Тут же послал солдат с мандатом, которые должны проложить путь и, обманув стражу, открыть городские ворота. Мне бы только выехать из Нанкина, а там у меня есть место, где спрятаться.

(Поет.)

Воспользуемся тем, что на улице Тяньцзе
 тишина.
Воспользуемся тем, что на улице Тяньцзе
 тишина.
Спустимся к башне Фениксов —
 ночь темна.
Не смог забыть о супружеском долге
 и придержал скакуна.

(Кричит.) Жены мои и наложницы, поторапливайтесь, да держитесь все вместе.

(Поет.)

Они совсем как Мин-фэй,
 что варварам отдана,
Совсем, совсем как Мин-фэй,
 что варварам отдана,
С лютней в руках,
 печалью поражена,
Жемчужные слезы на землю
 роняла она.

(Быстро удаляется.)

Ма Ши-ин
(быстро скачет на коне, поет)

На тот же мотив

Сломлены замки на Янцзы,
враги получили вход,
Прорвана линия обороны,
враги получили вход.
Каменные стены Нанкина
падут вот-вот,
Я высший чиновник,— по дешевке
продамся,
но покупатель нейдет.

Я — Ма Ши-ин, в третью стражу отправился во дворец и только тут узнал, что император скрылся. Мне, его министру, лишь оставалось тоже потихоньку бежать.

(Поет.)

Поскорее переоделся,
все рассчитал наперед,
Оделся в чужое платье,
все рассчитал наперед,
Покинул свой дом на улице Цзиэ
до того, как пришел восход,
Но боюсь, что мне помешают враги,
возьмут меня в оборот.

(Оборачиваясь назад, указывает.) Вот те красавицы, десяток повозок с тюками — одеждой и украшениями, мои скромные накопления, которые я сделал, пребывая на служебном посту. Нельзя, чтобы они попали в руки врагов. *(Кричит.)* Поторапливайтесь!

Две наложницы *(появляются верхом)* и несколько слуг *(с тачками)*. Здесь мы, здесь!

Ма Ши-ин. Хорошо! Хорошо!

(Поет.)

Умный человек
в дорогу с собой возьмет
И похоронные принадлежности,
и добро, и деньги, и скот,
И жен своих, и наложниц
непременно возьмет в поход.

(Обходит кругом сцену.)

Несколько горожан (с дубинками, входят, кричат). Ты — предатель Ма Ши-ин. Это из-за тебя народ обнищал, а государственные богатства страны растрачены. Сейчас посадил своих жеп на коней, погрузил добром повозки — куда это ты собрался? Держите его скорей! (*Сбрасывают Ма Ши-ина с коня, сдирают с него одежду и, забрав женщин и все имущество, уходят.*)

Жуань Да-чэн
(*появляется верхом на коне, поет*)

На тот же мотив

Что за лестное пазначение:
было доверено мне
Оборонные укрепления на Янцзы
проверить по всей их длине.
Какое прекрасное пазначение, —
говорю серьезно вполне, —
Объехать с ревизией Янцзы
было поручено мне.
Кто замешит меня, коль убьют
меня, с другими паравне?
Лучше брошу я в воду свиток свой,
пускай лежит на дне.

Сегодня мне, однако, приходится бежать. Только не знаю, министр-гуйянец удрал или сдался врагам?

Конь Жуань Да-чэна спотыкается о лежащего на земле Ма Ши-ина.

О, почтенный министр из Гуйяна! Как это вы тут оказались?

Ма Ши-ин (*стонет*). Теперь мне уж не убежать. Семью и все имущество забрали бунтовщики, а меня сбросили на землю.

Жуань Да-чэн. Вот как! Мои домочадцы и дорожные вещи там, позади. Нельзя, чтобы их у меня отняли.

(*Поет.*)

Вы насмехались надо мной
и злословили наверняка,
Вы всегда смеялись надо мной
и злословили наверняка,
За то, что я прикопил добра, —
золото, деньги, шелка, —
И взял наложницу не одну,
чей стан стройней тростника.

Поверну-ка я назад да поеду встречу их.

Толпа горожан (с дубинками в руках, окружив женщин и волоча мешки с вещами, входят). Это все собственность Жуань Да-чэна, только что забрали, давайте скорей делить!

Жуань Да-чэн (кричит). Трусливые рабы, как посмели захватить то, что принадлежит мне, Жуань Да-чэну?

Горожане. А, ты как раз и есть сам Жуань Да-чэн? Очень хорошо! (Сбивают его с коня дубинкой, сдирают с него одежду.) Оставим ему его собачью жизнь, а сами пойдем на улицы Цзиэ и Куцзыдан, спалим его дома.

(Уходят.)

Ма Ши-ин. Повредили поясицу, теперь мне уже не встать.

Жуань Да-чэн. Перебили мне руки, и я тут оказался с вами.

(Вместе поют.)

Печально, что мы попали
в такую беду.

Как печально, ужасно, что мы попали
в такую беду.

Оба от кулаков деревенщины
наторпелись, к большому стыду,
Обоих нас покалечили
у всех на виду.

Ян Вэнь-цун (в парадной чиновничьей одежде, верхом на коне, появляется в сопровождении слуги, несущего дорожные вещи). Я — Ян Вэнь-цун, вновь назначенный губернатор областей Сучжоу и Сунцзян. Сегодня, десятого числа пятого месяца, благоприятный день для того, чтобы отправиться к месту службы. Собрал вещи и пустился в дорогу, а все свои книги, картины, редкие безделушки пока оставил в «Тереме красавиц», поручил их Лань Тянь-шу, он потом привезет их. А я поеду налегке — вот только с этим узлом.

Слуга. Господин, прошу вас поторопиться.

Ян Вэнь-цун. А в чем дело?

Слуга. На улицах только и говорят, что с севера пришло тревожное сообщение, а государь и первый министр этой ночью бежали.

Ян Вэнь-цун. Вот как! Скорей, скорей из города! (Быстро едет; внезапно конь его шарахается и останавливается.) Странно! С чего это лошадь испугалась и не идет дальше? (Кричит.) Эй, посмотри-ка!

Слуга (смотрит). На земле два мертвеца.

Ма Ши-ип, Жуань Да-чэн (*стонут*). Ой! Ой! Спасите, спасите!

Ян Вэнь-цун. Живы еще. Посмотри, что за люди?

Слуга (*всматривается*). Похоже, это господа Ма и Жуань.

Ян Вэнь-цун (*кричит*). Чепуха! Как это может быть? (*Сдерживая коня, смотрит с изумлением.*) О! Все-таки это они. (*Слезает с коня, дотрагивается до них.*) Этого еще не хватало! Как это вы оказались в таком положении?

Ма Ши-ин. Смутьяны отняли все дочиста, только жизнь оставили.

Жуань Да-чэн. А я поспешил на выручку, да сам попал в такую же беду.

Ян Вэнь-цун. А где слуги, которые были с вами?

Ма Ши-ип. Наверно, тоже воспользовались случаем, чтобы поживиться хозяйским добром, и разбежались кто куда.

Ян Вэнь-цун (*кричит слуге*). Эй, скорей помощи этим двум господам подняться, достань из узла платье и дай им одеться.

Слуга помогает Ма Ши-ину и Жуань Да-чэну одеться.

К счастью, у меня есть лишний конь. Садитесь на него вдвоем да поскорей покиньте город.

Слуга (*помогает Ма Ши-ину и Жуань Да-чэну сесть на коня, идет, поддерживая их в седле*). Ну вот,

Истый учитель, истый друг —
вместе мерзнут они.

Если дать им коня — на него
вместе сядут они.

Ма Ши-ин и Жуань Да-чэн удаляются.

Господин, держитесь от них подальше, а то, пожалуй, наткнутся на своих врагов, тогда и нам заодно попадет.

Ян Вэнь-цун. Да, да. (*Смотрит вдаль*). Смотри-ка, там какие-то бунтовщики, прямо сюда направляются, скроемся поскорей. (*Съезжает на обочину.*)

Певички Коу Бай-мэнь, Чжэн То-нян
(*с растрепанными прическами, входят, поют*)

На тот же мотив

Звуки песен наших дворец наполняли
и неслись в небеса.

Звонкие песни дворец наполняли,
и неслись в небеса.

Юбки наши, как лотосы на воде, раскрывались,
блистали шелковые пояса,
К третьей страже еще продолжали звучать
наши чистые голоса.

(Видят Ян Вэнь-цуна.) Господин Ян, а вы почему здесь?

Ян Вэнь-цун *(узнает их)*. О, это Коу Бай-мэнь и Чжэн То-пянь! А вы-то, сестрицы, как оказались на улице?

Коу Бай-мэнь. Как раз когда мы пели и танцевали во дворце, вдруг вино кончилось, светильники погасли, все евпухи и фрейлины разбежались, чего же нам еще оставалось ждать? Вот мы и вышли на улицу.

Ян Вэнь-цун. А почему нет Ли Сян-цзюнь?

Чжэн То-пянь. Вышли мы все вместе, но она на своих маленьких ножках идти не может, наняла паланкин и уже там, впереди.

Ян Вэнь-цун. А правда, что государь оставил дворец?

Коу Бай-мэнь. Сзади идут Шэнь Гун-сянь и Чжан Янь-чжу, они знают все, как есть.

Вбегают Шэнь Гун-сянь в наброшенной одежде, с барабаном в руках и Чжан Янь-чжу, бородатый, с непокрытой головой, шелковую шляпу несет в руке.

(поют)

Наш государь точь-в-точь
чэньский Хоу-чжу,
Что во дворцах Линчунь и Цзецзи предавался
веселому кутежу,
Совсем как Цинь-ху, что, заслышав коней врага,
приближающихся к рубежу,
Поджидал их, раскладывал сани и лютни,
присев на межу.

(Видят Ян Вэнь-цуна.) Давно не видели вас, господин Ян.

Ян Вэнь-цун. А почему у вас такой растерянный вид?

Шэнь Гун-сянь. А вы, господин, ничего еще не знаете? Солдаты с севера перешли через Янцзы, государь ночью потихоньку уехал.

Ян Вэнь-цун. А вы куда направляетесь?

Чжан Янь-чжу. Сейчас по своим домам, посмотрим, как там дела, а утром уйдем из города.

Чжэн То-пянь. А мы не боимся; вернемся в наш «Терем» и подготовимся к приему гостей.

Ян Вэнь-цун. В такое-то время и думаете о том, чтобы принимать гостей!

Чжэп То-нян. А вы, господин, разве не знаете, что только в казармах и можно хорошо заработать?

(Поет.)

Мы продадим свои танцы и песни,
уйдя отсюда подале,
Мы продадим свои танцы и песни,
уйдя отсюда подале.
Раз уж угасли светильники
в богато украшенной зале,
Коль скоро в суйском дворце
ивы поникли в печали,
Коль скоро в суйском дворце
с горя цветы увяли.

Шэнь Гун-сян, Чжан Янь-гу, Чжэн То-нян и Коу Бай-мэнь уходят.

Ян Вэнь-цун. Они своими глазами видели, как государь покинул дворец. Да, дела совсем плохи. Поеду поскорей в «Терем красавиц», соберу вещи да поскорее отправлюсь в свои родные места.

(Поет.)

На тот же мотив

Вижу — улицы
беженцами забиты.
Впжу — все улицы
беженцами забиты.
Мы остались без государя,
без министров, совсем без защиты.
В суматохе трудно уйти за Цзянгуань
даже людям государевой свиты.

(Подъезжает к «Терему красавиц».) Вот и ворота дома Ли. *(Слезает с коня, горопливо стучит.)* Откройте! Откройте!

Лань Тянь-шу *(поспешно входит)*. Опять кто-то стучит. *(Открывает ворота, видит Ян Вэнь-цуна.)* Господин Ян, вы почему вернулись?

Ян Вэнь-цун. С севера пришла спешная весть, государь и министры убежали, так что ничего у меня с губернаторством не получится.

(Поет.)

Книги свои и лютню, чьи звуки
возникают, как по волшебству,
В платок заверну и поверх него
перетяну бечеву.
Любимые книги и лютню, чьи звуки
возникают, как по волшебству,
В платок заверну и поверх него
перетяну бечеву.
Переоденусь в одежду тех,
кто привык копаться в хлеву,
В лодку сяду
и поплыву.

Лапъ Тянь-шу. Вот как, оказывается, вышло. Только что
вернулась Сян-цзюнь, она тоже говорит, что государь тайно уехал.
(Кричит.) Сян-цзюнь, иди сюда скорей.

Сян-цзюнь (*входит, видит Ян Вэнь-цуна*). Всякого счастья
вам, господин Ян.

Ян Вэнь-цун. Давно мы с тобой не виделись. Расскажи
мне быстрее, как дела, и тут же простимся.

Сян-цзюнь. А куда вы хотите отправиться?

Ян Вэнь-цун. Вернусь к себе в Гуйян.

Сян-цзюнь (*еле сдерживая слезы*). Господин Хоу все еще
в тюрьме, вы уезжаете на родину, оставляете меня здесь одну, кто
же обо мне позаботится?

Ян Вэнь-цун. В такое смутное время даже отец и сы-
новья не думают друг о друге.

(Поет.)

Вот в таком положенье,
когда всем тяжело,
Вот в таком положенье,
когда торжествует зло,
Каждый решает сам за себя,
куда повернуть весло,
Не падейся в такое время к кому-то
супуть голову под крыло.

Су Кунь-шэн
(*быстро входит, говорит нараспев*)

Военачальник доблестен был,
но не смог одолеть преград,
Государь лишился престола,
и не счесть утрат.

Я — Су Кунь-шэн, вернулся в столицу из Хугуана. Кто бы подумал, что случится такое несчастье! Пойду пока к певичкам, разумею, что слышно о господине Хоу, и обсудим, что делать дальше.

(Поет.)

На тот же мотив

Я поспешил
назад.
Где верный друг мой
и брат?
Военные флаги и знамена
перед глазами стоят,
Все изменилось, земли и неба
не узнает мой взгляд.

Вот я и пришел, надо войти. *(Видит Ян Вэнь-цуня, Лань Тянь-шу, Ли Сян-цзюнь.)* Здравствуйте! Господин Ян здесь, и Сян-цзюнь вышла из своих покоев, а почему не видно господина Хоу?

Ян Вэнь-цун. Господин Хоу еще в тюрьме.

Сян-цзюнь. Учитель, откуда вы?

Су Кунь-шэн. Чтобы выручить господина Хоу, я совершил далекий путь в Учан, но случилось так, что Ниннаньский хоу неожиданно умер. Несколько почей подряд шел я обратно в столицу; услышав о том, что начались беспорядки, сразу помчался к воротам тюрьмы и увидел, что все замки открыты.

(Поет.)

Заключенные бросились врассыпную,
как стая ворон.
Заклученные бросились врассыпную,
как стая ворон.
Сети открыты полностью,
с трех сторон.
Кто же бедному сючаю
мог нанести урон?

Сян-цзюнь *(плача)*. Учитель, скорей, скорей найдите его мне.

Ян Вэнь-цун
(указывая на улицу, поет)

Видите, дым и пыль
застили небосклон.
Видите, дым и пыль
застили небосклон.

Сейчас бросают детей,
бросают жен,
Трудно снова встретиться тем,
кто разлучен.

(Обращается к Сян-цзюнь.) Прекрасно! Прекрасно! Раз учитель остается с тобой тут, то я покидаю столицу. (Кричит.) Почтенный Лань, собери-ка вещи, и отправимся вместе.

Лапъ Тянь-шу. Я ведь из Ханчжоу, как могу идти с вами в такой дальний путь?

Яп Вэнь-цун. Раз так, то я сейчас надену дорожное платье, и расстанемся. *(Переодевается и прощается.)*

(Говорит нараспев.)

Как бесприютная душа,
возвращаясь за десять тысяч ли.
Словно во сне совершил прогулку —
так эти три года прошли.

(Садится на коня.)

Слуга берет дорожные вещи; оба удаляются.

Сяп-цзюнь (*плачет*). Вот и господин Ян ушел, теперь только вы, учитель, понимаете, какое у меня горе. Вам пришлось проделать длинный и полный опасностей путь — «пройти через тысячи гор и десятки тысяч рек» в поисках господина Хоу. Вот уж не думала, что я окажусь во дворце, а господин Хоу в тюрьме и не суждено нам будет увидеться. Сейчас я покинула дворец, а господин — тюрьму, и опять нам не встретиться. Прошу вас, учитель, пожалейте меня и возьмите с собой, будем вместе искать его повсюду.

Су Кунь-шэн. Если господин не пришел сюда, то, конечно, его уже нет в городе. Где же его искать?

С я н - ц з ю н ь. Обязательно падо пайти.

(Поет.)

На тот же мотив

Пусть даже до края небес
нам дойти суждено,
Пусть даже до края небес
нам дойти суждено,
Пусть на десятиях островах побывать
придется нам заодно,

Пусть за пределами мира земного
придется искать — все равно,
Увидим весь мир, железные ботинки истопчем,
износим грубое полотно.

Я остановлюсь лишь тогда, когда найду господина Хоу.

Лань Тянь-шу. На северо-западе все забито войсками.
Там, пожалуй, он не мог переправиться через Янцзы. Если уж ис-
кать, то на юго-востоке, на горных дорогах.

Сян.-цзюнь. Так пойдемте туда, что нам мешает?

(Поет.)

Вижу горы вдаль, на дорогах там
пусто и темно,
Вижу горы вдаль, на дорогах там
пусто и темно.
Эта местность на гору Тяньтай похожа,
и чувствую я, что давно,
Еще в прежней жизни, было нам это
предопределено.

Су Кунь-шэп. Раз уж твое единственное желание пайти
господина Хоу, а я, старик, хочу укрыться от беспорядков, то луч-
ше всего тебе идти со мной. Только не знаю, куда же нам напра-
виться.

Лань Тянь-шу *(показывает рукой)*. Там, на востоке от
Нанкина, в горах Цися, редко встретишь людей. Там господин
Чжан Йо-син, бывший начальник императорской гвардии, долж-
ность свою оставив, старается уподобиться святым. Я как раз со-
бираюсь навестить его, своего учителя. Почему бы вам не пойти
вместе со мной? Кто знает, может быть, и посчастливится встре-
титься со своим суженым.

Су Кунь-шэп. Прекрасно! Прекрасно! Свяжем свои вещи
и оставим город.

Каждый взваливает узел на спину, идут.

Сян.-цзюнь
(поет)

Покинула «старый лагерь» —
и путь мой далек.
Покинула «старый лагерь» —
и путь мой далек.

Корень чувства, нашей любви
нежный росток —
Неужели исчезнут они, как исчез
родного дома дымок?

Су Кунь-шэп. Впереди городские ворота. Боюсь, пачнут допытываться, кто мы и откуда.

Лапъ Тянь-шу. Давайте скорей пролезем через эту пробоину в стене.

С я н - ц з ю н ь. Как болят ноги, сказать невозможно!

Заключительные стихи

Сяи-пзюнь

Трудно идти, не удержишь слез,
что бегут по щеке.

Су Кунь-шэн

Как перекасти-поле, гонимое ветром,
двинулись мы налегке.

Л а н ь Т я н ь - ш у

В гроте горы Таоюань
нет походов и войн,

С Я Н - Ц З Ю Н Ъ

Зато два лотосовых цветка
там цветут на одном черенке.

ОТМЕНЕННЫЙ ПИР

«Лаодань» в роли старой Лю входит, опираясь на посох.

Лю
(поет)

На мотив «Белая береза» в тональности «бэй чжунлюй»

В темной юбке служанки, с седой головою,
У вельможи в довольстве живу и покое.
Ясно помню те дни, когда бедным он был сиротой...
А теперь он богатый такой,
Знаменитый такой!
Шлет ему повеленья свои государь:
Пламенеют печати, бумага желта, как янтарь!
Жалко только — давно опочила господина нашего мать,
Мне ж нежданное выпало счастье —
в сытой праздности век доживать...

(Говорит нараспев.)

Снегом засыпало дикую сливу,
скрылись под ним цветы.
Кто это выдумал, будто донесся
к нам аромат весны?
Ласточка носится средь деревьев,
мимо узорчатых стен —
Та, что когда-то жила под крышей
знатного дома Се.

Я — старая Лю, служанка во дворце сановника Коу Чжуня. Наш господин имеет самое высокое звание, и жалование у него огромное. Только что он был первым министром, и вот уже назначен правителем области Сянчжоу. То он командует армией, то приближен ко двору, почетом окружены его супруга и наследники. Но все видят его нынешнюю знатность и богатство, и мало кто помнит, что юность он провел в сиротстве и бедности. Госпожа, его матушка, рано овдовела; храня верность долгу, она жила в одиночестве и нужде, но сумела воспитать его так, что он быстро приобрел славу. И вот сегодня он живет в роскоши, а матушка давно распрощалась с этим миром. Из всех служанок в доме лишь одна я прислуживала покойной госпоже. Памятуя об этом, господин держит меня в своем дворце, удостаивает особых милостей, так что живется мне — лучше некуда. Только я, видать, родилась под знаком Винной звезды, больше всего прочего люблю приложиться к чарочке. Так что во дворце только мое тело, а мысли гуляют в Пьяном краю. Целый день я хожу, как в чаду, ни людей, ни вещей не различаю. Поэтому во дворце все меня зовут Лю Лином в юбке. Но хватит об этом. Завтра наш господин справляет день своего рождения, все чиновники, военные и гражданские, явятся поздравлять его долголетия. Я слышала, что в этом году застолье, песни и пляски будут еще великолепнее, чем раньше. Да, можно сказать, что нам посчастливилось, — опять увидим, как толпы юношей песнями и музыкой убаживают сытых и пьяных гостей, как всеми цветами переливаются шелка на служанках и наложницах!

На мотив «Поднимаюсь на башенку»

Безмятежной чредой проходят мои года.
На висках поредели пряди,
но сама-то еще хоть куда!
Как завижу господских детей —
Словно запах почую корицы и орхидей.
День-деньской я у винного чана брожу,
На него в нетерпенье гляжу:
Что ж не льется вино?
В горле сухо давно!
Надо мною смеются: «Лю Лин ты, хоть в юбке!
Ты в своем ли, старуха, рассудке?»

Вбегает «фуцзин» в роли дворецкого.

Дворецкий. В доме министра даже у прислуги есть званья и чины, да я за чинами не гонюсь — мне бы не лишиться головы. Наш министр — человек проныцательный и крутой, чувствую — запахло для меня немалой бедой.

Л ю. Чего ты так переполошился?

Д в о р е ц к и й. Ты, старая, ничего не слыхала. Как не переполошиться, когда дела мои — хуже не бывало! Задумал наш господин в день рождения роскошью всех гостей удивить, всю обстановку в доме переменить, вот и отправил меня в Су и Ян разных вещей закупить. Велел привезти всяких редкостей из далеких земель и морей, искусных собрать музыкантов, чтоб стояли рядами от самых дверей. Пояса у плясуний, сказал он, пускай жемчугами сверкают, а у отроков-певчих халаты пусть золотом отливают. Ты сама посуди: как нам, слугам, не поживиться, если сам господин захотел своей щедростью отличиться! Дали мне десять тысяч серебряных звонких монет, я присел сыграть в кости — глядь, половины уж нет... Может, дело мое пикогда б и не всплыло, да подручный обиделся, — мол, ему-то ни крошки не привалило. Он возьми и отправь донос самому господину, тот вспылит, — знать, придется мне подставлять свою спину. Хорошо еще, коли мне угрожает только темница, а не то, чего доброго, можно и жизни лишиться. Нянюшка, ты ведь в спальни хозяйские вхожа; попроси за меня госпожу — вдруг поможет! Если мне подсобишь хоть чуточек, в благодарность получишь узорный платочек.

Л ю. Чего ты там бормочешь? Я уже выпивши, ничего не разбираю. Вот подожди, протрезвлюсь — тогда и расскажешь.

Д в о р е ц к и й. Ну да! Ты когда еще протрезвишься, а у меня дело не ждет. (*Уходит.*)

Л ю. И чего этот дворецкий так торопится? А я вот о чем думаю: богатств у нашего господина — до самого неба, роскошь такая, что не опишешь словами, почему же ему все кажется мало? Конечно, у знатного человека и нужды большие, по нельзя же забывать обо всем остальном! Пройдусь-ка я по этой галерее, посмотрю, что там делается. Иду и вижу: в просторных залах узорчатые столбы подпирают потолки, перед жемчужными занавесками горят лампы — везде светло, как днем. На соседнем дворике вдруг послышались звуки свирелей, все ступени усыпали служаки в разноцветных нарядах, — знать, это наш господин вернулся с ристалища. (*Падает.*) Ох, что это я который раз подряд падаю?

(*Поет.*)

На прежний мотив

Длинный посох нетвердой рукою держу,
Что ни шаг, то скольжу,
Старым телом не дорожу.

Здесь плясали и пели немало ночей,
Пол закапан слезами бесчисленных свечей.
Вот опять поскользнулась, падаю... Трах!
Будто рухнула в пропасть гора.
Поднимаюсь, бреду еле-еле —
Говорить с господином о деле.

Слышать, министр сейчас вместе с госпожой в задних покоях; значит, самое время с ними повидаться. Только правду люди говорят: если с другом пируешь — тысячи чарок мало, когда ж в речах нет согласия — каждое слово во вред. (*Уходит.*)

Входит «вай» в роли Коу Чжуня, одетый в доспехи и сопровождаемый свитой.

Коу Чжунь
(говорит нараспев)

Голой рукой подпираю небо,
разом достиг вершин.
Доблесть являю и мужеством славею
с юности до седин.
Правлю я в Сяне и под Таньчжоу
недругов поборою...
Вот уж под шапкой среди черных прядей
выступило серебро.

Я — Коу Чжунь. Мой титул — «владелец Лайго», а сейчас я управляю областью Сянчжоу. Сегодня я был на ристалище, вместе со всеми солдатами упражнялся в воинском искусстве. Покопчил с делами, вернулся домой — оказывается, уже пора зажигать огни. (*К сопровождающим.*) Можете идти!

Свита удаляется.

(*Снимает доспехи.*) Из десяти дел восемь непременно идут не так, как было задумано. Подошел мой день рождения; военные и гражданские чины явятся с поздравлениями, их надлежит достойно отблагодарить, устроить пышный пир. По этому случаю я велел сменить в доме всю обстановку. Кто мог ожидать, что слуга, которому были поручены закупки, не выполнит свой долг и я не смогу как следует принять гостей! Раздосадовавшись, я приказал связать этого негодяя, выволочь за ворота дворца и казнить, не мешкая. Попросите госпожу войти в зал!

Входит «дань» в роли госпожи Коу.

Госпожа Коу
(говорит нараспев)

Покоряет меч супруга
царство вслед за царством,
А жепа — родного дома
стережет покой.

Люди думают, что трудно
править государством,
А не знают, что не легче
управлять семьей.

Господин мой! Ты отмечаешь день своего долголетия, ты не обделен счастьем, сейчас самое время пировать и радоваться, забыв о заботах, а ты почему-то расстроен. Если домашний раб нарушил правила, его надо наказать. Только прошу не делать этого сегодня, не надо омрачать торжественный для семьи день.

Коу Чжунь. Тебе не все известно, госпожа. Когда я в столице, я участвую в делах правления, когда я в походе, я командую войском; каждый мой приказ выполняется неукоснительно, всякий человек подчиняется мне беспрекословно. А тут какой-то презренный раб распустился сверх всякой меры. Как же я смогу управлять государством, если не умею навести порядок в собственном доме?

За сценой слышен плач старой Лю.

Госпожа Коу. Слышишь, там кто-то плачет! Пусть войдет сюда!

Входит старая Лю.

А, опять эта безумная старуха! Ты чего так разревелась? С ума сошла или перепилась?

Лю. Стара я стала, никуда не пожусь. Шла по галерее, а там натек воск от свечей, я поскользнулась и упала раз, а потом другой... Раньше-то мне так падать не случалось, вот я и забыла про осторожность.

Госпожа Коу. Что, очень больно ушиблась?

Лю. Нет, не очень больно, но, когда я упала, мне вдруг вспомнилась покойная госпожа, и я расплакалась так, что потревожила вас, господин с супругой. Я достойна лютой смерти!

Коу Чжунь. А почему ты вдруг вспомнила покойную матушку?

Л ю. В ы, господин, конечно, запомнили, а я, старуха, хорошо помню то время, когда скончался государь, ваш батюшка. Не оставил ни полей он, ни огородов. Сколько мук претерпела ваша матушка, пока не вырастила вас, пока вы не отправились добывать славу. Вы сидели у холодного окна и при свете лампы читали свои книги — а ведь масло для той лампы покойная госпожа добывала своими десятью пальцами! Сейчас у вас имя и слава, богатство и знатность. По почам ваш дворец залит светом, на всех стенах горят алые свечи, на полу везде потеки воска. Разве нынешнюю жизнь сравнишь с прежней! Какая жалость, что покойная госпожа, проведя весь свой век в трудах и заботах, ни единого дня не успела пожить в довольстве!

На мотив «Ароматом полон двор»

Помню доныне — в заботах всedневных
отрока пестовала она.
С книгой сидел он порою осенней
у холодеющего окна,
И отражала лучи заката
прямо на книгу стена.
Масло для лампы добыли сыну
пальцы искусные штопкой одежды;
Пальцы сжимали иглу, и катились,
словно жемчужины, слезы надежды.
Ныне у вас — серебро и золото,
ярко пылают огни...
Жаль лишь — лица госпожи престарелой
не озарят они.

Вспомнив обо всем этом, ваша служанка не смогла сдержать старческих слез, уж вы не обессудьте!

(Поет.)

На мотив «Трое веселых»

Я служу вам с самых юных лет,
И надежнее у вас служанки нет.
Вот и ныне, уж совсем седая,
Возле вас по-прежнему всегда я.
Потому-то от воспоминаний
На душе становится больней,
И забыть о тяжести страданий
Не заставит роскошь этих дней.

К о у Ч ж у н ь отворачивается и вытирает слезы.

Госпожа Коу. Никто не сердится, что ты плачешь о покойной матушке. Но у господина сегодня день радости, не надо расстраивать его такими речами. Шла бы ты к себе в задний флигель!

Коу Чжунь. Подожди, госпожа! Мне говорили, что стоит услышать подробную повесть обо всем сладком и горьком, что было пережито когда-то, как печаль и скорбь вмиг рассеются. Эй, слуги! Верните того негодяя, пусть он, связанный, ожидает моего нового решения.

Слуги за сценой выражают повиновение.

Рассказывай же старуха, все, как было, готов слушать тебя.

Лю. Много дней и лет пронеслось с той поры, когда ваша вдовая матушка в трудах и заботах растила своего сироту. Я и сама понемногу забывать стала. Помню только, как покойная госпожа...

(Поет.)

На мотив «Обращаюсь к Сыну Неба»

По заветам отцов сироту блюла,
Слова жалобы не проронив.
Чтоб учителя взять, относила в заклад
Гребешки и заколки свои.
У ворот стояла, смотрела вдаль,
И в глазах был надежды свет —
Что недаром сын просидел у окна
Над канонами десять лет.
Ото всех скрывала, что в миске ее
Чаще отруби были, чем рис, —
Лишь бы сын устремлений своих полет
Мог направить в самую высь.

Госпожа Коу. Но в тот год, когда пришло писанное золотом послание с радостной вестью, покойная госпожа повеселела?

Лю. Да, госпожа стала улыбаться. Но силы ее уже были на исходе, она все чаще болела... Столько старалась ради сына, а увидеть его знатным и богатым не успела.

(Поет.)

На мотив «Повсюду спокойно»

Да, так вот было когда-то...
В желтую землю ушла она раньше нас всех.
Вы же с супругой пыне прославлены и богаты,

В жизни вашей — без счета радостей и утех.
Чаши у вас из яшмы, кубки у вас из нефрита,
Сразу три вида мяса вашим гостям несут.
Но самые малые капли вина, что у вас разлиты,
Вниз, до подземных ручьев никогда не дойдут.

Если ваша старая служанка своими бессвязными речами оскорбила слух высоких господ, умоляю простить мое прегрешение.

Коу Чжунь. Полно, что ты говоришь!

Лю. Ваша старая служанка вспомнила вот еще о чем: покойная госпожа когда-то оставила мне памятный подарок, я его храню до сих пор.

Коу Чжунь. Пойди принеси поскорее!

Старая Лю уходит.

Входят «мо» и «шэн» в робах первого и второго слуг.

Первый слуга. Позвольте доложить, господин! Придворные вельможи, князья и министры, правители областей и их помощники прислали вам подарки с пожеланием долгих, как у гор, лет жизни и бескрайнего, как море, богатства. Вот списки подарков.

Второй слуга. Позвольте доложить, господин! Все подчиненные вам военные и гражданские сановники вместе с офицерами, писарями и почтенными старцами из народа, облачившись в лучшие одежды, уже поднимают заздравные кубки, желая вам долгоденствия. Завтра утром они соберутся у ворот дворца, чтобы лично выразить почтение.

Коу Чжунь. Я как раз хотел объявить через секретаря, что завтрашний пир отменяется. О тех, кто явится с поздравлениями, прошу мне не докладывать. Не нужно ни праздничной музыки, ни яств.

Слуги выражают повиновение и уходят. Старая Лю входит со свитком в руках.

Госпожа Коу. Что это у тебя — картина?

Лю. Сейчас я повешу свиток. Видите — на картине нарисованы мать с сыном и около них лампа. Вы еще не узнали, кто это? Конечно же, покойная госпожа, ну прямо как живая! Когда вы в столице одержали победу на экзаменах, старая госпожа уже болеала и не вставала с постели. Помню, когда ей стало совсем плохо, она подозвала меня к себе...

Коу Чжунь (*смахивая слезы*). И что она тебе сказала?

Лю. Сначала она ничего не говорила, только передала мне этот свиток, а зачем — я не поняла. Тогда она и говорит: «Твоего молодого господина наверняка ждет блестящая карьера. Только он рос без отца, с детства привык своевольничать, а я его плохо воспитывала. Боюсь, когда он достигнет славы...» Тут она несколько раз всхлипнула, слезы потекли по лицу. Она отвернулась и больше ничего не сказала. Бедная моя госпожа, как тебе было тяжело!

(Поет.)

На мотив «Резвится дитя»

Проглядела все глаза, ожидая сына.
Умирая, не открыла, что в душе таилось...
У меня ж перед глазами — давняя картина,
И забытые тревоги вновь зашесвелились.
Господин, послушай!
С детства ты был неумен, что искал — обрел!
Мне ль, ощипанной вороне, поучать тебя, орел!

(Указывает на свиток.)

Но взгляни на этот лик — как печальна мать!
Сможешь ли хотя б на миг взор свой оторвать?

Коу Чжунь, рыдая, падает наземь, все кидаются к нему на помощь.

Коу Чжунь. Добрые наставления моей матушки ожили в моей душе, и я никогда не забуду того, что изображено на картине.

Госпожа Коу. Хорошо бы повесить эту картину в главном зале, чтобы я и супруг могли всегда оказывать ей должное почитание.

Коу Чжунь. Верно, так и надо сделать. Как ни горько, но надо признать: предавшись своим страстям, я забыл о матери, и вот старой Лю пришлось как следует вразумить меня. Поделом мне досталось!

Лю. Ну, что вы, разве бы я посмела...

(Поет.)

Пятая ария от конца

Отплатить петрудно верной службой
государю за его даянья.
Но когда родители скончались,
как воздать им за благодеянья?

Влезть на кипарис и горько плакать?
Все равно останутся страдапья.
Сын мечтал их одарить по-царски,
но не знал превратностей судьбы,
А не то остался бы в деревне
подавать им воду и бобы.
Ни к чему теперь воспоминапья,
просто киньте взгляд:
Во дворце у вас вино и мясо,
там (*указывает на свиток*) — лишь отруби
лежат.

Госпожа Коу. Покойная свекровь была такой доброй и работающей, и за что ей выпала столь горькая доля!

Коу Чжунь. «Дерево хотело бы побыть в покое, да ветер не утихает, сын хотел бы ухаживать за родителями, да они не дождались». Такое бывало с древними, так случилось и со мной...

Лю. Господин мой, с вашим богатством и знатностью только бы жить в свое удовольствие. А вы отменили пир — значит, в вас с госпожой жива почтительность к родителям.

(Поет.)

Четвертая ария от конца

Господин, вы славны делами,
Вы любого пира достойны.
Но подумайте, сударь, сами:
Все ль в том празднестве было б пристойно?
Кости матери — там, средь бурьяна,
На заброшенном сельском погосте,
А у сына — пьем пьяным
Услаждаются пьяные гости...
Вы, как Лай-цзы, матушку вашу
Веселить не умели при жизни.
Много ль проку — полные чаши
Поднимать на пенужной тризне!

Коу Чжунь. Твои слова заставляют меня спрятать от стыда голову. Поистине, мне, ничтожному, недостает чувства преданности и сыновней почтительности.

Лю. Раз уж мы заговорили об этом, господин, тебе, конечно, больно. Но ведь ты приобрел имя и прославил родню, а это уже немало.

(Поет.)

Третья ария от конца

Наконец осуществились нежной матери желанья:
Сын ее обрел в избытке и богатство и признание.
Шлют ему с печатью алой государевы посланья!
Ты в тоске сжимаешь пальцы, нет конца твоим

стенашьям...

Знай же, что ушла с улыбкой

мать к Ручьям, забыв страдашья,

Веря в то, что, в свой черед,

Ты прославишь весь твой род.

Это будет воздаяньем

За ее благодеянья!

Коу Чжунь. При жизни не умеем как следует позаботиться, а после смерти прославляем, ставим пышные памятники... Подумаешь об этом — еще горше на душе!

Госпожа Коу. Мы без того помнили о безвременно покинувшей нас свекрови, а сегодня старая Лю заговорила о былом — вот господина и одолела печаль, и я тоже совсем расстроилась. Да только какой прок в наших вздохах, когда ничего уже поправить нельзя. По моему глупому разумению, раз завтрашний пир по случаю дня рождения отменен, нужно пригласить побольше монахов и отслужить поминальный молебен. Так мы и сыновнюю почтительность проявим, и ей в загробном мире поможем. Как думаешь, супруг?

Коу Чжунь. Дельный совет. Пусть кто-нибудь возьмет портрет покойной матушки и повесит над алтарем, где завтра состоится молебен.

Картину уносят.

Госпожа Коу. Пусть завтра у таблички с именем покойной свекрови старая Лю совершит возлияния и воскурит ароматные палочки.

Лю. Будет исполнено.

(Поет.)

Вторая ария от конца

С чистой водою сосуды

Стоят перед ликом Будды,

Траурные полотнища свисают с обеих сторон.

Капли с веточек ивы

Стекают неторопливо.

Всяк, госпожу вспоминая, в тихую скорбь погружен.
Кончились все напасти,
Ее не волнуют страсти,
Разве что донесется к ней колокольный звон...
Поверх погребального ложа
Роскошное платье положат,
Многие сотни монахов милостыней одарят;
Я ж в бессильной печали
Буду вершить запоздалый
Траурный этот обряд.

Госпожа, раз завтра будут совершать молебен и раздавать милостыню, всем во дворце придется не пить вина и не есть скоромного. Только ваша старая служанка без вина не может прожить и дня, о чем заранее вам докладывает.

Госпожа Коу. Безумная старуха, делай, что хочешь,—тебя нельзя равнять с другими.

Коу Чжунь. Много ли у нас осталось таких старых слуг? Пусть все будет так, как она пожелает.

Лю. Бесконечно благодарна!

(Поет.)

Первая ария от конца

Не сравнюсь я с юными в споровке,
И движения мои неловки,
И легко теряю разум от вина...
Думала я: госпожа забыла
Обо мне, как будто обропила
Вещь, которая ей больше не пужна.
Но теперь, окружена заботой,
Вижу, что господские щедроты
Нескончаемы, как в погребах вино.
Не забыты прежние страданья,
И посмертные благодаянья
Шлет хозяйка мне — так Небом суждено.

Коу Чжунь и его супруга плачут.

Господин и госпожа, прошу вас, успокойтесь. После наших молебий Будде покойная матушка наверняка обретет новую жизнь на небесах. А ваша старая служанка так долго болтала, что в горле пересохло. Пойду на кухню, попрошу две-три чарки вина.

(Поет.)

Заключительная ария

Судьбой своей довольна, живет во дворе наседка,
Птенец же орла стремится в неудержимый полет.
О матери вспоминает каждый из нас, но нередко
Сверх всякой меры
Сын занят карьерой,
После ж кончины родимой его раскаянье ждет.

Уходит.

Коу Чжунь то и дело вытирает слезы.

Госпожа Коу. Слова старой служанки опечалили нас всех. Но ведь годы жизни родителей имеют предел, сыновья же почитательность безгранична. Предаваясь такой чрезмерной скорби, вы, сударь, идете против заветов наших предков.

Коу Чжунь. Ох, как мне перенести все это! Супруга моя, кости матушки, страдавшей в одиночестве, давно охладели; к чему теперь весь мой почет и богатство!

Госпожа Коу. Я, сударь, не решалась часто напоминать вам о покойной матушке как раз потому, что боялась вызвать у вас такую скорбь и слезы.

Полное название пьесы: «Вспомнив о матери, Коу Чжунь отменяет пир».

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ И СОСТАВЛЕНИЕ ВЕРЫ МАРКОВОЙ

КЛАССИЧЕСКИЙ ЯПОНСКИЙ ТЕАТР

В Японии до наших дней сохранились три старинных театральных жанра.

Это прежде всего возникший еще в XIV веке театр Но. В большой, построенной по законам контраста, программе этого театра лирико-музыкальные драмы чередуются с фарсом кёгэн.

Значительно позже, в XVII веке, появились как зрелища для простых горожан театр Кабуки и театр кукол Дзёрури.

Расщепления на драму и комедию в репертуаре Кабуки и Дзёрури не произошло. Многоактные пьесы с развитой сюжетной фабулой легко совмещали в себе напряженные драматические ситуации и комедийный гротеск.

Каждый из старинных театральных жанров Японии имеет свою четко очерченную индивидуальность и свою долгую историю. Пьесы замечательных драматургов прошлого не сошли с подмостков сцены и до сих пор исполняются согласно многовековым канонам и традициям. Традиции эти передаются от мастера к ученику, и в актерских династиях составляют драгоценное семейное наследие.

С приходом нового времени в Японии под влиянием европейского искусства возник современный театр. Появились своя собственная опера, свой балет, множатся массовые зрелища на западный образец. Но старинный японский театр всех трех жанров сумел отстоять свое «место под солнцем», проявив необычайную способность к выживанию. Это, впрочем, не значит, что он — музейный раритет, неподвластный ходу времени. Актеры — не мертвые копировщики. Меняются и исторически обусловленное восприятие зрителей, их вкусы и запросы.

Сквозь отстоявшиеся веками театральные формы неизбежно проникают новые ритмы истории, освежая трактовку роли, трансформируя исподволь структуру спектакля. Время как бы убыстрилось, представления становятся

короче. Так постепенно накапливаются перемены даже в старейшем, казалось бы, навеки застывшем театре Но. Зрители (за вычетом немногочисленной элиты) не предаются в нем медлительному созерцанию, потому что им уже чужда средневековая метафизическая эстетика.

Однако даже театр Но, наиболее далекий от нашего времени, не потерял своего былого обаяния. Он все еще восхищает зрителей, его классические традиции плодотворны, они продолжают оказывать воздействие на японское искусство, даже такое современное, как кинематография. По признанию замечательного кинорежиссера Акира Куросава, школой его был именно театр Но¹.

Классический театр Японии (Но, Кабуки, Дзёрури) — это живая старина в ее неповторимом своеобразии, прекрасное гуманистическое искусство с особым поэтическим видением мира. За последние годы в Японии растет интерес к старинному театру, как необходимой составной части национальной культуры. Его исчезновение оставило бы чувство невосполнимой пустоты, потери исторической перспективы.

Во время зарубежных гастролей классических театров Японии они неизменно имели большой успех. Советский зритель видел спектакли театра Кабуки и кукольного театра с острова Авадзи. Театр Но гастролитировал в Венеции. Широкая публика по достоинству оценила великолепные ансамбли актеров, виртуозно владеющих экспрессией и жестом, поэтичную романтику сюжетов, красочное декоративное зрелище. Однако, несмотря на ряд переводов на зарубежные языки, в том числе и на русский, классическая японская драматургия еще недостаточно известна за пределами своей родины. Знакомство с ней, по существу, только началось.

Текст пьесы Но, Дзёрури или Кабуки в чтении как бы абстрагирован, вынут из живой ткани спектакля, оторгнут от музыки, ритмического сказа, пения, танца, органически присущих старинному японскому театру. И все же ведущая роль в нем принадлежит именно искусству слова. Оно живет и само по себе. Создания великих японских драматургов наделены глубиной мысли, трагедийной силой и внутренней музыкой, звучащей и без поддержки чисто театральных средств. Дзэами и Тикамацу (их имена стоят во главе списка, но его не исчерпывают) — замечательные поэты.

* * *

Старейший японский театр Но существует уже шестьсот лет. Датой его рождения обычно считается 1374 год, когда в присутствии сёгуна Асикага Ёсимицу силами труппы провинциальных актеров было исполнено «священное саругаку» (род мистерии). Спектакль снискал одобрение сёгуна (главного полководца), как титуловали верховных правителей Японии,

¹ См.: Григорий Козинцев. Пространство трагедии. Л., «Искусство», 1973, с. 13.

пришедших к власти во время феодальных междоусобиц. Отныне можно было рассчитывать на его покровительство.

Во главе труппы стоял талантливейший актер, сочинитель пьес и пх постановщик Каннами (Канъами) Киёцугу (1333—1384). Он исполнил важнейшую роль «окина» («старца»). В этой древней мистерии, имевшей благознаменательный смысл, «старец» в белой маске олицетворял собой небесное божество. Персонаж этот пришел в театр Но из народных мистерийных представлений и связан с культом предков.

В спектакле участвовал в детской роли старший сын Каннами, получивший впоследствии имя Дзаами (Сэами) Мотокиё (1363—1443).

Каннами создал театр Но, Дзаами привел его к расцвету.

Каннами добился победы и признания, несмотря на сильную конкуренцию. В его время работало несколько трупп талантливых актеров, но подлинный театр не мог родиться, пока в него не пришли великие драматурги.

Театр Но возник на скрещении многих дорог¹. В Японии с глубокой древности было распространено искусство пения, музыки и танца. Народные зрелища носили обрядовый или увеселительный характер, легко сочетая то и другое.

В синтоистских храмах исполнялись мистерии «кагура». Синтоизм — первобытная религия Японии. Она сложилась из очень древних верований. В их числе поклонение предкам, культ солнца, пережитки тотемизма, анимизм. Вся природа представлялась одухотворенной и живой. Людям могли являться божества гор, вод и деревьев. В театре Но действуют духи сосен («Такасаго»), дух банановой пальмы, дух вишни... Правда, там она, не теряя своей подлинной сущности, превращается в поэтические видения.

Природу пытались подчинить себе при помощи магических обрядов. С течением времени они принимали театрализованную форму и превращались в увлекательное зрелище.

Заклинатели, изгонявшие из больного «злых демонов», демонстрировали красоту и мощь своего голоса, а затем стали появляться на подмостках, олицетворяя божество или демона.

Синтоистские и буддийские храмы в дни больших празднеств устраивали представления религиозного или откровенно развлекательного характера, чтобы «усладить богов» и заодно привлечь паломников. Многие песни и пляски, исполнявшиеся во дворцах и храмах, пришли из Индии, Индонезии, Китая, Кореи, обогатив собой японское искусство.

Из Китая примерно в VIII веке было занесено мастерство «сангаку» (по-китайски «савьсюэ»). Народная этимология осмыслила это слово как «саругаку» — «обезьянье искусство», «обезьянничанье». «Саругаку» стало простонародным увеселением, в наши дни мы назвали бы его «эстрадой».

¹ Н. Бонрад. Очерки японской литературы. М., «Художественная литература», 1973, с. 240—281. А. Глускина. Об истоках театра Но. — В сб. «Театр и драматургия Японии». М., «Наука», 1965, с. 34—65.

Разыгрывались потешные фарсы, кукловоды показывали марионеток, выступали мимы, фокусники, акробаты. В XIV веке мастера саругаку стали показывать пьесы серьезного мистериального содержания, в которых совершались по-театральному эффектные превращения и перевоплощения. Высшей кульминацией пьесы была пляска. Но наряду с драматическими пьесами большой популярностью продолжал пользоваться веселый фарс. Произошел своего рода симбиоз: драмы и фарсы объединились в одном спектакле, этого требовали вкусы публики.

Народные полевые игры «дэнгаку» носившие вначале обрядовый характер, тоже с течением времени стали театрализованным зрелищем. Актеры трупп дэнгаку разыгрывали всевозможные «действия».

Каннами начал работать как актер и сочинитель пьес в театре дэнгаку, но потом стал мастером саругаку, возглавив одну из четырех трупп «школы Ямато». Школа эта считала главным правдивость игры. Труппа Каннами подвизалась при синтоистском храме Касуга в старинном городе Нара. Искусству театра было еще трудно выстоять одному, оно искало поддержки церкви или знатных феодалов.

Каннами был замечательным новатором и реформатором театра. Именно его труппа была признана лучшей и приглашена ко двору сёгуна. В начале созданный им театр носил название «Саругаку-но Но». «Но» примерно значит «умение», «мастерство», «низкое» наименование саругаку («обезьянничанье») было отброшено.

Театр Но получил богатейшее историческое наследие. Все заимствованные пестрые элементы были сведены в одно строгое целое, подчинены структуре спектакля. Каннами соединил искусство народных театров саругаку и дэнгаку с модным тогда танцем «кусэман». Этот изящный «жепский» танец исполнялся под музыку и пение.

Удивительная способность театра Но к гармоническому синтезу — один из главных секретов его мастерства. Он сочетал в себе народный гений, всегда гуманный и правдивый, с изысканным изяществом придворного зрелища, философскую углубленность драмы с дерзкой шуткой балаганного фарса, поэзию древности с новой поэзией, песней, эпическим сказом.

Дэзами возглавил театр Но после смерти своего отца. Он был человеком образованным, в доме его была собрана большая библиотека. В течение своей долгой жизни ему пришлось испытать превратности судьбы. Когда умер сёгун Ёсимицу, Дэзами впал в немилость и был на время сослан.

Однако его любимое дело не погибло, театр Но выстоял. Именно он — вершина искусства эпохи Муромати (XIV—XV вв.).

Эпоха эта ознаменована расцветом средневекового искусства: театра, зодчества, живописи, художественных ремесел. Новые приемы мастерства были найдены в поэзии. В театре Но прославляется умиротворение, наступившее в стране, правда, оно оказалось непрочным и недолговечным.

Позади осталась блистательная хэйанская эпоха (IX—XII вв.). В столице Хэйан (ныне г. Киото) процветала прекрасная культура — своего рода

японская «античность». Потомки старой родовой знати — придворные аристократы создали культ утонченной красоты и вели «сладкую жизнь» в великолепных дворцах, наполненных шедеврами искусства. Больших высот достигли поэзия и художественная проза. В начале XI века появился большой роман мирового значения «Повесть о Гэндзи» («Гэндзи-моногатари»). Театр Но охотно инсценировал эпизоды из этого романа.

Хэйанцы потерпели жестокий разгром в кровопролитных войнах XII—XIII веков. Борьба между двумя враждебными лагерями феодалов Тайра и Минамото потрясла всю Японию и породила легенды и эпические сказания. Войско Тайра, которое было оплотом хэйанских аристократов, погибло в морской битве при Данноура в 1185 году.

Молодой полководец Ёсицунэ из лагеря Минамото стал любимым героем средневековых легенд и сказаний, как рыцарь Роланд в Западной Европе. Его романтический образ и трагическая судьба вызывали народное сочувствие. Ёсицунэ привел к победе и вершине власти своего старшего брата Минамото Ёритомо, но навлек на себя его немилость, вынужден был бежать и в конце концов погиб. В пьесе «Фуна-Бэнкэй» были выведены популярнейшие персонажи героических сказаний: юный Ёсицунэ, его возлюбленная Сидзукá, его верный спутник монах — воин Бэнкэй.

Сказания о борьбе Тайра и Минамото положены в основу романа-эпопеи «Повесть о Тайра» («Хэйкэ-моногатари»), созданного неизвестными авторами в начале XIII века. Многие события, о которых повествует эта великая эпопея, потрясают своим трагизмом и послужили для театра Но одним из главных источников вдохновения.

Дух погибшего воина не возносился в обитель богов Валгаллу, как повествовали скандинавские мифы, а, согласно буддийским воззрениям, низвергался в бездну ада, где враги вечно продолжают жестокий бой (пьеса «Кёицунэ»).

Во многих пьесах Но страждущий дух является какому-нибудь путнику, обычно странствующему монаху, и повествует при поддержке хора о своей последней битве. Понемногу он приходит в исступление, начинается неистовая пляска...

Уцелевшие хэйанцы были оттеснены на задворки истории вместе с самим микадо, несмотря на судорожные попытки реставрации. К кормилу власти пришли воины-феодалы. Во главе феодальной лестницы стал военный диктатор — сёгун. Князья — даймё сосредоточили в своих руках земли и боевую мощь: дружины самураев.

Мелкие вассалы — самураи вышли из среды крестьян и служилого люда. На первых порах это были безграмотные, грубые люди. От них требовались только слепая верность господину и смелость в бою, доходившая до полного презрения к жизни, своей или чужой.

Однако продвижение по ступеням феодальной службы требовало от самурая хорошего знания китайского языка и письменности. На китайском языке, как на латинском в Европе, составлялись документы, велась дело-

вая переписка. Хранителями книжных знаний и наставниками были ученые монахи. Постепенно самураи приобщались к сложной системе средневековой образованности. Театр Но рассчитан на искушенного в литературе слушателя.

Буддийские монастыри стали играть особенно большую роль в «Смутное время» феодальных междоусобиц.

Буддизм с течением времени разделился на несколько ветвей. В эпоху Муромати приобрел особое влияние дзэн-буддизм, занесенный из Китая в конце XII века.

В Киото, где в районе Муромати проживал сёгун Есямпцу (отсюда название эпохи), было пять высоко чтимых дзэн-буддийских монастырей. Дзэн-буддисты Китая и Японии поддерживали связь между собой. Монахи этой секты были советниками сёгуна по вопросам сношений с континентом. При содействии дзэн-буддистов в Японию проникли некоторые элементы китайской культуры времен Юаньской (XIII—XIV вв.) династии. Именно эпоха Юаньской династии (при владычестве монголов) считается «Золотым веком» китайского театра.

Философско-религиозное учение Дзэн получило большое распространение среди военного сословия. Самураев привлекало в этом учении отсутствие обременительной ортодоксальной догматики (во всяком случае, «для мирян») и сложных церемоний.

Дзэн-буддизм учил, что в каждом человеке от рождения живет Будда (высшее духовное начало). Аналитический разум с его аппаратом мысли и слова согласно этой доктрине ограничен, он способен лишь затемнить постижение истины. Следует сосредоточить мысль путем напряженного созерцания, пока на высшей его ступени обычный разум не будет поглощен высшим духовным началом, и тогда наступит внутреннее озарение («сатори»). Иногда оно может прийти внезапно, интуитивно, подобно вспышке молнии.

Дзэн-буддизм активно воздействовал на искусство. В соответствии с его учением, искусство любого рода, если оно помогает постичь духовную суть явлений иллюзорного с точки зрения буддизма материального мира, — есть мост к вечной истине. Отсюда особое понимание красоты, сильно повлиявшее на многие формы японского искусства. Родилась новая эстетика и новый стиль. Они нашли свое выражение в садовой архитектуре (знаменитый «Сад камней») и в интерьере японского дома, в «чайной церемонии», в керамике, «искусстве букета» (икэбанá) и, наконец, в театре.

Красота гармоническая, возвышенная, словно затаенная в глубине созерцаемого предмета, не допускала ничего лишнего, чрезмерного. В «Саду камней» — только камни и заглаженный волнами песок...

Эстетика театра Но выдвинула два ведущих принципа: «мономанэ» и «югэн». Мономанэ (буквально: «подражание») — сценическая правда. Драматург Дзэами был и теоретиком искусства Но. Согласно Дзэами, «мономанэ» требовало от актера полного перевоплощения в сценический образ, что-

бы (пользуясь словами Станиславского) не «казаться», а «быть». Лишь тогда игра актера становится естественной и свободной. Между сценой Но и уборной актеров находилась так называемая «зеркальная комната».

Вот что говорит в своей книге «Пространство трагедии» кинорежиссер Григорий Козинцев, который в свою бытность в Японии много говорил о традициях Но с Акира Куросава:

«Я начинаю понимать, что «надеть маску» — процесс такой же сложный, как «вжиться в роль». Задолго до начала представления артист стоит подле зеркала. Мальчик подает ему маску. Артист осторожно берет ее и молча вглядывается в ее черты. Незаметно меняется выражение глаз, облик становится иным. Маска как бы переходит в человека. И тогда медленно и торжественно он надевает маску и поворачивается к зеркалу. Их уже нет по отдельности, человека и маски, теперь это целое».

Это важный момент внутреннего настроения. Перед зрителями должен появиться не лицедей, а угольник, демон или одержимая безумием женщина. Воплотившись в характерный индивидуальный образ, актер мог наиболее верно раскрыть его внутреннюю сущность и донести до зрителя главное: «правду чувства».

«Югэн» буквально значит «сокровенный и темный». Это важнейший термин средневековой эстетики. «Югэн» — высшая форма гармонической одухотворенной красоты. Стихи, музыка и пение «отверзают уши» зрителя, сценическая игра и танец «открывают глаза». Тогда сокровенная красота образа будет явлена зримо для всех и вызовет у зрителей чувство сопереживания, согласно терминологии дзэи-буддизма, своего рода «озарение».

«Кого бы ни играл актер, — говорил Дзэами, — человека знатного или низкородившего, мужчину или женщину, священника или крестьянина, нищего или парию, он должен думать, что каждый из них увенчан гирляндой цветов... Если люди любят цветы, то каждый человек — цветок». Цветок здесь символ красоты.

У театра Но есть своя «сверхзадача» — вызвать «сверхчувствование». Сострадание, ужас, восторг — все должно разрешиться в особом чувстве наслаждения красотой. Красота эта может вмещать в себя, казалось бы, уродливое, демоническое, страшное, которое в театре Но переходит в свою противоположность — «прекрасное». Для этого в каждом сценическом образе надо отыскать скрытые в нем возможности стать прекрасным, такое чудо под силу только высокому искусству.

Театр Но часто сравнивают с древнегреческим театром.

Главный актер («ситэ» или, пользуясь греческим термином, «протагонист») выходит в маске. «Спутник» его, цурэ, тоже носит маску, если он изображает женщину или сверхъестественное существо. Актеры других амплуа даже не гримируются. Маски делали из дерева. История сохранила имена знаменитых мастеров масок; ныне их маски — величайшее сокровище.

Маска покрывала все лицо. Для зрачков, глаз, ноздрей и рта делались отверстия, поэтому рот маски обычно чуть приоткрыт. Маски людей созда-

ют обобщенные, но реалистические образы. Белая маска молодой женщины работы старинного мастера Кавати полна очарования: черты лица мягко округлены, овал безупречен, это идеал женственности. Маска старухи, созданная Кавати,— это, в сущности, то же самое лицо, но измененное годами. Оно вытянуто, заострилось, дугообразные морщины, как волны, бегут по лбу, окружают скорбно опущенные книзу глаза. Рот устало открыт...

Знаменитый мастер XIV века Токувака́ создал маски людей, портретно по изображающие знатных хэйанцев.

Маски страшных демонических существ с предельной мощью выражают гнев, ярость, угрозу. У демона багровое лицо, рога, клыки оскалены... Существует индивидуальные маски для отдельных ролей. Наклон маски меняет ее выражение. Скульптор, стремившийся вложить жизнь в свое творение, учитывал перемену ракурса и пластику актера. Поза скорби, движение руки, полное печали,— и маска тоже глядит горестно и печально. В маске заложена возможность смены выражений, особенно это заметно в тех масках, которые воплощают не острохарактерный, а идеальный, обобщенный образ.

В театре Но к маскам относились благоговейно, особенно к исторической маске «старца» (окина), и это исторически объяснимо: ношение маски восходит к древнейшим ритуальным пляскам и мистериям. Маску обожествляли. Считалось, что «не человек смотрит, а маска».

Театральные костюмы создавались веками и потому носят условно-исторический характер. Они строги, в простой гамме цветов, но одежды некоторых персонажей великолепны — многоцветные, сверкающие золотом.

Сменные декорации отсутствуют. Переносные, предельно условные конструкции должны символически изображать лодки и экипажи, хижины и храмы, скалы и цветущие деревья...

Здание театра Но в его первоначальном виде было устроено предельно просто. Это невысокий помост из белых некрашенных досок на четырех опорных столбах под двускатной крышей с загнутыми вверх краями. Слева высокая стена.

Актеры после очередного выступления не уходили со сцены, они садились, согласно своему амплуа, в том или ином углу сценической площадки и застыли в неподвижной позе. Однако Дзэами в своих трактатах об искусстве Но учил, что актер, даже бездействуя, должен незримо для всех сохранять сконцентрированную в нем внутреннюю силу, способную подтянуть зрителей.

На правой стороне помоста, отгороженной балюстрадой, двумя рядами располагается хор в восемь человек. Хор в спектакле Но играет важную роль; он комментирует действие, ведет диалог, повествует, сопровождает танцу и, наконец, завершает пьесу величанием, скорбным или радостным заключительным аккордом. Сопереживая герою, хор создает эмоциональный фон для представления.

К. Гагеман пишет в своей книге о японском театре: «...раздается волшебное звучание хора Но. Мрачные мужские голоса нисходят, словно в старинном монастырском песнопении, торжественными интервалами и обещивают представленную единство неслыханно праздничного, совершенно отрешенного от жизни стили. Пению осторожно вторит старояпонская флейта, твердые и несколько жесткие звуки которой прекрасно гармонируют с серьезным характером Но. Она обычно бросает в ансамбль лишь отдельные фразы и только в чисто лирических местах ведет более продолжительную мелодию»¹.

Небольшой оркестр сидит на арьерсцене. Он состоит из флейты и ударных инструментов. Два небольших барабана имеют форму песочных часов, звуки из них извлекают ударом руки. На третьем барабанчике выбивают дробь при помощи двух палочек. Ударные инструменты организуют темп и ритм. Ритм — важнейший структурный элемент театра Но, он пронизывает всю ткань спектакля.

Еще дальше музыкантов, в самой глубине сцены, сидят слуги.

Задник изображает раскидистую зеленую сосну на золотом фоне. Сосна — священный символ долголетия, почитание сосны связано с древним культом деревьев.

Влево от сцены отходит «мост». Под настилом его помещены глиняные кувшины-резонаторы. Входная дверь, ведущая на мост, отделена пятицветной занавеской от «зеркальной комнаты», которая сообщается с уборной актеров. Справа от сцены низенькая дверца для тех, кто должен входить на сцену «незаметно». Три маленькие сосны перед мостом как бы пунктиром отмечают места, где должен останавливаться актер.

Театр в его древнем виде был отгорожен от зрителя полосой песка. Зрители сидели на циновках, разостланных на земле, сёгун смотрел на представление с веранды своего дворца. Спектакль начинался утром и шел весь день.

Состав труппы («дза») — немногочисленный. Во главе стоял первый актер — сита. В ранних пьесах театра Но он был единственным актером, однако по мере того, как пьеса становилась сложнее, другие действующие лица начали приобретать самостоятельное значение.

Теоретик театра Но Дзаами считал, что актер должен владеть искусством пения и пляски и выполнять три основные роли: старика, женщины и воина.

У главного актера могли быть «спутники» — цура. Например, старик (сита) в пьесе «Такасаго» является в сопровождении старухи (цура). Сита — центр пьесы. Второй актер — ваки чаще всего «подыгрывает» главному актеру, он как бы сдвинут к периферии, на что указывает и само его название: «ваки» — сторона. У него свои спутники — вакидзурё.

¹ К. Гагеман. Игры народов, вып. 2-й, «Япония». Л., 1925, с. 12.

Малолетние актеры, исполняющие роли детей и отроков, именуются «коката». В интермедиях участвует «аи», или «кёгэн» — характерный комик — простак.

Драмы театра Но носят название «ёкёку». До нашего времени дошло только двести тридцать пьес, но было их тысячи две. Пьесы, созданные до появления театра Но, не сохранились. Впрочем, известно, что Каннами переработал некоторые старинные пьесы театра дэнгаку. В свою очередь, большинство пьес Каннами было переработано его сыном Дзэами. Изменения вносились и позднее. В театре создалось как бы новое амплу: актер-драматург. Сходное явление мы наблюдаем и в Европе, достаточно назвать Шекспира и Мольера.

Великий драматург Дзэами написал более ста пьес и сотрудничал во многих других. Ему принадлежит главный вклад в драматургию театра Но. Он был не только драматургом, но и композитором, хореографом и постановщиком пьес. Дзэами создавал точную режиссерскую разработку. Некоторые его мысли о театральном искусстве не устарели и теперь. Он оставил несколько трактатов об искусстве Но и среди них знаменитую «Книгу цветов» («Кадэнсё»). До нас дошли рукописи, где он набрасывал мизансцены, графически чертил все перемещения актеров по ходу действия и фиксировал точные позы в рисунках обнаженных фигур. Вообще сборники пьес Но, предназначенные для актеров, снабжены обильными ремарками.

Кроме Дзэами, в создании репертуара Но участвовало еще несколько драматургов школы «Кандзэ» (название это составлено из первых слогов имен Каннами и Дзэами), как, например, сын Дзэами — Дзюро Мотомаса (1395—1459) или Кандзэ Кодзири Нобумицу (1435—1516). После XVI века творческая энергия театра Но иссякает, новых пьес уже не создают.

В театре Но говорили прозой на языке своего времени, но поэтическая речь высокого стиля была построена по законам классического литературного языка более ранних эпох.

Актеры (как и всюду в театрах Дальнего Востока) говорят и поют голосом особого искусственного тембра, напоминающим низкое или высокое звучание духовых инструментов. Даже прозаическую речь скандируют протяжно и напевно.

Стихи в театре Но необычайно мелодичны, музыкальны, они, что называется, призваны «ласкать ухо». Их не клали на музыку, они рождались вместе с музыкой. Длина стиха варьировалась сообразно с мелодией и темпо-ритмом.

Стихи в пьесах ёкёку на первый взгляд просты и прозрачны, но в основе их лежит сложная поэтика. Силлабическая японская поэзия не знает рифмы, обогащение стиха требовало особых приемов. В японском языке много омонимов, то есть слов, которые звучат одинаково, но имеют разный смысл. В пейзажной «песне странствия» (митиюки) обыгрывались по смыслу топонимические названия. Слова, или даже часть слова, получали двойное значение и сцепляли между собой фразы, как закрепка ожерелья.

Ассоциативные силы сцепления работали очень мощно. Один поэтический образ рождал другой: вслед за парусом «появлялись» челн, весла, волны, морская даль и так далее.

Из богатого арсенала классической литературы, японской и китайской, заимствовались эпитеты, метафоры, цитаты... Иногда какое-нибудь знаменитое стихотворение вставлялось целиком по ходу действия, как своего рода ариозо.

Японская лирика любила миннаторы: пятистишие — танку. В средние века под сильным влиянием буддийских напевов вошли в моду песни на «современный лад» (имаё-ута) — восьмистишие. Длинные лирические поэмы, драматические баллады, эпическая поэзия, восходящая к народному сказу, не нашли себе места в литературной поэзии, они расцвели в театре.

Академик Н. И. Конрад писал в своей статье «Лирическая драма»: «Умение сочетать как будто самые разнообразные элементы с блеском явлено в стиле ёкёку, в словесной ткани пьес. Эта ткань, сотканная из собранных отовсюду цитат и выражений, дана в такой художественной цельности, которую можно подметить только в самых самобытных произведениях японской литературы. Нити для пестрого ковра взяты отовсюду, но сплетены они так, что утрачены всякие самостоятельные признаки, целиком поглощающиеся общим целым. Такого результата авторы Но достигают своим умением нанизывать (цугихаги) одну заимствованную цитату на другую, умением вложить это все в единый метрический уклад, пронизать все целое единым ритмом... В сущности говоря, ритм (в широком смысле) является той стихией, в которой находят свое объединение все разнородные элементы пьес»¹.

В пьесах Но, построенных на декламационно-напевной основе, звучат мелодическое пение, речитатив (сказ), напевная речь. Сольные партии, «диалоги», восходящие к очень древней перекличке хоров, «спор» главного актера с хором сменяют друг друга. Очень часто актер поет лишь один-два начальных стиха, а хор подхватывает и продолжает повествование от его лица.

Состав музыкальной драмы Но очень разнообразен, однако в ней царит строгий порядок. Не только каждый элемент, но и вся цепь элементов подчинены строгим структурным законам.

В пьесе Но можно выделить две части (два действия). В конце первого действия главный актер — ситэ уходит по мосту за пятицветную занавеску, чтобы переодеться. На сцене в это время часто, но не всегда разыгрывается интермедия (ай). Простак — кёгэн выходит на авансцену. Обычно это сельский житель. Действие как бы замирает на время и возвращается вспять. Кёгэн рассказывает какую-нибудь местную легенду, приоткрывая занавесу над тем таинственным, что совершалось в первом действии. Интер-

¹ Н. Конрад. Очерки японской литературы. М., 1973, с. 269—270.

медия была создана благодаря глубокому постижению восприятия зрителей. Это момент отдыха перед кульминацией зрелища.

Происходит «превращение», ситэ выходит в новом облике, как сверхъестественное существо. Главного актера до превращения принято называть «маэдзитэ», а после превращения — «нотидзитэ».

Пьеса «Фуна-Бэнкэй» четко распадается на два разных эпизода, и ситэ исполняет в ней две роли: юной танцовщицы и мстительного духа.

Дзэами, однако, считал, что строение пьесы Но, по существу, трехчленное: вступление, разработка, финал (дзё-ха-кю). У каждой части свой темп: медленный, ускоренный, быстрый.

Во вступительной части актер-ваки после музыкальной интродукции представляется публике. Он называет свое имя («нанори») и говорит о том, куда направляется и зачем. Следует «песня странствия» (митиюки). Актер делает вид, что садится в лодку или на лошадь, обходит сцену... Затем следует «прибытие».

Разработка, в свою очередь, обычно состоит из трех частей (таким образом, в пьесе Но их всего пять). Начинается она с торжественного выхода ситэ. Первая сцена как бы рисует пейзажный фон, на котором должны развернуться события, это завязка. Две другие развивают сюжет в нарастающем динамическом напряжении. В конце третьей части дается ключ к разгадке тайны. Хор поет коду.

Финал пьесы (его название «кю» значит «быстрый») как бы устремлен к завершению пьесы. В момент кульминации возникает танец. Но еще и раньше, на протяжении всего спектакля, все движения актеров следуют четкому хореографическому рисунку.

Актеры двигаются особым скользящим шагом, плавно и медленно, иногда принимают статуарные позы. Скупой жест предельно условен. Так рука, поднесенная к лицу, означает рыдания. Можно говорить о символическом «языке веера».

Танец в театре Но (май) не похож на народные пляски (одори). Он воплощает в себе принцип «югэн» и создан для неспешного созерцания. Все движения полны сдержанной грации.

«Танец нападения» и «воинская пляска» допускают стремительные прыжки. Но Дзэами требует, чтобы при этом соблюдалось чувство меры, иначе пляска станет хаотической.

Спектакль театра Но был тщательно и продуманно организован. Он тоже следовал строгому ритму.

Первая драма была как бы вступлением. В ней часто появлялось божество (например, «Такасаго»).

Три следующих должны были контрастировать между собой. Это могли быть драмы, в которых призрак воина является из глубины преисподней («Киёцунэ»). В «драмах с париком» ситэ, исполняя женскую роль, падал на себя парик с длинными волосами. Женщины в спектаклях театра

Но не участвовали. Очень любимы были драмы, где главным персонажем была «безумная женщина» («Гробница Комати»).

Пятая пьеса — финал — выбиралась с благожелательным значением. Ситэ в ней всегда сверхъестественное существо («Горная ведьма»).

Сюжеты для пьес Но обычно заимствовали из всем знакомых, известных мифов и легенд или из знаменитых литературных произведений. Но были драмы и «из подлинной жизни», как, например, «Река Сумида», в которой мать ищет своего маленького сына, похищенного работоторговцами¹. Такие пьесы свидетельствуют о том, что в театре Но сохранились элементы народного театра.

Спектакль театра Но должен был перенести зрителя в особый поэтический мир, пробудить в нем возвышенные мысли и переживания и, наконец, в момент кульминации глубоко потрясти его. Сострадание, ужас, восторг — все должно разрешиться в особом чувстве наслаждения красотой.

* * *

Средневековый фарс — кёгэн, жизнерадостное скоморошье искусство — имеет те же истоки, что и театр Но: народные зрелища (Саругаку и Дэнгаку). На старинном рисунке можно видеть, как бродячие актеры дают под открытым небом веселое представление, а зрители помирают со смеху, сидя прямо на земле или взобравшись на крышу.

Поэт XI века Фудзивара Акихира в своих записках «О новых Саругаку» оставил нам названия комических сценок: «Как монахиня Мёко просила нижнюю рубашку», «Как провинциал приехал первый раз в столичный город», «Выпить — прожить тысячу лет»...² и тому подобное.

Фарс-кёгэн сложился в полноправный театральный жанр одновременно и параллельно с музыкальной драмой Но, в первой половине XIV века. Два этих жанра обособились друг от друга, однако труппа актеров фарса входила в состав театра Но на подчиненных началах и выступала на той же сценической площадке в перерывах между драмами. Обычно давалось четыре фарса. Актер из труппы кёгэн появлялся и в ходе драмы Но как характерный комик-простака, работая «у ковра», пока ситэ переодевался и готовился к новому выходу.

Вместо принципа «югэн» фарс выдвинул другой основной принцип игры: «окасами» (комизм) в сочетании с «мономанэ» (жизненной правдой). Актеры фарса правдиво и достоверно изображали людей своего времени. Кёгэн вышел из народной среды и поэтому язвительней всего высмеивает феодалов и духовенство. Он очень тесно связан с фольклором: сатирической и бытовой сказкой, анекдотом.

¹ Сэ а м и. Река Сумида. Перевод Н. И. Конрада. — Сб. «Восточный театр». Л., «Academia», 1929, с. 329—340.

² Н. К о н р а д. Японский театр. — Там же, с. 271.

В фольклоре и фарсе сложились противоборствующие пары персонажей: настоятель храма и послушник, князь — даймё и озорной сметливый парень из народа, лишь по виду простодушный дурачок. Слуга Таро японского фарса и Хикобити народной сказки принадлежат к бессмертному типу «дурачков», которым всегда удается провести и высмеять своего господина.

Народный юмор зорек, он подмечает смешные и слабые стороны своих властителей. Даймё и священники — отрицательные комические типы. Даймё в фарсе — тупой и заносчивый феодал, невежественный до последней степени. Он все время попадает в нелепые ситуации. Настоятели храмов, монахи, все, кто причастен к духовенству, отличаются непомерной жадностью. В антиклерикальных фарсах пародируются плохо затверженные наизусть проповеди и непонятные на слух буддийские сутры: «борон-борон»...

Если комический персонаж фарса, что называется, «свой брат», крестьянин или ремесленник, то высматривается он с беззлобным юмором, — ведь под обстрел попадают обыкновенные человеческие слабости, а не социальные пороки.

В бытовых фарсах действуют злая жена и робкий муж, тесть и глупый зять... Сочинители кёгэнов находили в сокровищнице фольклора бесчисленные сюжеты для фарсов и сами придумывали забавные ситуации.

Конструкция фарса несложна: короткий пролог и два-три эпизода, — ведь длился фарс очень недолго, минут пятнадцать. Действие разворачивалось в быстром темпе и обычно кончалось потасовкой и погоней: «Не уйдешь, не уйдешь!» При всей его простоте в фарсе были созданы хорошие роли для комических актеров.

«Фарс обращался к жизни, к реальному человеку средневековья, — сообщает В. В. Логунова, — его герои говорили сочным, разговорным языком. Конфликт в кёгэнах разрешается всегда реальными средствами, без вмешательства потусторонних сил. Потасовки, беготня, преувеличенная жестикация действующих лиц делали кёгэны очень динамичными. Артисты фарса обычно играли без масок»¹.

Маску надевал только актер в роли фантастического существа: бога грома или черта. Само собой, это комические черти, они смешат, а не пугают.

Костюмы в кёгэне обычные, бытовые. Подчеркнута нелепость придворного костюма: модные в то время длинные штаны, которые волочатся по земле. Даймё на подмостках выглядит смешотворно...

Встает вопрос, как же могли настоящие даймё поощрять такие фарсы? Острая народная сатира в фарсах-кёгэнах все же несколько смягчена, и, кроме того, фарсы исполнялись в театре Но, как интермедии между драмами, своего рода клоунады. К ним не относились серьезно.

¹ В. В. Логунова. Кёгэн — японский средневековый фарс. М., Изд-во восточной литературы, 1958, с. 5—6.

С течением времени средневековый фарс потерял творческий импульс, живое искусство импровизации заглохло, кёгэн принял канонические формы.

В истории кёгэна прославлены три театральные школы. Из них особенно знаменита школа Окура, основанная талантливым артистом и сочинителем фарсов Компару Дзэнтiku (1405—1520). Артисты этой школы и до сих пор сохраняют ее традиции.

До нас дошло около трехсот кёгэнов, записанных и изданных в XVII веке, но было их гораздо больше. Импровизации легко возникали на подмостках и, не закрепленные в текстах, забывались.

Все же и то, что осталось,— бесценное свидетельство, созданное самим народом, о людях и нравах японского средневековья. Это и до сих пор источник веселого смеха.

* * *

Замечательный драматург Тикамацу Мондзаэмон (1653—1724) писал свои пьесы в эпоху позднего феодализма на стыке двух времен, старого и нового. Власть правящего военного сословия была еще крепка, но «злато и булат» уже начали свой спор.

В самом начале XVII века один из князей — хитроумный и удачливый Токугава Иэясу сумел в решающей битве одолеть своих соперников. Он осуществил давнюю мечту всех прежних сёгунов: привести к подчинению вопиствующих феодалов и объединить Японию. Правительство Токугава (бакуфу) обосновалось в городе Эдо, ныне он называется Токио. В стране был введен жестко регламентированный режим.

Всю тяжесть его испытали крестьяне. В пьесе Тикамацу «Ночная песня погонщика Ёсаку из Тамба» служанка в харчевне жалуется: «Отец мой — крестьянин из деревни Ёкота. Ему уже шестьдесят шесть лет, и вот его, старика, бросили в водяную темницу за недоимку. Требуют с него два мешка с лишним рисового зерна»¹. В такой темнице сажали по горло в воду.

Строгий надзор был учрежден буквально повсюду: в княжеских замках, селах и городах. Ослушников карали смертью.

Мелкие вассалы-самураи принадлежали к первому сословию страны, они могли безнаказанно снести голову любому простолюдину, но, теряя службу у своего феодального господина, самураи деклассировались и лишались средств к пропитанию. Иные из них добровольно уходили в город, где был спрос на образованных людей, случалось даже, что они возглавляли восстание крестьян. Деклассированный самурай назывался «ронин», то есть «человек-волна» («перекати-поле»). Дед Тикамацу по некоторым сведениям, был старшим вассалом у какого-то князя и получал немалое довольство риса, отец стал ронином и поселился в Киото.

Там, в Киото, жили «Сын Неба» — император, лишенный всякой власти, и, как призраки былого величия, аристократы с громкими титулами.

Между Киото и Эдо пролегла знаменитая Токайдоская дорога, которая так красочно изображена на цветных гравюрах Хиросигэ и в пьесах Тикамацу.

Подлинное имя драматурга — дворянское: Сугимори (родовое прозвище) Нобумори (личное имя). Тикамацу Мондзаэмон — его театральный псевдоним — звучит простонародно. Как провел свои юные годы Тикамацу, доподлинно не известно.

Ему, выходцу из обнищавшей семьи потомственных воинов, пришлось пройти большую трудную школу жизни. Возможно, в юности он служил у одного киотоского аристократа, побывал в монастыре, носился, — как он сам говорит, — по волнам городской жизни... В пьесах его можно найти живые, зорко наблюденные сцены из городского и сельского, монастырского и придворного быта. Точность нраво- и бытоописания роднит пьесы Тикамацу с новеллами его современника, талантливого писателя Ихара Сайкаку¹. Демократическое искусство горожан тяготело к реализму.

Умиротворение страны содействовало росту товарно-денежных отношений. Быстро развивались города Эдо, Киото, Осака и другие. В городах кипела жизнь, процветали торговля и ремесла. Эпоха Гэнроку (1688—1704 гг. или, в более широком понимании, последняя четверть XVII и первая четверть XVIII в.) знаменита в истории японского искусства. На весь мир прославлены цветные гравюры «укиё», в то время это были недорогие лубки. Искусные мастера-ремесленники резали из камня и кости миниатюрные фигурки — нацкэ (для ношения на поясе), которые теперь занимают почетное место в музеях мира. Типографии печатали на резных деревянных досках большими по тому времени тиражами книги с картинками, рассчитанные на вкусы читателей-горожан.

Литература XVII столетия свежестью, смелостью и новизной в известной мере напоминает европейскую литературу Возрождения. Сначала она поставляла, что называется, «чтиво», способное позабавить и заинтересовать горожан. Но к концу века в поэзии и прозе появились великолепные мастера: писатель Ихара Сайкаку, поэт Мацуо Басё² и другие.

Так же стремительно шли к вершинам искусства народные театры Кабуки и Дабёруи. Горожанам нужны были зрелища. Сначала, в начале XVII века, выступали труппы танцовщиц, потом мальчиков-подростков. Они были запрещены. В Эдо, Киото, Осака сформировались труппы мужчин-актеров. В эпоху Гэнроку появились великолепные актеры: в Эдо — Итикава Дандзюро Первый, а в Киото — Саката Тодзюро.

Неизвестно, когда и почему Тикамацу Мондзаэмон увлекся театром. Ему было лет тридцать, когда он стал писать пьесы для Саката Тодзюро. Этот умный и тонкий артист, сам сочинивший несколько драм, лучше всего исполнял роли простых людей из народа. В записях современников сохрани-

¹ Ихара Сайкаку. Избранное. М., «Художественная литература», 1974.

² Басё. Лирика. Перевод с японского Веры Марковой. М., «Художественная литература», 1964.

лись его слова: «Какую роль ни играл бы артист Кабуки, он должен стремиться лишь к одному: быть верным правде», «Искусство артиста подобно суме нищего. Что ни увидишь, все запомни».

Тикамацу создавал для него в своих драмах роли «первых любовников».

Пьесы для театра Кабуки сильно отличались от музыкальных драм театра Но, хотя на первых порах и заимствовали из них сюжеты и отдельные приемы. Актеры выступали без масок, но применялся символический грим: например, красные полосы на лице изображали гнев.

Многоактные драмы Кабуки должны были вызвать ужас и сострадание. Горожане любили сильные театральные эффекты. В так называемых «исторических драмах» изображалось условное средневековье с кровавой вендеттой, поединками и убийствами. Давались и «мещанские драмы» из современной жизни. Зрители проливали потоки слез, когда злосчастная судьба разлучала любовников.

Тикамацу был мастером остросюжетной интриги. В самых потрясающих моментах публика разражалась одобрительными криками: «Мондзаэмон! Мондзаэмон!»

Как Шекспир искал сюжеты в старых хрониках и новеллах, так и Тикамацу оживил рассказы и легенды, запечатленные в старинных романах и эпопеях. И все же Тикамацу даже в своих исторических пьесах с полной поэтической свободой изображал новых людей своего времени. Чувство, выражаемое с большой силой, одерживало нравственную победу над феодальным долгом. Там же, где торжествовал феодальный долг, он уже казался ходульным, неестественным, противоречил человеческой природе: герой убивал сам себя, приносил в жертву жену и детей,— всех примеров не перечислить.

Несмотря на большой успех его пьес, Тикамацу постепенно охладел к театру Кабуки и увлекся театром Дзёрури. Можно лишь гадать, что было этому причиной.

В театре Кабуки властвовал актер, в театре Дзёрури — драматург. Конечно, и драматург был в известной мере ограничен, набор кукол навязывал ему условные типы, надо было считаться с возможностями рассказчика (гпдаю), но все же сочинитель пьес чувствовал себя свободнее, у него, что называется, были «развязаны руки». Парадоксальным образом, чем больше условен театр кукол, тем сильнее можно было в нем изобразить некоторые моменты действительной жизни, например, любовную страсть.

Анатолий Франс писал в своей статье «Гросвита в театре марионеток»: «...они (марионетки) сделаны именно для того, что они делают, их природа соответствует их назначению, и они достигают совершенства без всяких усилий».

Марионетки... созданы по образу и подобию дочерей мечты»¹.

¹ Анатолий Франс. Собр. соч., т. 8. М., «Художественная литература», 1960, с. 175.

В театре кукол Дзёрури рассказчик ведет свое напевное повествование под аккомпанемент сямисэна (род трехструнной гитары). Слово соединено с пантомимой.

В XVII веке возникло много трупп Дзёрури: в Киото, Эдо и других городах. На острове Авадзи в деревне Итимура (она получила название «город кукол») и до сих пор существуют потомственные компании кукловодов, но наибольшей славой пользуется старинный театр Бунраку-дза в городе Осака.

Куклы Бунраку большие, в две трети человеческого роста, механизм их управления спрятан внутри, под одеждой, и с течением времени все усложнялся. Сначала куклы могли только поворачивать головы вправо и влево, потом стали двигать глазами, бровями, пальцами рук, открывать рот... Головы для старинных кукол создавали превосходные мастера. Голова куртизанки — идеал красоты в эпоху Генроку. Очень экспрессивны голова самурая — рот изогнут книзу дугой, брови взлетают к вискам, — или гротескно-смешные маски простоллюдинов.

Кукловоды с открытыми лицами, в церемониальных костюмах или в черных капюшонах с прорезями для глаз, управляют куклой на виду у публики. Куклы фехтуют, пляшут, сотрясаются от рыданий, они «играют» так живо, что со стороны кажется, что кукловод только сдерживает куклу, а она в порыве отчаяния вырывается у него из рук...

В труппе дружно работают кукловоды и музыканты, но ведущая роль традиционно принадлежит певцу-рассказчику. Драматическая поэма дзёрури ведет свое начало от народного эпического сказа. В тексте ее не обозначены действующие лица, но — как в пьесе Но — даются традиционные указания, где повысить или понизить голос, в каком ритме или какой манере следует исполнять то или иное место. Народная песня сменяется сказовым речитативом, звучит бытовая речь. Рассказчик ведет повествование и «от автора», и от лица всех героев пьесы, то есть должен обладать исключительной способностью к мгновенному перевоплощению.

Пьесы для кукольного театра, сочиненные до Тикамацу, обычно называют «старыми дзёрури». Вот что говорил о них Тикамацу: «Старые дзёрури похожи на нынешние похоронные речи, нет у них ни цветов, ни плодов. С того самого времени, как начал я сочинять, я вложил все свое сердце в мои труды, потому и удалось мне поднять дзёрури на небывалую доселе высоту».

Свои первые дзёрури Тикамацу создал для Киотоского театра кукол Мандзю-дза, основанного в 1675 году известным певцом-рассказчиком Удзи Каганодзё. Тикамацу соединил воедино лучшее, что было в театральных жанрах Дзёрури и Кабуки, и создал великое искусство общенародного значения.

Дзёрури его с большим успехом шли и в городе Осака, где в 1684 году открыл свой театр Такэмото Гидаю Первый. Имя «гидаю» стало нарицательным для певцов-рассказчиков кукольного театра.

В жизни Тикамацу произошел большой перелом, он переехал из Киото в Осака и стал драматургом театра Такэмото-дза.

Осака был крупным торговым городом, где «серебро рождало серебро». Тикамацу в своих дзёрури показал «веселые кварталы», где купцы просаживали деньги, тихие дома и шумные улицы, реки и каналы с перекинутыми через них мостами. К собранию его пьес часто прикладывают план старинного Осака. Именно в этом городе Тикамацу искал и нашел своих самых популярных героев: небогатого купца на грани разорения, прекрасную девушку, проданную в дом любви,— они ищут счастливое будущее в потустороннем мире через двойное самоубийство. Следует заметить, что тема самоубийства часто встречается в народных легендах Японии.

В 1703 году на сцене Такэмото-дза была исполнена первая «мещанская драма» Тикамацу «Самоубийство влюбленных в Сонэдаки». Это великий день в истории японского театра. Впервые родилась подлинная народно-гуманистическая драма. Гибель любящих вызвала всеобщее сочувствие зрителей.

Герои драмы — простые горожане — были близки и понятны, возникало чувство общности судьбы.

Тикамацу создал двадцать четыре «мещанские драмы». Среди наиболее известных и любимых можно назвать дзёрури «Ночная песня погонщика Ёсаку из Тамба» (1708), «Гонец в преисподнюю» (1711), «Копьеносец Гондза в двойном плаще» (1717), «Девушка из Хаката в пучине бедствий» (1718), «Самоубийство влюбленных на Острове Небесных сетей» (1720), «Масляный ад» (1721). Все они переведены на русский язык¹.

В своих «мещанских драмах» Тикамацу создал типы людей переходного времени, мятущихся, слабовольных. Они уходят из жизни в смерть, не в силах найти другого выхода.

Герои пьес Тикамацу овеяны поэзией, они верны, благородны, самоотверженны, у них более сильная и стойкая воля, чем у их возлюбленных.

Падающим на самое дно, погибающим героям противостоят резонеры — воплощенная мещанская добродетель. В большинстве случаев они не наделены достаточной индивидуальностью, это движущие пружины действия,— ведь порой именно вмешательство ханжеских резонеров вызывает конечную катастрофу.

В основу пьесы, согласно обычаю того времени, часто клалось подлинное происшествие. Известно, что убийство, изображенное в «Масляном аде», на самом деле произошло в 1721 году накануне Праздника мальчиков и немедленно было инсценировано в театрах Кабуки и Дзёрури. Это при-

¹ Тикамацу Мондзаэмон. Драматические поэмы. Перевод с японского Веры Марковой. М., «Художественная литература», 1968.

Мондзаэмон Тикамацу. Драммы. Перевод с японского В. Марковой и И. Львовой. М., «Искусство», 1963.

влекало публику. Но, конечно, событие не изображалось протокольно, драматург мог дать волю своему воображению.

«Масляный ад» — новаторская пьеса, самая реалистическая из всех драм Тикамацу. Именно поэтому она на первых порах имела мало успеха и завоевала признание лишь в XX веке.

Главный герой — убийца Ёхэй. Великий драматург показал его характер в развитии. Весь путь постепенного падения Ёхэя прослежен от самого детства. Балованный мальчик, шалый городской парень, он неизбежно попадает в лапы ростовщиков. Даже само убийство Ёхэй совершает почти бездумно, в порыве слепого отчаяния. И сама тема, и ее разработка скорее напоминают современные японские фильмы, чем старинные пьесы.

Любовницы Ёхэя — продажные девушки — весьма мало романтичны. В пьесе нет настоящей любви.

Зато необычайно привлекательна купеческая женка о-Кити, жизненны и достоверны семейные сцены. Острофабульная пьеса движется на сцеплении конфликтов и контрастов.

Во всех «мещанских драмах» Тикамацу три действия. Обычно, в дзёрури, как и в пьесах театра. Но, обязательно присутствует митиюки (песня странствия). У Тикамацу митиюки, развернутое в большую поэтическую картину, предваряет трагическую развязку в финале. Герои уходят в последний путь. Митиюки, созданные Тикамацу, великолепные поэмы в стихах на музыкально-песенной основе. Лишь в «Масляном аде» митиюки нет, — это пьеса бытовая, — но в ней, начиная с самого зачина, богато рассыпаны городские песенки.

Прозаическая речь в минуту эмоционального подъема переходит в стихи, напевные, богато оркестрованные, прошитые созвучиями. Так же, как в пьесах Но, в арсенале средств драматурга классические цитаты, игра слов, сложные цепочки ассоциации. Он — превосходный поэт.

В драму органически включены комические сцены. Как в средневековом фарсе, в «Масляном аде» звучат пародийно бессмысленные заклинания монаха. И у новеллиста Сайкаку и у Тикамацу буддизм, как церковь, подвергается осмеянию. Но буддийские истины часто возглашаются в конце дзёрури, как последняя надежда, завершающий примирительный аккорд в конце гибельного пути.

Тикамацу был основоположником нового театрального жанра и глубоким мыслителем, не только прагматиком, но и теоретиком искусства.

В записях современников сохранились его беседы¹.

Театр кукол соперничал с театром живого актера, значит, «автор пьес дзёрури должен наделить своих кукол множеством разнообразных чувств и тем самым завоевать внимание зрителя». «Насытить чувством нужно не только повествование о событиях или речи героев, но даже описание пейзажа в митиюки...»

¹ В. Маркова. Мондзаэмон Тикамацу о театральном искусстве. — Сб. «Театр и драматургия Японии». М., «Наука», 1965, с. 66—83.

Душу в куклу можно было вложить через слово, музыку (вокальную и инструментальную) и движения кукол. Стихи у Тикамацу перасторжимо связаны с народным мелосом. В основу дзёрури положено действие, а не рассказ о нем, как во французской классической драме, динамика, а не статика. Иногда текст дзёрури напоминает раскадровку киносценария, так точно фиксируются движения кукол, мизансцены, даже угол зрения, перспектива, а в митиюки путь героя подан на фоне движущейся пейзажной панорамы.

Придавая столь важное значение чувству, Тикамацу все же не хотел, чтобы оно изображалось «с наигрышем», надрывно и фальшиво, лишь бы выжать слезы у зрителей.

«Все элементы искусства дзёрури подчинены драматическому действию,— говорил он,— и если надо выразить печаль, то чем суровей будут напев и слова, тем сильнее будет выражено чувство печали».

Стремясь к правде, Тикамацу ставил перед собой вопросы: что такое правда театрального искусства? Каково соотношение между житейским фактом и правдой образа, во-первых, между правдой образа и условной природой театрального искусства, во-вторых?

Мысли Тикамацу оставили яркий след в истории японского театра и не потеряли значения даже в наши дни.

«Дзёрури стремится изобразить житейское явление, как подлинное, но вместе с тем в пьесе оно становится явлением искусства и перестает быть просто явлением действительности».

Убийство жены торговца маслом в дзёрури «Масляный ад» не просто факт, почерпнутый из уголовной хроники. В пьесе Тикамацу это катастрофа, которая надвигается медленно и неотвратно, как в античной трагедии, и, обнажая до самого дна жизнь большого города, зримо показывает разъедающие его социальные язвы.

«Искусство находится на тонкой грани между правдой и вымыслом. Оно — вымысел и в то же время не совсем вымысел; оно правда и в то же время не совсем правда. Лишь на этой грани и рождается наслаждение искусством».

Тикамацу учил показывать правду жизни в обобщенных образах, насыщая их творческой фантазией, но фантазия, по его мысли, не должна далеко отлетать от действительности. Вот почему «искусство находится на тонкой грани между правдой и вымыслом».

Заветы Тикамацу — прекрасная школа искусства и для драматурга и для актера, а созданные им пьесы вошли в золотой фонд мировой драматургии.

Дзэами и Тикамацу принадлежат к плеяде великих драматургов наряду с Калидасой и Софоклом, Кальдероном и Мольером. От встречи с ними «родится наслаждение искусством».

В. МАРКОВА

ГРОБНИЦА КОМАТИ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Первый странствующий монах (вакп).
Второй монах, его спутник (вакидзурэ).
Старуха, затем поэтесса Оно-но Комати (снэ).

*Место действия: окрестности столицы; дорога, с которой виднеется
Лавровая река; на обочине дороги разрушенная ступа — гробница.*

Время действия: вечерний сумрак и ночь.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

*Звучит музыка, и тихой, важной поступью выходит странствующий
монах и его спутник.*

Монах и его спутник
(начальная песня)

Неглубоко в горах таятся
Наши скиты,
Неглубоко в горах таятся
Наши скиты,
Но в потайных глубях скитаются
Помыслы сердца.

Первый монах. Я монах из обители Алмазная Твердость
на святой горе Коясан. Я спустился с горы и теперь иду в столицу.

(Говорит нараспев.)

Ведомо: Прежний Будда
навек ушел,
А Грядущий Будда доселе
не является к нам.

Вместе

В сей межвременья сон рождены,
безнадежные,
Что признаем мы на земли
явью истинной?!
В миг случайный мы обрели
человеков обличие
среди тьмы обличий пных.
Набрели на Великое Слово
Просветленного Сакья
среди роя учительных слов.
Вот оно — семя прозрения,
постиженья начало! —
Так, сердцем надежду послушав,
В простые одежды,
Послушников черные рясы,
Смиренно оделись.

Монах и его спутник
(поют)

Мы прежде рожденья знали
Суть наших судёб,
Мы прежде рожденья знали
Суть наших судёб.
Путь жизни мгновенец, а пути
Страдания вечны.
Сквозь множество жизней гонимы
Стрекалом желаний,
В тенетах причип и следствий
Слепцы блуждают.
Мы ни к чему не привязаны,
Невозмутимо сердце!
Разрешили мы узы родства!
Жалость отринули
К родителям милым давно.

Так и о нас
Позаботиться более некому.
Мы забыли детей.

Что для нас тысяча ри —
Путь педалекий!
Мы в скитаниях передохнем
В одичалом поле.
Нам ночлегом простая скала,
Наша кровля — небо.
В нас прибежище заключено
Истинной правды!
В нас прибежище заключено
Истинной правды!

Монах и его спутник отходят в глубь сцены и садятся. На сцену вносится складное сиденье, означающее разрушенную гробницу-ступень. Звучит музыка, и, опираясь на клюку, медленно выходит «ситэ» в роли старухи, проходит по помосту, время от времени садится отдохнуть.

Старуха
(поет)

Плавучей, плакучей травы
Оборваны корни,
Плавучей, плакучей травы
Оборваны корни,
Но уж не плыть ей покорно по зову
Текучей влаги!

(Говорит нараспев.)

Ах, какая владела в те давние дни
Мной надменная спесь!
Словно бы зимородка крыла,
Иззелена-черны,
Сияли струистою влагой речной
Пряди волос,
Извивались, как ивы тонкая ветвь
На весеннем ветру.
И была соловьиная лепота
В лепетанье речей,
И я красовалась прекрасней цветов
Хаги в полном цвету,
Когда они холодной росой полны

И вот-вот опадут!
А теперь служанка ничтожная,
Простая мужичка и та
Гнушается мной.
Всем — горчайший мой стыд
Выдает напоказ!
Безотрадные,
Налегли на меня
Луны и дни,
Столетней старухой
Пред вами стою!

(Поэт.)

Я в столице от суетных глаз
В тень отступаю.
Так и жду: «Поглядите, она
Увяла, обвечерела!» —
Круглый день по заулкам кружу,
До предлунных теней.
И с луной заодно — к закату
Отхожу от столицы,
И с луной заодно — к закату
Отхожу от столицы.
Покидаю
Стоярусный Терем —
Облачную Обитель —
Гору Просторных Чертогов,
Где так тесны входы.
Даже горный страж не окликнет
Горестную старуху.
Он на луну смотрит, сокрытый
Тенью деревьев...
Я скольжу бесприютною тенью
От столицы прочь...
Так в тени пропали, сокрылись
Любви Могила,
Что в селении Птичьи Крылья,
И Гора-Осень.
Вот луна в реке Лунного Лавра —
Ладья речная...
Но кто ее к берегу правит,
В лад опуская весла,
Кто ее к берегу правит,
В лад опуская весла?

Совсем я выбилась из сил. Сесть разве передохнуть на этом тухляком пне?

*Снимает шляпу, тихо приближается к складному сиденью
и опускается на него. Монахи встают.*

Первый монах. День смеркается. Нам должно спешить. Однако что это? Сия жалкая нищенка сидит — на чем бы ты думал — на благодатной ступе, святом надгробье?! Следует вразумить ее и попросить уйти.

Второй монах со словами: «Воистину, следует!» — обходит старуху со спины. Он, первый монах и старуха образуют на помосте треугольник.

Эй, почтенная нищая! Не грешно ли тебе сидеть здесь, ведь это ступа. Подобье святолепного облика Будды, насколько мы можем постичь его с помощью пяти наших чувств! Изволь встать и отдохни где-нибудь в ином месте.

Старуха. Подобье святолепного облика Будды, грешно — говоришь ты. Но здесь нет ни письменных знаков, ни резных изображений. Я вижу всего только обветшалый пенек, и пени твои напрасны.

Первый монах

Пусть даже в горной глуши
Затаилось тухлякое дерево,
По единственному цветку
Вишня откроется сердцу.

И разве нет на этом святом подобии облика Будды ни малейшего знака резных из дерева изображений?!

Старуха

Я никчемна давпо — под землей
Окаменелое дерево.
Но почуяло дивную красоту
Сердце — цветок остатний;
И разве не верный знак:
Сей цветок — приношение ступе?!
Изъясните ж теперь, отчего она —
Подобье облика Будды?

Второй монах

Ведомо: ступа есть проявление
Обетованья Будды, чье имя:
Познавший Суть Великого Света —
Дайнити Нёрай,
А он воплотился на время в нашей юдоли
Бодхисатвою Конгосатта —
Имя значит:
Чудотворный алмазный жезл!

Старуха. Сколько же статей у этого проявления?

Первый монах

Земля, Вода, Огонь,
Ветер, Пустота.

Старуха

Пять ярусов, пять основ,
Как в человеческом теле?!
Значит, ступа и тело равны,
Где же между ними различья?!

Второй монах

Казалось бы, ты права:
Отличья явного нету.
Но мощь добротворная их
По сути неравнозначна!

Старуха. Какова же добротворная мощь ступы?

Первый монах

«Единый взгляд на ступу — отдаленье
Навечное от трех дурных путей!»

Старуха

Подумай сам: «Единое мгновенье
Рождает в человеке Просветленье,
И это Просветленье добротворней
Святых заслуг, рожденных от строенья
Ста тысяч ступ!»
Так чья добротворность мощней,
Человека иль ступы?

Второй монах

Если сердце твое
Просветленья так полно,
Отчего этот мир
Ты не покинешь?

Старуха

Да разве сей тщетный мир
Покидают телом?!
Покидают сердцем его...

Первый монах

Но сердца лишенный
Разве способен узнать,
Что подобие Будды
В этом дереве заключено?

Старуха. Именно потому, что я узнала в нем подобие святолепного облика Будды, я и приблизилась к ступе.

Второй монах

Тогда почему же
Столь бесчинно на ней улеглась?

Старуха

Ах, много ль бесчиния в том,
Что и я отдыхаю — вместе
С повалившейся наземь давно
Ступой святою.

Первый монах

Это ты давно отступила
От прямого к Будде пути.

Старуха

Но и обратной стезею
К Будде равно приходят.

Второй монах

Вспомни, злокозненный Дайба...

Старуха. Помню! Он стал милосерден, словно Каннон.

Первый монах
А глупец Хандоку...

Старуха. Возобладал мудростью самого Мондзю.

Второй монах
Значит, то, что зовется Злом...

Старуха
От Добра неотделимо.

Первый монах
А то, что зовут заблуждением...

Старуха
От Просветленья-бодхи.

Второй монах
Итак, Просветленье-бодхи...

Старуха
Не растет на дереве бодхи.

Первый монах
У Зеркала Великой Истины...

Старуха
Подзеркальника нет!

Хор
Да, Великие Чистые Истины
В этом мире чему уподобить?
Единосущны, не явлены —
Облика не имеют, —
Значит, в мире Великой Истины
Все живое и Будда — одно!
«С тех пор, как Нёрай обещал
Всех немудрых этого мира
От неведения спасти,
Жива милосердная клятва
В обете всех бодхисаттв —
Потому и кривой стезею
К Будде можно прийти».

Так убежденно
Она сказала,
Что монахи тройной поклон
Перед ней совершили,
Лбами коснувшись земли.
«Поистине, — молвят, —
Прозренья сумела достичь
Жалкая нищенка!»

Старуха

Наконец-то я вновь ощутила
Силу, как встарь,
И ныне для вас забавную
Песню сложу.

*(Говорит вполголоса, нараспев, с мгновенной легкостью
складывая стихи.)*

В пределах Блаженной земли
Почтенью великому к Будде
Пределы навряд ли сыскать,
А здесь, у священной ступы
Такой неприступный вид...

*(Вдруг встает, с досадой отворачивается от монахов,
затем вновь возвращается на свое место.)*

О, эти докучные бонзы
С их проповедью несносной!
О, эти докучные бонзы
С их проповедью несносной!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Первый монах. Кем вы изволите быть? Скажите, кто вы?
Назовите ваше почтенное имя!

Старуха. Со стыдом называю вам свое имя.

Снисхождения просит
Дочь Оно-но Ёсидзанэ,
Правителя Дэва, —
Оно-но Комати,
Ничтожная побродяжка!

Оба монаха

О, жалость! Комати несчастная!
Великая красавица
Старинных времен:
Сияла всем обликом,
Словно цветы.
Трехдневного месяца —
Бровей тонина.
Нити, зеленые,
Что Лунный Лавр.
Белоснежную пудрою
Шкатулки полны.
Одежды мпожество —
Легкий газ, плотный шелк:
В Лавровом Тереме
Уместится ли?!

Старуха

Я слагала японские песни,
Созидала искусно китайские строфы,

Хор

К веселью хмельному звала
В руке моей чарка,
И тогда на рукав мой с Небесной реки
Луна опускалась тихонько.
То были воистину времена
Младого цветенья!
О в какой же безвестный миг
Все изменилось?

На голове моей ныне
Спутанное бѣлье
Заиндевелою пылини.
Темно-блестящие прежде,
Пряди волос на висках
Блекнут на старой коже,
Словно размазана тушь.
Тонко-летающие прежде —
О пара ночных мотыльков! —
Растаяли нежные брови —
Очертания дальних гор!

Черты единой
Вам до сотни лет не хватает,
Белесые космы:
«Девять — на девять» — травы морские
Над горькой влагой
Растравили мне горечью сердце,
Печаль беспросветна!
Вот стою под рассветной луною,
О как мне стыдно!

Старуха закрывается зонтиком.

С шеи у нее свисает
Мешок ветхий.
Что ты в него положила,
Отвечай, не мешкай!

Старуха

Сколько жить мне осталось нынче,
По правде, не знаю,
Но если доживу до завтра,
Утолит мне голод
Эта пригоршня
Бобов толченых.
Я ее в мешок положила
И несу с собою.

Хор

Что в суме у тебя за спиною,
Сумей ответить!

Старуха

Замасленное грязное платье
Я в нее положила.

Хор

А что на руке за плетенка?
Но не плети неправды!

Старуха

Черного и белого стрелолиста
Я в нее положила,

Хор

Да плащ дырявый,

Старуха

Да зонт дырявый.

Хор

Ей даже лица нечем
От людей спрятать!

Старуха

Все пустое! Остались бы только
Рукава хоть какие!
Ведь ни иней, ни снег мне не страшен,
Ни дожди, ни росы:
Заганть бы мне только слезы
От суетных взоров!

Вдоль дорожных обочин
Брожу я ныне,
Я прошу прохожих о подаенье
Или молчу, не в силах
Вымолвить просьбу,
Всякий раз наваждением безумным
Вдруг одержима:
Искажается голос,
Меняется облик!
Прошу вас, подайте, прошу вас...

Эй, монахи!

Первый монах. Чего ты хочешь?

Старуха. Свиданья с Комати!

Первый монах. А разве ты не Комати? Ты, верно, бредишь.

Старуха. Вот еще! Комати — это та, что слишком предавалась любовной страсти. Ливень сердечных посланий, любовных просьб обрушивался ей на голову — словно вся ее жизнь была порою майских ливней, но сердце ее не ведало приливов искренности, ни капли правды не было в ее ответных письмах. Взгляните же теперь на мечь кармы — на ее столетнюю старость! О, я люблю Комати, я люблю ее!

Первый монах. Кто же это из любивших Комати, чей дух так томится обидой?

Старуха. Многие стремились к ней всем сердцем, но до самой глубины любовь к ней растравила сердце молодого Фукакуса из селения «Глубокие травы».

Хор

Кру́жится, кружится возмездия колесо,
Влечет к началу обид,
Чтоб у дома ее на подставку легли
Оглобли моего возка!

Солнце в небе высоко ль стоит?
Сумрак вечерний.
Солнце в небе высоко ль стоит?
Сумрак вечерний.
О луна, верный товарищ в пути
К ее дому,
Пускай надзирает над Заставою Встреч
Бессонный сторож,—
Не страшись, он нынче пропустит нас,
Выходи скорее!

При последних фразах хора старуха отходит к задней стене сцены, отворачивается от зрителей... Она спускает с плеч свою одежду, вытягивает из-под нее рукава. Затем надевает высокую мягкую шапку знатного вельможи, берет веер; движется к прежнему месту — музыка затихает.

Старуха

Белоснежные закатаны
Хака́ма...

(Пристально глядя на концы хакама, ударяет ногой в пол. Звучит музыка, и старуха медленно идет к противоположному краю сцены, затем поворачивает к середине... Она идет, словно на ощупь, движения ее неосмысленны. Кажется, из глубины ее существа всплывает страсть к ней молодого Фукакуса.)

Белоснежные закатаны
Хака́ма...

Хор

Ветром набок заломлена
Черная шапка.
Закрывшись до глаз рукавом
Охотничьего кафтана,
Я пробираюсь украдкой
К ее дому.

Я здесь и при лунном свете,
Я здесь и в безлунном мраке,
И дождливою ночью,
И ветреной ночью,
И порой, когда сыплются мелким дождем
Увядавшие листья,
И порою глубокого снега.

Старуха

«Тóку-току» — талая влага с крыш —
Нетерпелива капель!

Хор

Приехал и уезжаю вновь,
Уехал и вновь приезжаю.
Первая ночь, вторая ночь,
Третья, четвертая ночь,
Седьмая, восьмая, девятая...
Десятая — на исходе.
Во Дворце торжествуют встречу
Нового Урожая...
Только я никого не встречу,
Одинок у ее дома.
Вот зарю отмечает криком
Прилежный петел,—
Так и я на краю подставки,
Где возка моего легли оглобли,
Отмечаю новой чертою
Ночь ожидания...
Сто ночей, она мне сказала,
Сюда являться...
Девяносто девятая ночь!
О, как вдруг тяжело,
Все пред глазами кружится...
Тяжко в груди...

О печаль!
Ночи одной не дождавшись,
Фукакуса умер!
И обида его не дает мне покоя,
Наваждением безумным
Я одержима!

(Успокаивается.)

Силу возмездья внезапно познав,
Молюсь о грядущем рожденье
Буддой в Блаженном краю,—
И нет вернее молитвы.
Из песчинок деяний благих
Я воздвигну священную ступу,
Чтоб очистить суетный туск
Со Златотелого Будды.
Я стану цветы возлагать к алтарю —
Приношение сердца.
Следуя Будды стезей,
Истину я постигну,
Следуя Будды стезей,
Истину я постигну!

ТАКАСАГО

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Томонари, главный жрец храма Асо (ваки).
Два его спутника, служители храма (вакидзурэ).
Старик (маэдзитэ), он же во втором действии бог Сумиёси
(нотидзитэ).
Старуха (цурэ).
Местный житель (кёгэн).

*Место действия: сначала побережье Такасаго в провинции Харима,
потом берег Сумиёси (Суминоэ) в провинции Сэтцу.*

Время года — весна.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Под звуки музыки появляется Томонари и с ним два спутника.

Томонари и его спутники
(начальная песня)

Надел я дорожную одежду,
Сандалии на ногах.
Шнуром препоясан, дали иные
Отныне я буду искать.
Как этот пояс дорожный, долог,
Стелется путь впереди.
Как этот пояс дорожный, долог
Да будет ваш жизненный путь.

Томонари. Узнайте же, перед вами Томонари, главный жрец храма Асо на острове Кюсю. Ни разу прежде не доводилось мне побывать в столице. И вот теперь задумал я туда отправиться, а по дороге желал бы поглядеть на места, прославленные своей красотой.

Томонари и его спутники
(песня странствия)

Дорожной одежды край
Волна увлажнила.
Дорожной одежды край
Волна увлажнила.
В далекий край мы плывем,
К далекой столице,
Ведет тихо-тихо ладью
Весенний ветер.
Дни страствия кто сочтет?
Взволновано сердце.
Белее, чем парус наш,
Парящие тучи.
Начало пути и конец
В туманах сокрыты.
Казалось, причал далек,
А вот он — близко.
Открылся земли Харима
Желанный берег.
Мы бережно правим ладью
В залив Такасаго.
Мы бережно правим ладью
В залив Такасаго.

*Томонари и его спутники отходят в сторону и садятся.
На мосту под звуки музыки появляются старуха с метелкой
в руках и старик с грабельками. Она останавливается возле первой
сосны, а он — возле третьей.*

Старик и старуха
(поют вместе)

Весенний ветер
Колышет ветви сосны —
Сосны Такасаго.
Колокол Оноё
Звучит, возвещая вечер.

Старуха

Над берегом дымка встает,
Невидимы в сумерках волны.

Старик и старуха

Но голос волн говорит,
Отлив иль прилив на море.

Старуха выходит на середину сцены, старик остается в глубине.

Старик

Кого в целом мире теперь
Назову я старинным другом?
Сверстников мне не найти.
Даже сосна Такасаго —
И та моложе меня.

Старик и старуха

Прошрое позабыли мы,
Счет потеряли векам.
Сыплются, сыплются годы, как снег,
Волосы нам убелив.
Мы — словно старые журавли,
Зябнем под утро в гнезде.
На циновках из тростника
Луч предрассветной луны.
Иней весенней ночи знобит,
Сон убегает от глаз,
Слышим лишь ветер в ветках сосны,
Вот прошумел, вот стих.
Лишь голос сердца — мы назовем
Другом старинным своим.
Вверяем только напеву стиха
Грустные мысли свои.

О наш единственный посетитель,
Ветер с залива!
Тихо беседует с древней сосной,
Шепчет о прошлом.
Сыплется хвоя на рукава
Нашей одежды.
Мы от подножья ствола отметем
Иглы сухие.

Мы от подножья ствола отметем
Иглы сухие.
Здесь залив Такасаго.
Здесь залив Такасаго.

Здесь с незапамятных времен
Растет на вершине сосна Оноэ,
Мы с ней вместе стареем.
Волны старости набегают на нас
Длинною чередою.
Долго ль будем мы мертвые иглы сметать,
Долго ль жить суждено нам?
Так ли долго, как соснам Ики
Неувядаемой славы?
Так ли долго как соснам Ики
Неувядаемой славы?

Томонари. Мы ждем какого-нибудь селянина, и вот наконец появилась чета этих престарелых супругов. Я хочу кое о чем расспросить старика. Послушай!

Старик. Это ты меня окликнул?

Томонари. Скажи, где здесь в роще прославленная сосна Такасаго?

Старик. Сейчас я подметаю иглы у подножья этой самой сосны.

Томонари. Сосну Такасаго и сосну на побережье Суминоэ люди зовут «дружной супружеской четой». Но ведь отсюда до Суминоэ далеко...

Старик. Правда, в зачине «Кокинсю» сосны Такасаго и Суминоэ именуются «дружной четой». Я-то сам проживаю на берегу Сумиёси в провинции Сэтцу, а моя старуха поблизости, в здешних местах. *(Обращается к старухе.)* Если ты знаешь что-нибудь любопытное о сосне Такасаго, поведай ему.

Томонари

О, чудо! Гляжу на них,
Век свой вдвоем коротают
Старые муж с женой.
Вот предо мной они вместе.
Но слышу, старуха живет
На берегу Такасаго,
Старик — вдали от нее,
На берегу Суминоэ.
Моря разделяют их,

Меж ними леса и горы...
Как это случиться могло?
Я в догадках теряюсь.

Старуха

Слова неразумны твои.
Ты разве не знаешь?
Пусть любящих разлучат
Моря и земли,
Но если и вправду сердца
Томятся в разлуке,
К любимой путь никогда
Не кажется длинным.

Старик

И вот еще о чем ты подумай.

Поют, обратясь лицом друг к другу.

Старик и старуха

Пусть древние сосны
Такасаго и Суминоэ
Лишь бесчувственные существа,
Но ведь не напрасно их
«Неразлучной четой» прозвали.
Что ж удивиться тогда на людей,
Наделенных сердечным чувством?
Сколько лет — и не счесть! —
Каждый вечер я покидаю,
Чтоб жену мою навестить,
Берег дальнего Суминоэ.
Вместе состарились мы,
Как чета Неразлучных сосен,
Словно крепко-крепко сплелись
Под землей своими корнями,
Верных супругов пример.

Томонари

Удивляясь великому чуду,
Слушаю ваши слова.
Если в памяти вы храните
Предания старины
Об этой чете древних сосен,
Прошу, поведайте мне.

Старик. Как говорили о том в былые времена, сосны Такасаго и Суминоэ знаменуют собой счастливые царствования.

Старуха

Сосна Такасаго
Знаменует седую древность,
Когда собраны были
Мириады листьев «Манъёсю»...

Старик. А сосна Сумиёси знаменует нынешнее время, когда в годы правления Энги собраны были воедино стихи «Кокинсю».

Старуха

Будут вечно, как сосны, свежи,
Не увянут родные песни.

Старик. Поэзия в наши дни так же прекрасно расцвела, как в древние времена «Манъёсю»...

Старик и старуха

Ныне правящего монарха
Почтили за это хвалой.

Томонари

Чудесные ваши речи
Я слушать не устаю.
Сквозь темные тучи незнания
Пробился весенний луч.

Старик и старуха

Все озаряя, льется свыше
Вечерний мягкий свет
На берег Западного моря,
Земную темную юдоль...

Томонари

И там, в далеком Суминоэ...

Старик

И в Такасаго, здесь...

Томонари

Все ярче зеленеют сосны...

Старик

Спокойна светлая весна.

Хор

На четырех морях тишина.
Всюду мир и покой.
Благодетельный ветер весны
Ветку не колыхнет.
О, Неразлучных сосен чета!
Послан ей дивный удел
В наши блаженные времена
Знаменьем счастья служить.
Для величания не хватит слов,
Нет достойной хвалы!
Мудро правит страной наш государь,
Он довольством народ наделил.
В милосердии беспредельном своем
Изливает щедроты рекой.
В милосердии беспредельном своем
Изливает щедроты рекой.

То мо пар и. Прошу вас, поведайте мне еще о благовестной
сосне Такасаго.

Хор

Пусть говорят, что травы и деревья
Ни сердца не имеют, ни души,
Но не пропустят времени цветенья,
Плоды приносят в свой урочный срок.
Всегда на ветках, обращенных к югу,
Торопится раскрыться ранний цвет
Навстречу солнечным лучам.

Старик

Цветут ли цветы,
Опадают ли осенью листья,
Сосна целый год
Остается вечнозеленой.

Хор

В круговороте времен
Приходят зимние выюги,
Тысячелетний убор

Сосна хранит и под снегом.
«Цветет она десять раз,
Единожды в тысячу лет»,—
Так учит древняя мудрость.
Долгий век государю сулит
Вещая сосна Такасаго.

Старик

В благословенный наш век
Счастливых вестей ожидает...

Хор

На ветках ее блестят
Росы бесчисленные перлы.
В песни они перейдут,
В жемчужины слов перельются,
Сердца людей озарят
Своим немеркнущим светом...

Старик

И все, что на свете живет,
Душой обратится к песне.

Хор

Но ведь некогда Тёно сказал:
«Все живое и неживое —
Любое создание поет».
У каждого голос свой,
И каждый поющий голос
В поэзию проникает:
Шепот веток, шорох песка,
Рокот ветра, журчанье воды...
Все сущее сердцем наделено.

И светлый весенний лес,
Восточным колеблемый ветром,
И звон осенних цикад
В холодных росистых травах,
Разве не скажешь о них:
«Воплощенные песни Ямато»?

Но пред могучей сосной
Все деревья в лесу недоростки.
Над ними она вознеслась

В царственном великолепье.
Свой облик издревле хранит,
Все времена сопрягая.
Тысячи долгих лет
Свежа нетленная зелень.

Некогда циньский император
Сосне пожаловал высший чин.
Не только в Стране восходящего солнца,
Сосну почитают и в землях чужих.

Старик

(встает с места и начинает грабелями подметать опавшую хвою)

На холме Такасаго
Гулкий колокол Оноб,
Слышу, подал свой голос.

Хор

Уже недалеко рассвет,
Всюду белый иней ложится,
Но, кажется, ветви сосны
Стали еще зеленее.
Каждым вечером, в поздний час,
Старик со своей старухой
Приходят сюда, к сосне,
Сгребать опавшую хвою.
Сыплются иглы дождем,
Но их число не скудеет,

И никогда-никогда
До конца не осыплются иглы.
Вечная зелень сосны
До скончанья веков не поблекнет.
Неразлучных сосен чета —
Зарок нерушимого счастья.
Громкой славой осенено
Имя сосны Такасаго —
Как вьющийся длинный плющ,
Обещание долгой жизни.
Вы, старик и седая жена,
Как эта сосна, долголетни,
Вы, старик и седая жена,
Как ветви сосны, долговечны.

Поведайте тайну свою,
Имя свое нам откройте.
Кто вы? Как вас зовут?

Старик и старуха
(вместе)

Зачем же нам правду скрывать?
Здесь перед вами предстали
В образе мужа и жены
Души двух древних сосен.
Неразлучна сосен чета —
Такасаго и Суминоэ.

Хор

О, чудо из чудес!
Сосна Такасаго
Явила нам
Небывалое диво!

Старик и старуха
(вместе)

Хоть сердцем не одарены,
Как говорят, ни травы, ни деревья...

Хор

Но в наш благословенный век,
В стране мудрейшего из государей...

Старик и старуха
Деревья, травы и сама земля...

Хор

Всё процветает в щедром изобилие.
«К «Берегу изобилия»,
К Сумиёси теперь поплыву,
Там меня ожидайте!» —
На прощанье молвил старик.

*Старик веером показывает вдаль, потом делает вид, что садится
в челнок и плывет по морю.*

Хор

Он садится в рыбачий челн,
Причаленный к побережью,
Парус он поднимает ввысь,

Вверяясь попутному ветру,
И по сумеречным волнам
Уплывает в открытое море,
И по сумеречным волнам
Уплывает в открытое море.

Интермедия

Томонари приказывает одному из своих спутников призвать местного жителя. Тот выходит на середину сцены и садится. В ответ на вопрос Томонари он начинает свой рассказ: «Сосны Такасаго и Сумиёси воплощают в себе поэзию древних времен «Манъёсю» и нового времени «Кокинсю». Когда бог Сумиёси навещает свою супругу — богиню Такасаго, то ветви их глаголют божественные речи. Есть у этих благознаменательных сосен великая сила споспешествовать песням Ямато и приносить счастье в браке. Они обещают также счастливое долголетие». Окончив свое повествование, местный житель предлагает отвезти на своей лодке Томонари и его спутников к берегу Сумиёси, после чего удаляется.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Берег Сумиёси.

Томонари и его спутники
(песня ожидания)

Мы подняли парус
На маленькой этой лодке,
Мы подняли парус
На маленькой лодке,
И в лучах восходящей луны
Мы выплыли в даль морскую
На волнах отлива.
И мимо Авáдзи —
Опеченного волнами острова,
И мимо Нáруо,
Отдаленного города,
Прибыли мы наконец
Из Такасаго
В Суминоэ.
Прибыли мы наконец
В Суминоэ.

Под звуки музыки, возвещающей выход главного актера, появляется бог храма Сумиёси уже не в виде старика, а в своем подлинном обличье. Могучими шагами он идет по мосту и останавливается возле первой сосны.

Бог Сумиёси

«Даже я — и то не пойму,
Как давно я впервые увидел
Тебя, о дева-сосна,
На берегу Сумиёси...
А сколько веков ты сочтешь!»

«Разве не знаешь ты,
Что тесной мы связаны дружбой?
Храплю я твой славный род
С незапамятных древних времен,
Древних, словно ограда храма».

(Оборачивается к музыкантам и начинает отбивать такт ногой.)

А вы, музыканты храма,
Спешите в ночной темноте
Мерным рокотом барабанов
Сердце мое усладить.

Хор

Из Западного моря восстал,
У берегов Аоки-га хара —
«Равнины зеленых деревьев»...

Бог Сумиёси

Я — великий бог Сумиёси
И в образе вечнозеленой сосны
Порою являюсь людям.
А ныне снова пришла весна,
Тает мелкий снежок последний
Возле мелкой гавани — Асакá...

Хор

Там, где люди собирают морскую траву...

Бог Сумиёси

«Я склонился на корни сосны вековой...

Хор

Зелень тысячи лет у меня в горсти...

Бог Сумиёси

Ветку сливы воткнул я в пряди волос...

Хор

Лепестки, словно снег, на одежде моей».

Бог Сумиёси исполняет «Танец богов».

О, божественное виденье!
О, божественное виденье!
Сам бог Сумиёси пляшет пред нами
В сиянии яркой луны,
Взираем мы со священным восторгом
На дивный образ его.

Бог Сумиёси

Слышу, льются чистые голоса
Юных танцовщиц.
Отразилась ясно в зеркале вод
Сосна Суминоэ.

(Веером как бы указывает на море.)

Не напрасно этот танец зовут
«Волны синего моря».

Хор

Прямая, словно путь богов и государя,
Отселе стелется дорога до столицы.
Весной столица так прекрасна!
«Возвращение в столицу» — радостный танец!
Долгий век государю благовестят...

Бог Сумиёси

Одежды танцоров Оми.

Хор

Протянут танцоры руки вперед,
Злых демонов отгоняя,
Руки тесно к себе прижмут,

Собрав долголетье и счастье.
Процветанье народу приносит напев
«Тысячекратная осень».
«Танец сотни веков» радует взор,
Годы жизни он умножает.

Тихий ветер в соснах чуть шелестит,
Обещая мир и покой.
Тихий ветер в соснах чуть шелестит,
Обещая мир и покой.

ГОРНАЯ ВЕДЬМА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Жительница гор (маэдзитэ), она же во втором действии
горная ведьма (нотидзитэ).
Танцовщица Хякума Ямба (цурэ).
Главный спутник (ваки).
Трое других спутников (вакидзурэ).
Сельский житель (кёгэн).

*Место действия: дорога в горах Агэро в провинции Сэгцу, хижина
и снова горная дорога.*

Время действия: вторая половина дня, потом лунная ночь.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

*Под звуки музыки появляется Хякума Ямба. За ней следуют
дорожные спутники.*

Спутники
(начальная песня)

Мы на тебя уповаем,
Благословенный свет!
Мы на тебя уповаем,
Благословенный свет!
Храм Светоносного Будды
Ищем в глубинах гор.

Главный спутник. Я, да будет вам ведомо, смиренный житель столицы. А здесь перед вами Хякума Ямамба, несравненная в искусстве танца. Она сама создала танец — кусэмах, изобразив в нем круговорот скитаний горной ведьмы — Ямабы, почему и дали ей молодые люди столицы прозвание Хякума Ямамба. Ныне спешим мы в храм Дзэнкодзи на поклонение.

Главный спутник и другие спутники
(песня странствия)

Покинули мы столицу
И на челне плывем.
Подернуто озеро Сига
Легкою рябью волн.
Сердце волнует тревога...
Что там, в туманной дали?
Ждет нас в горах Арати
Облачный перевал.
Над стремниной мы переходим
Мост «Жемчужный поток».
Сыплются, словно перлы росы,
Слезы на рукава.

Мимо сосны Сиокоси идем,
Обрызганной пеной прибоя,
Идем мимо сосен Атакá,
Окутанных дымкой вечерней.
Горы Тонами сверкнул острый край —
Словно Амида меч свой поднял,
Рассекающий узы греха,
Нерасторжимые узы.
Край северный Коси пересекла,
Усталых кóсит дорога.
Кипящие на пути облака
Наш медленный шаг торопят.
И там, где в тучах тонет гора,
Возле «Реки порубежной»,
Ютится на ее берегу
Маленькая деревушка.
О, как столица от нас далека!
Пришли мы к Сакайгава.

Главный спутник. Мы спешили в пути — и вот перед нами Сакайгава на самой границе между Этиго и Эттю. Отсюда ведет много дорог, остановимся же и расспросим живущих здесь людей, какую нам должно выбрать.

Появляется сельский житель. Главный спутник подзывает его.

Сельский житель. Вы пожелали видеть кого-нибудь из деревни Сакаигава? Что вам угодно узнать?

Главный спутник спрашивает, по какой дороге идти к храму Дзэнкодзи.

Ах, вот вы о чем! Отсюда к Дзэнкодзи ведут три пути: Верхняя дорога, Нижняя дорога и горный перевал Агэро. Сам будда Амида странствует по тропе Агэро. Избрав ее, совершите богоугодное дело, но она всего круче и опаснее, а я вижу, вы сопровождаете женщину. По этой тропе не пронесешь в паланкине...

Главный спутник отвечает, что он предпочел бы тропу Агэро.

Коли так, спросите у госпожи, согласна ли она.

Главный спутник садится посреди сцены, обратясь лицом к Хякума Ямамбе, и повторяет то, что поведал ему сельский житель.

Хякума Ямамба. Поистине, много раз слыхала я, десять мириад миров, где правят будды, отделяют наш земной мир от «Чистой земли» Западного рая. Сам будда Амида, говоришь ты, шествует путем Агэро, когда нисходит к нам, чтобы принять наши души... Если так, я хочу идти по этой священной дороге.

И, как паломнице подобает,
Здесь я оставлю свой паланкин,
Босоногая, пойду через горы...
Прошу, отыщи мне проводника.

Главный спутник снова подзывает сельского жителя.

Сельский житель. Здесь я, к вашим услугам.

Главный спутник просит его быть проводником.

Признаться, проводник я неумелый и все же охотно повел бы вас через горы, но никак не могу, у меня спешное дело.

Главный спутник, огорченный отказом, повторяет свою просьбу.

Раз уж вы так неотступно меня просите, отложу свои заботы и стану вашим проводником. Идемте же скорее в путь.

Главный спутник сообщает Хякума Ямамбе, что проводник найден.

Вот, глядите! Эта дорога еще более крута и трудна, чем я говорил вам.

Главный спутник с ним соглашается.

Здесь паланкин не пригодился бы... Что это, вот чудеса! Кругом все потемнело.

Главный спутник тоже изумлен.

Вдруг опустилась тьма, а ведь еще не время, до ночи далеко. Удивительное дело!

Главный спутник спрашивает, нельзя ли здесь где-нибудь остановиться на ночь.

Нет, приюта здесь мы не найдем, места глухие.

Ж и т е л ь н и ц а г о р
(*подает голос за сценой*)

Эй, путники! Эй-эй!
Я вас приютить готова, эй!

Сельский житель. Какая-то женщина согласна приютить вас на ночь.

Ж и т е л ь н и ц а г о р (*появляется на мосту и выходит на сцену*). Здесь, в горах Агэро, нет людских селений. Солнце зашло, и вам лучше бы скоротать эту ночь в моей хижине, сплетенной из ветвей.

Г л а в н ы й с п у т н и к. О, радость! Мы не помпили себя от тревоги. Следуем за тобой.

Жительница гор садится посреди сцены, все другие садятся тоже. Они прибыли в хижину.

Ж и т е л ь н и ц а г о р
Я вас залучила к себе ночевать,
На то была у меня причина.

Прошу, спойте мне песню горной ведьмы. Уже давно я мечтала услышать ее. Для меня в деревенской глуши это будет драгоценным воспоминанием.

Знайте, вот почему
Я ночь низвела на землю,
Дала вам ночной приют...
Так спойте же мне эту песню.

Главный спутник. Странные слова говоришь ты! За кого же ты приняла нас, что просишь спеть тебе песню горной ведьмы?

Жительница гор. О, не лукавь, зачем ты скрываешь правду? Ведь госпожа эта — прославленная танцовщица по прозвищу Хякума Ямамба. Ну что, верно я говорю? Она поет в своей песне:

«Зло и добро бытия
Влача, как тяжелую ношу,
Вечно в глубинах гор
Скитается горная ведьма...»
Как сердце волнует этот папев!

Вот откуда госпожа эта получила свое прозвище. Но знаете ли вы, что за существо — настоящая горная ведьма?

Главный спутник. Как говорится в песне, горная ведьма — это дьяволица, обитающая в горах.

Жительница гор (*понурившись, как бы говорит сама с собой*). Дьяволица — это женщина-демон. (*Обращается к Хякума Ямамбе.*) Ну хорошо, дьявольское отродье или человек, все равно она — женщина, обитающая в горах, а разве я тоже не из таких?

Уж давно вы танцем своим
Пленяете цвет столицы,
А подумали ль обо мне?
Я для вас ничего не значу,
Меньше, чем капля росы
На листке травы придорожной.

Вот на что пришла я жаловаться.

Вы достигли высот мастерства,
Вы свое прославили имя,
Но разве весь ваш успех,
Словно цветок несравненный,
Не вырастила для вас
Одна-единая песня?

Так во имя спасения моего
Священный обряд совершите.
К милосердному Будде взывая,
Исполните танец и песню,
Чтобы мне ускользнуть из круга
Бессчетных перерождений,

Возвратясь к своей истинной сути,
Войти в царство светлого рая.

В темных глубинах гор,
Горе мое разделяя,
Подняли жалобный стон
Птицы и дикие звери.
Верите ль мне теперь?
Я — горная ведьма, демон.

Хякума Ямамба
Вот удивительные слова!
Ужель настоящая горная ведьма
В самом деле со мной говорит?

Жительница гор. Я блуждаю по горам, то в одном краю, то в другом, а сегодня нарочно пришла сюда, чтобы послушать песню в мою честь. Прошу вас, исполните мое заветное желание: спойте песню о горной ведьме.

Хякума Ямамба
Если в просьбе я ей откажу, —
О, ужас! — беда со мною случится...
Мне совестно, право, наспех плясать,
Но подберу подходящий напев
И такт начну отбивать ногами.

Жительница гор. Погодите немного! Когда стемнеет, спойте песню голосом чистым, как лунное сияние, и тогда я появлюсь перед вами в моем подлинном облике. (*Смотрит вверх.*) О, затуманилась вечерняя луна!

И без того
Тьма сгущается быстро
В теснинах гор,
Тьма сгущается быстро
В теснинах гор,
Но стало еще темнее,
Летят облака,
Тенью на ваше сердце
Находит страх.
О, если б с таким же волнением
Вы пели всю ночь
Песню о горной ведьме,

И я, в свой черед,
Тогда б рукавами взмахнула.
Приняв свой вид,
Я ваш бы продолжила танец,—
Сказала она
И, будто бы ветер сдул,
Вдруг исчезает.
И, будто бы ветер сдул,
Вдруг исчезает.

(Скрывается позади занавеса.)

Интермедия

Сельский житель встает со своего места и выходит на сцену.

Сельский житель. Ну, так и есть, опять светло! Стенело-то не ко времени. Солнце еще стоит высоко в небе. Вот уж, правда, диловинное дело! Чудеса, да и только! *(Обращается к главному спутнику.)* Что вы скажете, была темная ночь, и вдруг опять светло!

Главный спутник говорит, что это в самом деле удивительно.

Я и подумал, рано будто бы темнеть, солнце еще не зашло. Ведь если такой поздний час, надо было бы заночевать в деревне Са-кайгава... А я оплошал, вон куда завел вас! Ан, к счастью, ночная тьма рассеялась.

Главный спутник спрашивает, случались ли раньше подобные происшествия, и просит рассказать о горной ведьме.

Нет, такого у нас в горах еще не бывало, а вот о ведьме могу поведать вам, доводилось мне слышать о ней. *(Начинает сказ.)* В общем-то, горная ведьма собирается из всякой всячины. Ну, прежде всего, для головы идет «крокодиля пасть» из старого обветшавшего храма в горах, какой давно не обновляли...

Главный спутник спрашивает, как это разуместь.

О «крокодилей пасти» вы, верно, знаете. Похожа на разинутый рот, потому так и зовут. Значит, «крокодиля пасть» — это будет ведьмин рот, для глаз сгодятся желуди, для носа — орех, для ушей — грибы-поганки, для тулова и вообще что-нибудь чудное.

В сосновой чаще капает-капает с деревьев смола, соберется в один ком и покатит-покатит по ветру, а по дороге обрастет всяким сором, чего только к нему не прилипнет! Станет он большим и обратится тогда в горную ведьму. Так люди говорят, только не знаю, правда ли это...

Главный спутник говорит, что это небылица.

А мне говорили, будто правда. По-вашему, выходит, небылица, но мне судить. А еще, слышно, врата в замке, построенном среди гор, могут ведьмой оборотиться.

Главный спутник спрашивает, как это может быть.

Да вот поставить врата поставят, но починить забудут. Сгниют створки, отвалятся, а столбы от этих самых врат торчат себе на месте, обрастают мохом... Потом появятся у них глаза, рот и уши, руки и ноги, и получатся «отвратные» ведьмы. Вот это уж правда истинная.

Главный спутник не соглашается: быть этого не может.

Да ведь поэтому горную ведьму и прозвали у нас «отвратным» чудищем.

Главный спутник говорит: «отвратный» значит «уродливый». Уродливая она бесовка.

Вот те и на! Выходит, я толкую слова вкривь и вкось. А встретил вас, господ из столицы, и вы меня вразумили, большое спасибо. Слышал я, что еще может ведьмой оборотиться, да запомнил... Ага, вспомнил! Клубень ямса.

Главный спутник спрашивает, почему.

Полют с утра до вечера сильные дожди, случится в горах оползень, и выйдут наружу клубни ямса, будут мокнуть под дождем. А клубни эти, сами знаете, волосатые. Побелеют у такого клубня волосы, как у старухи, мало-помалу появятся глаза и рот, уши и нос, вырастут ноги и руки... И оборотится клубень ведьмой.

Главный спутник по-прежнему не верит.

Так, вы думаете, недостаточное это дело? Ну что ж, пожалуй, оно так на самом деле, навряд ли какой-то клубень ямса может ведьмой оборотиться. И то сказать, не очень-то я в этих делах разбираюсь. Позвольте спросить вас, как зовут госпожу.

Главный спутник отвечает, что это танцовщица — Хякума Ямба.

Соберусь-ка я с мыслями. Значит, та женщина, что встретилась нам в горах, просила госпожу спеть песню о горной ведьме, тогда, мол, явлюсь в своем истинном виде. Простите за смелость, но спойте поскорее эту песню. Как-никак любопытно увидеть настоящую ведьму.

Главный спутник соглашается, и сельский житель незаметно уходит через боковую дверьцу.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Хякума Ямамба

Как странно все, что случилось.
Опомниться не могу.
Да полно, правда ли это,
Или пригрезилось мне?
Но боюсь прогневать бесовку,
Исполню ее приказ.

Главный спутник с другими спутниками
(песня ожидания)

Вместе с ветром, шумящим в соснах,
Чистый голос флейты летит,
Вместе с ветром, шумящим в соснах,
Чистый голос флейты летит
Над кристальным потоком долины.
Мнится, можно поймать рукой,
Словно чару на Празднике песен,
Отражение ясной луны,
И так ясно звучат напевы
Лунной ночью в глубинах гор.

Под звуки музыки на мосту появляется горная ведьма с посохом в руке и останавливается возле первой сосны.

Горная ведьма

О, до чего мрачна и угрюма
Глубокая эта долина!
О, до чего мрачна и угрюма
Глубокая эта долина!

Бичами хлещут мертвые кости свои
И плачут — плачут демоны в зимнем лесу,
Стеная, злую карму свою клянут.
А небожители на кладбище летят,
Чтоб цветами останки свои почтить,
Радуюсь, что творили при жизни добро.
Но поистине едины добро и зло.
Чему же радоваться? О чем же скорбеть?
Все вещи являют истину нашим очам.
Быстрый поток исчезает в туманной дали.
Острые скалы и кручи уходят ввысь.
Гора — и снова гора.

(Опираясь на посох, выходит на сцену.)

Какой искусный ваятель, скажи,
Вытесал эти зеленые скалы?
Поток — и снова поток...
Какой красильщик, где и когда
Окрасил эти волны лазурью?

Хякума Ямамба

О, ужас! О, страх!
Из чащи темных деревьев,
Застлавших сиянье луны,
Нездешнее выходит создание,
Пугающе грозен лик.
Ужели горная ведьма
И вправду идет сюда?

Горная ведьма. Вы и сами могли бы догадаться, ведь я только что намеком подсказала вам правду. Но не бойтесь меня.

Хякума Ямамба

Трепеща от ужаса, я гляжу.
Выходит она из глубокой тьмы,
Черной, словно ягоды тута,
И хотя говорит она, как человек,
И приняла человеческий облик...

Горная ведьма

Но спутаны волосы ее,
Как занесенный снегом кустарник...

Хякума Ямамба

Глаза, как звезды, горят огнем...

Горная ведьма

А чему уподобить цвет лица?

Хякума Ямамба

Красным черепицам на кровле...

Горная ведьма

Где грозятся лики чертей.

Хякума Ямамба

Увидеть ночью ее в первый раз...

Горная ведьма

На что, скажи мне, это похоже?

Горная ведьма и Хякума Ямамба
(вместе)

Некогда, в старину...

Хор

Темной дождливой ночью

Демон одним глотком,

Темной дождливой ночью

Демон одним глотком

Под грохотанье грома

Женщину проглотил...

Ужас сегодняшней ночи

Старый этот рассказ

Мне на память приводит...

Другу сказала она:

«Что это? Белый жемчуг?»

Мне суждена, страшусь,

Та же печальная участь.

Сгину, как капля росы.

Горная ведьма низко опускает голову.

«Как стыдно, как горько мне слушать

Такие рассказы людей!

Как стыдно, как горько мне слушать

Такие рассказы людей!»

Горная ведьма. На тысячу золотых не променял бы поэт одно-единственное мгновение весенней ночи, когда «цветы чистейший льют аромат, луна подернута дымкой».

А для меня столь же дорог
Этой ночи малейший миг,
Ведь я так долго мечтала
Встретиться с вами хоть раз,
Вашу послушать песню...
Молю вас, пойте скорей.

Хякума Ямамба

Все отговорки напрасны,
Стоит ли тратить слова?
Спорить с ней я не смею
В темных ущельях гор...

Горная ведьма

С криком хлопает крыльями птица...

(Взмахнув руками, ударяет в ладоши.)

Хякума Ямамба

Водопад бьет в барабан...

Горная ведьма

Кружатся белые рукава...

Хякума Ямамба

Словно вьются в танце снежинки,
Лепестки сливы летят...

Горная ведьма

Но закону единому Будды
Что неподвластно, скажи?

Хор

Зло и добро бытия
Влача, как тяжелую ношу,
Зло и добро бытия
Влача, как тяжелую ношу,

Ведьма обречена
Блуждать по горным дорогам.
О, печальный удел!

Горная ведьма отдаёт слуге посох и берет в руки веер, потом садится посреди сцены на складную скамейку.

Горная ведьма
Заоблачная гора
Началась с пылинки подножья,
Но возносит к небу свой пик
Высотой в тысячу сажен.

Хор

Море росинки родят,
Падая капля за каплей
С побегов мелкого мха
Медленно, неprimетно,
И вот зашумел океан,
Валы до небес взлетели.

Горная ведьма
Долины отзвук глухие,
Как в чреве пещер,
Шепот слабого эха в чащах
На склонах гор...

Хор

Словно безмолвия голос,
Голос тишины.
Пожелала некогда дева
Дол такой сыскать,
Где не будил бы эха
Самый гулкий звук.
Здесь сбылось бы ее желанье:
Вот он, этот дол!

Горная ведьма
А в самой темной теснине
Хижина скрылась моя.
Так высоки эти горы!
Море закрыли собой.
Так глубока долина!
Поток затерялся на дне.

Хор

Впереди бесконечное море
Стелет воды свои,
Свет луны в нем сияет —
Вечной истины свет.
Позади на скалистых кручах
Сосны шумят, шумят
О радости, о постоянстве,
Сон разгоняют пустой.

Горная ведьма

Карающий бич, в траве истлевая,
Светляками вдаль улетел.

Хор

Барабан увещания, мохом заросший,
Не пугает более птиц.
Здесь царство тишины и покоя.

В самом сердце гор,
Где все вокруг незнакомо,
Где не сыщешь тропы,
Только усилит тоску
Кукушки крик одинокий,
Гулкий стук топора
Лишь углубит молчанье.

Вершина истины высоко вознеслась,
Не так ли дух стремится к
просветленью?

Долина, где не виден солнца луч,
Путь милосердия собою знаменует,

Горная ведьма веером показывает вниз.

Спускается до самых недр земли.

(Встает и начинает танец странствия.)

Не ведает горная ведьма,
Где родилась она,
Нет для ведьмы приюта.
Ведут ее облака,
Потоки покажут дорогу...
Ни одной не минует горы.

Горная ведьма
К миру людей непричастна,
Я от них далека.

Хор

Как изменяет облако
Легко очертанья свои,
Так в цепи перерождений
Приял мой исконный дух
Временно облик ведьмы.
Вот я пред вами стою!
Но если понять глубоко
Высший закон бытия,
Праведность и неправда —
По существу одно.
Земные краски лишь морок,
Обман очей, пустота.
Оттого так переменчив,
Многообразен наш мир:
Устав, заповеданный Буддой,
И житейская суета,
Мутные низкие страсти
И просветление души...
Будды есть в этом мире,
Есть в нем разные твари,
И среди несчетных созданий
Блуждает горная ведьма.
«Весной зеленеет ива,
Лепестки сливы алеют».
Сколько разных цветов!

И мне случается, ведьме,
Порою людей посещать.
Когда на горной дороге
Усталый вздремнет лесоруб
В тени цветущих деревьев,
Приму на свое плечо
Его тяжелую ношу
И вместе с вечерней луной
Из горных теснин я выйду,
Домой его провожу.

И если в хижине дева
Ткет на своем станке

Холст из древесных волокон,
Войду я через окно.
Нити сплетаю ей в помощь,
Как соловей прядет
Тонкие вити ивы,
Летая среди ветвей.
Бывает, в домах прядильщиц
На время я поселюсь,
Незримо для взора людского
Я творю лишь добро,
Но невидимою бесовкой
Поселянки меня зовут.

Горная ведьма
Горестна жизнь бедняков!
На дочерях, на женах
Так одежды легки,
Словно скорлупка цикады.

Хор

Не отряхнут рукавов,
Инеем занесенных.
Он блещет в лучах луны
Осенней студеной ночью.
Если же в поздний час
Прачек сморит усталость,
Если выпадут вдруг
Вальки из рук онемелых,
Сотнями голосов,
Тысячекратным эхом
Опять вальки застучат
По деревянным скаткам.
А люди лишь говорят:
«Это проделки ведьмы!»

Вернетесь в столицу опять,
Помяните меня добрым словом,
Рассейте ложь обо мне.
Но нет, эта самая мысль —
Глубокое заблужденье!
Отбросим же прочь навсегда
Все земные заботы.

Зло и добро бытия
Влача, как тяжелую ношу,

Ведьма обречена
Блуждать по горным дорогам.
О, печальный удел!

Горная ведьма
Усталым шагом бреду...

Хор

С одной горы на другую.

Горная ведьма берет в руки посох и, постукивая им все быстрее и быстрее, тяжелым шагом обходит сцену, потом посредине помощи устало падает на колени, поворачивается кругом и встает на ноги.

Горная ведьма
Если двое путников отдохнут
В сени одного древа,
Зачерпнут пригоршню воды
Из одного потока,
Значит, крепко связала их
Карма прошлых рождений.

(Обращается к Хякума Ямамбе.)

Ведь мы связаны много крепче!
Ведьмы имя стократ помянув,
О моих беспросветных скитаньях
Пели вы под вечерней луной.
Эта песня вам озаряет
Темный жизненный путь.
Нет, не выдумка, не забава —
Гимн во славу Будды она.

Ах, до чего же мне жаль
Разлучаться с вами!

Но пора сказать вам: прости!
Ухожу я в горы.

Хор

Там ветки ранней весной
Ждут цветов не дождутся...

Горная ведьма
Любуясь на вишни в цвету,
По горам кружу я.

Хор

А осенней порой я ищу
Скалу или кручу,
Где всего прекраснее вид
В ясном лунном сиянье.

Горная ведьма
Любуясь осенней луной,
По горам кружу я...

Хор

Зимой в нетерпенье гляжу
На темные тучи.
Дождем набухли они,
Скоро ль снег посыплет?

Горная ведьма
Любуясь на белый снег,
По горам кружу я...

Хор

Круг за кругом — и снова круг,
Коловращение без конца.
Слепая привязанность к земле —
Туча, темнящая лунный свет.
Пыль вождедений свилась клубком,
Так горная ведьма родилась.
Глядите, глядите на демонский лик!
Вот она поднялась на скалу,
В долине эхо отозвалось.

Гора и снова гора,
Так круг за кругом...
Гора и снова гора,
Так круг за кругом...
В свой нескончаемый путь
Уходит ведьма.
Была здесь только сейчас
И вдруг — исчезла.

КИЁЦУНЭ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Авадзу Сабуро (ваки).
Жена Киёцунэ (цурэ).
Дух Тайра Киёцунэ (ситэ).

*Место действия: столица, дом Тайра Киёцунэ. Время действия:
на грани осени и зимы. Вечерний сумрак и ночь.*

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Звучит музыка, и появляются Авадзу Сабуро и жена Киёцунэ.

Авадзу Сабуро
(начальная песня)

Восьми морей бескрайние просторы
Остались позади,
Восьми морей бескрайние просторы
Остались позади.
В девятивратный град столичный
Лежит мой путь.

Я служу у благородного Киёцунэ, а имя мое — Авадзу Сабуро. Случилось вот что: милостивый повелитель мой, изволив, видно, сам своей судьбой распорядиться, бросился в волны залива Янаги-

но ура. На дне ладьи нашел я прядь волос — случайно оброненный им амулет. Я сохранил его на память об ушедшем и вот везу в столицу.

(Песня странствия.)

За годы долгие в скитаньях,
За годы долгие в скитаньях
Успел отвыкнуть я от шумной жизни.
И вот сегодня в город, сердцу милый,
Я возвращаюсь снова, но, увы:
Былой весны уж нет, и ей на смену
Пришла глухая горестная осень.
Холодный дождь сечет неумолимо
Мои дорожные одежды. Обветшали,
Поблекли рукава. От непогоды
Лохмотья жалкие укроют ли? Украдкой
В столицу пробираюсь я. Украдкой
В столицу пробираюсь я.

Эй, кто-нибудь! Скажите-ка госпоже, что здесь Авадзу Сабуро из Цукуси.

Жена Киёцунэ. Авадзу Сабуро? Так входи же скорее. Твое имя вовсе не нуждается в том, чтобы о нем докладывал слуга. С какой вестью ты пришел сегодня?

Авадзу Сабуро (*выходит на середину сцены, садится перед ней*). Я шел сюда, желая о многом поведать госпоже. И вот я здесь, а что сказать — не знаю.

Жена Киёцунэ. Но что это? Ты молчишь и горько плачешь... Отчего?

Авадзу Сабуро. Увы, я пришел с недоброй вестью.

Жена Киёцунэ. С недоброй? Неужто господин решил удалиться от мира и принял монашеский обет?

Авадзу Сабуро. Нет, нет, монахом он не стал, не в этом дело!

Жена Киёцунэ. Так в чем же? Ведь говорили мне, что из битвы на Цукуси он вышел невредимым?

Авадзу Сабуро. Да, это правда, на Цукуси он не был убит.

Жена Киёцунэ. Не был убит и не стал монахом... Почему же ты говоришь о недоброй вести?

Авадзу Сабуро. Увы, хотя господин и вышел невредимым из битвы на Цукуси, в столицу возвратиться он не мог, и ему грозила гибель от рук грубых дружинников. Что может быть бесславней? И господин предпочел позору иной конец: у берегов Янаги-но ура лунной ночью бросился он в морские волны.

Ж е н а К и ё ц у н э

Он в море бросился? Жесточе
Поступка он не мог бы совершить!
Когда б он был убит на поле брани
Или, недугом тяжким пораженный,
Оставил этот мир, где жизнь людей
Росинки мимолетней, — что ж тогда
Его б я не вирила. Но ведь мы
Друг другу дали клятву: вместе
Покинуть этот мир, чтобы в ином рожденьи
Вновь встретиться. И этой клятве
Он изменил. Ах, впрочем,
Упреки все напрасны. Ведь теперь
Его уж не вернешь. О, как непрочны
Супружеские узы...

Х о р

Да, все недолговечно в нашем мире.
Таков удел его. Я проводила дни,
Скрываясь от недобрых глаз,
Скрываясь от недобрых глаз...
В саду у дома моего гуляет ветер,
И одинокая метелочка сусуки
Колышется бесшумно. И беззвучно
Я плакала украдкой по ночам.
А ныне, что скрывать? Не таясь,
Проплачу я до самого рассвета.
Рыдает, не смолкая, лунной ночью
У дома одинокая кукушка.
И не скрывает имени она...
И не скрывает имени она...

А в а д з у С а б у р о . Когда господин мой исчез в волнах, я заметил на дне ладьи прядь волос. Я подобрал ее, вот она — пред вами.

Ж е н а К и ё ц у н э . Неужели я снова вижу эту прядь? От одного лишь взгляда на нее — в глазах темнеет и замирает сердце. Еще невыносимей становится боль утраты.

«Ах эта прядь волос!
Едва взгляну —
И боль сжимает сердце.
Терпеть не в силах муки, дар твой
Тебе я возвращаю ныне».

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Во время пения хора жена Киёцунэ сидит неподвижно, как бы погружаясь в сон. Авадзу Сабура покидает сцену. Актер «ситэ» появляется на помосте в печальной маске духа воина и в роскошном воинском одеянии.

Х о р

Отвергнут дар жестокий. Мне остались
Одни лишь слезы — вечная отрада.
Лишь с ними ложе разделяя, этой ночью
Глаз не сомкну, без устали моля:
«Приди, о, хоть во сне приди!»
А о тоске ночных часов бессонных
Пусть одинокое расскажет изголовье,
Пусть одинокое расскажет изголовье.

Д у х К и ё ц у н э

«Снов суетных не видит
Совершенномудрый!
Найдется ль человек,
Почесть готовый явью бренный мир?»
«О если пыль тцеты туманит взор,—
Сжимается бескрайность трех миров.
А осени тебя покой,— и в тесной келье
Найдешь ты беспредельность». Право,
Все в мире — призрачно. Недолгим сном
Проходит жизнь — мелькнет на миг короткий
И тает в небе облако. Роса
Блеснет и высохнет на травах. В этом мире
Все — лишь уход и возвращение, и мы
Обречены на вечные скитанья.
О, безысходность!
«Любимого
Увидела однажды
Во сне. И что же? С той поры
Нашла себе опору
В непрочных сновиденьях.

(Жене.)

Ты спишь, любимая минувших дней?
Киёцунэ пришел к тебе.

Жена Киёцунэ. Что я вижу? О, чудо! У моего изголовья — живой Киёцунэ! Но как же так? В морские волны он бросился и все же... Ах, верно, это сон, иначе мне не дано с ним встретиться. Но пусть хоть так, во сне ли, наяву — отрадно видеть милого супруга. Я о том лишь скорблю теперь, что ты нарушил наш обет и оставил меня одну, покинув этот горестный мир раньше, чем пришел конец судьбой тебе отпущенного срока.

Дух Киёцунэ. Ты упрекаешь меня, но и я таю в душе обиду. Отчего решила ты вернуть прядь волос, посланную на память?

Жена Киёцунэ. Не помнишь разве? Ведь нестерпимая тоска заставила меня вернуть твой дар. О том и в песне говорилось:

«Ах эта прядь волос!
Едва взгляну
И боль сжимает сердце!

Дух Киёцунэ

Терпеть не в силах муки, дар твой
Тебе я возвращаю ныне».
И с этими словами вновь
Дарю тебе я эту прядь волос.
И еслилюбишь ты меня, как прежде,
Ты сохранишь ее.

Жена Киёцунэ

Быть может, стою я презренья твоего...
Прощальный дар, он в утешенье послан
Тобою был, но вот — едва взгляну —
Смятенно путаются горестные мысли.

Дух Киёцунэ

Увы, напрасен мой прощальный дар!
Его ты снова отвергаешь. Как мне горько!

Жена Киёцунэ

Покинул этот мир ты без меня...
Как горько мне!

Дух Киёцунэ

И так один другого упрекает,

Жена Киёцунэ

Упреком отвечает на упрек.

Дух Киёцунэ

Всему виною эта прядь волос,

Жена Киёцунэ

Безжалостный прощальный дар!

Хор

В жестокости друг друга обвиняя,
В жестокости друг друга обвиняя,
Они ложатся этой ночью рядом
На изголовье, влажное от слез,
Ложатся рядом этой ночью, но обиду
Таят в сердцах и потому чужими
На ложе общем, одиночеством томясь,
Часы желанного свидания проводят.
Печально, ах, печально!
«Жестокой мукой ныне стал твой дар.
Не будь его, забвение, быть может,
Скорее бы пришло ко мне, увы».
И от печальных мыслей
Влажнеют рукава,
И от печальных, безнадежных мыслей
Влажнеют рукава мои.

Дух Киёцунэ. Забудь же о своих обидах и послушай, что случилось у берегов Сикоку и Цукуси... Однажды пронесся слух, что враги отправились в поход на наш замок в Ямага. Немедля сели мы за весла и всю ночь, ни на миг не смыкая глаз, гребли и утром оказались у берегов Янаги-но ура.

Хор

Залив был, право же, достоин
Названья своего.
Вдоль берега его чредой длинной
Тянулись ивы, а под сенью их
Расположилось станом войско Тайра.

И вот однажды пожелал наш повелитель отправиться на поклонение в храм бога ратных дел, могущественного Хатимана. Мы поспешили в Уса и вознесли молитвы о помощи в грядущих сражениях и, уповая на милость великого бога, поднесли ему свои дары — семь лучших скакунов, золото и серебро.

Жена Киёцунэ

«Сам Хатиман не может горести мирские
Рассеять. Стоит ли молитвы
Напрасно расточать здесь?»

Дух Киёцунэ

Слова такие прозвучали в храме.

Хор

«О, осень поздняя! Бессильные слабеют,
Смолкают голоса цикад,
Слабеет и душа, надежд лишаясь прежних», —
Промолвил тюнагон,

Дух Киёцунэ

И мы тогда

Хор

В унынии глубоком: неужели
Оставили и боги нас и будды —
Упали духом и, утратив все надежды,
Отправились назад. Уныло
Скрипели старые колеса. И в печали
За государем мы вернулись во дворец.
О, горькая тоска!

Но тут прослышали, что вражеские рати
Приблизились к Нагато, и опять
За весла сели, с омраченным сердцем
Ладьи направили неведомо куда.
Воистину, что мир наш? Сон мгновенный!
Проходит и сменяется другим.
Цветы, что расцвели весною Хогэн,
Давно увяли, и холодный ветер
Срывает листья осени Дзюэй.
Безжалостно разбросанные листья
Качаются в волнах. Плывут куда-то
По морю бесприютные ладьи.
В заливе Ив вздымает волны ветер,
Их рати грозные за нами по пятам
Бегут, не отставая, вал за валом.
На сосны бросишь взгляд — там стаи белых
цапель

Крылами плещут — или на ветру

Там плещутся знамена Минамото?
Все больше падали мы духом. И тогда
Киёцунэ задумался невольно:
«В душе моей так явственно звучат
Слова пророческие Хатимана.
Они ведь сказаны не даром: «Буду я
Лишь с правым!» Безраздельно сердцем
Мысль эта завладела.

Дух Киёцунэ

Все тщетно в жизни нашей. На мгновенье
Блеснет роса — и тает без следа.

Хор

Конец неотвратим. Доколе
Мне суждено страдать, скитаться в мире,—
Беспомощный листок ладьи отдав на прихоть
волн?

Не лучше ль в воду броситься однажды
И так свой кончить век? Решился сердцем —
Чего от мира ждать? — и, не сказавшись людям,
Стал на корме, луною предрассветной
Залюбовался, флейту вынул,
И звуки чистые над морем потекли.
И так стоял он, напевая имаё,
Слагая песни о былом и о грядущем.
О, жизнь превратная! Волна нахлынет и
отхлынет,

И знать, когда придет конец, нам не дано.
Волна уйдет, чтоб не вернуться боле,
Не возвращается и прошлое. Ах, право,
Одни лишь муки постоянны в этом мире!
«Жизнь — странствие, и я без сожаленья
Прерву его», — он молвил, и казалось,
Безумие вдруг овладело им в тот миг.
Не замечая никого, он взор свой светлый
С надеждой в небо устремил. Взгляни!
Луна, наш мир печальный покидая,
Скользит на запад...
«Меня с собою ты возьми, — воскликнул он, —
О, не оставь меня, великий Будда!»
Наму Амида Буцу... Наму Амида Буцу...

Он в волны бросился, течение морское
В пучину тело увлекло.
Печальная кончина!

Жена Киёцунэ

Рассказ печальный твой мне разрывает сердце.
Но горек ведь и мой удел; обречена я
Тонуть в волнах тяжелых сновидений,
Бушующих в бескрайнем море скорби.
Увы, как горестны супружеские узы!

Дух Киёцунэ

К чему слова! И этот мир земной
Подобен царству тьмы. Печальна участь
Непрочной пены, вдруг вскипевшей на воде,—
Но никому не избежать ее, увы!
В мир демонов сошедший,

Хор

В мир демонов сошедший
Спасенья боле не найдет.
Теснят деревьев вражеские рати,
Подстерегает смерть от стрел дождя,
Сверкает месяц — острый меч, громады гор
Темнеют крепостью прочнейшей!
Пылают злобой очи недругов, бесстрашно
Обнажены жестокие клинки.
Знамена облаков победно плещут,
Желанья, страсти, алчность, глупость, гнев
Сплетаются на поле брани в схватке.
Страданья, просветленья здесь столкнулись,
Сцепились в беспощадной, страшной битве.
И яростного натиска прилив
Сменяется отливом отступленья...
Все это испытал он, но теперь,
Десятикратно вознеся молитву Будде,
Взошел в ладью Закона и в Ученье
Надежную обрел опору наконец.
И ныне сердцем чист,
И ныне сердцем чист Киёцунэ.
Благословенно превращенье в будду!

ФУНА-БЭНКЭЙ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Мусасибо Бэнкэй (ваки).
Три спутника Ёсицунэ (вакидзурэ).
Минамото Ёсицунэ (коката)
Сидзука (маэдзитэ), она же во втором действии дух Тай-
ра Томомори (нотидзитэ).
Кормчий (кёгэн).

*Место действия: провинция Ситцу, залив Даймоцу. Время
действия: осень.*

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

*Под звуки музыки появляются Бэнкэй, Минамото Ёсицунэ
и его спутники*

Бэнкэй и спутники Ёсицунэ
(начальная песня)

Надели мы сегодня
Платье странствий,
Надели мы сегодня
Платье странствий.
Путь дальний впереди, когда же снова
Увидим мы столицу?

Бэнкэй. Мусасибо Бэнкэй перед вами. Живу я близ Сэй-то — Западной пагоды. Мой господин, Минамото Ёсицунэ, согласно воле властителя Камакура, разбил войска чванливых Тайра.

Казалось бы, теперь два брата должны жить в полном согласье, как солнце и луна. Но увы, наветы злых людей посеяли между ними вражду. Мой господин, почитая брата, решил на время покинуть столицу, и нынешняя ночь застанет нас в пути к заливу Даймоцу, к мысу Амагасаки. Там, вдали от столицы, мы вознесем молитвы Небу, чтобы оправдан был перед братом невиновный брат.

Бэнкэй. Шел первый год правления Бундзи, когда произошел жестокий разлад между двумя братьями — Еритомо и Ёсидзунэ. Было ясно, что примирения ждать нечего.

Ёсидзунэ

И в ранний час, пока еще свободны
Окрестные дороги, брат опальный
Столицу покидает, отправляясь
В неведомые Западные земли.

Хор

Ночь все еще темна, и светлый месяц
Готов покинуть Облаков Обитель.
Печально расставанье! Только год
Прошел со дня, когда в поход на Тайра
Отсюда выходил Ёсидзунэ.
Прошел лишь год, но как все изменилось!
Где свита пышная? Увы, ее уж нет.
Идут за ним немногочисленные слуги,
Готовые, как верные друзья,
Изгнание господина разделить.
Взошли они в ладью, и волны Ёдо
Прочь от столицы повлекли ее.

Ёсидзунэ

Снуют ладьи — то уплывая вдаль,
То снова возвращаясь. Исчезают
Вода и облака и возникают вновь...
Увы, непостоянна наша участь!
О, пусть злословят,
Пусть злословят люди.
Не им судить, чист или нет
Родник моей души.
Бог Горных Родников об этом знает!
Склонившись низко перед ликом светлым,
Пустились в путь, и скоро все тревоги
Вода морская унесла, а волны

Вперед влекли ладью, и вот пред взором
Раскинулся залив Даймоцу,
Раскинулся залив Даймоцу.

Бэнкэй выходит на самую середину сцены. Повернувшись к Ёсицунэ, преклоняет перед ним колени.

Бэнкэй. Мой господин, позвольте мне сказать. Госпожа Сидзука повсюду следует за вами, и это вызывает немало пересудов. Верно, они дошли и до вас. Заклинаю господина приказать ей немедленно возвратиться в столицу.

Ёсицунэ. Что ж, пусть Бэнкэй поступит, как ему угодно.

Бэнкэй. Бэнкэй всегда вам верный слуга. *(Совершает проход к помосту. Говорит, обращаясь в сторону занавеса.)* Здесь живет госпожа Сидзука, не так ли? Нельзя ли мне войти?

Появляется молодая женщина в костюме и головном уборе танцовщицы-сирабёси. Останавливается на помосте.

Сидзука. Кто изволил пожаловать ко мне?

Бэнкэй. Перед вами недостойный Мусаси, госпожа.

Сидзука. Мусаси? Я не ждала вас. Что же привело ко мне почтенного Мусаси?

Бэнкэй. Я пришел к вам, чтобы передать веленье господина: вы должны немедленно возвратиться в столицу.

Сидзука. Какая неожиданная весть! А я надеялась быть вместе с господином повсюду, где бы он ни был. Увы, напрасная надежда. Непостоянно человеческое сердце. Но что со мною будет? Что мне делать?

Бэнкэй. Мне понятно ваше горе, но что прикажете ответить господину?

Сидзука. Я сама пойду к нему с ответом. Мне вдруг подумалось, что это повеленье — всего лишь козни господина Мусаси.

Бэнкэй. Вы вольны поступать, как вам угодно. Пойдемте же скорей к господину.

Сидзука выходит на самую середину сцены и, опустив голову, преклоняет колени перед Ёсицунэ.

К вам госпожа Сидзука, мой господин.

Ёсицунэ. Выслушай меня, Сидзука. По воле злой судьбы я стал изгнанником. Твое желание разделить со мною тяготы нелегкого пути осудит молва. Прошу тебя, вернись в столицу и дождайся там поры, когда судьба к изгнаннику вновь будет благосклонна.

Сидзука (*подняв голову*). Так, значит, это ваше решение. Мне жаль (*поворачивает голову к Бэнкэю*), что я своими дерзкими речами обидела достойного Мусаси, обвинила невинного в злом умысле.

(*Обернувшись к авансцене, склоняет голову.*)

Простит ли он меня? Какой позор!

Бэнкэй. Не думайте об этом, госпожа, и не печальтесь. Ведь Мусаси только исполнял повеленье господина, и было вызвано оно желанием уберечь вас от злых наветов. Любовь же господина к вам осталась неизменной. Так говорил Бэнкэй, слезами обливаясь.

Сидзука

Осталась прежнею любовь иль нет,
Не мне таить — служанке недостойной —
Обиду злую. Но ведь скоро
Откроется пред вами путь морской, подует ветер,
И волны встанут на пути стеной...

Хор

Так отчего ж не взять меня с собою,
Так отчего ж не взять меня с собою,
Ведь в имени моем сокрыты
Хранительный покой и тишина,—
Их умоляла Сидзука, рыдая.
О, вспомните, мы поклялись однажды
Перед богами в верности друг другу.
Ах, даже клятвы ненадежны в этом мире!
«Поистине, готова я отдать
За долгий-долгий век
Короткий миг разлуки,
Когда бы только знать, что в этой жизни
Мы сможем снова свидеться с тобой».

Ёсидзуна. Бэнкэй, вели подать Сидзуке вина!

Бэнкэй

«Всегда слуга ваш верный»,— и Бэнкэй
Подносит чашу Сидзуке. «Так пейте
Напиток долголетия — росу,
Впитавшую целительные соки
Чудесной хризантемы. Пусть в пути
Сопутствуют нам радость и удача».

Сидзука

Ужели расставанье неизбежно?
И сердце разрывается от боли
В груди у Сидзуки. Рыдания душат.

Бэнкэй

Бэнкэй же молвит: «Омрачать слезами
Не надо расставанья тяжкий миг.
Не лучше ль песнею прощальной
Удачного пути нам пожелать?»

Сидзука

Тут поднялась она и начинает петь,
Хоть голос прерывается от горя:
«Вот ветер стих, и в путь привычный
Вновь отправляется ладья.

Хор

Вот солнце вышло из-за туч, и волн среди
Видна вдали земля изгнанья».

Сидзука

Не в силах шага я
ступить,

Хор

И «рукавом взмахнуть» не в силах.

Сидзука. Предание рассказывает нам о том, как в старину князь Тао Чжу-гун,

Хор. ...последовав за государем Гоу-дянем, разделил уединение его на горе Куайцзи. Там был составлен хитроумный план, и Гоу-дянь смог наконец одержать победу над властелином царства У. Так исполнилось его заветное желание.

(Исполняет танец-пантомиму кусэ-но май.)

Власть над страной вернулась к Гоу-дяню,
Он смыл позор сраженья на Куайцзи.
И торжеством таким обязан был немало
Прозорливости мудрой Тао Чжу.
И, удостоенный высоких званий,

Стал ведать Тао Чжу дела правленья,
Обрел он имя славное, богатство,
И исполнялись все его желанья.
Но вдруг открылось Тао Чжу: в вершине славы
Уйти от мира — вот он путь
Отмеченный благословеньем Неба!
На чели взойдя, от берега шестом
Он оттолкнулся, и уплыл к далеким
Прекрасным островам Пяти Озер,
Дабы покой желанный обрести
Вдали от суетного мира.

Сидзука

О да, случалось и такое. А теперь

Хор

В тот ранний час, когда луна
Еще сияет в предрассветном пебе,
Мой господин, столицу покидая,
Взошел в ладью и вот плывет к далеким
Чужим просторам западных морей.
Мольбы безвинного изгнанника, я верю,
Дойдут до государя, и тогда
Склонится к брату сердцем Ёритомо —
Так ветка ивы клонится под ветром —
И, право, можно ль разорвать
Связь братьев двух — двух ивовых ветвей,
Растущих из единого ствола?

Хор

Ты только верь...

Сидзука

О да, «ты только верь,
Убогая трава, век жалкий свой
Влачащая в долине Симэдзи,

Хор

Пока я в этом мире есть,
Ты не лишишься никогда опоры».

Сидзука

И если верно прорицанье Каннон,

Хор

И если верно прорицанье Каннон,
Недолго господину быть в изгнание.
Но в путь пора, не медлите, гребцы,
Но в путь пора, не медлите, гребцы.
Ёсипунэ к своей ладье выходит.

Сидзука

А Сидзука все плачет, плачет горько.

Хор

Она отбросила и шляпу и накидку.
Ей боль разлуки разрывает грудь.
Невольно сердце полнится печалью,
Невольно сердце полнится печалью
При взгляде на нее.

Во время пения хора Сидзука снимает головной убор и медленно покидает сцену.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Кормчий сообщает Бэнкэю, что приготовления к отплытию закончены. Выходит на середину сцены, садится лицом к Бэнкэю. Между ними происходит короткий диалог о готовности корабля.

Бэнкэй

Прошу всех по местам, и в путь скорее!

Один из спутников. Постойте! Наш господин желает повременить с отплытием. Слишком разбушевалось море, опасно отправляться в путь.

Бэнкэй. Я уверен, что здесь одна причина,— не может он с Сидзукой расстаться. Ведь помню я, как год тому назад мы отправлялись в поход на Тайра из Ватанабэ и Фукусима. Тогда и ветер был сильнее, чем сейчас, однако мы не медля выступили, повергли чванливых Тайра и Поднебесную объединили под свою власть. Сегодня день ничем не хуже, да и медлить с отплытием нельзя.

С п у т н и к

Он прав, теперь не время медлить, ведь враги
Нас поджидают всюду.

Б э н к э й

С плеском волн
Смешались голоса гребцов.

Х о р

Эйя! Эйя! Отчалили. И вот
В волнах морских качается ладья.

Кормчий выносит на сцену сооружение с очертаниями лодки, располагает рядом с хором. Сообщает, что все готово к отплытию. Есицунэ садится в носовую часть лодки. Кормчий располагается сзади, Бэнкэй посередине. Спутники садятся неподалеку на пол.

Б э н к э й. Эй, кормчий! Мне кажется, что ветер внезапно переменился.

К о р м ч и й. Вы правы, но причин для беспокойства пока я не вижу.

Б э н к э й. О, ужас! Ветер дует с горы Муко, с вершины Юдзуриха! Как же мы пристанем к берегу? Скорей молитесь о спасении!

С п у т н и к и. О, ужас! Слово дух — предвестник кораблекрушений преследует нас!

Б э н к э й. Ах, полно! Теперь не время падать духом!

Тем временем на лодку налетает большая волна, которая изображается с помощью куска ткани актерами-помощниками.

Но что это? Из морской пучины встают Тайра, поверженные нами у берегов Западной земли. Взгляните! Вот они, качаются в волнах! Да, они выбрали для мести удачный миг.

Е с и ц у н э. Послушай-ка Бэнкэй, теперь не время поддаваться страху. Даже если нас преследует томимый жаждой мести злобный дух, что нам с того? Подумай сам, ведь Тайра творили только зло, не помня о наставлениях Будды и богов. Их гибель была лишь исполнением воли Неба.

Х о р

Но вот уже встает из волн сам государь,
За ним телохранители. Взгляните,

Как облака, клубящийся туман —
Все новые и новые обличья
Встают из моря и качаются на волнах!

Звучит музыка. На помосте появляется «ситэ» в маске, длинноволосом парике, в костюме злобного духа самурая. В руке у него меч. Энергичными шагами «ситэ» продвигается по помосту, останавливается.

С и т э. Здесь перед нами — дух Тайра Томомори, потомка великого государя Камму в девятом поколении. Вот удивительно, не правда ли, Ёсицунэ?

Х о р

Со мной не ждал ты, верно, встречи.
Но вот я здесь. Влекомый плеском волн
И криками гребцов твоих, явился.

Д у х Т а й р а Т о м о м о р и
Я — Тайра Томомори, и могилу
В волнах морских нашел свою, но здесь же

Х о р

Ее теперь найдет Ёсицунэ!
Так молвил он, в волнах морских качаясь.
Вот меч свой обнажил. Мечом вращает,
Взбивая волны. Страшный смерч всклубился.
О, гнев неистовый ему туманит взор
И разум! В ослепленье
Вокруг не видит ничего он. Ужас! Ужас!

Дух Тайра исполняет танец «хатаракки», изображающий поединка.

Ё с и ц у н э

Но тут Ёсицунэ, не дрогнув,

Х о р

Но тут Ёсицунэ, не дрогнув,
Выхватывает меч, и, словно перед ним
Из плоти человек, он с громким криком
Вперед бросается, готовый бой принять.
Бэнкэй, не растерявшись, встал меж ними:
«Нет, меч тут не поможет!»

И перебирая четки, начинает
Пропносить молитву:

Богу-хранителю Восточных врат, Годзандзэ,
Богу-хранителю Южных врат, Гундари,
Богу-хранителю Западных врат, Дайитоку,
Богу-хранителю Северных врат, Конго,
Всем богам-хранителям,
И главному среди них,
Всемогущему защитнику Фудо!..

«Ситэ», опустив руку с мечом, постепенно отходит в сторону помоста. Совершает энергичный проход по помосту, резко останавливается перед занавесом, поворачивается кругом, сильными прыжками возвращается к месту дзёдза и замирает неподвижно, показывая, что дух исчез.

Он молится, и злые духи в страхе
Все дальше отступают. А Бэнкэй
Становится возле гребцов, и дружно
Взлетают весла. Вот уже ладья
У берега, а духи злые,
Теснимые молитвою, бессильно
Качаются, качаются в волнах...
И гребни белые смыкаются над ними...

УДАР В НОС

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Д а й м ё.
С л у г а Т а р о.
П р о х о ж и й.

Д а й м ё. Я знатный даймё Хатиман. Имя у меня громкое, а слуга всего один. Этого мне мало, и решил я нанять побольше. Позову-ка я слугу Таро и прикажу ему заняться этим... Эй, слуга Таро, где ты?

С л у г а. Да здесь я, перед вами.

Д а й м ё. Проворен, как я посмотрю. Позвал я тебя вот по какому делу. Одного слуги мне мало, и решил я еще нанять. Как смотришь ты на это?

С л у г а. Ах, господин, лучше и придумать нельзя.

Д а й м ё. Сколько же человек нам нанять?

С л у г а. Сколько? А это вашей милости видней.

Д а й м ё. Сколько же нанять? Найдем как раз в меру.

С л у г а. Сколько же?

Д а й м ё. Тысячу.

С л у г а. Не многовато ли, ваша милость? И поселить-то их негде будет.

Д а й м ё. Разве в полях и горах мало места? Выгоним их, пусть себе живут на воле.

С л у г а. Да никто вам тогда служить не станет.

Д а й м ё. Тогда найдем поменьше.

С л у г а. Это другое дело.

Д а й м ё. Что ж, сбросим и найдем как раз в меру.

С л у г а. Сколько же?

Д а й м ё. Хватит и пятисот.

С л у г а. Сбросить-то вы сбросили, но, пожалуй, все равно, вам не по средствам.

Д а й м ё. Не по средствам? Не прокормим, что ли?

С л у г а. Вот именно, ваша милость.

Д а й м ё. Мало ли воды в лесах и в горах?

С л у г а. Ах, господин, будет ли тогда прок от них?

Д а й м ё. Что ж, придется, видно, еще сбросить.

С л у г а. Вот так-то лучше будет.

Д а й м ё. Не к липу мне, даймё, по мелочам размениваться. Сбрасывать так сбрасывать. Найму слуг как раз в меру.

С л у г а. Сколько же?

Д а й м ё. Двоих хватит.

С л у г а. А не многовато ли? Сбросьте еще одного.

Д а й м ё. Да нет, двоих вместе с тобой.

С л у г а. Значит, всего одного найдем?

Д а й м ё. Ну да.

С л у г а. Это другое дело.

Д а й м ё. А теперь, Таро, отправляйся на большую дорогу, встретишь подходящего человека — нанимай.

С л у г а. Слушаюсь. Ну, я пошел.

Д а й м ё. Иди, да скорее возвращайся.

С л у г а. Ага.

Д а й м ё. Ну, пошел!

С л у г а (*один*). Вот задачу-то задал. Пойду прямо к большой дороге, попадется подходящий человек — найму без промедления. А ведь подумаешь, и верно: все дела на мне одном лежат, за целый день присесть некогда, а с помощником я немножко отдохну. Вот и дорога. Сяду здесь и подожду.

П р о х о ж и й. Я житель восточных провинций. В жизни не видывал столицы и вот решил: пойду посмотрю на нее, а может, и служба найдется. Пойду потихоньку. Правду люди говорят: смолоду белый свет не исходишь — в старости и рассказать не о чем будет. Послушал я людей и пустился в путь.

С л у г а. Кажется, идет тот, кто мне нужен. Попробую заговорить с ним. Эй, эй, парень?

П р о х о ж и й. Вы меня? Чего изволите?

Т а р о. Откуда ты и куда идешь?

П р о х о ж и й. Службу ищу, за тем и в столицу иду.

Т а р о. Какая удача! Господин у меня даймё, и я замолвлю за тебя словечко.

П р о х о ж и й. Сделайте одолжение, замолвите.

С л у г а. Пожалуй, сразу и пойдем к нему.

П р о х о ж и й. Слушаюсь.

С л у г а. Скажи-ка, не обучен ли ты какому-нибудь искусству?

П р о х о ж и й. Да как вам сказать... Кое-чему я обучен, но только сойдет ли это за искусство?

С л у г а. А что ты умеешь?

П р о х о ж и й. Умею я стрелять из лука, играть в мяч, го и сугороку, разбираюсь в поварском деле, обучен верховой езде, борьбе сумо и прочим видам единоборства.

С л у г а. О, да ты, я вижу, мастер на все руки. Стоит мне рассказать об этом господину, и ты непременно понравишься ему. Поспешим, поспешим. Смотри, не заметили, как и пришли. Я доложу, а ты у ворот подожди.

П р о х о ж и й. Слушаюсь.

С л у г а. Господин, вы дома? Это я.

Д а й м ё. Кажется, слуга Таро вернулся. Таро, это ты?

С л у г а. Я к вашим услугам.

Д а й м ё. Ты уже пришел?

С л у г а. А как же. Только что вернулся.

Д а й м ё. Вот молодец! Ну как, привел нового слугу?

С л у г а. Привел.

Д а й м ё. Где же ты его оставил?

С л у г а. У ворот дожидается.

Д а й м ё. Знаешь, начало решает дело, я буду с тобой говорить, да погромче, чтобы ему пыль с глаза пустить, а ты не оплошай, помогай мне.

С л у г а. Слушаюсь.

Д а й м ё (*громко*). Эй, слуга Таро, ты здесь?

С л у г а. Так точно, ваша милость.

Д а й м ё. Подай сюда походную скамеечку.

С л у г а. Слушаюсь. Вот вам скамеечка.

Д а й м ё (*тихо*). Ну как, слышит он нас?

С л у г а. Еще бы не слышать!

Д а й м ё. Тогда иди к нему и скажи: мой господин только что пожаловал в большой зал, пойдй представься. Если понравишься, будешь сразу допущен к нему, а нет — придется подождать. Так скажешь, да смотри держись поважней!

С л у г а. Слушаюсь. Эй, где ты там?

П р о х о ж и й. Здесь я дожидаюсь.

С л у г а. Господин мой только что в большой зал вышел, пред-

ставься ему. Понравишься — сразу будешь допущен к нему, а не понравись — придется подождать. Запомни это!

Пр о х о ж и й. Слушаюсь.

Д а й м ё. Эй, эй, слуга Таро, где ты?

С л у г а. Чего изволите?

Д а й м ё. Передай там самураям, нечего им бездельничать, пусть наконечники стрел почистят.

С л у г а. Слушаюсь.

Д а й м ё. А оруженосцам вели коней помыть, ту сотню, что на днях из Осю пригнали.

С л у г а. Слушаюсь.

Д а й м ё. Погода сегодня хорошая, молодежь, наверно, в мяч соберется играть, прикажи площадку водой полить.

С л у г а. Слушаюсь. Господин, новый слуга перед вами.

Д а й м ё. Что? Этот молодчик?

С л у г а. Он самый.

Д а й м ё. На вид-то он смышленный. Да разве их разберешь, может, на деле тупица из тупиц. Спроси у него, обучен ли он искусству какому.

С л у г а. Я уже по дороге все выспросил. Да только он сомневается, искусство ли то, чему он обучен.

Д а й м ё. Чему же?

С л у г а. Стрельбе из лука, игре в мяч, поварскому делу, игре в го и сугороку, верховой езде и еще единоборству.

Д а й м ё. Да может ли это быть?

С л у г а. Именно так.

Д а й м ё. Тогда он мастер на все руки. Спроси, в чем он более всего искусен.

С л у г а. Слушаюсь. Эй, ты, господин изволит спрашивать, в каком из этих искусств ты больше всего толк понимаешь.

Пр о х о ж и й. Доложите, что в единоборстве.

С л у г а. Ваша милость, он говорит, что больше всего искусен в единоборстве.

Д а й м ё. Что? В единоборстве, говоришь?

С л у г а. Да.

Д а й м ё. Да он как будто по моему заказу явился! Желательно мне борьбу посмотреть; скажи ему, пусть покажет.

С л у г а. Слушаюсь. Эй, ты, господину желательно посмотреть на борьбу, входи сюда и покажи.

Пр о х о ж и й. Доложи, что я готов. Но с кем же мне бороться?

С л у г а. Ваша милость, он говорит, что готов, но ему противник нужен.

Д а й м ё. Вот еще! Пусть один покажет.

Слуга. Слушаюсь. Господин приказывает тебе одному, без противника, показать.

Прохожий. Нет, это невозможно, как же узнает господин, кто верх взял?

Слуга. Ладно. Он говорит, одному невозможно, потому что ваша милость не узнает, кто верх взял.

Даймё. Хм... И то правда, не узнаешь, кто победил. Где же взять ему противника? Может, годится Доун, что баню топит?

Слуга. Куда ему, он совсем старик.

Даймё. Твоя правда, Доун еле на ногах держится. Тогда борись с ним ты.

Слуга. Что вы, что вы, ваша милость, да я в жизни таким делом не занимался.

Даймё. Эх ты, слютяй! Борьбу бы посмотреть, да противника нет. Была не была, схвачусь сам с ним. Спроси-ка, готов ли он со мной бороться.

Слуга. Слушаюсь. Эй, ты, борцами у нас хоть пруд пруди, да, на беду, все по делам разосланы. Господин хочет сам быть твоим противником и изволит спрашивать, готов ли ты к этому.

Прохожий. А почему бы и нет? От противника не отказываются. Передай, что я готов принять бой.

Слуга. Слушаюсь. Ваша милость, он говорит, от противника не отказываются, и готов принять ваш вызов.

Даймё. Что ж, тогда приступим. Но если, скажем, победителем выйду я, кто же меня наградит? Ну, а если проиграю, тогда о награде и говорить нечего. Ладно, передай, пусть приготовится и выходит.

Слуга. Слушаюсь. Эй, приготовься и выходи.

Прохожий. Слушаюсь.

Даймё. А ты, слуга Таро, помоги мне. Ему же скажи, как только будет готов, пусть выходит.

Слуга. Слушаюсь. Эй, ты там, как только будешь готов, выходи.

Прохожий. Хорошо.

Даймё. Судьей будешь ты, слуга Таро.

Слуга. Слушаюсь. Приготовиться, начинай!

С криками набрасываются друг на друга. Даймё тут же падает.

Ой, что с вами, ваша милость! Это я, слуга Таро, что с вами? Что с вами?

Даймё. Вот это борьба! Не успели схватиться, как я получил такой удар, что в глазах потемнело и все вокруг поплыло. Спроси у него, что это за прием такой.

Слуга. Слушаюсь. Эй, ты, господин изволит спрашивать, что это за прием такой, от которого у него в глазах потемнело?

Прохожий. Скажи, что этот прием в большом ходу у нас на востоке, ударом в нос он называется. Те, у кого носы послабее, так вовсе их лишаются, а у кого покрепче, те на всю жизнь с кривым носом остаются. А у твоего господина нос не как у других, крепкий, счастье его.

ГУСЬ И ДАЙМЁ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Д а й м ё.

С л у г а.

Торговец дичью.

Д а й м ё. Я даймё Хатиман. Надолго задержался я в столице, но зато новых земель даровано мне немало, и теперь можно на родину возвратиться. Эй, Таро, где ты?

С л у г а. Здесь я.

Д а й м ё. Вот что. Скоро нам ехать домой, а потому хочу я на прощание пир устроить. Есть ли у нас чем гостей встретить?

С л у г а. О господин, ничего у нас нет.

Д а й м ё. Тогда отправляйся в лавку и закупи всякой снеди.

С л у г а. Слушаюсь, ваша милость.

Д а й м ё. Да смотри, быстрее приходи.

С л у г а. Не извольте беспокоиться. *(К зрителям.)* Пир задумал устроить и велит мне в лавку сходить. Что же, схожу. Вот и рыбная лавка, но в ней ничего нет!

Торговец дичью. А вот гуси! Кому гусей?

С л у г а. Хорошая вещь! Куплю-ка гуся.

Торговец дичью. Пожалуйте, к вашим услугам.

С л у г а. А хорош ли гусь?

Торговец дичью. Птица свежая.

С л у г а. Сколько стоит?

Торговец дичью. Две сотни.

С л у г а. Если вправду свежий, куплю, пожалуй.

Торговец дичью. Берите... Эй, эй, а деньги?

С л у г а. Какие деньги?

Торговец дичью. Давай назад гуся.

Слуга. Или не знаешь меня?

Торговец дичью. Откуда мне тебя знать?

Слуга. Что ж, схожу за деньгами. А ты этого гуся убери с прилавка, я сейчас приду.

Торговец дичью. Ладно.

Слуга (*один*). И правильно сделал, что не отдал. Придется принести деньги. Ваша милость, дома ли вы?

Дай мё. А, слуга! Ну, купил чего-нибудь?

Слуга. Гусь есть.

Дай мё. О, хорошая штука! Так готовь его скорее!

Слуга. Хм, да гусь-то в лавке остался.

Дай мё. Так какой же прок от него?

Слуга. Деньги нужны, без денег не дают.

Дай мё. Разве лавочник не видит, что ты мой слуга?

Слуга. Он сказал, что знать меня не знает, и отнял гуся, говорит, деньги давай.

Дай мё. Вот досада, у меня как раз при себе ни гроша нет. Может быть, у тебя есть? Выручи!

Слуга. И у меня нет.

Дай мё. Что же делать, гости вот-вот нагрянут.

Слуга. А может, отложите?

Дай мё. Ну нет, нельзя! Подумай-ка лучше, как нам гуся добыть.

Слуга. Это трудное дело. А впрочем, придумал. Извольте сами в лавку пожаловать, и сколько бы лавочник ни запросил, соглашайтесь купить гуся.

Дай мё. Да ведь денег-то у меня нет!

Слуга. У нас с ним уговор был, что я пойду за деньгами, а он пока уберет гуся с прилавка. Времени прошло уже много, и, наверное, лавочник этого гуся снова на прилавок выложил. Пока вы будете с ним говорить, подойду я и скажу, что деньги принес, и потребую гуся. Лавочник не будет мне его давать, потому что вы пообещаете ему заплатить дороже. Я буду настаивать на своем — уговор, мол, был не отдавать другому моего гуся, а вы в это время ругайте меня на чем свет стоит. Я тоже рассержусь и стану спорить с вами. Лавочник примется вас успокаивать, а я тем временем схвачу гуся и убегу.

Дай мё. А ведь это ты ловко придумал. Да, забыл я, где эта лавка находится.

Слуга. Да, кажется, четвертый или пятый дом от угла.

Дай мё. Ну, я пошел. Смотри, приходи туда вовремя!

Слуга. Не извольте беспокоиться.

Дай мё. Смышленный у меня слуга! Где же эта лавка? Четвертый или пятый дом от рыбного ряда... Ага, вот она.

Торговец дичью. А вот гуси! Кому гусей?

Даймё. Эй, лавочник, давай гуся.

Лавочник. Пожалуйста.

Даймё. Цена?

Лавочник. Пять сотен.

Даймё. Беру, давай сюда.

Слуга (*входит*). Господин лавочник, я принес деньги. Дайте моего гуся.

Торговец дичью. Э-э, ты опоздал. Я уже продал его господину даймё.

Слуга. Нет, позвольте, это мой гусь, я первый его выбрал.

Даймё. Эй, ты, негодяй, как ты смеешь дотрагиваться до гуся, которого я купил!

Слуга. Я его первый купил, я и возьму!

Даймё. Какой наглец! Да я тебя одним ударом пришибу!

Слуга. Не посмеете, у меня ведь тоже господин есть.

Торговец дичью. Ах, господин даймё, вот ваш гусь, только пощадите его.

Даймё. И слушать не хочу.

Торговец дичью. Я вам отдам гуся, только смилюйтесь над этим человеком.

Даймё. Ну так и быть, прощаю его.

Берет у торговца дичью гуся, незаметно прихватывает другого и уходит. Таро хватает еще одного гуся и убегает.

Торговец дичью. Ай, гуся стащили!

Даймё. Слуга, ну как?

Слуга. Чего изволите?

Даймё. Стащил гуся?

Слуга. А то как же!

Даймё. Ну, живо готовь его!

Слуга. А ловко вы справились.

Даймё. Ты это про что? Про то, как я быстро меч обнажил и ссору затеял?

Слуга. Нет. Я про то, как вы быстро руку к прилавку протянули и в один миг гуся стянули.

Даймё. Ты разве заметил?

Слуга. А то как же!

Даймё. А что делать? На родину еду, надо подарок привезти. Вот и прихватил его.

Слуга. Выходит, и вы украли гуся.

Даймё. Ладно, ладно! Смейся, смейся!

Слуга. Слушаюсь.

ДВА ДАЙМЕ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Сакё.
Укё.
Горожанин.

Сакё. Перед вами прославленный даймё. Я сговорился с одним человеком совершить паломничество в храм в Китано. Пойду потихоньку, зайду за ним. Вот здесь он живет. Вы дома?

Укё. Дома, как же! О, кого я вижу! Что привело вас сюда?

Сакё. Да ведь мы с вами сговаривались сходить в храм в Китано, вот я и зашел за вами.

Укё. А ведь и верно. Заходите.

Сакё. Стоит ли? Пойдемте прямо в храм.

Укё. Что ж, как хотите, пошли. А где же ваш слуга?

Сакё. Он больным притворился и не пошел, бестия, со мной.

Укё. Вот как. И моего дома нет. Как же нам быть?

Сакё. Ничего, я придумал, что делать. Выйдем на дорогу, остановим какого-нибудь прохожего и заставим его нас сопровождать.

Укё. Что ж, прекрасно.

Появляется горожанин.

Горожанин. Почтенная публика! Перед вами житель из пригорода столицы. Сегодня двадцать пятое число, в храме Тэмма-но-мия праздник, надо сходить в Китано, где этот храм. Пойду потихоньку.

Сакё. Смотрите, вон кто-то идет. Как раз подходящий для нас человек. Он и будет нас сопровождать.

Укё. Лучше и не придумаешь.

Сакё. Эй, ты!

Горожанин. Это вы меня?

Сакё. А то кого же!

Горожанин. Что вам угодно?

Сакё. Откуда идешь и куда?

Горожанин. Иду в храм в Китано.

Сакё. Тебя-то нам и нужно. И мы туда же. Пойдешь вместе с нами.

Горожанин. Что вы, что вы! Какой я для вас, самураев, спутник? Я уж лучше один пойду.

Сакё. Значит, не хочешь с нами идти? *(Кладет руку на рукоятку меча.)* Ну, а теперь как, тоже не пойдешь?

Горожанин. Ой, что вы! Как не пойти!

Сакё. Не бойся, я пошутил. Ну, иди, иди.

Горожанин. Слушаюсь, ваша милость.

Сакё. Господин Укё, что это вы сами меч несете, отдайте ему, пусть он несет.

Укё. И то правда, на, неси его.

Горожанин. Слушаюсь, ваша милость.

Укё. Ну, иди, иди. Да кто же так оружие носит, это тебе не абурэдзуну. К поясу меч привяжи!

Горожанин. Слушаюсь.

Укё. Что там у тебя гремит? Как ты меч привязал, ведь он по ногам тебя бьет!

Горожанин. Да я не знаю, так, что ли?

Укё. Раз не знаешь, научу. Золотой меч полагается носить, придерживая правой рукой.

Горожанин. Значит, вот так?

Укё. Вот теперь так. Ну, иди, иди.

Горожанин. Долго вы издеваться надо мной будете? Не уйдете от меня, негодяи! *(Обнажает меч и набрасывается на самураев.)*

Сакё и Укё. Постой, постой! Да в своем ли ты уме?

Горожанин. Думаете, раз я горожанин, так можно надо мной издеваться? Как бы не так, не на такого напали!

Сакё и Укё. Ой, да что ты!

Горожанин. Эй вы, господа даймё, ишь как нахохлились, прямо как петухи. А ну, покажите мне, как петухи дерутся, тогда и меч обратно получите.

Укё. Ты, горожанишка! Да где это видано, чтобы господа даймё петухов изображали?

Горожанин. Что? Не желаете?

Сакё. Господин Укё, видно, ничего не поделаешь, давайте покажем.

Горожанин. А ну, быстрее, быстрее!

Сакё и Укё изображают петушиный бой и кричат по-петушиному.

Ну и потешили, повеселили вы меня. А теперь снимайте ваши балахоны и давайте их сюда.

Укё. Да где это видано, чтобы даймё раздевали?!

Горожанин. Ах, вот как, не хотите раздеваться?

Укё. Снимаем, все с себя снимаем.

Горожанин. А вот теперь, когда вы разделись да скорезились, стали оба похожи на окиягарикобоси. А ну покажите, как они кувыркаются!

Укё. Да мы не умеем кувыркаться.

Горожанин. Не умеете, так я научу. Смотрите на меня.

(Поет.)

Окиягарикобоси, кто в столице вас не знает?

Посмотрите-ка на нас, господин хороший.

Как взглянул — так и кувырк, так и кувырк.

Укё. А мы не умеем так трясти головой.

Горожанин. Не умеете? Тогда повторяйте за мной.

(Поет.)

Окиягарикобоси, кто в столице вас не знает?

Посмотрите-ка на нас, господин хороший.

Как взглянул — так и кувырк, так и кувырк.

Ну и потешили вы меня, уж так потешили! Вот что, самурай, вы, наверное, хотите меч обратно получить.

Сакё. А как же!

Горожанин. Ах, вы меч хотите? А звезду с неба не хотите?

Сакё и Укё. Ты куда? Держи его, держи!

ЖЕНЩИНА, ВЫМАЗАВШАЯСЯ ТУШЬЮ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Д а й м ё.
Ж е н щ и н а.
С л у г а.

Д а й м ё. Я прославленный даймё из дальних мест. Надолго задержался я в столице, зато все тяжбы разрешены в мою пользу и новых земель даровано мне немало. Это ли не удача! Позову слугу Таро и порадою его. Эй, Таро, где ты?

С л у г а. Здесь.

Д а й м ё. Где здесь?

С л у г а. Да тут, перед вами.

Д а й м ё. Позвал я тебя вот зачем. Долго мы с тобой пробыли в столице, зато все тяжбы благополучно разрешены в мою пользу и новых земель даровано мне видимо-невидимо. Это ли не удача?

С л у г а. Уж верно, удача, как вы и изволите говорить.

Д а й м ё. А потому на днях отправляемся мы с тобой в обратный путь, на родину. Не знаю, когда еще доведется мне встретиться с моей возлюбленной, вот и надумал навестить ее сегодня и попрощаться. Что ты скажешь на это?

С л у г а. Это вы хорошо придумали.

Д а й м ё. Тогда не будем время терять. И ты со мной пойдешь.

С л у г а. Слушаюсь, ваша милость!

Д а й м ё. Ну, пошли, пошли!

С л у г а. Иду, иду.

Разговор в пути.

Д а й м ё. А на родине-то нас с тобой ждут со дня на день, наверно, слыхали про наши удачи.

С л у г а. Уж как не ждать. Ваша милость, за разговором-то мы и не заметили, как пришли. Я доложу о вашем приходе, а вы тут подождите.

Д а й м ё. Ладно.

С л у г а. Есть ли кто дома? Мой господин самолично к вам пожаловать изволил.

Ж е н щ и н а. Вот не ожидала! Слуга Таро, да неужели сам господин пожаловал?

С л у г а. Да, сам.

Ж е н щ и н а. Чудо! И каким это ветром вас занесло? Совсем меня забыли, а я в тревоге за вас измучилась вся.

Д а й м ё. И то правда, давненько я у тебя не был. Но, как я вижу, ты, моя милая, в полном здравии и благополучии, а это для меня важнее всего. Эй, Таро, не рассказать ли ей о наших делах?

С л у г а. Что же, ваша милость, расскажите.

Ж е н щ и н а. Уж не случилось ли чего с вами? Говорите скорей!

Д а й м ё. Не беспокойся, ничего со мной не случилось. Ты сама знаешь, как давно живу я в столице, зато все тягбы мои благополучно разрешены, и потому в скором времени отбываю я на родину. А сегодня пришел проститься с тобой.

Ж е н щ и н а. Что вы говорите? Неужели вы уезжаете домой? И неизвестно, когда доведется нам встретиться снова... Горе мне, горе. *(Ставит около себя чашечку с водой, смачивает глаза и делает вид, что плачет.)*

Д а й м ё. Мне понятно твое горе. Но запасись терпением. Вернувшись на родину, я сразу же приплю за тобой гонца.

Ж е н щ и н а *(плачет)*. Нет, не верю я! Стоит вам вернуться на родину — и забудете вы меня. От одной мысли об этом слезы душат меня.

С л у г а *(к зрителям)*. Да что же это такое? Я думал, она и правда плачет, а оказывается, просто глаза водой смачивает. Ах, негодница! Ваша милость, послушайте меня...

Д а й м ё. Что тебе?

С л у г а. Я вижу, вы ей верите, думаете, она и вправду плачет. А она вас обманывает, водой глаза смачивает, а не плачет.

Д а й м ё. Не может этого быть! Разлука со мной — вот причина ее слез, а ты такую напраслину на нее возводишь.

Ж е н щ и н а. О, куда же вы исчезли? Ведь и так встретились ненадолго. Идите ко мне!

Д а й м ё. Ах, это все Таро. Сказал, что дело у него какое-то, а оказалось — глупости.

Слуга. Да что же это такое? Она знай воду льет, притворяется, а он будто слепой. Ага, придумал! Докажу, что я прав! Подставляю ей вместо чашечки с водой тушечницу. *(Заменяет чашку с водой тушечницей.)*

Женщина. О, как горько, как грустно мне!.. А я-то мечтала ни на миг не расставаться с вами, но увя, вот и пришел час разлуки. Ах, сердце мое не выдержит этого горя.

Слуга *(к зрителям)*. Вот потеха-то! Даже не заметила, как я тушечницу подставил, теперь тушью по лицу мажет. Ну и рожа! Смотреть страшно! Ваша милость...

Дай мё. Чего опять тебе?

Слуга. Вы не хотели верить мне, а я взял да подставил ей вместо воды тушь. Взгляните на нее.

Дай мё. Да, ты прав оказался! Ах, как я обманут! Негодница! Как проучить мне ее?.. Ага, придумал! Подарю ей на память зеркало, пусть устыдится, притворщица.

Слуга. Лучше и не придумаешь.

Дай мё. Да, делать нечего, я возвращаюсь на родину и немедленно пришло за тобой гонца, а пока вот тебе зеркало на память, смотришь в него и вспоминай меня.

Женщина. Зачем растревлять мое бедное сердце? Мне и во сне не снилось получить такой подарок. Нет, нет, не пережить мне нашей разлуки. О! Что это такое? Кто вымазал меня тушью? Ах, вот ты как! Это твоих рук дело!.. Вот тебе!

Дай мё. Нет, нет, это все придумал слуга Таро.

Женщина. Так я и поверила! Не выпущу, пока не разукрашу тебя.

Дай мё. Как ты смеешь! В лицо тушью... Ой, помогите! Пощади! *(Убегает.)*

Женщина. А, негодник Таро еще здесь! Я и тебя сейчас разукрашу.

Слуга. Что вы делаете! Да как же я на улицу покажусь такой размалеванный? Пощадите, пустите!

Женщина. Куда, куда? Еще добавлю тебе! Стой, не убежишь!

ПОДАЯНИЯ НЕ ДАЛИ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Монах.

Прихожанин.

Монах. Перед вами — настоятель храма. Только я собрался к одному прихожанину, где для меня всегда готова утренняя трапеза, как вдруг получил приглашение от другого. Что тут было делать? Пришлось к нему пойти, и вот только сейчас я возвращаюсь оттуда. А там, у первого, где я каждое утро бываю, наверное, ждут меня не дождутся. Придется туда сходить, хоть сутры почитать. К тому же в этом доме для меня всегда припасены десять монов подаяния. А этим пренебрегать грешно. Ну что же, пойду потихоньку. А ведь вправду говорят: не живи, как хочется, а живи, как Небо велит. Так и у меня. Что бы им догадаться — одному утром пригласить и накормить, а другому — вечером. А то получается или пусто, или слишком густо. Ну, я и пришел. Можно войти?

Прихожанин. Кто там?

Монах. Это я.

Прихожанин. А, отец-настоятель! Наконец-то пожаловали. Я вас все утро ждал.

Монах. Вы уж извините. Я ведь свое время знаю и совсем было собрался к вам, а тут пришел с приглашением один давний мой прихожанин: жду, говорит, на трапезу обязательно. Что тут было делать? Пришлось идти, и вот только сейчас вернулся. Я уж торопился — знаю, что вы ждете, да все равно опоздал. Сего-

дня я вам только сутры прочитаю и сразу домой — с тем и пришел.

Прихожанин. Хорошо, что пожаловали. Пожалуйста, прочитайте сутры. Проходите.

Монах. Слушаюсь. Иду, иду. О, какое у вас благолешие царит! Я каждый раз поражаюсь, как красиво убран у вас алтарь.

Прихожанин. Ну что вы, какое там убран...

Монах. Что же, примемся за сутры. «И слышал я, что было так: однажды был Будда у ученика своего князя Субхуты в мире Трех тысяч Великой тысячи миров». Ах, какие прекрасные цветы вы мне в прошлый раз подарили!

Прихожанин. Да, да, вспоминаю. Что же, они вам на пользу пошли?

Монах. А как же! Как раз тогда в храм прихожане пришли, увидели они ваши цветы на алтаре и глаз отвести не могут. Очень хвалили.

Прихожанин. Я рад, что они вамгодились.

Монах. Итак (*продолжает читать сутру*), «и поучал Будда, что благодеяния и подаяния ваши избавят вас от несчастий и продлят жизнь вашу». А что, эти цветы у вас в саду растут, или вы их от кого-нибудь получили?

Прихожанин. Нет, они у меня в саду растут.

Монах. В таком случае, не подарите ли мне семян? Я их у себя посажу.

Прихожанин. Рад буду.

Монах. Смотрите не забудьте!

Прихожанин. Не беспокойтесь.

Монах (*читает сутру*). «Наму, Кяратапо...» Ну вот, служба и окончена. Я пойду, вы приходите в наш храм почаще.

Прихожанин. Обязательно.

Монах. Оставайтесь с миром!

Прихожанин. Доброго вам пути, спасибо!

Монах (*один*). Это что же такое? О подаянии он даже не заикнулся. А? Видать, забыл. А может быть, не дал потому, что я опоздал сегодня? Нет, нет, если не напомнить, так он и впредь не будет давать. Прочту-ка я ему проповедь и попробую получить свое. (*Стучит.*) Вы дома?

Прихожанин. Как, вы разве не ушли?

Монах. Ушел, да вспомнил: сколько раз хотел проповедь вам прочитать, а до сих пор так и не сделал этого. У вас сегодня есть время?

Прихожанин. Да, я свободен. Благодарю вас. Охотно слушаю проповедь.

Монах. Тогда пойдемте.

Прихожанин. Да, да, входите.

Монах. Что ж... Проповедь-то ничего особенного собой не представляет. Главное в ней — доказательство бренности жизни человеческой. А жизнь человека подобна вспышке молнии, утренней росе, искре, высекаемой из кремня, пламени свечи перед порывом ветра, нежному цветку-вьюнку. Ведь вьюнок, как вы, наверное, и сами знаете, очень недолговечное растение: распускается он рано утром, днем — увядает, а к вечеру совсем засыхает.

Прихожанин. Да, да, вы правы.

Монах. Но у цветка-вьюнка есть хоть одна радость: утром распусться и ждать до вечера. А человек и того лишен. Столь мимолетна его жизнь, что, как говорят, выдохнуть-то успеешь, а на вдох и времени не останется.

Прихожанин. Ах, именно так.

Монах. И Будда учил, что если хочешь быть верным учению его, то отдай всего себя на служение вере да помогай монахам. И еще поучал он так: вот собираются тучи, начинается дождь, и наступает время подаяния. Конечно, сразу вам всего этого, пожалуй, и не уразуметь. Попробую объяснить попроще. Ну, что значит быть верным учению Будды? Это значит соблюдать его учение, то есть не жалеть на украшение храмов и помогать монахам. А что значит помогать монахам? Это значит не жалеть на подаяние бедным монахам вроде меня. А отдать всего себя, или, как это пишется иероглифами, «бросить тело свое», совсем не значит броситься в омут, а значит отвергнуть суету мирскую и устремиться помыслами в будущую жизнь и ради этой будущей жизни не жалеть ни себя, ни жизни, ни богатства своего. Слова «вот собираются тучи, вот начинается дождь» говорят о делах мирских. К примеру, так: решил ты такому-то человеку дать столько-то и вдруг пожалел и не дал. Вот когда душой твоей овладевает жадность, это и значит, что «собираются тучи и начинается дождь». Ну, точь-в-точь как ясное небо вдруг начинает заволакиваться темными тучами.

Прихожанин. Ваша правда.

Монах. Значит, уразумели?

Прихожанин. Еще бы не уразуметь.

Монах. Или вот сказал я: время мрака, время подаяния. Это значит — заволокло все небо, и нет просвета. Но если дающий начнет давать полной горстью, а берущий — брать, то и наступит прояснение и будет всем хорошо. Благо, когда дающий да разумеет просящего. А иначе, что видит просящий? Он видит, что ему всегда что-нибудь давали, а сегодня вдруг забыли или пожалели подать, а это все равно, что принять на душу все грехи, какие есть на свете. Это же величайший грех, и ложится он не только на

того, кто свершает его, но и на тех, кто дает, дает, да вдруг и не даст. Вот поэтому я и говорю, что настало время мрака, — значит, надо дать подаяние, и тогда снова засияет солнце. Ну вот и вся моя проповедь. Так заходите в храм, я вам еще не одну проповедь прочитаю. Как, уразумели?

Прихожанин. Еще бы, все уразумел.

Монах. Вот и хорошо, что уразумели. Так я пойду. Хотя, постойте, я еще кое-что вспомнил. В песне одной говорится: «Вот встретились мы, и, кажется, все друг другу сказали... А после прощанья вдруг видим — как много несказанных слов!» А потому, если при встрече вы что-то забыли, то при расставании непременно подумайте, не забыли ли что сказать, не забыли ли что дать.

Прихожанин. Нет, ничего я не забыл. Вы уже уходите?

Монах. Да, уйду, прощайте.

Прихожанин. Может быть, вином угостить?

Монах. Ах, ведь вы меня так давно знаете, разве я когда-нибудь к вину прикасался?

Прихожанин. О, совсем забыл.

Монах. Ну, я пошел.

Прихожанин. Пошли? Доброго вам пути.

Монах (*один*). Да что же это такое? Уж я ему все уши прожужжал, почти прямо сказал, а ему все певдомек. Как же быть? А еще твердил: уразумел, уразумел, а что уразумел — и сам не знает. Неужели я так ничего и не добьюсь? Нет, нет, надо на что-то решиться. Но если снова докучать ему, может неприятность случиться. Или уже отказаться от них? Плюнуть и забыть об этих несчастных десяти монахах, будь они прокляты! Хм, да разве можно деньгами бросаться? Вот задача-то! Эх, думай не думай, а для бедного монаха не все равно — получить или не получить десять монет. Нет, надо как-то их добыть. Ага, придумал, пашел зацепку. (*Стучит.*) Вы дома? Вот странно...

Прихожанин. Ах, это опять вы, отец настоятель? Забыли что-нибудь?

Монах. Вот странно, помню, что, когда я читал вам проповедь, на мне кэса была, помню, что я потом снял ее и положил, но куда она запропастилась, не знаю. Не оставил ли у вас?

Прихожанин. Право, не заметил. Давайте поищем.

Монах. Да она у меня приметная. Как-то раз я вернулся, не помню откуда, повесил ее на шест, а мышь на ней дырку прогрызла величиной с монетку, вроде тех десяти монеток, что бедному монаху то тут, то там всегда в виде подаяния дают. Увижу эту дырку величиной с монетку, какие монахам подают, думаю, надо непременно зашить, чтоб подаяния не лишиться, но до сих

пор так и не собрался. Если найдете мою кэса, пришлите, пожалуйста. Ну, я пошел.

Прихожанин. Нет, постойте...

Монах. Слушаюсь.

Прихожанин (*к зрителям*). Я ведь ему всегда подаю десять монет, а сегодня забыл и не подал, вот он под разными предлогами и возвращается. Послушайте, отец настоятель.

Монах. В чем дело?

Прихожанин. Виноват я! Совсем забыл про подношение, которое всегда даю вам. Получите его и отправляйтесь себе с миром.

Монах. Ах, вот вы что забыли.

Прихожанин. Да, совсем забыл.

Монах. О, какой вы честный человек! Но я сегодня вовсе и не собирался его получать, в другой раз все вместе отдадите. А сейчас я пойду.

Прихожанин. Нет, нет, если не дам вам подношения, на душе беспокойно будет. Обязательно возьмите.

Монах. И не уговаривайте, сегодня не возьму.

Прихожанин. Да почему же?

Монах. Я к вам раз, другой вернулся — то проповедь предложил, то вот кэса у вас забыл, а вы, может, подумали, что все это ради подношения? Сказал, не возьму, и не возьму.

Прихожанин. Да что вы, возьмите!

Монах. Нет, нет, пусть пока у вас останется.

Прихожанин. Да возьмите уж, пожалуйста. О, что я вижу! Ваша кэса нашлась?

Монах. Где? Ах, эта? Вот как получилось хорошо!

Прихожанин. Что хорошо?

Монах. Да видите, как только вы подаяние мне предложили, так и кэса нашлась.

Прихожанин. Кто этому поверит? Ну прощай, иди себе!

Монах. Ах, как нехорошо получилось! Куда деваться от стыда!

КОСТИ, КОЖА И ПОСЛУШНИК

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Настоятель.	
Послушник.	
Итибэй	} прихожане.
Дзиробэй	
Сабуробэй	

Настоятель. Я настоятель этого храма. Решил уйти от дел, отшельником стать, а храм передать послушнику. Эй, послушник.

Послушник. Что изволите?

Настоятель. Я ухажу на покой, а храм поручаю тебе. Господа прихожане пожалуют, будь с ними пообходительней да поласковей. И за храмом присматривай как положено.

Послушник. Не извольте беспокоиться.

Настоятель. Я буду в задних покоях жить, если что нужно будет, заходи, помогу.

Послушник. Слушаюсь, очень благодарен.

Итибэй (*к зрителям*). Я местный житель. Отправился я в путь, да, кажется, вот-вот хлынет дождь. Зайду, пожалуй, в храм, попрошу зонтик. Эй, есть ли кто в храме?

Послушник. Кто там?

Итибэй. Да это я. Кажется, дождь собирается, не дадите ли мне зонтик?

Послушник. Всего-навсего зонтик? Да берите! А знаете, ведь теперь этим храмом я ведаю.

Итибэй. Да что вы! Поздравляю, поздравляю.

Послушник. Вы уж нас не забывайте. Милости прошу сюда, как и раньше, заходить.

Итибэй. Да я всегда готов. Ну, доброго вам здоровья! (*Уходит.*)

Послушник. Пойду расскажу отшельнику. Можно к вам?

Настоятель. Что случилось?

Послушник. Сейчас господин Итибэй изволил заходить, зонтик просил. Я дал.

Настоятель. Разве ты не знаешь, что «для бонзы отдать единственный зонтик — значит последнего добра лишиться»? Если еще кто-нибудь обратится к тебе с подобной просьбой, отвечай, что, мол, вынесли зонтик на двор просушить, а тут поднялся ветер, бумага — в одну сторону, спицы — в другую, пришлось обмотать зонтик веревкой и подвесить к потолку. Скажи так и ничего не давай.

Послушник. Слушаюсь.

Дзиробэй (*к зрителям*). Я из здешних мест. Собрался в дальний путь, а коня у меня нет. Зайду в храм, попрошу на время коня да поеду верхом. Эй, есть ли кто тут?

Послушник. Кто там?

Дзиробэй. Это я. Хочу я съездить за ту гору, не дадите ли мне на время коня своего?

Послушник. Рад бы помочь, да, на беду, вывели мы его во двор просушить, а тут поднялся ветер, шкура — в одну сторону, кости — в другую, пришлось связать его веревкой и подвесить к потолку. Едва ли он вам пригодится.

Дзиробэй. Что? Коня подвесили?

Послушник. Да.

Дзиробэй. Тут уж ничего не поделаешь. Придется ни с чем домой идти. Прощайте! (*Уходит.*)

Послушник. Пожалуй, пойду расскажу наставнику своему. Святой отец, сейчас изволил заходить господин Дзиробэй, коня просил, а я ему ответил в точности, как вы приказывали, и коня не дал.

Настоятель. Да ведь я про зонтик говорил, а у тебя коня просили, — все перепутал!

Послушник. Как вы мне приказали, так я и сказал.

Настоятель. Вот что. Если кто-нибудь опять коня попросит, так скажи, вывели, мол, его на луг попасть, а он увидел кобылу, взбесился и до того дошел, что на ногах не стоит, пришлось его в конюшню загнать, и толку от него вам все равно не будет.

Послушник. А-а, ну теперь так и буду говорить.

Сабуробэй. Завтра день поминовения усопших. Зайду в храм, приглашу бонз к себе. Эй, есть ли кто в храме?

Послушник. Опять кто-то пришел. Кто там?

Сабуробэй. Это я. Завтра день поминовения усопших. Прошу святого старца и вас к себе на трапезу.

Послушник. Ах, вот оно что?.. Я-то приду, а старцу нельзя, Сабуробэй. А что с ним?

Послушник. Вывели его на днях на луг попасться, а он увидел кобылу, взбесился и до того дошел, что на ногах не держится, привязан в конюшне сейчас.

Сабуробэй. Как так? Святой старец — и из-за кобылы взбесился?

Послушник. Да. Так что одному мне придется к вам пойти.

Сабуробэй. Тогда вы один пожалуйста, буду ждать.

Послушник. Приду, приду.

Сабуробэй. Прощайте. *(Уходит.)*

Послушник. Пойду расскажу... Господин Сабуробэй изволил приходиться, завтра день поминовения, так звал он нас с вами к себе на трапезу.

Настоятель. Вот и прекрасно! Надеюсь, ты сказал, что надо?

Послушник. А как же. Так и ответил, я-то, мол, приду, а святого старца вывели на днях на луг попасться, а он увидел кобылу, взбесился и на ногах не стоит, пришлось его привязать в конюшне.

Настоятель. Да как ты мог сказать такое! Чтобы я бесился из-за кобылы!

Послушник. Ах, господин настоятель, ведь я же сказал так, как вы сами приказывали!

Настоятель. Когда я говорил такое о себе?

Послушник. А разве вам не приходилось из-за кобыл беситься?

Настоятель. Вы только посмотрите на этого негодяя! Сказать про монаха, что он взбесился из-за кобылы...

Послушник. Ах, учитель мой, будто я не видел, как вы к себе в келью прихожанок уводите...

Настоятель. Да ведь я водил их, чтобы они шили для меня, негодяй!

Послушник. Шьют они или не шьют, но только всякий раз слышу, как воркуете вы, словно два голубка, а из покоев выйдете — с обоих пот ручьем льет. Видел я, все видел.

Н а с т о я т е л ь. Ну и негодяй же ты, ну и проходимец!

П о с л у ш н и к. Ты что? Святой отец— так думаешь, я тебя испугаюсь?

Со словами: «А ну ударь!» — послушник и настоятель набрасываются друг на друга. Настоятель сбивает послушника с ног.

П о с л у ш н и к. Ах, ты так, ну держись! Вот тебе, вот тебе, негодяй, не уйдешь!.

МОЛЕНИЕ ОБ ИСЦЕЛЕНИИ ПОЯСНИЦЫ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Ямабуси.

Дед.

Слуга.

Ямабуси (*нараспев*). У отшельника-ямабуси ни гроша за душой, ходит он по дорогам да посвистывает, бродит да небылицы рассказывает. Почтеннейшая публика, перед вами ямабуси, уроженец Хагуросан, из провинции Дэва. Я выполнял свой обет в святых местах в горах Оминэ-Кадзураки и сейчас возвращаюсь на родину. Поспешу, пожалуй. Здесь поблизости живет мой дед. Давно мы с ним не виделись, хочу заглянуть к нему... Ямабуси — это тот, кто ночует в горах, кто обрек себя на жизнь, полную тяжелых испытаний. И коль соблюдает он обет свой, то даруется ему сила молитвой своей даже птицу, в небесах летящую, низвергать. Ну, вот я и пришел. Постучу. Эй, есть ли кто дома?

Слуга. Кто-то пришел. Кто это?

Ямабуси. Да это я.

Слуга. А-а, это вы, почтенный странник. Наконец-то нас вспомнили, давно мы с вами не виделись, но, благодарение Небу, вы, кажется, пребываете в добром здравии.

Ямабуси. Да, да. Но и у тебя, видать, тоже все благополучно. Это хорошо. А как мой почтенный дедушка поживает?

Слуга. О, все хорошо! Дня не пройдет, чтобы он о вас не вспомнил.

Ямабуси. Вот как? Ну, надо поскорей увидаться с ним. Передай, что я пришел.

Слуга. Сейчас доложу. А вы извольте здесь подождать. Послушайте, хозяин, почтенный странник пришел вас навестить.

Дед. Что говоришь? Погода сегодня хорошая?

Слуга. Да нет, какая там погода. Почтенный странник, говоря, пришел вас навестить.

Дед. Что ты там говоришь? Навестить пришли? Кто пришел? Совсем я стар стал, поясница болит, сил нет! Принеси-ка скамеечку.

Слуга. Слушаюсь. Вот вам скамеечка. Послушайте, хозяин, почтенный странник пришел вас навестить.

Дед. Что? А, почтенный странник пришел! Каким это ветром тебя занесло? (*Слуге.*) Почтенный странник сладости любит, принеси-ка сладостей!

Ямабуси. О, вижу, не забыли, каким я в детстве был. А я каждый год хожу по святым местам, в горы Оминэ-Кадзураки. Свободного времени ни минуты, потому до сих пор и не мог навестить вас. Эй, слуга Таро, когда это моего почтенного дедушку так скрючило? Неужели он всегда теперь такой?

Слуга. Все время так мучается. Просто не знаем, что делать. Так его согнуло, что смотреть тяжело.

Ямабуси. Еще бы! Трудно ему, бедному. Вот что, передай ему, что ныне я в себе большую силу чувствую и мои заклинания могут исцелить его.

Слуга. Слушаюсь. Хозяин, почтенный странник изволил сказать, что ему очень жаль вас. Но ныне он в себе большую силу чувствует, и его заклинания могут помочь вам.

Дед. Ну, если столь велика его сила, пусть попробует помолиться за меня.

Ямабуси. Хорошо. Сейчас принимаюсь за молитву и помогу его исцелению. Ямабуси — это тот, кто денно и ночью в горах пребывает, и за то он зовется отшельником-ямабуси. А под названием «токин» — то есть плат головной — лоскут материи в один сяку мы разумеем. Он в черный окрашен цвет, и, складки на нем заложив, голову им накрывают, за то и название «токин» получил он. А вот эти четки — вовсе не четки «ирадака», в четках «ирадака» бусинки все граненые, тесно одна к другой нанизаны. Если такой ямабуси, силы святой обладатель, прочтет за молитвой молитву, разве не случится тут чудо? Бороон, бороон! И-ро-ха-ни-о-а-то, бороон, бороон! Эй, слуга Таро, смотри, или это не чудо? Видишь? Чудо из чудес! Даже не верится.

Слуга. Чудо из чудес! Даже не верится.

Дед. Ой, слуга Таро, наконец-то я снова могу вверх смотреть и любоваться луной и звездами. Какое это счастье. О, какое счастье!

Слуга. Слышите, как ваш дедушка изволит радоваться?

Ямабуси. Еще бы, и мне самому это приятно.

Дед (*пробует нагнуться*). Эй, слуга Таро, что же это? Неужели я на всю жизнь таким останусь?

Ямабуси. Да, навсегда!

Дед. Да он что, смеется надо мной? Не могу я больше так оставаться. Эй, Таро, скажи ему, пусть он меня оставит таким, каким я прежде был.

Слуга. Почтенный странник, вы слышали, что ваш дед изволил сказать?

Ямабуси. Как не слышать. Уж очень сила во мне велика: перемолится я на этот раз. Попробую теперь сотворить молитву сзади него и поправить дело.

Дед. Молись же скорей!

Ямабуси. Сейчас приступаю. Если молитва твоя не услышана Небом, духом не падай. Твори за молитвой молитву, четки в руках перебирая, как молился наш учитель Эн-но-гёдзя. О, разве не будет тут чуда? Бороон, бороон... Ирис, что под мостом, кем же посажен этот ирис? Бороон, бороон...

Дед согнулся и не может выпрямиться.

Эх, перемолится.

Дед. Эй, передай страннику, что он не пожалеть меня пришел, а издеваться надо мной. Пусть сделает меня таким, каким я раньше был. Нет больше сил терпеть.

Ямабуси. Ах, слуга Таро, передай, что я опять перемолится. Уж больно велика во мне сейчас сила. Теперь я попробую помолиться перед ним, а ты стой сзади и оттягивай, чтобы его слишком вперед не перегнуло.

Слуга. Слушаюсь.

Ямабуси. Хотя и зловредна сия поясница, но неужели не будет чуда, если сотворю я молитву, взявшись рукой за веревку, которая из рук бога Мёо получена? Бороон, бороон, бороон...

Все трое поют и пляшут.

БОГ ДЗИДЗО ИЗ КАВАКАМИ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Слепой.
Его жена.

Слепой. Почтеннейшая публика, перед вами местный житель. Ни с того ни с сего у меня заболели глаза, и я ослеп. Вот горе какое приключилось. Говорят, будто бог Дзидзо из Каваками может любую просьбу исполнить, стоит только обратиться к нему с молитвой. Хочу я у него зрение себе вымолить. Эй, жена, дома ли ты?

Жена. Чего тебе?

Слепой. Сама знаешь, уж как ни лечил я свои глаза, а толку все никакого. Одна у меня надежда осталась — обратиться с молитвой к богам и буддам. Как ты на это смотришь?

Жена. Что ж, это дело хорошее.

Слепой. Люди говорят, бог Дзидзо из Каваками может любую просьбу исполнить, вот я и надумал уединиться на молитву на целую неделю, может быть, и прозрею.

Жена. Отчего не попытаться... Слепота твоя замучила меня, ни днем, ни ночью покоя не знаю.

Слепой. Да лучше умереть, чем слепым оставаться.

Жена. Тогда иди в храм и уединись там на целую неделю. А я тоже вместе с тобой уединюсь и хотя бы чаем буду подкреплять твои силы.

Слепой. Что ты, что ты, а за детьми кто присмотрит? Оставайся дома.

Жена. Твоя правда. Придется ради детей остаться дома.

Слепой. Я не задержусь. А пока отправлюсь в путь.

Жена. Да будет тебе удача, возвращайся зрячим, ждать тебя будем. Доброго пути! (*Уходит.*)

Слепой (*к зрителям*). Жена моя страсть какая ревнивая! Я думал, она меня и на день не отпустит от себя, а тут, вот удача, согласие дала, сама сказала: уединись. Поспешу и весь отдамся молитве. Конечно, если судьбой суждено остаться слепым, ничего не поделаешь. Но если это случайная болезнь, то уж, конечно, бог Дзидзо вернет мне зрение... А паломников-то сколько в храм идет!.. Ну вот, я и пришел. Поклонюсь. А теперь весь отдамся молитве... О, благодарение Небу! Только что было мне видение. Я прозрел! О милостивый Дзидзо! Какое же это счастье! Да бог Дзидзо куда больший чудотворец, чем люди о нем говорят. Слава богу Дзидзо! Благодарение Небу! Какое же это счастье! Теперь и жена моей желать больше нечего, и дети мои возрадуются.

Появляется жена.

Жена (*к зрителям*). Муж мой потерял зрение и сказал, что уединится на целую неделю в храме, будет молиться богу Дзидзо из Каваками. Но на сердце у меня что-то беспокойно. Пойду проведу его. Кто знает, может быть, он и прозрел по воле бога Дзидзо. Пойду, пожалуй.

Слепой. Куда это ты?

Жена. Да вот забеспокоилась и решила тебя проведать.

Слепой. И хорошо сделала. Взгляни-ка на меня, ведь я прозрел! Отныне я вижу даже лучше, чем прежде.

Жена. Какая удача, какая радость! О, благодарение Небу!

Слепой. Ах, было мне чудесное видение от самого бога Дзидзо, и вот я прозрел.

Жена. Мне передавали, что ты почти целую неделю ничего не ел. Я-то думала, бедный мой, наверно, исхудал, ослаб, на ногах не держится. Но, страшное дело, вид у тебя цветущий, как никогда, и вообще что-то уж слишком бодрый. Непонятно, с чего бы это.

Слепой. Ах, все это из-за моих глаз. Как только прозрел, так и сам не знаю, откуда силы взялись. Да ведь у меня всегда цветущий вид.

Жена. Нет, это неспроста.

Слепой. Ясное дело, неспроста, ведь на то воля бога Дзидзо была.

Жена. Эх, ты думаешь, я не догадываюсь? Несчастный, и до меня слухи дошли! Знаю я, кто приходил к тебе с вином и всякой всячиной.

Слепой. Да кто же, кроме тебя, мог меня навестить? Что ты городишь!

Жена. Берегись. Тебе не впервой обманывать меня. Знаю я, все знаю. Негодяй! Берегись теперь!

Слепой. Какая же ты безрассудная женщина! Клянусь богом войны Хатиманом, никого, кроме тебя, нет у меня на сердце.

Жена. Пустые клятвы твои. Откроешь ты мне всю правду или нет?

Слепой. Пстой! Я снова слепну! Горе мне!

Жена. Не ври, и раньше видел, и сейчас видишь, все это один обман!

Слепой. Нет никакого обмана. Горе мне! Правда это, слепну.

Жена. Что там у тебя ослепло? Берегись же! Где там у тебя ослепло?

Слепой. Темно, ничего не вижу. Пощади!

Жена. Куда ты... Не уйдешь!

Слепой. Пощади, пощади!

НОЧНАЯ ПЕСНЯ ПОГОНЩИКА ЁСАКУ ИЗ ТАМБА

Фрагменты

Пьеса состоит из трех действий. В данном переводе сохранена структура подлинника: действующие лица не обозначены.

Княжеская дочь Сирабэ едет в Эдо, в семью своего жениха, под надзором самураев и своей кормилицы — дамы Сигэнои. Кормилица выбиралась дворянского рода и занимала важное место в княжеской свите. Но Сирабэ ехать в Эдо не хочет, и своевольную девочку никак не удастся уговорить. Одна из служанок советует призвать мальчика-погонщика. Он играет с другими погонщиками в очень забавную игру — сугороку. На земле разостлана карта знаменитой Хокайдоской дороги, где обозначены все пятьдесят две почтовых станции. Игроки бросают кости, каждый стремится первым достигнуть конечной станции — города Эдо; название каждой станции превращено в веселый каламбур. Услышав, что на Токайдоской дороге можно увидеть много интересного, княжна соглашается ехать. Мальчика, по прозванию Санкити Дикарь, зовут во дворец. Происходит сцена узнавания, он — сын кормилицы Сигэнои. Мать колеблется между чувством долга к своей воспитаннице — княжеской дочери и любовью к сыну. В конце концов мальчик отвергнут. Во втором действии завязывается новый узел: где же опальный самурай Ёсаку, отец мальчика? Он упал на самое дно, стал погонщиком на большой дороге, завязтым игроком. Его любит служанка из придорожной харчевни — девушка Коман, прекрас-

ная, добрая, наделенная талантами: она чудесно танцует. Отец ее, бедный крестьянин, не внес недоимки, его должны бросить в страшную «водяную темницу». Коман собирает деньги, чтобы выкупить отца. Но Ёсаку проигрался в пух и прах, да еще и задолжал целый золотой червонец. Он уговорил известного буяна Шмеля Хатидзо поручиться за него под залог лошади. Шмель Хатидзо предлагает Ёсаку отыгаться, и тот проигрывает еще и хозяйского коня. Следует драка на большой дороге между Ёсаку и Хатидзо. В отчаянии Коман отдает «цену жизни отца» — все свои деньги.

Появляется свадебный поезд, с ним идет Санкити Дикарь. Мальчик любит Ёсаку только за то, что он носит имя его отца. Это и есть потерянный отец мальчика. Оба не узнают друг друга, но мальчик «смутно чувствует сыновнюю любовь». Ёсаку просит мальчика украсть у княжны кошелек, это спасет его и Коман. Мальчик согласен, но раньше снимает с груди заветный амулет, подаренный ему матерью, и отдает на сохранение Коман. Ему удается выкрасть кошелек, но он попадаетсся. Кормилица вымаливает ему прощение. Шмель Хатидзо, крича, что мальчишка опозорил погонщиков, бьет его. В Санкити проснулась самурайская кровь, он убивает Хатидзо и подлежит казни. Ёсаку и Коман открывают амулет и находят подлинное имя ребенка, он — брошенный в трехлетнем возрасте сын Ёсаку.

Ёсаку и Коман решают покончить с собой еще до рассвета, когда должны казнить маленького Санкити. Третье действие начинается с «песни странствия» — мигиюки. Любящие идут в свой последний путь «по дороге сновидений». Но у пьесы счастливая развязка. Кормилица Сигэнои созналась во всем княжне и просила ее о заступничестве. Свадебную поездку ничем омрачать нельзя: все прощены. Ёсаку снова самурай, семья воссоединилась, а Коман, получив большую награду, танцует перед княжной...

ИЗ ПЕРВОГО ДЕЙСТВИЯ

Одно зерно,
Рожденное от князя,
Приносит тысячи отборных зереп риса
И рассыпает вокруг себя дары
Несчетные...

Оно еще незримо
Таится в материнском чреве,
А уж десятки тысяч
Покорных и почтительных вассалов,
Смирненно лбы склоняя до земли,

Бьют в барабаны лести
И щелкают в восторге языками.

У князя Юруги,
Властителя замка в Тамба,
Там, в отдаленной округе,
Дочь родилась Сирабэ
От служанки,
Гревшей воду для чая...
Дитя кипящей любви,
Милости, пролитой случайно,
Как угодно было судьбе.

А теперь Сирабэ,
Тонкая, гибкая,
Словно стебель цветка, поднялась
И, хоть нет ей еще десяти,
Шуршит шелками
Придворного платья.
Длинные волосы перехвачены
Золоченым шнуром
Для первой прически.
Не отвести восхищенных глаз!

Ей предстоит далекий путь — в Эдó,
Путь из родной столицы
На Восток.
Она просватапа
В высокородный дом
Владельца князя Ирумá;
Сначала станет дочерью приемной,
Потом женою княжеского сына.
Князя берут
Свою невестку в дом
Еще не распутившимся цветком.

.
Веселые в разгаре сборы!
Кормилица и юная невеста
Проходят в глубь дворца.
Погонщик Санкити один. Он бродит
По комнате,
Бросая беглый взгляд
На золотые расписные ширмы:
Таких он в жизни не видал.

И ноги мальчика,
Привыкшие к камням,
К рогоже грубой,
Точно по льду,
Скользят по гладким дорогим циночкам,
Плетеным в Бинго...

— Э-э! У этой комнаты пол такой скользкий, что, того и гляди, растянешься. Нет, домишко, где я живу, куда лучше! Болтают: «Ах, дворец! Ах, княжеские покои!» Да, по мне, постоянный двор куда покойнее, — бормочет мальчик.

Вошла кормилица,
В ее руках поднос:
Большая крышка от ларца,
Красиво
Застеленная белой бумагой,
А сверху груды лакомств.

— Ну как, Санкити Дикарь, ты еще здесь? О-о, я вижу, что ты неглупый мальчуган! О-химэсама теперь разохотилась ехать, за была про свои причуды. «Скорее едем в Эдо! Скорее едем в Эдо!» — вот как она изволит говорить. А все оттого, что выиграла в сугороку.

И светлейшие родители ее довольны, очень довольны. Эти сладости посылает тебе сама госпожа супруга князя, прими их с должной благодарностью. А вот тебе и три связки денежек: в каждой по сто медных мснов. Купи себе всего, чего тебе только захочется.

Ведь ты — погонщик
И пойдешь пешком
Вплоть до Эдо. Дорога нелегка!
Так если кто-нибудь тебя обидит
Или понадобится что-нибудь,
Скажи, что хочешь повидать меня.
Я еду в свите юной госпожи,
Как главная наставница. Ты понял?
Зовут меня — запомни! —
Си-гэ-но-и!

Вдруг Санкити
Стал белым как бумага
И задрожал.
Молчит.

Во все глаза
Он смотрит на кормилицу. Но та,
Не замечая, продолжает:
— Право,
Чем больше на тебя смотрю, мой мальчик,
Тем ты мне больше нравишься.
Наверно,
Твои родители больны, несчастны,
Дошли до крайней нищеты... Иначе
Зачем — еще малыш — ты стал бы
Простым погонщиком?

Но Санкити молчит.
Он только смотрит.
Он словно весь окаменел. Язык
Его не слушается.
Наконец:

— Вы... Вы та самая Сигэнои?.. Вы кормилица молодой госпожи и служите во дворце князя Юруги?..

Так знайте: вы —
Моя родная мать!

И он — стремглав —
Бросается к кормилице и хочет
Ее обнять...

— Прочь! Прочь! Да что с тобой? Это еще что за выдумки?
Какая я тебе мать? У меня нет сыновей-погонщиков! —

Она отталкивает мальчика. А он
Опять цепляется за платье Сигэнои.
Она рванулась прочь,
Но Санкити прильнул
К ней головой,
Руками крепко обнял
И, задыхаясь, говорит:

— Зачем я стану лгать? Мой отец был твоим мужем. Он служил в этом доме... Самурай, настоящий самурай!

А имя моего отца Датэ-но Ёсáку. Я его сын. Это ты, ты меня родила! Ёносукэ — вот кто я на самом деле! Я знаю, мой отец не угодил князю

И должен был уйти из здешних мест.
Когда в последний раз
Отца я видел,
Всего три года было мне, но я
Его немного помню...

Вот что говорила мне старуха, которая присматривала за мною в деревне Куцукакэ: «Я воспитала тебя. Надеюсь, что ты найдешь своего отца... Мало, мало на это надежды!

Но ты можешь найти свою мать. Ее зовут Сигэнои. Она кормилица в доме у князя Юруги.

Вот покажи ей мешочек для амулета. Она своими руками сшила его для тебя: уж она-то должна будет узнать свое рукоделие!»

Так говорила много раз старуха.
Когда же мне исполнилось пять лет,
Она, жестоким кашлем мучась,
Пошла на праздник храмовой в Тобá,
Там в горле у нее застряло мóти,
Она и померла.
Чужие люди
Меня в деревне приютили.
Я выучился погонять коней...

Вот я и работаю на хозяина конного двора на станции Исибэ в Оми.

Взгляни на этот вышитый мешочек
Для амулета! Узнаешь его?
Нет! Я не лгу!
Молчишь?..
Теперь ты поняла?
Да! Я твой сын!
Мне ничего не нужно..
Я одного хочу: пайти отца!
Найти отца мне помоги. Хотя бы
Один денек — втроем — побудем вместе!
Ты знаешь, я умею из соломы
Плести сандалии.
Я прокормлю тебя.
Я прокормлю отца.
Найдем его!
С моим отцом должна ты помириться! —
И, плача, он хватается за платье

Кормилицы. Она потрясена.
Как? Этот маленький погонщик,
Похожий на косматого зверька,
Он — сын ее? Давно пропавший сын!
Возможно ль это! Вглядываясь, ищет
Знакомые черты в его чертах...
Глядит — и начинает узнавать,
Да! Это он! Конечно, это он!
Вот и свидетельство прямое:
Мешочек, вышитый ее рукой.

Ей страстно хочется обнять ребенка,
Прижать к груди...
Но честь?.. Но стыд?..

«Нет, главное на этом свете — долг,
Позор моей семьи пабросит тень
На имя юной госпожи.
Что ж, обмануть его и поборанить?
Нет-нет!..
Прогнать его?
Но я не в силах!
О, как мне хочется обнять его,
Хоть на мгновенье
Тайком прижать его к своей груди.
Ах, что же делать мне?»

О, радуга скорбей!
О, слезы тысячи печалей!
О, слезы, красные и голубые,
Бегущие
Из безутешных глаз...
И Сигэнои,
Упав, захлебывается в слезах.

Вот-вот, рыдая, чувств она липится.
Но... надо с мыслями собраться: «Нет!

Нет сомненья, он — мой сын. Мне кажется, Сапкити очень умный мальчик. Если я попытаюсь его обмануть, он все равно мне не поверит.

И он не должен презирать меня, его родную мать, как женщину с низким сердцем: это было бы слишком ужасно!

Да! Я открою ему всю истину. Я заставлю его понять мое положение... его положение...

Он все поймет! И лишь тогда я отошлю его!»

И Сигэной
Слезы осушила
И твердым голосом зовет:
— Ёпосукэ!
Пойди ко мне! —
И за руки его
Она берет:

— О-о! Как же ты вырос! Ты уже совсем взрослый. Ты сможешь все понять.

Ах, почему, почему тебя не так воспитали, как подобает сыну знатного самурая? Лицо твое почернело от солнца. Твои прекрасные волосы висят лохмами. А руки? А ноги? Они грубее, чем у дикой обезьяны. Я гляжу на тебя — и не узнаю. В тебе ничего не осталось от прежнего... Даже руки не те, даже ноги не те!..

О, недаром говорится: «Воспитание важнее знатного рода!»

И Сигэной снова
Надрывно плачет.
— Слушай и пойми!
Хоть я и родила тебя, но ты
Теперь не сын мне.
Я тебе не мать!

Пойми, я говорю это не потому, что ты стал Санкити Дикарем.

Я все, все тебе расскажу. Это было давно-давно. Я и тогда была на службе у благородной супруги князя.

А твой отец — Ёсаку — был слугой
В покоях женских...
Волнуемые ветром страсти,
Мы, словно молодые деревца,
Сплетались,
Обнимались...
А ночь одна
Звала другую ночь...
Свиданья становились чаще...

Я потеряла в комнате для слуг
Любовное письмо.

Начальник стражи
 Нашел его и поднял.
 Прочел... донес...
 О, ты не знаешь,
 Какая строгость в княжеских дворцах!
 А в нашем замке
 Обычай был особенно суров.
 Высокие вассалы собрались
 И вынесли решение: обоим
 Виновным — смерть!
 Позор и казнь!
 Но госпожа моя молила князя
 Простить меня...
 Так госпожа меня любила,
 Что предлагала жизнь свою —
 Взамен моей!
 Да! Милосердью князя нет границ!
 Нам жизнь дарована была...
 И мало этого —
 Был найден выход:
 Нас объявили мужем и женой.
 Отец твой — самурай Ёсаку,
 Упав так низко,
 Стал понемногу снова подниматься
 По лестнице чинов.
 Он стал главою слуг,
 Распорядителем хозяйства в замке.
 Ему большой назначили оклад,
 На зависть прочим,—
 Тысячу и триста
 Мешков с отборным рисом.
 Пойми же, если я еще жива
 И головы отец твой не лишился,
 То живы мы по милосердью князя!
 И если князь умрет,
 Наш долг — последовать за ним.
 Вспороть себе живот и умереть.
 Теперь ты понял силу долга
 И благодарности?..

 Тем временем я родила тебя.
 У князя дочка родилась,
 О-химэсама,
 И госпожа в знак милости своей

Кормилицей назначила меня!
Ах, если бы судьба и дальше
К нам оставалась благосклонной,
Теперь ты был бы сыном самурая
И, гордый милостью господ,
Ты никому из сверстников своих
Не стал бы уступать дорогу!
Но, на свою беду, на наше горе,
Отец твой послан был в Эдо
По делу службы...
Там он повадился
Ходить в квартал любви,
Вконец запутался и погубил
Ему порученное дело.
Князь приказал ему: умри!
Ты знаешь сам: для самурая
Последний долг и выход —
Харакири.

Но если самурай взрежет себе живот, тогда его вдова опозорена, она не может служить во дворце. Все женщины в доме говорили госпоже: опасно менять кормилицу! Если о-химэсаму сейчас отнять от груди, она заболит, она зачахнет...

И вот ради меня твоему отцу снова даровали жизнь. Но его лишили должности, отняли жалованье... прогнали его!

О, если бы я тогда ушла вместе с ним из дворца, долг любящей жены был бы исполнен. Но обречь доверенного мне ребенка на болезнь и страдания... Нет, нет! Немыслимо, невозможно! Как я могла уйти с твоим отцом? Ведь ему даровали жизнь только ради того, чтобы я осталась главной кормилицей при моей маленькой госпоже!

«Кто и в каком рождении сможет возблагодарить этот дом за все его благодеяния? — так говорил твой отец, расставаясь со мною. — Останься здесь — и заплати долг благодарности за дважды дарованную мне жизнь!»

И вот — по слову твоего отца — поставила я верность княжескому дому превыше всего... выше верности мужу...

И мы, рыдая, разошлись навек.

Ты еще мальчик. Но должен понять: ты сын провинившегося человека, опального самурая. Я за тебя страшусь! Никому не говори, что твой отец — Датэ-но Ёсаку!

А теперь... скорее уходи за ворота. Мы слишком замешкались. Время не ждет...

А-а-а!..

Какая кара тяготее надо мной?
Мой сын — погонщик на большой дороге,
Мой муж — он скрылся от людей
Неведомо куда!
Какая радость в том,
Что я пошу богатые одежды?
Что слуги и служанки,
Почтительно склоняясь, говорят мне:
«Мы повинемся»?
Что путешествую я в пышном паланкине?
К чему все это?..

И она не в силах
Рыданий удержать,

Ёносукэ
За свой короткий век немало видел
И много пережил. Чем глубже
Он понимает мать,
Тем горше плачет.

— Твой печальный рассказ...
Его я услышал и понял.
Но старуха всегда повторяла:
«Санкити, помни:
Грудь матери твоей породнила
Тебя и дочь
Всесильного князя.
Если сумеешь,
Найди свою матушку — Сигэнои,—
Знай, и отец твой тогда
Честь свою восстановит.
Ты должен князя молить
Отцу твоему даровать прощенье»,—
Так говорила старуха,
Меня воспитавшая.

— Тише!
Молчи, молчи!
Все это тяжкий грех! —
И Сигэнои
Рот ему зажала.—

Не смей никому говорить, что ты ее молочный брат! О-химэсама едет в Эдо.

Знатнейший князь
Ее в невесты прочит сыну,
Наследнику прославленного рода.

Пойми: добрая слава девушки — превыше всего. Честь девушки драгоценна. Ведь о-химэсама едет в чужой дом, к чужим людям. Что они скажут?

«Погонщик Санкити — ее молочный брат?
Вот новости!» И они смеяться будут.

На ее доброе имя падет пятно. А это может помешать ее замужеству. Кажется, пустяк, а какое серьезное дело!

Плотина рушится
От норки муравья!

Но... мы все шепчемся и шепчемся. Нас могут подслушать!

Сюда сейчас придут. Ты слышишь шум?..
Беги! Беги скорей!

Но Санкити ей возражает:
— А, матушка! Уж слишком ты робка.
Всего боишься: «Нас услышат! Нас
Осудят!»
Ты на дверь косишься взглядом...
Нет! Князя надо умолить!
Пойди к нему. Скажи, что ты нашла
Родного сына! Милости проси!

— О, значит, ты меня совсем не понял!
Чего ты требуешь?
Чего ты просишь?

Разве может мать
Позабыть сына?
Разве может жена
Позабыть мужа?
О пет! И все же
Долг — превыше всего,
О, непонятливый!
О, бестолковый!

А между тем из внутренних покоев
Несутся возгласы:
— Где Сигэнои?
— Где старшая кормилица? Ее
О-химэсама требует!

— Ты слышишь?
Скорее уходи!

Она в испуге
Толкает сына к двери. Санкити
Заплакал в три ручья.
Его глаза
От слез совсем запухли.

Сандалии свои он поднимает,
Засовывает их за пояс. К двери
Уныло он бредет. Его спина
Понуро сгорбилась...

И сердце Сигэнои
Не в силах выдержать:

— Эй, послушай, Санкити! Ёпосукэ! Вернись сюда на минуту!

Смотри, будь осторожен
На трудных горных перевалах,
На трудных переправах через реки.

Если в дороге тебя захватит дождь, сильный ветер, снежная буря,
ты притворись, что болен, отдохни два-три дня. В дороге не ешь
ничего вредного. Остерегайся лихорадки. Смотри, корью не захво-
рай. У тебя такой жалкий вид. Не могу смотреть на тебя! Душа
надрывается... За какую вину выпала тебе такая доля! Нищий,
отверженный... А ведь ты должен был наследовать отцовское
жалованье — тысячу триста мешков риса. Бедный мой сын!

...Она рыдает.
Ничком она упала на ступени
Высокого крыльца, приподнялась,
Достала из-за пазухи кошель
И высыпала тридцать золотых.
Потом монеты завернула
В платок из шелкового крепа.

— На, возьми,—
Протягивает сверток сыну,—
Возьми — и спрячь на крайний случай!
— Нет! —
Мальчик в гневе обернулся.

— Нет! Раз ты не мать мне, а я тебе не сын, так и нечего обо мне заботиться! Заболею я или умру — тебе-то что за дело? Я не возьму от тебя и одного медного гроша!

Я простой побродяжка, и копец! И вся недолга! А мой отец — Датэ-но Ёсаку — опозоренный, разжалованный самурай. Зачем я стану брать деньги от чужой женщины? Чужой, совсем чужой...

А, бессовестная! А, бессердечная! Ты еще пожалеешь о своей жестокости!

И он не может слезы удержать.
Увидя, как он плачет, Сигэнои
Готова потерять сознание. Все же
В последний раз пытается она
Разгневанного сына образумить:

— О, пойми! Пойми же! Если бы я не думала о моей юной госпоже... Ах, ведь я ее, как и тебя, вскормила своей грудью! И о милостях этого дома... и о своем долге... разве я прогнала бы свое единственное дитя?

О, как тяжело,
Как грустно в княжеском дворце служить! —
Она рыдает горько...

В этот миг
Во внутренних покоях суматоха
И голоса:
«Пора! Мы отбываем!
Все в сборе!
Поднимают паланкины
И строятся в процессию!
Скорее!
О-химэсама села в паланкип!
За нею вслед поедет Сигэнои!
Да где ж она? Куда ж она девалась?»
Начальник шествия
Выходит из дворца,
И, овладев собою,
Сигэнои
Небрежно говорит ему:
— Да, вот что!

Пускай этот мальчик-погонщик пойдет вслед за моим паланкином. Он будет и в дороге забавлять юную госпожу. Пусть он затянет песню!

— Повинуюсь! —
Кормилице надсмотрщик отвечает.—
Что ж, это можно! Эй, Дикарь!
А ну-ка, песню затяни! Смотрите,
С чего бы он?
О чем мальчишка воет?
Нет, это не к добру! Как смеешь ты
Слезами портить час отъезда? Ну!
Молчи! Довольно выть!
Что? Все еще реवेशь? Так получай! —
И кулаком его с размаху бьет
По скулам.— Пой!

И Санкити — сквозь слезы —
Поет:

«Солнце горит, горит
Над горой Судзукá,
А над «Горой встреч»
Облака, облака
Плачут о нашем горе».

Но упрямей, чем дождь осенний,
Льются слезы
Матери... сына...
Где укрыться
От ливня скорбей?
Горе темною тучей нависло,

ИЗ ВТОРОГО ДЕЙСТВИЯ

Когда случается, что князь
В гостинице задержится, охрана
Всю ночь не дремлет.
И о-хймэсама,
Дочь князя,
Охраняется надежно.
Проходит с гулкой колотушкой сторож,
Отстукивая время.

Девять
Ударов — скоро полночь...
Тишина...
Потом опять проходит сторож.
Восемь
Ударов...

О, неразумное сердце ребенка!
Как ловко все удалось!
Никто не заметил!
Удача! Удача!
Сжимая в руках
Парчовый кошель,
Из ворот выбегает
Санкити, не помня себя
От восторга.
Ему не до сторожа.
Он колотушки не слышит.
Бежит. Бежит, задыхаясь,
Стремглав.
Но сторож увидел
И бросился следом —
В погоню!

...Мальчик
Заметил. Заметался.
На замке
Все двери.
Негде спрятаться.
Юркнул
В знакомые ворота.
В паланкин!
Дверь запирает изнутри.
Ложится,
В комок свернувшись, на полу...
Но сторож
Увидел все!
Он подбегает,
Нажал на дверцу,
Поднял занавеску.

— Я-а! Вот ты где! И кошелек с деньгами в руках! Эй, люди! Вор! Вор! Держите! Маленький погонщик Санкити своровал кошелек с золотом! Эй! Эй! Все идите сюда!..

Так он вопит.
Бедняга Санкити
Попал, как мышка в мышеловку,
В ловушку, что из этой тесной жизни
Ввергает в преисподнюю.

На крик
Сбегаются все слуги, все служанки,
Охрана с палками,
Большие самураи
Из свиты юной госпожи, другие
Проезжие, разбуженные криком
И суматохой.
Тащат паланкин
На середину улицы. Приносят
Шесты с подвешенными фонарями.
Является начальник стражи.

— Отчего тревога? Всех на ноги подняли из-за мальчишки!
Вытащите его из паланкина!

— Мы повинемся! —
И стражники проворно
Распахивают дверцы паланкина.
— Ну! Выходи! —
Но Санкити молчит.
Они его вытаскивают грубо
За маленькие руки.

— Вот вам деньги,
Что я украл!
Вот кошелек, начальник!
Возьмите! —
Санкити глядит кругом,
Наморщив брови
И сверкая дико
Глазами.

— Хо! Да он совсем ребенок!
Не мог же он один
Устроить кражу? Что-то не похоже!
Найти его сообщников!
Всех-всех
Погонщиков собрать сюда!

— Приказ
Немедленно исполнен будет! — Стражи
В соседние гостиницы бегут.
Сзывают всех погонщиков. Ведут
И Хатидзо Шмеля,
Хоть вдребезги он пьяный...

Шатаясь, Шмель гудит:

— А где он, вор?

Ха! Ты, чертенок?

Опозорил нас,

Погонщиков!

В тюрьму его!

Казнить!

Распятъ его! Распятъ! —

И он с размаха

Бьет Санкити ногою в спину.

Мальчик

Летит на землю кувырком. Разбил

Он лоб о камень.

Кровь струей пурпурной

Окрасила лицо.

Но дикий дух

В его груди еще не укрощен!

Он на ноги вскочил:

— Как! Ты посмел

Меня пинать ногою? Погоди,

Проклятый Шмель!

Тебе я ноги-руки

Пооборву!..

Он хочет броситься на Хатидзо.

Его удерживают силой.

Старший

Брапит Шмеля:

— Как, негодяй, ты смел

При нас, при самураях, бить ребенка,

Пинать ногами?

Грязная скотина!

Ответишь ты за буйство!

Санкити

Опять рванулся.

— Он меня ногою

Ударил! Негодяй!

А я-то думал,
Никто из пизкой черни не посмеет
Меня ударить!..

И не только ногою пнуть, но даже мечом зарубить не посмеет!
А теперь у меня на лице позорные рубцы!

Нет-нет! Я отомщу тебе, проклятый!
Пусть голову мне отсекут!
Но раньше
Зубами в морду я тебе вцеплюсь!
Месть Дикаря узнаешь! —
Слезы гнева
Из глаз его ручьями полились.
Такая ярость в этом юном сердце,
Что волосы
Невольно встали дыбом
У всех, кто это видит...

Сигэной,
Разбуженная шумом,
Из дома выбегает посмотреть,
Что за беда стряслась.
И видит сына,
Толпу погонщиков и стражу,
Узнает,
Что сын украл...
Она теряет силы
От страшной вести
Может только плакать!
Ах, если все откроется, к чему
Ее старанья тайну сохранить?
Что, если слух пройдет:
«Молочный брат княжны —
Простой погонщик,
Да к тому же — вор!»
Досада, жалость, ужас, гнев, любовь
Ее терзают.
— О, какое горе!

Ах, неблагодарный! А я-то о тебе так заботилась с самого нашего отъезда! Все мои хлопоты о тебе пропали впустую. Ты совершил ужасное преступление. А мне казалось, что в твоих жилах течет благородная кровь!

О, как жаль, как жаль, что тебя так дурно воспитали. Ты так испорчен! Видно, оттого твои родители и не хотят тебя узнавать. Оттого и стал ты простым погонщиком!

Я тоже знаю, что такое — иметь дитя. А сердце матери всегда одинаково. Если бы твоя мать узнала, что ты сделал, ну как ты думаешь, прибежала бы она сюда спасать тебя, даже если она готова броситься в огонь и воду для твоего спасения? Пусть со стороны кому-нибудь и кажется, что мать равнодушно позволяет погибнуть своему ребенку. Но разве — в глубине души — она не взывает к богам и буддам, моля сохранить твою жизнь?

Но ребенок твоих лет не мог сам пойти на такое преступление. Кто приказал тебе украсть? Быть может, твой отец, впавший в нищету? Или кто-нибудь чужой?

О, я представляю себе, что сейчас творится на сердце у твоей матери! Мы с тобой эти дни так подружились в дороге. Да, я хочу спасти тебе жизнь. Если б только на доброе имя моей юной госпожи не упало позорное пятно, я была бы готова сказать, что ты мой сын, что ты ее молочный брат, лишь бы спасти тебе жизнь. Ну, отчего ты молчишь? Скажи хоть что-нибудь в свое оправдание!

Из глубины души,
Из самых недр
Тоскующего сердца
Льются слезы
Несчастной матери.
Ее рыдания
Как будто умоляют всех понять,
Что перед ними — сын...
Что перед сыном — мать...
Но мудрено им догадаться!

И Санкити Дикарь
Пытливо смотрит
В лицо несчастной матери — и вновь
К земле глаза он опускает... Слезы
Ему сжимаю горло...
Он молчит...
И наконец:

— Послушай, госпожа кормилица! Я один, один пустился на это позорное воровство. Да и чего же ждать от простого мальчишки-погонщика?

Я никого не стыжусь. Но перед тобой мне стыдно. Вот ты спрашиваешь меня: не ради ли моего отца я украл? Жестокие

слова! Поверь, будь у меня отец, не пришлось бы мне лошадей гопать. Но я не знаю, есть ли у меня отец. Хоть краем глаза взглянуть бы на него!..

Правда, у меня есть мать, но она боязлива, как все женщины... И она служит в знатном доме. Мы теперь чужие друг другу.

К чему мне оправдываться? Все равно: теперь я заслужил кличку «вор»! Меня опозорили перед целым светом.

Я никогда не посмею взглянуть в глаза моему отцу! Я молю, убейте меня! Скорее убейте меня!

Когда ты так говоришь со мной и жалеешь меня, я теряю мужество. Еще немного — и я не захочу умирать.

Отойди от меня. Вернись в гостиницу для знатных людей. Я не хочу больше видеть твоего лица!..

Он прижимает оба рукава
К своим глазам
И плачет...
Сколько силы
В его мятежном сердце!..

Сигэной
Совсем теряет разум:
— Умоляю!
О, будьте милосердны!
Пощадите
Воришку... мальчика!..
Я, Сигэной,
Готова жизнью поручиться
За этого несчастного ребенка!

Она рыдает в голос,
Позабыв,
Что самураи смотрят на нее
И слушают...
Она ломает руки
И падает без сил
Ничком на землю...
Тут старший из вассалов — Хонда
Ядзаэмон — выходит из дверей:
— Мне доложили
О происшествии!
И я постановляю:

Поскольку украденная вещь была возвращена, а главное, поскольку мы находимся в пути, следовательно, в чужих владениях, — считать, что столь ничтожное дело не требует судебного разбирательства.

Дарую жизнь тебе.
Вставай — и уходи! —
Он поднимает Санкити с земли
И ставит на ноги.
Но дикий мальчуган
По-прежнему глубоко безутешен:
— Так опозорить
И потом простить?

Как же мне жить теперь? Нет-нет, если у тебя в сердце есть страдание, вели казнить меня! А лучше — убей меня сам, своим мечом!

Он снова падает на землю.
Старый Хонда
Разгневан.

— Ах ты, маленький наглец! Ни в старых, ни в новых законах — нигде не сказано, чтобы карали смертью за такой ничтожный проступок.

Вставай, ну! И проваливай отсюда!

Но Санкити упрям:
— Так вы насильно,
Жестокие,
Мне навязать хотите
Поруганную жизнь?..
О, о! Теперь
Я знаю, что мне делать!

Санкити вдруг вскакивает на ноги. — Я-а!
Ты, подлый Хатидзо!
Меня ногами,
Как червяка, топтал!
Оставил знак
Позорный на моем лице! А я —
Сын самурая. Каждый самурай,
Когда он опозорен, умирает.
Мои слова ты слышал —
И не понял?

Не кончив говорить,
Одним рывком
Короткий меч,
Отточенный, как бритва,
Из ножен выхватив,
Вдруг
Санкити
Бросается к Шмелю —
И быстрым взмахом
Ему перерубает шею!

Взмах —
Как молния удар!
И голова
Слетела с плеч.

«Убийство! Стой!» —
Все разом вскрикнули.
Его хватают.
«Пощады не проси!»
Десяток рук
Веревкой скручивают малыша,
Сам Хонда потрясен.
Он объявляет:

— Да! Приходится сдать его с рук на руки старосте этого селения. Послать его под стражей в здешнюю управу!

Ну что ж ты сел на землю? Встань!

И стражи
Убийцу маленького поднимают
И ставят на ноги.

Мать — Сигэнои, —
Теряя разум,
Может только плакать.
Она понять не в силах, что стряслось,
И только повторяет:

— Я еще никогда, никогда не слышала, чтобы в такое время... в такое время, когда свадьба готовится... кого-нибудь веревкой связывали... бросали в тюрьму... Я еще никогда...

Гостиницы,
Где сном глубоким спит
О-химэсама
Со своею свитой.

.

ИЗ ТРЕТЬЕГО ДЕЙСТВИЯ

СТРАНСТВИЕ ПО ДОРОГЕ СНОВИДЕНИЙ

Эй, Ёсаку из Тамба!
Ты погонщиком был,
А теперь от погони
Сам бежишь, словно конь,
Озираясь пугливо
Средь далеких лугов!

Средь далеких лугов
Звучало
Имя твое — Ёсаку, Ёсаку из Тамба!
Там, бывало,
Про тебя пели птицы,
А теперь...
Даже маленькая трясогузка,
Любви обучившая богов,
В мертвой траве,
В осенней траве
Замолчала.

Сквозь ночной осенний мрак
Погоняй коня, Ёсаку,
Колокольцами звеня!
Но-о!.. Корэ-корэ!..
«Только вспомню тебя, Ёсаку,
На луга туман упадет».

О, не твои ли слезы, Коман,
Пролились печальным дождем?

Но-о!.. Корэ-корэ!..

Путь не близкий.
Надо коня покормить.
Мы оставим сухую траву
И камыш
С кровли хижины низкой
Про запас,
На прокорм коню...
Пусть не знает
Он голода утром,
В час,
Когда нас не будет на свете...
Ах, как скоро вянет трава!

Как эта трава луговая,
Мы увянуть должны
На рассвете,
Под звон осенних цикад.
И под звон осенних цикад
Погоняет коня Ёсаку
Под гору вниз.

— О Коман, погляди, погляди!
Вниз по склону холма
Торопится всадник
На усталом, выючном коне...
Где найдет он ночлег — в Ёккайти?

И нам
Надо спешить.
И нас ожидает ночлег
И покой долгожданный,
Но раньше
Семь раз по семь
Дней и ночей
Мы будем блуждать
В преддверии ада,
Покорно,
Как стадо овец бредет... бредет...

Но-о!.. Корэ-корэ!..

Вниз — под гору. Вверх — по горе.
Скорей, скорей!
О, горе!..

Он дергает повод,
Понукая коня.
Но конь упрямится,
Замедляет шаг,
Словно чуя скорый конец
Коман и Ёсаку.

С двенадцати лет,
Коман, бывало,
Зазывала гостей ты
Голосом нежным,
Как пенье флейты.
Сколько ж друзей
У тебя побывало!
— Ах, как мало
Осталось теперь у меня
Друзей и подруг!
О, их дружба короче
Летней ночи,
Недолговечней осенних цветов.
Кто, кроме коня,
Станет грустить надо мною
В мой смертный час?

И, покачиваясь на ходу,
Конь протяжно заржал,
Словно чуя беду...
Конь устал,
Не хочет бежать во мгле,
Ступает едва-едва.
Ёсаку согнулся в седле.
И градом сыплются слезы
На его рукава.
Так сыплются семена с ветвей
На усталого путника...

— Коман, ты помнишь?
Как в первый раз
Словами любви мы обменялись?
С тех пор три года прошло.
Паломники, шли мы на поклоненье
И встретились на пути случайно...

Посреди Кусидá,
По дороге в Исэ,

Я тебе признался, Коман,
В любви — навсегда!
О, твоя шляпа — в вечерней росе —
Красная, красная!
Помнит статуя святого Дзидзё
В храме селения Сэки,
Как поклялись мы оба
До гроба не разлучаться...
И за гробом... Навеки!
Хоть я и нес покорно
Все эти годы тяжкий груз
Моей любви к тебе, Коман,
Но было мне легко на сердце!
Я бодро гнал навьюченную лошадь,
И ноги весело шагали по земле.
О, и сейчас
Моя любовь к тебе не угасает.
И все ж сегодня ночью
Морозный иней пал на землю,
И на рассвете кончится наш путь
В глубокой пади,
На самом дне вселенной,
Где имя я свое похороню.
Так низко я упал...

Коман сквозь слезы отвечает:
— О, как судьба странна!
В те годы ни единым
Не обменялись мы обетом,
Начертанным на храмовой бумаге.
Мы только у стремнин Кумбодзу,
Согнув мизинец,
Как маленькие дети,
Друг другу тайный показали знак.
Так мы уговорились
Не разлучаться в этой жизни,
Не разлучаться в будущих рожденьях.
В те дни,
Паломники,
Не смели мы отдаться
Любовной страсти. Но, горя любовью
Спльней и слаще, чем на брачном ложе,
Мы брали за руки друг друга
И медленно бродили

В вечернем сумраке,
Закуривая трубки
От одного огня,
Обмениваясь ими в знак любви.

— Напрасно
Ты вспоминаешь эти дни, Коман!
Ведь мы — как летние цикады,
Которые не знают ни весны,
Ни осени...

Есаку и Роман
Льют слезы,
Печалюсь о своем прошедшем,
Вздыхая о возмездии грядущем,
Грустя над темной
 участью своей,—
Под медленным дождем,
Который льется, льется
На сосны древних роц Ано.
А ночь все гуще, глубже...

Как рыбаки в Акóги
Упрямо, шаг за шагом, тащат сети,
Так, шаг за шагом, волокут
Они свою несчастную судьбу
К последней цели...

— Комап, я вспоминаю
Давно минувшее...
Мы словно две скалы
В заливе пенистом Футами.
Они окаменели — муж с женою, —
Войдя в святилище
Без омовения. Вот урок для нас!

И мы умрем,
Железом осквернив свои тела.
Преступники, мы преступили долг,
Любовью увлеченные... О, вспомни,
Когда с тобой мы встретились впервые,
Переходили мы из храма в храм
В томлении любовном,

А теперь
Должны мы странствовать
В преддверье ада.

— Не надо думать
О невозвратном прошлом!
Я слез не в силах удержать...

— Не плачь, Коман,
Молю тебя, не плачь!
Как горько мне!
О, как кричат воропы!
Не раз я слышал,
Что карканье ворон
Вещает людям горестную гибель.
Теперь я знаю: это правда!..
Ты видишь? Из тумана
Возносится вершина Асамá,
Как будто смерть сама,
Подстерегая нас,
Пригнулась за горою.
Нельзя нам медлить: здесь мы оскорбим
Двойным самоубийством
Обитель жриц, не знающих греха.
Какой позор! Два грешных тела,
В запекшейся крови,
Покинутые посреди дороги,—
Такое зрелище для глаз,
Что даже
Наломники, отпрянув, содрогнутся.
Кто, сострадательный,
Помолится за нас?
Никто, никто...
Как жестока судьба... и как печальна!
Где прошлые дни?
Где будущие года?
Взгляни, взгляни на сегодняшний день —
И все ты поймешь, узнаешь.
Взгляни: без следа убегает вода...

Коман взглянула на Ёсаку
Сквозь льющие слезы:
— Слышишь
Удары барабана? Восемь раз!

Какой высокий звук
Летит
Из храма на «Высоком поле»!
Ущербная луна
Стоит высоко.
Недолго ждать нам до рассвета...

Много было у нас по пути
Приютов, гостипиц,
Где мы ночевали
На ложе любви...
Но длиннее,
Чем тысячи тысяч ри,
Тянется путь на запад
До райских селений,
И негде сменить нам усталых коней!
На пороге обители Ста Наслаждений
Встретят нас бодхисаттвы —
Кáннон и Сáйсн.
За руки нас, истомленных, они поведут
И даруют покой
На подножии-лотосе,
Где, кроме нас,
Иных не будет гостей...
Помолимся Будде:
Наму Амида Бúцу,
Наму Амида Буцу!

И пусть надеяться нелегко
Тому, кто в грехах закоснел!
Они умоляют
О прощении, о защите
Амитáбу
Из храма Ко,
Милосердней которого нет,
И с молитвой подходят к сосне
«Тысячи жертвенных монет».

Наступает мгновенье расплаты...

Конец песни странствия

Не печалься!

Изгони

Из памяти все горестные думы.

Освободись

Из сети вожделений,

Из невода земных забот. Должны

Мы вырваться

Из их круговорота.

Жизнь! Смерть! Не все ль равно?

Когда-нибудь

И мы к воротам подойдем Нирваны!..

Поверь, мне тоже хочется поведать тебе тысячи тысяч моих дум.
Но я отрываю их от себя — и бросаю прочь!

Впрочем... Одна моя опибка... Только вспомню — и дрожь берет!

В ящике, который я передал тебе на сохраненье... там остался свиток. На нем начертаны имена моих предков, перечислены их владения, их подвиги во многих битвах. После моей смерти люди найдут этот свиток. И они будут не только меня клеймить позором, но и бесчестить имя моего рода. Вот что терзает меня...

Довольно!

Оставим это... О, какая скорбь!

Как тяжело мне;

Мой сын, Ёносукэ,

Погибнет утром, так и не узнав,

Что я его отец.

Его зарубят.

За что?

Чем согрешил он?

Он умрет.

Его погубит преданность отцу,

К которому он потянулся сердцем.

О, горе!..

Ведь это я, я виноват во всем!

Я не отец его,

Я враг ему!

Великий грех —

Убить родного сына:

Вот что кромсает душу! —

Оп, рыдая,

Упал ничком на землю.

— О!.. Ты плачешь?

А мне ты запрещаешь говорить?
Нет, я молчать не в силах. Мой отец,
Несчастный мой отец!..

Он старик. А единственная его дочь сойдет в могилу раньше его самого. Я умру — и никто на всем свете, никто ему не поможет..

— Какая грусть!
Не в силах мы отбросить,
Как шелуху, земные наши чувства,
Забыть любимых. Мы обречены
За гробом странствовать
Вдали от рая.
О, мы забыть не можем:
Я о сыне,
Ты об отце.
Не можем удержать
Горячих слез...
Хотя бы нам пришлось
Упасть на дно пылающего ада!

— Ты прав! Ты прав!
Не в силах изменить
Мы наши думы и забыть о близких!
Так — в жалобах,
В стенаньях — изольем
Все, что томит нас,
Все, что нас терзает!
Я не могу забыть
Судьбу отца.
Не можешь ты забыть
О казни сына.
Пусть нас за это адом наградят!

Они, обнявшись, плачут.
Голос ветра
С полей Тоёку
Вторит их рыдањям.

— Смотри туда, Роман!
Огни! Огни!
Ты видишь? Скороходы с фонарями!
Куда они бегут?

Мы слишком близко стоим к дороге. Отойдем в глубь чащи. Нужно выбрать другое место для нашей смерти!

Они отходят
В глубь зарослей лесных.
А мимо пробегают скороходы
С большими фонарями, обливаясь
Обильным потом,
И кричат друг другу:
— Скорей, скорей!
Нам надо торопиться!
Почтенная кормилица, конечно,
Нас наградит!
В святилище Исэ
По настоянию ее должны
Исполнить поутру священный танец
С молебствием.
Нельзя нам опоздать!
Успеем до рассвета! Э!
Вперед! Нас ждет богатая награда!

Их крики затихают вдалеке...

Есаку

Со вздохом говорит:

— Коман! Как ты думаешь? Чья это может быть кормилица? Верно, ребенок, которого она кормит грудью, тяжело занемог. Вот она и молит богов о его спасении. А мы обрекаем на бесполезную гибель две наши жизни. О, если бы мы могли отдать их в обмен на жизнь этого ребенка!

Коман сквозь слезы

С ним соглашается:

— О, я была бы счастлива умереть во спасение ребенка... Но не ради чужого, нет! Ради твоего мальчишка, твоего сына, которого казнят на рассвете. О, я согласна пойти на любую пытку, на любую казнь; пусть меня изрубят на мелкие части всю, с головы до ног... Пусть погибнет моя душа, лишь бы спасти его!

В ее простых речах

Звучит печаль

Самоотверженной души, готовой

Пожертвовать собою...

Вот решимость,

Которая сильнее любых обрядов,

Сильнее тысяч храмовых молитв!

.....

МАСЛЯНЫЙ АД

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Ехбэй, торговец маслом, 23-х лет.
Токубэй, его отчим, владелец торговой лавки Каватий.
Тахэй, старший брат Ехэя, 26-ти лет.
Ситидзаэмбон, торговец маслом, владелец лавки Тэсимай.
Ямамбто Мориэмбон, самурай, дядя Ехэя.
Огүри Хатий, знатный самурай, начальник Мориэмона, 20-ти лет.
Ягорб Щетка
Краснорожий Дзэмбэй, приятели Ехэя.
Восковая Свечка, богатый торговец воском из провинции Айдзу.
Белый Лис, мопах-заклинатель.
Кохэй, ростовщик.
Горокурб, торговец бумагой, старик.
О-Кйти, жена Ситидзаэмона, 27-ми лет.
О-Кйку, 9-ти лет
О-Кйё, 6-ти лет
О-Дэн, 2-х лет
О-Сáva, мать Ехэя.
О-Кати—сестра Ехэя.
Когйку, девушка из «Дома цветов» в квартале Сонэдзэки.
Мацукэдзэ, девушка из веселого квартала Симмати.
О-Камб, хозяйка «Дома цветов».
Девочка-кабуро.
Хозяин чайного дома.
Предводитель паломников.
Паломники. Слуги и служанки. Гости, присутствующие на поминании. Воины. Стражники. Посетители веселых кварталов.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Место — на пути в горный «Храм милосердных очей» в селенье Нодзэки.

Время — одиннадцатый день четвертой луны 1721 года.

Р а с с к а з ч и к

(Песня на плясовой мотив)

Новая лодка легко плывет,
Са-ёй-ёй!

Закрутила красotka меня, увлекла —
«Новая лодочка любви!»
Са-ёй-ёй!

Я и ты,
Ты и я,
Вместе сливаются два ручья,
Ситтонтон-ситтонтон.

Тихо-тихо, как сквозь спто,
Капли сыплются с весла.
Сыплются капли,
Льются речи.
Волна — изголовье
Для тайной встречи,
Ситтонтон-ситтонтон.
Я хотел бы вечно пить
Из твоей прекрасной чары,
Очарованный тобой.
Эта чара, чара, чара,
Словно полная луна
Над равниною Мусаси,
Ситтонтон, налей вина!

.....

Как шумно веселятся
На разукрашенной ладье,
Плывущей
По реке Намадзу!
Но эти люди, кто они?

Хоть чайный домик в Сонэдзаки
Осиротел,—
Его хозяин умер,—
Но все ж почтенная вдова
Успешно продолжает дело,
И дело сладкие плоды приносит
В руках хозяйки о-Кама,
Которая еще сама цветет
Богатым цветом!

Хозяйка
На лодке с домиком
Плывет к святым местам.
Веселая компания на лодке.
Красотка — девушка Когіку,
А с ней богатый гость
Из северного края Айдзу,
Набитый туго денежный мешок,
Купец, известный здесь
По прозвищу «Свеча»,
Точнее —
«Восковая Свечка».
Изрядно он сумел разбогатеть,
Торгуя воском,
И вот без удержу бахвалится богатством,
Сорит деньгами,
Чтоб слава не растаяла его,
Как тает воск,
Когда горит свеча.

На днях он в Нанива приехал
И сразу начал посещать
Квартал веселья — Сонэдзаки
И прилепился всей душой
К селению любви.
Его пленила
Девушка Когіку
Из «Дома радости» — Тэннодзій.
Простак в красотку по уши влюбился.
Прилип, как воск.
Улещивает, тешит,
Зовет в театр, на богомолье,
Он домогается ее любви,
Пригоршнями бросает деньги.

И вот увеселительная лодка
Плывет, качаясь, в сторону Нодзаки.

Жара запаздывает нынче.
Все сроки сдвинулись —
Ведь високосный год.
Уже четвертая луна,
А в лодке зябко.
Прохладный ветер дует вдоль реки.
Да не беда!
Любовные утехы горячат.
Гуляки согреваются вином
И знай себе поют:
«Ситтонтон, ситтонтон,
Са-ёй-ёй!»

* * *

Вселяющий, всезрящий Будда,
Он одарил нас в древние века,
На высоте Орлиной восседая,
Благим законом,
Святою сутрой Лотоса... Теперь
Его мы «Амида» зовем —
«Владыкой Западного рая».
Он — в этом бренном мире
Из сострадания
Явил себя,
Как бодхисаттва Кандзэон,
И милостиво нам дарует помощь
В долине трех существований:
В прошедшем,
В будущем и в настоящем.

И вот уже подряд три года
Мы чествуем и славим
Вселяющего Кандзэона.

В год «Кабана
И брата младшего Земли» —
(Всего два года
Прошло с тех пор) —
В нагорном храме Кумано
Торжественно воздвигли

Большое изваянье Кандзэона,
И все могли
Святому бодхисаттве поклониться
И умолять о помощи смиренно.

Все... даже люди,
В невежестве погрязшие,
В пороках,
Живущие в трущобах и лачугах,
Хранящие десяток медяков
На дне лоскутной ладанки для четок,
Где их не видит зоркий солнца луч,
В каком-нибудь игольнике,
В тряпице...
О, даже эти бедняки
Достали
Последние свои гроши
И принесли их в дар
Святому чудотворцу...
И милостивый Кандзэон,
Схватив их тысячью
Благословенных рук,
Внезапно вспыхнул золотым сияньем
И превратился в золотого Будду.

Прошедшею весной
Толпа паломников
Пошла на богомолье
В далекий край Ямато,
В храм Хорюдзи,
Чтоб поклониться
Святылищу, где чтится принц Сётоку.
Одиннадцать веков
Исполнилось со дня его кончины...
А он был тоже воплощеньем
Всезрящего, вселюбящего Будды.
А нынешней весной
В селении Нодзакэ,
В нагорном храме
«Отдернута завеса»
И очам
Чудесное явилось изваянье
Всемилоостивейшего Кандзэона,
И тысячи паломников туда

Стекаются со всех сторон...
И там, в горах,
Где так печально и пустынно,
Когда осыплется вишневый цвет,
Спешат по всем дорогам вереницы
Мужчин и женщин,
Старых, молодых,
Как будто гонит их нагорный ветер.
Но ветер,
Летающий по небу,
Не в силах разметать,
Как лепестки,
Веселые и пестрые наряды,
Еще пестрей, чем вешние цветы.

Паломники
Подыгрывают на губах,
Изображая звуки сямисэна:
«Туда идут, трень-трень.
Назад бредут, трень-трень.
Трень-трень целый день...»
Деньжата сыплются...

А хорошо
В увеселительной кататься лодке,
И лучше, если пригласят тебя,
Чем самому ее нанять.
Что ни толкуй,
Так больше прибыли и толку.
Весною прибыла вода,
И лодки
Плывут гуськом вдоль дамбы Токуан:
Нос упирается в корму,
Все лодки словно
Один большой корабль!

Вот восседает Восковая Свечка.
Взгляните-ка на этого гуляку!
Он так сияет,
Как будто начинен самодовольством.
Он льнет к своей Когике,
Заводит с ней
Любовную игру
И шепчет на ухо...

Вся жизнь Когикү
Лишь одному посвящена:
Мужским желаньям льстить и угождать.
Противиться она не смеет,
И все же
Ей совестно, когда любовник
Без всякого стыда
Заигрывает на глазах у всех.
Она еще так молода,
Еще неопытна —
И поневоле
Краснеет и смущается...

Причал.
Когикү
Легко, одним прыжком,
На берег прыгает из лодки.
Широкий капюшон
Надвинут на глаза
И прячет черную черту бровей —
Продажной девушки примету,
Но модный пояс нагой
Повязан, высокó,
Такой купецкие не носят женки.
Да, он — ярлык с высокою ценой,
И у мужчины
При этом виде падает душа.
Любой вдруг ослабеет,
Дрожит, как капля
На острие листа бамбука.
Благоразумие, расчет и верность —
Все сразу за борт полетит!..

Зеваки
Теснятся, толпятся,
Приметив прекрасный цветок.
Так на краю тропы
Густеют сорные травы.
Самый воздух вокруг отравлен
Сором вздорных речей.
Непристойные прибаутки,
Дурацкие шутки, остроты...

Со всех сторон сбегаются мужчины.
Она обратно подзывает лодку
И прыгает на борт.

А кто-то в толпе затынул
Песенку на модный манер:
«Погляди-ка поскорей!
Это утренний — трень-трень —
Утренний туман,
Или это дым костров
Над горою Атагó
Поднялся тремя — трень-трень —
Поднялся тремя столбами.
Еэ-ё!»

Здесь четыре дороги,
Словно копья из яшмы,
Нацелены вдаль,
На четыре стороны света.
Эта — в сторону «Дракон и Змея» —
к городу Нара;
Эта — в сторону «Бык и Тигр» —
к городу Явата;
Эта — через Тамацукури —
в сторону «Овен — Обезьяна»;
Эта прямо — на запад —
Токайдоская людная дорога, —
первая станция — мост Кёбаси
в знаменитейшем городе Эдо.

Оглянись на юг!
Там — позади города Нода —
Протекает река Ямато;
За рекою высится Окаяма,
Окаяма — «Гора тайных встреч»,
Где «сосна долголетия» растет...
Сколько сложено песен об этой горе,
Сколько встреч здесь бывало с любимой!

А возле горы Сарара
Паломники покидают лодку
И там переходят через мост,
Ведущий к спасению грешной души.

О святой бодхисаттва, чья мощь необъятна!
О святой Кандзэон,
Взирающий сострадательным оком,
Неисчетные радости обещающая!

О святой Кандззон,
Поклявшийся некогда спасти
Каждого, кто призовет его имя,
Каждого, кто повествует людям
О его благодатных чудесах,
Каждого, кто внемлет рассказу о них,
Каждого, кто плывет к святилищу в лодке,
Каждого, кто бредет, опираясь на посох,
Каждого, кто, молясь, раскрывает свой веер,
Кто, повторяя слова молитв,
Смирненно четки перебирает,—
Все обрящут стезю к святому спасению,
Избавленные от горестных странствий
По дороге обманов...

СЦЕНА ВТОРАЯ

Рассказчик

Откуда эта женщина идет?
Она живет на улице Хонтэмма,
А эта узенькая улочка, пожалуй,
Немногим шире,
Чем тонкий стан ее
Стройнее юной ивы.
Как листья ивы,
Волосы блестят,
Недаром муж ее — купец,
Почтенный Ситидзаэмон,
Торгует маслом,
Отжатым из семян растений:
Душистым маслом для волос,
Кунжутным маслом,
Очищенным бальзамом для бумаги...
Ее зовут о-Кити,
И она
Идет с детьми на поклоненье Будде.
Кто дал ей имя
О-Кити —
«Счастливая» —
И так ошибся!
Она еще в расцвете красоты.

Поверить трудно,
Что это — мать троих детей,
Заботливая, добрая хозяйка,
И каждый встречный
Охотно смотрит на нее.
Двух младших девочек она взяла с собой:
Малютку бережно несет,
А шестилетнюю ведет за ручку,
И эта дочка теревит ее:
«Маманя, я хочу попить чайку!»
О-Кити видит чайный домик
Невдалеке,
У самого пути,
Там можно выпить чаю,
И закусить, и отдохнуть.

О - К и т и

Да! Да! Зайдем!
Передохнем немножко.

Р а с с к а з ч и к

Они вошли. Присели.
А тут, гляди,
Как раз шагает мимо
Ехэй — знакомый паренек
Из лавки
Каватия, лет этак двадцати.
Лицом смазлив,
Но мот, бездельник,
И он еще живет
В родительском дому,
У отчима, на даровых хлебах,
Под крылышком у матери своей.

А дом и лавка
Его родителей —
Рукой подать,
Как раз напротив дома,
Где держит лавку Ситидзаэмон,
Маслоторговец, муж о-Кити,
И оба дома
Соседством близким связаны
И дружбой.

И вот Ёхэй идет на богомолье,
И с ним идут два закадычных друга:
Вот этот — Ягоро,
Известный всем под кличкой «Щетка»,
А вот — Дзэмбэй,
Верзила красномордый.
Все трое
Торгуют маслом, но, вернее, —
Способны лишь проторговаться.
Все трое заодно
В любовных похождениях
И завсегдатаи в квартале Сонэдзаки.
Они проматывают все свое добро
По вечерам,
А утром дремлют в лавке,
Как будто жизнь не стоит ни гроша —
Пустое сновиденье...
Но сейчас
От сна очнулись,
Они шагают бодро...
И поочередно
Несут увесистый бочонок,
Пять мер вина, —
Довольно, чтоб напиться
Вдрызг всем троим,
Еще в придачу ящик
С закусками.
Меж ними уговор:
Как встретится им по пути монах,
Тогда они меняются поклажей.

Ёхэй. Эта мерзавка Когикү, продажная тварь, здорово провела меня. Надула меня, надула. Мне отказала, а сама потащилась с этим богатым дружкой, с Восковой Свечкой, прямо в Нодзаки, на празднество поглядеть. Дождусь, как пойдет она обратно по этой дороге, тут я ей и покажу!

Рассказчик

Как вдруг из глубины харчевни
Его окликнул кто-то:
«Эй, послушай,
Ёхэй! А ну-ка, загляни сюда!»

Ёхэй узнал по голосу о-Кити.

Ехэй. А-а! Да это о-Кити-сама отправилась в храм на поклонение. И с двумя малышками? Знал бы я, пошел бы тебя сопровождать! А муженек-то твой, Ситидзаэмон, верно, остался присматривать за лавкой?

О-Кити. Нет, мы отправились вместе с ним, да по дороге он задержался по делам. Забот-то у него не оберешься! Вот и пришлось ему заглянуть в два-три места. Но не беда, он скоро должен здесь быть с моей старшей дочкой. Ну-ну, заходи сюда, присядь, отдохни. И друзей твоих можешь позвать!

Р а с с к а з ч и к

Ехэй сдается. Как не согласиться,
Когда красotka-женщина зовет?

Е х э й

Ну что ж. Зайду.
Пожалуй, надо трубку пососать!

Р а с с к а з ч и к

Он плюхнулся на мягкую подстилку
С развязностью завязатого гуляки.

О-Кити. Ну, что ты скажешь, Ехэй-сама? Видел ли ты когда-нибудь такую уйму паломников и паломниц? И богатеи, и бедняки, и девицы из знатных семейств, и почтенные купецкие жены. О, гляди, гляди: вот идет какая расфуфыренная. Одежда на ней фиолетовая, а подол светло-лиловый. Пояс-то, пояс — пестрей не бывает! Уж наверное — продажная девица. Ты только погляди!

Ехэй. О! А вон там, вон та, на эту посмотри! Кимоно из полосатого крепа и пояс с яркими кругами! Голову дам на отсечение — она из веселого квартала Симмати, самая шикарная из всех девок!

О-Кити. Да-да! Меня несколько не удивляет, что молодой повеса на праздник приглашает такую записную красотку и без счета сыплет деньгами направо и налево. Ты ведь тоже, верно, не прочь пройтись в такой компании. А ну-ка, признайся, кого бы ты выбрал, Когикю из веселого квартала Сонэдзаки или Мацукадзэ из квартала Симмати? Ну, что скажешь? Не правда ли, я все, все на свете знаю? В самом деле, почему ты не подцепил одну из этих красоток?

Р а с с к а з ч и к

Все это льстит Ехэю,
Он попадает на удочку легко.

Ехэй. Уж и не говори! Вот ведь досада! А я-то задумал пустить всем пыль в глаза и появиться сегодня с самой нарядной девицей. Я давно из кожи лез, чтоб это заранее устроить. А эта мерзавка Мацукадзэ вдруг объявила мне, что давно уже с кем-то уговорилась.

И эта маленькая дрянь — Когикү
Мне отказала наотрез.
Нодзаки, видишь ли, лежит
В несчастном направлении для нее.
И кто б ни пригласил ее — отказ!
Но слушай дальше; эту лгунью
Сегодня нанял
Какой-то деревенский грубиян,
Мешок, набитый серебром.
И рано утром
Они сюда приплыли по реке
На лодке разукрашенной.
И если
Мужлан заезжий
Верх надо мной возьмет,
То я, Ехэй,
Я буду опозорен —
И втоптан в грязь.
Такому сраму не бывать!
Я подожду:
Пускай негодница Когикү
Пойдет с дружкой обратно,
Я с ней поговорю по-свойски!
Да и ему несдобровать!

Р а с с к а з ч и к

Пока Ехэй
Болтает, понемногу разъяряясь,
Его завязные дружки,
Хлебнув вина,
Между собой устроили борьбу,
С таким азартом
Бахвалясь силою своей,
Что, кажется, они не прочь
И с дьяволом самим схватиться.

О-Кити усмехнулась. Цель ее —
Прочесть Ехэю наставление.
Уговорить его остепениться.

О - К и т и

Смотри-ка, ведь пословица верна:
Спроси напрямик —
Ни за что не сознается,
А распустил язык —
И сам проболтается!
Так, значит, вот какое
Твое паломничество в храм,
На поклонение к святому Кандзэону?
Скорее — праздное шатанье
В компании подвыпивших дружков?
Несчастные родители твои!
Они-то знают слишком хорошо,
Которую из непотребных девок
Ты выкупить собрался.
Мне жаль родителей твоих!

Они приходят в наш дом, к моему мужу, да и ко мне, и умоляют нас со слезами: «Наш шалопай Ёхэй совсем сбился с панталыку, связался с дурной компанией, проматывает свои и чужие деньги. Да ведь мы сами виноваты, с детства его избаловали. Пожалуйста, повлияйте на него. Подайте ему добрый совет. Усовестите его. Может статься, он вас послушает?» Уж наверно, мой муженек говорил с тобой. Да, видно, тебе это нипочем: в одно ухо вошло, из другого вышло! Тебе, понятно, в досаду, что вот поучает тебя молодая женщина. И где же? Нашла место: в чайном домике у большой дороги! Но мне сердечно жаль тебя, а пуще того — твоих родителей. Себя ты погубишь, опозоришь, а ихпустишь по миру. Вот я и зазвала тебя сюда, пустилась в длинные рассуждения, а мне впору только заниматься своим выводком ребятишек, мал мала меньше. Остепенись и образумься!

Веди себя скромней.
Но ты толкаешься, ты кулаками
Себе дорогу пробиваешь
Сквозь тысячные толпы пилигримов.
Твои повадки —
Бесстыдные —
Твою семью позорят,
Всем намозолили глаза,
В тебя все пальцем тычут
И охают: «Смотрите на него!

Вот младший сын
Торговца маслом Токубэя,
И сам оболтус разорен дотла,
И скоро
Своих родителей дотла он разорит.
Он в чайном домике —
И то не может
По счету расплатиться,
А туда же!
Пихается, нос задирает,
Бахвалится, дерется, фигуряет,
Богач какой нашелся...»
Сам скажи:
Что тут хорошего?
Несчастье, право!
Ты должен взять за образец
Тахэя, брата твоего.
Купец на славу — любо поглядеть.
Гроша не промотает понапрасну,
Богатство копит помаленьку,
Как лепит ласточка свое гнездо.

Еще не поздно,
Возьмись за ум.
Оставь своих дружков беспутных.
Трудись.
Вникай в торговые дела.
Родителям старайся помогать.
Да это ведь не для других —
Ты в этом счастье сам найдешь, поверь мне,

А-а, я вижу:
Мои слова тебе не по нутру!

Ты молчишь? Ну, дочка, пойдем скорей. А я опять возьму на руки маленькую твою сестричку... Скорее! А ты, Ёхэй, если ты встретишь по дороге моего муженька, пожалуйста, скажи ему, что мы ждем его в главном святилище.

Хозяин, вот возьми в уплату...

Р а с с к а з ч и к

О-Кити достает из рукава
И отдает хозяину харчевни

Пригоршню мелочи,
И мелким-мелким шагом
Она с детьми засемила
Вслед за паломниками
По дороге к храму.

Дружок Ёхэй, Красномордый
Дзэмбэй,
Итог подводит всем ее речам
И припечатывает:

Дзэмбэй. Ну-ну, Ёхэй! Так эта женщина — хозяйка той лавки, что напротив вашего дома? Личиком пригожа, и повадки такие приятные, кажется, воды не замутит. А на поверку выходит — кремень-баба! Славно же она тебя отчекрыжила!

Ё х э й

Да! Ей всего
Лет двадцать семь,
Собой еще красива,
А уж успела народить
Девчонок уйму!
Честная жена,
Примерная хозяйка,
Строгих нравов —
По мне, нет хуже ничего!
На погляденье — хороша,
А не подступишься! Поди-ка, сунься к ней,
Точь-в-точь игрушечная птичка:
Посмотришь, как живая!
А вкусу нет.

Р а с с к а з ч и к

Дзэмбэй хохочет, и от смеха
Еще сильнее багровеет.
И в этот самый миг,
Смотрите, появляется Когику.
Она уже святому поклонилась
И весело идет обратно,
Не думая о том,
Какая встреча ждет ее.
А с нею вместе
Идет ее протак-любезник,

И следом о-Камэ, вдова,
Хозяйка «Домика цветов»,
За нею по пятам — служанка.
Гость — Восковая Свечка
Горланит по пути,
Как может, песню «Тинцубуси»
На грубый деревенский лад:

«Тинцу-тинцу-тинтири!
Кто первый любовник в театре?
Волнует, тин-тин, сердца?
Дзиндзаэмон.
Кто первый актер на роли
Многодумного мудреца?
Кодзаэмон.
Тинцу-тинцу-тинтири!
Кто так умеет играть,
Что всех прошибает слеза?
Сиродза, Сиродза,
Тинцу-тинцу-тинтири».

Г о л о с а

Ят-тя! Ят-тя! Еще раз! Ну-ка,
Вот это глотка!
Ну что твой соловей!
Еще-еще!
Вот первый в Осака певец!

Р а с с к а з ч и к

Не думайте, что пенье
Им правится.
Но знают,
Что это — денежный мешок поет.
Лишь были б деньги,
И каждый сразу же готов признать,
Что ты мастак в любом искусстве.

А между тем —
Другие голоса слышны в толпе:
«Вы видите? Вот эти трое
Идут сюда!
Буяны, драчуны!»

Ёхэй,
Нахмурия брови,
Остановился посреди дороги,
А за его спиной
Два здоровенных парня.
Видать по лицам,
Что на все готовы.
Взглянув на них,
Когик у испугалась.

Когик у

Послушайте, хозяйка!
Идти назад
По этой же дороге — скучно.
К тому же у меня устали ноги.
Я предпочла бы
Вернуться в лодке по реке...

Рассказчик

И, приподняв подол,
Она готова
Спуститься на берег,
Но прямо на пути
Торчит, как мачта, сам Ёхэй,
А по бокам
Стоят его дружки,
Расставив ноги.

Дзэмбэй и Ягоро. А ну-ка, Ёхэй! Поговори с этой девкой по-свойски, покажи ей, что ты мужчина! А если этот свечной огарок вспыхнет, мы подрежем ему фитиль и втопчем его в грязь!

Рассказчик

Они суют сандалии за пояс
И скрещивают руки на груди.
Вот-вот полезут в драку. Гость
От неожиданности словно онемел.
Хозяйка и служанка,
Совсем растерянные.
Они дрожат от страха,
Хотят Когик у увести.
Но раззадоренный Ёхэй
Ее хватает за руку.

Ехэй. Я первый договаривался с Когикю. А когда завсегда-
тай веселого квартала, вроде меня, нанимает девицу, так небось
она уж от него не уйдет к другому.

Р а с с к а з ч и к

Он тащит за руку ее
И силой заставляя сесть
На лавку
Пред чайным домиком.

Ехэй. Ты, продажная шлюха, тварь, дешевка! Наболтала
мне, что гадатель-де сказал, будто нельзя тебе идти в ту сторону,
где стоит храм Нодзаки, а то случится большая беда,

И ни за что
Туда ты не пойдешь,—
И солгала!
Со мной, Ехзем,
Пойти не захотела?
А если гость тебе по вкусу,
Так наплевать тебе на все гаданья,
Пойдешь куда угодно?
Ну что? Ну что ты в оправданье скажешь?

Р а с с к а з ч и к

Вот так Ехэй бранит Когикю.
Он в ярости глаза таращит.
Как страшно кровью налились глаза,
Ну, суций демон!
Пытаясь успокоить грубияна,
Когикю кротко отвечает:

Когикю. Право, Ехэй, не надо так бушевать из-за пустя-
ков. Все знают, в какой мы тесной дружбе. Кто назовет меня
хоть раз, три раза помянет тебя. Ты и я — да мы всегда у всех
на языке. Я не пошла с тобой сегодня, это верно, но только
ради тебя же самого. Чтобы оберечь твое доброе имя. Ты
слишком мне дорог, слишком много ходит про нас разных досу-
жих сплетен.

Зачем ты позволяешь
Твоим друзьям подначивать тебя?

Мое не изменилось сердце:
Богам я поклонялась
Тебя любить!
Смотри: вот письменный обет!

Рассказчик

Ехэй певольно тронут.
Он чувствует, что гнев его угас,
Однако совестно признаться в этом
Своим запальчивым друзьям...

Когику шепчет па ухо Ехэю
И нежно прижимается к нему.

Заметив это,
Теперь разгневался богатый гость:
«Вот уж спасибо, печого сказать!»
И грузно он садится рядом.

Восковая Свечка

Так не годится, госпожа Когику.
Любовь любовью, а обман обманом.
Зачем лгала ты мне,—
Мол, в целом городе, хоть всех перебери,
Мужчины не найти приятней,
Чем я, твой милый гость из Айдзу?
А я-то думал,
Что буду вспоминать
Твою любовь,
Когда к себе на родину вернусь,
И похвалиться,
Какое счастье привалило мне!
Я денег не считал,
Они текли рекою,
Чтоб вместе прогуляться по реке.
А на поверку оказалось,
Что из меня ты строишь дурака?
Так дальше не пойдет!
А ну-ка, повтори
При этом шалопаете,
Что прошлой ночью
Ты обещала мне?
А! Ты молчишь?
Тогда меж нами

Все кончено! Найду себе другую!

Как говорится:

«Застава в горах
Крепка, крепка,
Тропа через горы
Крута, крута.

В другой раз не приду!»

Ну, что на это скажешь?

Р а с с к а з ч и к

Он требует ответа.

А меж тем

Дружки Ехя,

Перемигнувшись,

Подходят с наглым видом.

Д з э м б э й и Я г о р о

Эй ты!

Невежа, деревенщина, мужлан!

А ну-ка, прочь ступай!

Оставь в покое девку!

Убирайся! Не то получишь на память хороший подарок от нашего города! Ну, чего ты так разгорячился? Мы остудим тебя, остудим. Хлебнешь ты у нас мутной водицы из этой речонки!

Р а с с к а з ч и к

И оба наступают с двух сторон,

Хотят его взять в клещи

И спихнуть

С крутого берега...

Однако Восковая Свечка

Не так-то мягок,

Как говорит его прозвание,

Не мягкий воск, а крепкая смола,—

И твердо держится.

В о с к о в а я С в е ч к а

Ах вы, щенки!

Дрянь, сволочь, оборванцы!

Слышал я про таких!

Ишь ты, накололи себе разные узоры на руках — пугать людей. Ссору заведут нарочно, а сами норовят выхватить чужой кошель

из-за пазухи! Голь перекатная! Нищета из вас всю душу вытрясла, коленки небось дрожат! Погуляете с девками — и вовсе с копыт долой. Но я, по нашему деревенскому обычаю, угощу вас кое-чем покрепче вашей мутной водицы! А не хотите ли узнать вкус моей грязной ноги?

Р а с с к а з ч и к

И гость вскочил.
Он бросился вперед —
С размаху бьет ногой!
Хрясь! Гулкий звук удара.
Да! Щетке Ягоро
Удар пришелся
Как раз под подбородок —
Парень охнул,
Не взвидел света,
Катится в речушку.
Шлеп! Он барахтается в тине!
Теперь Дзэмбэй
Вконец побагровел от гнева
И хочет за товарища вступиться.
Бац! Гость его коленом бьет
Без всякой жалости —
И прямо в драгоценный пах.
Дзэмбэй от страшной боли
Взвыл и согнулся пополам.
Он извивается ужом,
Ложится на спину
И смотрит в небо
Остекленелыми глазами,
Как будто видит коршуна в полете,
Зажавшего в когтях добычу.
Потом
Он уползает прочь, в кусты,—
И след его простыл.

Теперь Ёхэй остервенел от злобы.

Ё х э й

Что ж это? Так и буду
Смотреть покорно,
Как избивают здесь товарищей моих?
Да я тебя, подонок,
Вниз головою в грязь всажу!

Восковая Свечка

А! Ты еще тут, осакский паршивец?

Проваливай, не то
Тебе я набок челюсть сворочу!

Рассказчик

Он размахнулся,
Но Ехэй отпрянул —
И, в свой черед,
Наотмашь — кулаком
Бьет гостя по скуле.
Они отчаянно
Тузят друг друга.
Удары сыплются.
И каждый норовит
Противника схватить за горло.

Когпку в страхе
Бросилась меж ними,
Чтоб их разнять.

Когпку

Остановитесь! Стойте!
Молю вас,
Прекратите драку.
Что за бесчинство!

Хозяйка о-Камэ

Ах, ах, побереги себя,
Сокровище мое!

Рассказчик

Хозяйка заслоняет
Собой Когпку
И — вместе со служанкой —
Ее уводит в сторону,
Подальше
От потасовки. Между тем
Со всех сторон
Сбегаются зеваки.
Шум. Гомон. Выкрики:
«Глядите — драка! Драка!»
Закрыты двери в чайный домик:
Хозяину теперь не до гостей.

Соперники отчаянно дерутся
На насыпи
Над самую рекой.
Но насыпь рушится,
И оба
Уже стоят в воде по пояс...
Они со дна сгребают горсти грязи,
Камней, песка, зеленой тины
С хвостами водорослей —
И швыряют
Друг в друга,
Норовя попасть в глаза.
Теперь противники сошлись
Грудь с грудью,
В рукопашную схватились.
Они готовы утопить друг друга.
Ехэй моложе,
Но Восковая Свечка
Бьет точнее.
Да! Это — настоящий поединок,
Когда противники, стремясь к победе,
Теряют разум,
Когда никто вмешаться не посмеет,
Чтоб их разнять. И вдруг...

Кто показался в эту минуту?
Знатный вассал князя,
Что правит в городе Такацуки.
Самурай этот молод годами,
Вышел он из простых пажей,
Но занял высокую должность
Советника.
Именуют его
Огури Хатия.
Он одет
В пышный придворный костюм,
Восседает на прекрасном копе,
Покрытом драгоценной попоной.
Направляется он в храм Нодзаки,
Как посол своего господина,
Совершить поклонение Кандзэону.
Его охраняет почетная стража.
На всех молодых воинах
Накидки цвета спелой хурмы,

Парадные — с крыльями и гербами.
Знаменитый княжеский герб:
Девять кругов —
Один в одном.
Впереди спешат скороходы,
Криком «эй-эй!» разгоняют народ:
«Прочь с дороги! Посторонись!»

Все расступаются,
Но, в увлечение битвы,
Ёхэй и Восковая Свечка
Не слышат окриков
И яростно дерутся.
Ёхэй в грязи
Весь с ног до головы.
Залеплены глаза зеленой тиной.
Он плохо целится,
И, на его беду,
Летят, как птицы, комья грязи
И попадают —
Без промаха...
На праздничное одеянье
Огури Хатия.
Запятнан конь, испачкана попона.
Гнедой отпрянул жеребец,
Встал на дыбы, —
С трудом его наездник успокоил.
Ёхэя окружила стража —
Не убежишь!
Беду он понял — и остоленел.
От ужаса.
Его противник
Единым духом переплыл речонку
И скрылся в зарослях.
Когикю и хозяйка
Поспешно прячутся в толпе.
Ёхэя
Выводят на берег.
Начальник стражи,
Почтенный, престарелый самурай,
Мориэмон из рода Ямамото,
Одним ударом
Сбивает с ног Ёхэя,
Бросает наземь вниз лицом

И с силой упирается коленом
Ему в спинной хребет.

Ёхэй. А-а! Смилуйтесь, смилуйтесь, господин самурай! Простите мою провинность! Я — не нарочно! Умоляю, отпустите меня!

Рассказчик

Так он вопит.

Униженно он молит о пощаде.

Мориэмон. А, подлый негодяй! Забрызгал грязью знатного воина и его благородного коня, а теперь молишь о прощении! И ты надеешься, что так тебя и простят?

А ну-ка, подними
Твою собачью морду!

Рассказчик

Он поднимает голову Ёхэя.

Ёхэй

Ой, дядюшка Мориэмон!

Мориэмон

Да это —
Племянник мой Ёхэй!
Беда-беда!

Рассказчик

И оба — в изумление —
Уставились глазами друг на друга.

Мориэмон. А, подлец! Ты ведь всего-навсего простой горожанин: любой позор тебе нипочем. Свою голову ты и в грош не ставишь. Но я самурай, я на службе у знатного господина! И я ношу славное, незапятнанное имя. Такое имя, которое пишется не одним, а двумя знаками! Я — другое дело!

Держите этого мерзавца!
Он — мой племянник. Все равно —
Его не пощажу:
Я голову ему срублю!
А ну, вставай!

Р а с с к а з ч и к

И, за руку схватив Ёхэя,
Его с земли он силой поднимает.

Но господин советник,
Сдержав коня, забрызганного грязью,
Кричит Моризмону

О гури Хатия

Эй-эй! Постой, Моризмон!

У тебя, кажется, меч плохо сидит в ножнах. Если он выскользнет из ножен и снесет кому-нибудь голову, прольется кровь. А если я увижу кровь, я буду осквернен, и мне уже нельзя будет явиться в храм и поклониться святому Кандзэону — от лица нашего князя. Мне придется вернуться в замок! Будьте же осторожны, воины, с вашими мечами, пока мы не тронемся в обратный путь. Моризмон — ко мне!

Р а с с к а з ч и к

Тот повинуетя
И говорит Ёхэю:
«Ты ненадолго получаешь жизнь.
Тебе снесу я голову, когда
Поедем мы обратно!» Он толкает
Ёхэя прочь,
Хотел бы приказать:
«Беги, племянник!
Беги скорей, не попадайся
Мне на глаза!» —
Но, самурай,
Хранить он должен непреклонность духа.
Он только молча
Исподтишка
Ёхэю знак дает:
«Скорей беги, спасайся!»
Но тот ошеломлен —
И ничего понять не может.
Так — летом — мы не слышим соловья
И нам его невнятен слабый хрип.

Моризмон
И княжеский посол
Хранят невозмутимость самураев

И равнодушие
К случайным незадам.
Конь ускоряет шаг,
И весь кортеж
Уходит в сторону Нодзакки.

Ехэй шатается,
Как будто пьяный.
Не может он понять:
«Явь или сон?»
Однако понимает,
Что чудом уцелела голова.

Е х э й

О, Наму Амида!
О, три сокровища
Святого Будды!
О, Кандзэон святой,
Спаси и сохрани!
Мой дядя должен зарубить меня!
Отрубит голову, —
А как мне жить
Без головы?

Р а с с к а з ч и к

Он обезумел:
Душа и разум упорхнули прочь.
Он хочет убежать.
Он слепо озирается кругом:
В какую сторону ему податься?

Е х э й. Бежать туда? Но ведь там Нодзакки. А куда провалился город? Я спутал все дороги. Это, должно быть, путь на Киото. А это что за гора? Это — Курагари? Или, может быть, Хиэй? Не понимаю, куда бежать? Где мне спрятаться?

Р а с с к а з ч и к

Глаза его блуждают.
Он в смятенье,
В глазах — туман,
И подкосились ноги.
Как быть? И вдруг —
В толпе он замечает шляпу «кага».
Да это ведь о-Кити!

О-Кити!
Он рад ей, словно грешник,
Который в пламени пылающего ада
Увидел милосердного Дзидзо!

Ё х э й

Спаси меня! Спаси меня, о-Кити!
Меня сейчас зарубят.
Идешь домой?
Возьми меня с собой!

Р а с с к а з ч и к

В слезах, он кланяется в землю.

О - К и т и. Но я еще не иду домой. Я уже прошла семь-восемь
тё по дороге к храму. Но вижу — впереди уйма народу, такая дав-
ка — не пробьешься. Вот я и вернулась сюда, чтобы здесь подо-
ждать моего муженька.

Но что с тобой?
В каком ты страшном виде!
Измазан грязью
С головы до ног.
Лицо заляпано
Болотной тинной...
Обрывки водорослей в волосах.
Ты что, Ёхэй?
С ума ты, что ли, спятил?

Ё х э й

Я вправду разум потерял.
Я подрался из-за Когикю —
Ком грязи я швырнул
И угодил —
Подумать только — в самурая,
Знатнейшего.
Он был забрызган грязью,
И конь его запачкан.
Стража
Меня схватила.
Пригрозили мне,
Что голову отрубят,
Когда они назад пойдут из храма.
Не знаю, как от них спастись!

Р а с с к а з ч и к

Он не отходит от нее.

О - К и т и. Ах, до чего же мерзко ты себя ведешь! Бедные твои родители! Они заболеют с горя, когда на них свалится такое несчастье. Но я не могу отказать тебе в помощи, ведь мы близкие соседи. Вот что я решила: найму-ка я комнату в чайном домике и смою с тебя всю грязь! Ты ведь не можешь в таком виде показаться людям на глаза.

Почистишь платье,
Лицо ополоснешь
И в Осака беги! Спасайся!
А впредь води себя умнее.

Хозяин! Я снова погощу у тебя. О-Киё, ты уже большая, тебе шесть лет. Ты побудь здесь и дай мне знать, как только придет твой отец!

Р а с с к а з ч и к

И оба скрылись
За тростниковой занавеской
Во внутреннем покое.
А между тем весенний длинный день
Уже наполовину пробежал.

И Сятидзаэмон,
Торговец маслом, муж о-Кити,
Бежит, торопится,
Тревожится, что и жена и дочки,
Наверно, заждались, проголодались,
Бежит, а ящичек с закуской
Болтается на поясе его.
А старшенькую дочь, о-Кику
(Ей девять лет), он тащит за собой.
Ох, в горле пересохло!
Хорошо бы
Попить чайку!

А, вот и чайный домик!
К отцу бежит навстречу о-Киё
И с криком «папа!»
На нем повисла, радостно смеется.
Как радуются сестры друг на друга!

Ситидзаэмон

А! Верно, заждались?
Но где же мама?

О-Киё. Маманя вот здесь, в чайном домике, вместе с нашим соседом Ёхэем. Они развязали пояса и одежду с себя сняли.

Ситидзаэмон. Что?.. Что ты говоришь? Они развязали пояса и разделись догола? Я подло обманут! Ну, а потом? Что было потом?

О-Киё. А потом... маманя обтерла его бумажным платком и помыла.

Рассказчик

Услышав это, Ситидзаэмон
Приходит в гнев.
Меняется в лице,
Глаза остекленели,
А брови гневно сдвинулись...
Сжав кулаки,
Он перед дверью стал,
Кричит.

Ситидзаэмон

Вы слышите?
О-Кити и Ёхэй —
Не медля выходите!
Не выйдете,
Я силой к вам вломлюсь!

О-Кити

Да это ты, мой муженек?
Ты где запропастился?
Забыл, что деткам
Давно пора позавтракать?

Рассказчик

Она выпархивает из дверей,
А следом,
Повесив голову,
Бредет Ёхэй.

Ёхэй. О, это вы, Ситидзаэмон-доно! А я в таком виде, просто сгореть со стыда. Я подрался. Свалился в речную тину... Ваша

хозяйка по доброте душевной позаботилась обо мне... Отмыла меня... Не знаю, как и благодарить вас обоих.

Мне очень стыдно!

Р а с с к а з ч и к

Он вымыт наспех,
Кое-как,
Пучки его волос
И на висках и на макушке
Еще залеплены болотной жижей,
И он на крысу мокрую похож.
И Ситидзаэмон не знает:
Сердиться ли ему
Или смеяться?
Он отвернулся от Ёхэя
И говорит жене:

С и т и д з а э м о н. Послушай, о-Кити! Добрая услуга соседу, разумеется, дело хорошее. Но не следует терять здравого рассудка. Молодая женщина не должна развязывать пояс на молодом мужчине и обтирать его бумажным платком. Люди легко могут заподозрить самое дурное. Ну, пойдем в храм, время уже позднее!

О - К и т и

А я ждала тебя так долго!
Пойдем, пойдем!
И по дороге
Я все тебе подробно расскажу.

Р а с с к а з ч и к

О-Кити
Детей к себе сзывает хлопотливо.
Малютку бережно несет она
И за руку ведет
О-Кику, старшенькую...
Долго ль до беды?
Ребенок может затеряться
В густой толпе.
А средняя — уселась на плечо
Отца.
Так — вчетвером — они спешат,
Протискиваясь сквозь толпу
Паломников,

В нагорный храм,—
Послушать поученье
И поклониться статуе святого.
Для них весенний день —
Веселый праздник...

Ехэй один остался
У входа в чайный домик.

Всего разумней было б поспешить
Обратно, в город,
Не ожидать развязки роковой.
Но он еще ошеломлен,
Никак прийти в себя не может.
К нему подходит
Хозяин домика
С нахмуренным лицом
И бывшие там люди:
Пять-шесть зевак.

Хозяин чайного домика

Ты, шалый парень,
Уже давно торчишь
У моего порога.
Не понимаю,
Чего ты ждешь? Зачем
Болтаешься без дела?
А ну-ка,
Скорей давай отсюда!
Иди молиться в храм,
Не то — ступай себе обратно в город.

Р а с с к а з ч и к

Он гонит
Ехэя прочь.
Но поздно!
Снова — крики:
«Эй, эй, посторонись!»
Толпа шарахается, расступаясь.

Огури Хатия
Пешком, со всем эскортом,
Обратно возвращается из храма.

Испуганный Ехэй
Хотел бы убежать,
Но кру́гом голова пошла...
Он — как в дурмане —
Понять не может, где же город?
В какую сторону ему бежать?
И на бегу
Врезается в кортеж,
И — прямо в головной отряд,
Где шествует Мориэмон.
Увы, суровый воин
Его немедленно заметил,
Схватил его, скрутил —
И бросил наземь.

Мориэмон. Тогда я пощади́л тебя, племянник, потому что мы шли в храм на поклоненье. Но теперь пощады не жди!

Я зарублю тебя!

Рассказчик

И он хватается
За рукоять меча.
Но княжеский посол
Его спокойно окликает.

Огури Хатия

Постой, стой, Мориэмон!

По какой причине ты хочешь убить его?

Мориэмон. Да ведь это — тот самый бесстыдный негодяй! Будь он мне чужим, может, я сам попросил бы отпустить ему его вину, даровать ему жизнь. Но его мать — моя родная сестра.

Он — мой племянник,
И я не вправе пощадить его.
Здесь милосердие не к месту.

Огури Хатия

Но в чем он провинился?

Мориэмон. Как? Разве не ясно? Он — швырнул комок грязи — и замарал вашу одежду, осквернил вашу драгоценную персону.

Огури Хатия. Осквернил? Кого? Меня? Огури Хатия? Что-то я не возьму в толк твоих слов. Взгляни на меня: где на моих одеждах ты видишь хоть каплю грязи?

Мориэмон. Но, господин! Запятнана была ваша прежняя одежда: вы переоделись в другую...

Огури Хатия. Вот именно, вот именно! Я переоделся: значит, нет на мне грязи. Она ведь не прилипла ко мне. Разве не так?

Мориэмон. Господин, вы, конечно, правы. Но ведь и благородный конь ваш был так запятнан грязью, и сам он, и его сбруя, что сейчас его чистят, а вам приходится возвращаться пешком.

Вот этот негодяй
Посмел забрызгать грязью
И господина, и его коня...

Огури Хатия. Молчи, молчи! Почему, по-твоему, на коня надевают чепрак? А как пишется слово «чепрак»? Двумя знаками: «защита от грязи». Значит, нужна в дороге такая защита? Теперь отвечай, я тебя спрашиваю!

Не было скверны,
Не было оскорбления,—
И преступления не было, значит.
Единственный позор для самурая,
Когда хоть капля грязи упадет
На имя чистое его!
Да, эту каплю —
Не смыть,
И не стереть,
Ничем не счистить!
А этот человек
Из низкой черни
И все подобные ему
В моих глазах
Не чище,
Чем ил и тина
На дне пруда или реки.
И, словно лотос,
Что подымается
Со дна, из тины,
Но капли грязи нет
На лепестках его,—
Так и на имени моем —

«Огури Хатия» —
Нельзя приметить
Ни одного позорного пятна.

Мне безразличен
Этот человек.
Приказываю, слышишь:
Немедля отпусти его!

Мориэмон
Я повинуюсь!

Рассказчик
Он втайне рад приказу господина.
И знак дает отряду:
«Шаг вперед!»
И дружно, в ногу,
Кортеж пускается в обратный путь.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

*Улица перед лавкой Каватия.
Второй день пятой луны.*

Хор паломников
Гятэй-гятэй-гятэй-гятэй!
Харагятэй-харагятэй!
Храни нас — храни нас — храни нас,
Святой Эн! Сохрани нас от бед,
Мы дали обет, мы сдержали обет.
Скоро идем!
Скоро и дом!
Гятэй-гятэй-гятэй-гятэй!
Онкорó-онкоро-онкоро!
Скоро мы дома будем.
Помолимся Будде, Будде, Будде...

Молитвы священный восторг...
Торг... торг... торг...
Благополучия вашей торговле!

Рассказчик

Благополучно
Пройдя далекий путь,
Паломники вернулись в город
Из странствия к святым местам.

Все это люди молодые —
Приказчики,
Владельцы лавок.
Они торгуют разными маслами,
И, чтобы шли делишки как по маслу,
Они попли
Святыням поклониться.

Да, юные торговцы,
Конечно, не монахи!
Но кое-кто из них
Уже не раз
Молился в храмах на Святой горе
И получил монашеское имя,
Что для мирянина
Большая честь!
Усталые,
Они бодрятся напоследок
И напевают
Для бодрости
Обрывки из молитв и заклинаний.
Есть среди них — и новички.
В благочестивом
Усердии они копили
Медяк за медяком.
Случалось, прятали в кошель
Двенадцать монов,
Которые велит обычай
Пожертвовать
На освещение храма.
Так и скопили на далекий путь,
И деньги сберегли,
Не прокутили, не продали.
И вот теперь они идут обратно,
И по дороге в раковины дуют,
И машут посохами на ходу,
Счастливые,
Что скоро будут дома!

Одежда их —
Одежда пилигримов:
На шее — четки,
На поясе,
Висит «косиатэ» —
Закатанная в трубку
Подстилка меховая
Для отдыха.
А вместо кошелька
Болтается бутылка для воды.
И вся толпа
На время задержалась
Пред лавкою Каватия,
Теперь принадлежащей Токубэю.

Предводитель паломников. Эй, эй! Где ты, Ёхэй?
Ты дома? Что ж ты нас не встречаешь? Выходи, дружище, выходи!
Мы посетили Святую гору и теперь возвращаемся, набитые святостью по горло! Все наши друзья, видно, узнали, что мы должны вернуться сегодня, — и вышли встретить нас на дороге в Кувадзу! А вот тебя-то среди них и не было. Да ты что? Уж не заболел ли? А мы — счастливы — видели удивительные вещи!

Придешь? Мы угостим тебя
Рассказами о разных чудесах.
Вот чудо первое:
Там был один мальчонок,
Так лет двенадцати, не старше,
Слепой на оба глаза!
Но на Святую гору он взшел,
Творя великие молитвы,
И вот... пока он поклонялся
Подвижнику — святому Эну,
Внезапно
Прозрели оба глаза у него!
И он с горы — счастливый! — побежал,
Отбросив в сторону ненужный посох.
А мы подумали тогда:
«Хороший знак!
К добру!
Знать, этой осенью
Пойдут делишки в гору!»
Гляди-ка в оба,
Не зевай!

У мальчугана
Глаза не зря открылись:
Откроются ворота
У рисовых амбаров, кладовых,
И цены
На рис покатыся, наверно, вниз,
Как мальчуган
С горы вприпрыжку побежал!

Ну что ж, Ёхэй, ты слышишь? Если вечером ты свободен, шагай прямо к нам! А мы разгоним дорожную усталость рассказами и о других чудесах! Чего-чего мы только не видали!

Побудем вместе! Приходи
И дружно
Помолимся мы Будде, Будде, Будде!

Гятэй-гятэй!
Харагятэй-харагятэй!

Р а с с к а з ч и к

И все паломники
Опять заголосили.
Звучат
Обрывки сутр,
Молитв и заклинаний...
Да кто их разберет?

На этот крик
Из лавки выбегает — отчим
Ёхэя — Токубэй.

Т о к у б э й

Вы, молодые люди,
Молились в храмах
На Святой горе:
Вот что достойно высшей похвалы!

А вот мой пасынок — Ёхэй, бездельник, кутила! Вы только подумайте: я дал ему четыре кана серебром и шестьсот монов, чтобы он тоже совершил паломничество на Святую гору — и поклонился подвижнику Эну. Да старший брат его — Тахэй с улицы Дзюн-кэй — тоже подарил ему четыре кана с лишком. Чуть ли не десять канов серебром он выманил у нас. И что же? Пошел он на Свя-

тую гору? Куда там! С места не сдвинулся. Даже встретить вас не пожелал! Гуляка, вертопрах, расточитель, он и не помышляет о будущем возмездии, что уготовили для него боги и будды. Пожалуйста, в знак дружбы, проберите его хорошенько. От всей души прошу вас!

Рассказчик

Из дальних комнат дома
Выходит пожилая мать Ёхэя.
Она несет горячий чай.
Две чашки
Дымятся у нее в руках.

О-Сава

Я рада, я так рада! Поздравляю
С благополучным возвращеньем!
Прошу!
Пожалуйста, отведайте чайку!

Вы знаете,
Мою семью
Небесная постигла кара!
А почему?

Уж не оттого ли, что наш непутевый сын Ёхэй обманул нас? Он и меня, и моего мужа уверил, что пойдет на Святую гору помолиться подвижнику Эну. И не сдержал своего слова, негодный. Вот в наказание и захворала его сестра, доченька наша о-Кати, да так тяжело! Вот уже дней десять болеет она простудой, с постели совсем не встает.

Мы трех врачей уже переменили,
А толку нет!
Горячка не спадает.
А мы к тому ж уговорились,
Что перед праздником
Сыграем свадьбу —
И примем молодого зятя в дом.
Жених и все его родные
Торопят нас.
Болезнь невесты
Совсем не вовремя.
Мы с мужем
Всегда живем в сомненье и тревоге.

Одна беда другую погоняет.
Вот и теперь из-за того,
Что наш Ёхэй солгал святому Эну,
Болеет доченька моя...

Ах, молодые люди!
Я умоляю вас, молитесь,
Чтоб Небеса простили
Обманщика Ёхэя!
Пусть боги возвратят
Здоровье нашей бедненькой о-Кати!

Р а с с к а з ч и к

Так горячо о-Сава умоляет
Паломников,
Но предводитель
Ей возражает:

Предводитель паломников. Нет-нет, я не думаю, что ваша дочь заболела из-за провинности Ёхэя. Ведь если б наказание было послано Святой горой, беда, конечно, поразила бы только того, кто провинился. Как может премудрый Будда ошибиться, словно какой-нибудь неразумный простак? А ведь сам Будда воплотился в подвижника Эна. Не может Будда поразить небесной карой невинную девушку! Подумайте сами! Болезнь вашей дочери, наверно, имеет другую причину. Для такой тяжелой болезни не годятся ни обычные врачи, ни обычные лекарства. Разве вы не слыхали, что сейчас в Осака прославился заклинатель монах-ямабуси, по прозвищу «Святой отец Белый Лис»? Он — необычайно искусный целитель!

Ваш Ёхэй
О нем, конечно, слышал. Призовите —
Он чудо совершит:
Помолится — и демона изгонит!
Так торопитесь же!
К нему бегите!
Попросите — он не ответит «нет».

О - С а в а

Я благодарна вам от всей души!
О, сам святой подвижник Эн
Направил вас ко мне
С благою вестью.

Бегу искать целителя-врача!
А вы, прошу вас,
Войдите в дом,
Спокойно отдохните!

Предводитель

Нет-нет, почтенная о-Сава!
Ведь каждого из нас
Нетерпеливо ожидают:
Кого — родители,
Кого — жена и дети.
И каждый
Торопится домой
Порадоваться вместе
С родными, близкими,
Что так счастливо
Прошло паломничество наше!
Спасибо! До свиданья.
Прошу, советов наших не забудьте!

Рассказчик

Паломники
Опять пустились в путь
И на ходу
В большие раковины дуют,
Выкрикивая заклинанья:
«Прочь, злые демоны!..»

Хор паломников

Барáбарá-барабара!
Гятэй-гятэй-гятэй!

Будда — великий — помилуй нас!
Будде помолимся, Будде,
Помилуй нас — помилос — помилос,
Буде — буде — бу... бу... бу...

Рассказчик

И голоса их замирают.
Паломники уходят прочь,
На перекрестке расстаются
И разбредаются по всей округе,
Спеша к своим домам...
О-Сава бросилась чуть не бегом

Искать целителя-монаха. Ей навстречу
Шагает старший сын — Тахэй.
На младшего ни в чем он не похож.
Да! Сердце у него другое.
Тахэй идет с нахмуренным лицом.
Поджаты мрачно губы,
И брови сдвинулись в одну черту.
Мать ахнула в тревоге. Сын
Недобрые ей вести рассказал
И быстрыми шагами
Подходит к лавке отчима...

То кубэй. Э-э! Да это, никак, Тахэй? Пришел, значит, навестить больную сестрицу? Рад видеть тебя. Но ведь сегодня время дорого: надо выписывать счета за все, что покупатели у тебя в долг забрали. Если б ты и не пришел в такой день, мы бы не советовали на тебя...

Та х э й

Я по дороге —
Столкнулся с матушкой.
Мы постояли.
Я наскоро поведал ей
Тревожное известье!
От дядюшки Мориэмона
С нарочным
Доставлено мне спешное посланье.
Он пишет... Неприятнейшее дело!
Да вы послушайте!
Я вам прочту.

«В прошлом месяце я сопровождал моего господина, Огури Хатия, когда он соизволил отправиться на поклонение в нагорный храм Нодзаки. К несчастью, по пути повстречался нам твой брат — этот распущенный негодяй Ёхэй. И он, завязав непристойную ссору с приятелями своими, в разгар драки нанес неслыханное оскорбление моему господину. Я решился было зарубить племянника и себе самому вспороть живот. Но все дело кончилось мирно благодаря милосердному заступничеству моего высокого господина. Однако после нашего благополучного возвращения среди нас, самураев, в княжеском замке и даже среди простых горожан пошли дурные толки и пересуды. А я не могу (вы сами понимаете) спокойно глотать, склонив покорно голову, издевательства и оскорбления, словно ничего особого не произошло. И посему я должен оставить

службу у князя. И так, я испросил увольнения и, вероятно, стану ронином. Дней через пять прибуду в Осака. И ежели я не сумею восстановить свою самурайскую честь, то уже никогда не смогу носить два меча...»

Да! Вот что сказано в письме!

Р а с с к а з ч и к

Тахэй умолк.
Он ждет, что скажет отчим.
Но Токубэй
Не в силах вымолвить ни слова.
Он по колену
Хлопает себя.

Т о к у б э й

Я так и знал,
Что негодай Ёхэй,
Того и жди,
Не в шутку провинится!
Он обманул отца и мать.
Он обманул святого Эна...
Беда — и за бедой опять беда.
Тяжелая болезнь о-Кати.
Теперь вот — новая напасть.
Несчастный дядюшка Моризэмон!
И что еще, какие беды,
На нас повеса этот навлечет?
Вообразить,
Придумать я не в силах.

Т а х э й

К чему напрасно голову ломать?
Лишить наследства негодая —
Пусть образумится!..

Вы, дорогой отец, слишком мягко нас воспитывали! Видно, вас смущало, что я — и этот безобразник Ёхэй — не ваши кровные дети. Ёхэй никогда не боялся вас, не слушался вас... А я, как умер мой отец и вы женились на моей матушке, всегда вас почитал, как родного отца.

Сестра вот выросла,
Уже невестой стала,
Но до сих пор вы школите ее,—

Чуть что — ей достается на орехи!
Ведь вам она — родная дочь.
А этого оболтуса Ёхэя,
Хоть раз когда-нибудь
Его б вы проучили,
Да хорошенько — кулаком,
И было бы ему на пользу!
Но пальцем вы не тронули небось —
Разбаловали наглеца!
Вы сами видите, что ваша слабость —
Погибель для Ёхэя,
Худший враг.
Да вышвырните баламута вон!
Пока не поздно, пусть за ум возьмется.
Ко мне его пришлите. Я сумею
Нахала проучить:
Да я его
Отдам хозяину такому под надзор,
Что он завертится!

Р а с с к а з ч и к

Но Токубэй
От этих слов
Совсем расстроился.

Т о к у б э й

Печально на душе!

Да, горько сознавать свои промахи, свои ошибки! Пусть я не родной по крови, а все равно вам отец. А отец не должен колебаться, если ребенка надо наказать, научить уму-разуму! Когда хозяин мой, ваш почтенный родитель, скончался, тебе было семь лет, а Ёхэю четыре. Он, надо полагать, хорошо запомнил, как я называл тебя «молодой господин» и вы оба помыкали мной: «Токубэй, сделай то! Токубэй, сделай это!» В первое время называл я твою матушку «госпожой» и «хозяйкой». Ведь сосватал нас дядюшка Моризэмон: уж очень он боялся, что дом этот придет в полное разорение, что придется вдове с детьми побираться по миру с протянутой рукой. Так он говорил. И понемногу я сдался на его уговоры.

Я в жены взял
Вдову-хозяйку — матушку твою,

А вас, обоих малышей,
Воспитывал, лелеял,
Как будто вы — мои родные дети.
Ты стал разумным юношей —
И скоро
Свою особую
Завел торговлю.
А вот Ёхэй...
Шальной, балованный Ёхэй!
Как я старался,
Чтоб он благополучно
Вышел в люди!
Я приучал его к торговле.
К нему приставил
Помощников-приказчиков. Построил
Большую кладовую для него,
Я обучал его,
Вводил в секреты дела,
Все силы я на это положил,
И все впустую!
Да это все равно,
Что цепные монеты
Нанизывать на нить без узелка,
Пожалуй, хуже,
Чем черпать воду решетом!
Хоть до краев его наполни,
Все в дыры убежит.
Такой он бестолковый, наш Ёхэй!
Монету заработает,
А десять
На баловство просадит. Скажешь слово
Ему в укор,
А он в ответ мне сто!
Да, все из-за того,
Что, мальчишки, вы — дети господина!
А я? Я — отчим. Как я был слугой,
Слугою и остался. Что мне делать!
Я словно гвоздь тяжелый забиваю
В гнилое дерево...

Р а с с к а з ч и к

И он в тоске

Кусает губы...

Та х э й

Он — вашей добротой
И честью
Воспользовался, наглый,
Он вас тоштал ногами, как хотел.

А я скажу: только благодаря вам, отец, мы трое, матушка и я вместе с Ехэем, не ночевали где-нибудь под мостом и не стояли с протянутой рукой у чужих ворот! Вы, только вы спасли доброе имя нашего дома и торгового дела. Каватия — каждый произносит это имя с уважением. Матушка всегда внушала мне: «На тебе лежит долг сыновней признательности». И это она повторяла много раз, как если бы и впрямь вы были моим родным отцом. «Он так смущается перед моими сыновьями, — говаривала она, — что и со мною он словно чувствует себя не свободно, неловко: ведь я — мать хозийских сыновей. Все это так тяжело тревожит мое сердце. А от Ехэя — сколько я натерпелась от него! Этот беспутный расточитель, прожигатель жизни — ох! — пропадет ни за грош! Не жду я от него добра!» Сколько раз говорила мне матушка: «Тахэй, прошу тебя! Отправь этого сорванца подальше куда-нибудь, в Эдо, что ли? Или в Нагасаки? И если судьба ему отправиться там на тот свет, по мне — туда ему и дорога! Я и лица его противного не хочу больше видеть! Ни капли любви к нему не осталось в моем сердце!»

И в этом
Мне со слезами матушка клялась
Великим Буддою! Зачем же
Так церемониться с Ехэем?
Лишите —
Его наследства, прогоните прочь.
Ручаюсь, что ему на пользу будет!

Р а с с к а з ч и к

Тахэй, разгневавшийся, повысил голос.
О-Кати,
Лежащая за ширмой,
Вдруг проснулась.

О - К а т и

А-а! Как больно! Силы нет терпеть!
Где мама? Мама!
Как? Мамочка еще не возвратилась?

Р а с с к а з ч и к

О-Кати стонет.

А у ворот

Раздался чей-то громкий голос.

Монах-заклинатель. Здесь ли лавка Каватия? Здесь ли проживает почтенный Токубэй? Я — служитель бога Инари. И прибыл сюда по приглашению паломников из братства Святой горы.

Та хэй. Отлично, отлично! Так вы явились, чтобы прочесть молитвы во здравие моей сестры? Прошу пожаловать сюда!

Р а с с к а з ч и к

Монах проходит в глубину покоя.

Тахэю время удалиться:

Дела его торопят. Он уходит.

Но вот идет Ёхэй —

Торговец маслом,

Хотя в его бочонке

Ни капли масла не осталось!

Да, он скользит по жизненной тропе,

Как будто вылил масло на дорогу.

Он промотал в беспутных кутежах

Весь свой достаток,

Да не только свой!

Как легок стал бочонок на плече!

Но отчего ж Ёхэй в поту —

И вытирает лоб?

Да! В летний зной

Его знобит забота,

Как-будто

В его бочонке

Осенний ветер поселился!

Ё хэй. Э-э! Редкий гость, монах-ямабуси! Я знаю тебя: ты — Белый Лис. Что ж, ты явился заклинать да чудесить, чтоб моя сестренка выздоровела? А вот я, Ёхэй, свою голову прозакладываю, что не выгнать тебе демона, который в нее вселился! А где же мать? За лекарством побежала? Зря из кожи вон лезете, зря стараетесь... Недуг сестры смертелен. Самый знаменитый врач

ее не вылетит! Э, папаша Токубэй! Вот что, есть дело поважнее, чем хворь о-Кати. Я матери уже говорил, да с тех пор что-то у меня из головы вылетело!

Но вдруг сегодня вспомнил,
Торговлю бросил и — бегом — сюда!
В прошедшем месяце
В Нодзаки
Я встретил дядюшку Моризэмона,
А он и говорит:

«Вот и хорошо, что я встретил тебя. А то я уже собирался послать нарочного к Токубэю с письмом. Так уж случилось, что растратил я деньги моего господина! Больше трех каммэ серебром! А если я не верну денег к празднику — тут и конец моей жизни: либо спесут мне голову, либо сам вспорю себе живот. Заклинаю тебя, Ехэй, всеми богами и буддами: на этот раз уж как-нибудь выручи меня. Уж как-нибудь вместе с почтенным Токубэем собери три каммэ и отвези их мне. А твой старший брат Тахэй, сам знаешь, он такой скаред. Нет у него ни чувства долга, ни понятия о чести. Ты ему ничего не говори».

Вот что сказал
Мне дядюшка Моризэмон,
И если
Вы не дадите этих денег
И вспорет дядюшка себе живот,
Все люди, все до одного,
Осудят вас. Наш дом
Навеки будет обесславлен.
А ведь до срока
Расплаты по долгам
Всего два дня осталось: завтра —
И послезавтра.
Опоздать нельзя.

А ну-ка, отложите
Делишки в сторону. Скорее,
Сегодня же
Три каммэ раздобудьте
И дайте мне.
Отправляюсь я в дорогу
Чуть рассветет,
И завтра ж
К полудню я вернусь...

Р а с с к а з ч и к

Ёхэй отважно лжет.
Он говорит
Совсем не то, что сказано в письме,
Собственноручно
Написанном Мориэмоном.
Но он ведь и не знает про письмо!

Конечно, Токубэй насквозь
Все хитрости Ёхэя видит.
Он сдерживает гнев
И отвечает.

Токубэй. Мориэмон — твой родной дядя! Но все же... надо сказать, если самурай украл деньги у своего господина, что же ему остается, кроме харакири? Туда ему и дорога! Ты — что? Ты понимаешь, что ты говоришь? Три каммэ серебра — большие деньги! А у меня сейчас и трех моммэ не наскребется. Послушай, Ёхэй. Ты с прошлого года не принес домой из твоей лавки и ломаного гроша. Подсчитай-ка хорошенько твою кассу. Да у тебя должно было остаться три каммэ увесистым серебром, а то и четыре либо пять. Хочешь помочь дядюшке Мориэмону, вот и отошли ему свои деньги!

Все это — чушь,
Пустая болтовня!
Мне время дорого.
Ни времени, ни денег
Я тратить по-пустому не могу.
Ты видишь, дочь моя, о-Кати,
Так тяжело захворала,
И когда же?
Как раз — в канун счастливой свадьбы.

Святой отец-целитель! Извините,
Я вас заставил ждать...
Прошу вас осмотреть больную.

Р а с с к а з ч и к

Он отвернулся от Ёхэя
И, поклонясь целителю-монаху,
Почтительно его подводит
К больной о-Кати.

Е х э й. О-о! Вы собираетесь принять молодого зятя в дом? По-
пробуйте, попробуйте, а я полкуюсь, как это вам удастся!

Р а с с к а з ч и к

Он нагло развалился
Пред отчимом —
И длинные ножищи протянул,
А под голову счёты положил.
Однако
В расчётах крепко он ошибся.

Отец тихонько дочь приподнимает.
Лицо о-Кати сильно исхудало.
Монах-целитель, Белый Лис,
Внимательно глядит
В глаза больной...

М о н а х

Хм... сколько же ей лет?

Т о к у б э й

Пятнадцать.

М о н а х

Пятнадцать?
А когда ж к ней хворь пристала?

Т о к у б э й

Двенадцатого. Вот уж три недели
Без малого она хворает.

М о н а х

Хм...

Двенадцатого... в праздник
Целителя... А!.. Якуси-Нёрай
С лазоревым челом... Так! Хорошо!
Пятнадцать лет... Пятнадцать —
Священное число... Успенье Будды.
Так-так!.. Сочтем!..

Р а с с к а з ч и к

Он из-за пазухи
Вытягивает книгу.
Листает. Ищет. Про себя бормочет.

Считает, пальцы загибая.
И наконец провозглашает.

М о н а х

Итак, приступим!

Ведь сказано же в дзёрури «Священник сокровищницы Закона», что Амида и Якуси были когда-то мужем и женой... И прочее, и прочее, и тому подобное. А это означает, что хворь этой девицы происходит от любовного томления. Она как можно скорее должна получить супруга!

К тому же наваждение духа...
Но демон-то, по счастью, слабосильный.
Его в два счета изгоню!

Р а с с к а з ч и к

Обрадованный Токубэй
Благоговейно слушает монаха.
Монах-хитрюга это замечает —
И хочет пыль в глаза пустить купцу.
Он возвышает голос
И начинает зычно возглашать.

М о н а х - ц е л и т е л ь

На земле своры демонов
Развелись,
Демоны хвори,
Демоны горя — зловредные твари.
Но любого демона
Легко одолею я — Белый Лис,
Служитель
Великого бога Инари.

Монми устами
Высшие истины вещают.
Ни на волос лжи —
Узнаете сами.
Соберись вся бесовская рать,
Мои заклинания —
Всех укрощают,
Затрепещет бес — и бежать!
Каждый бог, каждый Будда
Творит свое
Особое чудо.

Чтоб охладить огневицу,
Да будет ведомо вам,
Посетить надо
На горе Хиэй — «Горней прохлады»
Двадцать один храм.
Привяжется морозный озноб,
Гляди в оба!
Не загнал бы в гроб,
Но от самого злого озноба,
От леденящей боли,
Спасет бог Ацута́ —
«Горячее поле».

У иного разломило голову.
А у того —
 На носу чирей,
 На щеке веред,
Зубная скорбь изувечит...
Молитесь бодхисаттве Атагó,
Он голову лечит.

А какой бог
От ломоты ног
Поможет?
Будда Асикү,
Восседающий на лотосовом подножии.
Есть бог и построже:
На убийц, на воров —
Царь Фудó с железным арканом!
Не разорвать небесных оков!
Горе тем, кто живет
Воровством и обманом!

В «Храме ветра» новое чудо —
Божественный ветер
Лечит простуду.

А от старческой немощи
Других заступников не ищи,
Но если жизнь тебе дорога,
Молись снова и снова
Беловласому, белоусому богу Сирагá —
И станешь бодрей молодого.

А всемилосердный Дзидзо-целитель?
Он помогает,
Молельщиков врачаю:
Юношей лечит от почечуя,
Путников охраняет от воров и грабителей.
В карты играя,
Не плутуй,
Не искушай судьбу.
Чтоб залучить «адза»,
Сиречь козырного туза,
Умоляй бога Адзабу!
Если мечешь кости
В притоне игорном,
Молись, чтоб сыграть наверняка,
Трем и четырем храмам нагорным —
И выпадут три
И четыре очка.
А хочешь, чтоб выпало
Пять и шесть,
Вознеси моления
Пяти и шести божествам.
Множество заклинаний есть,
Капищ — семь,
Восемь — поучений...
Это следует заучить всем, всем!

А вот я, монах-целитель Белый Лис владею великими познаниями, особым умением. Мне подвластна цена и золотых и медных монет. Мои молитвы помогают удачной торговле маслом или мешками риса. Захочу — и цены полезут вверх. Поворожу — и цены вниз ползут. Я молюсь также от лица продавцов разных товаров — восьми мириадам богов на «Высокой равнине Неба», чтобы торговля шла удачно — чтобы цены росли и спрос повысился. А если просителям нужно много риса и желают они, чтобы цены упали, на это есть будда Сága «Пологого холма».

Помолюсь —
И цены упадут вниз,
С вершины к подпожию
Скатятся.
И еще есть помощник один —
Ясуи-но тэндзин,
«Бог дешевого кладезя».
На все нужен расчет и разум.

А когда молишься сразу
И о тех, кто товары покупает,
И о тех, кто товары продает,
Помощь подает
Великий бог Такайсу
(Что значит «дешево-дорого»)
Из страны Кавати.
Да, заклятий есть много,
Только возноси их кстати,
От всего сердца
Горячо молясь.
Что горячее молитвы сильнее?
Прогнать злобных демонов полки
Не труднее,
Чем чашку снять с полки!

За молитву об исцелении — обычная плата: тридцать золотых,
Монеты принимаю в любое время.

Ну, а теперь приступим к молению,
К исцелению!

Р а с с к а з ч и к

И он трясет
Молитвенным жезлом,
Серебряными кольцами гремит.
И четок
Перебирает зерпа.
Но раньше,
Чем успевает он начать моленья,
Больная девушка с трудом
Приподнимается па ложе,
Ее глаза
Блуждают дико
По сторонам,
Опа как будто
Во власти наважденья
Бесовского,
Как будто дух в нее вселился
Покойного отца Ехэя.

О - К а т и

Вы слышите? Прочь!.. Прочь!..
Я запрещаю

Моления возглашать!
Я страшных не хочу заклятий!
А если вы хотите,
Чтобы о-Кати исцелилась,
Расторгните помолвку
И молодого зятя
Не принимайте в дом!
Я запрещаю!
О, как я мучаюсь в аду,
Как демоны меня терзают,
Когда несчастную я созерцаю участь
Любимейшего сына моего!
Ёхэя мучат
Его долги —
Ошибка юных лет!
Их надо погасить,
Иначе ад крошечный не погаснет!
Какие муки — страшные — терплю!
Ёхэй — он клятвой связан
С продажной женщиной. Но он
Ее всем сердцем любит!
Вам надо выкупить ее —
И в жены дать Ёхэю, а не то,
Не то — беда
Обрушится на вас!
А этот дом
Ему отдайте в полное владенье!
А если вы,
Наперекор всему,
Введете молодого зятя в дом —
Тогда умрет о-Кати!
Смерть — вашей дочери!
Смерть! Гибель!
Вы поняли меня?
Так берегитесь грозной кары!

Р а с с к а з ч и к

Безумными глазами
Она обводит всех, кругом стоящих.

О - К а т и

Какая боль!
Какие муки!

Р а с с к а з ч и к

И, лепеча бессвязные слова, ¹
О-Кати извивается на ложе.

Ее отец
Испуган. Он бледнеет
От ужаса.
Но Белый Лис не дрогнул.

М о н а х

Э, демон-искуситель!
Откуда ты пришел? Уйди
Обратно в бездну!
Ты думаешь,
Что можешь побороть
Могущество святого Эна?
Прочь! Прочь! Изыди, бес!

Р а с с к а з ч и к

Монах своим жезлом
Неистово трясет
И в колокольчик — рин-рин-рин! — звонит.
Он духа заклиняет: «Повишись
Без промедления!»

Но тут Ёхэй
Вскочил одним прыжком,
Схватил монаха,
Трясет его...

Ё х э й

Ты что за вздор городишь?
Черт побери монаха-ямабуси,
Все заклинания
И выкрутасы!
Пошел, пошел на улицу!

Р а с с к а з ч и к

Ёхэй
Ударом в спину сбрасывает Лиса
Вниз с лестницы
К порогу. И потом

Выталкивает вон из дома,
Но Белый Лис
Врывается обратно и кричит.

М о н а х

Я-а! Я-а!
Ты что ж, не знаешь силы
Монаха-заклинателя?..
Я не уйду,
Пока не совершится исцеленье!

Р а с с к а з ч и к

И он опять
Трясет жезлом, и кольцами гремит,
И в колокольчик
Отчаянно звонит — рин-рин!
Ехэй его выбрасывает вон,
Но Белый Лис
Опять взбегает вверх по ступеням,
Невнятно бормоча заклятье
Царя Фудо:
«Нама́кусамандо́бараса́рада».

Ехэй обрушивает на монаха
Град колотушек, выгоняет снова,
А тот опять вбегает... Но Ехэй
Безжалостно монаха колошматит
И тащит к двери.
Белый Лис
Трясет жезлом — бряк-бряк!
Но под конец
Сам брякается со ступенек.
Ехэй его молотит кулаком.

Монах почувал: жизнь его теперь
В руках Ехэя —
Хрупкая скорлупка!
Как быть ему?
И он, хромая,
Уходит прочь,
Едва живой, проклятья бормоча.
И звон жезла его
Доносится все тише,
И, наконец, теряется вдали...

Ехэй
Подходит к отчиму вразвалку,
Засучивая рукава,
И, свой подол заткнув за пояс,
Садится на пол,
Лицом к лицу
С испуганным, смущенным Токубэем.

Ехэй

Э-э, папаша!

Вы слышали, что ваша дочь говорила в бреду? Ну как? Дошло наконец до вас? Или по-прежнему вы не хотите, чтобы я, Ехэй, женился на любимой женщине? Отказываетесь отдать мне мое наследство? Значит, по-вашему, лучше, чтобы дух моего родного отца мучился на том свете, терзался в преисподней? Ну как же? Вы все еще будете отвиливать и отнекиваться?

Токубэй. Успокойся. Перестань кричать во весь голос. Кругом нас соседи. Ты сам не понимаешь, что говоришь. Поверь мне, я, Токубэй, легко прокормил бы семейство из пяти человек, даже если б и не получил наследства от твоего покойного отца! Но я принял его имя. Я усердно молился в годовщины его смерти, чтобы спасти его душу от адских мучений. Немало мне пришлось перенести и трудного и горького. Ну, положим, я выкуплю продажную жепщину — и дам ее тебе в жены. Что из этого выйдет? И полгода не пройдет, как наш дом разорится. И я даже не смогу служить молебствия за упокой души твоего отца, ведь это стоит много денег!

Ехэй. Так, значит, вы решили взять в дом молодого зятя? Все имущество передать вашей дочери?

Токубэй. Да, это твердо решено!

Ехэй. А! Так! Это решено! Решено без меня, за моей спиной! И ты смеешь это говорить мне, Ехэю, ты — тупоголовый старик!

Р а с с к а з ч и к

Он вскакивает.
Вне себя от гнева,
Одним ударом
Бросает Токубэя впиз лицом
И бьет его погами
Без всякой жалости
И по плечам
И по спине!

О - К а т и

Брат! Что ты делаешь?
Остановись!
Как ты жесток!

Р а с с к а з ч и к

Она с трудом встает,
Шатаясь,
Вцепляется в Ёхэя,
Чтоб помешать ему.

Т о к у б э й

О-Кати, отойди —
И не мешай Ёхэю!
Пусть топчет он меня ногами,
Когда-нибудь его остынет гнев.
Скорей в постель! Ведь ты больна.

Р а с с к а з ч и к

И Токубэй
Лежит, не шевелясь, под градом
Неистовых ударов!..
Но дочь в отчаянье:
Она не может видеть,
Как мучает Ёхэй ее отца!

О - К а т и

Не смей! Не смей!
О, это слишком!
Так нельзя!
О, я, несчастная, — не понимала,
Что делаю! Ты виноват во всем!
Ты, ты, Ёхэй, уговорил меня,
Чтоб притворилась я, как будто
В меня вселился
Дух твоего отца!
Я повторила слово в слово,
Что ты велел мне говорить! Взамен
Ты обещал исправиться! Ты лгал,
Ты клялся мне богами, Буддой,
Что, если я твою исполню волю,
Исправишься —
И станешь наконец

Отцу — почтительным, послушным сыном!
И я поверила!
О, я была так рада,
Охотно согласилась!
Прикинулась, что я — в бреду,
И притворилась,
Как будто не сама я говорю,
А что моими
Послушными устами
Вещает твой родитель: мертвый дух.
Мне было страшно! Страшно!
И все же я преодолела страх
И повторила все слова, какие
Ты мне сказать велел. Ради тебя!
И что же! Что ты делаешь?
Жестокый!
Ногами топчешь моего отца?
А он... он стар... он может потерять
Сознание...
Его убить ты можешь!
Обманщик, где ж твоя
Сыновняя почтительность? А! Так-то
Ты стал послушным сыном?
Нет! Нет! Нет!
Я не позволю!
Я не допущу!..

Р а с с к а з ч и к

Она рыдает в голос
И повисает на руках Ехэя,
Его стараясь оттащить...

Е х э й. Ах ты, мерзкая шлюха, дрянь, падаль! Ты обещала мне, что не проговоришься и будешь держать пасть свою на замке!

А ты —
Все выболтала, гнусная погавка!
Пусть черти поберут
Тебя и лживое твое лицо!
Ну, погоди, узнаешь,
Что мертвый дух не может мучить так,
Как я, живой Ехэй!
Меня попомнишь!

Р а с с к а з ч и к

Он в ярости,
Он бросил на пол
Несчастную о-Кати
И тоже топчет
Без жалости
И бьет ее ногами.

Т о к у б э й

Стой! Стой!
Чудовище!
Ты хочешь
Убить свою сестру — больную? Изверг!

Р а с с к а з ч и к

Он пробует Ёхэя оттащить
Прочь от бедняжки...
Но куда там!
Ёхэй — его пивыряет на пол
Пинок ног.

Ё х э й

Ты сам сказал,
Чтоб я тебя топтал ногами,
Пока не утолю свой гнев!
Так получай!
Вот, вот тебе! Еще!.. Еще!.. Еще!..

Р а с с к а з ч и к

Он бешено лягает их обоих
Куда придется — в грудь, в лицо.

Он в полном бешенстве...
Он в исступленье...

А тут как раз
Вернулась мать Ёхэя...
Она оцепенела
От ужаса...
Она кричит...
В отчаянье она из рук роняет
Лекарство на землю,

Бросается к Ёхэю,
Хватает за волосы сыпа,
Кидает на пол,
Садится на него верхом
И бешено молотит кулаками...
Не разбирая,
Где лоб, где нос, где щеки...

А! Ты — предатель, негодяй! Самый последний подонок, самый грязный бродяга, пария, и тот не станет так топтать и бить ногами других людей. А ты, кого ты избиваешь без всякой пощады? Больную сестру? Почтенного Токубэя? Ты что же, забыл, что Токубэй-доно тебе отец?

Ты знаешь сам: нога,
Которой ты посмел пинать отца,
Сгниет, отвалится!
Ты, изверг, знаешь,
Что молния с небес
Тебя испепелит!
Ком грязи, камень
Бездушный вместо сердца у тебя!
Иные
Рождаются на свет слепыми,
Уродами,
Без глаз, без рук, без ног,
И все ж душа
У них — живая, человечья.
Чем согрешила я,
Когда тебя в своем носила чреве?
Что совершила я дурного,
Что ты родился извергом? Какой
В тебя вложила — я сама! — порок?
Ах, почему в твоей груди
Не бьется человечье сердце?
Я — виновата! Я боялась,
Что люди скажут:
«Вот видите:
О-Сава,
Она вторично вышла замуж —
И охладела к мальчикам своим!»
И чересчур тебя я баловала!
С тебя я не спускала глаз, тряслась,

Как скряга над сокровищем своим,
И это было к худу для тебя.
Ты лезвием дурного поведенья
Куски от сердца матери срезал!
Да-да! Вот только что, на днях,
Еще недели не прошло,—
Ты лгал мне,
Что дядя твой — Мориэмон — присвоил
Чужие деньги, деньги господина,

три каммэ серебра с лишком, и что его надо спешно выручать...
Какой гнусный обман! Я встретила твоего старшего брата Тахэя,
и он показал мне собственноручное письмо Мориэмона... И вот
что стоит в письме: твое буйное поведение по дороге в Подза-
ки опозорило его в глазах других самураев. Что же теперь ему
остается делать? Или прибегнуть к харакири, покончить с собой,
или — жалчайшая судьба! — оставить службу у своего господи-
на, стать ронином,— и приехать сюда, в Осака! Вот как обер-
нулось дело: твоя наглая лож вышла наружу. А вот если бы я
полностью поверила тебе и еще несколько дней назад все твои
рассказы передала Токубэю, он был бы вправе заподозрить
меня в сговоре с тобой! И как тяжело я согрешила бы против
своего мужа!

Куда б я ни пошла,—
В соседний дом,
В далекое предместье,—
Повсюду в городе я слышу
Дурные слухи о тебе!
И хоть бы раз один
Хоть кто-нибудь
Обмолвился бы добрым словом!
И каждый раз,
Ты словно отрубашь
Часть сердца моего!
Беспутный сын,
Ты пьешь по капле кровь мою!

Исчадь ада!
Ты мне не сын!
Ты — изверг! Ни минуты
Ты не останешься здесь, в нашем доме.
Прочь с глаз моих! Прочь! Прочь!
Тебя наследства мы лишаем! Прочь!

Р а с с к а з ч и к

Она его колотит,
Но силы нет в ее руках...
Бьет кулаком
И кулаком же оттирает слезы...

Ё х э й

Как! Мне уйти
Отсюда? Из родного дома?
Мне некуда идти!

О - С а в а

О-о, ступай,
Ступай к той потаскухе,
С которой спутался! Ну! Поскорей!
Да пропади ты пропадом!

Р а с с к а з ч и к

О-Сава
Хватает коромысло от весов
И, угрожая тащит
Ёхэя за руку —
И хочет вытолкнуть из дома.

О - К а т и

Нет, мама! Так нельзя!
Нет! Если брата выгоните воп,
Наследства не приму,
Я не хочу наследства!
О, лучше я умру!
Простите брата! Умоляю!
Простите!..

Р а с с к а з ч и к

И она
Хватает руки матери,
Пытаясь помешать расправе.

О - С а в а

Оставь меня!
Ложись в постель!
Ну что ты в этом деле понимаешь?
Э, Тожубэй-доно!

Что вы без толку
Таращите глаза?
Кого боитесь вы?
Ну, помогите выгнать наглеца!
О, злость меня берет! Сама,
Сама наколочу его —
И выставлю из дома!

Р а с с к а з ч и к

Она размахивает коромыслом
И хочет
Удар обрушить на Ёхэя.
Однако сын
Отскакивает ловко
И с силой вырывает коромысло
У матери,
Из слабых рук ее.

Ё х э й

Ну, если так, мамаша,
Я этим коромыслом
И сам сумею крепко угостить.

Р а с с к а з ч и к

И он безжалостно
Колотит мать!

Но Токубэй
Проворно налетает на Ёхэя.
Один рывок —
И коромысло
Уже в руках отца.
Он бьет им пасынка.
Шесть-семь ударов.
Он не дает Ёхэю
Дыхание перевести.
Как страшен Токубэй!
Его лицо
Пылает гневом. Но потоки слез
Текут из глаз его...

Токубэй. О-о! Кукла из дерева, из глины, если только
вдохнуть в нее живую душу, и та была бы человечней тебя!
Но ты... ты!.. О, если есть у тебя уши, слушай! Я, Токубэй, я

числюсь твоим отцом. Но все еще ты — для меня — сын моего хозяина! Вот почему я пальцем не тронул тебя, не сопротивлялся, когда ты топтал меня ногами. Но когда ты стал бить свою мать... когда ты осмелился поднять руку на нее, носившую тебя в своем чреве... Нет!.. на это я не мог смотреть равнодушно, со стороны...

Я плачу.
Я весь дрожу...
Знай, что не я,
Вот этот Токубэй,
Нанес тебе побои:
Нет, бил тебя покойный твой отец.
Он руки протянул
Оттуда,
Из царства мертвых,
Чтоб нанести моей рукой — удары.
Ты понял это?

Теперь тебе могу я рассказать:
Весь разговор,
Что в дом берем мы молодого зятя
И все наследство отдаем ему,
О, это — только хитрость, лишь уловка.
Замыслили мы припугнуть тебя,
Надеялись, что ты угомонишься,
Одумаешься...
Станет стыдно,
Что так беспутен ты,
Так развращен,
Так бестолков и опрометчив!
И будто в гневе на тебя наследство
Отдать решили мы твоей сестре
И молодому зятю. А по правде
О-Кати отдаем в дом жениха!
Тебя обидеть? Да никто
Не собирался обделить тебя.
Но ты неисправим!

Да! Между нами
В одном из прежних существований
Была, должно быть, родственная связь:
И вот я стал тебе отцом.

И я любил тебя сильнее,
Чем любят собственных детей...
Когда ты в детстве оспой захворал,
Я отказался
От веры предков.
В моей семье усердно почитали
Святое имя Амида...
Но я
Стал возносить
Горячие молитвы
Целителю —
Святителю Нисину,
Чтоб ты был исцелен!

Я оставил привычные для меня молитвы и — на время твоей болезни — примкнул к секте священного Лотоса. Я выхаживал тебя, как самый любящий отец. Я взвалил на свои плечи тяжелейший груз, тысячу хлопот, не прибегая к помощи наемных слуг...

А для чего?
Чтобы когда-нибудь
Тебя увидеть
Хозяином большого
Торгового прославленного дела...

Но чем усердней я трудился,
Тем все усердней ты сорил деньгами!

Подумай сам: ты сейчас в самом расцвете молодых сил. Ты ведь должен трудиться, наживать, чтобы стать хозяином большой лавки с фасадом шириной в пять — семь кэнов. Вот к чему должен всей душой стремиться настоящий купец! Но нет, ты был бы рад заполучить жалкую лавчонку... Да уж чего там! И такую ты промотаешь за один месяц!

Но горе мне!
Тебя нельзя исправить!
Ты поднял руку на родную мать.
Меня, отца,
Без жалости топтал ногами.
Куда ты ни пойдешь,
Повсюду лжешь бесстыдно,
Бахвалишься, дерешься,
Развратничаешь и мотаешь деньги!

Нет, не ворота на больших столбах
Перед своим богатым домом
Увидишь ты.
Нет-нет, ворота в ад.
Позорный столб тебя подстерегает.
На нем,
Оскаля зубы,
Торчит отрубленная голова
Преступника... Твоя! Твоя! Твоя!
Вот страшное несчастье для отца!

Р а с с к а з ч и к

Так Токубэй в отчаянье кричит!

О - С а в а

Нет больше у меня терпенья
Вас слушать,
Токубэй-допо!
С Ехэем рассуждать?
Не лучше ль
Загадывать загадки камню —
И ждать ответа от него?
Прочь! Прочь!
Ты мне не сын, Ехэй!
Вон, вон отсюда!
И если хоть минуту будешь медлить,
Немедленно старейшин позову,
Тогда
Не миновать тебе тюрьмы!

Р а с с к а з ч и к

Она опять
Размахивает коромыслом
И упирает
Его тупой ковец
В хребет разнузданному наглецу.
Ехэй вдруг присмирел,
Старейшин он боится:
Ведь с ними шутки плохи!
Отчаянный буян
Застыл с открытым ртом,
В его глазах — испуг...
Старейшины придут?
Он растерялся.

О - К а т и

Нет, мама, нет!
Прогóните вы брата —
Я тоже не останусь здесь!

Р а с с к а з ч и к

Она цепляется с мольбою
За руки матери своей,
Но та ее отталкивает в гневе!

О - С а в а

Ёхэй!
Чего ты ждешь!
Ну что стоишь как столб?
Тебе все мало?
Еще ты просишь тумачков?

Р а с с к а з ч и к

Собрав все силы,
Она толкает сына коромыслом
За дверь.
И этот узенький порог —
Скрипучий желоб для скользящей двери —
Становится теперь
Широкою рекою слез,
Что навсегда разделит
Родителей и сына.

Ёхэй уходит прочь...
И Токубэй,
Не в силах удержать рыданий,
Не сводит глаз
С Ёхэя, уходящего все дальше...

Т о к у б э й

Чем старше он становится,
Тем больше
Его лицо, его осанка
Покойного отца напоминают,
Живой его портрет!
И вот теперь,
Когда я вижу,
Как одиноко он стоит
На перекрестке,

Мне чудится,
Что из дому я выгнал
Покойного хозяина...
Ужасно!
Нет, я не в силах вынести! Боюсь,
Что сердце разорвется!

Р а с с к а з ч и к

Он на пол падает пичком,
Рыдая
Навзрыд...
И не стыдится,
Что могут услышать соседи.

И мать Ёхэя,
Которая так гневалась на сына,
Теперь не в силах слезы удержать.
Она старается
Подняться на носки —
Пытается
Хоть мельком увидеть
Ёхэя вдалеке...
Напрасно!
Уж он исчез.
Его закрыли флаги —
Веселые цветные флаги,
Они развешаны
Почти на каждом доме,
Чтоб встретить праздник,
Праздник сыновей.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

*Дом торговца маслом Сигидзаэмона.
Вечер четвертого числа пятой луны.*

Р а с с к а з ч и к

Так уж исстари повелось,
В пятый день пятой луны —
Праздник мальчиков Тápго.

В этот день
Повсюду радуют взор
Ирис и чернобыльпик,
Развешенные по краю кровли,
И перед каждым домом,
Где хоть один подрастает мальчик,
Нарядные
Развешаются флаги,
Громко хлопающие по ветру,
По веселенному, свежему ветру...

Но перед домом Ситидзаэмопа
Не вывесили флагов:
Там только девочки растут,
Три девочки — три дочери его.
Хозяин лавки — Ситидзаэмон,
Хоть время к вечеру,
По городу прилежно ходит,
Чтоб деньги все собрать у должников.
А между тем
Его жена о-Кити
Хлопочет по хозяйству,
Туда-сюда,
Забот у ней немало:
Она и масло продает,
И мелкие долги
Уплачивает, если задолжала,
Да и за девочками надо приглядеть —
И покормить и причесать.

О - К и т и

А ну, начну со старшенькой: О-Кинку,
Поди ко мне!

Р а с с к а з ч и к

Она шкатулку открывает
И достает
Самшитовый красивый гребень.
Втирает между зубьев масло,
Благоухающее сливой...

Для женщины
Всего важнее гребень:
Важнее красоты ее волос,

Важнее красоты ее лица.
Да, гребень! Гребень —
Ее заветный друг:
Он очищает пыль с запутавшихся прядей
И выметает сор
Из горестного сердца...

Ведь женщина живет в чужом дому,
А собственного дома не имеет.

С замужества
До смертного часа
Дом, где она
Мать и жена —
Дом ее мужа.

Прежний дом,
Где она росла —
Родителей дом.

Только один
Маленький дом
Женщина вправе
Своим называть —
Дом ее зеркала...
Впрочем, — старинный обычай! —
Одну только ночь,
Накануне праздника Тапго,
Женщины в доме царят
И его называют своим.

Теперь о-Кити
Причесывает дочь
С молитвой,
Чтоб эти праздничные дни
Прошли удачно и счастливо,
Чтоб ничего дурного не случилось.
И вдруг...
Когда она проводит гребнем
По длинным волосам о-Кику,
Хруст! — и ломается один из зубьев.
«Ой, он сломался! Вот беда!» —
Воскликнула о-Кити,
И, огорченная, она невольно
Роняет гребень на пол.

Еще одна зловещая примета!
О-Кити промолчала,
Но в глубине души смутилась.
Зубец от гребня отскочил,
И гребень — на земле...
Как! — неужели
Случится что-либо худое?

А между тем переступил порог
Муж, Ситидзаэмон.
Не удалось ему
Собрать все деньги с должников,
Он получил, пожалуй, семь десятых —
И заглянул домой.
Он думает: «Немного отдохну,
А там — опять в поход!»

О - К и т и. Ой-ой! Вы, муженек, покончили с делами рапьше, чем я предполагала. А я тем временем тоже покончила с разными домашними заботами. Кстати, меняла из переулка маклеров затребовал два сё масла для лампы и один го ароматного — «сливовый цвет». А из бумажной лавки, что на улице Имабаси, забрали в долг один сё светильного масла. Я всё записала в счетную книгу... Да, право же, вымойте ноги и ложитесь спать. Завтра вам ведь придется рано отправляться с праздничными поздравлениями!

С и т и д з а э м о н. Нет-нет, я не могу улечься в постель так рано! Мне еще надо навеститься на улицу Икэда в квартале Тэмма.

О - К и т и. Ой, до чего мне это неприятно! Уж хватит хлопотать. Ведь эта улица Икэда далеко-далеко, на самой северной окраине города! Собрали долги по соседству — ну и ладно. Остальное можно и после праздника!

С и т и д з а э м о н. Ну, женка! Какие неразумные слова. Сама знаешь: если не затребовать долги к празднику, тогда прости-прощай! После никогда не заплатят, это уж точно. Там обещали мне заплатить, как только настанет вечер. Да я живо обернусь! Вот в этом поясе пятьсот восемьдесят мэ нового серебра. Запри-ка в шкаф вместе вот с этим кошельком. А я скорехонько вернусь!

Р а с с к а з ч и к. Он поднимается с циновки.

О - К и т и. Постойте! Обождите! Сперва выпейте чарочку на дорогу. Ну, старшенькая, быстро подогрей сакэ для твоего отца!

Р а с с к а з ч и к

О-Кику подбегает к полке
И начинает осторожно
Переливать вино
В кувшинчик металлический — «тирори».

С и т и д з а э м о н

Не надо, дочка. Обойдусь
Без чарки и закуски.

Ну-ка! Плесни немножко сюда, в эту крышку от чашки для риса.
Ночь коротка, а я тороплюсь. Лей сюда — прямо из бутылки!

Р а с с к а з ч и к

«Сейчас», — о-Кику отвечает,
Подходит, но отец высок —
И трудно девочке налить сакэ.
Она встает на цыпочки,
Стараясь
Ни капли не пролить.

Отец к губам подносит крышку
И первый делает глоток.
О-Кити это замечает.

О - К и т и . Ой! Что это? Скорее сядьте! Это не к добру, не к добру! Дурной знак. Ребенок-то, конечно, не знает, но вам пора знать. Кто же пьет вино стоя? Если пить сакэ, стоя на ногах, это уже верно: кого-нибудь да проводишь в могилу. Ох, по спине холод пробежал!

Р а с с к а з ч и к

Услышав это,
Купец опять садится на циновку,
И, выхлебнув вино из крышки,
Он усмехается и хочет пошутить.

С и т и д з а э м о н

Я, стоя на ногах,
Хотел прикончить эту чарку
За упокой души...
Моих долгов.

Чтоб их скорей похоронить.
Все не оплаченные мной долги,
Прощайте, вам уже не жить на свете,
Теперь — вам крышка!

Р а с с к а з ч и к

И все же
Чем больше шутит он,
Тем больше проступает
Зловещий смысл его веселых слов.

И он уходит,
Чтоб разлучиться навсегда с женой.

А между тем о-Кику,
Взяв с матери пример,
Как надобно по дому хлопотать,
Усердно стелет на полу постели,
При этом напевая песню,
Которую придумала сама.

О - К и к у

Вот подушка! Вот матрац!
Спать пора, пора, пора.

Р а с с к а з ч и к

И только полог от москитов
Подвесить ей не удастся.
Уж слишком ножки коротки
У девочки:
Короче летней ночи.

О - К и к у. Я уже уложила спать о-Дэн, удобно уложила. Она заснула.

И вам, маманя, время отдохнуть!

О - К и т и. О, ты умница у меня! Отец, верно, скоро вернется.
Я буду следить за дверьми, полеживая внутри москитного полога.
А ты, доченька, ложись-ка спать!

О - К и к у

Нет, нет, маманя,
Мне спать не хочется.

Р а с с к а з ч и к

А у самой

Глаза слипаются...

Вот милое дитя!

СЦЕНА ВТОРАЯ

Р а с с к а з ч и к

Как ни крутил,
Как ни хитрил Ёхэй,
Ему не выкрутиться из беды!
Настал последний срок,
Он должен расплатиться —
И не может.
Сегодня, по обычаю, пора
Подбитый ватой халат
Сменить на легкую одежду,
А совесть облегчить от всех долгов.
Однако на Ёхэе
Обшарпанная зимняя одежда,
И хоть обтрепанные рукава
Лишь только-только прикрывают локти,
Он продолжает жить,
Спустя, как говорится, рукава.
И сквозь рукав пропущена тесьма,
На ней болтается пустой кувшинчик
Для масла:
Уж не собрался ли Ёхэй
Кого-нибудь подмаслить? Впрочем,
За пояс у него засунут нож в чехле.
Обычно он ножа не носит.
А вот сегодня...
Уж не надеется ль
Обрезать им долги?
Быть может, этот острый нож —
Последнее, решительное средство
Разрезать петлю?

Вот и лавка
Знакомая — Тэсимая.
Ёхэй к воротам
Подкрался, словно вор.

Он знает,
Здесь люди добрые живут,
Он хочет попытаться...
Колелеблется...
Войти иль не войти?

Вдруг, за спиною, голос в темноте:
«О, это, кажется, Ехэй? Да-да!
А он как раз мне нужен!»

Е х э й

Да, я — Ехэй. А вы кто? Я не вижу.

Р а с с к а з ч и к

Ехэй всмотрелся,
И вдруг узнал: а! ростовщик Кохэй
Из лавки хлопка в Уэмáти!

К о х э й

Ну-ну! Удача! Я тебя искал!

Сперва пошел на улицу Дзюнкэй к твоему братцу. А мне там говорят: ищите Ехэя у его родителей в квартале Тэмма. Вот я и наведалься в дом к твоим родителям. А здесь мне объявляют, что тебя прогнали из родного дома. Да мне-то все равно, прогнали тебя или не прогнали: печать-то на долговой расписке твоего почтенного отчима. Я и решил, если мне не уплатят сегодня же один каммэ нового серебра, завтра принесу жалобу городским властям!

Е х э й. Ого! Это — злобный подвох! Верно: в долговой расписке значится один каммэ? Да ведь вы-то мне дали всего одну пятую часть этих денег, всего-навсего двести мэ. Мы же договорились: если сегодня ночью я уплачу вам эти двести мэ, дело уладится миром — и вы мне вернете расписку.

К о х э й. Да, само собой, если ты заплатишь мне денежки до шести часов утра, я возьму всего лишь двести мэ. Но завтра, едва-едва займется утро, не обессудь — я уж буду требовать каммэ, целый каммэ, и ни полушки меньше! Сам понимаешь, мне выгодно получить в пять раз больше... Оно и так, да мне жаль твоего отца, пришлось бы ему выплатить большущий долг за своего неразумного пасынка. Итак, пойми, я наседаю на тебя — тебе ж на пользу! Смотри уплати мне сегодня же ночью непременно!

Е х э й. Ну-ну, Кохэй! Незачем так подгонять меня! Разве вы не знаете, что Ехэй из Каватия — человек слова, человек верного

слова! Петухи еще не пропоют, а я вам уже принесу денежки. Ждите меня! Даже если сон сморит, я все равно вас разбуджу.

Кохэй. Ну хорошо, хорошо. Если сегодня ночью заплатишь, так завтра же снова дам тебе в долг, если у тебя надобность будет. Я уже вижу, что ты человек слова, не подведешь.

Рассказчик

И с этими словами,
Податливыми, мягкими, как вата,
Кохэй уходит, затянув
Железную удавку
На шее у несчастного Ёхэя.
Ёхэй молчит.
Он хорохорился перед Кохэем,
И из себя он строил богача,
На обещанья не скупился,
Но у него гроша нет за душой.
Он кое-как отбился
От всех долгов в «Домах любви»,
Но как отбиться
От этого Кохэя —
Ростовщика?
Долг в целых двести моммэ!

Ёхэй

Но есть же где-то деньги, в самом деле!
На главной улице прохожих много, —
Так и шныряют!
Быть может, двести моммэ обронит
Какой-нибудь подвыпивший гуляка?

Рассказчик

Но вдруг звучат шаги.
Он оглянулся.
Какой-то человек
Дорогу переходит с фонарем.

Ёхэй

На фонаре, сдается,
Знак дома нашего?
Так точно! «Кава»...
Да это мой папаша — Токубэй!
О, наму самбо!
О, три сокровища святого Будды!

Р а с с к а з ч и к

Ехэй проворно отступает в тень.
Он распластался, как паук,
Прижался
Всем телом к запертым дверям,
Ведущим в лавку Ситидзаэмона.
А Токубэй
Отодвигает боковую дверцу —
И входит в дом к соседям.

Т о к у б э й

Вы дома, Ситидзаэмон-доно?
Ну как? Покончили с делами?

О - К и т и

О, это Токубэй-сама?
Пожалуйста, входите!

Вы знаете, мой муженек все еще не разделался со своими делами. Пришлось ему пойти в самый дальний конец квартала Тэмма. А я была занята по хозяйству перед праздником, даже и не заглядывала к вам все это время.

Вот и спасибо, что зашли.
У вас теперь хлопот,
Должно быть, полон рот!
Да и с Ехэем
Забот не оберешься!

Р а с с к а з ч и к

Она отодвигает полог
И, улыбаясь,
Выходит встретить Токубэя.

Т о к у б э й

Да, правда! Правда!

Вот вам покоя не дают заботы о ваших трех маленьких дочках, а мы просто голову теряем из-за нашего верзилы Ехэя! Но что поделаешь, первый долг родителей — заботиться о своих детях. Да я, правда, этим не тягочусь и никогда не тяготился. Однако на душе спокойней, когда дети живут под родительской кровлей. Но если лишить наследства и выгнать из дома такого буяна и шало-

пая, так душа не на месте. Ведь Ёхэй легко может себя погубить, завтра же прямо в огонь кинется! Вот, например, поставит поддельную печать на долговой расписке, обязуясь уплатить десять каммэ, только для того, чтобы получить на руки хоть один! А там и захлестнет себе горло петлей — и всей его жизни конец!

Но я ведь только отчим,
И, знаете, когда родная мать
Из дома сына выгоняла,
Я как-то оробел
И не посмел вмешаться...
Я не сумел остановить ее!

Краем уха я слышал, что он поселился у своего старшего брата — Тахэя на улице Дзюнкэй. Но если беспутный Ёхэй когда-нибудь появится в здешних местах, пожалуйста, вы и Ситидзаэмподоно шепните ему, что я уж согласен помириться с ним. Пожалуйста, присоветуйте ему, пусть от всего сердца попросит прощения у своей матушки, пусть вернется домой да всерьез одумается и переменит свой нрав. Еще не поздно ему исправиться. Может, он вас и послушает! У моей жены о-Сава все родичи — самураи. Поэтому, верно, у нее в обычае никогда не менять своего решения. Что скажет — как ножом отрежет. Жаль, что наш шалопай не упаследовал от нее твердого чувства долга!

Его отец,
Покойный мой хозяин,
Во всем был безупречный человек.
Уж он-то понимал,
Что значит долг,
Что значит истинная доброта.
Я сердце надрывал
В заботах о его двух сыновьях.
Не покладая рук трудился
В честь памяти его. И вот...
И вот теперь — мы выгнали Ёхэя.
Я не припомню,
Чтоб хоть единый раз
Его отец
Повысил голос,
Когда случалось провиниться мне.
А вот теперь... Уж, верно,
В своей могиле,
Покоясь под густой травой,

Меня он будет ненавидеть!
Какое бедствие! Какое горе
На старые мои свалилось плечи!
Подумайте, о-Кити-сама,
Как тяжело мне...

Р а с с к а з ч и к

Он задохнулся,
Не в силах удержать рыданий.
Его глаза наполнились слезами.
Он их стыдится.
Не знает, как их скрыть,
И притворился,
Что дым из трубки ест ему глаза.

О - К и т и

Да, понимаю, понимаю!
Еще бы! Как вам тяжело.

Знаете, мой муженек должен скоро вернуться. Обождите немного — и потолкните с ним по душам.

Токубэй. Нет-нет! Нынче канун праздника, он будет занят. Я ему помешаю. Послушайте, о-Кити-доно! Вот здесь — триста монов. Я сунул их за пазуху незаметно от моей жены и потихоньку вышел из дома. Так вот! Если этот негодяй Ёхэй заявится к вам, отдайте деньги ему и скажите, пусть он купит себе хоть какую-нибудь летнюю одежонку, прикроет тело, когда нагрянет жара. Но только не вздумайте помянуть мое имя. Скажите — это подарок от Ситидзаэмона, ну, словом, что в голову придет. Я вам буду от души благодарен!

Р а с с к а з ч и к

Он хочет передать ей деньги...
Как вдруг
У боковой калитки
Знакомый голос.

О - С а в а

О-Кити! Можно к вам зайти?
Вы заперли уже ворота на ночь?

Р а с с к а з ч и к

Гость — Токубэй — испуган и смущен:
Его жена, о-Сава?
Так поздно ночью?.. И зачем?

Токубэй. О-о, я не хочу, чтобы она меня увидела. Я лучше спрячусь. Вы уж меня извините...

Р а с с к а з ч и к

Он ускользает за mosquitoный полог
И хочет спрятаться...
Не удалось!
О-Сава
Успела мужнюю приметить спину.

О - С а в а

Что это, Токубэй?
И почему
Муж хочет скрыться от своей жены?

Р а с с к а з ч и к

Смущенный Токубэй выходит,
Не знает, что сказать... Молчит.
О-Кити тоже растерялась —
И даже позабыла
Почтенную приветствовать соседку.
А между тем Ёхэй,
Прижавшись к двери,
Под нос себе бормочет.

Ёхэй. Ого! Моя мамаша, кажется, не прочь затеять небольшую свару? А ну-ка, послушаем, что она еще скажет!

Р а с с к а з ч и к

Он к двери ухо приложил —
И слушает... О-Сава,
Не торопясь, присела на ступеньку
И распекает мужа.

О - С а в а. Ну, Токубэй-доно! Ситидзаэмона дома ведь нет, а вы наспех покончили со всеми делами — и бегом к соседке через улицу. А с ней вы можете встречаться в любое время, а не в такую ночь, когда все по горло заняты своими неотложными делами. Что вам здесь понадобилось? Вы, кажется, уже не в тех летах, когда бегают за женщинами. Вас не назовешь вертопрахом. Хм-хм! Вы, верно, опять пошли сетовать по поводу беспутного Ёхэя? Так и есть, угадала! Уж чересчур вы озабочены вашим отцовским долгом, и все потому, что он вам не родной сын. Да ведь его выгнала родная мать, значит, вы тут ни при чем, ваше доброе имя не пострадает. Я все заметила. Неужели вы собираетесь по-

дарить эти триста медных монет такому негодяю, моту? А на себя вы всегда жалели и ломаный грош потратить! Давать Ёхэю деньги? Да это все равно, что швырять их в бездонный колодезь!

Да, ваша доброта
И баловство —
Вот это было ядом для Ёхэя!
Но я не такова.
Сказала:
«Ёхэй лишен наследства», —
И конец!
От слова своего не отступлюсь,
По мне, пускай хоть маслом
Намажется
И кипится в костер!
Пускай в бумажном платье
В пучину ринется,
Пускай творит, что хочет.
А вы?
Всю душу вы отдать готовы
Негодному разбойнику Ёхэю,
Как будто вам и нужды нет,
Что станется
С женой и дочкой.
А пу-ка,
Домой, немедленно домой!
Идите впереди меня!

Р а с с к а з ч и к

Она его подталкивает к двери.
Он вырывается из рук жены.

То кубэй. О, ты не права! Это чересчур жестоко! Никто не рождается на свет с готовым родительским сердцем. Время идет, ребенок становится взрослым — и вот он уже отец!

А все родители
Детьми когда-то были!
Ребенок вырастает,
Взлелеянный родительской любовью.
Но и отец растет
И возвышается душою
Через сыновнюю любовь.
Ты знаешь,
Я, Токубэй, не много видел счастья.

Я слуг не нанимал
Ухаживать за мною,
Я сам для близких был слугой!

Но я думал, что после моей смерти мой гроб понесут двое сыновей, один впереди, один позади, — и какие это были бы великолепные похороны! Больше чести, чем если бы сто чужих людей провожали меня на кладбище!

Конечно, у меня есть двое
Приемных сыновей,
Да что мне ждать от них!
Мой гроб...
Он будет отнесен в могилу
Чужими равнодушными руками.
Уж лучше
Я, мертвый, упаду
Среди дороги в грязь
И парии
Меня швырнут
С доски — в могилу для бродяг!

Р а с с к а з ч и к

Он захлебнулся
Горючими слезами.
Как жаль его!

О - С а в а. Но разве этот беспутный Ёхэй ваше единственное детище? Разве нет у вас старшего сына — Тахэя? И притом еще о-Кати — только девочка, а все же ваше родное дитя!

Ну, хватит!
Пошли домой!
Идите-ка вперед.

Р а с с к а з ч и к

О-Сава подгоняет Токубэя.

Т о к у б э й

Что ж, если уходить —
Так вместе!

Р а с с к а з ч и к

Жену он тянет за рукав.
И вдруг...

Вдруг из-за пазухи жены
Какой-то сверток —
Тяжелый — шлепается вниз.
Обертка развернулась.
И все рассыпалось по доскам пола.
Что это?..
«Тимаки» — и монеты: мон пятьсот!

О - Са ва

Ах-ах! — несчастье!
Куда мне деться от стыда?

Р а с с к а з ч и к

Она всей грудью падает на сверток,
Пытается закрыть его
И спрятать.
В отчаянье
И плачет и кричит.

О - Са ва

О Токубэй-доно! Я умоляю:
Простите! О!..
Я эти деньги
Взяла из тех, что вы собрали
У наших должников!
Да, я украла эти медяки —
Пятьсот монет!
Чтоб потихоньку их отдать
Негодному бездельнику Ёхэю!
Да! Двадцать лет супружества прошло —
И никогда со мной
Такого не случалось!
И если эти медные монеты
Супружеские разлучат сердца
И лягут, как преграда, между нами,
О, если вы меня не сможете простить.
Какое горе!

Если б даже этот негодный сын был похож на глупца Сюрихап-доку, о котором рассказывали нам в храмовых поучениях, или на принца Адзясэ, убившего своего отца, — ах, разве я смогла бы его возненавидеть?

Ведь он мой сын! Я — мать его! Какие
В моих былых существованьях
Я совершила страшные грехи,
Что сын — такой беспутный! —
Из чрева моего родился?
Я не могу его забыть.
Как вспомню,
Почувствую к нему такую жалость!
Люблю его всем сердцем, всей душой!
Какое чувство
Сравнится с материнскою любовью?
Родной отец не в силах так любить!

О, я так боялась: если буду слишком открыто показывать мою любовь к Ёхэю, то вы, чужой ему по крови, скажете: «Вот мать-потатчица! Это она виновата, что Ёхэй не исправляется, что он упорствует в дурном поведении!..» И вы мало-помалу возненавидите меня! А я так старалась выглядеть суровой. Я била, колошматила его, и, наконец, потребовала:

Лишите
Его наследства!
Выгоните вон
Его из дому!
Я была
Жестоккой, беспощадной, для того
Чтоб вы к нему почувствовали жалость!

О! Какая глупая женская уловка... Простите меня, Токубэй-допо!
Я так яростно бранила вас за то, что втайне от меня вы хотели подарить эти триста монов бедняге Ёхэю.

А в глубине души
Три раза вас благодарила!
Признаюсь, почему
И я украла деньги для него.

Вы ведь знаете, он всегда любил покрасоваться! Конечно, в праздничный день уж так бы ему хотелось щегольнуть на людях нарядной одеждой, франтовской прической!

Со дня его рождения
До сей поры
Ни разу не случилось,
Чтоб в Праздник мальчигов Ёхэй
Не получал от нас подарков.
И мне сейчас хотелось —

Хотя б в последний раз —
На праздник
Ему подарок сделать небольшой.
Вот почему
Себя таким позором я покрыла!
И я задумала
Просить о-Кити,
Пусть передаст подарок мой
Негоднику-Ехэю.
Во сто раз
Я для него готова сделать больше!
О, если б врач-целитель
Из материнской печени сготовил
Для сына снадобье такое,
Чтоб нрав его исправить, о, поверьте,
Я б вырвала свою живую печень!
Ради него дала бы изрубить
Себя на мелкие куски!
И вот теперь
Я опозорена!
Стою пред вами,
Обманщица, воровка!
Никогда
Я мужа и на грош не обсчитала.
Любовь, любовь к беспутному ребенку
Заставила меня блуждать во тьме!
И я украла! Как мне стыдно... стыдно...

Р а с с к а з ч и к

Она рыдает в голос. Токубэй
Не в силах слов найти
Ей в утешенье
И только повторяет: «Правда! Правда!»
О-Кити тоже прослезилась,
Сочувствуя несчастным старикам,
И думает о девочках своих:
«Что в жизни им придется испытать?»

Все трое плачут. Вторит им
Унылое гудение moskitov...

Токубэй. Жена! Довольно плакать! Эти бессмысленные жалобы, эти бесцельные рыдания совсем не ко времени в такой праздник. Оставь все деньги доброй о-Кити. Пусть она отдаст их нашему шалопаю. А теперь поблагодарим ее и простимся.

Р а с с к а з ч и к

Его жена не в силах
Остановить поток
Горячих слез.

О - С а в а

Ну, как вы можете
Отдать Ёхэю
Еще и эти краденые — деньги?
И так сверх меры
По доброте своей
Его вы одарили!

Т о к у б э й

Пустое!
Пускай получит он
И твой подарок.

О - С а в а

Нет, нет, подарок этот
Мне руки жжет теперь...
Простите мне мою вину.

Р а с с к а з ч и к

О, эти двое,
Отец и мать,
Так крепко скованы цепями долга!
Они не могут
Себе простить избытка доброты!
О-Кити тоже
Не в силах слезы удержать...

О - К и т и. Ах, я так хорошо понимаю, что вы должны чувствовать в эту минуту! Разумеется, вам совестно подарить эти деньги вашему сыну. Знаете что? Оставьте их на полу, там, где они упали. Придет какой-нибудь человек в большой пужде, я попрошу его их подобрать!

О - С а в а

Ах, вот спасибо!
С моей души упала тяжесть!
Еще одно —
Куда девать «тимаки»?
Скормите эту снедь
Какой-нибудь голодной псине!

Рассказчик

И снова
Родители льют горестные слезы.
Никогда
Сердца их не были разделены
Глухой стеной
И дверью на замке.
На время, правда,
Сыновняя неблагодарность
Замкнула дверь, задвинула засов.
Теперь он снова отодвинут...

От всей души простив друг другу,
Муж и жена
Хозяйке поклонились —
И возвращаются домой.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Заметив, что родители ушли,
Ёхэй кивает молча головой.
На всякий случай
Он из чехла вытягивает нож
И прячет на груди.
Потом отодвигает ловко
Засов на двери боковой
И проникает в дом.
С минуту неподвижно он стоит,
Чтоб сердце успокоилось немного.
Потом бормочет про себя.

Ё х э й

Куда ж запропастился
Хозяин — Ситидзаэмон?
Ведь в этот поздний час,
Наверно,
Он с должниками все покончил счета.

Рассказчик

Ёхэй с порога
О-Кити окликает. Где ж она?
Во тьме крошечной
Не так легко хозяйку отыскать.

О - К и т и

А я-то думала,
Кто это там
Шуршит и возится?
А это ты, Ёхэй-доно?
Ну, право, ты — счастливчик!

Заявился как раз вовремя, тютелька-в-тютельку! Ты только взгляни: восемьсот монов, да еще тимаки в придачу! Прямо с неба свалились. Велено тебе передать!

Пожалуйста, возьми!
Ведь говорится: даже если нищий,
Родителями прогнанный бродяга
В День мальчиков получит
Нежданный и негаданный подарок,
К нему опять вернется счастье!

Р а с с к а з ч и к

Ёхэй ничуть не удивлен.

Ё х э й

А! Это милостынька от моих
Чувствительных родителей? Не так ли?

О - К и т и

Ну, поспешил с догадкой!

С какой радости они стали бы тебе дарить деньги?

Ёхэй. Незачем от меня скрывать. Меня москиты просто живьем сожрали, пока я столько времени торчал у ворот и слушал, как мои родители здесь разливаются в бесконечных жалобах. Да и меня самого под конец слеза прошибла...

О - К и т и. Хм-хм! Значит, ты все слышал? И уразумел? Мое дело, конечно, сторона, и то вчуже глаза у меня были на мокром месте, так жаль мне было твоих родителей.

Смотри же,
Не изведи напрасно ни полушки
На мотовство и баловство.
На! Береги их, как зеницу ока.
Употреби их с пользой!..

Когда же добряки-родители умрут,
Справь похороны, денег не жалея,
Пусть торжественно их понесут
На разукрашенных носилках.
А если им последний долг
Ты не отдашь
И позабудешь их,
Так, значит, ты не человек,
Ты хуже деревянной чурки!
И если снова
Родительской ослушаешься воли,
Тогда тебе не миновать
Небесной кары.
Вперед тогда уже не жди добра!
Ну, вот тебе твой сверток!

Р а с с к а з ч и к

Она ему протягивает деньги.

Е х а й. О, я все хорошо понял. Теперь уж я стану честным человеком. Стану, как почтительный сын, служить моим родителям. Это ведь драгоценные деньги, дар их любви. Но... этих денег уж слишком мало! Есть такое дело, о котором я не смею рассказать. Ни моему брату, ни родителям. Сегодня вы собрали порядочно денег по счетам со своих должников. У тебя должна быть кругленькая сумма. А я прошу всего-то двести мз новым серебром. Одолжи мне на время, пока родители не простят меня! А они вроде как уже меня простили.

О - К и т и. Ну и ну! Вот правду говорят, в глубину сердца не заглянешь, а язык сам скажет. Нечего сказать, исправился! Хочешь обманом выманить денежки! Как у тебя совести хватает! Как только язык повернулся! Хочешь подзаять денег, чтобы расплатиться в дурных местах, а потом можно опять туда же ходить? Сказать по правде, деньги-то у меня есть. Лежат в шкафу. Пятьсот мз с лишним. Деньги есть, но за спиной мужа как я могу дать в долг хотя бы один медный грош? Нестаточное дело. И особенно тебе. Сам подумай!

В тот день, ты помнишь,
Когда мы шли в нагорный храм, в Нодзакки,
И ты подрался,
И вывалился весь в грязи,
Тогда тебя я пожалела.
Тебе я помогла, тебя помыла,—
А муж мой заподозрил,

Что часом согрешила я с тобой.
И сколько дней подряд
Пришлось мне объяснять ему —
И уговаривать!
Как вспомню, жуть берет,
Становится так скверно на душе!
Уж лучше,
Пока не возвратился муженек,
Бери родительский подарок
И убирайся восвояси.
А муж вернется — с ним поговорю.

Р а с с к а з ч и к

Она не хочет,
Чтоб муж застал Ёхэя у нее,
И гонит прочь его из дому.
А он к ней придвигается вплотную.

Ё х э й

Давай-ка лучше согрешим с тобой,
А после дай мне денег.

О - К и т и

Ну, вот еще! Сказала ясно: «нет».
Ты что прилип ко мне?
Ты думаешь, что в непотребном доме,
И с женщиной все можно? Ну, ступай!
Не то сейчас я в голос закричу,
И прибегут соседи!

Ёхэй. А я что же, по-твоему, совсем лишен человеческих чувств?

Слова моих родителей, поверь мне,
Проникли в глубину моей души.

Но, пойми, я в полном отчаянии! Разве мне сейчас пойдет на ум болтать всякую чушь да забавляться? До того ли мне! В прошлом месяце, двадцатого числа, я взял у ростовщика двести мз — и отповскую печать ухитрился приложить! Обещал я деньги вернуть сегодня в ночь до рассвета. Вот в какой я крайности! Да пст, ты дослушай меня до конца. На долговой расписке стоит «один кан нового серебра», а я на руки получил всего двести мз. И все же завтра, по условию, надо будет уплатить целый кан, как обозначено: в пять раз больше! И сильнее всего меня пугает, что ростовщик не только донесет на меня родителям и брату, но и ста-

рейщинам пятидворок по месту жительства. Тут уж мне несдобровать! Поняла? Мне до зарезу нужны деньги. Хотя плачь, хоть смейся!..

Вот я решился,
Не достану денег —
Убью себя.
Гляди, здесь, на груди,
Отточенный я спрятал нож...
Но слушал я и понял,
Как будут горевать родители мои,
Как будут плакать обо мне.
И я подумал:
Умру, а этот долг
Все будет мучить их!
Вот — верх моих безумств и преступлений!
Я разорю их,
Ввергну в нищету.
И мысли в голове моей смешались.
Мне умереть нельзя — и жить нельзя.
Я погибаю, я попал в капкан.
Ты добрая, я знаю. Ты должна мне
Помочь в беде.
И ты сама сказала,
У вас, в шкафу, есть деньги.
Мне до зарезу двести мэ нужны.
Дай в долг мне двести мэ,
И милосердие твое
Спасет мне жизнь. А я, Ёхэй,
Твоей не позабуду доброты,
Хотя бы мне пришлось упасть
На дно пылающего ада.
Я умоляю,
Дай мне эти деньги,
Спаси меня!

Р а с с к а з ч и к

Глаза его как будто говорят:
«Все это правда. Я не лгу».
И на мгновение
О-Кити
Поверила ему. Но нет!
Он изолгался. Он известный плут.
Все это — только новая уловка.
А на уловки — он мастак!

О-Кити. Хм, ты плетешь свои выдумки так убедительно, так правдоподобно, как будто сам веришь в них. Ну-ну, продолжай лгать! Так я тебе и поверила! Сказала: «Не дам тебе денег!» — и все тут.

Ехэй. А, ты не дашь? После того как я поручился моей честию? После всех моих клятв? Ну, хорошо же! Больше я просить у тебя не буду.

Р а с с к а з ч и к

Он говорит как будто бы небрежно.
Но страшный замысел
Созрел в его душе.

Ехэй. Что ж, если так, небольшая просьба: отпусти мне вон из той бочки два сё масла — в кредит.

О-Кити. О, это для нас обоих пахнет прибылью. Без кредита наша торговля живо зашла бы в тупик. Ладно, отпущу тебе масла.

Р а с с к а з ч и к

Она проходит в лавку.
Ей невдомек,
Что вот сейчас
Светильник бытия ее погаснет!
Берет проворно мерку
И начинает масло наливать,
А за ее спиной
Стоит Ехэй
С ножом в руке...

О-Кити. Доброго тебе праздника, Ехэй-доно. Проведи его весело! Знаешь, что я думаю: посоветуйся-ка ты с моим муженьком. Он тебе поможет, если у него найдутся лишние деньги. Но ты сам понимаешь. Муж и жена хоть полвека, хоть шесть десятков лет проживут вместе, а жена все равно не смеет поступать, как ей вздумается. Пожалуйста, не сердись на меня.

Р а с с к а з ч и к

И в этот миг
О-Кити
Заметила, как — отраженье в масле —
Сверкнуло лезвие ножа.
О-Кити испугалась.

О - К и т и

Ехэй, что там блеснуло?

Е х э й

Блеснуло? Где? Вот пустяки!
Тебе почудилось!

Р а с с к а з ч и к

Он за спиной
Проворно спрятал нож.

О - К и т и

Вот-вот,
Что ты глаза уставил на меня?
Какое страшное лицо...
Что в правой держишь ты руке?

Е х э й

Я?.. Ничего!

Р а с с к а з ч и к

Он нож переложил
Из правой в левую...
И правую показывает руку.

Е х э й

Ну вот — гляди.
Нет ничего в руке!
Смотри — рука пустая!
Да смотри же!

Р а с с к а з ч и к

Ее он хочет как-то успокоить,
Но, перепуганная насмерть,
О-Кити бедная
Дрожит всем телом.

О - К и т и

Ты страшен мне!
Не смей! Не подходи!

Р а с с к а з ч и к

Она попятилась к входным дверям,
Засов и створку хочет отодвинуть —
Чтоб убежать.

Е х э й

Ну вот еще... вся трясешься. Чего ты так переполошилась?

Р а с с к а з ч и к

Он неотступно следует за ней,
Куда б она в испуге ни метнулась.

О - К и т и

На помощь! Люди!..

Р а с с к а з ч и к

Короткий крик!
Ехэй не ждет второго,
Поймал ее и стиснул крепко.

Е х э й

Меня ты хочешь погубить?
Молчи, мерзавка!

Р а с с к а з ч и к

Он в горло ей вонзает нож.
Удар неточен.
Она руками ловит воздух,
Бьет по земле ногами —
Мучительная судорога боли.

О - К и т и

Не буду! Больше я кричать не буду!
О, если я умру,
Что будет с детками? Все трое
По улице скитаться будут.
Нельзя мне умереть.
Мне жаль детей.
Оставь мне жизнь.
Вот — ключ. Возьми все деньги,
Но только пощади меня.

Е х э й

Понятно! Ты не хочешь умирать,
Жалеешь девочек своих.
А мне, ты думаешь,
Родителей не жаль?
Они ведь своего Ехэя любят!

Я должен заплатить свой долг
И честь свою восстановить.
Смирись, ты умереть должна!
Не смею громко
Молиться за тебя —
Услышат люди.
Но шепотом скажу:
«Помилуй, Будда!»
Наму-Амида Буцу! Наму-Амида Буцу!

Р а с с к а з ч и к

Он притянул несчастную о-Кити
К себе вплотную. И — внезапно —
Косым ударом всаживает нож
В живот ей... глубоко
Ужасную наносит рану.
Нож вырывает,
Снова колет,
Еще... еще...

Вдруг налетел — из царства мертвых
Порывом ветер ледяной,
И хлопает полотнищами флагов,
И задувает в лампе огонек.
Все погружается во мрак —
И лавка и душа Ёхэя.
Его ступни скользят
В крови и лужах масла.
Он весь забрызган кровью...
Он, словно красный демон в преисподней.
На лбу его побагровевшем
Два острых рога — ярости и зла.
Рогами дьявольскими потрясая,
Он жертву добывает.
А вдруг она еще жива? Очнется? Выдаст?
И он опять
Удар наносит за ударом...
Люди в праздник
Гирляндой ирис вешают на кровле,
Чтоб уберечь себя
От тысячи недугов.
Но разве можно уберечься
От воздаянья за грехи,
Свершенные в былых рожденьях?

Вот карма: острие ножа Ёхэя.
Увы, душа о-Кити,
Недолговечная росинка
На острие зеленого листа,
С порывом ветра отлетает.
Уже о-Кити далеко.
Она восходит на Гору мечей,
И перед ней теперь
Проходит зрелище мучений
Преступных душ
В пучине Масляного ада.

Дыхание о-Кити прервалось.

Ёхэй глядит
На окровавленное мертвое лицо,
Еще недавно
Исполненное доброты, веселья...
И он теряет мужество. Колени
Его дрожат,
И сердце бешено колотится в груди.
Он с пояса о-Кити
Срывает ключ
И, крадучись бесшумно,
Заглядывает за москитный полог...
Три девочки так мирно спят.
Ёхэю чудится:
На личиках детей
Запечатлелась жажда мести
И ненависть... к нему... к убийце.
Он вздрогнул от озноба ледяного.
Он поворачивает ключ в замке...
И ключ скрежещет.
Ёхэю чудится, что гром
Прогрохотал над головой его.
От ужаса заглохнуло сердце...
Он прижимается всем телом к шкафу
И потихоньку
Набитый серебром вытаскивает пояс.
А! Там еще кошель,
Такой тяжелый! Сколько денег!
Он так их жаждал...
Наконец!
Он запихал и кошелек и пояс
За пазуху.

О-о, какая тяжесть!
Ехэй с трудом передвигает ноги,
Как будто он ступает
По тонкому, подтаявшему льду,
По языкам огня...

Е х э й

Я брошу этот нож
В пучину
С Сандалового моста.
Он канет навсегда на дно реки.
Вот так и я
Когда-нибудь низвергнут буду
На дно
Пылающего ада!
Но ведь до этого так далеко!
Все это будет
В другом, далеком мире,
Которого теперь глазами не увидишь...
А здесь, на этом свете,
Я богат!
О чем еще мне думать?

Р а с с к а з ч и к

Он выбегает
На улицу — бежит,
Бежит так быстро-быстро-быстро,
Как только ноги могут унести...

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

*Веселый квартал Симмати.
Тридцать пять дней после убийства О-Киги.*

Р а с с к а з ч и к

Весною селение Нánива
По красоте уступает столице,
Где повсюду вишневый цвет,
Но в дни «Безводного месяца»
Нánива столицу затмит,
Когда исполняют «летние кáгура» —
Прекраснейшие песни и пляски.

Все четыре улицы
Веселого квартала Симмати
Пестреют, благоухают
Цветаами.
А эти цветы
Не осыпаются никогда,

Узорные паряды
Красавиц-девушек.
Нарядное убранство
«Домов веселья»...
Вот где «Гора любви»!
Таких красот
Во всей стране не сыщешь!

О, даже
Прекрасные снега вершины Фудзи
Пред этим зрелищем
Померкнули.

Но все продажные девицы
Из «чайных домиков любви»
Печалются, что укорочен год,
И, значит, попусту пропали
Три дня большой наживы — «момби»,
Когда красавицы
По прихоти своей
Вытряхивают кошель гостей
И требуют подарков...

Случается, что неизменный гость
Платить сверх меры не желает
И — в нарушение всех обетов —
Не кажет глаз к возлюбленной своей.

Попятно, богатеям
Нисколько денежек не жаль.
Они и в праздник «момби» прпезжают,
Разряженные в пух и прах,
В великолепных палаанкинах!

Гость победнее крадется бочком,
Лицо прикроет
Он веером или плетеной шляпой,

Чтоб не узнала
Знакомая девица
И ненароком не зазвала в дом.

А в наше время люди норовят
Большой компанией
Устроить шумный пир.
У каждого своя девица,
Пьют, и поют, и балагурят.

А вот —
Взгляните-ка на этих ротозеев:
Шатаются по улицам квартала,
Горланят,
Бахвалятся,
Но лишь «плечами раздвигают ветер»:
Всё попусту!
Форсят, а толку нет.

Бывает, гость
Выспрашивает у прохожих:
«Красавица, вон та,
Она какого ранга куртизанка?»
И сразу ясно, этот гость — простак,
Невежда, неотесанный мужлан.

Но постоянный посетитель
С возлюбленной беседует в постели,
Ей на ушко
Умильные нашептывает речп.

А между тем — в другое ухо
Любовник-кот
Ее оповещает,
Что пробил барабан,
Пора спешить!
Вот-вот запрут ворота на ночь...

Иные гости
Растрачивают сбереженья
Родителей или хозяев.
Другие —
Свои заветные проматывают деньги,
А кое-кто из них
Запутался в долгах —
И разорен вконец.

На улицах прохожие, должно быть,
Стыдятся хоть минутку помолчать,
То передразнивают голоса
Прославленных актеров из театра
Кабуки, их повадкам подражая,
То распевают песни
Из модной пьесы для театра кукол.

Под вечер
Шатаются подвыпившие гости
От Западных ворот
И до Восточных...
Гулякам счета нет.
Вот — верный знак,
Что наступило время процветанья!

И посреди горланящей толпы
Проходит Ямамото
Мориэмон.
Смущенный слухом
О мерзком поведении Ёхэя,
Он отпуск взял у князя
И спешно прибыл в Осака...
Где ложь? Где правда?
Рассказывают, что Ёхэй
Зарезал женщину
И выкрал уйму денег.
Наверняка никто не знает,
Но мотовство Ёхэя... Но беспутство
Указывает пальцем на него:
Вот он — убийца, вор!
И все глаза
Следят за ним с невольным подозреньем.

Мориэмон решил дознаться,
Что именно произошло?
Племянника он должен повидать —
И расспросить.
Однако
Ни в материнском доме
Нельзя его застать,
Ни у Тахэя.
Он вечно пляется —
В кварталах Сонэдзакки
Или в домах любви Симмати

И вот — почтенный самурай
Идет в квартал Симмати, у Восточных
Ворот расспрашивает сторожей,
Где мог бы он Ёхэя повстречать?
Скажите, кто его подруга?
Ему советуют:
«Всего скорей
Ёхэя он застанет
У Мацукадзэ.
Зайдите в дом Бидзэн
На главной улице».

Моризэмон блуждает
Среди толпы прохожих,
Не понимая, где же дом Бидзэн?
Веселые дома
Все на одно лицо...
Повсюду двери, двери, двери...

А в это время мимо пробегает
Служанка-кабуро,
Подросток-ученица,
Держа под мышкой
Увесистый, нарядный сверток.

М о р и з э м о н

Э, девочка, стой! Не торопись!
Хочу спросить:
Где здесь приют любви,
Что именуется Бидзэн?
Где обитает
«Владычица сердец»,
Девушка по прозванию
Мацукадзэ?
И ежели ты осведомлена,
Дорогу укажи. Все эти
Места мне незнакомы.
Если знаешь,
Прошу я, споспешествуй мне
Ее найти!

Р а с с к а з ч и к

Так выпренне он говорит,
Так страшно,
Что девочке досадно и смешно.

Девочка-кабуро

У! Как вы непонятно говорите!
Вот — прямо перед вами — дом Бидзэн.
А вон в той комнате
На западном конце —
Там проживает Мацукадзэ. Дверь
Ее закрыта. Значит,
К ней гость другой явился раньше вас.
А ну-ка, я прошу,
Почтенный воин, поднимите ногу.
Сначала левую — вот так. Повыше!
Ну, правую теперь.
Неплохо!
Вы, право, мастер ноги задирать.
Большое вам спасибо!

Рассказчик

И она

Проворно убегает,
Смеясь над простодушным самураем:
«Вот ловко одурачила его!»

Мориэмон

Э, дерзкая девочка!
Чего ж еще здесь можно ожидать?
Какое место, таковы и люди!

Рассказчик

И он невольно над собой смеется.
Потом подходит к двери,
Куда служанка указала.
Внутри горит огонь,
Но дверь закрыта плотно — на замок.

Мориэмон

Ну, этот гость наверняка Ёхэй.
Перехвачу его, как только выйдет.

Рассказчик

Но ждать пришлось недолго.
Дверь открывается...
И потихоньку
Выскальзывает гость

В большой плетеной шляпе.
Мориэмон проворно
Его хватает. Держит. Не пускает.

На шум борьбы
К ним выбегает Мацукадзэ.

Мацукадзэ

Кто вы такой?
И по какому праву
Бесчинствуете здесь?
Как смеее буянить?
Ну, что за сумасбродство!

Рассказчик

Она пытается их растащить
И гостя выволить из рук Мориэмона.

Мориэмон

Прошу, девица, не тревожьтесь:
Не собираюсь буйство учинять!
Ты, негодяй Ёхэй,
Ты мнишь, что спрячешься
Под этой шляпой?

Рассказчик

И он срывает с человека шляпу.
Глядит ему в лицо.

Мориэмон

Да это ж не Ёхэй!
Покорнейше прошу меня простить.
Я виноват,
Произошла ошибка.

Рассказчик

Он низко кланяется — до земли
И потирает руки, извиняясь.
А гость, как видно, принужденный
Скрывать свои любовные дела,
Кивнул небрежно
И, снова нахлобучив шляпу,
К воротам убегает — на восток —
И след его простыл...

Мориэмон. Пожалуйста, извините меня, Мацукадзэ-доно. Я слышал, что у вас с Ёхэем сердечная дружба. Скажите, был ли у вас Ёхэй вчера или сегодня? У меня к нему дело. Не смущайтесь: совсем пустячное,— вот почему я его ищу. Поверьте мне, я доброжелатель вашему Ёхэю. Не скрывайте от меня ничего. Если будете скрывать, это не пойдет ему на пользу. Ну, говорите! говорите всю правду.

Мацукадзэ. Он только что побывал у меня. Но сказал, что у него срочное дело в Сонэдзаки. И что он отсюда прямехонько идет туда.

Мориэмон

Как! В Сонэдзаки? О, помилуй, Будда!
Я снова опоздал!

Мне сейчас же придется идти за ним. Но, между прочим, хочу задать вам один вопрос. Скажите, перед Праздником мальчиков или немного после,— а ведь нынче уже шестой день шестой луны,— заплатил ли он здесь все свои долги? Вообще, тратил ли он в те дни много-много денег? Прошу вас, не скрывайте от меня ничего.

Мацукадзэ

Не знаю, что сказать?
Я ничего не смыслю
В долгах, расплатах, денежных делах.
Спросите лучше
Домоправительницу, ей виднее.

Рассказчик

И, разговор поспешно оборвав,
Она проворно ускользает
Обратно в дом.

Мориэмон. Я сильно ошибся. Разминулся с Ёхэем. Ну что ж! Встречусь же с ним когда-нибудь лицом к лицу — и все наконец узнаю. До Сонэдзаки отсюда — один прыжок, мигом домчусь. Дорога мне известна.

Рассказчик

И он,
Заткнув за пояс полы кимоно,
Горя от нетерпенья
Поймать Ёхэя,
Пускается за ним во весь опор,
Скачками, словно конь... Опять бы
Не опоздать!

СЦЕНА ПЯТАЯ

*Квартал любви в Сонэдзаки.
Вечер того же дня.*

Рассказчик

«Ёя-ёя-ё!

Ах, в этот печальный вечер

Я томлюсь,

Я мечтаю о встрече.

Час разлуки так долог!

С востока я жду беду,

И запад

Для меня

Западня,

И мне ненавистен юг!

Только север,

Только север мне дорог!

.

Мы на севере будем вместе.

В наше северное предместье

Приходи скорее,

Мой друг!

Успокой сердце мое...

Ёя-ёя-ё!»

Ждет она его, не дождется.

И Ёхэй всем сердцем

Стремится к ней,

К милой своей Когяку,

И часто-часто ее посещает...

Здесь каждый знает его,

Даже пес — на улице у дверей!

Так Ёхэй к любимой спешит,

Покидая цветы квартала Симмати,

Словно дикий гусь,

Что весною — неудержимо —

На север летит, на север.

Кто удержит Ёхэя?

Так душе его дорог

«Дом любви» за рекой Сидзими...

.

И в этот дом

Он устремляет шаг.

Его встречает у порога
Хозяйка дома.

Вдова о-Камэ

Гостям, которые заходят редко,
Мы говорим:
«Добро пожаловать,
Мы рады гостю!»,
Но вам, Ёхэй,
Скажу:
«С благополучным возвращеньем
В родной ваш дом!»
Так мы привыкли к вам!

Эй, девочка! Позови-ка сюда Когику! Нынче вечером у нас заняты все-все комнаты: и в верхнем этаже и в нижнем. Почему бы вам не посидеть вдвоем на скамье, что у самой реки,— и с чарочкой в руке? Ведь на это вы мастак. Да и скамья ведь не верстак! Отчего бы не тяпнуть... винца: разок-другой да и третий? Как плотник орудует: раз-раз, когда в руке пила или ножовка. Резнет, резнет и нарежется. И красотка с вами пила б и пила? А?.. И закуска к тому же остра, что твое лезвие топора!

Рассказчик

Так тараторит бойкая хозяйка.
Она приказывает девочке-служанке.

О-Камэ

Подбавь-ка масла в уличный фонарь!
А кстати, раз уж помянула масло:

в театре Кабуки играют новую драму. Про то, как убили жену торговца маслом. Сочинил пьесу Кодзаэмон. Только он называет мужа убитой — виноторговцем. Роль убийцы исполняет Бундзо. У! До чего же он страшен, до чего омерзителен! Вы, Ёхэй-сама, уже видели эту пьесу? Нет?..

Пойдите, поглядите. И Когику
С собою прихватите. Пусть она,
Бедняжка, позабавится. Конечно,
Запать места
Вам надо спозаранок.
А пьеса
Правдива или нет? Как знать!
Чего на свете не бывает!

Р а с с к а з ч и к

Хозяйка тараторит
Без умолку. И тут же
Приказывает маленькой служанке:
«Ну, где же чарки?
Неси быстрее чарки!»

Е х э й

Хозяйка,
Угломонитесь! Дайте
Другим хоть слово вставить!

Я в жизни не пил вина на такой грязной скамейке. Так и быть, на сей раз прощаю! Вам, хозяйка о-Камэ, следовало бы снять участок на восточной стороне и построить для меня одного особые покои. Я все щедро оплачу: дерево для постройки, плотников и прочие расходы. Это для меня раз плюнуть!

А это что за дрянь?
Какая это рыба?
Какие тонкие куски вы подаете?

Р а с с к а з ч и к

Он привередничает,
Морщится брезгливо,
Разыгрывает богатея,
Пускает пыль в глаза...
А много ль денег у него осталось?
.....
А тут подходит Щетка Ягоро,
Садится
С Ехэем рядом, на скамью.

Я г о р о

Послушай-ка, приятель!
Тебя какой-то ищет самурай!

Е х э й

Как! Самурай?
Какой там самурай?

Р а с с к а з ч и к

Он испугался,
Но хорохорится: он хочет скрыть испуг.
Упять не может дрожи.

Тайник преступных дел,
Глубоко спрятанный на дне души,
Вдруг ожил и раскрылся,
Словно рана.
Глаза его блуждают. Капли пота
На лбу...

Ягоро. Да чего ты так всполошился? Вовсе незачем. Этот самурай со вчерашнего дня гостит у твоего братца, у Тахэя. Ты должен знать, кто это!

Ёхэй

А!.. Да это мой дядюшка,
Мориэмон из Такацуки!

Рассказчик

«От сердца отлегло!» —
Его испуг прошел,
Он думает: «И все же
Мне было бы неприятно
С Мориэмоном встретиться.
Того гляди,
Мой дядюшка заявится сюда!
Расспросы... жалобы... советы...
Не лучше ль,
Заранее уйти?
Но как уйти внезапно?
Какой найти предлог?»
Он голову ломает.

Ёхэй. Ох, какая досада! Я вдруг вспомнил: я забыл в Сим-матэ мой складной кошель!

А я набил его
Деньгами до отказа.
Бедняга прямо стопет,
Вот-вот разлезется по швам!
Я быстро сбегаю
И ворочусь обратно.
А чтобы не скучать в дороге,
Ты, Щетка,
Пойди со мной:
Вдвоем ведь веселее!

Р а с с к а з ч и к

Он вскакивает со скамьи.
Когик у
Пытается Ехэя удержать
И тянет за рукав...

Когик у. Да чего ж вы так разволновались? Вы же знаете, у кого оставили ваш кошель. Ну и возьмете его завтра утром. Никуда он не денется!

Ехэй. Ну уж нет! Ни за что! Если пазуха не набита деньгами, то никакой нет охоты погулять!

Р а с с к а з ч и к

Он нетерпеливо
Выдергивает свой рукав
Из цепких рук Когик у
И вместе со своим дружкой
Уходит торопливо прочь,
Похваставшись богатством небывалым.
Найти он хочет
То, что не терял.
Хоть наспех, а придумана уловка!..

.

Не больше времени прошло,
Чем нужно,
Чтоб чашечку-другую осушить
Горячего чайку,
Как появляется Моризмон.
Он запыхался. Он устал.
Читает надпись «Дом цветов»
На фонаре, горящем у дверей,
И думает:
«Да! Этот самый дом.
Я не ошибся».

Его встречает девочка-служанка.

М о р и з м о н

Мне, девочка, необходимо
Поговорить с твоей хозяйкой. Где она?
Зови ее сюда!

Р а с с к а з ч и к

Хозяйка

Выходит из дверей
Ему навстречу,

М о р и э м о н

Хозяйка! Я ищу повсюду
Ёхэя из Каватия.
Меня оповестили: он у вас.
В покоях нижних? Или верхних?
Он нужен мне немедленно! Я войду.

Р а с с к а з ч и к

И он без приглашенья входит в дом.

О - К а м э. Погодите! Пойдите, послушайте! Ёхэй был у меня — и вот только что ушел. Он сказал, что забыл свой кошель в Симмати.

М о р и э м о н

Как? Он ушел! В Симмати?

О - К а м э

Он, может быть, еще не перешел
Моста Умэда.

М о р и э м о н

Какая неудача!
Беда! Я снова опоздал!
Но ежели Ёхэй придет,
Хотя бы завтра,
Не пожалейте для него сакэ!
Пусть допьяна папъется.
Пусть он у вас побудет...
А вы кого-нибудь пошлите
На улицу Хонтэмма
И дайте знать
Торговцу маслом Токубэю,
Ёхэя отчиму.
Я оплачу расходы.

По дороге сюда я зашел в Сакураия, в чайный домик Гэмбэя, и стал там расспрашивать. Они и говорят мне, что Ёхэй уплатил

им в ночь перед Праздником мальчишков свой долг сполна: три рё золотом и восемьдесят монов. А сколько он уплатил вам здесь? Не скрывайте ничего. Если утаите правду, вы только повредите Ёхэю. Говорите правду, только правду.

О - К а м э. Он заходил и сюда — в ту же ночь и заплатил нам тоже три рё золотом — и тысячу медяков.

М о р и э м о н. Какая одежда была на нем в эту ночь?

О - К а м э. Подбитый ватой халат — с короткими рукавами до локтей. Кажется, светло-синего цвета. Однако не поручусь, может статься, я запаматовала.

М о р и э м о н

Хм! Ну ладно!

Ступайте-ка к себе обратно в дом.

Р а с с к а з ч и к

И с этими словами —

Он возвращается по той же

Дороге, по какой пришел:

Назад, в квартал веселья,

В Симмати.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Дом торговца маслом Ситидзаэмона.

Поздно вечером в тот же день

Р а с с к а з ч и к

«Святой мудрец

Вознес моление Будде,

Пусть каждой женщине

Дозволит он

Мужчиной возродиться,

Дабы обещанное им

Свершилось:

Все будут спасены —

И каждый станет Буддой.

И пусть он в милосердии своем

Всем существам равно

Дарует просветление,

Да обретут они духовный путь

И, верою сердца свои очистив,

Достигнут райского блаженства...»

Так — накануне
Поминального дня
Молятся Будде
О душе
Убиенной Мёи,
Той, кто при жизни
Носила имя
О-Кити — «Счастливая»...

Заупокойные молитвы
Окончились.
Среди людей,
Собравшихся свершить поминаенье,
Старейший гость —
Почтенный
Горокуро — торговец
Бумагою для счетных книг,
Сказать он хочет слово утешения.

Горокуро. Кажется, эта беда случилась лишь вчера или сегодня: так она свежа в нашей памяти! Но на самом деле уже настала тридцать пятая ночь.

Немного лет усопшей было,
Всего лишь двадцать семь,
Когда ее постигла
Ужасная, насильственная гибель!
Невольно скажешь: горькая судьба.
Мы о бедняжке
Печалимся.
Но добротою с ней
Немногие могли сравниться.
И было сердце чистое о-Кити
Исполнено глубокой веры
И благодарности за все,
Чем одарил ее наш покровитель
Святой Синран...
В земной юдоли
Она прияла муки от меча,
Зато в грядущей жизни
Ее душа не будет знать мучений —
Тяжелой кары за грехи,
Свершенные в былых существованиях,
И, воспарив высоко,

Блаженно внидет в райскую обитель,
Как нам возвещено
В святом законе Будды.

Да, вострепещут ваши сердца при мысли об этом несчастье, посланном свыше! Молитесь — и с еще большим усердием призывайте имя Будды!

Ты, Ситидзаэмон,
Отчаянью не поддавайся,
Чрезмерной скорбью не круши себя.
Поверь, убийца будет скоро найден.
Теперь твоя забота —
Лелеять дочерей твоих.
И это утешением послужит
Той, что навек покинула тебя.

Р а с с к а з ч и к

Услышав эти добрые слова,
Печальный Ситидзаэмон
Невольно пролил слезы.

С и т и д з а э м о н. Да-да! Верно, верно! Я не буду предаваться отчаянию. Я постараюсь укрепить свою веру, радуясь милосердию Будды.

Во сне и наяву
Я буду призывать
Его святое имя!

Младшенькой моей, о-Дэн, всего два года. Сердце мое надрывалось от жалости к ребенку, лишенному материнского молока. На другой же день после смерти о-Кити я отослал крошку в другую семью и деньги дал, чтобы о ней хорошенько позаботились. Старшей я все подробно объяснил. Она все поняла — и теперь старается, чтобы на нашем домашнем алтаре всегда были свежие цветы и не угасали курения. Но средняя моя, о-Киё, с утра до ночи плачет и кричит: «Мама! Мама!»

Извелся я вконец
И прямо голову теряю.

Р а с с к а з ч и к

Захлебываясь горькими слезами,
Лицом прижался он к стене,
Чтоб как-нибудь рыданья заглушить.

«Еще бы!» — говорят
Все, кто собрался на поминки.
У всех глаза полны слезами,
И не найти сухого рукава...

И в этот миг
По балке потолка
Большая пробегает крыса
И рассыпает комья сажн, сора...
Она роняет лоскуток бумаги —
И прячется...

Один из гостей
Что там упало, Ситидзаэмон?

Ситидзаэмон
И впрямь, что это за бумага?

Рассказчик
Он поднимает небольшой обрывок.
Глядит сквозь слезы...
На половинке грязного листа
Едва заметны знаки...
Какой-то счет...
И все ж он может различить:

«десять моммэ, один бу, пять ринов... доля расхода в Нодзаки...
третий день пятого месяца...»

Ни адреса. Ни подписи,
И неизвестно,
Кто этот счет писал и для кого.
От пыли знаки потускнели
И цвет бумаги изменился.
Но бурые заметны пятна крови...
Обрывок счета? Все передают
Его друг другу. Разглядеть спешат,
Как чудо.
А вдруг... улика?

Один из гостей
А я ведь где-то видел этот почерк.

Другой из гостей. И мне тоже знакома эта рука. А-а,
вот кто это писал: Ёхэй! Ёхэй из Каватия.

Несколько голосов. Да-да, верно, верно!

Р а с с к а з ч и к

Уже пять-шесть гостей
Готовы подтвердить,
Что этот счет
На окровавленной бумаге
Начертан почерком Ёхэя.

Ситидзаэмон. В самом деле! Покойная о-Кити говорила мне, что в одиннадцатый день четвертой луны, когда мы все пятеро, жена, я и три наших дочки, посетили нагорный храм в Нодзаки, туда же отправились дружной компанией Краснорожий Дзэмбэй, Ягоро Щетка и Ёхэй из Каватия. На этом клочке бумаги — счет: доля расхода кого-то...

Быть может, этот лоскуток —
Обрывок счета—
Дает нам в руки ключ,
Чтобы найти убийцу!
В такую ночь
Вдруг крыса сбросила бумажку.
Что может знать простой зверек?
Нет! Этот знак покойная жена
Послала нам!..
О, милосердный Будда!
Нам послан знак по твоему велению!
О, Наму Амида!..

Р а с с к а з ч и к

И он склонился низко, до земли,
Перед домашним алтарем.

*

Не раз — за эти дни —
Сюда заглядывал Ёхэй-убийца,
Чтоб выразить сочувствие свое
Семье осиротевшей... Он бы мог
Заметить, что его встречают
С невольным чувством неприязни
И что вдовец несчастный
Едва-едва с ним говорит.

И все же
Ёхэй надеялся:
Глухие подозренья,
Дурные толки он рассеет
И не подумает никто,
Что именно Ёхэй,
Как будто полный состраданья,
Зарезал зверски женщину...
Сердца людей он плохо понимал!
Вот и теперь
Он появляется
Еще развязней,
Еще наглее, чем всегда.
Себя он громко называет.

Ёхэй. Я — Ёхэй из Каватия! Как? Сегодня уже тридцать
пятая ночь? А преступник все еще не пойман? Вот поистине воз-
мутительное дело! Чем только занята наша сыскная стража!

Но я надеюсь,
Убийца будет скоро обнаружен!

Р а с с к а з ч и к

Он сам произнес
Роковые слова.
Он подал сам
Последний знак,
Которого ждали.

И Ситидзаэмон, заткнув за пояс
Подол от кимоно,
Тяжелую хватает палку...

Ситидзаэмон. А! Ёхэй! Негодяй, мерзкий убийца! Это
ты убил мою жену. А! Ты нарочно сюда пожаловал, чтобы мы
могли тебя связать? Стой, не убежишь!

Р а с с к а з ч и к

И он с угрозой
Тяжелой палкой замахнулся.

Ёхэй. Что, что, Ситидзаэмон? Какой вздор ты городишь! Или
ты обезумел? Ну, где у тебя хоть малейшая улика, что это я убил
твою жену?

Ситидзаэмон. Молчи! Молчи! Вот видишь? Здесь счет, где записана твоя доля расходов. И место обозначено: Нодзаки, п месяц, и число! Смотри: десять моммэ, один бу, пять ринов. На бумаге — кровавые пятна. А почерк, несомненно, твой! Какие еще нужны улики? Друзья, хватайте его!

Р а с с к а з ч и к

Ёхэй невольно содрогнулся.
Он видит,
Что?! Наму самбо! — обнаружен он,
Что будет он сейчас же схвачен!..
Безмерное отчаянье и ужас
Вдруг разгораются в его груди,
Но он их должен погасить,
Выдавливая на губах
Подобие презрительной улыбки.

Ёхэй. Вздор! Вздор! Свет велик, много людей пишут сходным почерком. Я сам оплатил все расходы, когда мы ходили в Нодзаки. Ничего знать не знаю, ведать не ведаю о каком-то дележе расходов. В ваши солидные годы не пристало валять дурака! А вы, прочие! Что вы тут толпитесь, чего околачиваетесь? Шумите здесь без всякого толку...

С и т и д з а э м о н

Э, ты сейчас узнаешь,
Убийца, что мы сделаем с тобой!

Р а с с к а з ч и к

И он вцепляется в Ёхэя,
А тот его отшвыривает прочь!
Он снова
Бросается на дерзкого убийцу,
А тот его сшибает с ног — и топчет.
О, никогда Ёхэй
Не обладал такою мощью,
Как в этот миг, и никогда
С такою яростью он не сражался!
Он вырывает,
Выкручивает палку
Из рук рыдающего Ситидзаэмона —
И палка
Сгибается... Ёхэй
Размахивает бешено кривою

Тяжелой палкою
И с диким воплем
Бросается бежать...

Он мечется по темному двору,
Но неотступно
Толпа людей, крича:
«А! погоди, убийца! Не уйдешь!» —
Преследует его.
Опять — и вновь — и вновь
Ехэй пытается пробиться сквозь толпу,
Найти лазейку к выходу... спастись...
И наконец он ускользает
На улицу...

Но у ворот
Стеснилась стража,
Караулят...
Начальник
Сыскной управы — сам своей персоной,
Его подручные
С веревками в руках
Хватают за ворот Ехэя:

«Ага! теперь от нас не удерешь!»
Ему за спину скручивают руки
И пригибают голову к земле.

А вслед за стражей
Идет Тахэй, нахмурив брови,
И рядом с ним — Моризмон.
Сурово
Он обращается
К племяннику-убийце.

Моризмон. Сыскные чиновники стояли у ворот с той самой минуты, как ты сюда пришел, и слышали все до последнего слова, что говорилось в доме. Не отпирайся долее, как презренный трус. Да! Тебя поймали, это было неизбежно. Почти все люди, девять человек из десяти, называли твое имя, лишь только заходила речь об этом страшном убийстве. Подумай только, что чувствовал я, твой родной дядя, когда слушал такие толки!

Но я еще надеялся в душе,
Что дам тебе возможность убежать
В далекий край,
Пока не поздно.

Или ты сам
С собой покончишь,
И собственною кровью
Ты смоешь свой позор.
И я искал тебя
В Симмати, в Сонэдзаки,
Но всюду говорили: «Он ушел!»
«Он только что ушел!»
И — на беду твою —
Тебя нигде не удалось мне встретить:
Ты избегал меня,
Но кармы
Никто не избежит!

Тахэй, подай сюда одежду твоего брата. Смотри, вот — тот самый синий халат из ваты, который был на тебе в канун Праздника мальчиков. Местами он покрыт заскорузлыми пятнами. В сыскной управе возникли сильные подозрения!

Сейчас решится все:
Ты будешь уличен?
Или еще ты сможешь оправдаться?
На тонком волоске
Твоя повисла жизнь.
Эй, кто-нибудь, подайте
Сакэ, горячего сакэ!

Р а с с к а з ч и к

Он не успел договорить,
Как десять рук
Уже несут сакэ
И в миску наливают,
Чтоб разогреть его, скорее, скорее!

Вот миску вешают над очагом.
Все молча, неподвижно ждут.
Вино согрелось... закипает...
Поспешно льют кипящее сакэ
На синюю одежду,
На пятна заскорузлые.
Глядят...
Струя окрасилась
В пурпурный цвет,
Она течет волною крови.

Ни брат, ни дядя
Не в силах вымолвить ни слова...
Лишь охнули от ужаса,
Лишь молча
Взглянули друг на друга...
Все кончено!

Тогда Ёхэй
Возвысил голос. Он смирился
Пред неизбежною
Расплатой —
И сознается наконец.

Ёхэй. Слушайте, люди! Всю свою жизнь был я дурным сыном, беспутным повесой. Но вором я не был. Я не украл ни листка бумаги, ни медного гроша. Иногда на полгода, иногда на целый год запаздывал я с расплатой в чайных домах, в домах продажной любви. Это не заботило меня. Но я задолжал ростовщику двести мэ новым серебром.

Когда б на ночь одну
Я опоздал
С уплатой долга, о, тогда
Мне вмятеро пришлось бы уплатить.
Я разорил бы своего отца:
Ведь я его печать
Поставил на расписке!
Да! Ужасающая карма
Подстерегла меня за то,
Что был я
Жестоким, недостойным сыном.
Я много беззаконий совершил.
Мои грехи
Застлали свет
В очах моей души...

Да! Я, Ёхэй из дома Кавати, убил о-Кити, жену Ситидзаэмона, и украл его деьги!

Амида Будда!
Смилуйся над безвинно убитой!
Смилуйся над ее убийцей!
Наму Амида Буцу!..

Р а с с к а з ч и к

И он еще моления не копчил,
А был уже надежно скручен
Крепчайшими веревками.
И руки
Заведены за спину,
И голова наклонена.
На шум
Сбежался весь окрестный люд,
И через целый город
Ёхэя
С позором волокут
На место лобное — Сэпнити.

.
На месте казни — Сэпнити,
Сэпнити — «тысяча дней»,
И в течение тысячи дней
Тысяча человек,
И десять тысяч человек,
И десять десятков тысяч,
И, наконец,
Все на свете узнают
О преступленьи
Ёхэя.
И злая его судьба
Послужит зеркалом для поучения.
И надолго, надолго — навек
Останется в памяти всех людей:
«Ёхэй,
Убийца Ёхэй» —
Кровью запятнанное имя...

ИНДИЯ

Переводы произведений классической индийской драматургии на русский язык имеют почти двухвековую традицию. В 1791—1792 годах Н. М. Карамзин опубликовал в издававшемся им «Московском журнале» пролог и четыре действия драмы Калидасы «Шакунтала». Этот же перевод был опубликован еще дважды — в 1802 году в перепечатке «Московского журнала» и в 1818 году в журнале «Пантеон иностранной словесности». Оригиналом для перевода Карамзина послужил прославленный немецкий перевод Г. Форстера. Именно этот перевод стал началом широкого интереса европейской общественности к индийской классической литературе и вообще к духовной жизни Индии, но и он был выполнен с перевода, сделанного, правда, непосредственно с санскрита классиком английской индологии В. Джонсом.

Лишь в 1846 году появился первый перевод индийской пьесы на русский язык с санскрита. Выполнил его один из пионеров отечественной индологии К. И. Коссович, друг В. Г. Белинского. Это была аллегорическая пьеса Кришнамитры (XII в.) «Торжество светлой мысли». Коссовичу же принадлежит и первый русский перевод «Глиняной повозки» Шудраки, опубликованный им под названием «Васантасена» в 1849 году в журнале «Москвитянин».

Продолжала в течение XIX века издаваться целиком и в отрывках по немецким и французским переводам «Шакунтала» (1868, 1890, 1893—1894), но в 1879 году появился первый перевод прославленной драмы непосредственно с санскрита, а в 1898 году перевод первого действия другой его пьесы «Мужество и Урваши». В 1915 и 1916 годах появились широко известные переводы драм Калидасы, выполненные К. Бальмонтом, редактировавшиеся выдающимся индологом академиком С. Ф. Ольденбургом.

До настоящего времени практически единственными древнеиндийскими драматургами, популярными у советского читателя, оставались Калидаса и Шудрака. Драмы первого в переводе К. Бальмонта были переизданы

в 1956 году; «Глипная повозка» Шудраки появилась сначала в 1938 году в переводе с немецкой обработки Л. Фейхтвангера, а затем, в 1956 году, в переводе с санскрита В. С. Воробьева-Десятовского и поэта В. С. Шефнера. Вполне правомерно рассматривать этот перевод, часть которого воспроизводится и в данном томе, как начало нового этапа в переводах классической индийской драматургии на русский язык. Кроме этой пьесы и части уже публиковавшегося перевода С. И. Липкина, все остальные произведения на русский язык переведены впервые.

Проблема художественного перевода с санскрита до сих пор решалась по преимуществу эмпирически и часто исходя не из объективных предпосылок, а из субъективных представлений о том, чем могла или должна быть жизнь общества, отразившегося в том или ином произведении. К сожалению, до сих пор теоретически эта область остается неосмысленной, хотя определенный опыт уже накоплен. Почти все публикуемые ныне переводы носят экспериментальный характер. Есть несколько наиболее важных в этой области проблем, которые еще предстоит решить переводчикам. Грамматический строй санскрита таков, что позволяет в минимальные рамки двухстрочной строфы укладывать весьма богатое — и идейно и художественно — содержание, требующее при переводе на русский язык значительно большего объема. С другой стороны, санскритский стих обладает такими формальными признаками, которые не могут быть воспроизведены ни по аналогии, ни в тех же самых объемах. Даже переводчики с санскрита на современные индийские языки вынуждены вместо четырехстрочной строфы обращаться к шести- или восьмистрочной, хотя, казалось бы, они наиболее близки к традициям древнеиндийской литературы. Следовательно, вопрос должен решаться не на путях эквилинеарности или искусственного приспособления русского языка к требованиям формы санскритского, а на путях наиболее полной передачи художественных и идейных характеристик переводимого с санскрита произведения средствами русского языка и стиха.

СЛОВАРЬ МИФОЛОГИЧЕСКИХ И ЛИТЕРАТУРНЫХ ТЕРМИНОВ

Мифология народов древней и раннесредневековой Индии в не меньшей мере составляет арсенал древнеиндийского искусства и литературы, чем это было в античном Средиземноморье. Она отражена в древних ведах, в эпосе, в многочисленных сказаниях, собранных в священных книгах последователей индуизма, буддизма, джайнизма, различных сектантских вероучений. Наиболее важные мифы индусов в изложении на русском языке читатель найдет в книге: «Мифы древней Индии. Литературное изложение В. Г. Эрмана и Э. Н. Темкина». М., 1975. Здесь мы приведем лишь несколько исходных мифов, от которых зависят все упоминающиеся в текстах пьес мифические персонажи и события.

Во тьму времен уходят представления древних индийцев о сотворении мира и о том, что было до потопа. А вот когда случилось так, что разразился потоп, уничтожил все сущее и погубил четырнадцать великих сокровищ, то спаслись от потопа лишь Ману и семь великих пророков, сыновей Ангара-сы.

Среди тех сокровищ была и амрита, напиток, дарующий бессмертие.

Не могли боги без нее существовать, могла ослабнуть их власть и, поскольку немало пришлось им претерпеть со стороны их старших братьев — асуров, обратились они за помощью к самому Брахме.

Не ответил им на это Брахма, а обратился за советом к Вишну. Тот велел устроить пахтанье Молочного океана, чтобы заставить его отдать великое сокровище. Призвали боги на помощь своих старших братьев асуров, посулив поделить все по-братски, и те согласились.

Тогда опустил-ся Вишну, принявший облик громадной черепахи, на дно океана, на спину черепахи оперлась гора Мандара, послужившая мотовкой, а боги и асуры обмотали ее вместо веревки змеем Васуки, и стали боги тянуть за один его конец, а асуры за другой.

Долго трудились они, но не хотел океан отдавать сокровища и прыгнул сначала яд халахала, угрожавший истребить все живое.

Но ради спасения мира бог Шива выпил большую часть яда, и от этого у него посинело горло; поэтому-то его и зовут Нилакантха, то есть «Снегорлый». То, что осталось от яда, проглотил змей Васуки. Не хотел отдавать сокровищ океан и вслед за ядом изверг из пещер своих Джьештху, злобную старуху, сеющую повсюду беды, родительницу раздоров между супругами и ссор между друзьями, богиню несчастий.

Упорно продолжали боги и асуры свое дело, пока наконец не сдался океан и не изверг из пучин своих все четырнадцать сокровищ, среди которых были Месяц, Париджата, волшебное дерево с корой из золота и с разноцветными листьями, с тенью, уносящей тревожения, слон с четырьмя бивнями Айравата, Камадхену — корова, доставляющая хозяину изобилие и исполняющая желания, Кальпаврикша — исполняющее желания дерево, небесная дева Рамбха, конь Уччайшравас, чье дыхание оживляет убитых в бою, богиня счастья Лакшми, раковина Шанкха, звук которой вещает победу, палица Гада, символизирующая власть, волшебный лук Дхануш, драгоценный камень Каустубха и, наконец, врач богов Дханвантари, державший в руках сосуд с амритой.

И тогда начался дележ этих сокровищ, во время которого разгорелась великая вражда между богами и асурами, которой не было конца.

Царь богов Индра захватил себе многое — и Айравата, и дерево Париджата, и еще другие сокровища. А пока шел спор из-за сокровищ, один из асуров дайтъя Раху схватил кумбха, сосуд с амритой, и бросился бежать. Заметили это Солнце и Месяц и сказали об этом Вишну, а тот метнул свой светоносный боевой диск — чакру и снес похитителю голову, и умчалась та в небесное пространство.

Но поскольку поспел Раху пригубить амриты, обрела его голова бессмертия и вечно скитается в небе, преследуя своей ненавистью Солнце и Месяц и время от времени пытаясь их проглотить. От этого, говорят, и случаются солнечные и лунные затмения.

Рассказывают также, что не один Раху, а несколько асуров пытались похитить амриту и во время бегства четыре раза останавливались для отдыха и ставили сосуд с нею на землю. С тех пор через каждые три года там, где они останавливались, устраивается самый большой из индуистских праздников — кумбхмела — поочередно в древнем Праяге, нынешнем Алтахабаде, что стоит у святого слияния Ганги и Джамны, в Хардваре, расположенном там, где Ганга из Гималаев вырывается на равнину, в Уджайни, на берегу реки Кшипра, и в Насике, на реке Годавари.

* * *

Хоть и взяли боги верх над асурами, но те не смирились и не раз пытались отплатить богам за обман. Некогда асура Тарака ради этого совершал жесточайшие религиозные подвиги, и были они столь необычайны, что сам Брахма пришел в изумление и предложил ему выбрать самому награду. Тарака пожелал бессмертия, но не дал ему Брахма бессмертия, и тогда асура попросил, чтобы лишь семидневный младенец мог лишить его жизни. На то Брахма согласился, и, пользуясь этим даром, Тарака сумел одолеть в жестокой битве богов и даже взял их в плен, но великодушно отпустил на волю. Пришлось богам претерпеть великие унижения, трудиться, забыть о различиях между высокородными и низкородными, и пошли они к Брахме и взмолились к нему об избавлении от власти асуров. И тогда сказал им Брахма, что избавить от власти асуров сможет только младенец семи дней от роду. Стало ведомо богам, что лишь сын Шивы и Парвати сможет свершить это. Но не отвечал Шива на страстную любовь дочери повелителя гор, так как углубился в йогическое самосозерцание.

Упросили боги бога любви Каму нарушить сосредоточенность великого бога и заставить его прервать размышления и взглянуть на Парвати. Улучив подходящее мгновение, пустил Кама в него стрелу из цветочного лука. Но разгневанный Шива, не желая нарушать свое самосозерцание, усилием воли создал себе во лбу третий глаз и, извергнув из него пламя, обратил Каму в пепел.

Не было предела горести Рати, супруги вечно юного Камы, и никто не мог утешить ее до той поры, пока не раздались с небес слова, что вернется к ней Кама тогда, когда Шива полюбит Парвати. А та, несмотря на горестную гибель Камы, решила все же добиться любви Шивы и стала предаваться столь жестоким аскетическим подвигам, что сам Шива, этот великий подвижник, был потрясен ее самоотверженностью и ответил ей на любовь любовью. Плодом их любви стал шестиглавый Картикея, бог войны, еще зовущийся Скандой, который уже на седьмой день после рождения сумел сразить асура Тараку.

Адити — одна из прародительниц, мать Вишну, Индры и других богов.

Амрита — напиток, дарующий бессмертие, добытый богами-девами и их соперниками асурами из глубин океана среди четырнадцати сокровищ. Поскольку асуры согласились помогать девам при условии справедливого раздела добытого, а богам во что бы то ни стало было необходимо завладеть сосудом с амритой, то во время дележа разгорелся спор, с которым связано множество легенд.

Ананга — бестелесный, эпитет бога любви Камы.

Апаравактра — название, стихотворного размера.

Аруна — «заря» — персонифицируется как возничий на колеснице Солнца.

Ашваттхаман — один из персонажей «Махабхараты», сын Дроны, наставника пандавов и кауравов в воинском искусстве.

Баларама — старший брат Кришны, бога-пастуха. Основное оружие Баларама — плуг; он бог-пахарь.

Бестелесный — Ананга, эпитет бога любви Камы.

Бодхисаттва — достигший совершенной мудрости.

Брахма — верховный бог в индуизме, творец мира.

Бхана — один из малых жанров индийской классической драматургии, одноактный фарс — монолог.

Бхаратавакья — собственно «слова актера», строфа или строфы, заключающие драму и содержащие благодарение богам, восхваление или наставление царю и благословение зрителям.

Бхимасена — второй по старшинству из пандавов, героев «Махабхараты»; великий воин, его оружие — палица.

Вактра — название стихотворного размера.

Васудева — прозвище Кришны, бога-пастуха, по отцу.

Ветала — мифическое существо, упырь, обладающее способностью вселяться в человеческий труп и как бы оживлять его.

Винайка — «предводительствующий», один из эпитетов Ганеши, сына Шивы и Парвати, одного из популярнейших у народов Индии богов. Он бог

мудрости, учености, искусств, ремесел, устранитель препятствий, предводитель сонма младших божеств, составляющих свиту Шивы. Его изображают слоноголовым, розовотелым, четырехруким толстяком, подпоясанным змеей, едущим на крысе. По одному из преданий, Шива, разгневавшись на сына за то, что тот помешал ему войти в покои Парвати, когда она совершала омовение, оторвал ему голову. Чтобы утешить Парвати, Шиве пришлось посадить на плечи сына первую же попавшуюся ему под руки голову — голову слона.

Вита — ампула в древней и средневековой индийской драматургии, соответствующее в некоторой степени паразиту греческой комедии. Часто выполняет функции посредника между влюбленными: образован, красноречив, обладает поэтическим талантом. В жанре бхана — главный персонаж, монолог которого и служит содержанием бхана.

Вишавасу — имя одного из полубогов-гандхарвов, обладавшего даром прозрения.

Вишкхамбака — род интермедии, предвещающей действие; в вишкхамбаке сообщается устами одного или двух-трех действующих лиц не из числа главных персонажей о событиях, существенных для понимания содержания данного действия и вытекающих из показанного в предшествующем. Вишкхамбака называется «чистой», если участвующие в ней персонажи говорят только на санскрите, и «смешанной», если ее участники включают и те категории персонажей, которые должны говорить на пракритах.

Вишну — один из основных богов индуизма, олицетворение Солнца: согласно индуистским легендам, ради спасения мира он обретал земной облик в десяти аватарах (ипостасях): вепря, человекольва, карлика, Паранурамы, Рамы, Кришны, лебедя, черепахи, рыбы и коня. С каждой из аватар связан обширный цикл легенд.

Властитель тысячи лучей — эпитет Солнца.

Гаруда — царь птиц, сын мудреца Кашьяпы и прародительницы Виванаты. У него тело человека, но голова, клюв, крылья и хвост орла.

Гаури — «горянка», один из эпитетов супруги Шивы.

Гаутами — одно из названий реки Годавари.

Гора Заката — мифическая гора, за которую садится солнце.

Гхатоткача — один из героев «Махабхараты», страшный воин, сраженный Карной с помощью волшебного дротика бога Индры.

Дакша — сын Брахмы, один из прародителей. Отец тринадцати прародителей (жен мудреца Кашьяпы, одного из семи праотцев всего сущего). Адити родила адитьев, добрых богов Арьямана, Бхагу, Дхатри, Парджанью; Аршита родила гандхарвов, небесных музыкантов; Дити — асуров и дайтьев, титанов, соперничающих с богами; Дану — данавов; Випата родила Гаруду, небесного коршуна; Кадру — нагов (змей); Кхаса — якшой и ракшасов, Крадха — пищачей и других чудищ с острыми зубами, пожирающих мясо;

Калаки и Пулома — соответственно калаканджей и пауломов, многочисленных свирепых и сильных существ; Сурабхи — богов бури; Рохини — всех рогатых существ.

Джайанта — сын Индры.

Джамадагни — древний мудрец.

Джатаю — мифический орел, сын Гаруды, пытавшийся помешать Рава-не похитить Ситу. От него Рама узнал, что случилось с его супругой.

Драупади — общая жена пятерых братьев-пандавов, героев великой индийской эпопеи «Махабхарата». Один из них, Юдхистхира, увлеченный азартом в игре в кости с кауравами, соперниками пандавов, проиграл Драупади. Кауравы начали глумиться над ней, и тогда Бхима, другой пандава, поклялся жестоко отомстить за ее унижение.

Дурвасас — один из древних мудрецов, отличавшийся раздражительным характером. Он проклял Шакунталу за то, что она, как ему показалось, намеренно не оказала ему должного почтения.

Душасана — один из кауравов, особенно глумившийся над Драупади. Сразивший его в бою Бхима выпил его кровь.

Индра — царь богов, их предводитель в борьбе с асурами. Небо, где он царствует, называется Сварга, а его столица — Амаравати, его боевой слон — Айравата, конь — Уччайшравас, его колесничий — Матали. Из его многочисленных эпитетов-имен наиболее часто встречаются — Махендра (Великий Индра), Магхаван (Щедрый), Пакашасана (Укротивший асура Паку), Пурандара (Сокрушитель городов), Шакра (Могучий), Шатакрату (Совершивший сто жертв), Ваджрапани (Державший в руке палицу), Вриттрахан (Убивший асура Вритру).

Иन्द्रадатта — «Дарованный Индрой» — одно из названий планеты Меркурий.

Ишвара — собственно бог; может быть обращением к любому богу; часто — эпитет Шивы как верховного бога.

Кайласа — гора в Гималаях; в мифах — жилище Шивы; часто — обитель богов.

Калаприянатха — ипостась бога Шивы в образе всесокрушающего Времени. В Уджайини, где до сих пор сохранился древний храм Калаприянатху, в средние века постоянно устраивались посвященные ему празднества. Частью этих празднеств были театральные представления.

Кальпаврикша — дерево, исполняющее желания.

Кама, Камадева — бог любви. Он вооружен луком из стеблей сахарного тростника, стрелами, сплетенными из цветов; тетива его лука — жужжащие пчелы. Его сопровождает его супруга Рати (Страсть). На знамени Камы изображено морское чудовище Макара. У Камы много эпитетов-имен: Ат-

мабху (Живущий в душе), Кандарпа (Удовлетворяющий), Кусумаюджа (Цветолукий), Мадана (Опьяняющий), Мара (Разрушающий), Манматха (Будоражащий душу), Маноджа (Рожденный в душе), Пушпабана (Цветострелый), Панчасаяка (Пятистрелый), Смара (Напоминающий) и т. п.

Канва — один из древних мудрецов, приемный отец Шакунталы.

Калла — один из эпитетов богини Кали, супруги Шивы.

Картикея — бог войны, сын Шивы; другие его имена: Кумара, Сканда, Гуха. Изображается едущим на павлине и держащим в одной руке лук, а в другой стрелу.

Каушика — эпитет Вишвамित्रы, одного из древних мудрецов, предполагаемых авторов гимнов Ригведы.

Кашьяпа — древний мудрец, один из прародителей.

Киннара — мифические существа с человеческими телами и конскими головами; живут на горе Кайласе; считаются небесными певцами, обладающими прекрасными голосами.

Краунча — сын Хималая и апсары Мены; имя асура, союзника Тараки.

Кубера — бог богатства, повелитель сил тьмы и зла — якшей, гухьяков и прочих, с помощью которых он охраняет сокровища, скрытые в Гималаях, где стоит и его столица Алака, средоточие богатства.

Кунти — мать троих из пятерых братьев-пандавов — Юдхистхиры, Арджуны и Бхимы.

Кусумаюджа — «Цветолукий», эпитет бога любви Камы.

Лакимана — сводный брат Рамы, героя великой индийской эпопеи «Рамаяна», образец братской преданности и любви.

Лакшми — супруга Вишну, богиня счастья, долголетия, здоровья, зажиточности, избавительница от бесплодия. Она сопутствует Вишну в каждой из его аватар.

Маданатантра — «Наставления Маданы»; имеется в виду «Камасутра», знаменитый индийский трактат об искусстве любви.

Манаса — озеро около горы Кайласы в западной части Тибета.

Мандакини — одно из имен священной реки индийцев Ганги; также имя одного из притоков реки Алакананда в районе Гархвал (Западные Гималаи).

Марича — имя ракшаса, нарушившего жертвоприношение, совершавшееся мудрецом Вишвамित्रой; министр Раваны, враждовавший с Рамой, героем великой индийской эпопеи «Рамаяна». Чтобы отвлечь внимание Рамы, Марича обратился в золотого оленя, когда Рама погнался за ним, Равапа похитил жену Рамы Ситу.

Маркандея — имя древнего мудреца.

Матали — имя колесничего Индры.

Мегханада — сын Раваны, участвовавший в битве против Рамы и убитый Лакшманой.

Менака — небесная дева, мать Шакунталы.

Нага — название древней народности, тотемом которой была змея. Легенды о нагах сообщают, что они были искусны в разных науках и ремеслах, во врачевании, могли воскресить мертвого, были художниками и скульпторами, доблестными бойцами. Мифология индусов богата легендами и сказаниями о нагах, их божествах и царях.

Нанди — имя быка Шивы, который также является и главой всей его свиты.

Нанди — вознесение хвалы богам, молитвенная формула, входящая в состав подготовительной части спектакля. Нанди может также содержать благословение актерам и зрителям. После нанди начинается собственно пьеса, избранная для представления.

Нарасимха — человеколев, одна из аватар Вишну, которую он принял для того, чтобы сразить дайтю Хираньякашипу, врага богов, которого не могли сразить ни люди, ни звери. Сын Хираньякашипу стал поклоняться Вишну. Отец, разгневанный непослушанием сына, спросил его, почему он стал поклоняться Вишну, который и не всемогущ, поскольку не может убить его, Хираньякашипу, и не вездесущ, поскольку нет его, например, в колонне. С этими словами Хираньякашипу ударил по колонне ногой, и тотчас из нее явился в образе Нарасимхи, человекольва, сам Вишну и растерзал Хираньякашипу, поскольку не был ни человеком, ни зверем.

Нараяна — «Обретший убежище в водах», эпитет Вишну.

Пандавы — пятеро братьев, герои «Махабхараты». Пандава в единственном числе может замещать имя каждого из них.

Парджанья — бог дождя.

Париваха — название одного из направлений ветра, который дует между Большой Медведицей и Млечным Путем.

Парипаршвака — актер на ролях второго плана, помощник сутрадхары.

Поуломи — прозвище Шачя, жены Индры.

Правешака — интерлюдия к отдельному акту.

Пракарана — пьеса, сюжет которой не опирается на какую-либо историю, связанную с традицией, а целиком вымышлен автором.

Пуру — древний царь, сын Яяти и Шармистхи.

Пурушоттама — «Лучший из людей», эпитет Вишну.

Равана — ракшаса, по милости Брахмы, ставший неуязвимым для богов-асуров, но обреченный погибнуть из-за женщины. Десятиглавый и двадцатирукий Равана стал угрожать самим богам, и тогда боги взмолились к Вишну о спасении, и он воплотился в смертного Раму, сына царя Дашаратхи. История похищения Раваной Ситы, жены Рамы, и войны из-за нее и составляют сюжет «Рамаяны».

Радха — возлюбленная Кришны, бога-пастуха.

Рама — старший сын Дашаратхи, царя Айодхьи, земное воплощение Вишну.

Рати — супруга Камы.

Раху — см. с. 820.

Рохини — дочь прародителя Дакши, любимая жена Месяца; также название одного из созвездий.

Рудра — ведический бог, отождествляемый с Шивой.

[*Силы*] — то есть шакти, формы энергии Шивы, персонифицированные в ипостасях его супруги; они делятся — на я р о с т н ы е: Дурга, Кали, Карала, Каларатри, Чанди, Чанда, Чандика или Чамунда, Бхадракали, Рудрани, Бхайрави, Бхима, Катьяйни; и м и л о с т и в ы е: Хаймавати, Шайлапутри или Гириджа, Ума, Гаури, Парвати, Апарна, Махешвара, Бхавани, Амбика или Амба, Лалита, Аннапурна и ряд других. Отсюда — Властитель Сил, то есть Шива.

Схапана — одна из разновидностей пролога к пьесе.

Субхадра — сестра Кришны.

[*Судьба*] — сила, стоящая над богами и даже над Брахмой, Вишну и Шивой, подверженными ее воздействию.

Сумеру — гора, в мифической космогонии представляющая центр, вокруг которого вращается вся вселенная; также — название одной из вершин в Западных Гималаях в районе Гархвала.

Сурья — бог Солнца, он проезжает по небосводу на колеснице, запряженной рыжими конями.

Сутрадхара — глава театральной труппы и режиссер, исполняющий также одну из центральных ролей.

[*Творец*]. — В этой мифологической категории у индийцев смешались черты Брахмы, Вишну и Шивы, каждый из которых может выступать и в качестве творца вселенной.

Хануман — один из главных персонажей «Рамаяны», преданный друг Рамы, предводитель обезьяньего войска, помогшего Раме одержать победу над Раваной.

Хемакута — «Златоверхая», эпитет горы Кайласы. См. выше.

Шамбху — «Милостивый», эпитет Шивы.

Шанкара — «Благодетельный», эпитет Шивы.

Шарва — «Сражающий стрелой», эпитет Шивы.

Шармиштха — дочь дайти Вришапарвана, мать царя Пуру.

Шветакету — древний мудрец.

Шеша — повелитель нагов; змей с тысячью голов, на котором покоится Вишну в промежутках между актами творения.

Шива — один из трех главных богов индуизма; бог сил разрушения, вершитель судеб, олицетворение тайных сил, движущих жизнью. Изображается с одним или пятью лицами и четырьмя руками, в одной из которых он держит рог, в другой — трезубец, в третьей — барабан, четвертая же изоб-

ражается в жесте, символизирующем дарение. Он покровитель искусств, особенно танца и музыки — в этом качестве он зовется Натараджа, то есть «Царь танца». У него тысяча восемь различных эпитетов-имен, символизирующих его различные атрибуты и функции. Среди них, например, приведенные выше Нилакантха, Шамбху, Шанкара, Шарва, а также Пашупати — «Повелитель всех живых существ», Шулапани — «Держащий трезубец», Махеша — или Махешвара — «Великий бог», Панчанана — «Пятиликий», Махакала — «Могучее время», Каласамхара — «Сокрушитель времени» и т. д.

Чамунда — одна из ипостасей супруги Шивы. См. выше *Силы*.

Чанакья — предполагаемый автор «Артхашастры», знаменитого политико-экономического трактата древней Индии.

Яджурведа — «Знание жертвоприношений», одна из четырех священных книг древних индийцев.

Яма — бог смерти; он ведет книгу судеб, в которой записано, кому сколько положено прожить. Когда назначенный срок истекает, Яма посылает своих вестников привести душу в его мрачный дворец Каличи, где он выносит ей приговор в соответствии с добрыми делами и прегрешениями покойника, записанными в другой книге. Он может обречь душу на мучения в одном из его адов, послать к предкам, то есть избавить от перерождений, или же обречь на новый срок земной жизни.

Яти — древний царь; он отдал большую часть своего царства Пуру, самому младшему из своих сыновей, потому что только тот согласился нести бремя отцовской старости.

БХАСА

УВИДЕННАЯ ВО СНЕ ВАСАВАДАТТА

До начала XX века Бхаса был известен главным образом по имени. В 1910—1911 годах индийский филолог Ганапати Шастри нашел тринадцать ранее не известных пьес на санскрите и на основании ряда формальных признаков приписал их Бхасе. Об этом драматурге, как и о многих других классиках древнеиндийской литературы, нельзя найти как-либо надежные биографические данные, начиная со времени его жизни. Его относят к разным эпохам, но наиболее надежной вехой является упоминание его имени в прологе к пьесе Калидасы «Малавика и Агнимитра», где автор назвал Бхасу в числе своих предшественников, и, следовательно, его можно отнести ко времени не позднее V века. Предполагается также, что по касте Бхаса принадлежал к касте прачек, одной из самых низших.

Из числа пьес, обнаруженных Г. Шастри, лишь три считаются достоверно принадлежащими Бхасе — «Увиденная во сне Васавадатта», «Клятва Яугандхараяны» и «Бедный Чарудатта». Первые две написаны на сюжеты

о популярном герое фольклора и исторических преданий царя Удаяны, а последняя, очевидно, послужила прототипом для «Глиняной повозки» Шудраки.

На русский язык переводится впервые. Перевод выполнен по изданию «Bhasanatakacakre Svapnavasavadatta. A. Sanskrit Drama in six acts attributed to Bhasa. Critically edited with Introduction, Notes and Translation by C. R. Devadhar». Poona, 1957.

Стр. 23. *Магадха* — древнее царство, расположенное по среднему течению Ганга.

Стр. 26. *Раджагриха* — древняя столица царства Магадха.

Стр. 27. *Уджайини* — один из важных исторических и культурных центров древней и средневековой Индии; столица царства *Аванти* (см. с. 35).

Стр. 29. *...пьет воду мелкими глотками...* — Согласно индийским обычаям, принимая гостя, следует прежде всего предложить ему воды для того, чтобы прополоскать рот и утолить жажду; при этом вода льется на ладонь гостя, а он прихлебывает ее из ладони. *Страна ватсов*. — Ватсы — древний этноним; царство Ватса распространялось по междуречью Ганги и Ямуны к западу от города Праяга (ныне — Аллахабад).

Стр. 36. *Кампиля* — столица древнего царства Южные Панчалы; отождествляется с Кампилом в штате Уттар Прадеш (республика Индия).

Стр. 37. *Вот еще! Опять Вирачики?* — Васавадатта возмущена репликой Удаяны, произнесшего имя Вирачики, любовь к которой предшествовала его любви к Васавадатте и с которой он продолжал встречаться уже после его женитьбы на Васавадатте.

Стр. 38. *Чаровница-якшини Авантисундари*. — Якшини принадлежат к области древнеиндийской демонологии, обладают способностями менять облик, разными колдовскими способностями. Здесь имеется в виду, что эта якшини могла обрести облик Васавадатты, тем более что имя ее, в сущности, могло бы быть эпитетом Васавадатты: Авантисундари означает «красавица из Аванти», а Васавадатта сама дочь правителя Аванти.

Стр. 39. *Гхошавати* — «звонкая», «звонкозвучащая» — собственное имя вины (семиструнного музыкального инструмента типа люти; в данном переводе — *лютня*). *Тебя, Гхошавати, обрел я вновь...* — Удаяна получает в свои руки свою любимую вину Гхошавати, вызывающую у него воспоминания о том, как некогда он давал уроки игры на вине самой Васавадатте. Это относится к более ранней части истории Удаяны, использованной Бхасой для пьесы «Клятва Яугандхараяны», в которой речь идет о том, как началась любовь Удаяны и Васавадатты.

Стр. 42. *Слово, достойное сына Вайдехи!* — Здесь Удаяна назван по месту, откуда родом была его мать Мригавати, бывшая дочерью царя царства Видеха, территория которого лежала вокруг нынешнего города Джанакапур (королевство Непал).

Стр. 46. *Благодаря притворному безумью...* — Мнимое безумье Яугандхараяны так же, как и упоминание о любимой вине Удаяны и упоминание

Впрачки, выступают как своего рода связи сюжета данной пьесы с сюжетом другой пьесы Бхасы «Клятва Яугандхараяны». *Каушамби* — важный политический и культурный центр древней Индии; отождествляется с городом Косамом на реке Джамне к западу от города Аллахабада.

ШУДРАКА

ГЛИНЯНАЯ ПОВОЗКА

Автор наиболее динамичной пьесы древнеиндийской драматургии, Шудрака является весьма романтической и таинственной личностью. Он сам выступает героем ряда художественных произведений, специально посвященных его жизнеописанию. Время его жизни пока еще точно не установлено, и диапазон гипотетических дат простирается от III века до н. э. по VIII—IX века н. э. Наиболее вероятно, что он жил в VI веке. Также неясно и его положение — был ли он в действительности, как говорят об этом некоторые легенды, царем, и если да, то почему имя его образовано от названия самой низшей варны (шудры — рабы)?

Впервые переведший «Глиняную повозку» в 1928 году на английский язык, известный индолог Г.-Г. Вилсон писал: «Глиняная повозка» во многих отношениях является наиболее человеческой из всех пьес на санскрите. Чувствуется нечто поразительно шекспировское в умелой обрисовке характеров, энергии и жизни многочисленных персонажей, непосредственности и прозрачности сюжета». Эти качества особенно привлекали внимание европейских переводчиков. Кроме английских переводов, известны также переводы на немецкий, французский, итальянский, шведский, датский, голландский и хорватский языки. Л. Фейхтвангер опубликовал в 1916 году свою обработку «Глиняной повозки» для театра; она была переведена на русский язык и опубликована в 1939 году.

Первый же перевод на русский язык (часть пролога и первого действия) непосредственно с санскрита был выполнен К. И. Коссовичем («Москвитянин», 1849, сентябрь, с. 1—42, раздел «Иностранная словесность»). Для данной публикации использован перевод, выполненный советским индологом В. С. Воробьевым-Десятовским и поэтом В. С. Шефнером и полностью опубликованный издательством «Художественная литература» в 1956 году. В 1957 году театр им. А. С. Пушкина в Москве осуществил постановку спектакля «Белый лотос», основанного на «Глиняной повозке» Шудраки.

Стр. 50. *Чакора* — род куропатки, у которой, по поверью индийцев, при виде отравленной пищи мутнеют глаза. Единственная для нее пища, в которую не может быть подмешан яд, — это лунные лучи. ...лучшим среди рожденных дважды... — Здесь имеются в виду представители трех высших варн (сословий) древнего и средневекового индийского общества: жрече-

ской (брахманы), воинской (кшатрии) и торгово-ремесленной (вайшьи). После обряда посвящения, который и считался вторым рождением, они имели право на традиционное образование. Особенно этот термин (дважды рожденный) прилагается к брахманам, имевшим право совершать жертвоприношения, изучать веды и обучать их чтению. *Он изучил Ригведу, Самаведу... —* то есть был знатоком вед, священных книг древних индийцев, и мог принимать участие в совершении жертвоприношений. *Жертвоприношение коня* (ашвамедха) — особый обряд, совершавшийся царем для утверждения своего суверенитета, рождения сына или во искупление греха. Специально выбранный конь после некоторых церемоний пускался пастись на волю сроком на год. Если в течение этого срока конь вступал на землю другого царя, тот либо должен был признать над собой власть царя, отправившего коня пастись, либо силой оружия доказать свою власть. Стократное совершение ашвамедхи могло сделать смертного равным самому царю богов Индре, одним из прозвищ которого было «Совершивший сто жертв»; именно поэтому Индра старался не допустить, чтобы кто-либо мог совершить ашвамедху сто раз подряд. *Гетера* — образованная женщина, ведущая образ жизни, регламентированный различными трактатами о любви типа «Камасутры». Поскольку любовь была для гетер средством к жизни, эти трактаты обязывали их принимать любого мужчину, безотносительно от их личных чувств. При них обычно состояли в качестве сведен их матери, жадность которых стала предметом осмеяния во многих произведениях. *Васангасена*. — Имя это означает «войско Весны».

Стр. 51. *Праkrit*. — Древняя Индия была населена различными народами, говорившими на разных языках, принадлежавших не только к индоевропейской семье, но и к другим языковым семьям. Наряду с живыми, разговорными языками, в результате длительного общения народов, у них выработались и языки литературные, в том числе классический санскрит и праkritы, отражавшие этническое многообразие страны, а в драматургии отражавшие и социальную стратификацию населения. Так, на санскрите говорили обычно «высородные» персонажи — цари, брахманы, кшатрии, на праките шаурасени — женщины и комические персонажи.

Стр. 53. *...подходил бы людям нашего круга.* — То есть не вызывал бы нарушения кастовых предписаний и обычаев.

Стр. 56. *...жертву для матерей.* — Одной из форм религиозных верований в древней и средневековой Индии был культ матерей-прародительниц, которых насчитывалось семь или восемь. Они представляли собой женские ипостаси главнейших богов индуизма.

Стр. 58. *...как Кунти у Равана в лапах!* — Самстханак чудовищно невежествен и сталкивает персонажей различных эпических сюжетов (в этом случае Кунти из «Махабхараты» и Равану из «Рамаяны»; см. том 2 БВЛ «Махабхарата. Рамаяна». М., 1974), путает функции и имена героев мифов и литературных произведений. *...змея... // Перед Гарудой, властелином птиц.* — По преданию, прародительница нагов Кадру проиграла спор с

прародительницей птиц Винатой и оказалась у нее в рабстве. С тех пор берет начало неискоренная вражда змей и птиц. *Все десять ее наименований...*— То есть произнес своего рода умиловительную молитву. В древней Индии подобные молитвы были широко распространены — так, вознести моление Шиве всеми одна тысяча и восемью его именами означало приобрести высокую религиозную заслугу.

Стр. 59. *...подобно города богине...*— Храм богини — покровительницы города обычно служил своего рода пристанищем для странников. Васанта-сена — гетера и в качестве таковой должна принимать всех, кто бы ни пришел к ней.

Стр. 66. *...древом был, покорно исполнявшим //* *Желанья бедняков...*— Кальпаврикша — см. «Словарь».

Стр. 72. *...выкупалась и совершила поклонение богам.*— С древнейших времен омовение или купание в Индии не только гигиеническая необходимость, но и важная часть различных религиозных церемоний.

Стр. 74. *Игра в кости* с древнейших времен была весьма популярна в Индии. Уже в Ригведе содержится стихотворение «Жалоба игрока». В «Махабхарате» есть целая вставная повесть «Наль и Дамаянти» о злом воздействии этой игры. Да и сам сюжет «Махабхараты» связан с игрой в кости. Повествовательная литература изобилует рассказами об удачливых и неудачливых игроках. Существовали игорные дома, облагавшиеся налогом. Проигравшийся игрок, если ему нечем было уплатить проигрыш, мог попасть в положение долгового раба или подвергнуться судебному преследованию. *Анга* — народность, населявшая земли на территории нынешнего штата Западный Бенгал (Индия) и некоторые районы Бангладеш.

Стр. 77. *И гордо буду я здесь стоять, //* *Покуда солнце в небе сияет!* — В реплике Дардураки содержится намек на один из мифов о Вишну, когда он, в ипостаси карлика, попросил у царя Махабали всего лишь столько земли, сколько он мог бы покрыть за три шага. Тот согласился, и Вишну, приняв свой подлинный облик, за один шаг перешагнул землю, за другой — небо, а на третьем шаге отправил самого царя — асура Махабали в Паталу и таким образом утвердил власть богов.

Стр. 80. *Паталипутра* — один из древнейших исторических центров Индии, столица царства Магадха. Ныне — Патна, столица штата Бихар.

Стр. 83. *Теперь монахом, с голой головой...*— Бритье головы обязательное условие повседневной гигиены буддийских и джайнских монахов.

Стр. 84. *Виндхья* — название горной цепи в центральной Индии; географическая граница между северной и южной Индией.

Стр. 85. *...прикладывает подарок ко лбу...*— Обычай почтительной благодарности дарителю, сохранившийся и до настоящего времени.

Стр. 87. *На месте, где сжигают трупы!*— Последователи индуизма предадут умерших сожжению.

Стр. 90. *О, глава своей касты...*— Структура каждой касты предусматривает совет: управляющий ее внутренними делами орган, возглавляемый

особым лицом. Палачи входили в касту чандалов (см. ниже). Ты хочешь взять что-нибудь из наших рук? — Чарудатта — брахман, и прикосновение его к рукам чандалов осквернило бы его. Я прошу, чтобы вы дали увидеть мне лицо моего сына, дабы я беспрепятственно попал на тот свет. — То есть — чтобы дали удостовериться еще раз, что на земле остается человек, который будет совершать жертвоприношения ради Чарудатты, как своего предка. Ведь слишком мал пока что тот сосуд, // В котором будут подавать мне воду!.. — То есть мал еще его сын. С его помощью воздается // Дань богам и душам усопших. — Имеется в виду, что брахманский шнур используется при ритуале.

Стр. 91. Но для Луны позора в этом нет! — См. «Словарь» — «Раху». Хотя и чандалы мы по рождению... — Чандалы — потомство от отца-шудры и матери-брахманки, составлявшие наиболее низкую и презираемую касту. Шудрака, однако, вопреки установившимся в его время взглядам, подчеркивает, что человеческое достоинство определяется не кастой, а социальным действием человека, какой бы касты он ни был.

Стр. 92. Ушира и сандал — растения, из которых изготавливаются благовонные притирания.

Стр. 98. ...даже солнце и луна, пребывающие на небе, попадают в беду. — См. «Словарь» — «Раху». Я буду счастлива, как лотос, увидевший луну. — Некоторые виды лотоса раскрываются ночью, по индийским поверьям, с восходом луны.

Стр. 99. О богиня, обительница гор Сахья... — Один из эпитетов супруги Шивы, богини Дурги, считающейся покровительницей палачей.

Стр. 102. Враг Краунчи, будь славен шестиустый... — Имеется в виду Картикея, шестиглавый бог войны.

Стр. 103. Кушавати — город на берегу Вены (ныне Вайнганга).

Стр. 105. Почтенный, мое желание исполнилось... — То есть она избавилась от положения гетеры, поскольку стала супругой Чарудатты, оказавшегося правителем Кушавати.

КАЛИДАСА

ШАКУНТАЛА, ИЛИ ПЕРСТЕНЬ-ПРИМЕТА

Наиболее известное произведение классической драматургии древней Индии впервые для европейского читателя стало доступным в 1789 году, когда ее перевел на английский язык один из пионеров английской индологии В. Джонс. С этого перевода в 1790 году немецким демократом Г. Форстером был выполнен перевод на немецкий язык, сразу вызвавший бурный интерес европейской литературной общественности, в том числе Гердера и Гете, и послуживший оригиналом для переводов на русский, французский, итальянский и датский языки.

Начало переводческой истории «Шакупталы» в России положил, как уже было сказано, Н. М. Карамзин. Однако первый полный перевод появился на

русском языке лишь почти сто лет спустя, в 1890 году, в Вологде. До настоящего времени наиболее художественно значительным являлся перевод К. Бальмонта.

В Европе неоднократно предпринимались театральные постановки «Шакунталы»; одной из наиболее интересных была постановка Московского Камерного театра под руководством Таирова в 1916 году.

В 1960 году на сцене Куйбышевского Театра оперы и балета увидел свет балет «Шакунтала», музыку к которому написал советский композитор С. Баласания; впоследствии этот же балет был поставлен в Театре оперы и балета Латвийской ССР в городе Риге.

В настоящем издании фрагменты «Шакунталы» даются по изданию: К а л и д а с а. Избранное. Драммы и поэмы. Перевод с санскрита. М., 1973.

Стр. 110. *Пустынь святого отца Канвы.*— По представлениям древних индийцев, жизнь человека делилась на четыре стадии-ашрама: первая из них — брахмачарья, когда принадлежавшие к так называемым дваждырожденным варнам изучали веды и шастры, вторая — грихастха, когда мужчина становился главой семьи, ванапрастха — когда удалялись от мирских дел в леса и предавались размышлениям, и четвертая — санньяса (освобождение от всяких обязанностей и человеческих связей). Ашрама — убежище — так же было и название жилища того, кто достиг стадии ванапрастха, особенно когда речь шла о божественных мудрецах, подобных Канве. *Паломничество в Самагиртху.*— Тиртха в индуизме — место паломничества, обычно связанное с возможностью омовений в водах священных рек или водоемов, вообще всякое святое место. К числу важнейших тиртх относятся города Айодхья, Матхура, Гая, Бенарес, Уджайини, Хардвар, Дварака, реки Ганга, Джамна, Сарасвати, Годавари, Нармада, Инд, Кавери, горы Кайласа, Параснатх, Абу, Пални и т. д.

Стр. 113. *Кесара* — цветок шафрана.

Стр. 115. *Под властью паурава* — то есть потомка Пуру.

Стр. 116. *Родовое имя Каушйи.*— Брахманы подразделялись на роды, называвшиеся по имени легендарного прародителя.

Стр. 121. *...Вольное супружество.*— Среди форм брака в древней Индии существовал и так называемый брак по закону гандхарвов, предусматривавший любовный союз без совершения каких-либо ритуальных обрядов и без согласия родителей или старших родственников. Естественно, что подобная форма не влекла за собой никаких правовых обязательств ни одной из сторон.

Стр. 124. *Шами.*— С помощью палочек из дерева шами добывали огонь трением.

Стр. 127. *...на костерки вокруг алтаря...*— То есть огни, разводимые для отпугивания злых духов, способных нарушить ход жертвоприношения.

Стр. 139. *...владельцем поля, а сеятелем был другой?* — Имеется в виду ситуация, при которой супруг, оказавшийся бесплодным или умиривший

прежде жены, мог дать ей разрешение зачать от другого мужчины. Родившееся от такого зачатия дитя считалось ребенком от мужчины, давшего такое разрешение. Душьянта, таким образом, в этой фразе подчеркивает свою мужскую силу.

Стр. 147. *Обитающие полулюдей-полукопей* — то есть страна киннаров, мифических существ с лошадиными головами и человеческими телами.

ХАРША

РАТНАВАЛИ, ИЛИ ЖЕМЧУЖНОЕ ОЖЕРЕЛЬЕ

Харша — выдающийся государственный деятель раннесредневековой Индии; он воцарился в царстве Канаудж в 606 году и правил до 647 года. Наряду с государственной деятельностью он занимался и литературой. Его творческое наследие состоит из трех пьес: «Ратнавали», «Приядаршника» и «Нагананда», на сюжетах которых в известной мере сказались волновавшие его политические проблемы. Особенно это чувствуется в последней, написанной, как полагают, с целью продемонстрировать терпимость к буддизму. Харша — единственный из индийских авторов той поры, оставивший образец своего «почерка», лично вырезав на одной из царственных грамот, выполненных на меди, свое имя.

Впервые «Ратнавали» была переведена на английский язык в 1828 году известным английским индологом Г.-Г. Вилсоном.

Дамодарагупта (конец VIII — начало IX в.) в своей сатирической поэме «Наставления сводни» описывает представление «Ратнавали». Китайский путешественник И Цзин (конец VII в.) в своих записках о странствии в Индию сообщал, что при дворе Харши ставилась пьеса «Нагананда». Имеются также сведения о том, что сам Харша играл в «Ратнавали» роль Удаяны.

Текст пьесы впервые был издан в 1832 году в Калькутте, затем в 1845 году — в хрестоматии текстов на санскрите, изданной членом Российской Академии наук О. Бётлингом. Пьеса переводилась на немецкий, шведский, итальянский и французский языки. На русский язык переводится впервые. Перевод выполнен по изданию: «The Ratnavali natika». Bombay, 1938.

Стр. 162. *Белый гусь не покидает пруда...* — Этим сравнением подчеркнута сила чувства, определяющая постоянство в любви. Кроме этого, в мифологии белый гусь — символ Брахмы, верховного божества.

Стр. 165. *Этот жасмин как бы насмешливо поглядывает...* — В реплике Васантаки — намек на Сагарiku, противопоставленную Васавадатте, как жасмин — *мадхави* (лиане). *Камень волшебный, // висящий у Вишну на шее...* — То есть каустубха, одно из четырнадцати сокровищ, извлеченных асурами и богами из океана (см. в «Словаре» — «Амрита»).

Стр. 179. *Царство Каушамби.* — См. прим. к с. 46.

Бхавабхути, классик древнеиндийской драматургии (примерно VIII — IX вв.), известен тремя пьесами, две из которых, «Махавирачарита» («Жизнь великого героя») и «Уттарарамачарита» («Дальнейшая жизнь Рамы»), разрабатывают сюжет героического эпоса «Рамаяна», а «Малати и Мадхава», фантастическая мелодрама, написана, видимо, на основе фольклорной новеллы. Родственная по сюжету новелла имеется в кашмирских версиях сказочной эпопеи «Брихаткатха», создатель которой Гунадхья (приблизительно III — IV вв.) собрал произведения различных повествовательных жанров фольклора древнего народа пишачей. (Новеллу см.: Сомадева. Дальнейшие похождения царевича Наравакханадатты. М., 1976).

Пьеса стала известна в Европе еще в самом начале XIX века и была опубликована в переводе на английский язык Г.-Г. Вилсоном в 1826 году, затем в 1844 году — на немецкий, в 1871 году — на голландский, в 1885 году — на французский. На русский язык переведена впервые. Для перевода использованы издания: «The Mālātīmādhava of Bhavabhūti with the commentaries of Tripurārī and Jagaddhara». Ed. by M. N. Telang Sixth edition. Bombay, 1936; «Bhavabhūti's Mālātīmādhava. With the commentary of Jagaddhara». Ed. by M. R. Kale. Delhi-Varanasi-Patna, 1967.

Стр. 190. *Slava!* — Собственно, здесь звукоподражательное «читкара», означающее торжество, победу, полную удовлетворенность. *Многообразие чувств и желаний, // Хитросплетение дивных событий...* — Такова формулировка основных требований, предъявляемых к драматургическому произведению в соответствии с эмпирически установившимся и закрепленным в ряде трактатов канонам.

Стр. 191. *Есть в южных краях...* — Здесь, в пространной реплике сутрадхары приведены те основные сведения о драматургии, которые и по настоящее время остаются наиболее значительным источником для его биографии. Из них, в частности, выясняется определенная полемическая заостренность его пьесы. Когда он заявил, что в пьесе не прибавится достоинств, если ее автор изучит «веды и упанишады, йогу и санкхью», то уже самым таким заявлением противопоставил себя господствующей брахманской ортодоксии. По его мнению, самое главное для пьесы — талант поэта, который и обеспечивает и глубину мысли, и силу поэтического выражения, и искусное владение языком.

Стр. 192. *Шафранно-красные одежды.* — Обычно буддийские монахи носили рясы шафранно-красного или оранжевого цвета. *Кундинапур* — древняя столица царства Видарбхи; *Падмавати*, или Падампур — родной город Бхавабхути, находившийся в 70—80 км от современного Нагпура.

Стр. 193. *...по той царской дороге...* — то есть по главной дороге города, начинавшейся от царского дворца.

Стр. 203. *...в четырнадцатую ночь темной половины месяца.*— Индийский лунный месяц делится на светлую половину, когда луна прибывает, и на темную, когда она убывает. Четырнадцатая ночь темной половины месяца благоприятна для успеха тайных замыслов: в эту ночь особенно действуют духи предков и вообще умерших.

Стр. 204. *Властителя сил в окружении сил...*— Капалакундала и Агхораганта были последователями одной из так называемых тантристских сект, особенно распространившихся в конце I тысячелетия. Тантризм — совокупность учений этих сект, суть которых сводится прежде всего к почитанию бога, как материнского начала, в той или иной шакти (женской ипостаси данного бога), осмыслявшейся как его супруга. В данном случае Малати должна быть принесена в жертву богине Чамунде, одной из ипостасей супруги бога Шивы. Тантристы обычно устраивали свое поклонение тайно, сопровождая его всякими мистическими и сексуальными обрядами. Особый упор в их культе делался на магическое значение мантр (молитвенных формул), биджа (особых слогов, приуроченных к каждому божеству), ятра (особых диаграмм), мудра (различных положений пальцев рук) и ньяса (прикосновение изображения божества к разным частям тела); все это должно способствовать прежде всего лицемерию избранного божества, а затем и полного отождествления верующего с ним.

Стр. 205. *...то, что нужно для принесения жертвы.*— То есть необходимые сосуды и инструменты.

Стр. 206. *Вы упыри, ветапы, духи злые!*— Индийская демонология крайне разнообразна; среди всех сверхъестественных существ, связанных главным образом с Шивой, особенно важными представляются ветапы, обладающие способностью вселяться в мертвые тела и заставлять их проделывать все, что проделывает живой человек; за ним следуют якши, своевольные существа, охраняющие клады, гухьяки — духи тьмы и т. д. Их внешний вид довольно красочно описан Мадхавой далее.

Стр. 207. *...негронутый вовсе//Кровопротитным оружием?*— Для жертвоприношения не могла быть использована плоть человека, павшего в бою или сраженного в поединке.

Стр. 211. *Все равно как если бы ворона свалила пальму.*— Форма уничижительного преуменьшения.

Стр. 213. *...боги земные...*— то есть брахманы.

Стр. 215. *Чоли* — короткая кофта.

Стр. 218. *Нитью свадебной руку повяжут...*— На левую руку жениха повязывают в знак пожелания счастья шерстяную нитку.

Стр. 225. *...броситься со скалы.*— Самоубийство с религиозной целью издавна практиковалось в Индии, причем способы могли быть избраны самые различные. Если оно совершалось на каком-то святом месте, то и сам акт самоубийства приобретал особо добродетельный смысл. В данном случае если отец Малати решил броситься в огонь, который священен сам

по себе, то Камандаки и подруги Малати решаются броситься с горы, которую омывает священная река Мадхумати.

Стр. 226. *И солнечный свет с темнотою густою, // И вместе с луною гроза, предваренная громом.* — В этих противопоставлениях содержатся намеки на некоторые мифы. См., например, в «Словаре» — «Амрита».

Стр. 229. *Бодхисаттва.* — В буддизме — человек, достигший высочайших добродетелей ради спасения всех существ (см. прим. к с. 367).

ВАРАРУЧИ

В Л Ю Б Л Е Н Н Ы Е БХАНА

С именем Вараручи связан ряд произведений из разных областей письменности — сочинения по грамматике санскрита и пракритов, поэгическая антология, наставление о написании писем, эпическая поэма, трактат по политике. Возможно, за именем Вараручи скрывается несколько разных авторов и к тому же не современников. Вараручи выступает и персонажем в некоторых художественных произведениях, вокруг его имени сложился довольно обширный круг апокрифических рассказов. Согласно одному из них, он занимался собиранием народных песен, обрабатывал их и потом пел сам. Другие связывают его имя с судьбой Калидасы, третьи — делают его братом великого индийского поэта и ученого Бхартрихари. Но пока еще он делит судьбу многих классиков индийской литературы раннего средневековья, о жизненном и творческом пути которых можно лишь строить предположения. «Влюбленные» — единственное известное драматургическое произведение Вараручи. Оно стало известно лишь в начале XX века, когда был обнаружен и опубликован рукописный сборник на санскрите «Чатурбхани» («Четыре бхана»), в котором были объединены наиболее яркие образцы этого жанра, относящиеся к последним векам I тысячелетия. Из европейских языков «Влюбленные» были переведены только на английский язык. На русский язык переводится впервые. Перевод выполнен по изданию: «Caturbhāni (athavā Padmaprābhrtaka, Ubhayābhisārikā, Pādātādītaka, Dhūrtavitasamvāda in cār eknat nātakon kā sangrah)». Bambaī, 1959.

Стр. 232. *...дерево лодхра... выглядит, как бедный вита...* — Цветы на дереве лодхра появляются раньше, чем листья, чем и объясняется такое сравнение. *Кбкиль* — разновидность индийской кукушки. *Ашока* — дерево с ярко-оранжевыми или огненно-красными цветами, расцветающее, по поверью, при прикосновении ноги девушки. *Манго* — плодовое дерево, цветущее крупными белыми или светло-желтыми цветами. *...сандаловые умящения и узоры на руках!* — Обязательной частью туалета индийской красавицы было натирание ароматичным сандаловым маслом или специально на нем приготовленными притираниями и наведение с помощью шафрана геометрических

рисунков, имевших и магическое значение, на ладонях и ногах. *В храме благодатного Нараяны Маданасена устроила полное различных раса представление...*— В древней и раннесредневековой Индии местом для театрального представления могло быть избрано как специально построенное театральное здание, так и храм, причем иногда в состав храмового комплекса входили специально выстроенные для подобных целей эстрады. Раса — со-гласно индийской поэтике, совокупность всех художественно-содержательных элементов театрального представления, литературного произведения и вообще произведения искусства, порождающая эстетическое наслаждение.

Стр. 233. *...гудят пением вед...*— То есть в каждом доме читаются веды, чтение которых само по себе составляло религиозную заслугу. Размеры, в которых написаны гимны вед, имеют определенный мелодический строй *...трепетом тетивы...*— Имеются в виду упражняв в стрельбе из лука. *...подобные лицам Десятиглавого Раваны, искусного во всех таких делах.*— Десятиглавый ракшас Равана, противник Рамы, героя индийской эпопеи «Рамаяны», был по варне (сословию) брахманом, знатоком вед, искусным стрелком из лука и замечательным певцом. *Тилак* — первоначально знак, означающий принадлежность к той или иной касте; позднее тилак в виде пятнышка сандаловой пасты красного или оранжевого цвета, стали делать себе на лбу замужние женщины. *Небесная столица Индры* — «рай», населенный небесными девами, апсарами и сладкоголосыми гандхарвами, там растут волшебные деревья мандара и кальпаврикша. Севший под дерево мандара забывает о всех тревогах и испытывает блаженство, не нарушаемое ни волнениями духа, ни плотскими страстями; кальпаврикша исполняет любые желания.

Стр. 234. *Алчность матери презрев и Закон любви продажной* // *Позабыв...* — Гетеры подчинялись определенным правилам, как и во всяком ремесленном цехе. Эти правила отразились в известном трактате Ватсьяны об искусстве любви «Камасутре». Согласно этим правилам, главное дело гетеры — извлекать у любовников богатства и не давать любви, как личному чувству, примешиваться к этому главному делу. Для того чтобы это не случилось, она должна быть под контролем своей матери, а если матери у нее нет, то какой-нибудь женщины, сводни, занимающейся ее материальными делами, устройством встреч с любовниками и т. п. На протяжении всей бханы Вараручи неоднократно апеллирует устами виты к этим правилам, явно отдавая свои симпатии действительной, а не продажной любви.

Стр. 236. *Страница...*— С а н с к р. «паривраджика» означает: «страница, подвижница, женщина, отрекшаяся от земных страстей». Здесь — на-смешливо. *Нам нужен не Вайшикачала, а Вайшешикачала.*— Страница с витой ведет диалог, полный намеков на некоторые системы и категории классической индийской философии. Так, на ее реплику, что она нуждается не в Вайшикачала, а в Вайшешикачала, то есть «твердые учения вайшешиков», отвечая ей, вита оперирует сравнениями, связанными с концепцией и категориями философской школы вайшешиков, особенно в строфе: «О, бес-

подобная, чье тело сущность...» *Шесть категорий*, о которых идет речь в этой строфе: субстанция, качество, всеобщность, действие, особенное, присущее; обыгрываются также такие важные в индийской традиции слова, как йога, понимаемая здесь не в смысле философской школы, а в прямом смысле — соединение; мокша, конечное избавление от страданий, понимается как избавление от неугодных любовников. Демонстрируя свое знакомство с санкхьей, странница называет три эпитета мирового духа, два из которых имеют и одиозное значение: алепака — «безупречный», ниргуна — «лишенный качеств», но и «ни к чему не годный», кшетраджна — «разумный», но и «распутник».

Стр. 238. *...существо, которое ни мужем, ни женой не назовешь...*— В древности и раннем средневековье гермафродитизм в Индии, особенно у тантристов, рассматривался как высший идеал, как своего рода «совершенный пол», абсорбировавший в себе и мужское и женское начала и присутствующий лишь Верховному Существо. В мифологии такие представления о гермафродитизме нашли выражение в двуполой ипостаси Шивы Ардханаришвара, в появлении двуполого божества Харихара. Гермафродиты с выраженными женскими признаками назывались «настрика», то есть «не женщины». Вита, расхваливая ее в строфе «В чреве твоём...», подчеркивает отсутствие в ней всего, присущего женщинам. *...горестная, как разлука чакравак?* — Чакраваки, род уток, считаются образцом супружеской верности. Но, по поверью, проводя день вместе, они должны на ночь разлучаться, и в индийской поэзии их горестные крики с наступлением темноты служат символом разлуки.

Стр. 239. *...чванящегося удачей, выпавшей на долю сестры.*— Сестра его стала женой царя. *А может, проиграл все в кости, способные за один бросок погубить богатства самого Подателя богатств?* — См. прим. к с. 76. Податель богатств — эпитет Куберы, бога богатств.

Стр. 240. *Но если изрыгает рот гетеры//Подводный пламень...*— Здесь содержится намек на миф, связанный с представлениями древних индийцев о конце света (пралая), когда таящийся в недрах океана огонь вырвется на свободу и пожрет все сущее.

Стр. 241. *«Победа Пурандары»* — собственно название представления, прославляющего царя.

Стр. 242. *...совершенством в четырех видах представлений...*— Здесь, характеризуя совершенство Приянгусены как танцовщицы, Вараручи перечисляет основные технические требования к актрисе, предъявлявшиеся трактатами по театральному искусству, в том числе «Бхаратнатяшастрой».

Стр. 244. *...подлинную суть Маданатантры...*— Буквально: «Маданатантра» — «наставление, данное или сочиненное Маданой, то есть богом любви», — может быть понято как синоним «Камасутры», известного индийского трактата о любви.

И. Серебряков

КИТАЙ

ГУАНЬ ХАНЬ-ЦИН

ОБИДА ДОУ Э

Сведения о жизни Гуань Хань-цина, как и остальных юаньских драматургов, скудны. Большинство исследователей сходятся на том, что он родился около 1230 года и умер около 1300 года. Одно время он, возможно, служил в лекарской управе, затем стал профессиональным драматургом, сам выступал на сцене. Большая часть его деятельности протекала в столице Юаньской империи Даду (Ханбалык, нынешний Пекин), но известно, что после 1277 года он посетил бывшую южносунскую столицу Ханчжоу и другие города юго-востока Китая. Один из младших современников писал о Гуань Хань-цине, что это был человек «от рождения непохожий на других, широкообразованный и искусный в письме, насмешливый и умный, глубоко чувствующий и свободный в поступках,— словом, венец своего времени».

Источники сходятся на том, что он был одним из основоположников жанров «смешанных представлений» — цзацзюй и самым плодовитым из юаньских драматургов. Наиболее полный список насчитывает шестьдесят три его пьесы, из которых сохранилось, в более или менее полном виде, восемнадцать (впрочем, в отношении авторства нескольких из них существуют сомнения). Известен также ряд его стихотворений в песенном жанре пюй. Академическая «История китайской литературы» (Пекин, 1963, с. 725) относит «Обиду Доу Э» к числу его поздних произведений на том основании, что в пьесе упоминается должность, учрежденная лишь в 1291 году. Однако это могло быть результатом позднейшего редактирования текста. Перевод сделан по тексту, отредактированному в начале XVII века Цзан Моу-сюнем и включенному в его «Изборник юаньских пьес» («Юань пюй сюань», т. 4. Изд-во Чжунхуа шуцзюй, 1958).

Осталось сказать еще несколько слов о переводах китайских пьес — точнее, их стихотворных частей. Принятая в них система стихосложения настолько отлична от русской и любой иной европейской, что приходится ограничиваться передачей общего впечатления от оригинала. При этом некоторые переводчики — в частности, участники сборника «Юаньская драма» (1965) — обращают внимание прежде всего на частую смену ритмов, чередование коротких и длинных строк, и поэтому для каждой арии подбирают особый русский размер и строфику. Другим представляется особенно важным воспроизвести такую особенность оригинала, как наличие сквозной рифмы в качестве стержня его звуковой организации. Могут быть, конечно, и другие подходы. Богатый и еще мало исследованный мир китайской классической драмы открывает для творческих поисков широкие возможности.

Стр. 263. *Пролог* (сецзы; букв.: «деревянная распорка») — добавочная, сверх обычных четырех актов, сцена в юаньских пьесах. Могла помещаться в начале пьесы или между актами и выполняться, соответственно, роль пролога или интермедии. *«Буэр»* — актриса, исполнявшая роль в юаньском театре роли старух. *Сюцай* — начальная ученая степень, присуждавшаяся на уездных экзаменах. *Лян* — кусок серебра определенного веса, служивший крупной денежной единицей.

Стр. 264. *«Чунмо»* — актер, исполнявший второстепенные, преимущественно положительные, мужские роли. *«Чжэндань»* — исполнительница главной женской роли в пьесе, ведущая вокальную партию. *Сыма Сян-жу* (179—118 гг. до н. э.) — прославленный литератор эпохи Западная Хань. По преданию, в молодости был беден. Когда дочь сычуаньского богача Чжо Вэнь-цзюнь влюбилась в него и бежала с ним из дому, молодым пришлось зарабатывать на жизнь, торгуя вином. Позднее его пророческая поэма «Цзысюй» понравилась императору У-ди, и он был приближен ко двору. *Чанъань* — одна из древних столиц Китая, нынешний город Сиань. ...*состоятся экзамены.* — Имеются в виду государственные экзамены на знание конфуцианских классиков и умение писать сочинения, открывавшие доступ к правительственной службе. Они проводились в столице, как правило, раз в три года.

Стр. 265. *На мотив...* — Мелодии песен, составлявшие музыкальную основу в юаньских пьесах, обычно обозначаются первыми словами их первоначального текста. Поскольку эти тексты утрачены, перевод названий нередко гадателен. *Лоань* — один из крупных политических и культурных центров средневекового Китая, столица при ряде династий.

Стр. 266. *«Цзинь»* — актер на вторые мужские роли, преимущественно комические и отрицательные. *Сай-лу* — букв.: «Превзошедший врача из Лу» (знаменитого врача древности Бянь Цюэ). В юаньских драмах это прозвище часто употребляется в ироническом смысле. *«Книга о травах»* — древнейшая китайская фармакопея.

Стр. 267. *«Фуцзин»* — актер, играющий персонажей того же плана, что «цзин», но менее значительных по положению или более молодых.

Стр. 269. *«Восемь примет».* — Имеются в виду «восемь знаков» — циклические знаки, обозначавшие (по лунному календарю) год, месяц, день и час рождения ребенка и использовавшиеся для составления гороскопа. *Поднебесная* — метафорическое обозначение Китая.

Стр. 272. *Шэн* — духовой инструмент, состоящий из тринадцати трубок.

Стр. 275. *Небо и Земля* — в системе традиционных представлений китайцев — верховные безличные божества, предопределяющие (особенно Небо) судьбы каждого человека и всей страны.

Стр. 276. *День «красных фениксов и небесной радости»* — благоприятный, по данным гороскопа, для свадьбы день (считалось, что божество звезды Красный Феникс ведает браками).

Стр. 277. ...убить... феникса... изловить дракона...— строить ловушки с целью получить выгоду. *Лянчжоу* — город в нынешней провинции Ганьсу; многие популярные в средневековом Китае мелодии пришли через Лянчжоу из Центральной Азии. *Чжо Вэнь-цзюнь* — жена Сыма Сян-жу. *Мэн Гуан* — жена ханьского чиновника Лян Хуна (V в.); так почитала мужа, что, подавая ему еду и вино, всякий раз высоко поднимала столик. *Великую стену подмыли...*— По преданию, верная жена Мэн Цзян-нью отправилась разыскивать своего мужа, который был угнан на строительство Великой стены. Узнав, что он умер и похоронен в стене, Мэн Цзян-нью стала так рыдать, что стена обвалилась и явила труп ее мужа. ...*шелк промывала.*— Когда древний полководец У Цзы-суй вынужден был бежать, спасаясь от смерти, он встретил у реки девушку, стиравшую белье. Та сжалась над беглецом и накармила его, а потом утопилась в реке, чтобы У Цзы-суй не думал, будто она сможет выдать его преследователям.

Стр. 278. ...*стала одной из гор?*! — Согласно легенде, некая древняя жена так долго стояла на горе, ожидая возвращения мужа, отправившегося служить государю, что сама обратилась в камень. «*Сладкая роса*» — согласно буддийской легенде, эликсир, дающий человеку силу, здоровье и даже бессмертие.

Стр. 285. *Канга* — тяжелая (25 фунтов) деревянная колодка, надевавшаяся на шею осужденному.

Стр. 286. «*Вай*» — актер, исполнявший второстепенные мужские роли.

Стр. 287. *Сэньло* — дворец владыки ада Янь-вана, в котором он судит грешников. *Янь Юань* — один из учеников Конфуция, отличавшийся умом и добродетелью. Жил в бедности и умер молодым. *Разбойник Чжи* (Дао Чжи) — в традиционной историографии — предводитель огромной шайки бандитов, творившей всевозможные злодеяния; современные китайские авторы считают его вождем крестьянского восстания.

Стр. 289. *Бумажные деньги* — разрисованные кусочки бумаги, которые сжигались в честь умершего. Считалось, что эти «деньги» пригодятся ему в загробном мире.

Стр. 291. *Чан Хун* — древний сановник. После того как он был казнен по ложному навету, народ собрал его кровь. Она застыла и через три года превратилась в драгоценный камень. *Ван-ди* — прозвание Ду Юя, правителя древнего княжества Шу. Говорили, что после смерти его душа превратилась в кукушку, которая жалобно кричала ночью и днем. *Цзоу Янь* — сановник древнего царства Янь. Будучи оклеветан и посажен в темницу, он своим плачем так растрогал Небо, что оно в разгар лета ниспослало иней в знак его невинности.

Стр. 292. *Вдова из Дунхая*.— В «Истории Ханьской династии» рассказывается о молодой вдове из Дунхая (Восточный Китай), по имени Чжоу Цин. В течение десяти с лишним лет она преданно ухаживала за свекровью. Та, не желая долее обременять семью, покончила с собой. Ее дочь обвинула в смерти матери Чжоу Цин, под пыткой «сознавшуюся» в пре-

стушении. После ее казни в округе три года продолжалась засуха. Когда в округ прибыл новый правитель, справедливый чиновник Юй-гун, ранее безуспешно пытавшийся спасти вдову, посоветовал ему принести жертву духу невинно казненной. (По другой версии, Юй-гун сделал это сам.) После этого Небо послало большой дождь. «Чоу» — актер, исполняющий шутовские роли.

Стр. 294. *Лянхуай* — область в восточной части Китая, по обеим сторонам реки Хуайхэ.

Стр. 295. «*Башня духов*». — По поверью, в загробном царстве есть высокая башня, с которой души умерших могут видеть, что происходит в мире живых. По другому поверью, души несправедливо казненных или убитых злодеями не находят успокоения до тех пор, пока их смерть не будет отомщена.

Стр. 296. *...твоя золотая пластина, твой меч...* — символы власти чиновников высших рангов.

Стр. 299. *Чи* — мера длины, около 30 см.

Стр. 305. *Цзяннань* — область к югу от реки Янцзы. *...только на юг/смотрят ямыней врата...* — Юг считался в геомантии «благоприятной» стороной света, поэтому дворцы правителей и присутственные места (ямыни) обычно ориентировались на юг. *Желтые источники* — подземные воды; метафорическое обозначение загробного мира. *Сын Неба* — император.

Стр. 306. «*Деревянный осел*» — колода, утыканная гвоздями.

В. Сорокин

МА ЧЖИ-ЮАНЬ

ОСЕНЬ В ХАНЬСКОМ ДВОРЦЕ

Ма Чжи-юань — драматург и поэт, год рождения неизвестен, умер между 1321—1324 годами. Первую половину жизни провел в Даду, где был видным участником «Книжного общества юаньчжэнь». Затем занимал скромный чиновничий пост в провинции Цзянчжэ (нынешние Цзянсу и Чжэцзян), после чего ушел со службы и вел уединенный образ жизни. Из тринадцати драм, автором которых современники считали его, сохранилось семь (одна из них принадлежит Ма Чжи-юаню лишь частично). Как поэт прославился пейзажной и любовной лирикой; многие из его ста двадцати дошедших до нас стихотворений в жанре цюй воспевают уход от мира и радости отшельнической жизни.

Перевод пьесы сделан по изданию: «Юань цюй сюань», т. 1. Пекин, 1958.

Стр. 308. *Шаньюй* — предводитель сюнну, кочевого народа, жившего в степях Центральной Азии, к северу и западу от китайских земель, и впоследствии вошедшего в состав гуннов. *Вэнь-ван* — отец основателя династии

Чжоу У-вана (XII в. до н. э.). *Вэй Цзян* — советник Дао-гуна (573—559 гг. до н. э.), правителя удела Цзинь. ...*война между империями Цинь и Хань*... — Имеется в виду восстание Лю Бана и Сян Юя, в результате которого династия Цинь пала и была установлена власть династии Хань (202 г. до н. э.).

Стр. 309. *Гао-ди* или *Гао-цзу* (206—193 гг. до н. э.) — Лю Бан, основатель династии Хань. *Лоу Цзин* — советник Лю Бана, настаивавший на союзе с сюнну. Когда Лю Бан был окружен в горах Бодэн, Лоу Цзин спас его советом породниться с предводителем сюнну, отдав за него свою дочь. *Хуэй-ди* (194—188 гг. до н. э.) — преемник Гао-цзу (Лю Бана) на ханьском престоле. *Государыня Люй-хоу* — вдова Гао-цзу и мать Хуэй-ди. После смерти последнего захватила трон и правила в 187—180 гг. до н. э. *Сюань-ди* (73—49 гг. до н. э.) — император династии Хань.

Стр. 310. «*Чжэнмо*» — актер, исполняющий главную мужскую роль и ведущий вокальную партию. *Юань-ди* — ханьский император, правивший в 48—33 гг. до н. э. *Сян Юй* — один из главных вождей восстания против династии Цинь, соперник Гао-цзу (Лю Бана) в борьбе за власть над Китаем.

Стр. 311. *Посреди четырех морей* — во всей стране.

Стр. 312. *Шанъян* — дворец в Лояне, построенный при Танах (VII в.). Здесь анахронизм.

Стр. 313. *Чжаоян* — одна из частей дворцового комплекса ханьской столицы, где император встречался со своими наложницами. *Ткачиха*. — В популярной китайской легенде рассказывается о Ткачихе, дочери Небесного владыки, и смертном юноше Пастухе. Они полюбили друг друга, но были разлучены и поселены на разных берегах Небесной Реки (Млечный Путь). Им разрешено встречаться всего один раз в году, когда сороки из своих хвостов составляют для них мост.

Стр. 315. *На башне Гоу-цзянь*... — Намек на известную китайскую легенду о красавице *Си Ши*, погубившей государство У. Правитель У, князь Фу-ча, панес в 496 г. до н. э. поражение государству Юэ. Правитель Юэ, князь Гоу-цзянь, якобы в знак примирения послал в подарок Фу-ча красавицу Си Ши. Фу-ча так ею увлекся, что забросил все дела. Воспользовавшись этим, Гоу-цзянь напал на У; в 473 г. государство У стало владением Юэ, прекратив навсегда свое существование.

Стр. 321. *Сун Юй* (290? — 223? гг. до н. э.) — известный поэт. Его поэма «Девять рассуждений» вошла в пословицу как одно из самых грустных в древней китайской поэзии произведений.

Стр. 322. «*Спрячем крючок*» — старинная китайская игра. Играющие делятся на две партии. Один из игроков первой партии зажимает в руке крючок, а игроки другой должны отгадать, у кого он.

Стр. 324. *Перила дворца*. — При династии Хань некий Чжу Юнь подал императору петицию с требованием казнить недостойных сановников. Разгневанный император хотел убить Чжу Юня. Тот пытался перелезть через перила дворца, но перила обломились, и он был схвачен. В конце концов император простил Чжу Юня. ...*к дереву не прикуете себя*... — Намек

на историю Чэнь Юань-да из царства Цзинь, который смело выступал против несправедливых распоряжений своего государя. Когда государь велел его увести, он приковал себя к стволу дерева, и с ним ничего не могли сделать. ...*башню... чтобы небес достигала...*— согласно легенде, пытался построить последний правитель царства Инь. Пример сумасбродной затеи. Чжоу-ван.— Имеется в виду Чжоу Синь — последний государь царства Инь (XII в. до н. э.), разгромленный У-ваном, который основал царство Чжоу. И Инь — мудрый советник Чэн Тана (1765—1760 гг. до н. э.), полулегендарно-го основателя династии Инь-Шан. Лю-хоу — титул Чжан Ляна, верного помощника основателя династии Хань Гао-цзю (Лю-Бапа).

Стр. 325. *Зеленый курган* — холм, который, по преданию, был насыпан над могилой Ван Чжао-цзюнь (император здесь предвосхищает события). Находился в нынешней Внутренней Монголии. *Черная река* (Хэйцзян) — река, по которой проходила граница между владениями сюнну и империи Хань. *Хань-Синь* — ближайший сподвижник основателя Ханьской империи Лю Бапа, нанесший решающее поражение его сопернику Сян Юю (см. выше) возле гор *Цзюлишань*. Сян Юй покончил с собой.

Стр. 327. *Янгуань* — застава на пути из Китая в Центральную Азию, в нынешней провинции Ганьсу.

Стр. 329. *Балинцяо* — мост через реку Башуй близ Чанъани. Возле него обычно прощались с путниками, уезжавшими в дальние края. *Линъяньгэ* — дворцовый павильон, в котором танский император Танцзун (VII в.) поместил портреты двадцати четырех заслуженных сановников. Упоминание о нем в пьесе из ханьских времен — поэтическая вольность Ма Чжи-юаня.

Стр. 332. *Вэйчэн* — город на пути из Чанъани на запад. Наряду с мостом Балинцяо и заставой Янгуань стал символом разлуки.

Стр. 333. *Ли Лин* (ум. в 74 г. до н. э.) — китайский полководец, потерпевший поражение в войне с сюнну и попавший к ним в плен. Был объявлен изменником и не мог вернуться на родину. Имя его стало синонимом человека, оторванного от родины.

Стр. 334. *Су У* (II—I вв. до н. э.) — посол Китая к сюнну, которого кочевники держали в плену, принуждая согласиться на их требования. Однако Су У предпочел стать пастухом и не пошел на уступки. Наконец сюнну отпустили его, и он вернулся на родину. *Юй-цзи* — любимая наложница Сян Юя (см. прим. к с. 310). Когда Сян Юй потерпел поражение, он принужден был с ней расстаться, и она покончила с собой. *Ли Цзо-чэ* (III в. до н. э.) — политический деятель, благодаря замыслам которого Хань Синь присоединил к владениям дома Хань ряд соседних уделов. *Сяо Хэ* (ум. в 193 г. до н. э.) — первый министр основателя династии Хань — Лю Бапа.

Стр. 337. *Сяньян* — столица империи Цинь, располагалась близ Чанъани (на противоположном берегу реки Вэй). Император имеет в виду, конечно, Чанъань.

Стр. 339. *Яньчжи* — титул супруги предводителя сюнну.

Стр. 341. *Чжулиньсы* — в буддийских легендах — недоступная взорам смертных обитель святых монахов. *Гаотан*. — Легенда рассказывает о правителе удела Чу Хуай-ване (328—299 гг. до н. э.), который однажды, будучи в местности Гаотан, увидел сон, что он на горе Янтай, одной из гор массива Ушань, встретился на любовном свидании с феей, повелительницей этих гор. Уходя наутро, она сказала Хуай-вану: «Вечером я буду спускаться к вам дождем, утром подниматься тучкой». Отсюда: «сон Гаотана», «горы Ушань», «гора Янтай», «тучка и дождь» и другие выражения, связанные с этой легендой, — означают любовное свидание. *Сян-ван* (298—263 гг. до н. э.) — сын Хуай-вана и его преемник, которого в выражениях, связанных с легендой о Хуай-ване и фее, часто ошибочно называют вместо Хуай-вана.

Стр. 342. *Яо* и *Шунь* — легендарные идеальные правители Китая в III тыс. до н. э.

Стр. 343. *Тянь Хэн* — правитель удела Ци в конце III в. до н. э. Когда установилась династия Хань, император Хань Гао-цзю, собираясь присоединить Ци, пригласил его приехать в свой стан. Тянь Хэн по дороге покончил с собой; его приближенные устроили ему пышные похороны. ...*как будто песни из Чу*... — Когда полководец Хань Синь окружил Сян Юя, он велел своим воинам петь песни Чу — владения Сян Юя. Последний решил, что его удел уже захвачен войсками Хань, и покончил с собой. *Сяошуй* и *Сяншуй* — реки в нынешней провинции Хунань, часто упоминаемые в китайской поэзии.

Л. Меньшиков, В. Сорокин

ЧЖЭН ТИН-ЮЙ

ЗНАК «ТЕРПЕНИЕ»

Чжэн Тин-юй — один из видных представителей «натуральной» школы в юаньской драме. Сведений о его жизни не сохранилось, но считается, что к 1330 году его уже не было в живых. Известны названия двадцати четырех его пьес, из которых пять дошли до нас.

Перевод сделан по изданию: «Юань цюй сюань», т. 3. Пекин, 1958.

Стр. 347. *Ананда* — один из ближайших учеников Будды. Не вдаваясь в сложности буддийского учения, к тому же разнящегося в зависимости от школы, следует отметить, что в народных представлениях, преимущественно отраженных в пьесе, главным среди будд является Сакьямуни (Гаутама) — в тексте перевода: Будда (с большой буквы). Вообще же будд («существ, достигших просветления») — великое множество. *Архат* — буддийский святой, один из пятисот учеников Будды, избранных, чтобы возвестить его учение и спасти мир. *Милэ* (санскр. Майтрейя) — будда буду-

щего, которому предстоит прийти на землю после Сакьямуни. Изображается толстым и смеющимся. В китайском фольклоре часто воплощается в образе Монаха с мешком — толстобрюхого монаха, несущего на палке большой мешок, куда он складывает все, что выпросит у встречаемых. *Учение Большой Колесницы* — одна из двух главных ветвей буддизма, распространенная на Дальнем Востоке. Утверждает, что существа, достигшие определенной степени просветления, могут помочь другим обрести спасение.

Стр. 348. ...перестанет отделять себя от других...— Чаньская (дзэнская) ветвь буддизма отвергает представление о том, что мир организован по принципу оппозиции («я — не-я», «добро — зло»), противопоставляя ему идею изначальной гармонии бытия. *Жулай* (с анскр. Татхагата) — «достигший высшей мудрости» — один из титулов Будды. *Юаньвай* — почтительное обращение к богатым людям (букв.: «внештатный чиновник»); богачи нередко покупали себе из соображений престижа ничего реально не значащие звания.

Стр. 349. ...лет пятьсот назад...— В Китае все люди, носящие одну фамилию, считаются пусть далекими, но родственниками.

Стр. 352. *Пятая стража*.— В старину в Китае время делилось на стражи продолжительностью по два часа. Пятая стража — раннее утро.

Стр. 353. *Отпустить на волю живых тварей* — буддийский обычай; тому, кто выпустит птицу из клетки или рыбу из садка, в будущей жизни вачтется доброе деяние. *Намо Эмигофо* — формула веры у буддистов из секты Чистой земли. Букв.: «предаю себя Бесконечному Свету» (см. в разделе «Япония» с. 614, 718). *Гатха* — в буддийском ритуале — двустихия или четверостишие, исполняемые нараспев.

Стр. 355. *«Трижды веселый»* — прозвище танского императора Сюань-цзуна (*Мин-хуана*, правил в 712—755 гг.), известного своей любовью к музыке, танцам и женщинам. *Обрили голову* — сделали монахом.

Стр. 356. *Ань Лу-шань* — предводитель крупного мятежа во время царствования Сюань-цзуна. *Дун Чжо* — всемогущий временщик при последнем ханьском государе (конец II в.). Традиция рисует их обоих отталкивающими внутренне и внешне. *Как же избавишь птицу ты/от голода...* — Один из буддийских правителей накормил своей плотью орла, чтобы тот отпустил схваченную им голубку. *Как же пройдешь по тростинке ты...* — Ученый монах Бодхидхарма, прибывший в 520 г. из Индии в Китай, согласно легенде, перешел по тростинке через реку Янцзы. ...воробей... гнездо сохнет... — Будда однажды так глубоко погрузился в созерцание и так долго сидел неподвижно, что птицы свили на его голове гнездо.

Стр. 357. *Чань* — одна из школ буддизма, распространенная в Китае и Японии (где называется «дзэн») — см. прим. к с. 348. Народная молва приписывала некоторым ее последователям способность творить чудеса.

Стр. 358. *Ваймо* — Вималакирти, отшельник, живший во времена будды Сакьямуни, *Шэнь Дун-ян* — супруга последнего государя из династии

Чэнь (VI в.). Овдовев, ушла в монастырь. *Сосуд с ветками ивы* — атрибут буддийской богини (бодхисаттвы) Гуань-инь, живущей за Южным морем. *Лотос* — символ чистоты в буддизме. *Рог черного дракона* — дорогой сорт туши; *«Багряный иней»* — сорт кистей для письма.

Стр. 359. *Знак «терпение»* — иероглиф, означающий «терпение», состоит из двух частей: верхняя означает «лезвие», нижняя — «сердце». *Дамо* — сокращение имени Бодхидармы (см. выше, прим. к с. 356). *Дань* — мера веса, ок. 60 кг.

Стр. 364. *Три сокровища*. — В буддизме ими считаются сам Будда, его учение и монашеская братия.

Стр. 366. *Сутры* — священные книги буддистов.

Стр. 367. *Бодхисаттвы и махасаттвы* — в буддизме существа, достигшие столь высокой степени просветления, что могли бы стать буддами, но не делающие этого, чтобы продолжать помогать другим обрести спасение.

Стр. 377. *Северный Ковш* — созвездие Большой Медведицы.

Стр. 378. *Три мира* — прошлый, нынешний и будущий. *Четыре вида живых тварей* — млекопитающие, птицы, живущие в земле и воде, рождающиеся из личинок и куколок.

Стр. 379. *Двадцать восемь патриархов*. — Настоятель излагает историю буддизма и его деление на секты и школы согласно традиции школы Чань, к которой принадлежат все пять перечисленных здесь сект. Последний из перечисленных здесь чапских патриархов, Хуэй-нэн, умер в 713 г. *Шесть разбойников* — пять видов опущений: зрение, слух, обоняние, вкус, осязание, — и мышление. Все они отвлекают от благочестивого созерцания.

Стр. 380. *Карма* — «судьба» человека в буддийской трактовке, определяемая его деяниями в предыдущем рождении.

Стр. 383. *«...гора ножей... дерево мечей...»* — орудия мучения грешников в аду (см. прим. к с. 789). *Играть на свирели...* — Согласно преданию, некто Сяо Ши искусной игрой на свирели привлек к себе сердце дочери царя Цинь (VII в. до н. э.). Царь построил для них Террасу фениксов. Они счастливо прожили много лет и затем улетели на царя фениксов. *...спрятать луну и солнце...* — Согласно даосской легенде, у древнего святого Ши Цуня был большой сосуд из тыквы. Когда святой располагался в нем на ночлег, сосуд превращался в целую вселенную со своим солнцем и луной. *Лю Чэнь* — герой популярной легенды. Вместе со своим другом Жуань Чжао он отправился в горы Тяньтай собирать лекарственные травы. Друзья заблудились и тринадцать дней искали дорогу. Наконец им встретились две красавицы, угостившие их вином и музыкой. Друзья пробыли у девушек шесть месяцев, а когда вернулись домой, оказалось, что там уже сменилось семь поколений. Стр. 387. *...жене//подводит брови...* — Признак сильной влюбленности. Лю хочет сказать, что монах забыл об обете безбрачия и увлекся супружескими радостями.

Стр. 390. *Пань Юнь* — богатч, живший в VIII—IX вв. Обратившись в буддизм, он погрузил все свои богатства на корабль и пустил его плыть по

течению реки. *Сунь Дэн* — даосский отшельник (III в.), живший на горе Сунмэнь в Хунани. *Се Ань-ши* (320—385) — сначала жил в уединении в Восточных горах (Чжэцзян), позже вернулся на государственную службу.

Стр. 392. ...хранишь волосы новорожденных.— По старинному обычаю, когда младенцу исполнялся месяц, ему сбривали волосы на голове и хранили их в мешочке, на котором было обозначено имя ребенка.

Стр. 394. *Сон о Нанькэ*.— В новелле Ли Гун-цзо (VII—IX вв.) «Правитель Нанькэ» рассказывается о человеке, который в коротком сне прожил целую жизнь и, в частности, был правителем области Нанькэ. Проснувшись, он увидел, что лежит под южной веткой (нань кэ) акации, а расположенный неподалеку муравейник своими очертаниями напоминает виденную во сне страну. *Чжуан-цзы* — даосский философ (IV в. до н. э.). Когда у него умерла жена, он цел, отбивая так ударами по горшку, ибо считал, что бессмысленно печалиться, когда осуществляется закон бытия.

Стр. 395. *Пиндола* — буддийский архат; *богиня горы Лишань*, *Золотой отрок* и *Яшмовая дева* — персонажи даосских легенд. Пример религиозного синкретизма. *Сань-цзан* — Сюань-цзан, знаменитый монах (VII в.), совершивший паломничество в Индию и привезший оттуда буддийские священные книги.

В. Сорокин

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

УБИТЬ СОБАКУ, ЧТОБЫ ОБРАЗУМИТЬ МУЖА

Перевод сделан по изданию: «Юань цюй сюань», т. 2. Пекин, 1958.

Стр. 402. *Праздник Чистоты и Света* — Цинмин, праздновался весной, в третьем месяце по лунному календарю. В этот день посещали могилы родственников и совершали жертвоприношения.

Стр. 405. *Ночжа* — в буддийской мифологии дух — защитник веры.

Стр. 409. *Шляпа с красной кистью* — знак обладания чиновничьим рангом.

Стр. 410. ...от вина рукава рубашки мокры...— О беспутном человеке принято было говорить, что он «живет среди вина и цветов».

Стр. 411. ...ударили в колокол.— В старину в китайских городах вскоре после наступления темноты запирались ворота между кварталами и жителям воспрещалось без важного дела ходить по улицам. О наступлении этого часа возвещали удары колокола.

Стр. 413. *Тао* — Тао Юань-мин (365—427), великий поэт, в стихах которого часто говорится о випе. *Хань Синь*.— См. прим. к с. 325. В молодости он был очень беден. *Сунь Кан* — примерный студент древности, от бедности читавший при свете, отраженном от снега. *Хань Туй-чжи* — Хань Юй (778—

824), знаменитый литератор эпохи Тан. *Мэн Хао-жань* — выдающийся поэт (689—740).

Стр. 414. *Су Цинь* — государственный деятель (IV в. до н. э.). В молодые годы он, потерпев неудачу в столице, в большой снегопад вернулся в родное село, но был недоброжелательно встречен родными. *Ван Цзы-ю* — Ван Хуэй-чжи, деятель периода Цзинь (265—420), известный своими причудами. Однажды снежной ночью он поплыл в лодке навестить своего друга Дай Куя, но вернулся, не постучавшись в его дверь. «Захотелось поехать — поехал, захотелось вернуться — вернулся», — объяснил он друзьям. *Юань Ань* — жил при Восточной Хань (I—II вв.). Однажды в столице, Лояне, выпал большой снег. Многие жители вынуждены были просить милостыню, но Юань Ань, несмотря на бедность, остался в своей лачуге. *Люй Мэн-чжэн* — саночник Северных Сунов (X—XI вв.). В юности претерпел немало лишений.

Стр. 414. *Лэй и Чэнь* — Лэй И и Чэнь Чжун, друзья, жившие при Восточной Хань. Когда первому было присуждено ученое звание, он отказался от него в пользу друга.

Стр. 416. *Фань и Чжан* — Фань Ши и Чжан Шао, современники Лэя и Чэня, прославлены в исторических преданиях как образец преданной дружбы.

Стр. 418. *Люй-тайхоу* — императрица Люй (см. прим. к стр. 309).

Стр. 421. «*Десять зол*» — тяжелые преступления (умысел против династии, измена, убийство ближайших родственников и т. п.), каравшиеся смертной казнью. «*Пять преступлений*» — в буддийском учении — тяжелейшие грехи, за которые не может быть прощения: умерщвление родителей, нанесение раны Будде, нарушение важнейших обрядов.

Стр. 431. *Фань Дань* — добродетельный муж времен Восточной Хань, отказавшийся от выгодной должности и живший в бедности. *Чэнь Туань* — отшельник (X в.), живший в горах и питавшийся, согласно легенде, одним воздухом.

Стр. 437. *Бяньхэ* — река, на которой стоит Кайфын, столица Китая при Северных Сунах (именовался также Бяньлян, Бяньцзин).

Стр. 438. *О госпоже, что дерево возматерила...* — У некоей госпожи Тянь во дворе росло дерево; когда ее сыновья захотели разделить имущество, оно засохло. Сыновья устыдились и отказались от своего намерения.

Стр. 440. *Юньян* — в юаньских драмах место совершения казней.

Стр. 443. «*Книга песен*» — «Шицзин», древнее собрание песен и поэтических произведений, вошедшее в состав конфуцианского канона. *Мэн-цзы* — философ IV в. до н. э., виднейший из последователей Конфуция.

В. Сорокин

ТАН СЯНЬ-ЦЗУ
ПИОНОВАЯ БЕСЕДКА

Тан Сянь-цзу (1550—1616) — крупнейший драматург Минской эпохи, творивший в жанре чуаньци (см. предисловие). Вырос в «книжной» семье, рано приобрел литературную репутацию. Был близок к неортодоксальным мыслителям, боролся с произволом и коррупцией правительственных кругов. За доклад, критиковавший первого министра и задевавший самого императора, был переведен на низшую должность, а затем уволен со службы. Последние восемнадцать лет жизни провел в родном поместье в Линьчуане (провинция Цзянси), продолжая играть заметную роль в литературной жизни эпохи.

Тан Сянь-цзу возглавлял «линьчуаньскую школу» в драматургии, которая выступала за примат поэтического содержания, против буквалистского следования всем формальным предписаниям. Им написано — помимо стихов и прозы в классическом стиле — пять больших пьес, из которых четыре объединяются под названием «Четыре сна из Линьчуаня», поскольку в каждой из пьес мотив сна играет большую роль. Это: «Пурпурная свирель», «Повествование о Нанькэ», «Повествование о Ханьдане» и самая замечательная из них — «Пионовая беседка» (другое название — «Сон о душе, вернувшейся в тело»).

Сцены из пьесы «Пионовая беседка» переведены по комментированному изданию: Тан Сянь-цзу. Мудань тин. Пекин, изд-во «Жэньминь вэньсюэ», 1963.

Стр. 449. ...сравнивал с историей дочери Ли Чжун-вэня... — В рассказе периода Цзинь (265—420 гг.) говорится о сыне Фэн Сяо-цзяна, правителя Гуанпина. Юноша увидел во сне девушку, которая рассказала, что она умерла семи лет, хотя в скрижалях жизни и смерти записано, что срок ее жизни — восемьдесят лет. Она просила юношу помочь ей вернуться к живым. Тот вскрыл ее могилу, она воскресла и стала его женой.

Стр. 450. ...похоже на проверку, которую хуэйянский ван учинил студенту Тяню... — Согласно легенде периода Хань, некоему студенту Тяню ночью явилась девушка, ставшая его женой и родившая ему сына. В течение трех лет она запретила рассматривать ее при свете — Тянь выдержал только два года. Оказалось, что только верхняя половина ее тела — живая плоть, а нижняя — сухие кости. Она объявила, что навеки покидает Тяня, но оставила ему платье, украшенное драгоценностями. Тянь продал платье хуэйянскому правителю (вану). Тот признал одежду, в которую была облачена при погребении его умершая дочь. Обвинив Тяня во вскрытии могилы, ван велел проверить погребение. Все оказалось цело. Только увидев внука, как две капли воды похожего на умершую дочь, ван признал студента своим зятем. В годы Вань-ли... — Указанная дата по европейскому летосчислению соответствует 1598 г., когда была окончена пьеса

«Пионовая беседка». *Даос Цин-юань* — псевдоним автора пьесы Тан Сянь-цзу. *Комментарии Мао* — комментарии Мао Хэна (II в. до н. э.) к древнейшей книге китайской поэзии «Книга песен», написанные, самое позднее, в VIII—VI вв. до н. э. Уже в век Мао Хэна язык песен стал непонятным и требовал подробных пояснений. Ко времени действия пьесы (XII в.) книга, включенная в систему китайского классического образования, изучалась вместе с комментариями. В ней триста пять песен, а не сто, как говорит ниже учитель Чэнь.

Стр. 451. *Гуань-гуань цзюй-цзю...* — первая строфа первой песни «Книги песен». В переводе эти стихи звучат так:

Утки крикают в камышах речных.
Остров маленький. Там гнездо у них.
Эта девушка хороша, скромна.
Эту девушку полюбил жених.

(Перевод В. Мухомевича)

Юньбань — китайский ударный инструмент, состоявший из набора маленьких гонгов, подвешенных на деревянной раме. *Третья стража* — время от одиннадцати вечера до часу ночи.

Стр. 452. *Цзян Юань* — упоминаемая в «Книге песен» женщина, ступившая в след ноги Небесного повелителя и после этого родившая ребенка, «князя Просо» (см. «Книгу песен», «Гимны», 1, 10, в томе БВЛ «Поэзия и проза Древнего Востока», с. 279).

Стр. 453. *Цзян* — старинное китайское название реки Янцзы. *Сюэ Тао* — знаменитая певица и поэтесса Танской эпохи. На склоне лет занялась изготовлением писчей бумаги, один из сортов которой (красного цвета) получил название «бумага Сюэ Тао». *Цай Лунь*. — Легенда приписывает ему изобретение бумаги в 101 г. Впоследствии «бумагой Цай Луна» назывались деловые сорта бумаги. *Госпожа Вэй*. — Женщина-каллиграф IV в., прославившаяся в стиле «лишу». Калиграфия в Китае считалась искусством, более высоким, чем живопись. Различным стилям калиграфии давались пышные наименования, вроде названного Ду Ли-нян.

Стр. 454. *...поклониться табличкам предков*. — В Китае основным культом был культ предков. В каждом китайском доме имелась модельня, где были установлены таблички с именами предков и где им приносились жертвы (еда и питье). *Мэнь-цзы*. — См. прим. к с. 443. Полностью цитата звучит так: «Если кто-нибудь делает туфли, не видев ноги, то я знаю, что корзины он все-таки не сделает». *В мешок светляков собирая...* — Намек на рассказы о примерных студентах, популярные среди китайских учащихся. В одном из них сказано: «Чэ Инь был чрезвычайно учен и многое постиг. Семья его была бедна, и он редко мог купить масло для лампы. В летнее время он наполнял мешок десятками светляков и освещал ими свои книги». О другом говорится: «Цзиньский Сунь Кан из Цзинчжао был прилежен и любил учиться. Но семья его была так бедна, что в лампе не было масла. В зимние месяцы он пытался читать свои книги при свете луны, отражен-

ном от снега». Жизнь обеих традиция относит к IV в. ...*привязывали себе волосы к балке*...— Намек на рассказы об образцовых студентах, живших в III в. до н. э. Привязывал волосы к балке потолка, чтобы не заснуть во время учения, Сунь Цзин, деятель государства Чу; *колол иглой колено*, чтобы не спать над книгами, ученый и политик того же времени Су Цинь.

Стр. 456. *Учи, что Учитель ответил*...— Имеется в виду книга «Лунь-юй», составленная из бесед Конфуция с его учениками. Ответы Конфуция в ней начинаются со слов: «Учитель сказал».

Стр. 457. *Стих Ли Шань-фу*.— Заключительные четверостишия в пьесе «Пионовая беседка», резюмирующие каждую сцену, составлены из стихотворных строк, взятых из произведений различных поэтов периода Тан (618—907). В данной сцене стихи взяты из стихотворений поэтов Ли Шань-фу (IX в.), Чжан Би (X в.), Чжао Гу (годы жизни неизвестны) и Чжан Ху (792—852).

Стр. 458. ...*на заставу смотрю Мэйгуань*...— Застава Мэйгуань находилась в горах Даюй в южной части уезда Наньань (в провинции Цзянси), где служит, согласно пьесе, Ду Бао, отец Ду Ли-нян.

Стр. 460. ...*бубенцов перезвон золотой*.— Китайские садовники протягивали по саду нити с навешенными на них бубенцами, чтобы отпугивать от цветов и плодов птиц.

Стр. 462. ...*стать гостьей в Лунном дворце?*— Китайские легенды помещают на луне дворец, где живет повелительница луны фея Хэн-э. Она живет там одна, и когда видит на земле влюбленных, страдает от зависти к ним.

Стр. 462—463. ...*госпожа Хань встретилась с юношей Юем*...— Новелла «Записи на красных листьях» писателя X в. Чжан Ши рассказывает о том, как при танском императоре Си-цзуне (874—888) придворная девица Хань написала стихи на красных осенних листьях и пустила их по ручью. Стихи нашел юноша Юй Ю. Впоследствии, когда Хань была отпущена из дворца, Юй Ю нашел ее по этим стихам.

Стр. 463. ...*студент Чжан нашел барышню Цуй*.— В новелле Юань Чжэня (779—831) рассказывается, как студент Чжан Гун встретил девушку из знатной семьи Цуй Ин-ин и как они полюбили друг друга. Новелла, однако, называется не «История Цуй Хуэй», а «Повесть об Ин-ин». ...*заклучали союз, как Цинь и Цзинь*.— В древнекитайских княжествах Цинь и Цзинь правящие дома имели обычай заключать между собой брачные союзы, что обеспечивало их постоянный политический и военный союз.

Стр. 464. ...*пришел Жуань Чжао*//к роце заветной Тяньтая. — См. прим. к с. 383.

Стр. 466. ...*радости «тучки и дождя»*. — См. прим. к с. 341.

Стр. 468. «*Сон о Южной ветке*». — См. прим. к с. 394.

Стр. 469—470. В заключительном четверостишии использованы строки из стихов поэтов: Чжан Юэ (первая половина VIII в.), Ло Иня (833—909), Сюй Хуня (IX в.), Вэй Чжуана (851—910).

Л. Меньшиков

ХУН ШЭН

ДВОРЕЦ ВЕЧНОЙ ЖИЗНИ

Хун Шэн (1645?—1704) родился в Ханчжоу в обедневшей знатной семье. В молодые годы переехал в Пекин, где приобрел известность как литератор. Но служебная карьера Хун Шэна сложилась неудачно, а его главное творение — «Дворец вечной жизни» — навлекло на автора высочайшее неудовольствие. Драматург вернулся в родную провинцию Чжэцзян, где «жил среди гор и лесов». Однажды, опьянев, он упал в воду и утонул.

Из девяти написанных им драм сохранилась, помимо «Дворца вечной жизни», лишь одна — «Четыре прелестницы», которая представляет собой четыре одноактные драматические сцены, объединенные общей темой. Хун Шэну принадлежат также три сборника стихов.

Сцены из драмы «Дворец вечной жизни» переведены по комментированному изданию: Хун Шэн. Чаншэндянь. Пекин, изд-во «Жэньминь вэньсюэ», 1958.

Стр. 472. *Личжи* — плоды, растущие в южных провинциях Китая. Имеют белую сочную мякоть. *Сичжоу* — прежнее название Сычуани. *Гуйфэй* — титул, которым награждались любимые императорские наложницы. *Фучжоу* — название города в Сычуани (ныне Чунцин).

Стр. 473. *Му* — китайская мера площади, равная приблизительно 1/16 га.

Стр. 474. *Саньсянь* — название струнного музыкального инструмента.

Стр. 480. *Заключительные стихи*. — Как и в предыдущей пьесе, завершающие сцену стихи во «Дворце вечной жизни» составлены из строк известных поэтов эпохи Тан. *Ткачиха*. — См. прим. к с. 313. *Нити шелка сплетая*... — Занятием Ткачихи является ткать облака — небесное одеяние.

Стр. 481. *При яшмовой росе и ветре златом*... — Золотой ветер и яшмовая роса — поэтические символы осени, это осенний ветер и холодная роса. *...удостоилась яшмового приказа*... — Яшмовый — распространенный в китайской поэзии эпитет; очень часто употребляется по отношению к императору и предметам, с ним связанным (в данном случае по отношению к приказу Небесного владыки). *Тяньбао* — девиз правления танского императора Сюань зуна (742—755). *Сажусь в колесницу, полную аромата*... — Ароматная (ароматный) — распространенный в китайской поэзии эпитет, чаще всего по отношению к красивой женщине и предметам, с нею связанным.

Стр. 482. *Звездная Река* — Млечный Путь. *...«просит умения»*. — То есть просит Ткачиху научить искусно ткать и вообще заниматься рукоделием. По старому обычаю, китайские жепщины в седьмой день седьмого месяца совершали ряд обрядов, обращаясь к Ткачихе с просьбой научить их ее искусству.

Стр. 483. *Дворец Вечной жизни* — название одного из строений во Дворце Пышности и чистоты, который находился недалеко от Чанъани на горе Лишань.

Стр. 484. *...коробки с ароматическими палочками...* — пропитанные особым составом палочки, выделяющие при тлении аромат. *...золотой таз...* — Опустив в золотой таз сделанную из воска фигурку ребенка, женщины молились, прося Небо послать им потомство. *В коробке паучок...* — В праздник седьмого числа седьмого месяца в коробку (или в пустую тыкву) сажали паука. Утром на другой день смотрели, сколько он сплел паутины. Если много, то это значило, что Ткачиха пошлет «много уменья». *Бобы на блюде алатом проросли...* — В таз (или блюдо) с водой помещали зерна злаков, когда они всходили и ростки достигали 10—12 см, между ними пропускали разноцветные шелковые нити. *Драгоценная шпилька // и ларчик резной...* — Золотая заколка и ларец для украшений — подарок, который император сделал Ян-гуйфэй в знак своей любви. *Пусть веера участь минет меня, // позабытого в пору осенней прохлады...* — Веер, выброшенный осенью, — символ покинутой женщины.

Стр. 485. *Фэйцзы* — обращение императора к наложнице.

Стр. 486. *«Тоска седой женщины»* — название стихотворения, которое сочинила Чжо Вэнь-цзюнь, когда ее муж — Сыма Сян-жу — захотел взять наложницу. Название стихотворения служит символом покинутой мужем женщины.

Стр. 487. *О той, что, в Пинъян танцует, порхала...* — Здесь имеется в виду Вэй Фу-цзы, которая, будучи певичкой в Пинъяне, понравилась ханьскому императору У-ди. Он сделал ее своей фавориткой, но вскоре разлюбил. *О той, что во дворце Чанмэнь рыдала, // оплакивая рок.* — Имеется в виду другая жена ханьского императора У-ди, Чэнь-хуанхоу. Лишившись любви императора, она в одиночестве и тоске жила во дворце Чанмэнь.

Стр. 489. *Ли Лун-цзи* — собственное имя императора Сюань-цзуна (Сюань-цзун — храмовое имя). *...хотим быть птицами, что вместе парят...* — В дословном переводе: «быть птицами «бии», которые летают всегда вместе, поддерживая друг друга, так как каждая из них имеет лишь по одному крылу.

Стр. 494. *Не поднимайте до самых бровей...* — См. прим. к с. 271. *Грушевый сад* — школа певцов, музыкантов и актеров, основанная императором Сюань-цзуном. *Ханьлинь* — почетное звание. При императорском дворе существовала академия ханьлиней. *Ли Бо*, или Ли Тай-бо (701—762) — великий китайский поэт. *«Чистая ровная мелодия»* — название мелодий, в которых воспевались радости супружеской жизни. *Ли Гуй-нянь* — знаток музыки, дирижер музыкантов Грушевого сада.

Стр. 495. *Летающая ласточка* — фаворитка ханьского императора Чэнь-ди, прозванная так же за изящество и искусство танцевать. *Ум цветистый... узорчатые уста...* — Образное выражение по отношению к человеку талантливому, прекрасно владеющему словом. *«Слова и вещи»* — распространен

ные в Китае игры. Например, угадывали вещь, спрятанную под чашку; или надо было произнести известное из литературы выражение, поговорку, где встречалось названное одним из играющих слово.

Стр. 497. *«Золотые лотосы»* — образное выражение применительно к маленькой женской ножке. *Юйян* — название места, в танские времена — пограничная область, военным губернатором которой был назначен Ань Лушань. ...*«Платье из перьев, // радужные одежды»* — название известной в эпоху Тан танцевальной мелодии. Ян-гуйфэй танцевала под эту мелодию перед императором. *Тунгуань* — важная стратегическая крепость, расположенная в горном проходе, соединяющем современные провинции Хэнань и Шаньси.

Стр. 498. *Шу* — провинция Сычуань.

Т. М а л и н о в с к а я

КУН ШАН-ЖЭНЬ

В Е Е Р С П Е Р С И К О В Ы М И Ц В Е Т А М И

Кун Шан-жэнь (1648—1718) — последний из знаменитых драматургов в жанре «чуаньци». Прямой потомок Конфуция в шестьдесят четвертом колене, до тридцати семи лет жил при его храме в городе Цюйфу, штудировав классическую литературу. Затем был замечен императором Канси и приглашен на службу. Занимал ряд постов в провинции и в столице, но в 1702 году по неясным причинам был уволен в отставку и остаток дней провел на родине.

Помимо главного труда своей жизни — исторической драмы «Веер с персиковыми цветами» — написал вместе с Гу Цаем пьесу «Маленькая лютня», а также много стихов и сочинений в рифмованной прозе.

Сцены из пьесы «Веер с персиковыми цветами» переведены по комментированному изданию: К у н Ш а н - ж э н ь. Таохуа шань. Пекин, изд-во «Жэнминь вэньсюэ», 1958.

Стр. 501. *Линкан* — название квартала в Чанъани, где в танские времена селились певички; позже употреблялось для обозначения мест, где располагались дома веселья. *Улица Ив* — также указывает на место, где жили певички.

Стр. 503. *О, миг, когда встретится туча с дождем!* — См. прим. к с. 466.

Стр. 504. ...*спрятать-то ее надо в золотые хоромы.* — Когда ханьский император У-ди был наследником, тетка посоветовала ему взять в жены свою дочь А-цзяо, на что У-ди сказал: «Если взять в жены А-цзяо, мне придется построить для нее золотые хоромы». (*Смотрит на свои рукава*). *А сюда разве поместится?* — В стихах, которые Ян Вэнь-цун написал накануне в честь невесты, говорилось: «Крошечная красавица — это Ли Сян-цзюнь, душою нежная — в рукав можно спрятать». ...*в «залог любви»* — в качестве свадебного подарка.

Стр. 505. *Губернатор Ма (Ма Ши-ин)* — в то время губернатор Фэнъяна.

Стр. 506. *Цао Сы* (250—305) — поэт Восточной Цзинь. Автор знаменитой «Оды о трех столицах», которая пользовалась большой популярностью. Переписывать ее старались на лучшей — лоянской — бумаге. *Пань Юэ* (247—300) — поэт, отличавшийся необыкновенной красотой. Река *Циньхуай* протекает через Нанкин и является его достопримечательностью; по ее берегам расположены всякого рода увеселительные учреждения.

Стр. 507. *Чжао Мэн-бай* — один из деятелей Дунлиньской партии (см. ниже); при последнем императоре был сослан временщиком Вэй Чжунсянем (см. след. прим.) в Дайчжоу, где и умер. *Клика Вэй* — партия придворных евнухов, возглавляемая Вэй Чжунсянем, захватившая в свои руки власть в конце правления династии Мин. ...*оказать помощь дунлиньцам*. — Дунлиньская партия, сложившаяся в самом конце XVI в. при академии Дунлинь в городе Уси. Проповедовала реформаторские идеи, требовала реорганизации государственного аппарата, отстранения евнухов от управления. ...*участники «Возрождения»*. — Реформаторское общество, продолжавшее традиции Дунлиньской партии. Было разгромлено при минском принце Фу-ване, провозгласившем себя в 1644 г. в Нанкине императором (правил под девизом Хунгуан).

Стр. 510. *Только Сян-цзюнь способна была бы // отказаться от этих подвесок*. — В «Девяти напевах» Цюй Юаня (340—278 гг. до н. э.) в песне «Владыка реки Сян» о жене владыки (Сян-цзюнь) сказано: «Яшмовое ожерелье я бросаю прямо в воду, подвески оставляю на зеленом берегу». (Перевод Гитовича в кн.: «Цюй Юань. М., 1954, с. 47). Имя героини драмы Сян-цзюнь записывается другими иероглифами.

Стр. 511. *Император Хунгуан*. — Минский принц Фу-ван в 1644 г. в Нанкине провозгласил себя императором; Хунгуан — девиз его правления.

Стр. 512. *Цао Лян-юй* со своим войском находился в Учане — на юго-западе от Нанкина; «*двинулся на восток*» — значит, направился к Нанкину. *Солдаты с севера* — маньчжурские солдаты, захватившие к этому времени территорию к северу от Хуанхэ. *Мин-фэй* — титул, присвоенный красавице Ван Чжао-цзюнь из гарема ханьского императора Юань-ди и отданной в жены вождю сюнну.

Стр. 514. *Гуйян* — родина Ма Ши-ина.

Стр. 515. «*Терем красавиц*» — публичный дом, содержательницей которого была Ли Чжэнь-ли (см. сцену «Отказ от подарка»).

Стр. 517. ...*во дворцах Линьчунь и Цзеци*... — Последний император династии Чань (557—588) Хоу-чжу, очень любивший музыку и всякого рода развлечения, специально построил дворцы Линьчунь и Цзеци для музыки и танцев. *Цинь-ху* — полководец чаньского Хоу-чжу, который не сумел дать отпор напавшим на Чэнь суйским войскам.

Стр. 518. *Дзянгуань* — название места на Янцзы, там, где она протекает между двух больших гор: горы Хоя (на северном берегу реки) и горы Цзинмэнь (на южном берегу).

Стр. 520. *Хугуан* — общее название провинций Хубэй и Хунань. *Пиннаньский хоу* — титул, пожалованный последним минским императором полководцу Цзо Лян-юю. *Сети открыты полностью с трех сторон*. — По преданию, Шан-тан, основатель династии Шан, увидел, как люди ловят птиц, расставив вокруг сети. Он приказал снять сети с трех сторон и таким образом выпустить птиц. *Сючай*. — Здесь речь идет о Хоу Фан-юе, имевшем эту степень (см. прим. к с. 263).

Стр. 521. *Пусть на десяти островах...* — Согласно легенде, это острова Инчжоу, Пэнлай и другие, находящиеся в огромном море. На них обитают достигшие бессмертия святые.

Стр. 522. *...железные ботинки истопчем...* — Выражение, означающее «пройти огромное расстояние в поисках». *Тяньтай* — гора в провинции Чжэцзян, к югу от Нанкина. *Еще в прежней жизни...* — По буддийским представлениям, у каждого человека три жизни: прошлая, настоящая и будущая.

Стр. 523. *В гроте горы Таоюань...* — Считают, что рыбак из Улина в произведении Тао Цяня (365—427) «Персиковый источник» именно в этом гроте обнаружил дорогу в страну, жители которой наслаждались мирным трудом и счастьем. *...два лotosовых цветка... на одном черенке*. — Символ неразлучности с любимым.

Т. М а л и н о в с к а я

ЯН ЧАО-ГУАНЬ

О Т М Е Н Е Н Н Ы Й П И Р

Ян Чао-гуань (1712—1794) — уроженец города Уси. Долгое время занимал посты уездных и окружных правителей, приобретя славу честного и справедливого чиновника. Писал стихи, ритмическую прозу, комментарии к древним историческим и философским сочинениям, но в истории литературы остался лишь его сборник «Павильон поющего ветра», в который входят тридцать две одноактных пьесы.

Перевод «Отмененного пира» (полное название пьесы — «Вспомнив о матери, Коу Чжунь отменяет пир») сделан по комментированному изданию: «Инь фэн гэ цзацзюй». Шанхай, 1963.

Стр. 524. *Пламенеют печати...* — При Сунах императорские послания писались на желтой бумаге и скреплялись красными печатями. *Дом Се* — один из знатных родов древности, вместе с домом Ванов часто упоминаемый в поэзии, когда речь идет о необратимости течения времени.

Стр. 525. *Коу Чжунь* (961—1023) — государственный деятель и военачальник эпохи Сун. Руководил борьбой против вторгшихся в страну киданей и одержал важную победу под Таньчжоу. Отличался гордостью, независимостью и смелостью суждений. Когда император однажды вскочил, рассердившись на его высказывания, Коу Чжунь схватил его за платье, заставил

сесть и дослушать до конца. Позднее император признал его правоту. Имел титул «владелец Лайго» (Лайго гуи).

Стр. 526. *Су и Ян* — Сучжоу и Янчжоу, крупнейшие торгово-ремесленные центры того времени.

Стр. 531. *Подземные ручьи* — царство мертвых. «*Шэн*» — мужское амплуа в театре «чуаньци» и позднейшем «столичном театре».

Стр. 533. «*Дерево хотело бы...*» — Цитата из древнего сочинения «Комментарий к Ханьскому списку «Книги песен», где эти слова произносит почтительный сын Гао Юй.

Стр. 534. *Табличка*. — См. прим. к с. 454. *Веточки ивы* — использовались в буддийском помпильном богослужении.

Стр. 535. *Роскошное платье*. — Положенное на погребальное ложе (линчуан), оно как бы заменяло отсутствующего покойника.

Стр. 536. *...идете против заветов... предков*. — Конфуцианские установления не одобряли крайностей в проявлении чувств.

В. Сорокин

Я П О Н И Я

Пьесы (ёкёку) театра Но в списках, предназначенных для актеров, обильно снабжены режиссерскими указаниями. В нашем переводе сохранено лишь необходимое.

Для удобства читателей мы указываем имена действующих лиц. В оригинале указаны лишь амплуа («ситэ», «ваки» и т. д.).

Опущены специальные указания для оркестра, а также для актера (темп, ритм, тембр голоса, высокий или низкий), однако смены темпоритма по возможности учтены в переводе.

КАННАМИ КИЕЦУГУ

ГРОВНИЦА КОМАТИ

Текст и музыку к этой одной из ранних пьес театра Но написал, видимо, Каннами Киецугу.

Название пьесы в оригинале: «Сотоба Комати», что означает «Оно-но Комати у ступы». Ступа — из дерева, глины или камня разной величины — устанавливалась над священным захоронением, или в честь какого-нибудь святого, или же как знак благочестия. Облик ступы описан в речах персонажей пьесы. Вокруг ступы и разыгрываются коллизии сюжета. Японские исследователи указывают на несколько народных легенд, легших в основу пьесы: легенда о бессмертии Оно-но Комати; рассказ о том, как нищенка посрамила в споре ученых монахов; так называемая «легенда о ста ночах». Сюжет пьесы связан с именем Оно-но Комати.

Оно-но Комати (середина IX века), выдающаяся поэтесса, одна из основательниц классической танка-пятистишия. Академик Н. И. Конрад писал: «Комати славится не только как поэтесса, она знаменита на все века как образец женской красоты, и о чем вспоминают больше, когда говорят о ней теперь, установить трудно: так слились в ее образе эти два качества — поэтическое искусство и красота». Добавим, что имя ее в японском языке стало нарицанием красавицы. Биография Комати до нас не дошла. Но судьба ее, в неразрывной связи с замечательными стихами о любви, безоглядной и печальной, ее дивная красота произвела столь глубокое впечатление на современников, что вокруг ее имени стали складываться легенды. Уже в книге Сэй Сёнагон «Записки у изголовья» (конец X в.) о Комати говорится в связи с историей смерти молодого Фукакуса. Между тем литератор Фудзивара Кийёцунэ (XII век), рассказывая эту историю, не называет героев по имени, и конец у нее другой: кавалер не приходит на сотую ночь, так как у него внезапно скончался родитель.

Казалось бы, реальная Комати почти ничем не связана с героиней пьесы. И тем не менее всем своим обликом — воплощением хэйанского эстетизма, всей своей поэзией, проникнутой тонким ощущением красоты мира, она именно как поэт, как тип поведения, органично существует в пьесе, написанной много веков спустя. Философию пьесы нельзя свести к какому-то определенному направлению в буддизме, но несомненно большое влияние дзэн-буддизма с его склонностью к парадоксальным путям открытия истины; с егоприятием жизни как сферы поиска высшего бытия: истины, открывающейся как внезапная красота среди страдания, искажающего жизнь до гротеска. Оно-но Комати выражает эти идеи в споре (мондо) с монахами об истинной святости и святости ступы. Она размышляет свободно, для нее наличное существование ступы и святость ступы связаны, но это не одно и то же. Истина не нуждается в материальной подпоре, недаром в конце «спора», который в конечном счете не спор, а совместное выяснение истины, цитируются знаменитые слова Хуэй-нэна, основателя китайского дзэн-буддизма: «Просветление-бодхи не растет на дереве бодхи...» Их произносят Комати, первый монах и хор. Завершением этой темы в пьесе (и это знаменательно для классической японской культуры) является озорное пятистишие, сказанное Комати с мгновенной легкостью, с истинной свободой. Но вновь в пьесе звучит мотив кармы (см. прим. к с. 380), мотив возмездия за наслаждение красотой, земной жизни как цепи страданий. Карма настаивает Оно-но Комати как бессмертная страсть молодого Фукакуса, мучимого обидой. Две части пьесы словно связаны словами 99 и 100: возрастом Комати и числом ночей ожидания Фукакуса. Слово колесо возмездия, вращается время героев пьесы от сумерек к ночи...

Перевод пьесы, как и всех других произведений японского раздела, осуществлен по книгам серии: «Нихон котэн бунгаку тайкэй». Токио, изд-во «Иванами», 1956—1960 гг.

Стр. 561. *Обитель Алмазная Твердость на святой горе Коясан* принадлежит буддийской секте Сингон. *Прежний Будда* — Будда Гаутама, провозгласивший четыре благородные истины: жизнь есть страдание; источник страдания — привязанности и желания; чтобы уничтожить страдания, надо отрешиться от желаний; достичь истины, истинного бытия в нирване — есть путь к достижению истины. *Грядущий Будда* (Мироку — санскр. Майтрейя) явится в мир, чтобы спасти все живое через многие-многое миллионы лет (см. прим. к с. 347). Существование людей до этого срока — *сон межвременья*.

Стр. 562. *Плавучей, плакучей травы...* — В несколько измененном виде приводится часть стихотворения Комати: «Оборваны корни // Плавучей, плакучей травы... // Так и я бесприютна. // С легкой душой поплыву по течению. // Лишь только услышу — плыви». *Словно бы зимородка крыла...* — Здесь и далее при описании красоты Комати использованы строки назидательного сочинения того времени «История расцвета и увядания красавицы Комати», написанного на китайском языке.

Стр. 563. *Стоярусный терем, Облачная Обитель, Гора Просторных чертогов* — метафоры императорского дворца. *Любови Могила, Селение Птичьих Крылья, Гора-Осень* — находятся близ столицы.

Стр. 566. *Дайба* всячески мешал распространению Закона Будды, но Будда предсказал, что когда-нибудь тот достигнет Благою Истину (нёррай). *Каннон* — см. прим. к с. 694 (Кандзэон).

Стр. 567. *Хандоку*, или Сюрихандоку — см. прим. к с. 776. *Мондаю* — бодхисаттва Манджушри, олицетворение созерцания, мысли, знания.

Стр. 568. *Дочь Оно-но Есидзанэ...* — Подлинное происхождение Оно-но Комати неизвестно. *Дэва* — провинция на северо-востоке острова Хонсю. *Созидала искусно китайские строфы...* — По воззрениям тех времен, японские стихи (танка) были высказыванием сердца, тогда как китайские — построением духовного разума.

Стр. 570. *Черты единой...* — Здесь приводятся первые три строки из стихотворения в шестьдесят третьей новелле «Исэ моногатари»; морская трава «девять-на-девять» (пукумо) белого цвета, — если к иероглифу «белый» добавить одну горизонтальную черту, получится иероглиф «сто».

Стр. 572. *Пушай надзирает над Заставою Встреч // Бессонный сторож...* В пятой новелле «Исэ моногатари» приведено стихотворение: «О ты, страж заставы // на моей тропе, // неведомой людям, — // если бы каждый вечер // ты засыпал...» (Перевод Н. И. Конрада). *Хакэма* — длинные пышные шаровары, часть костюма хэйанского аристократа. *Ветром набок заломлена // Черная шапка...* — Имеется в виду «кадзаориэбоси» (дословно: ветром сложенная шапка).

Стр. 573. Праздник *Нового Урожая* отмечался в день «дракона» в средине одиннадцатой луны. В этом месте игра слов: «тоё» означает «богатство, довольство, обилие» и — «десятая ночь».

В. С а н о в и ч

Текст и музыку к этой драме, одной из самых знаменитых в истории театра Но, сочинил, как предполагают, Дзэами Мотокиё. Исполняли ее обычно в начале программы. Поскольку сосна в Японии символ долголетия и процветания, пьеса имела благожелательный смысл. В основу ее положена легенда о двух соснах-супругах. В предисловии к поэтической антологии «Кокинсю» (начало X в.) сказано: «...сосны в Такасаго, в Суминоэ подобны мужу и жене, стареющим вместе». См. прим. к с. 580.

Легенда эта несколько напоминает древнегреческое сказание о любящих престарелых супругах Филемоне и Бавкиде. До сих пор на свадебных церемониях поют слова хора из «Такасаго»: «На четырех морях тишина...»

Такасаго — название местности («Песчаные Холмы»), находится в провинции Харима (ныне префектура Хёго) на побережье Внутреннего моря, в центральной части острова Хонсю. Сумиёси (более древнее название — Суминоэ) — берег в провинции Сэтцу (ныне префектура Хёго) возле Осаки на Тихом океане. Здесь стоит синтоистский храм Сумиёси, посвященный трем божествам: морской глубины, средней части и поверхности моря. Часто их представляют как единого бога Сумиёси, покровителя моряков и японской поэзии. В пьесе сосна Сумиёси — одно из его воплощений.

Согласно старинным брачным обычаям, восходящим еще к родовому строю (брак «пумадои»), муж посещал свою жену, и уходил на рассвете. Сосне Суминоэ предстоял далекий путь по волнам — до берега Такасаго.

Стр. 575. *Главный жрец храма Асо.* — Асо — большой синтоистский храм в нынешней префектуре Каумамото. Оттуда до побережья Харима надо было совершить нелегкое в те времена путешествие по морю, чтобы далее направиться сухим путем до столицы (ныне город Киото).

Стр. 576. *Весенний ветер...* — Танка написана на тему стихотворения поэта Оэ-но Масафуса (1041—1111); «На вершине холма // Возле берега Такасаго // Колокол загудел. // Верно, на зимнем рассвете // Иней холодный выпал?» *Колокол Оноэ.* — Знаменитый колокол Оноэ находился неподалеку от Такасаго в сосновой роще возле нагорного синтоистского храма Оноэ-дзиндзя. В колокол били, призывая к вечерней и утренней молитве. Согласно легенде, он звучал сам собой от предрассветного холода.

Стр. 577. *Кого в целом мире теперь...* — пятистишие-танка поэта Фудзивара-но Окикадзэ, помещенное в антологии «Кокинсю». Конец слегка видоизменен. *Лишь голос сердца — мы назовем...* — «Голос сердца» здесь — синоним поэзии, берущей свое начало в человеческом чувстве.

Стр. 578. *Растет на вершине сосна Оноэ...* — Сосна Оноэ прославлена в японской поэзии. Здесь в повествование вплетается рассказ о других знаменитых соснах. *Так ли долго, как соснам Ики // Неувядаемой славы?* — В местности Ики-но мацубара («Сосновая роща Ики») растут древние сос-

ны. По преданию, они выросли из веток, посаженных в землю императрицей Дзингу (III в.) перед ее походом в Корею. Ики означает «жить», отсюда стихи получают двойное значение: топонимическое и смысловое. ...*зовут дружной супружеской четой*.— Так называются две сосны, красная и черная, стволы которых срослись вместе, а также сосны — супруги Такасаго и Суминоэ. В поэзии — символ супружеской любви.

Стр. 580. *Мириады листьев «Манъёсю»*...— Знаменитая антология «Манъёсю» («Собрание мириад листьев»), то есть древняя поэзия, как бы воплотилась в образе сосны Такасаго. Антология «Кокинсю» («Собрание старых и новых песен») появилась в 905 г., то есть в годы правления Энги (901—923), когда царствовал император Дайго. Следовательно, действие пьесы совершается в начале X века, в седую старину, однако все пожелания долголетия и мира адресованы императору «наших дней». Реального властителя, сёгуна, в пьесах Но явно никогда не восхваляли, он лишь «скрытый адресат» славословий, ибо официально считался «первым из подданных». Союз сосен внаменовал собой союз древней и новой поэзии, обеспечивающий гармонию и мир в государстве, а также, согласно учению китайской философии, двух миротворческих элементов Инь и Янь (мужское и женское начала, свет и тень и т. д.). *Не уянут родные песни*.— Иначе говоря, японские танка. *Все озаряя, льется свыше*...— Согласно одной из буддийских священных книг, Будда смягчает свой свет, чтобы смешаться с земным миром и помочь людям.

Стр. 581. *Всегда на ветках, обращенных к югу*...— В китайском стихотворении Сугивара Фумитоки, помещенном в антологии «Синсэн вакан рёйсю» (ок. 1100 г.), говорится: «Роса тепла. Цветы на южных ветках // Уж начинают распускаться». Речь идет, видимо, о сливовых деревьях.

Стр. 582. *«Цветет она десять раз...»*— Так как, согласно древнему поверью, сосна цветет раз в тысячу лет, то, следовательно, государю сулят долгий век в десять тысяч лет. *На ветках ее блеснят*...— В предисловии к «Кокинсю» сказано: «Песни Ямато! Вы вырастаете из одного семени-сердца и разрастаетесь в мириады лепестков речи — в мириады слов». (Перевод А. Е. Глускиной.) *Ямато* — древнее название Японии. *И все, что на свете живет*...— В предисловии к «Кокинсю» говорится: «Что же из всего живого, из всего живущего не поет своей собственной песни?» *Но ведь некогда Тёно сказал*...— Тёно — китайское чтение японского имени Нагато. Фудзивара Нагато — поэт XI в. В его трактате о поэзии есть такие слова: «Весной лес колеблем восточным ветром. Осенние цикады звепят в северной росе. Обо всем могут рассказать песни Ямато. Все, наделенное чувством, и все, не наделенное чувством, одинаково пробуждает любовь к поэзии».

Стр. 583. *Некогда циньский император*...— В «Исторических записках» китайского историка Сыма Цяня (145—86 гг. до н. э.) повествуется, что циньский император Шин Хуанди (III в. до н. э.) взмог на гору Тай и спасся там под сосной от налетевшей бури. Ветви сосны чудесным образом выросли и защитили его. За это он пожаловал сосне придворный титул.

Как вьющийся длинный плющ...— Имеется в виду эвонимус японский. В предисловии к «Кокинсю» говорится: «...иглы вечных сосен — они не знают смерти; дикий плющ далеко вьется...»

Стр. 585. *Интермедия*.— Текст ее несколько сокращен. Опушены цитаты из классических книг, которые щедро приводит кёгэн, повторяя и развивая поэтические темы первого действия. Обычно в сборниках плес театра Но тексты интермедии вообще не приводятся. *Аводзи* — остров, который лежит у входа в Осацкий залив. *Наруо* — город возле дельты Муко (провинция Сэтцу), теперь входит в состав города Нисинномия.

Стр. 586. *...появляется бог храма Сумиёси...*— На нем маска благородного молодого человека, черноволосый парик, венец и роскошный наряд. «*Даже я и то не пойму...*» — Здесь в слегка измененном виде помещены две танка из лирической повести «Исэ моногатари» (начало X в.), приписываемой известному поэту Аривару-но Нарихира. В сто семнадцатой повелле говорится: «В давние времена микадо свой выезд совершить изволил в Сумиёси (следует первая танка.— В. М.). И божество само появиться соизволило (следует вторая танка.— В. М.)». (См. «Исэ моногатари». Лирическая повесть древней Японии. Перевод и предисловие Н. Конрада.— «Всемирная литература», Пг., 1921, с. 141). *Из Западного моря восстал...*— В стихотворении Ураба-но Канэнао, помещенном в антологии «Дзоку-Кокинсю» (1265), говорится: «О, Западное море! // Здесь из морских глубин // У берега Аоки-га-хара // Впервые появился // Сам бог великий Сумиёси. Аоки («Зеленое дерево») — аукуба, вечнозеленый кустарник; *Аоки-га-хара* («Равнина зеленых деревьев») — как бы вызывает в памяти зеленую сосну. Возле этой равнины, согласно древнему мифу, родились из моря божества Сумиёси, когда прародитель богов Идзанаги омылся в море, чтобы очиститься от скверны. Таким образом, морской бог и зеленое дерево сосны изначально связаны между собой. *...возле мелкой гавани Асакá...*— Находится вблизи храма Сумиёси. «*Я склонился на сосны корни вековой...*» — Китайское стихотворение, сочиненное японским поэтом Татибана-но Арицура, помещено в антологии «Вакан рёйсю» (ок. 1013 г.).

Стр. 587. «*Волны синего моря*» — классический танец «бугаку» континентального происхождения (из Китая или Кореи). Музыка его дошла до наших дней. «*Возвращение в столицу*» — классический танец «бугаку», исполнялся на придворных торжествах. *Одежды танцоров Оми* — одежда, которую надевали придворные танцоры и танцовщицы на больших торжествах. Эта белая одежда была богато украшена растительным орнаментом, — отсюда связь с зеленой сосной.

Стр. 588. «*Тысячекратная осень*». — Музыка танца создана Минамото-но Ёриёси по случаю коронавания императора в 1069 г. Название это сулило государю долгую жизнь. «*Танец долгих веков*». — Музыка этого классического танца приписывается китайской императрице Ву (623—705), принадлежавшей к Танской династии.

В. Маркова

Пьесу «Горная ведьма» («Ямамба») приписывают Дзаами Мотокиб, но точных данных, подтверждающих его авторство, не существует. Возможно, она плод коллективного творчества.

«Горная ведьма» принадлежит к «пьесам финала», в которых обычно выводится сверхъестественное существо. В пьесе показаны два танца на одну тему (пляска горной ведьмы), но контрастирующие между собой.

Сначала танцовщица — сирабэси исполняет изящный столичный танец — кусэмай, потом пляшет «постоящая» ведьма. Танцы-пантомимы сопровождалась пением и музыкой.

В основу сюжета положены народные легенды о «горных ведьмах» — ямамба. Вначале ямамба была, видимо, божеством гор и приносила людям счастье. Поклонение ей было связано также с культом предков, недаром часто о ней говорилось, что груди ее полны молока. Впоследствии, как это бывает со старыми богами, образ ее был переосмыслен, она стала людоедкой, зловещим чудовищем волшебных сказок. Ямамба в сказках подстерегает путников в глубинах гор. В интермедии «сельский житель» рассказывает гротескные легенды о том, как возникают ведьмы-оборотни. Разумеется, рассказы эти шуточные, с забавной игрой слов, но в японском фольклоре бытует много легенд, как звери, растения или вещи (обычно очень старые) превращаются в страшных оборотней.

В пьесе народные легенды переработаны в буддийском духе. Горная ведьма — это символическое воплощение земных страстей, она обречена блуждать в «нечистом мире праха», привязанная к земному существованию. Но, согласно буддийской философии, после освобождения от иллюзорного мира феноменов, при переходе в высший мир абсолютной истины, каждое существо вернется к своему подлинному источнику, ибо «в каждом изначально живет Будда». Горная ведьма тоже стремится вырваться из круга перерождений и достигнуть нирваны, а пока ее мятет вихрь земных желаний, и она вечно блуждает по горам.

Стр. 589. *Хякума Ямамба*. — Слово «Хякума» толкуется по-разному: «Сто демонов» или «Миллион». В XIV в. действительно существовала знаменитая танцовщица-сирабэси по прозвищу «Хякуман». *Храм светящегося Будды* — Дзэнкодзи — храм в провинции Синано. Чтобы попасть туда, путники должны были миновать трудный перевал в северных горах Агэро.

Стр. 590. *Озеро Сига* — иначе: озеро Бива. *Горы Арати*. — Путь паломников к северу лежал через горы Арати, расположенные на границе между старыми провинциями Оми и Этидзэн. *Мост «Жемчужный поток»* («Тамаэно хаси») — находился в провинции Этидзэн. Знаменитая *сосна Сиокоси*, воспетая поэтом Сайгё (XII в.), росла на морском мысу возле синтоистского храма в провинции Этидзэн. Прославленные сосны в местности *Атака* в провинции Кага упомянуты в популярной средневековой эпосе «Гикэйки»

(«Повесть о Минамото Ёсипунэ»). *Горы Тонами сверкнул острый край — // Словно Амида меч свой поднял...*— Гора Тонами в провинции Эттю — скалистая, с острыми вершинами. Считалось, что владыка Западного рая Будда Амида (с а н с к р. Амитабха) отпускает грехи. *Коси* — старинное название Северного края, в состав которого входили три провинции: Эттидзэн, Эттю и Эттиго. Через этот край вела дорога Коси (Хокайдоская дорога). «*Река порубежная*» (Сакаигава) протекала на рубеже между провинциями Эттю и Эттидзэн, там же находилась одноименная деревня.

Стр. 591. «*Чистая земля*» (Дзёдо), или Западный рай Будды Амитабхи, находится, по средневековым буддийским воззрениям, в той стороне, где садится солнце. Там блаженные души ожидают нирваны в прекраснейшем саду, посреди которого высится гора Сумеру. В «Сутре Амитабхи» сказано: «Чистая земля лежит за пределом десяти мирпад «Буддийских миров», и зовется она Страной высшего блаженства. Буддийская космография учит, что земной шар (владение Будды Сакьямуни) отделен от «Чистой земли» десятью мирадами миров, в каждом из которых правит свой особый Будда.

Стр. 593. «*Зло и добро бытия...*» — Этические категории добра и зла исчезают в нирване, которая в философском смысле является единым абсолютом. *Чтобы мне ускользнуть из круга...*— Согласно буддийским воззрениям, все сущее на земле скитается по шести дорогам, в зависимости от кармы: три дороги адских мук (ад, преисподняя голода, Асура, где вечно идут сражения и войны); дороги животных, людей и небесных существ. Некоторые секты буддизма (например, Тэндай) причисляют к этому даже неодушевленный мир. Вырвавшись из круга перевоплощений, душа достигает нирваны, она возвращается к высшему началу, которое изначально заложено в каждом существе.

Стр. 595. «*Крокодиля пасть*» — род гонга, который вешают перед храмом. Внизу у него отверстие, вроде пасти. К гонгу подвешена сеть. Дергая за нее, раскачивают гонг и заставляют звучать.

Стр. 597. *Словно чару на Празднике песен...*— Согласно древнему обычаю хэйанской эпохи, в саду императорского дворца в третий день третьей луны устраивался «Пир извилистого потока». По воде пускали плыть чары, полные вина. Участникам пира, которые сидели вдоль берега ручья, надо было сложить стихотворение, пока чара доплывет, потом поймать ее, осушить и вновь пустить по течению. ...*появляется горная ведьма...*— На ней маска и парик ведьмы. Посох с ручкой в виде молотка оббит зелеными листьями.

Стр. 598. *Бичами хлещут мертвые кости свои...*— Эта буддийская легенда восходит к сутре «Притчи царя Ашоки». Часто упоминалась в средневековых японских книгах, например, в «Сказании о доме Тайра». Грешные души хлещут бичами свои мертвые кости, обвиняя себя в содеянном при жизни зле. *Зимний лес* — название кладбища в царстве Магадха в Индии. Мертвые тела оставляли там непогребенными в жертву тлению. Души же праведников сходят с небес, чтобы воздать почитание своим останкам.

Стр. 599. *Красным черепицам на кровле... Где грозятся лики чертей.*— На обоих концах кровли помещали черепицы с изображением страшных демонских ликом (род горгульи). *Некогда в старину...*— В лирической повести «Исэ моногатари» (новелла шестая) рассказывается, что мужчина похитил даму в дождливую ночь, когда гремел гром. В крошечной тьме демон проглотил ее одним глотком, и мужчина в отчаянии сложил стихотворение: «То белый жемчуг или что?» — когда спросила // у меня она,— // сказать бы мне: «роса», и тут же // исчезнуть вместе с нею...» (Перевод Н. Конрада.)

Стр. 600. *На тысячу золотых не променял бы...*— Китайский поэт Су Дун-по (1036—1101) сказал в стихотворении «Весенняя ночь»: «Весенней ночи единственный миг // Стоит тысячи золотых. // Цветы чистейший льют аромат. // Подернута дымкой луна. *Но закону единому Будды...*— Здесь путем непереводимой игры слов цитируется танка, помещенная в поэтической антологии «Госюксю» (1086): «И здесь, в стране Цу, // В гавани Наньива, // // Вездесущ Будды закон. // Слышу, пляшет он, // Веселится...»

Стр. 601. *Заоблачная гора...*— В предисловии к «Кокисю» сказано: «Как высокая гора, что начинается с пылинки подножья и простирается ввысь до небесных облаков...» (Перевод А. Е. Глускиной.) *Словно безмолвия голос...*— Китайский философ Чжуан-цзы (IV в. до н. э.) сказал о совершенномудром муже: «Он видит во тьме и слышит безмолвное; он единый может узреть рассвет во тьме и услышать музыку в безмолвном. *Пожелала некогда дева...*— В «Сутре о семи девах» повествовалось, что некогда к ним спустился сам бог Брахма и спросил, что они желают. Третья из них пожелала найти такую долину, где самые громкие звуки не будили бы эха. В последующих обработках притчи ей приписали желания других дев: дерево без корней и листьев, такое место, где не было бы ни света, ни тени, и т. д.

Стр. 602. *Впереди бесконечное море...*— Это переложение китайских стихов, находящихся в эпосе XIII в. «Гэмпэй сэйсуйки» («Сказание о расцвете и падении домов Минamoto и Тайра»). Их написал на ширме один опальный сановник. *Карающий бич, в траве истлевал...*— Китайское стихотворение японского поэта Ос-но Отоно, помещенное в антологии «Вакан розъю», восхваляет мудрое правление, когда ненужный бич рассыпался, зарос травами и как бы разлетелся стаями светляков. В древнем Китае подданные били в барабан увещания, когда были недовольны действиями государя. *В самом сердце гор...*— Здесь смонтированы две цитаты: о кукушке — танка из антологии «Кокисю»; о стуке топора — из стихотворения китайского поэта VIII в. Ду Фу.

Стр. 603. *Весной зеленеет ива...*— Цитата из стихотворения китайского поэта Су Дун-по.

Стр. 604. *Если выпадут вдруг...*— Стук вальков, которыми выбивают белое в осеннюю ночь,— одна из традиционных тем классической поэзии Китая и Японии. Он звучит особенно уныло.

В. Маркова

Сюжет пьесы связан с событиями второй половины XII века — того бурного периода в истории Японии когда шла яростная борьба за власть между двумя могущественными кланами Минамото и Тайра. Тайра пришли к власти в 1156 году и более двадцати лет правили страной, успешно подавляя недовольство и открытые выступления сторонников Минамото. Но с 1181 года после смерти своего могучего предводителя Киёмори, род Тайра начинает утрачивать свое былое могущество и в конце концов падает под натиском Минамото.

Пьеса воскрешает события, происшедшие после изгнания Тайра из столицы незадолго до их окончательного уничтожения войсками Минамото.

Герой пьесы Киёцунэ — один из ведущих полководцев Тайра, внук могучего Киёмори. Легенда о его самоубийстве после пророчества бога Хатимана заимствована автором пьесы из «Сказания о доме Тайра» (начало XIII в.) и «Сказания о расцвете и падении Минамото и Тайра» (XV в.).

Стр. 607. *Девятивратный град.* — Имеется в виду столица. Сначала словом «девятивратный» называли императорский дворец, построенный по образцу китайского и имевший девять ворот, символизирующих девять небесных сфер. Позже слово «девятивратный» стало употребляться и для обозначения столицы вообще.

Стр. 607—608. *Янаги-но ура* — бухта на восточном побережье провинции Будзэн (современная Фукуока).

Стр. 608. *Цукуси* — древнее название острова Кюсю или его восточной части. На Цукуси бежали изгнанные из столицы Тайра.

Стр. 609. *Скрываясь от недобрых глаз...* — После изгнания Тайра из столицы жена Киёцунэ по настоянию своего отца осталась там и вынуждена была скрывать от людей, что родственные узы связывают ее с одним из Тайра. *Сусуки* (мискант) — одна из «семи осенних трав», символ запустения. *И не скрывает имени она...* — В японской поэзии, когда речь идет о крике кукушки, очень часто употребляется глагол «наноринаку» — «петь, называя имя». Смысл здесь таков: «Теперь я буду плакать открыто, не страшась, что люди узнают, кто я, так же, как эта кукушка, которая не скрывает своего имени». *Ах, эта прядь волос!* — В «Сказании о расцвете и падении Минамото и Тайра» есть упоминание о том, что Киёцунэ послал оставшейся в столице жене прядь своих волос. Она же отослала их обратно, сопроводив приведенным в пьесе стихотворением.

Стр. 610. *Пусть одинокое расскажет изголовье...* — Образ, основанный на стихотворении Минамото Масамити из антологии «Сэндзайвакасю» (1187): «Таюсь я от людей, // Но изголовье знает // Всё о моей любви: // Ведь

не было ни ночи, // Когда б его не оросили слезы. *«Снов суетных не ищит...»* — Цитата из поучений китайского монаха Хуэй (1089—1163). *«О если пыль твисты...»* — Строки стихотворения дзэнского монаха Мучи Кокуси (1275—1351). *«Любимого//Увидела однажды...»* — Стихотворение Ононо Комати из антологии «Кокинсю».

Стр. 611. *«Ах эта прядь волос!»* — В немного измененном виде цитируется стихотворение неизвестного автора из «Кокинсю»: *«Ах, пышно дур прощальный твой//Врагом мне стал, // Не знающим пощады, // Не будь сто, забвение, быть может, // Хотя б на время, но пришло».*

Стр. 612. *Ямага* — место в провинции Тикудзэн (нынешняя Фукуока) на Цукуси, где разбили свой военный лагерь Тайра. *Бог Хатиман* — бог войны синтоистского культа (обожествленный древний японский государь Одзип). В Уса (на Цукуси) находится один из основных посвященных ему храмов.

Стр. 613. *«Сам Хатиман не может...»* — Пророчество Хатимана имеет двойной смысл: за внешним, который и дан в переводе, скрывается внутренний, выявляющийся благодаря многозначности входящих в него слов: «Нет в Уса бога для Тайра. Зачем же пришли вы на Цукуси и о чем молитесь?» В «Сказании о расцвете и падении...» стихотворение это вложено в уста брата Кнётунэ Тайра Масамори, незадолго до описываемых событий пожалованного званием тюнагона (второе из высших придворных званий). В действительности автором стихотворения является Фудзивара Сюндзэй (антология «Сэндзайвакасю»). *Нагато* — южная часть острова Хонсю, прилегающая к Кюсю (современная префектура Ямагучи). *Хогэн* и *Дзюэй* — названия годов правления: 1156—1159 и 1182—1183. Годы Хогэн отмечены расцветом рода Тайра, годы Дзюэй — постепенным упадком рода и полной потерей власти в 1183 году. В «Сказании о расцвете и падении...» говорится: «Род Тайра, подобно весенним цветам — пышно цвел в годы Хогэн и угас, как осенний багрянец клена, в годы Дзюэй». *На сосны бросаешь взгляд...* — В «Сказании о доме Тайра» сказано так: «Замечая стаи белых цапель на далеких соснах, мы тревожились — уж не знамена ли Минамото развеваются там, а слыша крики диких гусей далеко в море, пугались — уж не возгласы ли то гребцов с преследующих нас вражеских лодок?»

Стр. 614. *«Буду я//Лишь с правым!»* — Считается, что бог войны Хатиман дал обет быть всегда на стороне справедливых. В «Дзэнкингисё» («Собрание десяти наставлений», 1252) говорится: «Великий Хатиман изволил дать обет, что он лишь в справедливой голове найдет себе прибежище». *«Меня с собою ты возьми...»* — Обращаясь к скользящему на запад месяцу, Кнётунэ просит взять и его в Западный край, туда, где находится Чистая земля (буддийский рай).

Т. Делюсина

События, которые легли в основу пьесы, относятся к периоду усиления рода Минамото, последовавшему за окончательным разгромом Тайра в битве при Дан-но ура (1185 г.). Фактическая власть в стране сосредоточивается в руках Минамото-но Ёритомо. Младший его брат Ёсичунэ, доблести и военным талантам которого Ёритомо обязан своим возвышением, попадает к нему в немилость и вынужден тайно бежать из столицы с горсткой верных слуг (среди которых преданный Бэнкэй — излюбленный герой народных сказаний) и возлюбленной Сидзукой, бывшей танцовщицей.

Стр. 616. *Западная пагода* — одна из трех пагод храмов Энрякудзи, находящегося на горе Хизэйдзан (оплот секты Тэндай). В «Сказании о Ёсичунэ» (XIV в.) упоминается «Мусасибо Бэнкэй из Западной пагоды». *Властитель Камакүра* — Минамото Ёритомо.

Стр. 617. *Мыс Амагасэки* — мыс в провинции Сэтцу, омываемый водами залива Даймоцу (Внутреннее Японское море), откуда открывался морской путь на Кюсю. *Годы Бундзи* — 1185—1190 гг. Ёсичунэ бежал из столицы в первом году Бундзи. *Западные земли* — в данном случае: Кюсю. *Бог Горных родников*. — Имеется в виду бог войны Хатиман. Горные родники (Ивасмидзу) — храм на вершине горы Отокояма, рядом с горным источником, известным прозрачностью воды, посвящен богу Хатиману.

Стр. 619. *«Поистине, готова я отдать...»* — Стихотворение Фудзивара Кинто (антология «Сэндзайвакасю»). *Напиток долголетия*. — Существует легенда, согласно которой китайский сановник Яо Пэн-цзу пил росу с лепестков хризантемы и благодаря этому прожил до 700 лет. Поэтому хризантема считается символом долголетия.

Стр. 620. *«Вот ветер стих...»* — Цитируется стихотворение Оно-но Такамура из антологии «Вакан розэйсю». *...рукавом взмахнуть...»* — Здесь цитируется строка стихотворения из «Повести о блистательном принце Гэндзи» Мурасаки Сикибу (глава «Алые листья кленов»): «Не в силах шагу я ступить — // Душа в смятенье... // О, если б знала ты, // Как замирало сердце // При взмахах рукавов». *Князь Тао Чжу-гун* — главный советник императора Гоу-цяня, правившего государством Юэ в Южном Китае (V в. до н. э.). Гоу-цянь враждовал с соседним государством У и, потерпев поражение в битве у подножия горы Куайцзи, попал в вассальную зависимость от правителя У. В течение двадцати последующих лет вместе со своим советником Тао Чжу-гуном он вынашивал тайные планы мести. И наконец ему удалось одержать победу над властелином государства У и вернуть свои земли.

Стр. 621. *...в вершине славы // Уйти от мира...* В военной хронике «Сказание о великом мире» (XIV в.) в эпизоде, связанном с Тао Чжу-гуном говорится: «Достигнув высшего положения — уйти от мира — таков путь, благо-

словенный Небом. И он, изменив имя, стал называть себя Тао Чуку, и удалился в место под названием Пять озер, и стал жить там вдали от мирской суеты». Ср. также «Дао дэ цзин: «Если зал наполнен золотом и яшмой, то никто не в силах его уберечь. Если богатые и знатные проявляют кичливость, то они сами навлекут на себя беду. Когда дело завершено, человек (должен) устранился. В этом закон небесного дао». (Цит. по кн.: «Древне-китайская философия», т. 1. М., 1972, с. 117). *Пять озер*. — По мнению некоторых японских комментаторов, другое название для озера Тайху в китайской провинции Цзянсу. ...«ты только верь»... — Стихотворение из книги рассказов «Сясэкисю» (конец XIII в.), произнесенное якобы бодхисаттвой Канпон из храма Киёмидзу. Согласно легенде, оно было ответом бодхисаттвы женщине, сказавшей, что жизнь ее безнадежна и что она хочет покончить с собой.

Стр. 622. *Ватанабэ и Фукусима* — порты на территории современного Осака.

Стр. 623. *О ужас! Ветер дует с горы Муко...* — В «Сказании о доме Тайра» и «Сказании о Ёсицунэ» описывается страшный ураган, налетевший на корабль Ёсицунэ в момент его отплытия из залива Даймоцу и заставивший его снова пристать к берегу. Однако ни в одной из хроник не говорится о том, что именно здесь Ёсицунэ расстался с Сидзукой. В «Сказании о Ёсицунэ» местом их расставания называется Ёсино.

Стр. 624. *Тайра Томомори* — сын могущественного Тайра Киёмори, главы рода Тайра, покончил с собой, бросившись в воды залива Дан-ноура, когда стало ясно, что ничто уже не может спасти Тайра.

Т. Делюкина

ФАРСЫ-КЕГЭН

Стр. 628. *...го и сугороку...* — В пашки го играют двое белыми и черными камнями на доске с 361-й клеткой. Игра китайского происхождения. В сугороку — выбрасывая кости с очками из особого футляра. Цель игры — вторгнуться в лагерь противника на шашечной доске. Игра изобретена в Индии.

Стр. 629. *...на днях из Осю пригнали.* — Осю — в старину так называли пять северных провинций на главном острове Японии.

Стр. 635. *Сакэ* — первый даймё, *укё* — второй даймё. *Китано* — название местности возле Кнотто (ныне в его составе), где находятся известные синтоистские храмы.

Стр. 636. *Абурадзуцу* — сосуд для растительного масла из ствола бамбука.

Стр. 637. *Окиягарикобоси* — игрушка вроде ваньки-встаньки изображающая бога счастья. Второе значение слова — служанка зазывающая на перекрестке в веселые дома: «кто в столице вас не знает?!» «А звезду с неба не хотите?» — Непереводаемая игра слов: «хоси» — «хотеть» и «хоси» — «звезда».

Стр. 641. *Сутры* — буддийские священные книги, отдельные места из них читались как молитвословия. *Десять монов подаяния*. — Мон — старинная медная монета невысокого достоинства.

Стр. 642. ...«в мире Трех тысяч Великой тысячи миров». — Согласно буддийской космографии — это Вселенная, которая состоит из множества тысячекратно повторенных миров малого, среднего и большого масштабов. «*Наму, Кяратано...*» — священные буддийские слова индийского происхождения.

Стр. 643. ...*наступает время подаяния*... — Вместо «время мрака» монах говорит «время подаяния», делая намек прихожанину.

Стр. 644. *Кэса* — часть монашеского одеяния, род длинного стихаря желтого цвета с черными крапинками. Надевается на одно плечо, как перевязь.

Стр. 645. *Ваша кэса нашлась?* — Прихожанец замечает, что монах и не снимал ее.

Стр. 647. «...для бонзы отдать единственный зонтик...» — Когда монаха изгоняли из монастыря, ему давали с собой только зонтик, из которого, таким образом, состояло все его имущество. ...*шкура — в одну сторону*... — Промасленная бумага, из которой делают японские зонтики; «кожа» и «шкура» в японском языке — слова-омонимы. То же самое — «спицы зонтика» и «кости».

Стр. 650. *Ямабуси* (заклинатели-гэндзя) — последователи буддийской секты Сюгэндо, возникшей в VIII в. Гэндзя бродили по священным горам с целью получить магические силы. Они врачевали при помощи заклинаний, так как считалось, что болезнь — это одержимость злым духом. Ямабуси — своего рода шаманы — изображаются в японском фольклоре как шарлатаны. Гора *Оминэ* в префектуре Нара и гора *Кацзураки* (Кацураги), расположенная на границе префектуры Осака и Нара, считались священным местом, где подвизались буддийские монахи секты Сюгэндо, обретая там, по поверью, священную силу.

Стр. 651. ...*могут материи в один сяку*... — Сяку — мера длины для материй, равна 37,9 м. *И-ро-ха-ни-хо-хэ-то...* — Начало старинного стихотворения, в котором содержатся разные слоги, числом сорок один. Стихотворение это было в широком употреблении как азбука и в качестве прописи для начального обучения. Содержит в себе буддийскую истину о быстротечной жизни: «Красота блистает миг//И увяла вся.//В этой жизни, что, скажи,//Остается ввек?//Грани мира суеты//Ныне перейди,//Брось пустые видеть сны//И пьянеть от них. (Перевод Н. И. Конрада.) Невежественный монах бормочет слова, известные каждому ребенку. *Бороон, бороон...* — Бормотание на манер буддийских молитв.

Стр. 652. *Эн-но гэдзя* — основатель секты Сюгэндо (VIII в.). Вел подвижническую жизнь отшельника в горах Оминэ, Кацураги, Кимбусэн; после смерти обожествлен. ...*из рук бога Мёо*... — Мёо (светлый царь) — почтительное наименование буддийских божеств, например, бога Фудо-мёо.

Стр. 653. *Дзидзо* (санскр. Кситигарбха) — бодхисаттва, спасающий из ада, в японском народном буддизме бог — покровитель страждущих, больных, путников и детей. Статуи его с большим нимбом на голове часто ставились на перекрестках дорог. Здесь имеется в виду статуя Дзидзо в *Каваками* на юге провинции Кавати.

ТИКАМАЦУ МОНДЗАЭМОН

НОЧНАЯ ПЕСНЯ ПОГОНЩИКА ЕСАКУ ИЗ ТАМБА

«Ночная песня погонщика Есаку из Тамба» («Тамба-по Есаку мацу-но комуробуси») предположительно написана в 1708 году. Это седьмая по счету «мещанская драма» Тикамацу.

Иногда зерно сюжета Тикамацу брал из народных песен. Популярна была народная песенка:

Лошадей гонял Есаку,
Был погонщиком простым.
А теперь в самом Эдо
Носит длинный меч.

Песни погонщиков славились в старой Японии.

Пьеса-дзэрури в трех действиях напоминает драматическую поэму, — ведь она родилась из народного сказа. В дзэрури сохранились эпические части, зачины, концовки, «странствия», но само действие развивается динамически, с применением драматической техники театра Кабуки.

Фрагменты из пьесы даются по кн.: Тикамацу. Драматические поэмы. М., «Художественная литература», 1968.

Стр. 656. *Тамба* — название старинной провинции. Находилась вблизи Киото.

Стр. 658. *А теперь Сирабэ...* — Сирабэ была удочерена своим отцом — князем и его, видимо, бездетной супругой. *Длинные волосы перехвачены...* — Первую прическу делали девушке во время обряда совершеннолетия. Волосы перехватывались шнурком.

Стр. 659. *О-химэсама* — старинный титул девушки из знатной семьи.

Стр. 661. *Там в горле у нее застряло моти...* — Моти — японское лакомство — колобки, приготовленные из вареного и отбитого в ступе риса.

Стр. 680. *«Только вспомню тебя, Есаку, // На луга туман упадет».* — Здесь приводятся слова из популярной в то время народной песни.

Стр. 681. *Но раньше // Семь раз по семь...* — По буддийским верованиям, душа умершего сорок дней блуждает между двумя мирами: здешним и загробным.

Стр. 682. *По дороге в Исэ...* — Имеются в виду знаменитые древнейшие синтоистские храмы, посвященные богине Аматэрасу. На храмовые празднества сходилось множество паломников.

Стр. 683. *Начертанным на храмовой бумаге.*— Обеты («письменные обеты») писались на специальных бумагах, которые продавались в храмах. Эти бумажные амулеты считались священными, их нельзя было ни разорвать ни бросить — только предать огню. Приносящий обет клялся именами многих богов, призывая на себя небесную кару в случае обмана. *Мы только у стремнин Кумодзу...*— Река Кумодзу впадает в залив Исэ.

Стр. 684. *Как рыбаки в Акдзи...*— Акоги — местность в провинции Исэ. В антологии «Кокинсю» в одной танка говорится: «Если мы будем часто встречаться на побережье, где рыбаки тянут сети, то, верно, люди узнают о нашей любви».

Стр. 685. *Возносится вершина Асамъ...*— У подножья горы Асама находится известный синтоистский храм, где обитали жрецы, давшие обет безбрачия. На вершине горы высится буддийский храм.— *Слышишь//Удары барабана? Восемь раз!* — То есть два часа ночи.

Стр. 686. *На пороге обители Ста наслаждений//Встретят нас бодхисаттвы — //Каннон и Сэйси...*— По буддийским верованиям, обитель Ста наслаждений — Западный рай, а эти два бодхисаттвы Авалакишвары и Махастмапрапта (санскр.) — ближайшие помощники владыки Западного рая Амитабы. *И с молитвой подходят к сосне...*— На эту сосну паломники, шедшие в святилище Исэ, вешали припошения — монеты.

Стр. 687. *Шесть наших чувств.*— По буддийским представлениям, шесть чувств — это зрение, слух, обоняние, вкус, осязание, сердечные чувства.

Стр. 688. *И мы к воротам подойдем Нирваны!...*— Здесь: высшая форма райского блаженства.

В. Маркова

МАСЛЯНЫЙ АД

Полное название пьесы: «Убийство женщины. Масляный ад» («Онна-гороси. Абура-но дзигоку»). Эта двадцать третья по счету «мещанская драма» Тикамацу была впервые исполнена в осакском театре кукол «Такэмото-дза» 4-го числа пятого лунного месяца 1721 года.

Для удобства читателей обозначены действующие лица и авторская речь передана «рассказчику». Опущены обозначения темпа и ритма, заимствованные из театра Но. Действия разбиты на сцены.

Стр. 692. *Селенье Нодзэки* (ныне город) — местность в префектуре Осака, где в горном храме Нодзэки-Каннон находится статуя богини с одиннадцатью лицами. *Новая лодка* (синдзо) — молодая девушка или жена, а в веселом квартале — девушка, которая только что была ученицей-кабуро, а теперь приучается к своему ремеслу под надзором старшей гетеры. *Над равниною Мусаси...*— Равнина Мусаси возле Токио — поэтический эпитет к слову «луна». *Река Намадзу* протекает в северной части Осака, впадает в реку Едо.

Стр. 693. *Сонэдзаки* — квартал любви в северной части Осака. *На лодке с домиком...* — Крытая на манер гондолы увеселительная лодка. *Айдзу* — местность в нынешней префектуре Фукусима на севере главного острова, отсюда поставлялись мед и воск. *Нанива* — старинное название города Осака.

Стр. 694. *Ведь високосный год.* — Периодически в лунный год вставлялся лишний месяц, и сезоны как бы сдвинуты назад. Считается четвертая луна, на самом деле — третья. Еще холодно: это, собственно, ранняя весна. *На высоте Орлиной восседаю...* — Согласно буддийским легендам, Сакиямуни (Будда), некогда восседал на Орлиной горе — в Индии, преподавал свое учение, запечатленное в «Сутре Лотоса». *Амида и Кандззон* — его воплощения (аватары). Бодхисаттва Кандззон, по-санскритски Авалокитешвара, в Японии превратился в женское божество — Каннон, видимо, под влиянием культа богини солнца Аматаэрасу, а также, возможно, разных среднеазиатских культов. Существует множество изображений Каннон и тридцать три места, где ей поклоняются. В Нати (местность и город в префектуре Вакаяма), в храме *Кумано*, находится золотая статуя Каннон — в венце, восседающая на лотосе (см. с. 686). Согласно народным поверьям, исполняет желания.

В год «Кабана»/И брата младшего Земли — то есть в 1719 г. Он обозначен при помощи двух циклических знаков, принятых для счета времени на Дальнем Востоке.

Стр. 695. *В далекий край Ямато.* — Старая провинция Ямато (теперь префектура Нара) находится на довольно далеком для пешеходов расстоянии от города Осака. *Принц Сётоку* (574—622) — просвещенный правитель, насаждавший буддизм в Японии. Отмечалась дата его успения. *Храм Хорюдзи*, выдающийся памятник архитектуры, был основан принцем Сётоку. *«Отдернута завеса* — перед «чудотворной» статуей после обновления храма.

Стр. 697. *Широкий капюшон//Надвинут на глаза...* — Девушки из веселого квартала не выщипывали себе бровей, как это делали, по обычаю, замужние женщины. Но ремесло Когикю выдает слишком нарядный для купеческой жены пояс *нагда* (из города того же наименования).

Стр. 698. *Над горюю Атагд.* — Священная гора возле Киото посвящена божествам грома. Там курятся благовонные костры из сандалового дерева. Далее соблюдена порядковая последовательность чисел: три столба дыма, четыре дороги. *...словно копья из яшмы...* — Старинный поэтический эпитет к слову «дорога». *«Дракон и змея»* (юго-восток). — Направления обозначались при помощи комбинации циклических знаков (вроде знаков зодиака). *«Бык и Тигр»* — северо-восток; *«Овен и Обезьяна»* — юго-запад. *Явата* — торговый город в нынешней префектуре Окаяма. *«Гора тайных встреч»* (Окаяма) воспета в японской поэзии. В одной старинной песне говорилось: «Так и кажется мне, // Стебли сусуки кивают, // Словно манят меня // На «Гору тайных встреч» Окаяма, // Где виделся я с любимой». На этой горе росла «Сосна долголетия», одна из знаменитых сосен, которая служила предметом особого культа.

Стр. 699. *Кто дал ей имя...*— «Кити» (или «Ёси») — так читается иероглиф «счастье». Имя было выбрано неудачно, потому что те, кто дал его, не предвидели несчастной судьбы о-Кити («Счастливицы»).

Стр. 702. *Ехэй-сама* — приставка к имени, более вежливая, чем «сан».
...из веселого квартала Симмати...— Квартал Симмати был расположен в центре Осака. Веселые кварталы были окружены стенами. Бедные родители продавали туда дочерей, по обычаю, сроком на пять лет, но чаще всего девушки оставались там дольше, потому что хозяева начисляли на них всевозможные долги.

Стр. 703. *В несчастном направлении для нее.*— Согласно сложным вычислениям магов-гадателей, путь мог быть «загражден» одним из грозных божеств Неба.

Стр. 707. *Дзиндзаэмон...*— Здесь упоминаются знаменитые актеры театра Кабуки: Яматояма Дзиндзаэмон (1677—1721), играл первых любовников; Такэсима Кодзаэмон Второй; Сакураяма Сиродзабуро Второй. *Ятя* — крик одобрения «браво!».

Стр. 710. *Смотри: вот письменный обет!* — Такие обеты писались иногда кровью на амулетах, купленных в храме. Любящие клялись богами и буддами.

Стр. 711. *«Застава в горах...»* — шуточная народная поговорка.

Стр. 714. *Такацуки* — замковый город неподалеку от Осака, резиденция владетельных князей Нагая.

Стр. 718. *О, Наму Амида!||О, три сокровища||Святого Будды!* — Восклицания, вроде: «Господи, спаси!» Три сокровища: будды, буддийское учение, буддийское священство. *Курагари* — гора к юго-востоку от Нодзаки. *Хиэй* — гора к северо-востоку от Киото. *«Кага»* — плетеная шляпа «грибом», которую носили горожанки.

Стр. 719. *Семь-восемь тё...*— около километра. Тё — 109 м.

Стр. 726. *Гятэй-гятэй...*— Пародируются сутры буддийской секты Сипгон, в частности «Пранья парамита сутра» (санскр.). *Онгоро* — обращение к Будде-целителю. *Святой Эн* — Эн-но гёдзэ (см. прим. к с. 652).

Стр. 727. *Молился в храмах на Святой горе...*— Видимо, имеется в виду гора Кимбусэн. *И по дороге в раковины дуют...*— Большая раковина — духовой инструмент, применяемый в буддийском богослужении.

Стр. 728. *Кувадзу* — деревня возле буддийского храма Тэннодзи.

Стр. 729. *...четыре кана серебром...*— Кан — денежная единица значительной ценности.

Стр. 734. *...носить два меча...*— Самурай носили два меча, короткий и длинный.

Стр. 738. *Бог Инари* — божество, связанное с земледельческим культом; изображалось в виде лисицы. Отсюда прозвание монаха — *Белый Лис*.

Стр. 739. *Каммэ* (кан) — денежная единица высокой ценности.

Стр. 740. *Моммэ* — весовая и денежная единица. Тысяча моммэ равна одному кану.

Стр. 741. *Якуси-Нёрай* — Будда-целитель бирюзового цвета. День успения Будды Гаутамы (Сакьямуни) празднуется в пятнадцатый день этой луны.

Стр. 742. *Дзёрури «Священник сокровищницы Закона»* — пьеса для кукольного театра на индийскую религиозную тему, автор и время создания неизвестны. И далее Белый Лис говорит комическую чепуху.

Стр. 743. *Атаго* — место в провинции Ямасиро, где находилась статуя одного из бодхисаттв, представлявшего собой воплощение Будды («гонган»). Атаго по звучанию напоминает слово «атама» (голова). *Будда Асику* (санскр. Акшобха) восседает на лotosовом троне, проповедуя недеянии. Название Асику содержит в себе слово «аси» (ноги). *«Храм ветра»* — маленькое святилище на территории синтоистских храмов Исэ. *Царь Фудо*. — Фудо мёо — божество индийского происхождения, держит в левой руке аркан, которым уловляет преступников. *Беловласому белоусому богу Сирага...* — Такого не существует, но на берегу озера Бива стоит храм, посвященный синтоистскому богу Сарутахико-но микото по прозванию «Белобородый» (Спрахигэ).

Стр. 744. *В карты играя...* — Карты, завезенные в Японию голландцами, имели оёры, названия которых напоминали имена божеств, например, туз «адза» — бог Адзабу; «сяка» — Будда. ...*восьми мириадам богов...* — То есть всему пантеону синтоистских богов. Далее упоминаются и буддийские храмы, расположенные в местах, названия которых использованы для игры слов: *Сага* («сагару») — «скатиться»; *Ясуи* — «дешевый», *Такаясу* — «дорогостояще» (с. 745).

Стр. 745. *Кавати* — название старой провинции.

Стр. 748. ...*кольцами гремит...* — на магическом жезле.

Стр. 753. *Токубэй-доно...* — «Доно» — фамильно-вежливая приставка к имени.

Стр. 758. *Нисин* (1407—1488) — священник буддийской секты Нитирэн. Согласно поверью, творил чудеса исцеления. ...*с фасадом шириной в пять — семь кэн*. — У богатых лавок был широкий фасад. 1 кэн равен 1,82 м.

Стр. 759. ...*немедленно старейшин позову...* — То есть старейшин городских районов, которые наблюдали за порядком.

Стр. 761. *Праздник мальчиков Тэнго*. — Празднуется в пятый день пятого лунного месяца. На домах, где растут сыновья, вывешивали флаги, бумажных карпов, края кровли украшались ирисом и чернобыльником, которым приписывалась магическая сила. По обычаю, перед праздником полагалось расплатиться по всем долговым обязательствам.

Стр. 764. *И гребень — на земле...* — Согласно древнему японскому мифу, когда бог Идзанаги посетил в царстве мертвых свою супругу, богиню Идзанами, он сломал зубец своего гребня и зажег его, чтобы осветить мрак. Потом, спасаясь от преследовавших его демонических существ, он бросил свой гребень на землю (древний жест магии), и тот превратился в бамбуковую чащу. В конце концов Идзанаги пришлось навеки разлучить-

ся со своей женой. ...*два сё масла для лампы и один го...*— Сё равен 1,8 л; го равен 0,18 л. ...*пятьсот восемьдесят мэ...*— Мэ — то же, что моммэ. Курс *нового серебра* был в четыре раза дороже старого,— значительная для небогатого купца сумма.

Стр. 765. *Сакэ* — рисовая водка.

Стр. 767. *Сегодня, по обычаю, пора...*— В праздник Танго вместо теплой одежды надевали легкое платье из конопля, которое называлось аямэ (ирис).

Стр. 776. *Тимаки* — лакомство, приготовленное из рисового теста и завернутое в листья бамбука. Его едят в праздник мальчиков Танго. *Глупец Сюрихандоку* (с а н с к р. Кшудрапантака) — самый глупый из учеников Будды. *Адзясэ* (с а н с к р. Аджашатру) — герой древней индийской легенды. Когда он был еще во чреве матери, прорицатель нагадал царю, его отцу, что дитя вырастет злодеем и погубит родителей. Царь повелел сбросить новорожденного с крыши, но он лишь повредил себе палец на ноге, а впоследствии убил отца и заточил мать в темницу, чтобы захватить престол.

Стр. 783—784. ...*и старейшинам пятидворок...*— В эпоху Токугава каж-дые «пять дворов» в городе объединялись для надзора за нравственностью и порядком. Во главе каждой «пятидворки» стоял избранный старейшина.

Стр. 789. *Гора мечей* — согласно буддийским поверьям, находится в аду, с нее сбрасывают грешников. *Масляный ад*, где грешников жарят на сковороде,— собственная выдумка драматурга. Считалось, что убийцы в аду погружены в Озеро крови.

Стр. 790. *Столица — город Киото. Безводный месяц (минадзуки) — шестая луна.*

Стр. 791. *«Момби»* — праздничные дни в веселых домах, когда гости платили дорожке и одаривали девушек.

Стр. 792. *Она какого ранга куртизанка?* — В веселых домах девушкам присваивались ранги, соответственно взималась плата. Красавица первого ранга (тау) принимала только очень богатых гостей.

Стр. 799. ...*в театре Кабуки играют новую драму.*— Пьесу «Веселый дом с восемью кровлями» драматурга Такэсима Кодзаэмона исполнили в Кабуки в седьмой день седьмой луны 1721 г., за восемь дней до премьеры Тикамацу. Текст не сохранился. Артист Сагава *Бундзо* играл злодеев.

Стр. 804. ...*три рё золотом.*— Одно рё золотом — денежная единица высокой стоимости, в пересчете на серебро примерно 60 моммэ. *Пусть каждой женщине позволит он...*— Согласно буддийским представлениям, женщины не могли стать буддами, надо было раньше возродиться в мужском образе.

Стр. 805. *О душе Убиенной Мёи...*— Усопшим дается посмертное, как бы монашеское, имя. *Тридцать пятая ночь* — канун поминального дня. *Святой Синран* (1173—1262) — основатель буддийской секты Синсю, к которой принадлежала о-Кити.

Стр. 807. ...*один бу, пять ринов...*— Бу, рин — денежные единицы невысокой стоимости.

В. Маркова

СОДЕРЖАНИЕ

ИНДИЯ *

Ю. Алиханова. Классический театр Индии	7
Б х а с а	
Увиденная во сне Васавадатта. Фрагменты. <i>Перевод Веры Потаповой</i>	23
Ш у д р а к а	
Глиняная повозка. Фрагменты. <i>Перевод стихов В. Шефнера, перевод прозы В. Воробьева-Десятовского</i>	48
К а л и д а с а	
Шакунтала, или Перстень-примета. Фрагменты. <i>Перевод стихов С. Липкина, перевод прозы С. Липкина и Б. Захарьина</i> . .	107
Х а р ш а	
Ратнавали, или Жемчужное ожерелье. Фрагменты. <i>Перевод Веры Потаповой</i>	160
Б х а в а б х у т и	
Малати и Мадхава. Фрагменты. <i>Перевод стихов В. Микушевича, перевод прозы И. Серебрякова</i>	189
В а р а р у ч и	
Влюбленные. Бхана. <i>Перевод стихов Веры Потаповой, перевод прозы И. Серебрякова</i>	231

КИТАЙ

В. Сорокин. Китайская классическая драма	247
Г у а н ь Х а н ь - ц и н	
Обида Доу Э. <i>Перевод стихов Арк. Штейнберга и Е. Витковского, перевод прозы В. Сорокина</i>	263

* Резюме содержания опущенных актов всех пьес, кроме «Шакунталы», выполнены И. Серебряковым.

Ма Чжп-юань

Осень в Ханьском дворце. *Перевод стихов Е. Витковского, перевод прозы Е. Серебрякова* 308

Чжэн Тин-юй

Знак «терпение». *Перевод стихов Е. Витковского, перевод прозы В. Сорокина* 347

Неизвестный автор

Убить собаку, чтобы образумить мужа. *Перевод Г. Ярославцева и И. Голубева* 397

Тан Сянь-цзу

Пионовая беседа. Фрагменты. *Перевод Л. Меньшикова* 449

Хун Шэн

Дворец вечной жизни. Фрагменты. *Перевод стихов Е. Витковского, перевод прозы Т. Малиновской* 471

Кун Шан-жэнь

Веер с персиковыми цветами. Фрагменты. *Перевод стихов Е. Витковского, перевод прозы Т. Малиновской* 500

Ян Чао-гуань

Отмененный пир. *Перевод В. Сорокина* 524

ЯПОНИЯ

Вера Маркова. Классический японский театр 539

Каннам Киёцугу (?)

Гробница Комати. *Перевод В. Сановича* 560

Дзэам Мотокиё

Такасаго. *Перевод Веры Марковой* 575

Горная ведьма. *Перевод Веры Марковой* 589

Киёцунэ. *Перевод Т. Делюсиной* 607

Кандзэ Кодзиро Нобумицу

Фуна-Бэнкэй. *Перевод Т. Делюсиной* 616

Фарсы-кёгэн. Переводы В. Логуновой

Удар в нос 626

Гусь и даймё 632

Два даймё 635

Женщина, вымазавшаяся тушью 638

Подаяния не дали 641

Кости, кожа и послушник	646
Моление об исцелении поясницы	650
Бог Дэидзо из Каваками	653
<i>Тикамацу Мондзаэмон. Переводы Веры Марковой</i>	
Ночная песня погонщика Ёсаку из Тамба. Фрагменты	656
Масляный ад	691
<i>Примечания И. Серебрякова, В. Сорокина, Л. Меньшикова,</i>	
<i>Т. Малиновской, В. Сановича, В. Марковой, Т. Делюсиной</i>	815

На передней стороне суперобложки:

Харунобу. Гетера Тиёдзуру, из серии «Состязание красавиц Ёсивара».

На задней стороне суперобложки:

Лань Ин. В осеннем пейзаже ищет стихи.

БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
СЕРИЯ ПЕРВАЯ
том 17

КЛАССИЧЕСКАЯ ДРАМА ВОСТОКА

Редакторы

В. Санович и М. Ваксмахер

Оформление «Библиотеки»

Д. Бисти

Художественный редактор

Ю. Коннов

Технический редактор

В. Кулагина

Корректоры

Д. Эткина и Н. Шарбанова

★

Сдано в набор 27/II 1976 г. Подписано к печати 20/VII 1976 г. Бумага типогр. № 1. Формат 60 × 84¹/₁₆. 55 печ. л. 51,31 усл. печ. л. 49,609 + 8 нак. = 50,473 уч.-изд. л. Тираж 303 000 экз. 2-ой завод: 153 001—303 000 экз. Заказ № 494. Цена 2р. 41 к.

Издательство

«Художественная литература»

Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

★

Набрано и сматрицировано в ордена
Ленина типографии

«Красный пролетарий».

Москва, Краснопролетарская, 16,
отпечатано в ордена Трудового
Красного Знамени Первой Образо-
вой типографии им. Жданова Союз-
полиграфпрома при Государственном
комитете Совета Министров СССР по
делам издательств полиграфии и
книжной торговли. Заказ № 616.

Москва, М-54, Валуевая, 28

感天動地實娥冤

做賣千里筆

珍做宋版印

昭君出塞

壬午新秋劉超於雲
打溪隱外春舊

楊貴妃曉日荔枝香

元曲選

圖

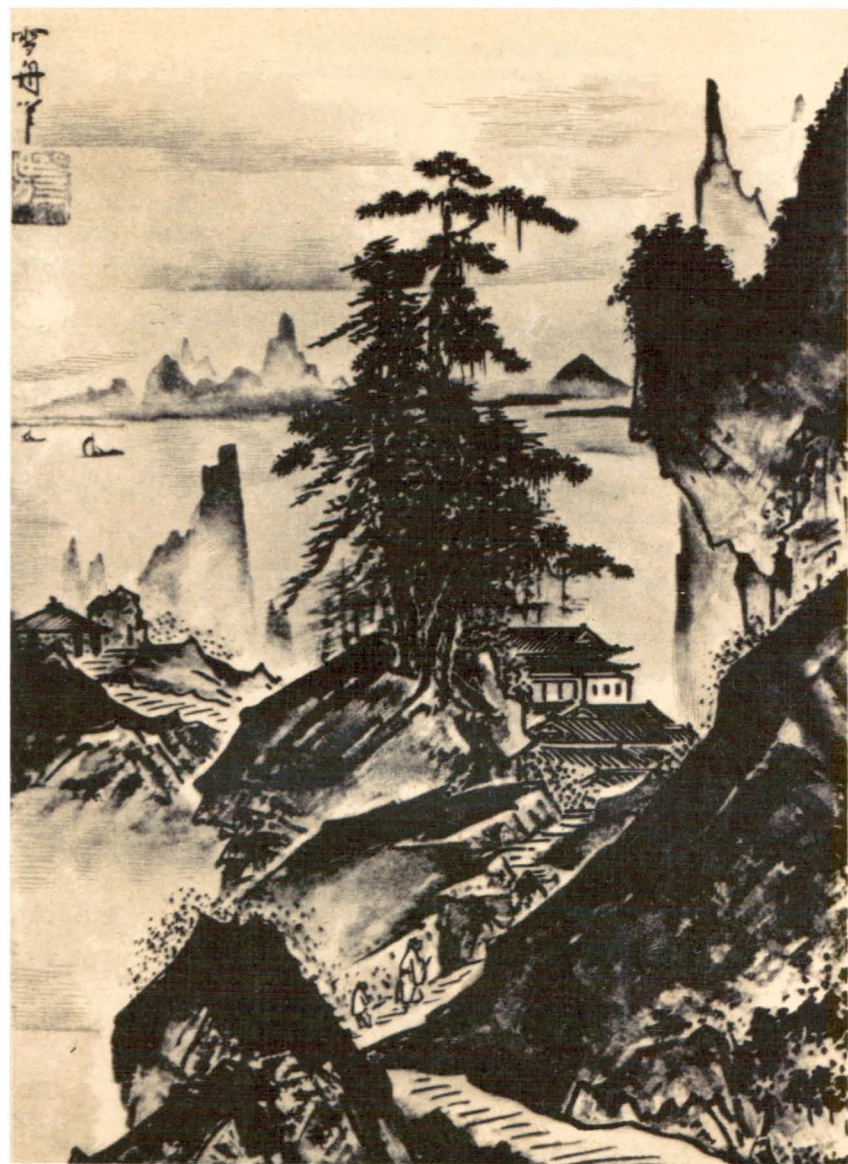
梧桐雨

中華書局聚

天飛聞

東洲齋寫樂画

題松靈法
卷一
蘇漢

